

3 and
2

А. М. Кумишоръ.

ЭВОЛЮЦІЯ
ПРИБЫЛИ СЪ КАПИТАЛА

ВЪ СВЯЗИ

СЪ РАЗВИТИЕМЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ

ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.

ТОМЪ ВТОРОЙ

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

(Характеръ промышленной прибыли.—Ученія о прибыли).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типо-Лит. А. Г. Розена. Театральная площадь, 2.

1906.

Digitized by Google

Д. М. Кулишеръ.

ЭВОЛЮЦІЯ
ПРИБЫЛИ СЪ КАПИТАЛА

ВЪ СВЯЗИ

СЪ РАЗВИТИЕМЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ

ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.

ТОМЪ ВТОРОЙ

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

(Характеръ промышленной прибыли.—Ученія о прибыли).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типо-Лит. А. Г. Розена. Театральная площадь, 2.

1908.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ основу моего двухтомнаго сочиненія о прибыли съ капитала легли статьи, печатавшіяся на нѣмецкомъ языкѣ. Представляя на судъ русской науки и читающей публики, авторъ подвергъ ихъ коренной переработкѣ и дополнилъ новыми изслѣдованіями.

Раздѣленіе всего труда на два тома вызвано не только чисто внѣшнимъ обстоятельствомъ—объемомъ его, но и тѣмъ соображеніемъ, что каждая изъ двухъ частей представляетъ собою нѣчто цѣльное и самостоятельное. Первый томъ есть прежде всего обзоръ развитія промышленности и торговли вплоть до XVIII вѣка—этому предмету по необходимости отведено центральное мѣсто, тогда какъ самая теорія прибыли представлена лишь въ видѣ конечныхъ выводовъ, вытекающихъ изъ характера промышленности и торговли этихъ періодовъ. Критика подмѣтила это обстоятельство, но упустила изъ виду, что оно вызывалось необходимостью, что иначе авторъ и не могъ поступить ¹⁾.

¹⁾ М. И. Туганъ-Барановскій указываетъ на то, что „примѣры чудовищной прибыли въ области международной торговли, приводимые авторомъ почти для всѣхъ историческихъ эпохъ, вплоть до XVIII вѣка, еще очень мало характеризуютъ общій уровень капиталистической прибыли въ той или иной странѣ, въ ту или иную историческую эпоху“ и упрекаетъ автора въ томъ, что „объ этой то обычной прибыли, которая гораздо интереснѣе для историка хозяйства, авторъ какъ бы совершенно забываетъ на протяженіи почти

Иное дѣло—томъ второй. Онъ всецѣло посвященъ вопросу о характерѣ прибыли въ XIX вѣкѣ, притомъ только промышленной прибыли. Последняя представляетъ собою наиболѣе важный видъ прибыли съ капитала въ XIX вѣкѣ и въковой споръ въ экономической наукѣ ведется именно изъ за нея. Анализируя прибыль въ XIX вѣкѣ, автору приходилось конечно касаться цѣлага ряда разнообразныхъ вопросовъ хозяйственной жизни этой эпохи, но они затронуты лишь постольку, поскольку это казалось автору необходимымъ для выясненія характера прибыли, почему они только съ этой точки зрѣнія и рассматриваются и на самостоятельное значеніе претендовать не могутъ.

Центръ тяжести второго тома составляетъ доказательство выставляемаго авторомъ положенія, согласно которому прибыль въ XIX вѣкѣ получается не только отъ (физическаго или исполнительнаго) труда рабочаго, но также и прежде всего отъ творческаго труда изобрѣтателя, воплощаемаго въ машинахъ, двигателяхъ, аппаратахъ, во всевозможныхъ усовершенствованіяхъ и улучшеніяхъ техники, применяемыхъ въ производствѣ. Девятнадцатый вѣкъ есть вѣкъ изобрѣтеній, и эти изобрѣтенія не только создали богатство, вслѣдствіе удешевленія товаровъ, но и прибыль, получаемую капиталистомъ-предпринимателемъ, хотя нельзя отрицать

всей своей работы“ и что авторъ „игнорируетъ движеніе ссуднаго процента, хотя именно въ этомъ движеніи онъ могъ бы найти руководящую нить для изслѣдованія измѣненія прибыли въ разныя историческія эпохи“. По этому поводу считаю нужнымъ указать прежде всего на то, что о какомъ-либо среднемъ уровнѣ прибыли для предшествующихъ XVIII—XIX ст. эпохъ вообще не можетъ быть рѣчи, ибо—какъ выяснено въ первомъ томѣ—не было еще тѣхъ условий, которыя бы заставляли прибыль стремиться къ одному общему уровню. Колебанія же ссуднаго процента, о которыхъ говоритъ М. И. Туганъ-Барановскій (и которыя онъ приводитъ), представляютъ собою прежде всего не дѣйствительно взимаемый въ ту или иную эпоху процентъ, а тотъ обязательный максимальный процентъ, который допускается различными постановленіями, и который былъ всегда значительно ниже дѣйствительно получаемаго. По этой то причинѣ и большинство сдѣлокъ не даютъ намъ представленія о размѣрахъ выговореннаго процента—въ средніе вѣка, когда взиманіе его было вовсе запрещено, онъ включался въ капитальную сумму или выражался въ какихъ-либо дополнительныхъ „подаркахъ“ или „расходахъ“, позже—дѣйствительный размѣръ маскировался различными условіями, включаемыми въ

того, что рядомъ съ этимъ источникомъ прибыли продолжалъ и продолжаетъ существовать отчасти и до сихъ поръ другой источникъ — трудъ рабочаго.

Только съ установленіемъ характера прибыли въ XIX вѣкѣ выяняется послѣднее звено въ той цѣпи, которую представляетъ собою эволюція прибыли. Эволюція прибыли можетъ быть выражена въ слѣдующихъ четырехъ фазисахъ; періодъ возникновенія прибыли изъ насильственного захвата имущества; періодъ прибыли, получаемой изъ дохода потребителя, являющагося болѣе слабой стороною на рынкѣ; періодъ прибыли, извлекаемой изъ труда рабочаго хозяиномъ, который первоначально пользуется и юридически властью надъ рабочимъ, на сторонѣ котораго въ послѣдствіи стоитъ государство и который еще позже является экономически болѣе сильнымъ на рынкѣ труда; наконецъ, періодъ прибыли, источникъ которой составляетъ творческій трудъ изобрѣтателя. При этомъ конечно не слѣдуетъ забывать, что данный источникъ прибыли является въ каждый періодъ лишь наиболее важнымъ, но не единственнымъ, ибо рядомъ съ нимъ мы находимъ (въ видѣ пережитковъ) также источники прибыли, характерные для предшествующихъ періодовъ.

Довольно много мѣста во второмъ томѣ отведено изложенію и критикѣ различныхъ взглядовъ на прибыль въ XIX вѣкѣ. При этомъ однако, рассматривая ученія о прибыли, авторъ, въ противоположность извѣстному труду Бемъ-Баверка, интересовался не анализомъ взглядовъ того или

слѣлку. Далѣе поскольку имѣются данныя о дѣйствительныхъ размѣрахъ процента, они касаются преимущественно процента, уплачиваемаго въ потребительномъ (государственномъ или частномъ), позже и въ земельномъ кредитѣ, но не въ области промышленности и торговли, гдѣ кредитъ до XVII—XVIII ст. почти не практиковался; его замѣняли всевозможныя формы ассоціацій. Наконецъ, даже поскольку имѣются свѣдѣнія о ссудномъ процентѣ въ сферѣ коммерческаго кредита, они далеко не всегда позволяютъ дѣлать выводъ о размѣрахъ прибыли, выручаемой въ предпріятіи, ибо въ эпоху искусственнаго стѣсненія торговаго обмѣна государствомъ предоставленіемъ монополіи немногимъ крупнымъ компаніямъ, лица, не попавшія въ число участниковъ послѣднихъ, не находили помѣщенія для своихъ капиталовъ и соглашались уступать ихъ за небольшой процентъ въ то самое время, когда торговая прибыль, выручаемая монопольными ассоціаціями, достигала огромныхъ размѣровъ.

другого писателя, а выясненіемъ, общаго направленія въ
 развитіи ученія о прибыли и установленіемъ связи между
 различными направленіями и дѣйствительной жизнью. По-
 этому и критика автора ограничивается оценкой сущности
 ученія о прибыли того или иного направленія, не вдаваясь
 въ разсмотрѣніе тѣхъ отличій, которыя имѣются въ теоріяхъ
 отдѣльных экономистовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Свободная конкуренція и новая техника производства.—Двоякаго рода трудъ въ XIX вѣкѣ	1—59
I. Переворотъ въ области обмѣна	1—13
Усовершенствованные пути сообщенія. Каналы. Шоссейныя дороги. Железнодорожная сѣть. Океанское пароходство. Таможенныя реформы. Пониженіе тарифныхъ ставокъ. Паденіе цѣнъ на промышленныя издѣлія.	
II. Переворотъ въ области техники производства	13—27
Новыя изобрѣтенія XVIII вѣка. Потребность въ силѣ пара въ горномъ дѣлѣ. Водоподѣмная машина Сэвери. Усовершенствованная машина Ньюкомена и Коуле. Паровая машина Уатта; примѣненіе ея въ горномъ дѣлѣ; въ обрабатывающей промышленности. Прядильная машина. Недостатокъ въ пряжѣ въ XVIII ст. Недостатокъ въ ткачахъ послѣ изобрѣтенія прядильной машины. Потребность замѣны древеснаго угля минеральнымъ топливомъ. Истребленіе лѣсовъ. Изобрѣтеніе Дэрби.	
III. Переворотъ въ области техники производства (продолженіе)	27—34
Вліяніе развитія естественныхъ наукъ и техники на появленіе новыхъ изобрѣтеній. Отрицаніе этого вліянія (Брентано. Шульце-Геверницъ. Гобсонъ. Шмоллеръ). Паровая машина—результатъ прогресса въ области науки. Изобрѣтатели въ области прядильно-ткацкаго производства были часовщиками, механиками. Связь между часовымъ искусствомъ и новыми научными открытіями.	
IV. Появленіе творческаго труда изобрѣтателя	34—44
Возрастаніе продукта, благодаря введенію машинъ. Кѣмъ созданъ добавочный продуктъ? Роль физическаго труда до появленія машинъ и съ примѣненіемъ послѣднихъ. Дѣятельность машины. Роль творческаго труда. Понятіе производительности труда. Двоякаго рода трудъ въ XIX вѣкѣ. Проблема прибыли съ капитала въ отношеніи XIX вѣка.	

V. Творческій трудъ до XIX вѣка 44—59

Изобрѣтенія и изобрѣтатели въ средніе вѣка. Запрещеніе новшествъ. Присвоеніе цехомъ продуктовъ творческаго труда. Сохраненіе усовершенствованія въ тайнѣ изобрѣтателемъ. Изобрѣтенія XVI—XVIII ст. Преслѣдованіе ленточнаго станка и чулко-вязальной машины. Привилегіи на изобрѣтенія. Борьба цеховъ. Секреты. Введеніе патентнаго права въ Англіи въ 1823 г. Вліяніе этого на положеніе изобрѣтателей машинъ. Творческій трудъ до конца XVIII вѣка и въ XIX вѣкѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Творческій трудъ изобрѣтателя какъ источникъ прибыли съ капитала въ первыя двѣ трети XIX вѣка 60—100

I. Прибавочный продуктъ, созданный творческимъ трудомъ 60—68

Изобрѣтатели въ области прядильнаго производства. Безвозмездное присвоеніе продуктовъ ихъ труда предпринимателями. Поль и Вайэттъ. Харгривсъ. Кромптонъ. Робертсъ. Изобрѣтатели въ области ткацкаго производства. Джонъ Кэй. Картрайтъ. Шелковая промышленность. Жакаръ. Льняная промышленность. Жиранъ.

II. Прибавочный продуктъ, созданный творческимъ трудомъ (продолженіе) 69—79

Изобрѣтатели въ области металлургической промышленности. Дэрби. Кранеджи. Кортъ. Гентсменъ. Борьба англійскихъ фабрикантовъ съ Аркрайтомъ. Лишеніе его патента. Кто воспользовался творческимъ трудомъ Аркрайта? Положеніе Уатта. Первые фабриканты въ Англіи.

III. Превращеніе прибавочнаго продукта, созданнаго творческимъ трудомъ, въ прибавочную цѣнность (прибыль) 79—87

Продолжительность періода распространенія первыхъ машинъ въ Англіи и на континентѣ. Препятствія, задерживавшія распространеніе ихъ. Прядильныя машины въ хлопчатобумажной промышленности. Первый періодъ. Англія. Саксонія. Санктъ-Галленъ. Второй періодъ. Третій періодъ. Переходъ прибавочнаго продукта къ потребителю.

IV. Превращеніе прибавочнаго продукта, созданнаго творческимъ трудомъ, въ прибавочную цѣнность (прибыль). (Продолженіе) 88—100

Распространеніе механическаго ткацкаго стана въ хлопчатобумажной промышленности. Пятидесятилѣтній періодъ распространенія машинъ до всеобщаго ихъ примѣненія. Прядильная машина и ткацкій станъ въ шерстяной промышленности. Англія. Значеніе Кокериля. Монополія Ахена. Льняная промышленность. Распространеніе изобрѣ-

тенія Жирана. Металлургическая промышленность. Примѣненіе минеральнаго топлива и puddlingованія. Конкуренція Англіи. Распространеніе паровой машины. Понятіе мононольнаго дохода.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Трудъ рабочаго какъ источникъ прибыли съ капитала въ первыя двѣ трети XIX вѣка. 101—141

I. Интенсивность труда, продолжительность рабочаго времени и размѣры денежной платы до и послѣ появленія машинъ и фабрикъ. 101—114

Неприспособленность рабочихъ къ труду на машинахъ въ первый періодъ фабричнаго производства. Продолжительность рабочаго дня въ средніе вѣка. Германія. Франція. Англія. Продолжительность рабочаго дня въ XVI—XVIII ст. Англія. Германія. Франція. Сокращеніе рабочаго дня въ первой половинѣ XIX вѣка на фабрикахъ, сохраненіе прежней продолжительности въ кустарной промышленности. Германія. Швейцарія. Англія. Размѣры заработной платы въ XVIII и въ XIX ст. Англія. Фабрика и ручное производство. Саксонія. Швейцарія. Франція.

II. Положеніе рабочихъ 114—128

Причины печальнаго положенія рабочихъ въ эпоху введенія машинъ. Заработная плата (денежная) и цѣны на хлѣбъ въ Англіи и Саксоніи. Ростъ населенія въ Англіи и Саксоніи. Положеніе рабочихъ во Франціи. Движеніе населенія. Свободный рабочій договоръ. Его значеніе для рабочихъ этой эпохи. Отмѣна таксъ. Безпомощность рабочаго.

III. Примѣненіе труда женщинъ и дѣтей до и послѣ появленія машинъ и фабрикъ. 128—141

Поощреніе примѣненія труда малолѣтнихъ въ области кустарной промышленности XVII—XVIII ст. Фридрихъ Вел. и Марія-Терезія. Франція. Англія. Пользованіе трудомъ сиротъ изъ домовъ призрѣнія при появленіи фабрикъ и ранѣе въ кустарной промышленности. Пользованіе трудомъ малолѣтнихъ на мануфактурахъ XVII—XVIII ст. Разница между періодомъ до XIX ст. и XIX ст. Почему прежде покровительствовали распространенію труда малолѣтнихъ? Борьба съ нимъ въ XIX вѣкѣ. Два источника прибавочнаго продукта и прибавочной цѣнности.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Ученія о прибыли съ капитала въ первыя двѣ трети XIX вѣка. 142—241

I. Рикардо и его послѣдователи. 142—151

У Рикардо нѣтъ объясненія происхожденія прибыли. Трудъ какъ мѣрило, но не какъ источникъ цѣнности. Отсутствие взгляда на прибыль какъ на доходъ неправомѣрный. Послѣдователи Рикардо. Состояніе ученія о прибыли.

- II. Теорія производительности 151—166
- Историческія основы ея. Теорія Сэ. Теорія Лодердала. Ихъ послѣдователи (Тюненъ, Рошеръ, Леруа-Болье, Клейнвехтеръ). Теорія Страсбургера. Сведеніе капитала къ труду. Капиталь и техническія усовершенствованія.
- III. Теорія експлоатаціи 166—182
- Ея исходная точка. Теорія Сисмонди. Отсутствие конечнаго вывода. Англійскіе социалисты. Теорія Годжжина. Ея двойственность. Джонъ Гре. Джонъ Френсисъ Бре. Ученіе Томпсона. Его трудовая теорія цѣнности. Его взглядъ на понижающуюся конкретную полезность предметовъ. Вычеты изъ продукта труда. Ихъ несправедливость. Конечный выводъ. Значеніе Томпсона.
- IV. Теорія експлоатаціи. (Продолженіе) 182—190
- Французскіе социалисты. Сэнъ-Симонъ и его послѣдователи. Ученіе Прудона. Нѣмецкіе социалисты. Ученіе Лассалья. Ученіе Родбертуса. Эксплоатація въ предшествующіе періоды. Производительность труда.
- V. Теорія експлоатаціи. (Продолженіе) 190—211
- Ученіе Маркса. Періоды хозяйственной жизни. Характеръ прибыли въ средніе вѣка и въ XVI—XVII ст. Прибыль при капиталистическомъ строѣ. Роль рабочихъ союзовъ и социальнаго законодательства. Пессимистическій взглядъ на капитализмъ. Вліяніе машинъ. Законъ трудовой цѣнности. Стремленіе прибыли къ одному уровню. Прибыль, возникающая въ процессѣ обмѣна. Трудъ физическій и трудъ творческой. Двойственность теоріи Маркса. Понятіе общественно-необходимаго рабочаго времени. Отличіе его отъ трудовой цѣнности.
- VI Теорія воздержанія 211—233
- Положеніе ученія о прибыли послѣ появленія експлоатаціонной теоріи. Два лагеря. Защита прибыли. Росси. Другіе сторонники ея. Возникновеніе теоріи воздержанія въ XVIII вѣкѣ. Ученіе Сеніора. Послѣдователи его. Молинари. Рошеръ. Курсель-Сенель. Отношеніе Бемъ-Баверка къ теоріи воздержанія. Глумленія надъ ней Лассалья и Маркса. Причина этого. Критика Маркса. Воздержаніе какъ явленіе отрицательное. Индивидуалистическій взглядъ на прибыль. Факты дѣйствительной жизни. Капиталисты XVII—XVIII ст. Дальнѣйшій ростъ крупной промышленности. Расточительность. Въ какомъ смыслѣ можно говорить о воздержаніи? Внутреннее противорѣчіе этой теоріи.
- VI. Теорія утилизаціи 234—241
- Ученіе Германа и Кнуса. Нассе. Митгофъ. Связь между теоріей воздержанія и теоріей утилизаціи. Кнись. Германъ. Шефле. Ученіе Менгера. Критика

Бемъ-Баверка. Поправки къ ней. Смѣшеніе первоначальнаго дохода съ производнымъ. Устарѣлость этой теоріи.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Творческій трудъ какъ источникъ прибыли съ капитала въ послѣдней трети XIX в. 242—272

Изобрѣтатели второй половины XIX вѣка. Ихъ положеніе по сравненію съ изобрѣтателями предыдущаго періода. Переворотъ въ металлургической промышленности. Бессемеръ. Вытѣсненіе пудлингованія. Текстильная промышленность. Сельфакторъ Робертса. Химическая промышленность, примѣненіе электричества. Прибыль, извлекаемая изъ крупныхъ изобрѣтеній. Мелкія изобрѣтенія и ихъ значеніе въ этомъ періодѣ. Прибыль, получаемая отъ нихъ. Право предпринимателя на изобрѣтенія служащихъ въ предпріятіи. Конкуренція среди представителей умственнаго труда. Монопольное положеніе крупныхъ предпріятій. Первое примѣненіе и дальнѣйшее распространеніе новыхъ изобрѣтеній. Постепенный переходъ продукта творческаго труда къ потребителю. Борьба между посредниками. Вытѣсненіе ихъ. Паденіе цѣнъ въ послѣдніа десятилѣтія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Трудъ рабочаго какъ источникъ прибыли съ капитала въ послѣдней трети XIX в. 273—348

I. Постепенное исчезновеніе прибыли, извлекаемой изъ труда рабочаго 273—286

Измѣненіе въ характерѣ труда рабочаго съ развитіемъ машинной техники. Возрастаніе интенсивности труда. Сокращеніе рабочаго дня и увеличеніе творческаго труда. Ростъ заработной платы. Англія. Соединенные Штаты. Бельгія. Франція. Германія. Выводъ изъ этого. Вліяніе сдѣльной платы.

II. Роль рабочихъ организацій въ дѣлѣ уничтоженія прибыли, извлекаемой изъ труда рабочаго 286—304

Индивидуальный и коллективный рабочій договоръ. Рабочія ассоціаціи прежде и теперь. Выгоды единенія. Сила рабочихъ при коллективномъ договорѣ. Результаты, достигнутые въ Англіи. Мнѣніе Энгельса. Союзы и коллективныя соглашенія въ Соед. Штатахъ. Положеніе американскихъ рабочихъ въ крупной промышленности. Данныя, сообщаемыя различными авторами. Писторъ. Кольбъ. Результаты анкеты. Гейссъ. Левасеръ.

III. Тенденція дальнѣйшаго развитія прибыли 305—311

Нынѣшняя эпоха какъ переходная къ совершенному уничтоженію прибыли. Переходъ отъ демократизаціи къ социализаціи производства. Взгляды Зомбарта, Лампрехта, Шмоллера и другихъ экономистовъ.

- V. Стремленіє къ сокращенію прибыли, извлекаемой изъ ра бочаго въ континентальныхъ странахъ 312—326

Рабочіе въ металлургической, стекольной и др. отрасляхъ промышленности Германіи. Рабочіе въ текстильной индустріи Германіи. Саксонія, Лузація, Прирейнскія мѣстности, Эльзась. Другія германскія страны. Развитіе промышленности и рабочихъ союзовъ въ Германіи. Другія государства. Общій выводъ. Значеніе крупнаго производства въ дѣлѣ сокращенія эксплуатаціи рабочаго.

- V. Эксплуатація рабочихъ въ области домашней промышленности и ремесла 325—337

Потогонная система и извлеченіе прибыли изъ труда рабочаго. Чѣмъ вызывается эксплуатація рабочаго на дому? Роль посредника. Прибыль скупщика. Паденіе цѣнъ на промышленныя надѣля, первенствующее значеніе этого момента. Современное положеніе домашней промышленности въ Англіи, Германіи, Швейцаріи, Бельгіи.

- VI. Эксплуатація рабочихъ въ области домашней промышленности и ремесла. (Продолженіе) 337—348

Сокращеніе числа кустарей въ различныхъ странахъ Западной Европы. Новыя отрасли кустарной промышленности. Борьба съ послѣдними. Проекты полнаго запрещенія. Проекты примѣненія двигательной силы. Регламентация труда. Взгляды на будущность ремесла. Эксплуатація малолѣтнихъ. Кто извлекаетъ изъ нея выгоду?

- ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Ученія о прибыли съ капитала въ концѣ XIX вѣка 349—416**

- I. Вліяніе измѣнившихся социальныхъ условий на ученіе о прибыли. Старое и новое направленіе. 349—364

Сближеніе двухъ враждебныхъ лагерей. Превращеніе проблемы прибыли изъ практической въ чисто научную. Взглядъ Бемъ-Баверка. Представители стараго направленія. Кауцкій. Вольфъ. Новое направленіе. Теорія трудовой цѣнности и теорія прибыли, извлекаемой изъ труда рабочаго. Теорія Бернштейна. Теорія Зомбарта. Прибыль, получаемая отъ потребителя. Экономическое развитіе въ XIX вѣкѣ.

- II. Новыя направленія въ ученіи о прибыли. (Продолженіе). 364—377

Теорія Лексиса. Теорія Дитцеля и возраженія противъ нея Бемъ-Баверка. Несостоятельность ихъ. Критика Дитцеля. Теорія Оппенгеймера. Минимальная эксплуатація. Теорія М. И. Туганъ-Барановскаго. Значеніе творческаго труда, соединеніе теоріи производительности и теоріи эксплуатаціи.

Теорія П. И. Георгіевскаго. Значеніе общественности. Массовой общественный процессъ какъ источникъ добавочнаго продукта.

III. Ученіе Бемъ-Баверка о прибыли съ капитала . . . 377—385

Общій характеръ теоріи Бемъ-Баверка. Троякаго рода причины, вызывающія меньшую цѣнность предметовъ будущихъ по сравненію съ предметами настоящими. Соотношеніе между этими тремя моментами. Созрѣваніе предметовъ будущихъ.

IV. Критика ученія Бемъ-Баверка . . . ; . . . 385—408

Отношеніе Бемъ-Баверка къ фактическому материалу. Методологическая ошибка. Невозможность и фактическая несостоятельность положенія относительно переоцѣнки настоящихъ потребностей. Неправильность положенія о болѣе благоприятномъ соотношеніи между потребностями и запасомъ въ будущемъ. Примѣнимость первыхъ двухъ положеній къ потребительному кредиту. Неправильность положенія о болѣе выгоды болѣе продолжительныхъ периодовъ производства. Сокращеніе какъ процессовъ труда, такъ и промежутковъ между ними. Примѣры изъ жизни. Какіе процессы производства наиболѣе выгодны? Болѣе высокая оцѣнка предметовъ настоящаго какъ результатъ, а не причина существованія прибыли.

V. Критика ученія Бемъ—Баверка. (Продолженіе).—
Теорія Маршала 404—416

Несостоятельность положенія, что рабочіе получаютъ взаимѣнь предметовъ будущихъ предметы настоящіе. Плата, получаемая по окончаніи всего продукта. Продолжительность производства и сроки уплаты. Конкуренція на рынкѣ труда.—Теорія выжиданія Маршала. Оцѣнка предметовъ настоящихъ и будущихъ прежде и теперь.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Уровень прибыли 417—439

Теорія зависимости уровня процента отъ производительности послѣдняго капитала; объясненіе паденія процента отсутствіемъ выгодныхъ приложений капитала. Ученіе Бемъ-Баверка, Леруа-Болье и Ольни де Буруиля. Причины низкаго уровня процента въ различныя эпохи. Характеръ желѣзнодорожнаго дохода. Несостоятельность положенія о сокращеніи технической производительности промышленныхъ капиталовъ. Чѣмъ определяется ихъ экономическая производительность? Мнѣніе С. Марголина. Пониженіе уровня прибыли. Фактическія данныя. Неправильность предсказаній Буруиля. Крупныя изобрѣтенія послѣдняго времени. Предположенія относительно развитія техники въ будущемъ. Моменты, вызывающіе ускореніе въ распространеніи новыхъ изобрѣтеній. Заключение.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать:
8	7 снизу.	съ 110 до 400 милл. мар.	съ 5 $\frac{1}{2}$ до 20 милл. ф. стерл.
—	5 „	„ 390 до 1,465 милл. мар.	„ 18 $\frac{1}{2}$ до 73 милл. ф. стерл.
12	10—11 снизу.	которыя совпали съ уровнемъ	которыя приблизились къ уровню
78	3 снизу.	время ¹⁾	время ²⁾ .
—	—	<i>Пропущено прим. ¹⁾ Reuleaux. p. 52.</i>	
—	Примѣч.	¹⁾	²⁾
109	Прим. 2	The wornin classes during the longest reign.	Labor in the longest reign. London. 1897.
150	10 снизу.	флота	отвѣта
—	Прим.	Leroy-Beaulieu d'e économie polttique. 2—сéd.	Leroy-Beaulieu d'économie politique. 2-e éd.
190	(глава) IV		V
211	(глава) V		VI
233	3 въ прим.	процентъ является.	процентъ, получаемый за отданный займы капиталъ, является
234	(глава) V		VII
305	6—7 снизу.	стороны развитіе рабочихъ ассоціацій, которое	стороны; развитіе рабочихъ ассоціацій
356	12 „	крупными, онъ отрицаетъ	крупными, и противъ т. наз. теоріи обнищанія, онъ отрицаетъ далѣе
377	14 сверху	прежняго	предшествующаго
408	8 „	говорить на то, что	говорить, что
412	5 сверху	теорію цѣнности	теорію различія въ цѣнности
416		<i>выбросить</i> второе примѣчаніе.	

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Свободная конкуренція и новая техника производства.—Двоякаго рода трудъ въ XIX вѣкѣ.

I.

Періодъ XVI—XVIII ст. составляетъ эпоху постепеннаго развитія народнаго хозяйства, постепеннаго объединенія въ хозяйственномъ отношеніи, все болѣе и болѣе крупныхъ территориальныхъ единицъ вплоть до полной замѣны городского хозяйства національнымъ, охватывающимъ страну на всемъ ея протяженіи. Въ XIX вѣкѣ и національныя преграды раздвигаются и мало по малу весь міръ превращается въ одинъ огромный рынокъ, куда находятъ доступъ товары всѣхъ странъ и частей свѣта ¹).

Въ то время, какъ въ XVI—XVIII ст. экономическая политика направлена къ возможному устраненію препятствій естественныхъ и искусственныхъ, стѣсняющихъ обмѣнъ товаровъ въ предѣлахъ государства, въ XIX вѣкѣ цѣлью является создать свободный обмѣнъ, не знающій отдѣльныхъ государствъ, создать мировую торговлю и мировой рынокъ. И если въ предшествующія столѣтія дѣйствительно ожи-

¹) Относительно дальнѣйшаго см. Schmoller. Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre. B. I. II. Leipzig. 1900-1904. Его же. Geschichte der deutschen Kleingewerbe im XIX Jahrh. 1870. Lamprecht. Zur jüngsten deutschen Vergangenheit. B. II. T. 1. Freiburg. 1903. Sombart. Die deutsche Volkswirtschaft im 19. Jahrh. Berlin 1903. Cohn. Nationalekonomik des Handels und Verkehrswesens. Stuttgart 1899. Sax. Verkehrsmittel. B. I-II. 1878—1879. Engel. Das Zeitalter des Dampfes. Berlin. 1881. Foville. La transformation des moyens de transport. Paris. 1880. Held. Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands. Leipzig. 1881. Георгиевскій. Международная хлебная торговля. Т. I. Спб. 1885. Mantoux. La révolution industrielle au XVIII siècle. Paris. 1906.

вился обменъ въ предѣлахъ каждой данной страны и былъ уничтоженъ рядъ препятствій, стоявшихъ у него на пути, а отчасти возникли и международныя сношенія, хотя и въ зачаточномъ видѣ,—то въ минувшемъ вѣкѣ все еще сохранявшіяся стѣсненія внутри странъ отошли въ вѣчность, и обращеніе товаровъ между отдѣльными странами превратилось изъ явленія случайнаго и лишеннаго существеннаго экономическаго значенія въ фактъ первостепенной важности, обуславливающийъ все проявленія экономической жизни XIX вѣка. Переворотъ произошелъ во всѣхъ областяхъ торговаго обмена, всюду проникла конкуренція, но едва ли не наибольшее значеніе совершившаяся со второй половины XVIII вѣка переменна въ области обмена имѣла для обрабатывающей промышленности. Промышленныя издѣлія, изготовленныя въ данной мѣстности, дѣйствительно конкурируютъ съ издѣліями всего міра,—всякое улучшеніе въ сферѣ транспорта, организациі торговли, устраненіе какихъ-либо преградъ, вреде всего отзывается на торговлѣ произведеніями промышленности, увеличиваетъ обращеніе промышленныхъ издѣлій во много разъ и именно такого рода измѣненіями, произведенными въ широкихъ размѣрахъ, характеризуется минувшее столѣтіе. При господствовавшихъ въ XVII—XVIII ст. способахъ перевозки товаровъ оживленный обменъ товаровъ между болѣе или менѣе отдаленными другъ отъ друга мѣстностями былъ положительно немислимъ, международная торговля при самой болшей свободѣ торговли не могла бы развиваться до появленія шоссейныхъ дорогъ, сѣти каналовъ, пароходовъ, желѣзнодорожнаго сообщенія.

Съ 1755 года въ Англіи начинается эпоха сооруженія каналовъ; уже первый изъ нихъ соединилъ Ливерпуль съ Манчестеромъ, и сразу стоимость перевозки товаровъ изъ одного города въ другой понизилась вдвое второй, построенный въ 1771 году, — Ливерпуль съ Лидсомъ; каналъ между рѣками Мерсей и Трентъ, оконченный въ 1777 г., соединилъ Сѣверное Море съ Ирландскимъ. Наибольшее количество каналовъ было построено между 1790 и 1805 гг., въ особенности въ центральной и сѣверной Англіи. Въ Ланкаширѣ появилась цѣлая сѣть каналовъ, и благодаря имъ въ значительной мѣрѣ онъ вскорѣ сталъ центромъ хлопча-

тобумажной индустрии; центр льняной промышленности Галифаксъ был соединен двумя различными путями съ Манчестеромъ. Въ области Бирмингама и Мертиръ-Тидвила, гдѣ сконцентрировалась металлургическая промышленность, устроенъ рядъ каналовъ, соединявшій ихъ съ другими частями страны и приводившій въ связь каменноугольные копи, желѣзные рудники и плавильные заводы. Въ 1825 г., когда въ англійскій парламентъ было представлено первое ходатайство о разрѣшеніи устроить желѣзную дорогу, въ Англии насчитывалось уже свыше 500 нѣм. миль каналовъ и вложенный въ нихъ капиталъ составлялъ болѣе 13 милл. фунт. стерлинг. На этихъ каналахъ перевозились произведенія англійской промышленности въ первый періодъ новой эпохи мірового хозяйства—каналы завершили хозяйственное объединеніе Англии.

Внутренніе рынки, — говоритъ Манту — которые прежде были весьма ограниченныи районы сбыта и были разбросаны по всей странѣ, съ проведеніемъ каналовъ могли свободно сообщаться другъ съ другомъ. Уже въ концѣ XVIII вѣка на такихъ каналахъ, какъ напр., каналъ, соединяющій рѣки Трентъ и Мерсей, перевозятся самые разнообразныя продукты, получаемыя со всѣхъ частей Англии: соль изъ Честера, хлѣбъ изъ восточныхъ графствъ, керамическія издѣлія изъ Стаффордшира, каменный уголь изъ Ньюкестля, чугунъ съ верхняго Северна, желѣзные и мѣдные товары изъ Вольвергемптона и Бирмингама... Мало того, и внѣшніе рынки становятся болѣе близкими. Привозимыя и вывозимыя товары уже не просачиваются съ большимъ трудомъ въ страну и изъ нея, а свободно въ ней обращаются. Въ то время какъ до половины XVIII вѣка—по словамъ современника— не существовало купцовъ, которые бы находились въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ континентомъ, теперь Англія вступила въ непосредственныя торговыя связи съ другими странами¹⁾.

Во Франціи сооруженіе каналовъ производилось съ меньшимъ рвеніемъ: въ 1800 г. насчитывалось 1,004 килом., въ 1870 г.—4754 кил., причемъ наиболѣе оживленная дѣятельность въ этомъ направленіи относится къ періоду

¹⁾ Mantoux. p. 118.

1814—1847 гг., когда было истрачено на устройство каналовъ свыше 22 милл. фр., такъ что и во Франціи уже въ первой половинѣ XIX вѣка существовали удобные пути для распространенія промышленныхъ издѣлій по всей странѣ. Германія въ 1870 году имѣла около $4\frac{1}{2}$ тыс. килом. искусственныхъ водныхъ путей, въ 80-хъ—50-хъ годахъ происходило оживленное сообщеніе какъ по большимъ, такъ и по менѣе значительнымъ рѣкамъ; по Рейну, Эльбѣ, Одери ходили крупныя коммерческія суда.

Одновременно съ водными путями сообщенія, начиная съ 1820 г. строятся и шоссейныя дороги по способу Макъ-Адама. Въ 1816 году въ Пруссіи насчитывалось 420 миль шоссейныхъ дорогъ, содержимыхъ на счетъ казны, 30 лѣтъ спустя, въ 1848 году—1,573 мили; во Франціи протяженіе большихъ проселочныхъ дорогъ, находившихся въ управленіи государства, равнялось въ 1840 г. 12.300 килом. Эти дороги имѣли огромное значеніе для перевозки товаровъ, въ особенности промышленныхъ издѣлій, въ эпоху до распространенія желѣзнодорожной сѣти, ибо онѣ доставляли возможность перевозки значительно большихъ тяжестей. Транспортъ товаровъ на шоссейныхъ дорогахъ настолько оживился въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, что многіе сомнѣвались въ томъ, будутъ ли желѣзныя дороги при такихъ условіяхъ имѣть значеніе. Вместе съ улучшеніемъ дорогъ не только увеличилось количество транспортируемыхъ товаровъ, но и ускорилаcь перевозка. Въ первыя десятилѣтія въ Германіи ѣздили около 40 килом. въ день, но уже въ 1824 г. была введена скорая почта со скоростью въ 75 килом. въ день, по образцу англійской. Въ Англійи сообщеніе на шоссейныхъ дорогахъ оживилось еще болѣе, чѣмъ въ Германіи: въ то время, какъ въ концѣ XVIII вѣка дороги еще были въ совершенно негодномъ состояніи и изъ мѣста, находившагося въ 36 англ. миляхъ отъ Лондона, можно было добраться въ Лондонъ лишь пѣшкомъ или верхомъ, въ 1838 г. оттуда уже отправлялось болѣе 30 дилижансовъ ежедневно въ Лондонъ и обратно, не считая большого количества частныхъ и почтовыхъ каретъ и вожовъ, нагруженныхъ товарами. При этомъ то же путешествіе (въ 80 англ. миль), которое продолжалось въ 1798 году 19 часовъ, совершалось 40 лѣтъ спустя дилижансомъ въ 8 часовъ; на англійскихъ

шоссейныхъ дорогахъ такая сравнительно значительная скорость передвиженія являлась въ то время обычною. Проведеніе шоссейныхъ дорогъ имѣло, такимъ образомъ, огромное значеніе не только для транспорта товаровъ, но и для перевозки людей и извѣстій (последнее въ особенности со времени введенія однообразной таксы на письма—въ Англии въ 1840 г.), что въ свою очередь, сильно способствовало оживленію торговаго обмѣна. Прежде — говорить Шмоллеръ — люди ничего, не видѣли, ничего не знали, и даже если знали, лишь съ большимъ трудомъ могли приобрести предметы, которые они желали. Пересылка писемъ и газетъ, посредствомъ которыхъ съ легкостью и быстротой во всѣ страны свѣта сообщались извѣстія и свѣдѣнія обо всемъ, что производилось наиболѣе совершеннаго, оказали такое же влияніе на измѣненіе характера производства и потребленія, какъ и самый транспортъ товаровъ, доставляющій эти предметы ¹⁾.

Это двоякое значеніе улучшенныхъ средствъ сообщенія въ смыслѣ усиленія конкуренціи необходимо имѣть въ виду и при анализѣ результатовъ постройки желѣзныхъ дорогъ и устройства заокеанскихъ пароходныхъ сообщений.

Смыслъ переменъ, произведенныхъ желѣзными дорогами и морскимъ пароходствомъ, старались выразить численно: земля какъ бы сократилась во всѣхъ направленіяхъ на восьмую часть прежняго пространства, поверхность же земного шара уменьшилась болѣе, чѣмъ въ шестьдесятъ разъ, а это имѣло для всей духовной и экономической жизни народовъ такое значеніе, какъ еслибы при прежней поверхности населеніе стало въ шестьдесятъ разъ плотнѣе. Въ этихъ вычисленіяхъ заключается несомнѣнно правильная мысль, что новые пути и средства сообщенія значительно сблизили людей, приблизили ихъ другъ къ другу, передвиженіе товаровъ, людей, сообщеніе извѣстій совершалось въ предыдущія столѣтія въ предѣлахъ той же страны съ значительно большими трудностями, нежели въ XIX вѣкѣ между различными странами и даже частями свѣта. Желѣзныя дороги и пароходы являются такими международными путями сообщенія, создавшими міровой рынокъ. Если

¹⁾ Schmoller, Klein-gewerbe. p. 174.

проведенныя въ первой половинѣ XIX вѣка шоссейныя дороги и рѣчныя системы облегчили и ускорили обменъ товаровъ внутри страны и этимъ самымъ соединили разрозненныя части страны и превратили каждую страну въ единое цѣлое, подготовивъ этимъ возможность дальнѣйшаго объединенія, созданіе еще болѣе крупнаго цѣлага, то созданіе этой новой еще болѣе обширной единицы, составными частями которой являются уже страны, совершилось прежде всего благодаря желѣзнымъ дорогамъ; на послѣднія уже съ самаго начала ихъ постройки смотрѣли именно съ такой точки зрѣнія, стремясь при ихъ помощи къ осуществленію этой важной цѣли. Такъ, во Франціи при сооруженіи сѣти желѣзныхъ дорогъ имѣлось въ виду съ одной стороны приблизить Францію къ Ламаншу и слѣд. къ Англіи, и соединить ее съ Бельгіей, а съ другой стороны — установить въ южномъ направленіи связь со Средиземнымъ моремъ. Дальнѣйшіе шаги заключались въ установленіи непрерывныхъ сношеній черезъ сухопутную границу посредствомъ постройки моста черезъ Рейнъ около Страсбурга, проведенія прямого пути въ Италію черезъ тунель Монъ-Сенисъ и сооруженія дорогъ изъ Парижа мимо Пириней въ Испанію. Въ Германіи также вскорѣ послѣ постройки первыхъ желѣзныхъ дорогъ въ концѣ 30-хъ и въ 40-хъ годахъ, соединявшихъ центральные наиболѣе населенные пункты, началось сооруженіе сѣти дорогъ отъ центра къ границамъ и сѣть съ теченіемъ времени развѣтвлялась все болѣе и болѣе, скрѣпляя экономическое единеніе Германіи съ другими странами континента. Еще болѣе грандіозную картину представляетъ сѣть американскихъ желѣзныхъ дорогъ, соединяющихъ Тихій океанъ съ Атлантическимъ, пересѣкая весь материкъ съ востока на западъ.

Какъ ни велико значеніе желѣзныхъ дорогъ во всѣхъ отношеніяхъ, въ смыслѣ дешевизны ($\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{18}$ прежней стоимости транспорта товаровъ), скорости ($\frac{1}{2}$ — $\frac{1}{3}$ необходимаго прежде времени для перевозки товаровъ), точности (меньше 1% опозданій)—качества, совершенно измѣнившія весь характеръ торговаго обмена, создавшія ту международную конкуренцію, которая развилась въ XIX вѣкѣ,—но не слѣдуетъ забывать того, что водное пространство занимаетъ гораздо большую часть поверхности земного шара, чѣмъ

суша. "Вѣдь континенты въ сущности ничто иное, какъ острова среди моря и поэтому горизонтъ мірового хозяйства есть морской горизонтъ". (Лампрехтъ). Отъ 70 до 80 проц. всей міровой торговли имѣетъ морской характеръ, океанскіе пароходы составляютъ основу всей міровой торговли, они соединяютъ не только страны, подобно желѣзнымъ дорогамъ, но и материки. Если въ смыслѣ скорости пароходы и не могутъ мѣяться съ желѣзными дорогами, то зато ихъ провозоспособность несравненно выше: даже тѣ исключительные вагоны огромной величины, которые строятся въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ, ничто по сравнению съ вмѣстимостью хотя бы небольшихъ даже пароходовъ. Въ настоящее время торговый флотъ міра содержитъ свыше 65 милл. тоннъ, что равняется по вмѣстимости нѣсколькимъ милліонамъ вагоновъ. При этомъ весьма важно и то обстоятельство, что морскія международныя сообщенія установились гораздо раньше сухопутныхъ; въ то время какъ быстрое развитіе желѣзнодорожной сѣти начинается лишь съ 50-хъ годовъ, торговый флотъ важнѣйшихъ государствъ уже съ 1831 г. по 1850 г. успѣлъ удвоиться (съ 3,9 милл. тоннъ до 8 милл., считая 3—4 тонны паруснаго судна за 1 тонну парового), хотя огромный ростъ и здѣсь начинается лишь со времени распространенія паровыхъ двигателей: съ 1850 г. по 1875 г. число тоннъ возросло вчетверо.

Сущность совершившагося переворота Шмоллеръ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ. Прежде пути и средства сообщенія медленно развивались подъ влияніемъ возникновенія различныхъ потребностей: обороны страны, управления, увеличенія населенія, роста производства; теперь, вмѣстѣ съ примѣненіемъ пара, а впослѣдствіи и электричества, пути сообщенія стали на первое мѣсто, къ нимъ перешла инициатива въ смыслѣ дальнѣйшаго развитія народнаго хозяйства, ими вызванъ огромный переворотъ хозяйственной жизни въ XIX вѣкѣ. Подъ влияніемъ измѣнившихся условій транспорта и стоящихъ въ тѣсной связи съ послѣдними условій передачи извѣстій произошда и рѣзкая перемѣна въ формахъ торговли, стала возможна современная биржа, въ которой прежде всего воплощается міровой рынокъ, сделки на срокъ въ товарахъ и фондовыхъ бумагахъ. Изъ описанія операций торговаго дома Перришъ въ Гам-

бургъ ^{портом} ^в Видно, съ какими огромными затрудненіями были сопряжены ^в торговля спекуляціи въ концѣ XVIII и въ первомъ десятилѣтіи XIX вѣка даже въ такомъ торговомъ центрѣ, ^{какимъ} ^{являлся} Гамбургъ въ то время. Ледоходъ, медленность перевозки товаровъ и сообщений ^{причиняли} огромныя затрудненія въ торговлѣ, которая ^{всѣцѣло} ^{зависѣла} отъ всевозможныхъ случайностей; срочныя сдѣлки еще вовсе не практиковались, такъ что за купленные товары приходилось ^{платить} ^{наличными} деньгами, если не удавалось случайно ^{сбыть} эти товары до получения ихъ. Кредитныя операціи были также еще весьма мало развиты; учетъ векселей почти совершенно не употреблялся; получение необходимыхъ въ оборотѣ крупныхъ суммъ было сопряжено съ большими трудностями, что дѣлало весьма опасною всякую спекуляцію. Съ развитіемъ новыхъ средствъ сообщенія ^{возникъ} и международный вексельный рынокъ; быстрота оборотовъ, созданная биржей, еще болѣе увеличилась съ быстрымъ ростомъ кредита. Если къ этому ^{прибавимъ} еще успѣхи, сдѣланные въ сферѣ монетныхъ системъ, мѣръ и вѣсовъ и т. п., гдѣ международныя соглашенія (Латинскій союзъ, метрическая система) содѣйствовали созданію единства въ средствахъ и орудіяхъ обмѣна, то мы поймемъ, что все это ^{вмѣстѣ} ^{взятое} должно было вызвать къ жизни оживленную международную торговлю, ^{въ} ^{влияніи} которой не остался ни одинъ уголокъ земного шара. Мировой обмѣнъ, равнявшійся въ 1800 г.—6 миллиард. мар., достигъ въ 1850 г. 17 миллиард., а въ 1860 г.—30, въ 1870 г.—45 и въ 1880 г.—60 миллиард. мар. и составляетъ свыше 75 миллиард. въ 1900 г. При этомъ въ Англии быстрый ростъ ^{внѣшней} торговли начался уже съ конца XVIII вѣка: торговля ея съ ^{въ} ^{европейскими} странами ^{успѣла} ^{возрасти} за тридцатилѣтіе 1790—1820 гг. съ 110 до 400 милл. мар., а ^{внѣшняя} торговля Англии ^{вообще} ^{увеличилась} въ періодъ отъ 1787—1815 гг. съ 370 до 1,465 милл. мар., въ 1815—1840 гг. она успѣла снова ^{возрасти} въ $2\frac{1}{2}$ раза и достигла въ 1860 г. уже огромной цифры въ 385 милл. ф. стерл.

Противники свободной торговли сводятъ все огромное возрастаніе торговаго обмѣна въ XIX вѣкѣ къ усовершен-

¹⁾ Ehrenberg. Das Haus Parish in Hamburg. Iena. 1905.

ствованію путей и средств сообщенія, утверждая, что подобные результаты были бы достигнуты и при существованіи протекціонной системы. Нельзя, конечно, отрицать того, что обратное теченіе въ области торговой политики въ послѣдней четверти XIX вѣка не могло не только разрушить уже утвердившагося мирового обмѣна и мирового рынка, но даже задержатъ дальнѣйшее развитіе международной торговли. Правильно далѣе и то, что въ предъидущія XVII—XVIII ст. протекціонизмъ въ сущности лишь потому имѣлъ реальное значеніе, что печальное состояніе путей сообщенія доставляло каждой странѣ фактическую монополію на внутреннемъ рынкѣ. Но изъ этого вытекаетъ также, что съ появленіемъ новыхъ путей сообщенія существовавшая въ XVIII вѣкѣ протекціонная система была немислима: желѣзныя дороги, пароходство и телеграфъ по своему существу имѣютъ международный характеръ и дѣлаютъ замкнутое народное хозяйство невозможнымъ. Уже въ XVIII столѣтіи, въ особенности во второй половинѣ этого столѣтія, въ Англии протекціонизмъ фактически пересталъ существовать: развившееся судоходство вызвало такой ростъ контрабандной торговли въ этой окруженной со всѣхъ сторонъ водой странѣ, что Питтъ вынужденъ былъ сильно понизить таможенный тарифъ и значительно упростить все таможенное управленіе; столь же важный шагъ сдѣлала Франція въ 1791 г. и Пруссія въ 1818 г. Всѣ эти три закона составляютъ первый и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительный шагъ на пути свободной торговли: достигнуто было не только объединеніе каждой страны въ таможенномъ отношеніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и устраненіе прежнихъ запретительныхъ, а во многихъ случаяхъ и протекціонныхъ пошлинъ. Въ сферѣ промышленности, въ особенности, новые тарифы сдѣлали доступной иностранную конкуренцію. Въ Пруссіи единый для всей страны таможенный тарифъ 1818 г. устанавливалъ пошлины на текстильныя издѣлія въ 10 проц., на металлы въ 18 проц., сырье же и полуфабрикаты ввозились свободно, и вскорѣ дѣйствительно появилась англійская конкуренція. Другія германскія государства понизили тарифъ еще болѣе, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр., въ Баденѣ и Саксоніи, въ 20-хъ годахъ господствовала почти полная свобода торговли. Въ 1834 году возникъ германскій тамо-

женный союз, объединивший нѣмецкія государства въ одно цѣлое въ торговомъ и таможенномъ отношеніи.

Одновременно съ этимъ еще болѣе ускореннымъ шагомъ совершался переходъ къ системѣ свободной торговли въ Англіи. Начало было положено въ 20-хъ годахъ, благодаря реформамъ, произведеннымъ Каннингомъ и Гескиссономъ, а затѣмъ Гольборномъ. Радикальное измѣненіе въ таможенномъ тарифѣ произвелъ Пиль въ 40-хъ годахъ, когда пошлины на сырье и полуобработанные продукты были доведены до минимума, а пошлины на фабрикаты до 20 проц.; вмѣстѣ съ тѣмъ были уничтожены пошлины на ввозъ хлеба. Наконецъ, принципы Ад. Смита были вполне осуществлены Гладстономъ въ 50-хъ годахъ: въ 1860 г. ввозъ фабрикатовъ былъ объявленъ совершенно свободнымъ.

Начиная съ 1860 г., окончательно устанавливается свобода торговли и во всѣхъ другихъ странахъ. Въ 1860 г. былъ заключенъ торговый договоръ между Англіей и Франціей, результатомъ котораго былъ не только законъ Гладстона того же года, уничтожившій всѣ ввозныя пошлины въ Англіи, но и весьма либеральный французскій тарифъ: пошлины на пряжу были установлены въ размѣрѣ 8—10%, на ткани (полотняныя, шерстяныя и бумажныя) въ 15%, немногимъ выше облагались и остальные фабрикаты и только металлическія издѣлія уплачивали 24% пошлины. На основаніи этого тарифа Франція заключила рядъ договоровъ съ другими странами: Бельгія, Италія, Швейцарія, таможенный союзъ, Швеція, Норвегія, Ганзейскіе города, Нидерланды, Испанія, Австрія—все они успѣли заключить договоры съ Франціей и получить доступъ къ открытому уже для Англіи французскому рынку. Повсюду договоры устанавливались на основаніи принципа наиболѣе благоприятствующей державы: всякая выгода, предоставляемая какой-либо одной странѣ, тѣмъ самымъ дѣйствовала и въ отношеніи всѣхъ другихъ благоприятствующихъ странъ. Этотъ принципъ применялся не только въ договорахъ Франціи съ другими странами 1862—1865 г.г., но и въ той серіи договоровъ, которые заключали между собою таможенный союзъ, Бельгія, Англія, Италія, Австрія, Швейцарія, Скандинавскія государства въ 60-хъ и 70-хъ г.г. Европа

покрылась цѣлою сѣтью торговыхъ договоровъ, причемъ пониженіе тарифныхъ ставокъ въ каждой странѣ немедленно распространялось на всю Европу: въ результатъ получилось всеобщее пониженіе тарифовъ, имѣвшее международное значеніе, устраненіе всякихъ дифференціальныхъ и транзитныхъ пошлинъ, равенство всѣхъ въ международной экономической борьбѣ.

Весь періодъ 1815—1880 гг. представляетъ собою эпоху свободной конкуренціи: „Европа изображаетъ совокупность политическихъ организацій, обратившихся къ задачамъ внутренней политики, къ мирной экономической борьбѣ“. Подъ влияніемъ этой международной конкуренціи на мировомъ рынкѣ создается совершенно новая система снабженія, какъ предметами необходимости, такъ и роскоши: потребление хлопчатобумажныхъ издѣлій возросло въ 1836—1898 г.г. въ Германіи съ 0,34 до 6,30 килогр. на душу населенія; въ Англіи оно достигло 20 килограммовъ. Потребленіе шерсти увеличилось въ Англіи съ 1871 по 1895 г. съ 4,3 до 6,7 килогр., въ Германіи—съ 1,8 до 3,3 килогр., ежегодное потребленіе писчей бумаги составляетъ въ настоящее время 6 килогр. на душу населенія въ Англіи, 8 килогр. въ Соединенныхъ Штатахъ, 5 килогр. въ Германіи, гдѣ оно возросло съ 1840—1895 г.г. на 1650 проц.; потребленіе желѣза въ Германіи же равнялось 134 килогр. въ 1897 г., вмѣсто 5 килогр. въ 1834 г.

Весь этотъ огромный успѣхъ является въ значительной мѣрѣ результатомъ того, что снабженіе товаровъ приняло международный характеръ, что въ распоряженіи каждаго находятся теперь продукты не одной ограниченной мѣстности или страны, а (промышленности) всего міра, что къ его услугамъ имѣется цѣлая масса предпринимателей, изъ которыхъ каждый старается производить возможно дешевле и лучше и возможно скорѣе и полнѣе снабжать потребителей. Желѣзныя дороги и океанскіе пароходы, свободная торговля и торговые договоры, биржа и кредитъ создали для потребителя исключительно-выгодное положеніе, которымъ онъ прежде не пользовался; свободная конкуренція на мировомъ рынкѣ сдѣлала потребителя сильнѣйшимъ элементомъ при установленіи цѣны, заставила производителя сильно сократить цѣны, для того, чтобы дать возможность

прежнимъ потребителямъ удовлетворять и менѣе важныя потребности, а новымъ (рабочимъ) классамъ населенія сдѣлать доступнымъ удовлетвореніе потребностей, которыхъ они ранѣе не могли удовлетворять. Фунтъ бумажной ткани въ Англіи понизился въ цѣнѣ съ 1786 г. по 1830 г. въ 16 разъ, а затѣмъ съ 1830—1880 гг. снова на 60%, шерстяныя ткани во Франціи понизились въ 1816—1883 г. съ 16 до 1½ фр. Цѣна металлическихъ предметовъ какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ, вродѣ гвоздей, булавокъ, перьевъ понизилась въ въ XIX вѣкѣ въ нѣсколько десятковъ разъ.

Это огромное и рѣзкое пониженіе цѣнъ на промышленныя издѣлія обозначаетъ ничто иное, какъ то, что часть продукта труда передается теперь безвозмездно потребителю¹⁾. Періодъ XIX вѣка представляетъ собою, такимъ образомъ, полную противоположность періоду средневѣковому, когда монопольное положеніе предпринимателя доставляло ему возможность требовать у потребителя известной, болѣе или менѣе значительной, надбавки къ трудовой цѣнности продукта. Въ послѣдующія столѣтія эта прибавка подѣ влияніемъ возникновенія нѣкоторой конкуренціи, конкуренціи въ предѣлахъ той же страны или даже лишь известной части страны, исчезла, вызвавъ въ XVI—XVII ст. соответствующее паденіе цѣнъ на фабрикаты, которыя совпали съ уровнемъ трудовой цѣнности. Съ конца же XVIII и въ особенности съ начала XIX вѣка наступилъ новый, третій періодъ въ исторіи цѣнъ, когда послѣднія упали ниже уровня трудовой цѣнности товаровъ, такъ что часть послѣдней стала поступать безвозмездно въ руки потребителя.

Однако, при прежнемъ состояніи техники производства такое паденіе цѣнъ, такая передача части продукта труда потребителю была бы невысказима и, во всякомъ случаѣ, едва ли представляла бы собою шагъ впередъ, ибо это

¹⁾ Cp. Marshall. Principles of Economics. Vol. I. Second edition. London. 1891. p. 181. Маршалъ сравниваетъ наивысшую цѣну, которую согласился бы уплатить потребитель, и ту значительно низшую цѣну, которую онъ въ дѣйствительности уплачиваетъ, и разницу между ними называетъ специфическимъ доходомъ, выручаемымъ потребителемъ: Consumer's Rent.

значило бы отнять, если не соответствующую (вследствие сокращения прибыли), то все же известную часть продукта у рабочего-производителя; поскольку и онъ является потребителемъ, ему возвращалось бы только то (да и то не все), что было отнято у него, какъ у производителя. Прогрессъ же могъ заключаться лишь въ томъ, чтобы и та часть которая приходится на долю рабочего, какъ производителя увеличилась и чтобы въ то же время онъ получалъ даромъ часть продукта при приобретении его въ качествѣ потребителя. Это и совершилось въ XIX вѣкѣ, такъ какъ къ физическому труду присоединилась новая категория труда — трудъ изобрѣтателя. Это послѣднее обстоятельство имѣетъ для насъ тѣмъ большее значение, что въ XIX вѣкѣ результаты творческаго труда получаютъ не только потребителемъ въ видѣ пониженной цѣны продукта, но и предпринимателемъ въ качествѣ прибыли.

II.

Вплоть до конца XVIII вѣка продукты производились почти исключительно посредствомъ физическаго труда, человека. Человекъ доставлялъ ту силу, которая приводила матерію въ движеніе, онъ же выполнялъ и всѣ разнообразныя операціи, состоявшія въ соединеніи и раздѣленіи частей матеріи. Онъ пользовался при этомъ различными орудіями и инструментами, но машины, самостоятельно выполнявшія необходимыя операціи въ производствѣ, примѣнялись лишь въ видѣ исключенія. И столь же незначительную роль играли въ производствѣ силы природы въ качествѣ двигателей: пользование силой воды или вѣтра было возможно далеко не во всѣхъ случаяхъ, а лишь въ определенныхъ мѣстахъ, въ известное время и въ сравнительно незначительныхъ размѣрахъ.

Въ послѣдней трети XVIII и въ началѣ XIX вѣка произошелъ крупный переворотъ въ этомъ отношеніи: къ физическому труду рабочего присоединилась и дѣятельность вновь изобрѣтенныхъ машинъ и двигателей. Къ этому періоду относится изобрѣтеніе паровой машины, которая доставила въ распоряженіе человека совершенно новую неизвѣстную ранѣе силу природы, примѣнимую всегда и

повсюду, въ любомъ количествѣ. Одновременно появилась прядильная машина и механическій ткацкій станъ, измѣнившіе весь характеръ текстильнаго производства и замѣнившіе неправильныя дѣйствія человѣческихъ ногъ и рукъ разнѣренными движеніями искуснаго механизма. Не менѣе существенная перемена произошла и въ области металлургической промышленности: кричный молотъ и мѣха—ручные инструменты кузнеца—и древесный уголь при плавкѣ желѣза уступили мѣсто воздуходувной машинѣ, пламенной печи на минеральномъ топливѣ и прокатному стану—автоматическимъ приспособленіямъ человѣческаго ума.

Конрадъ Матшоссъ въ своемъ изслѣдованіи по исторіи паровой машины указываетъ на то, что изобрѣтеніе парового двигателя было вызвано важными потребностями промышленности. „Едва замѣтныя зачатки, изъ которыхъ выросла новая машина — говоритъ онъ — существовали уже за тысячелѣтія до ея появленія. Время отъ времени ученые интересуются ими, государи обращаютъ свое благосклонное вниманіе на ихъ развитіе. Но дѣйствительный ростъ былъ вызванъ потребностями экономической жизни“¹⁾. Потребность въ силѣ пара стала ранѣе всего ощущаться въ горной промышленности. Чѣмъ глубже проникала человѣческая рука въ нѣдра земли, тѣмъ труднѣе было бороться съ массой воды, затоплявшей рудники, тѣмъ съ большими усилиями было сопряжено выкачиваніе ея изъ рудниковъ. Употребленіе пятидесяти лошадей для одного только выкачиванія воды уже перестало быть рѣдкостью въ Англіи. Примѣненіе другихъ силъ для этой операціи оказывалось невозможнымъ. Силой воды лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можно было располагать въ достаточномъ количествѣ, сила вѣтра отличалась непостоянствомъ и неравномѣрностью. Положеніе горнозаводчиковъ—говоритъ Матшоссъ—становилось критическимъ, со всѣхъ сторонъ раздавались жалобы на отсутствіе двигательной силы.

Этимъ недостаткомъ въ двигательныхъ силахъ и была

¹⁾ Conrad Matschoss. Geschichte der Dampfmaschine. Ihre kulturelle Bedeutung, technische Entwicklung, und ihre grossen Männer. Berlin. 1901. p. 13.

вызвана первая ^{first application} примененная в горной промышленности паровая машина, изобретенная Томасом Севери в 1698 году; ибо созданная почти одновременно и независимо от нея машина Папена оказывалась непригодной для применения на практикѣ¹⁾. Севери было известно тяжелое положение владельцев рудников, которые едва в состоянии были бороться с напором воды, и он решил придти им на помощь. В его патентѣ машина названа изобретением „для поднятия воды и для приведения в движение всевозможных мельниц двигательной силой огня, которая принесет большую пользу при выкачивании воды из рудников, при снабжении водой городов и при приведении в движение мельниц, поскольку они не пользуются силой воды или ветра“. Изобретенная Севери специально для горной промышленности паровая машина и названная им „другом горнозаводчика“, оказалась однако вскоре неудовлетворительной: опасность взрыва была очень велика, сила машины была незначительна и она поглощала такое количество топлива, что применение ея в широких размерах не могло быть экономически выгодным. Применялась машина только там, где не требовалось большого количества сил; она годилась для устройства фонтанов, купален, для орошения садов.

Другом горнозаводчика ^{in Lancashire} водоподъемная машина Севери стала лишь в усовершенствованной Ньюкоменом и Коуле формѣ. В таком видѣ она была применена в 1711 году в каменноугольных рудниках около Бирмингама и хотя употребление и этой машины обходилось очень дорого, ибо и она требовала огромного количества топлива, но она производила работу 50 лошадей, и поэтому все-таки стала быстро распространяться; в 1720 году машина Ньюкомена появилась уже в Шотландии. Особенно значителен был спрос в рудниках Корнуэляса: новая машина давала возможность выкачивать воду на глубинѣ вдвое большей, чѣм это было возможно раньше. В 1720 году образовалось и общество, во главе которого стояло пять лондонских

¹⁾ См. Beck. Geschichte des Eisens. B. II. Braunschweig. 1893—1895. p. 925 и сл.

купцовъ, приобрѣвшее права Сэвери и Ньюкомена на машину съ цѣлью эксплуатаціи „выкачиванія воды огнемъ“. Почти полстолѣтія примѣнялась машина Ньюкомена, съ 1765 года въ исправленномъ Джономъ Смитомъ видѣ, въ увеличенной формѣ и съ меньшей затратой топлива. Однако, область ея распространенія ограничивалась рудниками. Когда ее стали вводить въ обрабатывающей промышленности, паровая машина Уатта достигла уже такого совершенства, что атмосферическая машина не въ состояніи была конкурировать съ ней. Но для горнаго дѣла послѣдняя имѣла большое значеніе: въ 1767 году въ окрестностяхъ Ньюкестля насчитывалось 57 машинъ Ньюкомена въ 1200 лошадиныхъ силъ ¹⁾.

Однако, и въ этой области машина Сэвери—Ньюкомена была пригодна лишь до извѣстныхъ предѣловъ: при большомъ напорѣ воды и ея силъ не хватало и на извѣстной глубинѣ необходима была болѣе сильная машина. Въ Корнуэльсѣ снова приходилось уже прекращать производство, когда появилась вновь изобрѣтенная Уаттомъ машина, при помощи которой удалось преодолѣть всѣ препятствія ²⁾. Всѣ съ напряженіемъ ожидали результатовъ дѣйствія новой машины и она дѣйствительно превзошла наиболѣе смѣлыя надежды; уже при примѣненіи первыхъ двухъ машинъ въ рудникахъ Корнуэльса въ 1777 году можно было убѣдиться въ преимуществахъ новаго изобрѣтенія по сравненію съ предыдущими. „Скорость, сила, объемъ машины и страшный шумъ, производимый ею—писаль Уаттъ Болтону—удовлетворили всѣхъ, кто ее видѣлъ, и друзей и недруговъ. Я пускалъ ее раза два въ ходъ такимъ образомъ, чтобы она двигалась болѣе спокойно и дѣлала меньше шума, но мистеръ Вильсонъ (владѣлецъ рудника) не можетъ спать, если не слышитъ ея бушеванія. Между прочимъ—изъ шума, производимаго машиной, люди повидимому заключаютъ о

¹⁾ Matschoss. p. 39—57.

²⁾ Уаттъ прежде всего стремился къ устраненію той потери въ теплоту, которая происходила въ машинѣ Ньюкомена, и къ сокращенію расходуемаго топлива. Но вмѣстѣ съ тѣмъ у него измѣнился и самый характеръ машины: изъ вспомогательной силы направленной къ созданію пустоты въ насосѣ, паръ превратился въ активную силу, производящую самое движеніе.

силъ ея. Скромныя заслуги здѣсь столь же мало признаются, какъ и среди людей. Спустя три года фирмой Болтонъ-Уаттъ было установлено 20 машинъ въ Корнуэльсѣ, произведено же было вообще вдвое большее количество. Въ 1790 году въ Корнуэльсѣ уже не было ни одной атмосферической машины; столь прославленная въ свое время машина Сэвери—Ньюкомена была вытѣснена изобрѣтениемъ Уатта, прослуживъ 70 лѣтъ ¹⁾).

О примѣненіи парового двигателя въ обрабатывающей промышленности первоначально никто и не думалъ; Уатту это также мало приходило въ голову какъ Сэвери или Ньюкомену. Потребность въ примѣненіи новой силы природы ощущалась пока лишь въ горномъ дѣлѣ. Лишь въ восьмидесятихъ годахъ XVIII вѣка она стала обнаруживаться и въ индустриі, но и тогда Болтону лишь съ трудомъ удалось убѣдить Уатта приспособить водоподъемную машину къ нуждамъ обрабатывающей промышленности. Въ это время еще никто себя не могъ представить паровую машину иначе, какъ въ видѣ насоса для выкачивания воды изъ рудниковъ ²⁾).

Но въ восьмидесятихъ годахъ потребность въ паровомъ двигателѣ появилась уже и въ индустриі. Въ 1781 г. владельцы мѣднопрокатнаго завода обратились къ Болтону, жалуюсь на то, что ихъ водяной двигатель не дѣйствуетъ, ибо вода замерзла, вслѣдствіе чего пришлось приостановить работу. Въ Стаффордширѣ—писалъ Болтонъ въ 1786 г.—всѣ турбины замерзли и если бы не паровой прокатный заводъ Вилькинсона, то рабочіе гвоздарнаго промысла умерли бы съ голоду. Этотъ заводъ правильно функционируетъ изо дня въ день, производя ежедневно по 10 тоннъ желѣза ³⁾. Вилькинсонъ приобрѣлъ паровую машину у Болтона еще въ 1775 г. Вскорѣ и Рейпольдсѣ сталъ

¹⁾ Matschoss, p. 57—69.

²⁾ И до настоящаго времени въ устройствѣ паровой машины можно найти слѣды того, что она первоначально предназначалась исключительно для подъема воды изъ рудниковъ: даже современный локомотивъ все еще является—по словамъ Лампрехта—ничѣмъ инымъ, какъ усовершенствованнымъ насосомъ для накачивания воды. (Zur jüngsten deutschen Vergangenheit. В. II. Т. 1, p. 123).

³⁾ Matschoss, p. 78—81.

примѣнять силу пара на своихъ желѣзодѣлательныхъ заводахъ и его примѣру послѣдовалъ и Уолькеръ, производившій литую сталь по способу Гентсмана ¹⁾). Самуель Гемфрей ²⁾ примѣнялъ въ 1802—3 гг. на своихъ многочисленныхъ желѣзоплавильныхъ заводахъ цѣлый рядъ паровыхъ машинъ, изъ коихъ нѣкоторыя равнялись 70—80 лошадинымъ силамъ. Словомъ, по мѣрѣ распространенія пудлингованія, появленія крупныхъ предприятий въ области металлургической промышленности Англiи, расширяется и примѣненiе паровой машины, ибо промышленность, основанная на началахъ новой техники и крупнаго производства, уже не могла довольствоваться силой воды, была немыслима безъ примѣненiя силы пара ³⁾).

Не меньшее значенiе имѣла паровая машина въ области текстильной индустрии, въ особенности для вновь возникшаго механическаго прядильнаго производства. Въ 1870 году въ Англiи и Уэльсѣ существовало всего 20 бумагопрядильныхъ, работавшихъ при помощи новыхъ прядильныхъ машинъ, въ 1790 году ихъ насчитывалось уже 150 ⁴⁾). Первые прядильныя фабрики приводились еще въ движенiе силой животныхъ (ословъ и лошадей), но болѣе крупныя предприятия съ большимъ количествомъ машинъ могли возникать лишь при условiи примѣненiя двигательной силы пара. Быстрый ростъ англiйской бумагопрядильной индустрии былъ результатомъ одновременнаго распространенiя прядильной машины и пароваго двигателя. Благодаря изобрѣтенному Уаттомъ регулятору и другимъ измѣненiямъ паровой машины, она была приспособлена къ употребленiю въ обрабатывающей промышленности и уже въ послѣднее десятилѣтiе XVIII вѣка стала распространяться въ самыхъ различныхъ отрасляхъ производства Англiи. Во Францiи, наоборотъ, она и въ 1815 году еще почти не была извѣстна въ индустрии и въ этомъ недостаткѣ двигательной силы Левассеръ усматриваетъ причину медленнаго развитiя фран-

¹⁾ См. ниже, стр. 31.

²⁾ См. ниже, гл. вторую.

³⁾ Mantoux. La révolution industrielle au XVIII siècle. Essai sur les commencements de la grande industrie moderne en Angleterre. Paris. 1906. p. 304—310. 341.

⁴⁾ Held. Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands. Leipzig. 1881. p. 592.

кузской текстильной промышленности, причину слабого распространения прядильных машин: их приходилось приводить въ движение силой человека или животных ¹⁾).

Точно также и изобрѣтеніе прядильной машины было вызвано потребностью промышленности въ ней; промышленность нуждалась въ такомъ приспособленіи, при помощи котораго можно было бы въ одинаковый промежутокъ времени производить болѣе значительное количество пряжи; ибо съ половины XVIII вѣка повсюду чувствовался недостатокъ въ пряжѣ. Онъ ощущался прежде всего въ главныхъ центрахъ хлопчатобумажной промышленности, ²⁾ каковыми являлись вплоть до 80-хъ годовъ XVIII вѣка Саксонія, Эльзась (Département du Haut-Rhin) и швейцарскій кантонъ Санктъ-Галленъ. Въ Саксоніи изготовленіе пряжи не въ состояніи было поспѣвать за расширявшимся производствомъ бумажныхъ тканей; еще чувствительнѣе стала потребность въ пряжѣ въ 80-хъ годахъ, когда развилась богемская промышленность и Богемія стала предъявлять значительный спросъ на саксонскую пряжу, причемъ одновременно съ этимъ Саксонія лишилась и той пряжи, которую она получала ранѣе изъ Рейсса и Байрейта. Для саксонской промышленности недостатокъ въ пряжѣ имѣлъ серьезное значеніе, ибо результатомъ этого было возрастаніе цѣнъ на пряжу, а слѣдовательно и увеличеніе издержекъ производства тканей, а между тѣмъ дешевизна продукта, благодаря возможности имѣть дешевую пряжу, была до того времени главнымъ преимуществомъ, которымъ обладала саксонская промышленность въ борьбѣ съ иностранной конкуренціей при сбытѣ тканей на Сѣверъ и Западъ Европѣ ³⁾.

„Въ Эльзасѣ—говоритъ Геркнеръ—даже ситценабивной и ткацкій промыселъ при ручномъ способѣ производства находился на болѣе высокой ступени развитія въ техническомъ отношеніи, чѣмъ ручное пряденье; они произво-

¹⁾ Levasseur. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France de 1789 à 1870. 2-е éd. T. I. Paris. 1903. p. 413—414.

²⁾ См. о нихъ т. I. гл. VIII.

³⁾ Bein. Die Industrie des sächsischen Voigtlandes, B. II, Leipzig. 1884. p. 59—68. 80—83. 118—19.

дили гораздо интенсивнѣе; спросъ на пряжу, исходившій отъ ткачей, значительно превышалъ предложеніе, вызывая сильное распространеніе ручнаго пряденья. Хотя въ Вогезскихъ горахъ почти не было избытка, гдѣ не производилась бы хлопчатобумажная пряжа, запасъ ея все-таки не въ состояніи былъ удовлетворить всю ощущавшуюся въ ней потребность, въ особенности когда появились набивныя машинныя ¹⁾.

Англійская хлопчатобумажная промышленность вплоть до 70-хъ годовъ XVIII вѣка не играла почти никакой роли на мировомъ рынкѣ. Но и тамъ уже ощущался недостатокъ въ пряжѣ. „До изобрѣтенія машинъ—говоритъ Эллисонъ—производились лишь низкіе номера (т. е. болѣе грубые сорта) пряжи, да и тѣ въ столь незначительномъ количествѣ, что не въ состояніи были удовлетворить весь спросъ ткачей, несмотря на то, что только производился изъ бумажной пряжи, основа же была льбяная“ ²⁾. Съ 60-хъ годовъ сталъ примѣняться въ ткацкомъ промыслѣ летучій челнокъ, изобрѣтенный Кэемъ, и благодаря этому усовершенствованію недостатокъ въ пряжѣ еще болѣе усилился. Гобсонъ указываетъ на то, что и до изобрѣтенія самолетнаго челнока, удвоившаго количество работы, которое ткачъ могъ дѣлать въ одинъ день, прядильщики лишь съ трудомъ доставляли необходимымъ ткачамъ количество пряжи ³⁾, и что это относится въ равной мѣрѣ и къ хлопчатобумажному производству Ланкашира и къ производству шерстяныхъ издѣлій въ Йоркширѣ. „Послѣ того, какъ самолетный челнокъ вошелъ во всеобщее употребленіе—прибавляетъ онъ—этотъ усиленный спросъ на пряжу еще болѣе увеличился и самыя умѣлыя скупщицы не могли доставать достаточнаго количества пряжи. Экономическая необходимость заставила обратить особенное вниманіе на изобрѣтеніе прядильныхъ машинъ и еще задолго до изобрѣтенія прядильной машины Дженни и Ватерной, гениальные люди

¹⁾ Herkner. Die oberelsässische Baumwollindustrie und ihre Arbeiter. Strassburg. 1887. p. 75.

²⁾ Ellison. Handbook of Cotton Trade. 1858. p. 136.

³⁾ Одинъ ткачъ нуждался въ 4—10 прядильщикахъ. (Mantoux. p. 36)

вродѣ Кэя, Вайетта, Поля всячески старались усовершенствовать технику прядильнаго промысла¹⁾.

И въ другихъ отрасляхъ текстильной промышленности ткачъ нуждался въ гораздо, большемъ количествѣ пряжи, чѣмъ то, которое могъ предоставить въ его распоряженіе прядильщикъ при существовавшихъ въ XVIII вѣкѣ способахъ производства, ибо тканье производилось несравненно быстрее чѣмъ пряденье. Въ Пруссіи въ XVIII вѣкѣ вывозъ шерстяной и льняной пряжи былъ запрещенъ; торговкамъ, женамъ ремесленниковъ, даже солдатамъ предписывалось заниматься пряденьемъ; прядильщикамъ выдавались ежегодныя преміи; устраивались цѣлыя прядильныя колоніи²⁾. Ограничивая всячески число ремесленниковъ въ селахъ, прусское законодательство XVIII вѣка допускало однако тѣ промыслы, которые были необходимы для расширенія городскихъ мануфактуръ и поощряло даже поселеніе прядильщиковъ въ селахъ. Одно время оно воспретило и прядильщикамъ селиться въ селахъ, но это нанесло вредъ городскимъ суконнымъ мануфактурамъ, которымъ недоставало пряжи; для одного ткача необходимо было десять прядильщиковъ, чтобы работа могла идти безостановочно. Сельскіе ткачи справедливо заявляли, что если имъ не будетъ дозволено одновременно съ холстомъ ткать и сукно, то въслѣдствіе недостатка въ пряжѣ, они вынуждены будутъ половину года сидѣть безъ работы³⁾.

Въ Вюртембергѣ шерстяная пряжа изготовлялась женщинами въ видѣ побочнаго промысла, къ которому они прибѣгали при отсутствіи другого заработка. Въ качествѣ постоянного промысла пряденьемъ занимались сравнительно немногія, а между тѣмъ спросъ на пряжу былъ очень значителенъ. Въ ней нуждался и широко-развитой чулочный и вязальный промыселъ, которому нужна была тѣкая пряжа, суконный промыселъ, который пользовался гру-

¹⁾ Гобсонъ, Эволюція современнаго капитализма. Спб. 1898. Стр. 57.

²⁾ Schmoller. Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im XIX Jahrh. Halle. 1870. p. 29—30. 450—451.

³⁾ Молчановскій. Цеховая система въ Пруссіи XVIII вѣка и реформы цеховъ при Штейнѣ и Гарденбергѣ. Кіевъ 1887. Стр. 68. 70. 83. См. также томъ первый „Эволюціи прибыли“, стр. 551—52.

быми сортами пряжи, и наконецъ, сильно распространенная въ Вюртембергѣ шерстяная промышленность, выдѣлывавшая шерстяныя ткани особаго рода, гладкія, узкія и тонкія матеріи изъ длинной шерсти, не подвергавшіяся валянью ¹⁾: каждый мастеръ, изготовлявшій эти матеріи нуждался въ пяти прядильщицахъ, производившихъ тонкую пряжу, и въ двухъ прядильщицахъ толстой пряжи. Пряжи не хватало для всѣхъ, и торговая компанія г. Кальва, занимавшаяся сбытомъ шерстяныхъ тканей, всѣми силами боролась противъ конкурентовъ, отнимавшихъ у нея пряжу. Уже въ XVIII вѣкѣ прядильщикамъ было запрещено работать на иностранныхъ ремесленниковъ. По той же причинѣ торговая компанія не допускала въ своей мѣстности никакихъ новыхъ предпріятій, которыя обрабатывали шерсть и поэтому также нуждались въ шерстяной пряжѣ. Когда въ 1776 г. одинъ суконщикъ хотѣлъ ввести производство фриза и ратина, кальвская компанія, опасаясь, что ея рабочіе лишатся шерстяной пряжи, которая была необходима и для новыхъ отраслей производства, настояла на томъ, чтобы правительство отказало суконщику въ концессіи ²⁾.

Въ Австріи жалобы на отсутствие пряжи вызвали указъ 1765 г., на основаніи котораго всѣ лица мужскаго и женскаго пола, въ томъ числѣ и дѣти, которыя въ теченіе трехъ лѣтъ со времени обнародованія указа поступать на фабрику или въ учебную прядильную мастерскую для изученія пряденья льна, пеньки, хлопка или шерсти, будутъ получать въ теченіе четырехъ недѣль по два крейцера ежедневно, если же они изучать пряденье въ болѣе короткій срокъ, то имъ будетъ выдаваться въ качествѣ преміи сумма, приходящаяся на четыре недѣли. Въ томъ же 1765 году былъ изданъ т. наз. Spinnpatent, всячески поощрявшій распространеніе прядильнаго промысла. Когда нѣсколько лѣтъ спустя суконная мануфактура въ Брюннѣ жаловалась на то, что она не въ состояніи продолжать производства тканей за отсутствіемъ необходимаго количе-

¹⁾ См. т. I. стр. 495—96 и гл. VIII.

²⁾ Troeltsch. Die Calwer Zeughandlungskompagnie und ihre Arbeiter. Studien zur Gewerbe—und Sozialgeschichte Altwürttembergs. Jena. 1897. p. 85. 125—131.

ства пряжи, то было предписано заставлять население въ округъ Брюнна заниматься изготовленіемъ пряжи. Точно также и солдаты должны были въ свободное отъ занятій время выдѣлывать пряжу ¹⁾. Въ исправительныхъ домахъ, въ домахъ приарѣнія нищихъ, въ воспитательныхъ пріютахъ, повсюду пряденье являлось главнымъ занятіемъ и его старались всѣчески поощрять и развивать. Подобныя прядильни учреждались какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, Англіи, Австріи. Въ Амстердамѣ, Гамбургѣ, Любекѣ, Нюрнбергѣ исправительныя заведенія и назывались прядильнями (Spinnhaus) ²⁾.

Когда результатомъ этого прядильнаго „голода“ явилось изобрѣтеніе прядильной машины Аркрайттомъ, Харгривсомъ и Кромптономъ, то недостатокъ въ прядильщикахъ замѣнился увеличеніемъ пряжи до такихъ размѣровъ, что уже не хватало ткачей для обработки всей производимой пряжи. Снова не получалось равновѣсія, и положеніе было столь же неудовлетворительно, какъ и прежде, но причина его лежала уже въ иномъ направленіи: въ 80-хъ годахъ XVIII вѣка прядильное производство значительно обогнало ткацкій промыселъ и послѣдній уже не успѣвалъ за первымъ, замедляя изготовленіе бумажныхъ тканей. ³⁾ Вскорѣ былъ изобрѣтенъ Картрайтомъ механический ткацкій станъ, но въ хлопчатобумажной промышленности онъ примѣнялся лишь съ 1813 года, со времени усовершенствованія его Радклиффомъ и Гарроксомъ. „Такимъ образомъ—говоритъ Гобсонъ—въ производствѣ, гдѣ есть нѣсколько важныхъ процессовъ, усовершенствованіе одного изъ нихъ, ставящее его впереди другихъ, вызываетъ изобрѣтенія и въ другихъ процессахъ и работа мысли двигается въ такомъ направленіи, чтобы привести одинъ процессъ въ соотвѣтствіе съ другимъ“ ⁴⁾.

Не менѣе чувствительна была, наконецъ, потребность въ замѣнѣ древеснаго угля минеральнымъ топливомъ при

¹⁾ Beer. Studien zur Geschichte der oesterreichischen Volkswirtschaft unter Maria Theresia. T. I. Wien. 1894. p. 45—66.

²⁾ См. объ этомъ подробно въ т. I, стр. 611 и сл.

³⁾ Гобсонъ, стр. 57. Mantoux. p. 234—35.

⁴⁾ Гобсонъ, стр. 59.

плавкѣ чугуна и выдѣлкѣ желѣза. Въ XVI и XVII ст. въ Англіи производство желѣза было весьма развито, приче́мъ центромъ его являлось графство Суссексъ. Однако, развитіе желѣзодѣлательнаго промысла было сопряжено съ большими опасностями, такъ какъ приводило къ истребленію лѣсовъ. При тогдашнихъ способахъ выдѣлыванія изъ руды желѣза сжигалось чрезвычайно много дерева: чтобы получить одну тонну желѣза въ брускахъ, необходимо было сжечь четыре сажени дровъ строеваго лѣса; для выдѣлки же полосоваго желѣза требовалось семь сажень такихъ же дровъ. Конечно, расчистка лѣсовъ приносила даже пользу, содѣйствуя земледѣлію образованіемъ просѣкъ, но „прожорливые“ желѣзодѣлательные заводы пожирали все, что только могло сгорать, такъ что старыя и большія лѣса быстро исчезали. Весь лѣсъ цѣликомъ истреблялся и надо было выжидать много лѣтъ, пока онъ опять выростетъ. Чтобы положить конецъ безпощадному истребленію лѣсовъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Лондона, жителями котораго овладѣли опасенія, что столица вскорѣ вовсе не будетъ имѣть топлива по близости, въ 1581 г. было воспрещено актомъ парламента рубить лѣсъ для топлива на выдѣлку желѣза на протяженіи четырнадцати миль отъ Темзы. Кромѣ того, запрещалось устройство новыхъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ на разстояніи ближе 22 миль отъ Лондона и ограничивалось число заводовъ въ Кентѣ, Сурреѣ и Суссексѣ ¹⁾).

Единственный исходъ заключался въ замѣнѣ лѣса минеральнымъ топливомъ. Каменный уголь примѣнялся въ Англіи уже въ средніе вѣка для топки печей въ домахъ; жалобы на запахъ и дымъ, исходящій отъ каменнаго угля и имѣющій якобы вредное вліяніе на здоровье, вызвали при Эдуардѣ II запрещеніе употребленія его въ Лондонѣ. Въ Ньюкестлѣ угольные копи разрабатывались съ давнихъ поръ и въ 1660 г. въ Англіи добывалось около 2 милл. тоннъ каменнаго угля. Онъ употреблялся, въ особенности съ XVI вѣка, въ многочисленныхъ отрасляхъ производства: недостатокъ лѣсовъ и запрещеніе дальнѣйшаго истребленія

¹⁾ Scrivenor. A comprehensive history of the iron trade from the earliest records to the present period. 2. ed. London. 1854. Smiles. Industrial Biography: iron workers and tool makers. London. 1863. Рус. пер. (Желѣзопромышленники). Спб. 1903.

ихъ заставило многія отрасли промышленности перейти къ минеральному топливу. Въ петиціи, поданной въ парламентъ въ 1738 г. и требующей принятія мѣръ противъ дороговизны каменнаго угля, подписаны представители слѣдующихъ промысловъ: стекольнаго, мыловареннаго, кирпичнаго, печного, пивовареннаго, металлургическаго. Однако, въ области послѣдняго каменный уголь примѣнялся лишь дляковки и обработки металла, гдѣ онъ былъ почти такъ же удобенъ, какъ древесное топливо. Но имъ не умѣли пользоваться для плавки минераловъ, въ особенности желѣзной руды: чугуны получался ломкій, непригодный для обработки молотомъ. Поэтому плавильные горны по прежнему жгли лѣса, обширные же залежи каменнаго угля оставались безъ употребленія ¹⁾.

Всѣ старанія и были направлены къ изобрѣтенію такого способа выдѣлки чугуна и ковкаго желѣза, при которомъ древесное топливо могло бы уступить мѣсто минеральному. Первый получилъ патентъ на употребленіе новаго топлива Симонъ Стуртевантъ въ 1611 году; изобрѣтенный имъ способъ заключался въ возможности плавить и обрабатывать разнаго рода руду, желѣзо, сталь посредствомъ торфа, ископаемаго угля и хвороста. Основная цѣль его изобрѣтенія, какъ онъ это изложилъ въ написанномъ имъ трактатѣ о металлахъ, — избѣгнуть истребленія лѣсовъ и въ особенности сохранить строевой лѣсъ. Хотя изобрѣтеніе его и оказалось неудачнымъ, но это не остановило другихъ на пути къ той же цѣли: потребность была слишкомъ чувствительна. Уже спустя два года въ 1613 г. получилъ патентъ на выработку желѣза безъ употребленія древеснаго угля нѣкто Джонъ Ровензонъ, послѣ чего находимъ еще нѣсколькихъ чело-вѣкъ, добивавшихся патента и также не осуществившихъ своихъ проектовъ, пока наконецъ въ 1620 г. не получилъ патента Дэдлей, нашедшій дѣйствительно способъ извлекать изъ руды и выработывать полосовое желѣзо и колокола, употребляя исключительно каменный уголь. Однако, изобрѣтеніе Дэдлея оставалось неизвѣстнымъ — и попрежнему

¹⁾ Beck. Geschichte des Eisens. B. II. p. 879 и сл. 1245 и сл. Mantoux. La révolution industrielle. p. 234—85. Lexis. Steinkohlen. Handw. der Staatswiss. B. VI.

продолжалось истребленіе лѣса, такъ что количество строеваго лѣса все болѣе и болѣе сокращалось⁴⁾.

Въ Суссексѣ желѣзная промышленность держалась еще стойко до половины XVII вѣка, когда истребленіе лѣсовъ достигло такого размѣра, что снова обратило на себя особое вниманіе парламента, установившаго болѣе строгія наказанія для нарушителей закона, воспреещающаго неправильную рубку лѣса. Съ этого времени желѣзодѣлательное производство не только Суссекса, но и всей Англіи стало быстро падать, такъ что въ 1740 г. въ Англіи оказалось всего навсего 59 горновъ, изъ коихъ въ Суссексѣ было 10. „Желѣзное производство нпзведено было до незначительности и презрѣнія“. Стали опасаться, что оно вовсе исчезнетъ. Многіе впрочемъ держались того мнѣнія, что Англія можетъ обойтись безъ собственной желѣзодѣлательной промышленности, что ей выгоднѣе пользоваться желѣзомъ, привозимымъ изъ Испаніи, чѣмъ изготовлять его у себя, ибо этимъ предотвращалось бы истребленіе лѣсовъ.

Въ такомъ положеніи дѣло находилось вплоть до тѣхъ поръ, пока Абрагамъ Дэрби не достигъ наконецъ въ 1785 г., независимо отъ Дэдлея, изобрѣтеніе котораго было забыто, намѣченной цѣли—производства чугуна посредствомъ каменнаго угля. Лѣса въ окружности Кольбрукдэльскихъ заводовъ, принадлежавшихъ ему, были въ началѣ 30-хъ годовъ XVII вѣка уже совершенно истреблены и ему пришлось бы прекратить производства, еслибы не удалось найти этотъ единственно возможный исходъ. Но тогда обнаружилось новое препятствіе: подобно тому, какъ послѣ изобрѣтенія прядильной машины ручные ткацкіе станки не въ состояніи были обрабатывать всей производимой пряжи, такъ и огромное количество чугуна, получавшееся при новомъ способѣ производства, дѣлало непригодными существующіе процессы превращенія чугуна въ ковкое желѣзо. Фришеваніе, при которомъ по прежнему употреблялся исключительно древесный уголь, доставляло возможность обработки лишь небольшого количества чугуна, и полосовое желѣзо по прежнему производилось въ ограниченныхъ размѣрахъ. Равновѣсіе было возстановлено изобрѣтеніями Кранеджи и

⁴⁾ Beck. В. II p. 1247—68.

Корта въ 60—80-хъ годахъ XVIII вѣка: съ этихъ поръ обработка чугуна и прокатываніе его также производилось на каменноугольномъ топливѣ и притомъ новымъ механическимъ способомъ. Результаты не замедлили сказаться: въ половинѣ XVIII вѣка въ Англіи вырабатывалось 18 тысячъ тоннъ полосоваго желѣза, въ 1821 г.—400 тысячъ тоннъ ¹⁾ ²⁾.

III.

Появленіе машинъ во второй половинѣ XVIII вѣка объясняется однако не одной потребностью въ нихъ, но и тѣмъ уровнемъ, котораго достигли естественныя науки и техника въ это время. До половины XVIII вѣка эти изобрѣтенія были невысказаны по той простой причинѣ, что наука и техника стояли на слишкомъ низкой ступени развитія. Въ этомъ отношеніи намъ приходится оспаривать весьма распространенное мнѣніе о томъ, будто бы изобрѣтенія того времени не находились ни въ какой связи съ современной имъ наукой и техникой. „Можно-ли утверждать—говоритъ Брентано,—что эти изобрѣтенія не были сдѣланы раньше, вслѣдствіе того, что наука еще не достигла соотвѣтствующаго

¹⁾ Производство же чугуна возросло въ теченіе послѣднихъ трехъ десятилѣтій XVIII вѣка съ 32 до 156 тыс. тоннъ. Въ 1788 г. оно составляло 68 тыс. тоннъ, въ 1796 г. 128 тыс. тоннъ и въ 1804 г. 250 тыс. тоннъ. (Ehrenberg. Grosse Vermögen. B. I. 2. Aufl. p. 172. Mantoux, p. 311).

²⁾ Если и не столь сильная, какъ въ Англіи, то все же значительная потребность въ замѣнѣ древеснаго топлива минеральнымъ ощущалась и на континентѣ Европы. Такъ, во Франціи уже въ началѣ XVIII вѣка раздавались въ различныхъ мѣстностяхъ жалобы на отсутствіе лѣсовъ, истребляемыхъ какъ желѣзодѣлательными, такъ и стеклянными заводами. Въ различныхъ нѣмецкихъ государствахъ также запрещалась въ XVIII вѣкѣ рубка лѣсовъ, въ виду дороговизны въ топливѣ, вызываемой истребленіемъ ихъ. Первый желѣзодѣлательный заводъ, производившій съ помощью кокса, былъ открытъ однако въ Пруссіи лишь въ 1796 г. въ Глейвицѣ. См. Des Cilleuls. Histoire et régime de la grande industrie en France au XVII et au XVIII siècles. Paris, 1898, p. 38. Levasseur. Histoire des classes ouvrières avant 1789. T II. p. 674. Jaurès. La constituante. p. 68. Mantoux. p. 283. Zoepfl. Nationalökonomie der technischen Betriebskraft. B. I. Jena. 1903. p. 123. Lexis. Steinkohlen. Handwört. des Staatswiss. B. VI. Schmoller. Jahrbuch. B. XI. Wirtschaftspolitik Friedrich des Grossen.

уровня развитія. Но въ такомъ случаѣ — отвѣчаетъ онъ — изобрѣтателями должны были быть люди науки, напр. физики. Объ этомъ однако и рѣчи нѣтъ. Изобрѣтенія, вызвавшія переворотъ въ области техники, были сдѣланы людьми, совершенно незнакомыми съ естественными науками. Харгривсъ, изобрѣтатель Дженни, былъ ткачемъ, Аркрайтъ, изобрѣтатель машины на валахъ, былъ цирюльникъ, Картрайтъ, изобрѣтатель механическаго ткацкаго станка, былъ сельскій священникъ“ ¹⁾. Подобные же взгляды высказываютъ Шульце-Геверницъ и Гобсонъ. Изобрѣтатели конца XVIII вѣка—читаемо у перваго изъ нихъ—были не естествоиспытателями, а людьми самыхъ разнообразныхъ профессій, большею частью они работали въ области промышленности—только Картрайтъ былъ священникъ,—и ихъ изобрѣтенія были вызваны насущными потребностями практической жизни ²⁾. „Ученые въ тѣсномъ смыслѣ слова—говорить Гобсонъ—имѣли очень мало общаго съ изобрѣтеніями. Изъ всѣхъ изобрѣтателей въ области текстильной промышленности только Картрайтъ былъ теоретикъ ³⁾. И Шмоллеръ указываетъ на то, что, въ противоположность современнымъ изобрѣтателямъ, въ XVIII вѣкѣ еще играли большую роль въ области техническихъ усовершенствованій цирюльники и священники, магики и обыкновенные способные рабочіе“ ⁴⁾.

Прежде всего необходимо однако имѣть въ виду, что изобрѣтеніе паровой машины было результатомъ приобрѣтенныхъ къ этому времени научныхъ свѣдѣній, что до XVIII вѣка она вовсе и не могла появиться на свѣтъ, такъ какъ основная мысль, проведенная въ этомъ изобрѣтеніи, опирается на законы, установленные наукой, и такъ какъ постепенное развитіе паровой машины происходило одновременно съ развитіемъ естественныхъ наукъ. „Основная мысль паровой машины—говорить Рело—есть ничто иное, какъ примѣненіе пара для полученія безвоздушнаго

¹⁾ Brentano. Ueber die Ursachen der heutigen sozialen Not. Leipzig. 1889. p. 12—13.

²⁾ Schulze-Gaevernitz. Der Grossbetrieb. Leipzig. 1892. p. 30.

³⁾ Гобсонъ, стр. 59.

⁴⁾ Schmoller. Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre. Leipzig 1900. p. 211.

пространства. Пользовались не давленіемъ пара, на которое на нашъ взглядъ должны были обратить вниманіе прежде всего, а именно тѣмъ свойствомъ его, которое вызываетъ отсутствіе давленія и изъ этого обстоятельства лучше всего видно, что паровая машина была изобрѣтена не на основаніи смутныхъ и беспорядочныхъ наблюденій древнихъ и древнѣйшихъ временъ, но что она настоящей отпрыскъ новой науки, которая возникла вмѣстѣ съ великимъ открытіемъ, сдѣланнымъ Торичелли¹⁾. Торичелли, ученикъ Галилея, сдѣлалъ въ 1643 г. открытіе относительно давленія воздуха, тогда какъ до него думали, что природа не терпитъ пустого пространства. Этимъ великимъ открытіемъ, которое послужило Торичелли основаніемъ для устройства барометра, пользовались и марбургскій профессоръ математики Папенъ и Сэвери и Ньюкоменъ при устройствѣ ими паровой машины. Причина несовершенства изобрѣтенныхъ ими паровыхъ машинъ коренилась въ отсутствіи научныхъ свѣдѣній о теплотѣ и ея свойствахъ. Не было точнаго прибора для измѣренія теплоты. Впервые былъ изобрѣтенъ подобный приборъ въ 1650 году голландцемъ Дреббелемъ въ видѣ термометра съ растворомъ мѣднаго купороса, лишь въ 1714 году Фаренгейтъ воспользовался ртутью для измѣренія температуры. За нимъ уже послѣдовали термометры Реомюра въ 1730 г. и Цельсія въ 1741 г.; послѣднимъ пользуются въ настоящее время при всѣхъ научныхъ изслѣдованіяхъ. Далѣе, въ 1760 году профессоромъ университета въ Глазго Блэкомъ были сдѣланы важныя открытія въ области теоріи теплоты: онъ выяснилъ понятія свободной и скрытой теплоты и удѣльной теплоты. Однимъ изъ наиболѣе прилежныхъ учениковъ Блэка былъ механикъ Уаттъ; пріобрѣвъ новыя свѣдѣнія по теоріи теплоты, Уаттъ приступилъ къ усовершенствованію паровой машины Папена, которую онъ сдѣлалъ пригодной для примѣненія въ горнозаводской и обрабатывающей промышленности²⁾.

Шульце-Геверницъ указываетъ на то, что для подъема тяжестей сила пара примѣнялась за много столѣтій до

¹⁾ Reuleaux. Kurzgefasste Geschichte der Dampfmaschine. Braunschweig. 1891, p. 36.

²⁾ Reuleaux. p. 32—33.

появленія паровой машины и что уже при Петрѣ Великомъ пользовались, по примѣру Голландіи, паровой машиной для орошенія садовъ¹⁾. Но едвали изъ этого факта можно заключать, какъ это дѣлаетъ Шульце-Геверницъ, что сила пара могла быть примѣнена и въ промышленности (горной и фабричной) до половины XVIII вѣка, что паровая машина, приспособленная къ нуждамъ индустріи, появилась бы и раньше, если бы обнаружилась потребность въ ней. Водоподъемная машина Сэвери—по ея модели была построена машина, употребляемая для орошенія садовъ въ Россіи—оказалась въ результатѣ пригодной лишь для устройства фонтановъ; въ горномъ дѣлѣ она послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ не примѣнялась болѣе²⁾. Лишь Уаттъ, обладавшій свѣдѣніями въ области термодинамики, могъ создать тѣ приспособленія, *Haltungen*, какъ ихъ называетъ Рело, благодаря которымъ ему удалось достигнуть намѣченной цѣли³⁾.

Такимъ образомъ, на изобрѣтеніе паровой машины наука имѣла огромное вліяніе и безъ открытій, сдѣланныхъ въ

¹⁾ Schulze-Gaevernitz. p. 30.

²⁾ Matschoss. p. 99. Reuleaux. p. 28.

³⁾ Reuleaux. p. 46. „Механизмъ съ зубцами и зацѣпляющими клапанами, допускающими движеніе въ одномъ лишь направленіи (*Ventilschaltwerk*)—говоритъ Рело—который мы можемъ усмотрѣть въ поршневомъ насосѣ, не трудно было изобрѣсти, ибо управленіе клапанами достигалось въ этомъ случаѣ само собою: клапаны отпирались и запирались самымъ токомъ воды, для этого достаточно было только приводить въ движеніе поршень. Но трудно было изобрѣсти непрерывно-дѣйствующій клапанный двигатель (*Ventilhemmwerk*), ибо придумать способъ управленія клапанами, при которомъ получалось бы движеніе по двумъ направленіямъ (вверхъ и внизъ), это значило вступить въ совершенно иную область понятій и далѣе, выяснивъ эту идею, необходимо было изобрѣсти сверхъ того особые приспособленія, которыя осуществляли бы эту идею движенія клапановъ на практикѣ. Поэтому непрерывно-дѣйствующій клапанный двигатель былъ изобрѣтенъ лишь 2.000 лѣтъ, спустя послѣ поршневого насоса (механизма, дѣйствующаго въ одномъ направленіи) первый былъ найденъ даже не непосредственно, а лишь очень косвеннымъ путемъ, посредствомъ удаленія изъ подъ поршня—по способу Папена—воздуха или замѣнившаго его пара физическимъ путемъ. На это потребовалось сто лѣтъ: Папенъ началъ работать надъ непрерывно-дѣйствующимъ поршневымъ механизмомъ, Уаттъ привелъ работу къ концу“.

области физики, это изобрѣтеніе было бы невысказуемо. И Папень и Уаттъ, изъ которыхъ одинъ создалъ первую паровую машину (паровой котель), а другой приспособилъ ее для цѣлей практики, оба они были механиками и физиками и исходили изъ положеній, установленныхъ наукой¹⁾. Точно также и Стефенсонъ, изобрѣтатель локомотива, былъ механикъ по специальности²⁾. Потребность въ новой двигательной силѣ была только тогда удовлетворена—говоритъ Лампрехтъ—когда наука перешла отъ механики къ физикѣ, въ особенности къ термофизикѣ, этимъ открывается новая эпоха въ области техники“³⁾.

Въ другихъ изобрѣтеніяхъ вліяніе науки и техники не обнаруживается столь ясно, какъ въ исторіи паровой машины, однако и здѣсь можно прослѣдить тѣ нити, которыми они связаны съ современной имъ техникой и естественной наукой. Эти изобрѣтенія не были созданы *учеными* механиками, подобно паровой машинѣ, но изобрѣтатели ихъ не были также лишь цирюльниками, священниками или простыми рабочими; они были механиками, именно—часовыхъ дѣлъ мастерами. Такъ, плавка чугуна была впервые примѣнена англійскимъ часовыхъ дѣлъ мастеромъ Гентсменомъ, который въ 1740 г. устроилъ первый чугунный заводъ близъ Шеффилда⁴⁾. Точно также и Фултонъ, изобрѣтатель парохода, былъ первоначально часовщикомъ; хотя онъ скоро и бросилъ это занятіе, но пріобрѣтенныя въ этомъ ремеслѣ свѣдѣнія имѣли большое вліяніе на конструкцію его изобрѣтеній. Харгривсъ соединялъ съ занятіемъ ткача профессію механика, принадлежа къ числу тѣхъ импровизированныхъ инженеровъ, которые въ тѣ времена, за отсутствіемъ настоящихъ инженеровъ, устанавливали водяныя и вѣтренныя мельницы, насосы и фонтаны, производили необходимыя починки въ механизмахъ и руководили ихъ конструкціей. Эти лица знали обыкновенно ариѳметику,

¹⁾ Это признаетъ и Манту, р. 306. 325.

²⁾ Matschoss, р. 409 сл.

³⁾ Lamprecht. Zur jüngsten deutschen Vergangenheit. В. II. Т. 1. (Wirtschaftsleben). Leipzig. 1903, р. 104. 179.

⁴⁾ Karmarsch. Geschichte der Technologie seit der Mitte des XVIII Jahrhunderts. München. 1872. р. 268. Buch der Erfindungen. 8. Aufl. Berlin. 1890. В. IV. р. 114.

отчасти и механику, умѣли чертить проекты, вычислять скорость и силу механизмовъ ¹⁾. Далѣе, Картрайтъ, изобрѣв- шій механической ткацкій станокъ, былъ не только священ- никомъ, но и механикомъ: познакомившись съ Фультономъ, онъ также построилъ модель парохода, колеса котораго приводились въ движеніе посредствомъ часоваго меха- низма ²⁾. Наконецъ, и цирюльникъ Аркрайтъ, наиболѣе крупный изъ изобрѣтателей прядильной машины, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ часовыхъ дѣлъ мастеромъ и прозвищемъ его было ноттингемскій часовщикъ ³⁾. Ватерную машину Аркрайтъ построилъ при содѣйствіи часовщика Кэя, кото- рый также конструировалъ модель прядильной машины, другого часовыхъ дѣлъ мастера и одного слесаря ⁴⁾.

То обстоятельство, что изобрѣтатели въ области текстиль- ной промышленности были знакомы съ часовой механикой, является крайне важнымъ для пониманія возникновенія новыхъ изобрѣтеній. Сложность часоваго механизма и тон- кость работы, необходимость имѣть дѣло съ цѣлой систе- мой зубчатыхъ колесъ и пользоваться самыми разнообраз- ными инструментами, — все это должно было подготовить будущихъ изобрѣтателей прядильной машины и механиче- скаго ткацкаго станка. Дѣло въ томъ, что—какъ указываетъ Германъ—то же самое маховое колесо, которое первоначально примѣнялось въ искусствѣ изготовленія часовъ для регу- лированія ихъ хода, служило впослѣдствіи въ машинной техникѣ XVIII вѣка средствомъ для поддержанія хода машинъ ⁵⁾. Но находясь въ связи съ часовымъ искусствомъ, изобрѣтенія въ области пряденья и ткачества тѣмъ самымъ стоятъ въ связи и съ открытіями въ области естественныхъ наукъ, ибо уже первые успѣхи въ техникѣ часовъ всецѣло покоятся на новыхъ открытіяхъ, сдѣланныхъ физикой. За- конъ колебанія маятника были установлены въ XVII

¹⁾ Mantoux. p. 209.

²⁾ Grothe. Bilder und Studien zur Geschichte vom Spinnen, Weben, Nähen. 2 Aufl. Berlin. 1875. p. 151.

³⁾ Otto. Das Buch berühmter Kaufleute. I. Leipzig — Berlin. 1868. p. 777—780.

⁴⁾ Grothe. p. 138.

⁵⁾ Herrmann. Technische Fragen und Probleme der modernen Volkswirt- schaft. Leipzig. 1891. p. 139.

вѣкъ Галилеемъ и получили дальнѣйшее развитіе въ сочиненіи Гюйгенса „Horologium oscillatorium“, въ которомъ уже имѣются зачатки ученія о сохраненіи энергіи. Этотъ же Гюйгенсъ примѣнилъ впервые маятники для регулированія хода часовъ. Его изобрѣтеніе, относящееся къ 1656 г., составляетъ эпоху въ исторіи производства часовъ, собственно съ этихъ поръ оно только и начинаетъ развиваться ¹⁾. „До Гюйгенса часы были грубыми топорно и наугадъ построенными машинами, послѣ Гюйгенса — они стали точными приборами, механизмами, основанными на выводахъ науки и служащими ей.“ „Поршневая паровая машина — говорить Рело — представляетъ собою непрерывно-дѣйствующій механизмъ (съ дѣйствіемъ въ двухъ направленіяхъ — Hemmwerk), назначеніе котораго состоитъ въ проявленіи двигательной силы въ возможно большей степени (Krafthemmwerk). Но уже раньше существовали непрерывно-дѣйствующие двигатели минимальной силы въ часахъ, способные лишь преодолѣть существующее въ часовомъ механизмѣ треніе (Genauigkeitshemmwerk): назначеніе двигателя въ часахъ — регулировать ходъ, вносить въ него желательную въ этомъ инструментѣ точность. Какъ надъ паровой машиной, такъ и надъ часовымъ механизмомъ люди работали начиная съ XVII вѣка, и тѣ и другіе надъ непрерывно-дѣйствующимъ (двустороннимъ) двигателемъ, не имѣя однако свѣдѣній другъ о другѣ. И одновременно съ изобрѣтеніемъ Уатта въ 1765 г. появилось въ 1761 г. и изобрѣтеніе Гаррисона — хронометръ ²⁾. Такимъ образомъ, изобрѣтенія въ области часового искусства шли параллельно и въ тѣсной связи съ развитіемъ естественныхъ наукъ. Эти изобрѣтенія сами по себѣ не имѣли конечно и не могли имѣть того огромнаго экономическаго значенія, какъ изобрѣтеніе парового двигателя, плавки чугуна, прядильной машины и механическаго ткацкаго стана. Но въ виду того, что успѣхи въ области техники часовъ имѣли большое вліяніе на изобрѣтенія въ прядильно-ткацкой промышленности, они играютъ въ экономической исторіи важную роль.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что изобрѣтеніе машинъ

¹⁾ Lamprecht. В. II. Т. I. p. 86. 99.

²⁾ Reuleaux. p. 47—48.

обусловливалось не только нуждой въ нихъ, но и успѣхами въ области естественныхъ наукъ и техники, и при отсутствіи послѣднихъ появленіе машины во второй половинѣ XVIII вѣка было бы немислимо даже при существованіи самой сильной потребности въ нихъ: машины появились именно во второй половинѣ XVIII вѣка по той причинѣ, что лишь къ этому времени термофизика и механика достигли необходимаго для сложныхъ техническихъ изобрѣтеній уровня развитія.

IV.

Значеніе новыхъ изобрѣтеній для народнаго хозяйства выразилось прежде всего въ томъ, что увеличилось количество продукта, производимаго въ теченіе того же времени, или, что то же самое, прежнее количество товаровъ изготовлялось въ болѣе короткій срокъ. Въ 1812 году прядильщикъ былъ въ состояніи произвести въ 200 разъ больше, чѣмъ до изобрѣтенія дженни-машины. Ткачъ, работавшій на механическомъ станкѣ, создавалъ почти столько же, сколько 40 искусныхъ ручныхъ ткачей. При прежнихъ процессахъ выдѣлки желѣза (фришеваніе) для полученія 10 тоннъ чугуна необходимо было 3 недѣли, послѣ примѣненія пудлингованія для этого оказалось достаточно 3 дней ¹⁾.

¹⁾ Еще болѣе возросло количество вырабатываемаго продукта въ послѣдующія десятилѣтія, послѣ появленія еще болѣе усовершенствованныхъ машинъ и способовъ производства. Посредствомъ бессемерованія 10 тоннъ ковкаго желѣза производятся не въ 3 недѣли и не въ 3 дня, а въ 20 минутъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ С.-А. вычислено, что за 15—20 лѣтъ, предшествовавшихъ 1886 г., замѣна ручного труда машиной привела къ увеличенію продукта въ среднемъ на одну треть; въ сапожномъ промыслѣ оно равнялось 50 проц. въ производствѣ однихъ сортовъ товаровъ и 80 проц. въ производствѣ другихъ сортовъ, въ производствѣ шелковыхъ издѣлій—50 проц., въ мебельномъ промыслѣ—30 проц., между тѣмъ какъ во многихъ менѣе важныхъ процессахъ, каковы напр., струганіе дерева, выдѣлка оловянныхъ кувшиновъ, обоевъ, мыла, полированной кожи, ростъ производительности составляетъ отъ 50 до 300 проц. и болѣе. Прогрессъ не ограничивается, однако, вторженіемъ механическихъ способовъ производства въ тѣ процессы, которые ранѣе выполнялись человѣческой рукой. Еще болѣе важную роль сыграли дальнѣйшія техническія

Кѣмъ же произведенъ избыточный продуктъ, получаемый при употребленіи машинъ въ производствѣ? Отвѣтъ кажется весьма простымъ: если ткачъ на ручномъ станкѣ изготовлялъ 45 ярдовъ въ недѣлю, въ настоящее же время, руководя шестью механическими ткацкими станами, выдѣлываетъ 1000 ярдовъ, то очевидно, прибавка въ видѣ 955 ярдовъ является результатомъ возрастанія производительности его труда и должна быть приписана рабочему, ибо „въ качествѣ цѣлесообразной, полезной производительной дѣятельности *его* трудъ соотвѣтствующимъ образомъ увеличился“.

(Марксъ).

Къ такому выводу можно однако придти лишь въ томъ случаѣ, если не разграничивать надлежащимъ образомъ двухъ различныхъ видовъ труда, функционирующихъ при употребленіи машинъ въ производствѣ. До замѣны инструментовъ и орудій механизмами, которые именуются машинами, вся работа падала въ сущности на человѣка: орудіе не производило самостоятельныхъ операций, а облегчало лишь

усовершенствованія въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ уже и ранѣе примѣнялись машины. Такъ, въ производствѣ земледѣльческихъ орудій возрастаніе можно считать въ 50—70 проц., въ машиностроительной индустріи въ 25—40 проц., въ выдѣлкѣ желѣзныхъ издѣлій въ 33 проц. Въ судостроительной промышленности при помощи новыхъ машинъ оказалось возможнымъ производить въ 4—5 разъ больше, чѣмъ при прежней ручной работѣ. Ростъ производительности (труда) въ Англіи въ 1830—1885 гг. опредѣляется въ 40 проц., въ частности же, въ нагрузочной промышленности для выполненія той же работы въ 1884 г. требовалось на 70 проц. меньше рабочего времени, чѣмъ въ 1870 г.—благодаря примѣненію подъемныхъ машинъ, элеваторовъ, а равно употребленію пара при разгрузкѣ кораблей, натягиваніи парусовъ, накачиваніи воды и т. п. (Гобсонъ, стр. 185—186).

Что касается возрастанія количества продукта, вызваннаго примѣненіемъ двигательной силы пара, электричества и т. п., то въ германской промышленности—по переписи 1895 г.—примѣнялось 3,4 милл. лошадиныхъ силъ, изъ коихъ 79,4 проц. принадлежало паровымъ двигателямъ, причемъ германская статистика приравниваетъ механическую лошадиную силу силѣ трехъ живыхъ лошадей; силу же одной лошади—силѣ 8 человѣкъ. Такимъ образомъ, двигатели замѣняютъ собою трудъ 82.108.056 рабочихъ, если же присоединимъ 8.281.220 дѣйствительно работающихъ въ промышленности людей, то окажется, что производительность послѣднихъ, благодаря употребленію двигателей, возросла въ десять разъ.

рабочему выполнению различных операций в производстве. Съ применениемъ машинъ условия измѣнились: дѣятельность рабочаго свелась къ труду лишь одного рода, заключающемуся въ направленіи и регулированіи дѣйствій машины. Онъ приводитъ машину въ движеніе, ускоряетъ ея ходъ, если это необходимо, снабжаетъ ее матеріаломъ, но въ самую дѣятельность машины не вмѣшивается, а лишь принимаетъ мѣры къ устраненію препятствій, встрѣчаемыхъ машиной на своемъ пути, и къ обезпеченію правильнаго и непрерывнаго хода машины, безъ всякихъ случайностей и остановокъ ¹⁾). Такого рода трудъ необходимъ и при машинномъ характерѣ производства. Даже наиболѣе совершенные автоматическіе аппараты, самостоятельно снабжающіе себя матеріаломъ и послѣдовательно выполняющіе цѣлый рядъ разнообразныхъ операций ²⁾), нуждаются, въ самомъ хотя бы незначительномъ, содѣйствіи человѣка, такъ какъ если бы они могли сами двигаться безостановочно и непрерывно, то идея *perpetuum mobile* была бы осуществлена. Но вся остальная работа—трудъ второго рода, который прежде также вынужденъ былъ

¹⁾ „Трудъ рабочаго, приставленнаго къ машинѣ, постепенно сокращается все болѣе и болѣе; однообразную и монотонную работу машина беретъ на себя по мѣрѣ того, какъ она становится автоматическимъ аппаратомъ, пока, наконецъ, вся дѣятельность человѣческихъ рукъ не сводится къ доставленію машинѣ чрезъ извѣстные промежутки сырья и къ удаленію произведеннаго ею продукта. Остается, правда, еще отвѣтственность за хорошее состояніе и правильный ходъ машины, но и эта задача уменьшается посредствомъ устройства автоматическихъ приспособленій, благодаря которымъ машина останавливается, если что-либо не въ порядкѣ“. (Marshall, I, p. 321).

²⁾ Ротационная печатная машина не только печатаетъ листы, но и разрѣзываетъ ихъ, складываетъ и кладетъ одинъ на другой. Машина, изготовляющая конверты, самостоятельно беретъ листъ бумаги, складываетъ его, намазываетъ клеємъ, заклеиваетъ съ трехъ сторонъ, осушиваетъ сторону, которая остается открытой, и, наконецъ, выбрасываетъ готовый конвертъ, производя такимъ образомъ, безъ помощи человѣка всѣ операциі отъ начала до конца. Машина, выдѣлывающая винтики, сама себя снабжаетъ металломъ и обрабатываетъ его, выбрасываетъ готовый продуктъ. И такого рода аппараты въ настоящее время уже не составляютъ исключительныхъ явленій, ихъ можно найти въ любой отрасли производства.

производитъ человѣкъ, трудъ, состоящій въ выполненіи отдѣльныхъ операцій по обработкѣ продукта, переданъ въ настоящее время машинѣ. Машина тѣмъ и отличается отъ орудія, что она не только увеличиваетъ силу человѣка, облегчаетъ его работу, какъ это дѣлаетъ орудіе, но представляетъ собою самостоятельный рабочій механизмъ, который, независимо отъ человѣка, производитъ необходимыя операціи въ процессѣ производства, выполняя различныя движенія по заранее установленному плану; въ заранее извѣстномъ, строго опредѣленномъ порядкѣ „движущіяся точки описываютъ опредѣленныя линіи, прямыя, круги, кривыя“ ¹⁾).

Конструкція различныхъ машинъ весьма разнообразна, она обуславливается тѣмъ, обрабатываетъ ли машина самый продуктъ—какъ напр. ткацкій станъ,—или доставляетъ лишь двигательную силу—какъ паровой двигатель—для другихъ аппаратовъ и приборовъ, или, наконецъ,—подобно паровому молоту—соединяетъ въ себѣ качества какъ двигателя, такъ и машины въ тѣсномъ смыслѣ слова. Различіе въ машинахъ зависитъ далѣе отъ того, въ какой отрасли производства онѣ примѣняются, какіе процессы въ данной отрасли промышленности онѣ выполняютъ, для какихъ спеціальныхъ цѣлей онѣ предназначаются. Между тѣмъ трудъ рабочаго, приставленнаго къ машинѣ, всегда одинъ и тотъ же по своему характеру, не смотря на то, какой продуктъ производитъ машина, какую двигательную силу она доставляетъ: онъ всегда выражается въ регулированіи дѣйствій машины, въ наблюденіи за правильностью ея хода. Прядильщикъ „слѣдитъ за равномерностью хода селъфактора и лишь отъ времени до времени выполняетъ различныя дѣйствія, заключающіяся въ питаніи машины новымъ матеріаломъ и въ удаленіи произведеннаго ею продукта“; если лопнула нить, машина автоматически останавливается. Рабочій на металлургическомъ заводѣ, производящемъ сталь посредствомъ вдуванія воздуха въ чугуны, наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы (бессемеровскій) конверторъ правильно наполнился и опорожнялся, вся задача его сводится къ надзору

¹⁾ Reuleaux. Lehrbuch der Kinematik. B. II. Die praktischen Beziehungen der Kinematik zu Geometrie und Mechanik. Braunschweig. 1900. p. 238—239.

ва процессомъ производства, лишь отъ времени до времени онъ вмѣшивается въ самый процессъ, осторожно направляя его тѣмъ или инымъ образомъ“ ¹⁾. „Наиболѣе поразительные успѣхи примѣненія машинной силы—говоритъ Маршалль—мы наблюдаемъ на судостроительныхъ заводахъ, гдѣ изготовляется броня для судовъ; сила проявляемая машиной, здѣсь столь велика, что человѣческая сила совершенно ступшевывается; каждое движеніе, горизонтальное ли или вертикальное, производится при помощи гидравлическихъ или паровыхъ двигателей, человѣкъ приставленъ лишь для наблюденія за ихъ ходомъ, для удаленія золы или для выполненія иныхъ второстепенныхъ работъ“ ²⁾. Дѣятельность рабочаго на прядильной фабрикѣ, на металлургическомъ или судостроительномъ заводѣ, слѣдовательно, одинакова по существу, хотя въ первомъ случаѣ получается пряжа, во второмъ—желѣзо и сталь, въ третьемъ—части судовъ. Различіе въ операціяхъ, выполняемыхъ машиной или двигателемъ и въ получаемыхъ вслѣдствіе этого продуктахъ, обуславливается, слѣдовательно, не характеромъ труда рабочаго, который остается неизмѣннымъ, а разнообразной конструкціей машины, ибо отъ свойствъ ея механизма зависитъ—и опредѣляется заранѣе при изобрѣтеніи машины—какія движенія производитъ машина, какъ она ихъ выполняетъ и въ какомъ порядкѣ. Изобрѣтеніе же машины хотя и есть несомнѣнно продуктъ труда, но только не труда рабочаго, руководящаго ходомъ машины и наблюдающаго за ней,—а труда изобрѣтателя, съ модели котораго построена машина.

Движенія машины совершаются по опредѣленному плану, механизмъ описываетъ извѣстныя линіи съ извѣстной скоростью и въ извѣстной послѣдовательности. Эти моменты—родъ движенія, скорость его и послѣдовательность операцій, производимыхъ машиной, опредѣляются той цѣлью, которую поставилъ себѣ изобрѣтатель, и тѣми путями, которыми онъ старался достигнуть намѣченной цѣли. Поэтому то дѣйствіе машины на обрабатываемый ею матеріалъ заранѣе

¹⁾ Sinzheimer. Der volkswirtschaftliche Charakter der technischen Entwicklung des deutschen Eisenhüttengewerbes 1865—1879. München. 1892. p. 55.

²⁾ Marshall. Principles of Economics. Vol. I. 2 ed. London. 1891. p. 321.

извѣстно, опредѣляется характеромъ дѣятельности изобрѣтателя. И рабочему, приставленному къ машинѣ, уже „приходится подчиняться движеніемъ машины, какъ имъ подчиняются и механическія силы природы—онъ не можетъ произвольно совершать тѣ или другія движенія“; онъ вынужденъ всецѣло покориться волѣ и цѣлямъ изобрѣтателя ¹⁾. Точно также и фабрикантъ, изготовляющій машины и аппараты, какъ и его инженеры и рабочіе являются не болѣе какъ посредниками между изобрѣтателемъ и предпринимателемъ, примѣняющимъ машину въ производствѣ. Изобрѣтатель дѣйствительно создалъ машину своимъ творческимъ трудомъ, тогда какъ они только копируютъ модель изобрѣтателя, воплощаютъ его творческую мысль во многихъ тысячахъ экземпляровъ и даютъ ей возможность оплодотворять производство. Совершая, такимъ образомъ, работу весьма необходимую и полезную, рабочіе и предприниматели машиностроительныхъ заводовъ какъ таковыя выполняютъ лишь предписанія изобрѣтателя, не внося однако ничего новаго въ самое изобрѣтеніе ²⁾. Но не въ этой работѣ, результатомъ которой является увеличеніе количества экземпляровъ изобрѣтеннаго аппарата, а въ творческомъ трудѣ изобрѣтателя выражается прогрессъ въ области техники производства. Какъ только изобрѣтатель создалъ первую примѣнимую на практикѣ модель, изобрѣтеніе должно считаться готовымъ и дальнѣйшая копировка этой модели уже нисколько не мѣняетъ дѣла. Съ этихъ поръ изобрѣтеніе можетъ употребляться въ процессѣ производства, и всѣ продукты, изготовляемые впослѣдствіи при помощи этой машины за все время пользованія ею въ производствѣ, содержатъ въ себѣ творческій трудъ изобрѣтателя, создавшаго ее.

Такимъ образомъ, установленное нами различіе между дѣятельностью приставленнаго къ машинѣ рабочаго, надзи-

¹⁾ Veuleux. I. с. В. II. р. 238—240.

²⁾ Конечно, и предприниматель, и рабочіе, и въ особенности—что бываетъ нерѣдко—инженеры машиностроительнаго завода могутъ вводить новыя усовершенствованія въ изготовляемыя машины, но тогда они также являются изобрѣтателями и дѣйствуютъ въ качествѣ таковыхъ, а не въ качествѣ предпринимателей или рабочихъ (простыхъ или квалифицированныхъ).

рающего за ея ходомъ, и дѣятельностью самой машины, самостоятельно выполняющей всѣ необходимыя операціи по обработкѣ продукта, является внѣшнимъ выраженіемъ той коренной разницы, которая обнаруживается при сопоставленіи труда рабочаго и труда изобрѣтателя—въ движеніяхъ машиннаго механизма воплощается творческій трудъ изобрѣтателя. Рабочій исполняетъ задачу, заданную ему предпринимателемъ, исполняетъ ее указаннымъ заранѣе способомъ, соотвѣтственно требованіямъ техники—его трудъ слѣд., подчиненный, исполнительный¹⁾; способъ производства устанавливаетъ изобрѣтатель. Трудъ изобрѣтателя стоитъ внѣ предпріятія, изобрѣтатель создаетъ техническія усовершенствованія, пригодныя не для одного какого-либо предпріятія, а для цѣлой отрасли производства, и даже для всей индустрии въ ея цѣломъ; этотъ трудъ предназначенъ для всѣхъ предпріятій, изготовляющихъ даннаго рода издѣлія или пользующихся данною двигательной силой. Такой широтой примѣненія трудъ изобрѣтателя обладаетъ не только въ пространствѣ, но и во времени. Изобрѣтеніе создано не только для всѣхъ предпріятій, производящихъ въ данное время извѣстныя операціи, но и для всѣхъ промышленныхъ заведеній, которыя возникнутъ въ будущемъ и также будутъ производить даннаго рода предметы или примѣнять опредѣленную двигательную силу. Поэтому трудъ изобрѣтателя является вмѣстѣ съ тѣмъ трудомъ негибнущимъ, вѣчнымъ. Продукты, произведенные тѣмъ или другимъ рабочимъ, подъ надзоромъ того или другого предпринимателя, съ теченіемъ времени уничтожаются, одни скорѣе, другіе позже,—но даже самые долговѣчные предметы въ концѣ концовъ гибнутъ подъ вліяніемъ разрушительнаго дѣйствія времени. Между тѣмъ продукты дѣятельности изобрѣтателя, какъ труда творческаго, выражающагося въ извѣстной идеѣ, а не въ ея реальной формѣ, не исчезаютъ, не могутъ погибнуть. Каждая отдѣльная машина, прядильная или ткацкая, паровой двигатель или

¹⁾ Этотъ терминъ правильнѣе выражаетъ характеръ труда рабочаго (*ausführende Arbeit*), чѣмъ обозначеніе „физическій трудъ“, ибо трудъ рабочаго, приставленнаго къ машинѣ, въ значительной мѣрѣ потерялъ свойства физическаго труда: онъ столь же умственный трудъ, какъ и физическій. (См. ниже).

электрическій аппаратъ, конечно изнашивается съ теченіемъ времени, но самое изобрѣтеніе, идея его, сохраняется и въ любой моментъ можетъ быть воплощена въ новыхъ машинахъ и аппаратахъ. Паровая машина, созданная Уаттомъ, дѣйствуетъ и понынѣ, паровозъ, изобрѣтенный Стефенсономъ ходитъ на желѣзныхъ дорогахъ и въ настоящее время, прядильная машина Кромптона и механическій ткацкій станокъ Картрайта примѣняется и до сихъ поръ въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ. Всѣ эти изобрѣтенія съ тѣхъ поръ значительно измѣнены, усовершенствованы, но основаніе ихъ остается то же; то, что было сдѣлано сто и болѣе лѣтъ тому назадъ, не уничтожено, а лишь дополнено другими изобрѣтателями. Это значитъ, что трудъ изобрѣтателя никогда не гибнетъ, онъ продолжаетъ жить десятки и сотни лѣтъ въ его твореніяхъ; только къ его труду присоединяется каждый разъ творческій трудъ новыхъ лицъ, который также воплощается въ аппаратахъ и машинахъ.

Такимъ образомъ, добавочный продуктъ, получаемый при примѣненной техническихъ усовершенствованій въ производствѣ, созданъ творческимъ трудомъ изобрѣтателя, а не исполнительнымъ трудомъ рабочаго. Поэтому далеко не всегда, когда мы говоримъ о возрастаніи производительности труда, подъ трудомъ слѣдуетъ разумѣть исполнительный трудъ рабочаго. Производительность исполнительнаго труда возросла очевидно лишь въ томъ случаѣ, если усилилась интенсивность работы или произошли какія-либо измѣненія въ самомъ характерѣ ея, требующія отъ рабочаго большаго вниманія и напряженія. Во всѣхъ же тѣхъ случаяхъ, когда большее количество продукта въ теченіе того же времени достигается исключительно вслѣдствіе примѣненія болѣе усовершенствованныхъ машинъ и аппаратовъ, новыхъ техническихъ или химическихъ процессовъ, происходитъ возрастаніе производительности не исполнительнаго, а творческаго труда. Нерѣдко (впрочемъ далеко не всегда) примѣненіе болѣе усовершенствованныхъ машинъ и двигателей сопряжено съ измѣненіями въ характерѣ исполнительнаго труда. Въ этихъ случаяхъ необходимо установить, вызвала ли дѣйствительно переменна въ технику производства большее напряженіе со стороны рабочаго, заставила ли она его работать болѣе внимательно, вдумчиво

и сосредоточенно и сумѣлъ ли онъ принаровиться къ этимъ требованіямъ. Въ послѣднемъ случаѣ возросла конечно производительность его труда, но разъ вмѣстѣ съ тѣмъ примѣнены болѣе усовершенствованные процессы производства, то ясно, что одновременно увеличилась и производительность творческаго труда и, слѣдовательно, добавочный продуктъ, получившійся благодаря измѣнившемуся характеру производства, долженъ быть приписанъ какъ исполнительному труду рабочаго, такъ и творческому труду изобрѣтателя.

Мы имѣемъ, слѣдовательно, съ конца XVIII вѣка два рѣзко отличныхъ другъ отъ друга вида труда—и эти два вида труда только и могутъ являться источниками прибыли въ XIX вѣкѣ. Что же касается торговаго обмѣна или точнѣе дохода потребителя въ качествѣ источника прибыли, то—какъ мы видѣли выше ¹⁾—уже предприниматель XVI и въ особенности XVII—XVIII ст., вслѣдствіе появленія конкуренціи при сбытѣ товаровъ, не имѣлъ возможности присоединять къ трудовой цѣнности товара еще добавочный плюсъ, а вынужденъ былъ довольствоваться прибылью, получаемой изъ труда рабочаго. Тѣмъ менѣе можетъ существовать прибыль, проистекающая изъ такого источника, въ XIX вѣкѣ, въ эпоху свободной конкуренціи: въ этотъ періодъ предприниматель не только не въ состояніи заставить потребителя уплатить ему прибыль изъ собственнаго дохода, а наоборотъ, вынужденъ еще отдавать потребителю даромъ часть продукта, именно часть продукта творческаго труда, въ видѣ пониженной цѣны фабрикатовъ ²⁾.

Однако, самый фактъ существованія свободной конкуренціи, совершенно измѣняющій положеніе предпринимателя (производителя) и потребителя на рынкѣ сбыта, значительно усложняетъ проблему прибыли по отношенію къ XIX вѣку. Если увеличеніе силы потребителя при свободной конкуренціи даетъ ему возможность требовать отъ предпринимателя часть продукта труда, часть того, что создается творческимъ трудомъ—въ видѣ пониженной цѣны,—то возникаетъ вопросъ, не вынуждаетъ ли конкур-

¹⁾ См. томъ первый, стр. 512—13, 569 и 642—45.

²⁾ См. выше, стр. 12 и ниже, гл. 2.

ренція підприємателя уступити потребителю путем сокращенія цѣны весь добавочный продуктъ, получаемый благодаря примѣненію техническихъ усовершенствованій, и вообще остается ли підприємателю при господствѣ свободной конкуренціи что-либо за покрытіемъ его расходовъ въ производствѣ? Очевидно, необходимо выяснитъ это обстоятельство и показать, почему часть добавочнаго продукта остается и должна необходимо оставаться въ рукахъ підприємателя. Къ этому новому для насъ вопросу—при разсмотрѣніи прибыли въ предыдущія столѣтія онъ не могъ возникнуть, вслѣдствіе иного положенія производителя и потребителя—присоединяется еще и другая проблема, на которой приходилось уже останавливаться раньше: чѣмъ объясняется возможность присвоенія підприємателемъ части продукта, изготовляемаго работающими на него лицами? Разница состоитъ лишь въ томъ, что тогда рѣчь шла только о результатахъ физическаго труда рабочаго, тогда какъ при разсмотрѣніи прибыли XIX вѣка этотъ вопросъ необходимо выяснитъ особо въ отношеніи творческаго труда изобрѣтателя и въ отношеніи исполнительнаго труда рабочаго.

Словомъ, изъ факта существованія въ XIX вѣкѣ труда двоякаго рода слѣдуетъ лишь, что оба вида труда могутъ быть источниками прибыли въ этотъ періодъ, но еще вовсе не вытекаетъ, что они дѣйствительно являются источниками ея, а еще менѣе, что и тотъ и другой видъ труда, или непремѣнно одинъ, а не другой, составляютъ тотъ источникъ, изъ котораго получается прибыль съ капитала. Необходимо прежде всего выяснитъ, переходитъ ли къ підприємателю часть продукта того или иного труда (или обоихъ вмѣстѣ) и почему это происходитъ, по какимъ причинамъ извѣстное количество изготовленныхъ продуктовъ безвозмездно поступаетъ въ руки підприємателя. Когда такимъ образомъ выяснится, что підприєматель получаетъ извѣстный придаточный продуктъ, то нужно далѣе показать, что этотъ прибавочный продуктъ дѣйствительно остается въ рукахъ підприємателя, превращаясь въ добавочную цѣнность, а не переходитъ (цѣликомъ) къ потребителю въ видѣ пониженной цѣны, и выяснитъ причины этого явленія—того обстоятельства, что цѣна превышаетъ

расходы предпринимателя. Лишь выяснивъ послѣдній моментъ, мы вправѣ утверждать, что добавочный продуктъ необходимо превращается въ добавочную цѣнность—прибыль ¹⁾).

Исходной точкой при такой постановкѣ вопроса является положеніе, что лишь съ конца XVIII вѣка можетъ быть рѣчь о существованіи рядомъ съ исполнительнымъ трудомъ и труда творческаго. Однако различныя изобрѣтенія, воплощавшія въ себѣ творческой трудъ, существовали вѣдь и до XVIII вѣка; и въ предыдущія эпохи мы находимъ различные инструменты и аппараты, орудія и даже машины, которыя составляютъ продуктъ труда изобрѣтателя. Имѣемъ ли мы основаніе игнорировать ихъ, обращать вниманіе вплоть до конца XVIII вѣка на одинъ лишь физическій трудъ, какъ на источникъ цѣнности и прибыли.

V.

Средневѣковые цехи точнѣйшимъ и подробнѣйшимъ образомъ регулировали процессъ производства во всѣхъ его деталяхъ, опредѣляя качество и количество употребляемаго матеріала, внѣшній видъ и размѣры фабриката, форму и величину орудій производства. Вслѣдствіе этого, какое бы то ни было новшество, техническое усовершенствованіе само собою уже являлось запрещеннымъ, не соответствовало установленнымъ правиламъ, и если кому-либо изъ цеховыхъ мастеровъ удавалось ввести улучшеніе въ производствѣ—а улучшенія исходили обыкновенно отъ нихъ—то цехъ, или по его требованію городской магистратъ, опасаясь какъ бы это изобрѣтеніе не отняло у другихъ работу, издавалъ спеціальное запрещеніе пользованія новымъ инструментомъ или способомъ производства. Этимъ самымъ рѣшалась не только судьба промысла, который обрекался на застои, но и судьба самого изобрѣтателя, который лишался возможности воспользоваться продуктами своего творческаго труда. Запрещенія приводили къ тому, что многія изобрѣтенія вовсе погибали, тогда какъ другія

¹⁾ Ср. постановку вопроса у Boehm-Bawerk'a. *Geschichte und Kritik der Kapitazins-theorien*. 2 Aufl. Innsbruck. 1900. p. 203 и сл.

лишь исчезали на известное болѣе или менѣе продолжительное время, въ послѣдствіи же, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ вновь выплывали на поверхность, когда запрещеніе уже было забыто, и въ концѣ концовъ все таки добивались признанія. Однако, изобрѣтателю отъ этого было не лучше; и въ послѣднемъ случаѣ онъ извлекалъ не болѣе выгодъ, чѣмъ въ первомъ, когда изобрѣтеніе вовсе исчезало, никому не принося пользы. Въ тотъ моментъ, когда примѣненіе созданнаго имъ улучшенія становилось возможнымъ, изобрѣтателя обыкновенно уже не было въ живыхъ, такъ что всѣ плоды его труда безвозмездно переходили къ цеху, который примѣнялъ усовершенствованіе; даже имя изобрѣтателя къ этому времени забывалось и его трудъ приписывался кому-либо другому.

Такъ сукновалка ¹⁾ была изобрѣтена не позже XI вѣка (въ 1050 г. она примѣнялась въ Греноблѣ ²⁾), но была повсюду запрещена, гдѣ она ни появлялась, и въ Парижѣ, и въ Кутансѣ, и во фламандскихъ городахъ, причемъ вездѣ ремесленники указывали на дурное качество издѣлій, производимыхъ при помощи этого орудія ³⁾. Въ Лондонѣ ремесленники впрочемъ болѣе искренне прибавляли и опасеніе, что они лишатся работы, въ случаѣ ея примѣненія, такъ какъ она замѣняетъ собою трудъ 24 человѣкъ; поэтому въ Лондонѣ находимъ запрещеніе еще въ концѣ XV вѣка: въ одномъ изъ статутовъ, изданномъ въ 1482 году, говорится, что шапки, шляпы и фуражки валяются и сгущаются на валяльныхъ мельницахъ и предписывается употреблять старый способъ производства, помощью рукъ и ногъ ⁴⁾. И другое не менѣе крупное изобрѣтеніе средневѣ-

¹⁾ Валянье сукна производилось хожденіемъ по немъ: walker (гуляющій) означалъ при Эдуардѣ III валяльщика. (Спенсеръ. Описательная социологія. Кіевъ. 1878. Стр. 290).

²⁾ Lamprecht. Beiträge zur Geschichte des französischen Wirtschaftslebens im elften Jahrhundert. Leipzig. 1878. p. 105. Anm. 28.

³⁾ Rudolf Martin. Grossbetrieb und Handwerk vor 600 Jahren. Preussische Jahrbücher. 1898. B. 91. p. 307—308. Schmoller. Die Strassburger Tucher—und Weberzunft. Strassburg. 1879. p. 416 и сл. Fagniez. L'industrie et la classe industrielle à Paris au XIII et au XIV siècle. Paris. 1877. p. 231.

⁴⁾ Ochenkowski. Englands wirtschaftliche Entwicklung im Ausgang des Mittelalters. Jena. 1879. p. 97. Спенсеръ. Описательная социологія. Англія. Стр. 290.

коваго періода—самопрялка, которая должна была замѣнить веретено и которая дѣйствительно въ послѣдствіи употреблялась въ производствѣ вплоть до появленія прядильной машины, встрѣтила при своемъ появленіи такое же враждебное отношеніе и пользованіе ею было воспрещено въ теченіе продолжительнаго времени. Самопрялка была вскорѣ совершенно забыта и стала входить въ употребленіе не ранѣе XVI вѣка, причемъ изобрѣтателемъ ея называли нѣкого Іогана Юргена изъ Ваттенбюттеля, жившаго въ XVI ст., хотя первыя запрещенія, направленныя противъ примѣненія ихъ въ производствѣ, относятся къ концу XIII и первой половинѣ XIV вѣка ¹⁾).

Во многихъ случаяхъ впрочемъ новое усовершенствованіе не было особенно значительно, разница между новымъ и прежнимъ способомъ производства не столь рѣзко бросалась въ глаза и примѣненіе его не требовало новыхъ сложныхъ приспособленій. Въ такихъ случаяхъ цехи не проявляли особенной вражды по отношенію къ новшествамъ и допускали примѣненіе новыхъ приѣмовъ производства. Однако, разрѣшая употребленіе новаго улучшенія, цехъ тѣмъ самымъ объявлялъ его своей собственностью, предоставляя право производства по новому способу всѣмъ членамъ цеха и не дозволяя примѣненія изобрѣтенія всѣмъ лицамъ, стоящимъ внѣ цеха даннаго города, т. е. прежде всего цехамъ другихъ городовъ и странъ. Объ индивидуальной собственности изобрѣтателя на продуктъ своего творческаго труда и рѣчи не было, да и быть не могло, по средневѣковымъ понятіямъ, гдѣ техника производства считалась принадлежностью цеха, а не отдѣльнаго его члена, и гдѣ все, что дозволялось одному цеховому мастеру, тѣмъ самымъ разрѣшалось и всякому другому ²⁾. Дѣйствительно, въ самыхъ разнообразныхъ промыслахъ—кузнецовъ, каменщиковъ, шелкоткачей, стекольщиковъ, часовщиковъ, мы находимъ различные техническіе приѣмы.

¹⁾ Schulte. Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs zwischen Westdeutschland und Italien. Leipzig. 1900. B. I. p. 121. Martin. Preuss. Jahrbücher. 1898. p. 309—310. Mone. Zeitschrift für die Geschichte des Oberheins. B. 15. p. 381.

²⁾ Ср. т. I, стр. 366.

принадлежащіе цеху того или другого города, разсматриваемые какъ секреты и строго хранимые въ тайнѣ. Такъ напр., нюрнбергскіе цехи, обладая различными секретами производства, создававшими для нихъ монопольное положеніе по отношенію къ другимъ городамъ и странамъ ¹⁾, строго оберегали свои секреты отъ разглашенія: въ XIV вѣкѣ каждый, вступавшій въ цехъ производителей песочныхъ часовъ, мѣднокотельщиковъ, выдѣлывателей колокольчиковъ, въ цехъ каменоломовъ долженъ былъ дать клятву не выѣзжать изъ города и не сообщать ничего иностранцамъ или иногороднимъ жителямъ; въ XV вѣкѣ, когда въ Нюрнбергѣ появились новые аппараты для выдѣлки издѣлій изъ бумажной массы, такая же клятва давалась и въ производствѣ бумаги ²⁾. Въ Золингенѣ члены корпорацій кузнецовъ, закаливальщиковъ и шлифовщиковъ холоднаго оружія давали клятву никогда не покидать Золингена и не выдавать секретовъ производства; оружейный промыселъ считался большимъ искусствомъ и цехи старались предотвратить распространеніе его въ другихъ мѣстностяхъ ³⁾. Точно также итальянскіе города, обладавшіе въ средніе вѣка монополіей въ производствѣ шелковыхъ издѣлій ⁴⁾, запрещали мастерамъ выселяться изъ города; генуэзцы могли переселяться лишь въ Лукку, Флоренцію, Каффу, флорентинцы—въ Лукку и Венецію, ибо въ этихъ городахъ техника производства была одинакова. Въ противномъ случаѣ имъ грозила конфискація имущества, а въ случаѣ поимки виновнаго и смертная казнь ⁵⁾. Въ Болоньи въ 1272 году былъ изобрѣтенъ станокъ для наматыванія шелка. Изобрѣтеніе было объявлено собственностью государства, т. е. предоставлено всѣмъ членамъ болонскаго шелковаго

¹⁾ Ср. т. I, стр. 359. 497.

²⁾ Roscher. System. B. III. 7 Aufl. p. 712. 857. 1028. Schoenlank. Soziale Kämpfe. p. 178.

³⁾ Thun. Die Industrie am Niederrhein und ihre Arbeiter. Leipzig. 1879. B. II. p. 9.

⁴⁾ См. т. I, стр. 518. 535.

⁵⁾ Poehlmann. Die Wirtschaftspolitik der Florentiner Renaissance. Leipzig. 1878. p. 74. Doren. Die Florentiner Wollentuchindustrie. p. 46. Sieveking. Die Genueser Seidenindustrie im XV und XVI Jahrh. Schmollers Jahrbuch. 1897. p. 125.

цеха, распространение же станка внѣ Болоньи признавалось измѣной. Когда въ 1538 г. два мастера выселились изъ города, они были схвачены и повѣшены. Третій мастеръ перевезъ станокъ въ Модену; онъ былъ приговоренъ въ Болоньи къ смертной казни, но такъ какъ его самого не могли схватить, то его изображение было сожжено¹⁾.

Издѣлія средневѣковыхъ кузнецовъ возбуждаютъ нерѣдко наше удивленіе не только красотой формъ и изяществомъ отдѣлки, но и самымъ характеромъ работы, которая производилась безъ современныхъ сложныхъ приспособленій и аппаратовъ, при помощи одного лишь молота и наковальни²⁾. Мы имѣемъ здѣсь однако передъ собой продукты цѣлаго ряда разнообразныхъ приѣмовъ и искусныхъ способовъ выдѣлки предметовъ, изъ которыхъ весьма мало выгоды извлекли ихъ изобрѣтатели, но много пользы тѣмъ цехи, въ составъ которыхъ они входили и которые присвоили себѣ эти усовершенствованія. Конечно, по сравненію съ тѣми изобрѣтателями, произведенія которыхъ подвергались запрещенію и вовсе погибали для промышленности, или стали примѣняться лишь спустя много десятилѣтій и даже столѣтій, тѣ лица, усовершенствованія коихъ допускались къ употребленію еще при ихъ жизни, становясь достояніемъ цеха, могутъ быть названы счастливыми, но творческій трудъ ихъ вознаграждался не лучше, чѣмъ трудъ изобрѣтателей первыхъ двухъ категорій. Въ отношеніи физической работы цеховые мастера нерѣдко оказывали содѣйствіе другъ другу, приобрѣтенныя привилегіи они также эксплуатировали сообща, такъ какъ онѣ принадлежали одинаково всѣмъ членамъ цеха, никто не имѣлъ на нихъ больше правъ, чѣмъ всякій другой мастеръ. Въ данномъ же случаѣ продуктами творческаго труда *одного* лица пользовались всѣ прочія, не давая ему ничего *взаимнѣ*.

Единственное средство для извлеченія выгоды изъ изобрѣтенія состояло въ томъ, чтобы держать усовершенствованіе въ тайнѣ не только отъ цеховъ другихъ городовъ, но и отъ мастеровъ своего же цеха, не сообщая его рѣ-

¹⁾ Grothe. Bilder und Studien zur Geschichte vom Spinnen, Weben, Nähen. 2 Aufl. Berlin. 1875. p. 61.

²⁾ Beck. Geschichte des Eisens. B. I. p. 837.

нительно никому. Но и это было крайне трудно, почти невозможно; очень скоро слухъ о новомъ способѣ производства проникалъ въ цехъ, становился предметомъ наблюденія, а затѣмъ и обсужденія, собственные же подмастерья и даже дѣти сообщали о немъ другимъ лицамъ. Черезъ подкупленнаго сына изобрѣтателя, нѣкоего Рудольфа въ Нюрнбергѣ — по рассказамъ современниковъ — распространилась модель слесарнаго станка, приводимаго въ движеніе водой, который появился въ первой половинѣ XIV вѣка ¹⁾. „Гутенберга—читаемо въ Buch der Erfindungen— постигла та же судьба, которую раздѣляли весьма многіе изобрѣтатели. Онъ всю свою жизнь нуждался въ средствахъ, необходимыхъ для осуществленія изобрѣтенія и напрягалъ всѣ усилія къ выполненію идеи, значеніе которой онъ ясно сознавалъ. Когда же онъ наконецъ приблизился къ желанной цѣли, другіе лишили его плодовъ его труда. Даже честь изобрѣтенія книгопечатанія у Гутенберга старались отнять сыновья Шефера; его имя долго оставалось неизвѣстнымъ и лишь послѣдующія поколѣнія оказали его памяти должныя почести“ ²⁾.

И въ слѣдующую эпоху, предшествующую періоду великихъ изобрѣтеній второй половины XVIII вѣка, положеніе изобрѣтателя не многимъ измѣнилось. Значительныя изобрѣтенія составляли и въ этотъ періодъ явленіе весьма рѣдкое. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ стоятъ ленточный станокъ и чулко-вязальная машина. Появленіе ихъ вызывало повсюду сильнѣйшія преслѣдованія. Когда въ концѣ XVI вѣка былъ изобрѣтенъ ленточный станокъ, цехи безусловно запретили примѣненіе его, даже свою жизнь изобрѣтателю не удалось спасти: онъ погибъ въ волнахъ Вислы ³⁾. Станокъ былъ перенесенъ въ другіе города—Женева, Франкфуртъ, Аугсбургъ, Нюрнбергъ, но повсюду цехи вся-

¹⁾ Beck. Geschichte des Eisens. B. I. p. 869—90.

²⁾ Reuleaux. Das Buch der Erfindungen, Gewerbe und Industrien. 8 Aufl. B. I. Leipzig—Berlin. 1884. p. 495.

³⁾ Общепринятое мнѣніе, что изобрѣтателемъ былъ Антонъ Моллеръ, невѣрно: какъ видно изъ Бекмана (Beiträge zur Geschichte der Erfindungen. B. I. Leipzig. 1785. p. 125), Антонъ Моллеръ лишь сообщил о томъ, что онъ видѣлъ въ Данцигѣ ленточный станокъ, изобрѣтатель котораго былъ утопленъ.

чески препятствовали примѣненію его; они добились даже имперскаго мандата, воспрещавшаго употребленіе произведенныхъ на ленточномъ станкѣ издѣлій; этотъ мандатъ былъ вновь подтвержденъ въ 1719 году. Въ Англіи, Голландіи, Фландріи пользованіе станкомъ также было воспрещено. Лишь съ половины XVIII вѣка запрещенія стали отмѣняться и станокъ началъ входить во всеобщее употребленіе—выгоды, доставляемыя имъ въ видѣ значительно увеличеннаго количества продуктовъ, были слишкомъ ясны, они то и вызвали продолжительную борьбу съ нимъ и даже гибель изобрѣтателя ¹⁾. Вилліамъ Ли, изобрѣтатель чулко-вязальной машины, въ 1598 г. вынужденъ былъ покинуть Англію, въ виду того, что его изобрѣтеніе было признано опаснымъ—и оно, подобно ленточному станку, грозило лишить многихъ людей заработка. Онъ переселился во Францію, гдѣ въ Руанѣ при содѣйствіи 9—10 рабочихъ приступилъ къ производству чулокъ на новомъ аппаратѣ. Однако, вскорѣ, онъ вынужденъ былъ покинуть и Руанъ и переѣхать въ Парижъ, гдѣ онъ умеръ въ бѣдности и неизвѣстности. Помощники же его вернулись обратно въ Англію и поселившись въ Коддинггемѣ, стали примѣнять его изобрѣтеніе; здѣсь машинное производство чулокъ вскорѣ акклиматизировалось, а въ слѣдующемъ столѣтіи оно совершенно вытѣснило ручной трудъ не только въ Англіи, но и во Франціи, Италіи, Голландіи, а затѣмъ и Пруссіи, повсюду доставляя значительную выгоду производителямъ ²⁾. Въ Англіи съ 1552 г. были запрещены вновь появившіяся чесальныя машины, въ интересахъ рабочихъ, которыхъ они лишали заработка, и въ виду того, что получался—якобы—продуктъ худшаго качества,—одинъ изъ обычныхъ упрековъ новымъ изобрѣтеніямъ ³⁾. Лишь въ 1806 г. въ Англіи отмѣнено было запрещеніе пользованія машинами въ суконномъ производствѣ, хотя оно уже не соблюдалось и во второй половинѣ XVIII вѣка.

Рядомъ съ этими запрещеніями мы можемъ наблюдать

¹⁾ Beckmann. Beiträge zur Geschichte der Erfindungen. B. I. p. 127 и сл. Geering. Basels Handel und Industrie bis zum 17 Jahrh. p. 613—614. См. также Marx. Das Kapital. B. I. 2 Aufl. p. 450.

²⁾ Beckmann. B. V. p. 197 и сл. Grothe. p. 86.

³⁾ Lohmann. Staatliche Regelung der englischen Wollindustrie vom XV bis zum XVIII Jahrh. p. 52.

однако въ XVI—XVIII ст. и совершенно иное отношеніе къ изобрѣтателямъ—покровительство со стороны государства. Появляются привилегіи на изобрѣтенія. Такъ, въ 1469 г.—одна изъ первыхъ привилегій—Венеціанская республика выдала магистру Іоанну привилегію на исключительное производство книгопечатнаго промысла¹⁾. Наболѣе ранней привилегіей во Франціи является повидимому та, которую Генрихъ II предоставилъ одному итальянцу, знавшему секретъ выдѣлки венеціанскаго стекла и зеркалъ и переселившемуся во Францію въ 1551 г. для производства этихъ издѣлій²⁾. Въ 1629 г. нѣкій Эвераръ Мейбошъ получаетъ отъ императора Фридриха II исключительную привилегію на двадцать лѣтъ на производство бѣлой жести въ Ліежѣ³⁾. Однако, какъ видно изъ этихъ фактовъ, здѣсь въ сущности идетъ рѣчь не о привилегіяхъ на изобрѣтенія, выдаваемыхъ тому, кто сдѣлалъ новое усовершенствованіе въ производствѣ, а о привилегіяхъ, установленныхъ въ пользу лицъ, впервые вводящихъ данную отрасль производства въ странѣ—на этомъ основана и венеціанская привилегія магистра Іоанна, который не былъ изобрѣвателемъ книгопечатанія, и итальянца, примѣнявшаго венеціанскій способъ производства зеркалъ во Франціи, и Мейбоша, намѣревавшагося производить въ Ліежѣ уже значительно раньше извѣстную въ Германіи бѣлую жечь. Такимъ образомъ, это были по своему существу тѣ же монополіи производства различныхъ издѣлій, которыя мы встрѣчаемъ въ XVI и въ особенности въ XVII—XVIII ст. въ большомъ количествѣ, когда и Кольберъ, и Фридрихъ Великій, и Нидерланды, и другія страны всячески привлекали къ себѣ переселенцевъ изъ другихъ мѣстностей, стараясь при ихъ помощи вводить новыя отрасли производства. Эти переселенцы не только пользовались монополіей производства, но и получали всевозможныя льготы и субсидіи въ разнообразной формѣ⁴⁾. Среди нихъ лишь въ видѣ исключенія бывали и изобрѣтатели, въ огромномъ же большинствѣ случаевъ это были просто про-

¹⁾ Klostermann. Das Patentrecht. Endemann. Handbuch des deutschen Handels-, See- und Wechselrechts. B. II. Leipzig. 1882. p. 314.

²⁾ Levasseur. Histoire des classes ouvrières avant 1789. T. II. p. 37.

³⁾ Beck. B. II. p. 1214—15.

⁴⁾ Levasseur. T. II. p. 37.

мышленники. Левассеръ поэтому вполне правильно указываетъ на то, что первыя привилегіи, выдаваемыя въ XVI ст. лицамъ, переносившимъ во Францію новыя способы производства, являются ничѣмъ инымъ какъ зачатками тѣхъ „королевскихъ мануфактуръ“, которыя появляются въ слѣдующія столѣтія ¹⁾). Поскольку среди лицъ, приобретавшихъ монополію производства, находились дѣйствительные изобрѣтатели, и они пользовались привилегіей въ качествѣ промышленниковъ, устраивавшихъ въ данной странѣ то или иное предпріятіе, но вовсе не въ качествѣ лицъ, вознаграждаемыхъ за продукты своего творческаго труда. Поэтому то и въ ихъ пользу устанавливаются запрещенія привоза иностранныхъ издѣлій того же рода, и имъ выдаются пенсіи и стипендіи. Такъ напр. Паранъ и Селлье въ Труа, нашедшіе способъ изготовленія атласа (на манеръ того, который выдѣлывался въ Брюгге) не только получили въ 1604 г. двадцатилѣтнюю монополію, но и требовали установленія запрещенія привоза иностраннаго атласа, какъ только они въ состояніи будутъ производить необходимое для внутренняго рынка количество продукта ²⁾). При Людовикѣ XV цѣлый рядъ лицъ получали пенсіи въ размѣрѣ 600—6000 ливровъ за примѣненіе новыхъ способовъ производства, среди нихъ были и дѣйствительные изобрѣтатели, но заслуга большинства состояла въ томъ, что они вывезли, преимущественно изъ Англіи, секреты производства и модели новыхъ аппаратовъ ³⁾).

Въ виду подобнаго характера привилегій, положеніе изобрѣтателей было весьма мало обезпечено. Всякое лицо, которое узнавало секретъ изобрѣтателя, могло весьма легко воспользоваться плодами его творческаго труда и получить привилегію на изобрѣтеніе, не говоря уже о томъ, что въ другихъ странахъ и мѣстностяхъ и даже городахъ всякій, примѣняя впервые это изобрѣтеніе, приобреталъ монополію производства. Къ этому присоединялись еще злоупотребленія иного рода. За привилегію обыкновенно либо уплачи-

¹⁾ О послѣднихъ см. томъ первый Эволюціи прибыли, стр. 601 и сл.

²⁾ Levasseur. Т. II. р. 169.

³⁾ Levasseur. Т. II. р. 491.

чалось определенное вознаграждение въ пользу короля, герцога, императора, или же послѣдній являлся участникомъ въ прибыляхъ изобрѣтателя или иного лица, получившаго привилегію. Такъ напр., въ привилегіи на плавление въ Ліежѣ желѣза въ доменныхъ печахъ при помощи каменнаго угля (идея повидимому не была осуществлена), выданной въ 1627 г. императоромъ Фердинандомъ II чешскому дворянину Октавію де Страда на 25 лѣтъ, оговорена обязанность уплачивать королю тринадцатый пфенигъ, т. е. $\frac{2}{13}$ часть выручки ¹⁾. Стертеванту выдана въ 1611 г. привилегія съ тѣмъ условіемъ, что изъ прибыли, раздѣляемой на 33 части, 10 частей принадлежать королю англійскому, 5 частей принцу Уэльскому и 2 части второму сыну короля—Карлу ²⁾. Вслѣдствіе этого, раздача привилегій являлась весьма выгоднымъ источникомъ дохода для королей и производилась въ обширныхъ размѣрахъ и совершенно произвольно; привилегіи выдавались не только изобрѣтателямъ или лицамъ, примѣнявшимъ новые способы производства, но и тѣмъ, кто изготовлялъ продукты по давнымъ-давно извѣстному способу, если онъ только соглашался платить за привилегію. Придворные въ особенности въ большомъ количествѣ пользовались всевозможными монополіями производства, дѣйствительные же изобрѣтатели нерѣдко вовсе не могли добиться привилегіи—права на полученіе таковой не существовало, все зависѣло отъ доброй воли правительства; часто изобрѣтатели лишались ея, если навлекли на себя чье либо неудовольствіе, такъ какъ определеннаго срока дѣйствія привилегій не было ³⁾.

Значительнымъ препятствіемъ къ осуществленію своихъ правъ на изобрѣтеніе являлась и сильнѣйшая вражда къ изобрѣтателямъ со стороны цеховъ: послѣдніе заявляли, что новый способъ производства принадлежитъ къ ихъ промыслу и примѣненіе его есть нарушеніе ихъ правъ. Когда Арганъ въ 1783 г. изобрѣлъ свою лампу, ему пришлось вести процессы съ цехами жестянниковъ, слесарей, латуниковъ и различныхъ торговцевъ за пользованіе изобрѣтеніемъ. При введеніи сит-

¹⁾ Beck. В. II. p. 1213—14.

²⁾ Ibid. В. II. p. 1250.

³⁾ См. Klostermann. p. 315.

ценабывнаго производства въ Нантѣ и Реннѣ цехи ткачей, кра- сильщиковъ и лѣонскихъ шелкопромшленниковъ рѣши- тельно воспротивились этому и хотя въ 1660 г. и былъ выигранъ процессъ, но расходы по веденію его были столь значительны, что начать предпріятіе уже невоз- можно было ¹⁾. „Трудно себѣ представить — говорить Левассеръ — сколько пришлось потратить энергіи, чтобы добиться права производить листовый свинецъ, который могъ конкурировать съ плавленнымъ свинцомъ; изго- товленіе послѣдняго составляло монополію цеха, изго- товорявшаго издѣлія изъ свинца. Двѣ академіи, парламентъ, англійскій посоль принимали участіе въ этой борьбѣ, и несмотря на привилегію короля, изобрѣтатель едва ли имѣлъ бы возможность примѣнить во Франціи изобрѣтенный имъ простой и выгодный способъ производства, если бы онъ не могъ привести въ свою пользу того обстоятельства, что въ Англіи при помощи этого способа производства въ теченіе тридцати лѣтъ получались прекрасные результаты ²⁾.

Такимъ образомъ, привилегіи, появившіяся въ XV—XVI ст., весьма мало обезпечивали защиту творческаго труда, и изобрѣтатели во многихъ случаяхъ попрежнему вынуждены были держать секретъ втайнѣ; такъ поступали и изобрѣтатели деревянныхъ раздувательныхъ мѣховъ въ первой половинѣ XVII вѣка ³⁾, и братья Элерсы, примѣнявшіе въ концѣ XVII вѣка новыя ими изобрѣтенныя способы произ- водства фарфора (колесо вертѣль идиотъ, рабочіе же запи- рались во время работы, чтобы не могли выдать секрета) ⁴⁾, и изобрѣтатель литой стали Уилліамъ Гентсманъ еще въ первой половинѣ XVIII вѣка, производившій всѣ работы ночью и не допускавшій никого въ свою мастерскую ⁵⁾. Однако, всѣ эти секреты весьма скоро открылись.

Любопытно, что послѣдніе два факта относятся къ тому времени, когда въ Англіи существовало уже современное патентное право.

Въ царствованіе Елисаветы, въ особенности же Якова I

¹⁾ Klostermann. p. 314.

²⁾ L'asseur. II. p. 499.

³⁾ Beckmann. I. p. 327 и сл.

⁴⁾ Roscher. III. p. 1028.

⁵⁾ Beck. III. p. 273. 276 и сл. 281

была выдана такая масса привилегій на производство различныхъ промысловъ, что въ 1623 г. парламентъ вынужденъ былъ объявить ихъ недѣйствительными, установивъ, что отнынѣ выдаются лишь патенты дѣйствительнымъ изобрѣтателямъ на новыя изобрѣтенія и на 14-лѣтній срокъ. Хотя и по этому закону выдача патента обуславливалась усмотрѣніемъ королевской власти, однако на практикѣ весьма скоро установился принципъ, что на всякое изобрѣтеніе, если оно только можетъ быть патентовано и если нѣтъ сомнѣній въ его новизнѣ, долженъ быть выданъ патентъ, и слѣдовательно, изобрѣтателю какъ таковому, по выполненіи установленныхъ формальностей и по уплатѣ пошлинъ ¹⁾, предоставляется право на исключительное пользованіе изобрѣтеніемъ въ теченіе 14 лѣтъ ²⁾. Этимъ самымъ и продукты творческаго труда получили право гражданства; созданіе ихъ, какъ и всякихъ иныхъ продуктовъ труда, должно было отнынѣ обезпечивать извѣстный доходъ тому, кто произвелъ ихъ. Это обстоятельство имѣетъ весьма существенное значеніе въ виду того, что въ XVIII вѣкѣ и именно въ Англіи были изобрѣтены тѣ машины, которыя вызвали полный переворотъ въ хозяйственной жизни Европы. Было бы, однако, ошибочно думать, что изобрѣтатели новыхъ машинъ дѣйствительно имѣли возможность воспользоваться продуктами своего творческаго труда. Если отношеніе государства еще въ предыдущія столѣтія стало благопріятнымъ для изобрѣтателей и изобрѣтенія уже не только не запрещались, но даже поощрялись, и не допускался вывозъ новыхъ машинъ и аппаратовъ въ другія страны, то враждебное отношеніе къ машинамъ со стороны населенія, въ особенности со стороны мелкихъ производителей, которымъ машины грозили лишеніемъ заработка, сохранилось по прежнему и даже приняло еще болѣе рѣзкій характеръ; весьма многіе изобрѣтатели съ трудомъ спасли свою жизнь отъ разъяренной

¹⁾ Однако, и впоследствии патентъ имѣлъ еще долго форму договора между королемъ и изобрѣтателемъ, въ которомъ король по своему усмотрѣнію (опредѣленной нормы не существовало), опредѣлялъ ту часть прибыли, которая отчислялась въ его пользу. (Beck II. p. 1034).

²⁾ Klostermann. p. 316.

тошны, ихъ фабрики и машины были уничтожены ¹⁾. Но еще важнѣе было то обстоятельство, что признанное англійскимъ закономъ 1623 г. право на исключительное пользованіе продуктами своего труда, независимо отъ того, будетъ ли то трудъ творческій или исполнительный или иной, было совершенно ново и непонятно для того времени и весьма не скоро вошло въ сознаніе общества. Въ предыдущія столѣтія изобрѣтатель получалъ привилегіи въ качествѣ предпринимателя, примѣнявшаго новый способъ производства въ собственной мастерской или мануфактурѣ, и никакихъ лиценцій на пользованіе его изобрѣтеніемъ онъ никому не выдавалъ и выдавать не могъ,—это право вовсе и не было ему предоставлено. Правда, другія лица не могли примѣнять его изобрѣтенія, но не потому, что употребленіе послѣдняго было воспрещено, а лишь по той причинѣ, что изобрѣтатель, какъ и всякій другой промышленникъ, приобрѣталъ монополію на изготовленіе извѣстныхъ товаровъ, производство которыхъ было такимъ образомъ вообще воспрещено всѣмъ другимъ, независимо отъ того, выдѣлывались ли они старымъ или вновь изобрѣтеннымъ способомъ. Разъ монополія производства была отмѣнена, то слѣдовательно, каждый предприниматель вправѣ былъ изготовлять тѣ же товары, какъ изобрѣтатель, и не могъ же онъ—въ ущербъ англійской промышленности—пользоваться худшими способами производства, когда существовали лучшіе, благодаря которымъ изготовлялись товары по болѣе дешевой цѣнѣ и лучшаго качества.

Такова была психологія англійскихъ предпринимателей въ періодъ введенія машинъ—они отказывались приравнивать продукты труда творческаго къ продуктамъ труда физическаго, не могли понять какъ можетъ творческій трудъ, его результаты, въ видѣ машинъ, а не фактъ примѣненія этихъ результатовъ въ производствѣ, составлять монополію и подлежать оплатѣ. Да и сами изобрѣтатели во многихъ случаяхъ держались того же взгляда, смотрѣли на продуктъ своего творчества какъ на общее достояніе, и

¹⁾ См. Held. p. 604 и сл. Steffen. Geschichte der englischen Lohnarbeiter. В. II. 1904. p. 288 и сл.

не считали возможным преслѣдовать тѣхъ, кто незаконно пользовался ихъ изобрѣтеніями.

Такое отношеніе къ творческому труду составляетъ въ XVIII вѣкѣ въ Англіи, а съ конца вѣка и въ другихъ странахъ (во Франціи напр., также введены въ 1790 г. патенты на изобрѣтенія) лишь пережитокъ прошлаго; законодательство уже измѣнилось, но общество не успѣло еще отрѣшиться отъ средневѣкового взгляда на изобрѣтенія. Тѣмъ не менѣе эти пережитки имѣли существенное значеніе. Важныхъ изобрѣтеній, дѣйствительно примѣнявшихся въ промышленности, до половины XVIII вѣка было весьма мало, да и тѣ, которыя появлялись, распространялись крайне медленно въ производствѣ и употреблялись далеко не повсюду. Это были къ тому же усовершенствованія, примѣняемая въ такихъ отрасляхъ промышленности, которыя не играли значительной роли въ экономической жизни народовъ и поѣтому они не могли произвести переворота въ общественномъ хозяйствѣ. Наступленіе новаго времени ознаменовалось такими крупными изобрѣтеніями, какъ порохъ, компасъ, книгопечатаніе, но въ обрабатывающей промышленности (какъ и въ сельскомъ хозяйствѣ) крупныхъ усовершенствованій не было—ленточная машина въ шелковой промышленности и вязальный станокъ въ чулочномъ промыслѣ—наиболѣе крупныя изъ нихъ—изобрѣтенныя въ концѣ XVI вѣка, но примѣнявшіяся въ значительномъ количествѣ лишь въ XVIII ст., не могутъ быть признаны важными для всего народнаго хозяйства изобрѣтеніями.

Поѣтому то, говоря о промышленныхъ издѣліяхъ, какъ средневѣковаго періода, такъ и послѣдующихъ столѣтій, мы имѣли всѣ основанія разсматривать ихъ какъ продуктъ физическаго труда рабочаго, совершенно отвлекаясь отъ воплощеннаго въ немногихъ примѣняемыхъ имъ орудіяхъ и инструментахъ творческаго труда. И столь же правильно мы поступали, считая физическій трудъ рабочаго единственнымъ источникомъ прибыли, проистекающей изъ труда, и не обращая вниманія на творческій трудъ какъ на источникъ прибыли ¹⁾. Производителю промышленныхъ издѣлій—цеховой мастеръ въ средніе вѣка, владѣлецъ мануфактуры въ XVII—

¹⁾ См. т. I, стр. 424—25, 569, 640 и сл.

XVIII ст. пользовался, применяя новыя изобрѣтенія, творческимъ трудомъ изобрѣтателя, за который онъ—какъ мы видѣли выше—ничего не платилъ, и вслѣдствіе крайне медленнаго (въ теченіе столѣтій и болѣе) распространенія новыхъ усовершенствованій, онъ всегда имѣлъ возможность сохранить весь добавочный продуктъ, полученный отъ творческаго труда, въ свою пользу, превратить его въ добавочную цѣнность—прибыль,—такъ же, какъ онъ превращалъ въ прибыль весь тотъ добавочный продуктъ, который онъ получалъ отъ рабочаго. Однако, если прибыль, извлекаемая производителемъ изъ физическаго труда рабочаго, имѣла существенное значеніе, то та прибыль, которая получалась изъ творческаго труда, составляла столь минимальную величину и была явленіемъ столь рѣдкимъ и случайнымъ—въ виду рѣдкости изобрѣтеній вообще, а значительныхъ усовершенствованій тѣмъ болѣе—и встрѣчалась въ столь немногихъ отрасляхъ производства, что она не могла оказывать сколько нибудь существеннаго вліянія на общій характеръ прибыли съ капитала въ тѣ времена.

Иное дѣло—съ конца XVIII вѣка. Появляются уже не орудія, а машины, механизмы, самостоятельно производящіе рядъ операций въ обработкѣ продукта, появляются они въ наиболѣе важныхъ отрасляхъ промышленности—хлопчатобумажной, шерстяной, металлургической, появляются въ большомъ количествѣ, непрерывно: одно крупное усовершенствованіе смѣняется другимъ, за машинами въ тѣсномъ смыслѣ слѣдуютъ двигатели, за автоматическими аппаратами въ одномъ процессѣ производства—машины въ слѣдующемъ за нимъ фазисѣ производства. „Машины—говоритъ Манту—извѣстны были несомнѣнно задолго до XVIII вѣка: древніе знали не только машины, применяемыя для военныхъ цѣлей, но и машины, употребляемыя въ промышленности, какъ напр. водяныя мельницы. Что ново—это не машины, какъ таковыя, а господство машинъ въ производствѣ... Для того, чтобы машина господствовала въ какой либо отрасли промышленности—продолжаетъ онъ—недостаточно примененіе ея въ процессѣ производства; нужно, чтобы она стала существеннымъ элементомъ, чтобы ею опредѣлялось качество и количество изготовляемаго продукта и издержки производства. При обработкѣ желѣза напр.,

начиная съ XVI вѣка, пользовались различными машинами— молотами, поднимаемыми при помощи рычаговъ или силы воды, мѣхами, приводимыми въ движеніе силой воды или животныхъ, позже стали примѣняться вальцовальни, механическіе станки и т. под. Но до тѣхъ поръ, пока чугуны производился лишь въ незначительномъ количествѣ, пока полосовое желѣзо приходилось обрабатывать молотомъ—процессъ весьма продолжительный—машины въ дѣйствительности играли весьма второстепенную роль въ развитіи желѣзной индустріи ¹⁾. Деятнадцатый вѣкъ есть вѣкъ машинъ, вѣкъ техники, а позже химіи,—вѣкъ творческаго труда. Поэтому и при изслѣдованіи прибыли въ-этотъ періодъ творческій трудъ пріобрѣтаетъ совершенно иное значеніе, чѣмъ въ предыдущія эпохи. Творческій трудъ изобрѣтателя, основанный на прогрессѣ науки, создалъ—это всѣ признають—богатство въ XIX вѣкѣ. Возникаетъ вопросъ: не создаетъ ли онъ и прибыли съ капитала?

¹⁾ Mantoux. p. 17—18.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Творческій трудъ изобрѣтателя какъ источникъ прибыли съ капитала въ первыя двѣ трети XIX вѣка.

1.

Первое крупное усовершенствованіе въ процессѣ пряденья, посредствомъ котораго растягиваніе хлопка производилось механически и рука человѣческая была замѣнена системой валовъ, было изобрѣтено Люисомъ Полемъ при содѣйствіи Джона Уайэтта въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка. Поль получилъ патентъ на свое изобрѣтеніе, однако вовсе не имѣлъ въ виду воспользоваться патентомъ, ибо онъ предоставилъ всѣмъ примѣнять новое приспособленіе, и оно, по видимому, дѣйствительно примѣнялось въ различныхъ мѣстностяхъ Англии. Въ 1757 году Джонъ Дэйеръ въ стихотвореніи о шерсти воспѣваетъ машину Поля; очевидно онъ видѣлъ, какъ на ней работали. Хотя машина была изобрѣтена Полемъ совмѣстно съ Уайэттомъ, однако первый выдавалъ себя за единственнаго изобрѣтателя. Но этимъ онъ удовлетворялся вполне: ему нужна была только слава. Что касается матеріальной выгоды, которую могло доставить новое приспособленіе, то Поль старался извлечь такую не исключительно для себя, а лишь наравнѣ со всѣми, какъ предприниматель, примѣняющій машину на своей фабрикѣ, но не какъ изобрѣтатель, требующій спеціального вознагражденія за свой творческій трудъ. Онъ устроилъ двѣ прядильни, гдѣ работа производилась при

помощи этой машины, но онъ нисколько не препятствовалъ другимъ лицамъ слѣдовать его примѣру ¹⁾).

Система валовъ, которую примѣняли Польша и Уайэттъ, была впоследствии усовершенствована Аркрайтомъ; прядильная машина послѣдняго вырабатывала нить такой крѣпости, что ее можно было употреблять и для основы, тогда какъ ранѣе основа была льняная, только утокъ производился изъ хлопка. Однако, машина Аркрайта приготавливала слишкомъ толстыя нити, негодныя для болѣе тонкихъ бумажныхъ матерій. Для пряденія тонкихъ нитей была предназначена машина Харгривса. На изобрѣтенной послѣднимъ машинѣ можно было кромѣ того прясть нѣсколько нитокъ заразъ вмѣсто одной, какъ это было прежде; при помощи ея одинъ рабочій могъ одновременно работать на 10—12 веретенахъ, а позже—еще при жизни Харгривса—на 80. Первоначально Харгривсъ вовсе не думалъ о патентѣ на изобрѣтенную имъ машину, которую онъ назвалъ Дженни, въ честь своей дочери. Лишь впоследствии, въ 1770 году, когда блекбернскіе прядильщики, возмущенные появленіемъ новаго изобрѣтенія, разбили его машину, Харгривсъ взялъ патентъ. Однако, получивъ патентъ, онъ не мѣшалъ другимъ пользоваться машиной и не требовалъ за это никакого вознагражденія. Онъ былъ радъ, что его самого оставили въ покоѣ. Прядильная машина Харгривса стала распространяться въ промышленности, хотя враждебное отношеніе къ ней прекратилось не скоро: въ 1799 г. вспыхнули новыя волненія рабочихъ изъ за примѣненія Дженни, рабочіе стали вновь разрушать машины; между прочими были уничтожены машины Харгривса, которыя употреблялись на фабрикѣ Пиля, а также тѣ, которыя находились въ собственномъ предпріятіи Харгривса ²⁾. Тѣмъ не менѣе изобрѣтеніе его дало сильный толчокъ развитію хлопчатобумажной промышленности. Спустя десять лѣтъ послѣ смерти Харгривса, въ Англіи насчитывалось не менѣе 20 тысячъ Дженни; наименѣе крупныя изъ нихъ замѣ-

¹⁾ Grothe. Bilder und Studien zur Geschichte vom Spinnen, Weben, Nähen. 2 Aufl. Berlin. 1875. p. 134.

²⁾ Ure. The cotton manufacture. T. I. p. 195 и сл. Karmarsch. Geschichte der Technologie. p. 598.

няли трудъ 6—8 человѣкъ. Въ Ланкастерскомъ графствѣ употребленіе этого изобрѣтенія распространилось съ неизмѣрною быстротой: въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оно повсюду вытѣснило самопрялку. Шерстяная промышленность, которая въ этой части Англіи никогда не была сильно распространена, совершенно уступила мѣсто хлопчатобумажной, „Хлопокъ, хлопокъ и еще разъ хлопокъ—это былъ тотъ единственный продуктъ, который доставлялъ всѣмъ работу“ ¹⁾,

Наконецъ, Самуель Кромптонъ въ 1779 г. соединилъ въ одной машинѣ достоинства, и водяного станка Аркрайта, и изобрѣтенія Харгривса, такъ что получилась тонкая, какъ на Дженни но вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпкая, какъ на ватерной машинѣ нить, которая имѣла теперь однородный характеръ; Кромптонъ назвалъ свой аппаратъ „мюль“ (муль), указывая этимъ на то, что она представляетъ собою смѣсь изъ двухъ различныхъ аппаратовъ. Эта машина имѣла огромнѣйшее значеніе для развитія хлопчатобумажной индустріи: вытѣснивъ изобрѣтенія Аркрайта и Харгривса, она въ теченіе полустолѣтія наполняла прядильныя фабрики. „Это было—говорить Манту—изобрѣтеніе окончательное, и несмотря на тѣ измѣненія въ немъ, которыя были вызваны впоследствии потребностью различныхъ отраслей текстильной индустріи и прогрессомъ въ области механики, мы и теперь еще можемъ различить за тысячью замысловатыхъ деталей новѣйшихъ машинъ основныя характерныя черты искуснаго механизма мюльной машины“. Если водяной станокъ Аркрайта далъ возможность выдѣлывать коленкоровыя ткани, издѣлія изъ чистаго хлопка, которыя ранѣе привозились изъ Индіи, то благодаря мюльной машинѣ, доставлявшей нить особенной тонкости, Англія опередила легендарную искусность индусовъ, производя муслинь (кисею) особенной, совершенно неизвѣстной до того времени, тонкости и нѣжности. А между тѣмъ—въ противоположность Аркрайту—Кромптонъ совершенно не думалъ о той выгодѣ, которую способно было доставлять его изобрѣтеніе. Онъ сталъ лишь примѣнять его въ собственной небольшой ма-

¹⁾ Radcliffe. Origine of the new system of manufacture. p. 61. Mantoux p. 209—212.

стерской, гдѣ былъ одновременно и предпринимателемъ и рабочимъ. Его секретъ скоро открылся и фабриканты стали копировать мюльную машину. Впрочемъ, владѣльцы бумагопрядилень обѣщали вознаградить Кромптона путемъ устройства подписки въ его пользу и, въ расчетъ на помощь съ ихъ стороны, онъ уже и не скрывалъ болѣе своего изобрѣтенія, а, наоборотъ, публично демонстрировалъ его и объяснялъ, какъ слѣдуетъ примѣнять его въ производствѣ. Однако, результаты подписки оказались весьма плачевными для Кромптона. Никто изъ фабрикантовъ не далъ болѣе гинеи, такъ что подписка доставила всего 106 ф. ст.¹⁾, несмотря на то, что въ подпискѣ принимали участие большое число фабрикантовъ, которые пользовались его изобрѣтеніемъ. Многие изъ подписавшихся, получивъ модель машины, даже не сочли нужнымъ вспомнить о своемъ обѣщаніи²⁾.

Впослѣдствіи Кромптонъ получилъ нѣкоторое вознагражденіе, но не отъ фабрикантовъ, а отъ англійскаго народа— парламентъ далъ ему 5000 ф. ст., десятую часть того, что просилъ Кромптонъ, хотя уже тогда нѣсколько сотъ прядилень работали на мюльной машинѣ, о чемъ сообщалось въ парламентѣ на основаніи произведенной анкеты³⁾. Самуель Кромптонъ — говоритъ Алланъ Кларкъ — былъ благородный, безкорыстный человекъ; онъ даромъ передалъ свои изобрѣтенія родинѣ. Кромптонъ не получилъ ничего или почти ничего отъ тѣхъ, кому отдалъ все. Слава

¹⁾ По другимъ сообщеніямъ, получилось всего 50 ф. ст. или 67 ф. ст. 6½ шилл.

²⁾ Возникло совершенно новое производство муслина, центромъ котораго являлся Ланкаширъ, а также Глазго и Пейсли въ Шотландіи. Въ одномъ Глазго уже въ 1783 г. работало около тысячи мюльных машинъ, а въ 1785 г. Великобританія производила не менѣе 50 тысячъ штукъ муслина. Среди фабрикантовъ муслина въ Глазго насчитывалось много лицъ, занимавшихся ранѣе торговлей и судоходствомъ, но перешедшихъ теперь къ индустрии, въ виду большей прибыли, доставляемой ею. Дѣйствительно, въ Стокпортѣ крупный фабрикантъ муслина Самуель Ольдноу выручалъ (въ концѣ XVIII вѣка) ежегодно 17 тысячъ ф. ст. прибыли.

³⁾ Karmarsch. p. 598—599. Grothe. p. 142—144. Mantoux. p. 229—233.

Кромптона въ томъ, что онъ умеръ въ бѣдности, а его слава—поворъ для его современниковъ“¹⁾

Наконецъ, въ концѣ изобрѣтеній въ области прядильнаго производства явилась самодѣйствующая тонкопрядильная машина (сельфакторъ) Робертса. При прежнихъ прядильныхъ машинахъ человѣкъ принималъ еще непосредственное участіе въ производствѣ, выполняя часть операций, изъ которыхъ состоитъ пряденье; онъ долженъ былъ дѣйствовать руками, направляя соответствующимъ образомъ дѣятельность машины. Робертсъ устранилъ эту необходимость, введя новое приспособленіе къ машинѣ Кромптона—автоматическій двигатель, которымъ веретенные станки приводятся въ движеніе впередъ и назадъ безъ всякой посторонней помощи. Весь трудъ прядильщика свелся къ наблюденію за ходомъ машины и къ связыванію лопнувшихъ нитокъ; „когда веретено готово, объ этомъ даетъ знать звонъ колокольчика, укрѣпленнаго на рамѣ машины и сообщающагося съ ея механизмомъ“. Самодѣйствующая прядильная машина, составляющая соединеніе прядильной машины Кромптона съ автоматическимъ механизмомъ Робертса, является и въ настоящее время тѣмъ аппаратомъ, на которомъ производится пряжа во всѣхъ странахъ и на всѣхъ фабрикахъ. Въ 1825 г. Робертсъ получилъ патентъ на это изобрѣтеніе, а затѣмъ въ слѣдующіе годы усовершенствовалъ его. Но онъ лично выгоды изъ своего изобрѣтенія не извлекъ; человѣкъ, доставившій много милліоновъ фабрикантамъ всѣхъ странъ, терпѣлъ нужду въ преклонныхъ лѣтахъ. Притомъ самодѣйствующій мюль не былъ единственнымъ его изобрѣтеніемъ, хотя его одного было бы вполне достаточно для увѣковѣченія славы Робертса. Будучи однимъ изъ плодовитѣйшихъ изобрѣтателей, Робертсъ придумалъ кромѣ прядильной машины строгальную машину, сверильно-долбежную машину, машину для приведенія въ движеніе и оснастки пароходовъ, центробѣжный желѣзный путь, электро-магнитъ, газо-метры, башенные часы, аппаратъ для выдѣлыванія сигаръ и т. п. Однако, онъ не думалъ о собственной выгодѣ и

¹⁾ Алланъ Кларкъ. Фабричная жизнь въ Англіи. Перев. Коншина. Москва. 1904. Стр. 15.

поэтому, несмотря на приобретенные им патенты, фабриканты и заводчики безпрепятственно пользовались его изобретениями, не считая нужным вознаграждать его. Другие обманом копировали чертежи изобретенных им машин и устраивали соответствующие аппараты на своих фабриках. В результате, несмотря на всю массу созданных им аппаратов и машин, из коих каждая в отдельности могла доставить огромные богатства, он умер в нищете¹⁾.

Переходимъ къ ткацкому производству.

Въ 1733 году Джонъ Кэй изобрѣлъ самолетный челнокъ. Это было первое крупное изобрѣтеніе въ области ткацкаго производства, такъ какъ благодаря самолетному челноку удвоилось количество работы, которое ткачъ могъ выполнять въ тотъ же промежутокъ времени и кромѣ того одна рука у него оставалась еще свободной. Кэй добился патента на свое усовершенствованіе и даже преслѣдовалъ судебнымъ порядкомъ ткачей, которые не платили ему вознагражденія за пользованіе самолетнымъ челнокомъ. Тогда ткачи образовали ассоціацію для борьбы съ Кэемъ; когда Кэй предъявлялъ взысканіе къ кому-либо изъ членовъ ассоціаціи, то послѣдняя покрывала расходы этого члена по веденію процесса. Ткачи повидимому достигли своей цѣли—Кэй не извлекъ почти никакой выгоды изъ своего изобрѣтенія, хотя почти всѣ процессы были рѣшены въ его пользу, онъ разорился на этихъ процессахъ. Процессы Кэя привели лишь къ тому, что до истеченія срока патента его усовершенствованіе примѣнялось очень мало, предпочитали вовсе не пользоваться аппаратомъ—этимъ общественнымъ достояніемъ по возрѣніямъ XVIII вѣка. Лишь съ 60-хъ годовъ самолетный челнокъ примѣняется чаще, хотя Адамъ Смитъ еще не упоминаетъ о немъ,—словомъ онъ входитъ употребленіе въ такое время, когда срокъ патента уже успѣлъ истечь и каждый желающій могъ свободно пользоваться этимъ важнымъ усовершенствованіемъ²⁾.

¹⁾ Смайльсъ. Желѣзопромышленники и фабриканты желѣзныхъ надѣлій. Перев. Магуренко. Спб. 1908. Стр. 235—245. Karmarsch. p. 615.

²⁾ Karmarsch. p. 667. Grothe. p. 224—226.

Немногимъ больше англійскіе фабриканты заплатили и другимъ, не менѣ замѣчательнымъ изобрѣтателямъ, создавшимъ механическій ткацкій станокъ и совершенно устранившимъ, благодаря этому, физическій трудъ въ области ткачества. Картрайтъ и Джеффри почти одновременно изобрѣли ткацкій станъ. Послѣдній съ самаго начала предоставилъ фабрикантамъ пользоваться новымъ аппаратомъ. Хотя онъ и взялъ патентъ, но вовсе не старался извлечь изъ него матеріальную выгоду. Картрайтъ же, получивъ патентъ, имѣлъ въ виду эксплуатировать его самостоятельно, въ собственномъ производствѣ; то обстоятельство, что и другіе фабриканты будутъ пользоваться имъ, не имѣло для него значенія. Въ 1787 г. онъ устроилъ въ Йоркширѣ ткацкую фабрику на 20 станковъ (изъ нихъ 8 для производства коленкора и 10 для выдѣлки муслиновыхъ тканей), приводимыхъ въ движеніе животными, а съ 1789 года паровой машиной. Въ 1791 г. предпріятіе было расширено: въ компаніи съ другими лицами Картрайтъ устроилъ ткацкую фабрику въ 400 паровыхъ станковъ въ Манчестрѣ. Но едва фабрика открылась, какъ ткачи, опасавшіеся новаго станка, подожгли ее и уничтожили машины. Картрайтъ лишился всего своего состоянія, патентъ же перешелъ въ руки кредиторовъ. Машина, вызвавшая къ себѣ такую вражду, вскорѣ оказалась, однако, необходимой и стала примѣняться въ производствѣ. Такъ, въ 1793 году Джемсъ Люисъ Робертсонъ пользовался механическимъ ткацкимъ станкомъ, въ 1794 г. была открыта въ Дэмбартонѣ фабрика на 40 станковъ, въ 1801 г. фабрика на 200 станковъ, приводимыхъ въ движеніе паромъ. Хорроксъ занялся конструціей механическихъ станковъ изъ желѣза, и они вскорѣ стали употребляться въ различныхъ мѣстностяхъ Ланкашира. Картрайтъ былъ весьма обрадованъ тѣмъ, что его изобрѣтеніе восторжествовало и оказалось столь полезнымъ индустріи. Однако, онъ самъ не имѣлъ отъ этого никакой выгоды, наживались одни фабриканты. Онъ получилъ отъ парламента, по собственной его просьбѣ, вознагражденіе въ 1000 ф. ст. — еще меньше, чѣмъ Кромптонъ. Впрочемъ, широкое примѣненіе механическаго ткацкаго станка было еще впереди, оно началось лишь во вто-

ромъ десятилѣтіи XIX вѣка — эпоха вытѣсненія ручныхъ ткачей машиной Картрайта ¹⁾).

Англійскіе изобрѣтатели произвели полный переворотъ въ хлопчатобумажной и шерстяной индустріи и этимъ совершенно измѣнили весь строй промышленной жизни. Другія отрасли текстильной индустріи—шелковая и льняная промышленность имѣли несравненно меньше значенія, чѣмъ обработка хлопка и шерсти, и замѣна ручного способа производства механическимъ совершилась тамъ гораздо позже, въ сущности лишь во второй половинѣ XIX вѣка. Однако, машины были изобрѣтены и въ шелковой и въ льняной промышленности уже въ началѣ XIX вѣка и изобрѣтатели извлекли изъ нихъ не больше выгоды, чѣмъ ихъ собратья въ хлопчатобумажной и шерстяной индустріи. Изобрѣтателями этихъ машинъ были не англичане, а французы.

Три изобрѣтателя работали надъ конструкціей механическаго станка для выдѣлки шелковыхъ тканей—Фальконъ, Вокансонъ и Жакаръ. Но результаты творческаго труда первыхъ двухъ не примѣнялись въ производствѣ. Машина Фалькона исчезла очень скоро послѣ появленія ея, а изобрѣтеніе Вокансона, которое онъ предоставилъ во всеобщее употребленіе, ткачи отказались примѣнять; онъ поставилъ свой аппаратъ въ парижскомъ Conservatoire des arts et métiers, гдѣ онъ и простоялъ до тѣхъ поръ, пока его не извлекъ на свѣтъ Божій Жакаръ. Послѣдній не далъ трудамъ Фалькона и Вокансона пропасть даромъ, онъ соединилъ оба изобрѣтенія и усовершенствовалъ ихъ. Этимъ изобрѣтеніемъ трудъ двухъ рабочихъ былъ замѣненъ машиной и однимъ рабочимъ. Кромѣ того, тяжелый трудъ женщинъ—помощницъ ткача, и дѣтей, который былъ необходимъ до изобрѣтенія Жакара, оказался болѣе ненужнымъ. Декретомъ 1806 года Наполеонъ велѣлъ муниципалитету города Ліона приобрести машину съ тѣмъ, чтобы ткачи могли безпрепятственно пользоваться ею. Они должны были уплачивать Жакару лишь 50 фр. съ cadaго станка. Фабриканты во многихъ случаяхъ не соглашались платить и эту ничтожную сумму, такъ что примѣняемый въ производствѣ шелковыхъ тканей творческій трудъ имъ ничего не стоилъ. Машина же, изо-

¹⁾ Grothe. p. 154—155. Mantoux. p. 239.

брѣтвенная Жакаромъ, и до сихъ поръ работаетъ на многихъ тысячахъ фабрикъ; она, конечно, измѣнена и усовершенствована за это время, но принципъ остался тотъ же, онъ принадлежитъ Жакару ¹⁾.

За конструкцію прядильной машины для льна изобрѣтатель долженъ былъ получить премію въ милліонъ франковъ — такъ объявилъ Наполеонъ I. Поставленная задача была разрѣшена Жираромъ, который дѣйствительно изобрѣлъ замѣчательный аппаратъ для выдѣлки льняной пряжи. Но обѣщанной преміи онъ не получилъ: послѣ похода Наполеона въ Россію и послѣдовавшаго затѣмъ паденія его никто и не думалъ объ уплатѣ преміи. Но даже въ томъ случаѣ, если бы Жираръ добился преміи, онъ получилъ бы вознагражденіе отъ народа, какъ его получилъ Кромптонъ, отчасти и Жакаръ, но не отъ фабрикантовъ, ихъ расходы на творческій трудъ отъ этого не увеличились бы. Впрочемъ, первоначально французы вовсе не интересовались новымъ изобрѣтеніемъ и патентъ, который получилъ Жираръ въ 1810 г., не имѣлъ никакого значенія. Зато въ Англіи, на которую патентъ не распространялся, фабриканты вскорѣ начали примѣнять машину Жирара. Модель была тайкомъ перевезена туда и продана, нѣсколько англичанъ выдали себя за изобрѣтателей и добились патента. Жираръ самъ содѣйствовалъ распространенію новой техники льнопряденія въ Англіи, заявивъ, что эти патенты представляютъ собою ничто иное, какъ копію патента, полученнаго имъ во Франціи. Англичане, пріобрѣвшіе патенты, были изобличены въ присвоеніи не принадлежащаго имъ права и ихъ патенты потеряли силу. Жираръ же не добивался патента въ Англіи. Такимъ образомъ, англійскіе фабриканты были совершенно освобождены отъ уплаты за пользованіе льнопрядильной машиной. Вскорѣ она стала повсюду примѣняться въ Англіи и содѣйствовала быстрому росту англійской льняной индустріи ²⁾.

¹⁾ Grothe. p. 79—80. Godart. L'ouvrier en soie. T. I. p. 67—73.

²⁾ Grothe. p. 320, 324—25.

II.

Мы вернулись, такимъ образомъ, снова къ Англии. Всѣ крупныя изобрѣтенія во второй половинѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка—эпохѣ перехода отъ ручнаго труда къ машинному, были созданы въ Англии и даже льнопрядильная машина, составляющая исключеніе, была впервые примѣнена въ Англии, гдѣ техника и индустрія стояла несравненно выше, чѣмъ на континентѣ. Въ Англии были сдѣланы и первыя попытки замѣны древеснаго угля каменнымъ топливомъ при выплавкѣ желѣза, которыя въ результатѣ увѣнчались успѣхомъ: въ 1620 г. Додъ Дэдлей получилъ патентъ на выдѣлку желѣза безъ употребленія древеснаго угля. Однако толпа, подстрекаемая мастерами, работавшими древеснымъ углемъ, напала на заводъ Дэдлея и разнесла его, изломавъ мѣха, машины и аппараты. Дэдлей былъ за долги посаженъ въ долговую тюрьму, а патентъ получили впоследствии другія лица ¹⁾. Производство чугуна посредствомъ каменнаго угля началось лишь въ 80-хъ гг. XVIII вѣка—по способу Абрагама Дэрби, изобрѣтеніе котораго относится къ 1735 г. Едва ли Дэрби взялъ вообще патентъ на это изобрѣтеніе; во всякомъ случаѣ полвѣка спустя—только тогда его способъ производства сталъ употребляться другими заводчиками—патентъ уже не могъ имѣть силы ²⁾. Слѣдующимъ крупнымъ изобрѣтеніемъ въ области металлургической промышленности было устройство отражательной печи для обработки желѣза каменнымъ углемъ, гдѣ желѣзо не соприкасалось съ углемъ, а приводилось пламенемъ въ раскаленное состояніе; безъ раздуванія и посредствомъ только одного каменнаго угля, безъ добавленія кокса и древеснаго угля получалось ковкое и хорошаго достоинства желѣзо; изъ печи его вынимали въ раскаленномъ состояніи и тотчасъ обрабатывали молотомъ, и оно обращалось въ полосовое желѣзо. Отражательная печь была изобрѣтена въ 1766 году братьями Кранеджи, которые

¹⁾ Beck. Geschichte des Eisens. 2 Abt. Das XVI u. XVII Jahrh. Braunschweig. 1893—95. p. 1257 и сл.

²⁾ Mantoux. p. 293—94.

были рабочими на Кольбрукдельскихъ желѣзныхъ заводахъ въ Шропширѣ, здѣсь она и была впервые примѣнена; новый способъ обработки желѣза получилъ названіе „пуддлингованія“ и далъ возможность заводчикамъ обрабатывать желѣзо въ громадномъ, сравнительно съ прежнимъ, количествѣ, причемъ процессъ производства совершался гораздо скорѣе и топливо, которымъ являлся каменный уголь, обходилось значительно дешевле. Патентъ былъ выданъ на имя братьевъ Кранеджи. Однако, они не извлекли изъ него никакой выгоды, изобрѣтеніе присвоилъ себѣ заводъ. „Хотя Рейнольдсъ—владѣлецъ Кольбрукдельскихъ заводовъ—исходатайствовалъ выдачу патента на имя Кранеджи, обнаруживъ этимъ полную добросовѣстность, но этимъ, насколько извѣстно, не улучшилось ихъ положеніе и условія ихъ жизни остались такими же, какими были до полученія патента“ ¹⁾).

Много существенныхъ улучшеній въ процессъ обработки полосоваго желѣза внесъ Генри Кортъ; онъ создалъ пуддлингованіе въ томъ видѣ, какъ оно примѣнялось впоследствии въ металлургической промышленности вплоть до тѣхъ поръ, пока не было вытѣснено бессемерованіемъ; отчасти оно употребляется и до сихъ поръ. Кортъ же принадлежитъ и другое крупное изобрѣтеніе—прокатываніе желѣза: вынуженое изъ печи раскаленное желѣзо подвергалось вальцованію, при которомъ удалялись землистыя примѣси и металлъ освобождался отъ шлака, превращаясь въ волокнистую и твердую массу. Въ 1783 и 1784 г.г. Кортъ получилъ патенты на пуддлингованіе и прокатываніе. Достоинства новаго способа производства были признаны всѣми; Кортъ получилъ много заказовъ и устроилъ обширный заводъ, взявъ въ компаньоны нѣкоего Джелико. Кромѣ того, множество контрактовъ было заключено съ нимъ на право пользованія его способомъ выдѣлки полосоваго желѣза. Однако и Кортъ не нажилъ богатствъ, а умеръ, подобно другимъ великимъ изобрѣтателямъ, въ нищетѣ. Нуждаясь въ капиталахъ, онъ обращался къ отцу своего компаньона, который ссужалъ его деньгами, взявъ въ обезпеченіе документъ, въ силу котораго ему, Джелико, предоставлялось

¹⁾ Смайльсъ. Желѣзопромышленники, стр. 78—80, 103.

право собственности на половину всего имущества и половину доходов со всех оборотовъ. Въ 1789 г. Джелико—отець умеръ и была открыта учиненная имъ растрата казенныхъ суммъ, изъ которыхъ, какъ оказалось, онъ ссужалъ Корта, безъ вѣдома послѣдняго. На патентъ, уступленный Кортъ въ пользу Джелико, было наложено запрещеніе. Между тѣмъ сынъ послѣдняго, обвиняемаго въ растратѣ казенныхъ денегъ, компаньонъ Корта, какимъ-то непонятнымъ образомъ, сдѣлался владѣльцемъ заводовъ, продолжая ими пользоваться, безъ всякаго участія Корта. Въ результатъ выиграла желѣзозаводчики, которые могли свободно примѣнять способъ Корта, не уплачивая ему ничего. Какъ въ области прядильнаго производства послѣ уничтоженія патента Аркрайта, такъ и въ металлургической промышленности новое изобрѣтеніе стало быстро распространяться, когда Кортъ лишился своего патента. Пуддлингованіе вскорѣ стало весьма распространеннымъ способомъ производства полосоваго желѣза. Уже въ теченіе послѣдняго десятилѣтія XVIII вѣка въ Южномъ Валлисѣ былъ устроенъ рядъ крупныхъ металлургическихъ заводовъ, работавшихъ по системѣ Корта, а въ 1812 г. въ Великобританіи и Ирландіи было выдѣлано постредствомъ пуддлингованія 250.000 тоннъ полосоваго желѣза. По ходатайству нѣсколькихъ вліятельныхъ членовъ парламента, совершенно разоренный и нищій Кортъ получилъ въ 1794 г. пенсію въ 200 ф. ст. изъ суммъ государственныхъ (т. е. народныхъ), но пользовался и этимъ недолго, такъ какъ спустя шесть лѣтъ умеръ.

Корту—говорить Смайльсъ—Англія обязана громадными запасами желѣза для изготовленія машинъ, локомотивовъ, рельсовъ, и только благодаря его изобрѣтеніямъ она избавилась отъ иностранной зависимости въ полученіи желѣза для орудій и инструментовъ и въ настоящее время вывозитъ этотъ металлъ въ другія страны въ большемъ количествѣ, чѣмъ всѣ другія государства взятія вмѣстѣ. По мнѣнію Ферборна, изобрѣтенія Корта обогатили Великобританію на 600 милліоновъ ф. ст. Наибольшая часть этихъ богатствъ попала въ руки желѣзопромышленниковъ, воспользовавшихся его способомъ обработки желѣза. „Смѣло можно сказать, что Кортъ создалъ совре-

менную англійскую аристократію желѣзопромышленниковъ, ведущихъ дѣло по его способамъ и приѣмамъ, хотя они не уплатили ему за это ни копейки“. Уже по тѣмъ немногимъ контрактамъ, которые были заключены съ Кортонъ въ первые три года по полученіи имъ патента, онъ долженъ былъ получить отъ владѣльцевъ металлургическихъ заводовъ (въ теченіе срока дѣйствія патента) свыше 250.000 фунтовъ стерл. Изъ этого можно видѣть, какъ великъ былъ тотъ прибавочный продуктъ, который поступилъ въ пользу желѣзопромышленниковъ изъ творческаго труда Корта. Однимъ изъ такихъ заводчиковъ былъ Ричардъ Краушэ, крупный желѣзопромышленникъ, который сумѣлъ вполне оцѣнить и быстро усвоить способъ производства желѣза, изобрѣтенный Кортонъ. Въ 1787 году онъ выдѣлывалъ едва десять тоннъ полосового желѣза еженедѣльно, но далеко не лучшаго качества. Впослѣдствіи, примѣнивъ къ дѣлу способы и приѣмы Корта, за что обязался платить ему по 10 шилл. съ тонны, онъ передѣлалъ свои заводы и довелъ производство до такихъ размѣровъ, что ежегодно вырабатывалъ 10 тыс. тоннъ, т. е. среднимъ числомъ двѣсти тоннъ въ недѣлю, а позже 50 тыс. тоннъ въ годъ. Онъ получилъ прозваніе „короля желѣза“ и нажилъ огромныя богатства, Кортону же не заплатилъ ничего ¹⁾.

Нѣсколько раньше изобрѣтенія выдѣлки полосового желѣза механическимъ способомъ былъ изобрѣтенъ Веніаминомъ Гентсменомъ способъ производства литой стали. Когда Гентсменъ, послѣ многолѣтнихъ опытовъ, въ 1740 г. добился удовлетворительныхъ результатовъ, шеффилдскіе ножевщики отказались пользоваться изготовленной имъ сталью, хотя она была несравненно лучше и тверже той, которую они употребляли; когда же Гентсменъ началъ вывозить ее во Францію, они стали добиваться запрещенія вывоза, опасаясь, что издѣлія изъ литой стали будутъ предпочитаться за границей ихъ собственнымъ издѣліямъ. Однако, эта попытка не удалась, такъ что шеффилдскіе мастера вынуждены были обратиться къ Гентсмену и употреблять его литую сталь. Но тогда они начали прибѣгать

¹⁾ Karmarsch. p. 256—57, 261. Смайльсъ, стр. 103—115. Mautoux. p. 296—98, 306—310.

ко всевозможнымъ уловкамъ, чтобы вывѣдать въ чемъ заключается секретъ его способа производства. Гентсменъ не ходатайствовалъ о выдачѣ ему патента, но хранилъ свое изобрѣтеніе въ тайнѣ, не допуская постороннихъ рабочихъ къ дѣлу, которое производилось только по ночамъ. Въ результатъ литейщику Самуелю Уалькеру все-таки удалось хитростью вывѣдать секретъ изобрѣтателя и онъ началъ вскорѣ также выдѣлывать литую сталь. Въ 1747 г. цѣнность производимой на заводѣ Уалькера литой стали составляла 900 ф. ст., въ 1750 г.—2.400 ф. ст., въ 1755 г.—6.200 ф. ст., въ 1760 г.—11.000 ф. ст. Въ различныхъ мѣстностяхъ возникли принадлежавшіе ему сталелитейные заводы; одинъ заводъ его въ Роттергемѣ представлялъ собою въ 1792 г. цѣнность въ размѣрѣ свыше 200.000 ф. ст. Вскорѣ и другія лица начали выдѣлывать литую сталь по способу Гентсмена¹⁾.

Такимъ образомъ, и творческій трудъ, вложенный рядомъ талантливыхъ изобрѣтателей въ металлургическую промышленность, обошелся предпринимателямъ даромъ. И желѣзозаводчики всячески отказывались признать притязанія изобрѣтателей, стараясь сберечь на заработной платѣ изобрѣтателя“²⁾.

Изъ всѣхъ крупныхъ изобрѣтателей второй половины XVIII и первой четверти XIX вѣка можно назвать только двухъ, которые извлекли матеріальную выгоду изъ продуктовъ своего творческаго труда, достигнувъ не только славы, но и богатства. Мы имѣемъ въ виду Ричарда Аркрайта и Джемса Уатта. Однако, и они воспользовались лишь незначительною частью того добавочнаго продукта, который они создали, тогда какъ все остальное попало въ руки предпринимателей-капиталистовъ.

Относительно Аркрайта извѣстно, что онъ не только взялъ патентъ на свои изобрѣтенія, но и осуществлялъ свое право на получение вознагражденія отъ тѣхъ, кто примѣнялъ его ватерную машину, возбуждая судебныя преслѣ-

¹⁾ Beck. В. III. p. 273.276 и сл. 281. Mantoux. p. 299 — 300, 307—308. Смайльсъ, стр.91—99.

²⁾ Cp. Webb. Britische Genossenschaftsbewegung. Herausg. v. Brentano. Leipzig. 1893. p. 23.

дованія и заставляя всякаго, кто пользовался машиной, уступать ему часть доставляемаго послѣдней избыточнаго продукта. Однако фабриканты находили его требованія несправедливыми, не признавая за нимъ права на получение части того продукта, который получался при помощи созданной имъ машины. Какъ и фабриканты въ области ткацкой промышленности, вступавшіе въ борьбу съ Кеемъ и Картрайтомъ, такъ и владѣльцы прядилень находили, что право на весь продуктъ, изготовляемый машиной, принадлежитъ имъ однимъ: тѣмъ самымъ, что они примѣняли эти изобрѣтенія, они приобрѣтали уже и право на продуктъ. И англійскій судъ также еще не успѣлъ отрѣшиться отъ этихъ взглядовъ, и въ судѣ еще жило попрежнему господствовавшее въ обществѣ воззрѣніе, что изобрѣтеніе принадлежитъ всѣмъ, что творческій трудъ, въ противоположность физическому труду, не подлежитъ вознагражденію. Это выразилось въ томъ, что судьи старались оправдывать лицъ, противозаконно нарушавшихъ права изобрѣтателя, и въ томъ, что самыхъ сомнительныхъ доводовъ для нихъ было вполне достаточно, чтобы лишить изобрѣтателя полученнаго имъ патента. Такова была дѣйствительно судьба Аркрайта. Фабриканты подали парламенту петицію объ уничтоженіи патента Аркрайта, указывая на отсутствіе новизны въ его изобрѣтеніи, на то, что ватерная машина есть ничто иное, какъ копія машины Поля, почему патентъ долженъ быть признанъ не дѣйствительнымъ и употребленіе машины должно быть предоставлено всѣмъ и каждому. И они дѣйствительно добились своей цѣли. Уже въ 1781 г., когда Аркрайтъ возбудилъ процессъ противъ девяти фабрикантовъ за поддѣлку его машины, онъ проигралъ дѣло, такъ что фактически его патентъ былъ уничтоженъ. Въ слѣдующемъ году онъ подалъ петицію въ парламентъ о томъ, чтобы патентъ былъ продолженъ, но получилъ отказъ. Въ 1785 г. ему, однако, удалось выиграть процессъ противъ одного изъ фабрикантовъ—Найтингеля; съ послѣдняго были присуждены убытки за пользованіе ватерной машиной и какъ бы возстановленъ патентъ Аркрайта. Тогда фабриканты перенесли споръ въ судъ королевской скамьи, указывая на противорѣчіе между рѣшеніями суда 1781 и 1785 гг.: слишкомъ крупныя интересы были затронуты послѣднимъ рѣ-

шеніемъ — цѣнность фабрикъ, устроенныхъ конкуррентами Аркрайта, равнялась въ то время, какъ указываетъ Бэнсъ, уже 300 тыс. ф. ст. ¹⁾). И верховный судъ въ томъ же году призналъ его патентъ недѣйствительнымъ, а конкуррентовъ его дѣйствовавшими вполне закононо. Едва былъ уничтоженъ патентъ Аркрайта, какъ началась положительно горячка въ области устройства бумагопрядильныхъ фабрикъ съ ватерными станками; съ головокругительной быстротой стали возникать со всѣхъ сторонъ сотни предприятий, крупныхъ и мелкихъ, ибо примѣненіе новой машины сулило огромную прибыль фабрикантамъ. Въдѣ успѣли же владѣльцы бумагопрядилень еще до уничтоженія патента нажить крупные доходы. Однимъ изъ нихъ былъ дѣдъ Пила, примѣнявшій съ самаго начала машину Аркрайта и выручавшій на ней значительную прибыль. Сынъ его, Робертъ Пилъ, умершій въ 1830 г., оставилъ миллионное состояніе, добытое исключительно данною отраслью промышленности. Въ 1780 году—по словамъ Гельда—въ Англіи насчитывалось 20 фабрикъ, принадлежавшихъ либо Аркрайту, либо лицамъ, платившимъ ему за право пользованія его машиной; въ 1790 году, послѣ того, какъ Аркрайтъ въ 1785 году проигралъ по суду права на патентъ, количество фабрикъ успѣло уже возрасти до 150 ²⁾).

Такимъ образомъ, частью добавочнаго продукта, произведеннаго изобрѣтенной имъ ватерной машиной, Аркрайтъ пользовался въ теченіе всего нѣсколькихъ лѣтъ. Въ этомъ отношеніи его положеніе было, слѣдовательно, сходно съ положеніемъ другихъ изобрѣтателей. Разница между Аркрайтомъ и послѣдними заключается лишь въ томъ, что, въ противоположность имъ, онъ не умеръ въ нищетѣ, а оставилъ крупное состояніе. Это было отчасти результатомъ того, что въ теченіе тѣхъ немногихъ лѣтъ, когда дѣйствовалъ его патентъ, онъ сумѣлъ получить отъ фабрикантовъ часть добавочнаго продукта, доставляемаго его машиной, тогда какъ другіе изобрѣтатели не могли добиться и этого.

¹⁾ Baines. History of the cotton manufacture in Great-Britain. London. 1835. p. 184.

²⁾ Held. p. 592.

Другимъ же источникомъ нажитаго имъ состоянія являлся замѣчательный предпринимательскій талантъ Аркрайта. Аркрайтъ устроилъ цѣлый рядъ фабрикъ въ Манчестерѣ (на 600 рабочихъ), въ Нью-Ланаркѣ, въ Ноддингемѣ, въ Кримфордѣ и въ другихъ мѣстахъ, и въ дѣлѣ организаціи и веденія этихъ для того времени совершенно новыхъ централизованныхъ фабричныхъ предпріятій онъ обнаружилъ рѣдкія способности, выдержку и умѣніе; другіе фабриканты старались и въ этомъ отношеніи всячески подражать ему ¹⁾. Аркрайтъ былъ не только изобрѣтателемъ, но и предпринимателемъ и при томъ талантливимъ предпринимателемъ,—и значительная часть нажитаго имъ состоянія должна несомнѣнно разсматриваться не какъ доходъ изобрѣтателя, а какъ доходъ за диспотизивный трудъ предпринимателя и какъ прибыль, вырученная имъ, наравнѣ съ другими фабрикантами, вслѣдствіе примѣненія ватерной машины въ собственныхъ фабрикахъ. И по истеченіи краткаго срока патента, Аркрайтъ продолжалъ расширять свои прежнія предпріятія и устраивать новыя въ различныхъ мѣстностяхъ Англіи, сталъ примѣнять и паровую машину въ качествѣ двигателя ²⁾. Весь доходъ, извлеченный имъ при этомъ, составлялъ уже ничто иное, какъ прибыль съ капитала. Послѣ смерти его, уже одна изъ его многочисленныхъ фабрикъ приносила его наслѣдникамъ 20 тысячъ ф. ст. годового дохода. И если Аркрайтъ оставилъ послѣ своей смерти полъ-милліона ф. ст. то эта сумма должна разсматриваться главнымъ образомъ какъ результатъ его предпринимательской дѣятельности, а не тѣхъ доходовъ, которые онъ получалъ отъ нѣсколькихъ, весьма немногихъ въ то время вообще фабрикантовъ, соглашавшихся уплатить ему извѣстное вознагражденіе въ тѣ годы, когда дѣйствовалъ его патентъ.

Но допустимъ даже, что Аркрайтъ сохранилъ бы свой патентъ и имѣлъ бы возможность пользоваться имъ въ качествѣ изобрѣтателя въ теченіе всего того періода, на который первоначально былъ выданъ патентъ. Получили бы онъ въ этомъ случаѣ весь тотъ добавочный пре-

¹⁾ Ure. Philosophy of manufactures, p. 15.

²⁾ Baines. p. 226.

дуктъ, который производила созданная имъ машина, или могъ ли бы онъ по крайней мѣрѣ сохранить въ свою пользу хотя бы болѣе или менѣе значительную часть этого продукта? Та часть, которую выплачиваетъ предприниматель изобрѣтателю, плата за творческій трудъ, всегда минимальна, по сравненію съ тѣмъ добавочнымъ количествомъ продукта, которое получается благодаря замѣнѣ прежней техники производства болѣе новой. Причина этого заключается прежде всего въ томъ, что плата за творческій трудъ входитъ въ составъ издержекъ только у тѣхъ предпринимателей, которые примѣняютъ новое изобрѣтеніе въ то время, когда изобрѣтатель обладаетъ патентомъ. Всѣ остальные предприниматели, которые начинаютъ примѣнять изобрѣтеніе по истеченіи срока патента, сохраняютъ въ свою пользу весь добавочный продуктъ, доставляемый этимъ изобрѣтеніемъ. И въ столь же выгодномъ положеніи находятся и первые предприниматели, когда патентъ потерялъ свою силу. Конечно, съ теченіемъ времени, когда изобрѣтеніе входитъ въ общее употребленіе, цѣна понижается соотвѣствующимъ образомъ и предприниматели лишаются того плюса, который доставляетъ изобрѣтеніе, въ пользу потребителя. Но, какъ мы увидимъ ниже, время истеченія срока патента далеко не совпадаетъ съ моментомъ широкаго примѣненія изобрѣтенія и паденіемъ цѣны до новаго уровня издержекъ—то и другое отдѣлено очень значительнымъ разстояніемъ и въ теченіе этого періода предприниматель сохраняетъ избыточный продуктъ, создаваемый машиной (или по крайней мѣрѣ большую часть его) въ свою пользу, превращая его въ избыточную цѣнность—прибыль.

Все это необходимо имѣть въ виду и при опредѣленіи того, каково было вознагражденіе за творческій трудъ, полученное Уаттомъ, великимъ изобрѣтателемъ паровой машины. Уаттъ также заставлялъ всѣхъ, кто пользовался его изобрѣтеніемъ, платить ему опредѣленную сумму, причемъ онъ не только не лишился своихъ патентовъ раньше срока, подобно Аркрайту, а, наоборотъ, пользовался ими и по истеченіи первоначально установленнаго промежутка времени, такъ какъ срокъ ихъ былъ въ послѣдствіи удлиненъ. Тѣмъ не менѣе едва ли можно утверждать и въ данномъ случаѣ, что Уаттъ получилъ значительную часть тѣхъ

выгодъ, которыя доставляла паровая машина. Прежде всего не слѣдуетъ упускать изъ виду, что Уаттъ не составилъ себѣ значительнаго состоянія. Когда онъ, по истеченіи срока патента, удалился отъ дѣлъ, онъ владѣлъ лишь небольшимъ имѣніемъ, которое онъ купилъ на сумму, скопившуюся изъ полученныхъ отъ предпринимателей доходовъ. Но еще важнѣе то обстоятельство, что паровыя машины, изготовленныя подъ надзоромъ Уатта на заводѣ Сого, дѣйствовали въ теченіе очень продолжительнаго времени. „Лишь въ началѣ 60-хъ годовъ почти всѣ они уже исчезли. Но отдѣльныя машины, произведенныя въ то время, функционируютъ еще до сихъ поръ. Въ лондонскомъ патентномъ музеѣ была помѣщена въ 1885 году машина, построенная Уаттомъ, которая въ теченіе ровно ста лѣтъ работала на химическомъ заводѣ“ ¹⁾). Ясно, что при продажѣ сдѣланныхъ имъ машинъ Уаттъ не могъ оставить въ свою пользу значительной части того избыточнаго продукта, который онъ доставляли впоследствии въ теченіе многихъ десятилѣтій; этотъ добавочный продуктъ даже нельзя было вычислить въ то время ¹⁾).

Слѣдовало бы ожидать—говорить Манту—что среди перваго поколѣнія англійскихъ фабрикантовъ главную роль бу-

¹⁾ И по отношенію къ Уатту фабриканты держали себя такъ же, какъ въ отношеніи Аркрайта, Корта и многихъ другихъ изобрѣтателей. Они отказывались вносить выговоренную плату за пользованіе его патентомъ и Уаттъ вынужденъ былъ вести безконечные процессы, чтобы заставить ихъ уплачивать условленное вознагражденіе. Въ 1780 г. они потребовали уничтоженія и его патента, но въ данномъ случаѣ не имѣли успѣха. Весьма важенъ и тотъ фактъ, что патенты, выданные Уатту, эксплуатировались не имъ однимъ—изобрѣтателемъ, а совместно съ предпринимателемъ—Больтономъ, который на нихъ только и нажилъ огромныя богатства. Такимъ образомъ, поскольку англійскіе фабриканты и заводчики платили за пользованіе творческимъ трудомъ, они не столько вознаграждали изобрѣтателя, сколько доставляли прибыль съ капитала предпринимателю, помѣстившему свой капиталъ въ дѣло конструціи паровой машины. Уаттъ въ самомъ началѣ, нуждаясь въ средствахъ, уступилъ двѣ трети дохода, который должно доставить изобрѣтеніе, Ребуку, а позже Больтонъ скупилъ это право у Ребука за 1200 ф. ст., приобрѣтая за столь ничтожную сравнительно сумму право на полученіе цѣнности, величину которой невозможно было даже опредѣлить заранѣе.

дуть играть изобрѣтатели, которые произведеніями своего ума создали крупную промышленность. Однако, въ дѣйствительности дѣло обстояло совершенно иначе: предпринимателями явились другія лица—коммерсанты... Переворотъ въ области техники производства, совершенный изобрѣтателями, принесъ выгоду главнымъ образомъ промышленникамъ“. Въ эпоху расцвѣта англійской текстильной промышленности всякій, кто имѣлъ капиталъ, хотя бы и весьма небольшой, бросался на это дѣло—лавочники, трактирщики, лица, занимавшіяся перевозкой товаровъ, всё они становились фабрикантами. Многіе изъ нихъ терпѣли неудачу и вынуждены были вернуться къ своимъ прежнимъ занятіямъ или увеличить собою армію фабричныхъ рабочихъ. Но другіе достигали своей цѣли и наживали состоянія. Какими же счастливыми качествами отличались эти люди, успѣвавшие въ своей дѣятельности? Бóльшая часть этихъ „импровизированныхъ“ фабрикантовъ не имѣла понятія о той отрасли производства, посредствомъ которой они старались обогатиться. „Они не отличались и изобрѣтательностью въ области техники производства. Но они направляли свои усилія къ тому, чтобы воспользоваться изобрѣтеніями, созданными другими лицами... Всѣми силами они старались лишить изобрѣтателей принадлежащихъ имъ правъ: поведеніе владѣльцевъ прядиленъ въ отношеніи Харгривса и Кромтона и желѣзозаводчиковъ въ отношеніи Корта, многочисленные процессы, которые вынуждены были возбуждать Уаттъ и Больтонъ противъ тѣхъ, кто незаконно пользовался паровой машиной, вполне подтверждаютъ существованіе этого вполне естественнаго, хотя едва ли достойнаго похвалы, качества фабрикантовъ ¹⁾).

III.

Съ первымъ примѣненіемъ машины въ каждой данной отрасли производства возникаетъ и новый источникъ прибавочной цѣнности; періодъ всеобщаго распространенія изобрѣтенія, когда механическій способъ производства становится господствующимъ, есть время окончательнаго перехода со-

¹⁾ Mantoux, p. 379—380, 385—86.

зданнаго изобрѣтателемъ продукта въ руки потребителя посредствомъ соотвѣтствующаго пониженія цѣнъ. Но это конечные пункты, которые находятся на значительномъ разстояніи другъ отъ друга, и разстояніе раздѣляющее ихъ должно быть пройдено, прежде чѣмъ вся выгода отъ примѣненія новыхъ машинъ въ видѣ пониженныхъ товарныхъ цѣнъ поступить въ пользу потребителя; до этого времени, т. е. въ теченіе періода постепеннаго распространенія машинъ производимый машиной прибавочный продуктъ превращается для предпринимателя въ прибавочную цѣнность. Въ Англіи, гдѣ появились первыя машины, онѣ распространялись первоначально очень медленно и постепенно, но затѣмъ этотъ процессъ значительно ускорился и примѣненіе машинъ стало явленіемъ всеобщимъ, благодаря чему Англія заняла исключительно-выгодное положеніе на рынкѣ. На континентѣ же вытѣсненіе ручного производства машиннымъ, замѣна кустарной промышленности и мануфактуры фабрично-заводской индустріей ¹⁾ совершилась гораздо позже и самый процессъ этотъ происходилъ несравненно медленнѣе. Большимъ препятствіемъ къ распространенію машинъ являлись предразсудки, отсутствіе сознанія возможности и необходимости пользованія новыми изобрѣтеніями, отсутствіе пониманія той пользы, которую они въ состояніи принести. Къ этому присоединялось далѣе враждебное отношеніе къ машинамъ со стороны населенія, которое и на континентѣ, какъ и въ Англіи, считало машины своими злѣйшими врагами. Нападенія на фабрики и заводы, разгромленіе и сожженіе машинъ проходятъ красной нитью черезъ всю исторію распространенія машинъ въ Европѣ, сильно замедляя примѣненіе новыхъ изобрѣтеній въ различныхъ

¹⁾ Не слѣдуетъ упускать изъ виду различія между мануфактурой и фабрикой. И та и другая характеризуются централизаціей производства въ общей мастерской, принадлежащей предпринимателю и подъ руководствомъ послѣдняго. Но при этомъ на мануфактурѣ способъ производства ручной; раздѣленіе труда иногда достигаетъ широкихъ размѣровъ, причемъ примѣняются различные инструменты, но ни машинъ, ни двигателей не имѣется. Особенность же фабрики составляетъ пользованіе машинами и двигателями, примѣненіе рациональныхъ химическихъ процессовъ производства. Ср. Sombart. Kapitalismus. В. I. р. 48. В. II. р. 64—65., а также т. I. Эволюціи прибыли, стр. 600.

странахъ. Если примѣненіе новыхъ машинъ было сопряжено для фабриканта съ большими опасностями, то не меньше трудностей представляло собой и самое приобретѣніе этихъ машинъ въ Англіи или по крайней мѣрѣ получѣніе англійскихъ моделей, по которымъ можно было построить машины у себя дома. Желая сохранить за собой монополію производства машиннымъ способомъ, Англія запрещала вывозъ машинъ и ихъ моделей, не позволяла англійскимъ механикамъ выѣзжать за границу. При такихъ обстоятельствахъ приобретѣніе англійскихъ машинъ было сопряжено съ большими трудностями и большимъ рискомъ; требовалось много умѣнья и ловкости, чтобы добиться своей цѣли, чтобы пересадить англійскую машинно-фабричную промышленность на континентъ Европы. Къ этому присоединялось еще и отсутствіе тѣхъ сравнительно значительныхъ капиталовъ, которые необходимы были для открытія и веденія фабрикъ и заводовъ. Послѣ наполеоновскихъ войнъ Германія была крайне бѣдна капиталами; лишь одна Англія могла похвалиться величиной своихъ капиталовъ и ростомъ торгово-промышленнаго кредита. На континентѣ этотъ видъ кредита находился еще въ зачаточномъ состояніи и промышленники придерживались еще того принципа, что солидный комерсантъ ведетъ свои дѣла только на собственный капиталъ, а не на взятый въ кредитъ ¹⁾. Въ то же время заработная плата въ домашней промышленности стояла на весьма низкомъ уровнѣ, протекціонная же система таможенныхъ тарифовъ гарантировала промышленности весьма высокія цѣны.

Всѣ эти моменты, сильно задерживая распространѣніе машинъ и фабрикъ на континентѣ, тѣмъ самымъ создавали для англійскихъ фабрикантовъ и немногихъ предпринимателей на материкѣ Европы, которые стали примѣнять новый способъ производства, въ теченіе продолжительнаго времени исключительно—выгодное положеніе, доставляли имъ возможность путемъ незначительнаго пониженія

¹⁾ См. обо всѣхъ этихъ препятствіяхъ подробно въ моей статьѣ „Die Ursachen des Uebergangs von der Handarbeit zur maschinellen Betriebsweise um die Wende des 18 und in der ersten Hälfte des 19. Jahrh.“. Schmoller's Jahrbuch. 1906. p. 65 и слѣд. Въ частности относительно кредита см. И. И. Кауфманъ. Введеніе къ Рота. Исторія старинныхъ банковъ учреждений. Спб. 1877. Стр. XIV.

цѣны обезпечить себѣ сбытъ товаровъ въ другихъ странахъ,—такъ какъ господствующая система ручного производства не въ состояніи была конкурировать съ фабриками,—и вмѣстѣ съ тѣмъ удерживать въ свою пользу наибольшую часть созданнаго изобрѣтателемъ продукта. Ибо цѣны фабрикатовъ и первоначально и впоследствии въ теченіе продолжительнаго періода понижались далеко не соответственно уменьшенію издержекъ предпринимателя и лишь постепенно, съ распространеніемъ машинъ, съ возрастаніемъ конкуренціи на континентѣ цѣна стала приближаться къ уровню цѣнности производства, къ расходамъ предпринимателя. Такимъ образомъ, прибавочный продуктъ въ теченіе продолжительнаго періода является вмѣстѣ съ тѣмъ и прибавочной цѣнностью: созданный изобрѣтателемъ продуктъ превращается въ цѣнность и доставляетъ предпринимателю прибыль съ капитала. „На такой ступени развитія крупной промышленности — говоритъ Шульце-Геверницъ — прибыль стоитъ на высокомъ уровнѣ, и не благодаря тому, что понижаются издержки производства, которые по сравненію съ послѣдующими періодами наоборотъ значительны, а вслѣдствіе того, что цѣны товаровъ весьма высоки. Фабричная промышленность занимаетъ еще монопольное положеніе какъ по отношенію къ туземнымъ мелкимъ промысламъ, такъ и по отношенію къ другимъ странамъ. Поэтому и накапливаются вскорѣ крупныя состоянія въ рукахъ немногихъ лицъ ¹⁾).

Въ Англіи (вмѣстѣ съ Шотландіей) уже въ 1788 г. насчитывалось 142 бумагопрядильныя фабрики съ 2 милліонами веретенъ. „На континентѣ же Европы и Америки — говоритъ Юрь — еще и послѣ заключенія мира въ 1814 г. существовали предпріятія столь незначительныхъ размѣровъ, что они вообще не могли конкурировать съ Англіей на мировомъ рынкѣ“ ²⁾. Новый способъ производства примѣняется впервые въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Саксоніи (Фойгтландъ и Рудниковыя горы), въ швейцарскомъ кантонѣ Санктъ-Галленѣ и въ Верхнемъ Эльзасѣ (Департаментъ Верхняго Рейна), т. е. въ тѣхъ самыхъ

¹⁾ Schulze-Gaevernitz. p. 215—16.

²⁾ Ure. The Cotton Manufacture of Great-Britain. London. 1836. p. 57.

мѣстностяхъ, которыя до появленія машинъ, когда англійская хлопчатобумажная промышленность еще не играла роли, являлись центрами производства и производили, какъ для Европы, такъ и для внѣевропейскихъ рынковъ. Здѣсь то и возникли тѣ маленькія фабрики, о которыхъ говоритъ Юрь, и до 20-хъ годовъ не появлялось болѣе крупныхъ предпріятій.

Въ Саксонію переселился нѣкій Карль Фридрихъ Бернадъ, владѣлецъ прядильной фабрики въ Манчестерѣ, который и привезъ съ собой модели англійскихъ машинъ. Онъ обратился къ правительству съ просьбой о выдачѣ ему привилегіи на устройство бумагопрядильни съ новыми мюльными машинами собственнаго (?) изобрѣтенія и дѣйствительно получилъ привилегію на десять лѣтъ. Бернадъ основалъ бумагопрядильню въ Гартау около Хемница, выписалъ изъ Англій механика Уатсона, а затѣмъ и прядильнаго мастера Эванса, опытнаго и въ конструкціи машинъ. Они руководили прядильной фабрикой и машиностроительной мастерской, въ которой изготовлялись необходимыя для фабрики машины. Почти одновременно съ Бернадомъ, въ 1799 г. получилъ привилегію также на десять лѣтъ хемницкій купецъ Велеръ; однако ему была выдана привилегія на устройство прядильни съ ватерными машинами, а не съ мюльными, ибо послѣдняя принадлежала Бернаду. Оборудование фабрики Велера, управление ею, а также постройка необходимыхъ машинъ производилась подъ руководствомъ англійскаго механика Вильяма Уайтфильда изъ Галифакса. Въ послѣдующіе годы оба саксонскіе фабриканта неоднократно получали правительственныя ссуды изъ 2 проц. годовыхъ (Велеръ—15 тыс. талеровъ, Бернадъ 30 тыс. тал.), механикамъ и мастерамъ, выписаннымъ ими изъ Англій, выдавалось изъ казны жалованіе, награды и пенсіи¹⁾. Такимъ образомъ, первые саксонскіе фабриканты находились въ еще болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ ихъ собратья въ Англій. Имъ не только ничего не приходилось платить за пользование новыми англійскими изобрѣтеніями, но даже англійскіе техники, служившіе у нихъ и руководившіе построй-

¹⁾ Wein. В. II. p. 135—136. Koenig. p. 101 и сл., 343—347.

кой и ремонтомъ машинъ, содержались, какъ ми видимъ, на счетъ государства. И въ то время, какъ англичане удовлетворялись фактической монополіей, которой они обладали благодаря незначительному распространенію машинъ, саксонскіе фабриканты добились искусственной монополіи. Около 1800 г. и въ швейцарскомъ кантонѣ Санктъ-Галленѣ образовалась акціонерная компанія, выписавшая прядильныя машины изъ Англій и устроившая бумагопрядильню, сначала въ исправительномъ и сиротскомъ домѣ, а затѣмъ въ зданіи одного необитаемаго монастыря. Кромѣ бесплатнаго пользованія помѣщеніемъ компанія получила и здѣсь привилегію на семь лѣтъ ¹⁾.

Новыя фабрики появились лишь по истеченіи срока выдаваемыхъ первымъ фабрикантамъ привилегій. Но и въ 1810 г. въ Санктъ-Галленѣ было всего 5 прядильнъ, причемъ по своимъ размѣрамъ всѣ онѣ были еще меньше первой (акціонерной) прядильни ²⁾. Между 1815 и 1825 гг. число ихъ увеличилось, но въ незначительныхъ размѣрахъ, организація и веденіе фабрикъ оставляли желать многого, устроены онѣ были либо при мельницахъ либо въ свободныхъ мезонинахъ ³⁾. Въ Саксоніи по истеченіи дарованныхъ первымъ фабрикантамъ привилегій, открытіе бумагопрядильнъ стало поощряться преміями, выдаваемыми въ 1807—1810 гг. изъ государственной кассы за каждое пущенное въ ходъ веретено ⁴⁾. Многіе владѣльцы прядильныхъ фабрикъ, какъ напр. Гессель, Кауцъ, Шмидтъ въ Плауентѣ приобрѣли въ эти годы большія состоянія ⁵⁾. Тѣмъ не менѣе послѣ уничтоженія континентальной системы, какъ для саксонской такъ и для швейцарской бумагопрядильной промышленности настали трудныя времена. Огромное количество пряжи, произведенной въ Англій при несравненно болѣе выгодныхъ условіяхъ, наводнило вновь открытые рынки континентальныхъ государствъ и продавалось здѣсь по баснословно дешевымъ цѣнамъ: куда бы ни обратились фабриканты, повсюду рынокъ былъ

¹⁾ Wartmann. Industrie und Handel im Kanton St. Gallen auf Eade 1866. St. Gallen. 1873. p. 210—214.

²⁾ Wartmann. p. 309.

³⁾ Ibid. p. 484.

⁴⁾ Bein. II. p. 154. König. p. 343—344.

⁵⁾ Bein. II. p. 159.

неисполненъ английскими хлопчатобумажными надѣльями¹⁾. Не лучше было положеніе и эльзасской промышленности. Въ 1803 г. въ Эльзасѣ была выстроена первая механическая бумагопрядильня; во время господства континентальной системы возникло еще нѣсколько прядильнь. Но послѣ отмены ея рынокъ оказался до того переполненнымъ английскими товарами, что мѣстная промышленность совершенно лишилась сбыта. „Ситцы, стоившіе ранѣе 4—5 фр. аршинъ, продавались теперь за какихъ-нибудь 65—75 сантимовъ“²⁾. Столь рѣзкое паденіе цѣнъ было несомнѣнно вызвано перепроизводствомъ пряжи въ Англии, гдѣ, несмотря на значительный вывозъ фабрикатовъ на континентъ (контрабанда была прекрасно организована), успѣло накопиться огромное количество товаровъ; ихъ то и нужно было сбыть во что бы то ни стало. При существованіи английской конкуренціи континентальныя страны не могли работать съ прибылью, разъ они не пользовались новой техникой производства. Изготавливая пряжу попрежнему ручнымъ способомъ, и саксонская и швейцарская промышленность должна была лишиться своего рынка сбыта. Въ переходѣ къ механическому способу производства заключался единственно возможный исходъ изъ этого критическаго положенія. И на этотъ путь дѣйствительно вступила промышленность этихъ странъ въ 20-хъ и въ особенности въ 30-хъ годахъ XIX вѣка, сдѣлавъ вскорѣ значительные успѣхи въ этомъ направленіи³⁾.

Въ эти десятилѣтія заканчивается первый періодъ развитія фабричной промышленности въ области бумагопрядильнаго производства, характерной чертой котораго является тотъ фактъ, что англичане и немногіе предприниматели на континентѣ занимаютъ монопольное положеніе по отношенію ко всему остальному міру. Съ 20-хъ и 30-хъ годовъ начинается новый періодъ; монополія производства фабричнымъ способомъ расширяется, отчего она теряетъ въ своей интенсивности: не только Англія, но и Сактъ-Галленъ и Эльзасъ пользуются монопольнымъ положеніемъ. Англія обращаетъ свои взоры на Соединенные Штаты С.-А.

¹⁾ Wartmann. p. 344. Wein. II. p. 167 и сл. 247 и сл.

²⁾ Herkner. p. 87. 93.

³⁾ König. p. 319. Herkner. p. 87. Wartmann. p. 487 и сл.

и другія внѣевропейскія страны, континентальныя же рынки она предоставляет въ распоряженіе Швейцаріи и Эльзаса, ибо и у послѣднихъ промышленность уже находится на уровнѣ англійской техники и имѣ не приходится болѣе опасаться англійской конкуренціи. До 1823 г. почти весь экспортъ англійской пряжи направляется на континентъ; но съ этого времени количество англійской пряжи, сбываемой въ заокеанскихъ странахъ, возрастаетъ съ каждымъ годомъ, а съ 1843 г. сбытъ Англии въ Европу (въ Германію уже съ 1833 г.) и абсолютно значительно уменьшается.

Саксонскія Рудниковыя горы, Санктъ-Галленъ и Эльзасъ занимаютъ въ этомъ періодѣ монопольное положеніе по отношенію ко всей остальной Европѣ, ибо эти промышленныя центры, да еще нѣкоторые менѣе важныя въ промышленномъ отношеніи мѣстности являются единственными въ Европѣ, производящими пряжу машиннымъ способомъ. Во Франціи, если не считать Эльзаса (департаментъ Верхняго Рейна и Вогезовъ), первая механическая бумагопрядильня была устроена въ 1818 г. въ департаментѣ Верхней Соны, въ остальныхъ департаментахъ фабрики появились не ранѣе 1825 г. ¹⁾ Извѣстные намъ факты относительно устройства фабрикъ во Франціи въ первой четверти XIX вѣка (да и въ позднѣйшее время) относятся почти исключительно къ Эльзасу. Въ Австріи и въ 30-хъ годахъ находимъ еще весьма мало механическихъ прядильнь, перемѣна въ этомъ отношеніи произошла лишь спустя два десятилѣтія ²⁾. Развитіе русской бумагопрядильной индустріи начинается съ 40-хъ годовъ, со времени допущенія свободы вывоза машинъ изъ Англии ³⁾. И Пруссія въ 40-хъ годахъ еще почти не обладала механическими бумагопрядильнями, завися всецѣло отъ другихъ странъ: пряжа ввозилась изъ Саксоніи и Швейцаріи. Въ Гладбахѣ, важномъ промышленномъ центрѣ, расположенномъ у низовьевъ Рейна, первая механическая бумагопрядильня была устроена въ 1845 году ⁴⁾.

Третій періодъ въ исторіи производства пряжи машин-

¹⁾ Бэръ, т. III, стр. 65.

²⁾ Бэръ, т. III, стр. 72.

³⁾ Историко-статистическій обзоръ промышленности Россіи. Изд. подъ ред. Д. А. Тимирязева. т. II. Москва. 1886. Отд. 1. стр. 84—85.

⁴⁾ Thun. T. I. p. 160.

нымъ способомъ, періодъ всеобщаго распространенія машинъ въ этой отрасли промышленности, начинается, слѣдовательно, не ранѣе середины XIX вѣка. Лишь съ этихъ поръ фабрика становится господствующей системой производства. Если имѣть при этомъ въ виду, что первое появленіе фабричной промышленности въ сферѣ бумагопряденья относится уже къ 80-мъ годамъ XVIII вѣка и въ 90-хъ годахъ англійская машинная пряжа уже начинаетъ играть извѣстную роль, то окажется, что болѣе полувѣка прошло со времени возникновенія новаго источника, доставляющаго прибавочный продуктъ, и до перехода послѣдняго къ потребителю въ видѣ пониженныхъ соотвѣтствующимъ образомъ цѣнъ; въ теченіе полувѣка предприниматель имѣлъ, слѣдовательно, возможность превращать этотъ прибавочный продуктъ цѣликомъ или въ большей части его въ прибавочную цѣнность, въ прибыль. Дѣйствительно, столько времени прошло до тѣхъ поръ, пока цѣна пряжи понизилась соразмѣрно уменьшенію издержекъ при новомъ способѣ производства. Расходы предпринимателя на сырье и трудъ при производствѣ пряжи равнялись въ 1788 г. 12 шилл., въ 1800 г. 3 шилл. 2 пенс. и въ 1830 г. 1 шилл. 2¼ пенс. Въ тѣ же годы цѣна пряжи составляла 35 шилл., 9 шилл. и 3 шилл. Разница между издержками и продажной цѣной готоваго продукта (фунтъ пряжи № 100) равнялась, слѣдовательно, въ 1788 г. 23 шилл., въ 1800 г. 5 шилл. 10 пенс. и въ 1830 г. 1 шилл. 9¾ пенс. ¹⁾ Въ первый періодъ развитія машиннаго производства предприниматель присваивалъ себѣ почти весь плюсъ, создаваемый изобрѣтателемъ, позднѣе онъ вынужденъ былъ уступать уже часть его потребителю, другая же часть по-прежнему оставалась въ его рукахъ вплоть до 40-хъ годовъ, ибо лишь къ этому времени примѣненіе машинъ, изобрѣтенныхъ въ концѣ XVIII вѣка, стало явленіемъ всеобщимъ и мѣстности, занимавшія до тѣхъ поръ исключительное положеніе, благодаря тому, что они успѣли замѣнить ручной трудъ машиннымъ, приобрѣли конкурентовъ въ лицѣ другихъ мѣстностей и странъ, куда онѣ прежде сбывали свои издѣлія.

¹⁾ Steffen. Geschichte der englischen Lohnarbeiter. B. II. 1904. p. 158—159.

IV.

Почти одновременно съ прядильной машиной былъ изобрѣтенъ и механическій ткацкій станокъ. Но и въ Англіи онъ сталъ примѣняться въ производствѣ лишь съ 1813 года; значительное распространеніе его въ Англіи относится къ двадцатымъ годамъ, хотя еще въ 1830 г. было въ употребленіи почти 250 тыс. ручныхъ станковъ, и всего 50—80 тыс. механическихъ, причемъ фабриканты и въ эту эпоху еще сильно сомнѣвались въ возможности полной замѣны ручного ткачества (въ особенности узорнаго) машиннымъ; они полагали, что количество ручныхъ ткачей въ будущемъ еще должно возрасти. „Подобно первымъ фабрикантамъ, производившимъ пряжу машиннымъ способомъ,—говоритъ Шульце-Геверницъ—и первые владѣльцы механическихъ станковъ извлекали изъ этого изобрѣтенія высокую прибыль, но съ распространеніемъ механическаго ткачества цѣна и прибыль быстро понизились“¹⁾. На континентѣ лишь въ 60-хъ годахъ ручное ткачество было вытѣснено машиннымъ. „Примѣненіе механическаго ткацкаго станка въ Англіи—какъ указываетъ Вартманъ—вызвало въ швейцарской ткацкой промышленности тридцатыхъ годовъ столь же сильный кризисъ, какой произошелъ ранѣе въ прядильномъ производствѣ, вслѣдствіе введенія въ Англіи прядильной машины. Съ конца двадцатыхъ годовъ усиливался все болѣе и болѣе привозъ въ Швейцарію болѣе дешевыхъ, болѣе равномерно вытканыхъ, гладкихъ бумажныхъ издѣлій; но эти же ткани вмѣстѣ съ тѣмъ вытѣсняли швейцарскіе фабрикаты съ иностранныхъ рынковъ. Выдѣлывались они на новомъ механическомъ станкѣ. Все сильнѣе ощущалась необходимость примѣненія послѣдняго и въ Швейцаріи, иначе Швейцарія рисковала лишиться одного изъ наиболѣе важныхъ своихъ предметовъ сбыта“²⁾. Но ткацкія фабрики возникали весьма медленно. Въ кантонѣ Санктъ-Галленъ первыя механическія ткацкія заведенія были устроены уже въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ,

¹⁾ Schulze-Gävernitz, p. 71—72.

²⁾ Wartmann. Industrie und Handel der Schweiz im XIX Jahrhundert. Bern. 1902, p. 40.

но вскорѣ производство на нихъ прекратилось, и лишь съ 1853 г. начинается постепенное распространение механическаго станка. Дѣтъ десять спустя онъ уже широко примѣнялся въ Санктъ-Галленѣ ¹⁾. Впрочемъ, въ другихъ мѣстностяхъ дѣло шло гораздо медленнѣе, такъ что во всей Швейцаріи вообще въ срединѣ XIX вѣка, насчитывалось не болѣе 3000 механическихъ ткацкихъ станковъ ²⁾.

Въ Фогтландѣ первая ткацкая фабрика была устроена въ 1861 г. ³⁾, въ другихъ мѣстностяхъ Саксоніи такія фабрики появились впервые въ 1847—50 гг., въ Гладбахѣ (на Рейнѣ) въ 1856 г. ⁴⁾; къ этому времени въ Гладбахѣ насчитывалось 300 механическихъ станковъ, во всей Пруссіи было въ 1861 г. всего 7000 механическихъ станковъ для бумажнаго ткачества, между тѣмъ, какъ въ Англіи въ 1820 г. находимъ вдвое большее количество, а въ 1835 г. пѣльяхъ 116000 механическихъ бумаготкацкихъ станковъ ⁵⁾. Во всей Франціи насчитывалось въ 1834 г. не болѣе 5 тысячъ механическихъ станковъ и даже въ Эльзасѣ число ихъ не достигало количества находящихся въ употребленіи ручныхъ станковъ ⁶⁾. Въ Голландіи лишь въ 50-хъ годахъ имѣлось 2 тыс. механическихъ станковъ ⁷⁾. Въ Австріи въ началѣ 60-хъ годовъ число ихъ составляло около 15 тысячъ, т. е. не болѣе того числа, которое было въ Англіи въ 1820 г.; господствующей системой производства была кустарная промышленность, причемъ во многихъ округахъ ручное ткачество являлось все еще подсобнымъ промысломъ къ сельскому хозяйству ⁸⁾. Въ 60-хъ годахъ было основано механическое ткачество и у насъ. Въ 1860 г. учреждены три первыя механическія ткацкія фабрики во Владимірской губерніи. Въ 1854 г. Карль Шейблеръ, изучившій въ

¹⁾ Wartmann. Industrie und Handel des Kantons St.-Gallen, p. 438—439. 506. 515—519.

²⁾ Wartmann. Industrie und Handel der Schweiz, p. 43.

³⁾ Bein, p. 340—341. 263.

⁴⁾ Thun. B. I, p. 161.

⁵⁾ Schmoller. Grundriss. I p. 215.

⁶⁾ Levasseur. Histoire des classes ouvrières en France, depuis 1789 jusqu'à nos jours. T. II. p. 78. Herkner. p. 87.

⁷⁾ Ellison, p. 166.

⁸⁾ Беръ, т. III, стр. 72.

Англіи устройство прядильныхъ и ткацкихъ машинъ, выстроилъ въ г. Лодзи первую бумагопрядильню въ 18 тыс. веретенъ и ткацкую фабрику въ 100 станковъ; однако въ 1861 г. ручные ткачи, опасаясь конкуренціи, напали на фабрику и уничтожили всѣ механическіе станки ¹⁾.

Такимъ образомъ, и въ области бумажнаго ткачества, какъ и въ прядильномъ, производствѣ прошло свыше полу столѣтія, прежде чѣмъ механическій способъ производства вошелъ во всеобщее употребленіе. Вслѣдствіе этого, въ области бумаготкацкой промышленности тѣ немногіе предприниматели, которые пользовались машинами въ теченіе этого полустолѣтія, находились въ исключительно—выгодномъ положеніи. Точно такъ же и въ другихъ отрасляхъ текстильной промышленности—въ сферѣ пряденья и ткачества шерстяныхъ и льняныхъ издѣлій распространеніе машинъ продолжается не менѣе полустолѣтія; полвѣка должно было пройти со времени появленія новаго источника прибавочнаго продукта до перехода послѣдняго въ руки потребителя. И въ этихъ отрасляхъ промышленности механическое пряденье идетъ значительно впереди ткачества; въ прядильномъ производствѣ гораздо раньше начинается переходъ отъ ручного производства къ машинному и гораздо раньше наступаетъ моментъ полного вытѣсненія ручного труда машиннымъ. При этомъ въ шерстяной промышленности тѣ же прядильныя и ткацкія машины примѣняются значительно позже, чѣмъ въ хлопчатобумажной индустріи, и еще позже онѣ вводятся въ производствѣ льняныхъ издѣлій. Поэтому-то въ этихъ промыслахъ—шерстяномъ и льняномъ—весь процессъ развитія совершается несравненно позже, отдѣльные фазисы его относятся къ гораздо болѣе позднему времени, чѣмъ въ хлопчатобумажной промышленности. Въ индустріи шерстяной и льняной машины еще составляютъ монополію отдѣльныхъ предпри-

¹⁾ Янжуль. Очеркъ историческаго развитія фабрично-заводской промышленности въ царствѣ Польскомъ. Юридическій Вѣстн. 1887, Люксембургъ. Промышленное развитіе Польши. СПб. 1899, Шульце-Геверницъ. Крупное производство въ Россіи. Москва. 1899, стр. 28 и сл.

нимателей, когда въ хлопчатобумажной промышленности онѣ уже являются всеобщимъ достояніемъ.

Лишь около 1815 г. примѣненіе прядильныхъ машинъ въ англійской шерстяной промышленности становится явленіемъ болѣе частымъ, въ 1825—1835 гг. входятъ въ Англии въ употребленіе и механическіе ткацкіе станки для производства шерстяныхъ издѣлій ¹⁾. Въ дѣлѣ распространенія прядильныхъ машинъ на материкѣ Европы большая заслуга принадлежитъ англичанину Вилльяму Кокериллю, который вывезъ изъ Англии прядильныя машины и устроилъ на континентѣ фабрики для производства шерстяной пряжи, сначала въ 1798 г. въ Вервѣ (въ Бельгій), затѣмъ въ 1806 г. въ Дюренѣ (на Рейнѣ), наконецъ, и въ Нижне-Лузасѣ—въ Губенѣ и Грюнбергѣ въ 1816 г. Въ Англии онъ былъ за это приговоренъ къ гражданской смерти и была объявлена премія за его голову ²⁾. Однако, прошло много десятилѣтій, прежде чѣмъ другіе послѣдовали примѣру Кокерилля. Въ лузасской шерстяной промышленности насчитывалось въ 1840 г. всего двѣ прядильни съ 4000 веретенъ, а въ 40-хъ годахъ была введена впервые дженни-машина, еще позже стали примѣнять мюльную машину Кромптона. Въ той же лузасской шерстяной промышленности находимъ въ 1852 г. всего одинъ механическій ткацкій станокъ, въ 1858 г. ихъ было 37 и даже въ 1870 г. всего 525 станковъ ³⁾

Въ Ахенѣ и Буртшейдѣ по нижнему Рейну Кокериль въ 1821 г. также ввелъ англійскія прядильныя машины, а въ 1833 г. онъ и самъ переселился въ Ахенъ. Въ 40-хъ годахъ появляются въ ахенскомъ округѣ и мюль—машины; вытѣсненіе же ручного ткачества машиннымъ, главнымъ образомъ въ области производства гладкаго сукна, началось лишь въ 50-хъ годахъ и совершалось очень медленно. Производство узорчатыхъ тканей производилось и еще гораздо позже попрежнему на ручныхъ станкахъ; по даннымъ промышленной переписи 1875 г. въ ахенскомъ округѣ насчитывалось еще 5.303

¹⁾ Dechesne. L'évolution économique et sociale de l'industrie de la laine en Angleterre. Paris. 1900. p. 117—122.

²⁾ Barlet. Histoire du commerce et de l'industrie de la Belgique. Malines. 1885. p. 183. Quandt. Die Niederlausitzer Schafwollindustrie in ihrer Entwicklung zum Grossbetriebe und zur modernen Technik. Leipzig. 1895. p. 173.

³⁾ Quandt. p. 175. 181. 198—199.

ручныхъ станковъ, изъ коихъ 2.420 съ аппаратами Жакара ¹⁾. Во всемъ германскомъ таможенномъ союзе находимъ въ 1861 г. не болѣе 6 тысячъ механическихъ станковъ изъ 78 тыс. ткацкихъ станковъ, на которыхъ выдѣлывались шерстяныя ткани ²⁾. Тѣмъ не менѣе въ 40-хъ и 50-хъ годахъ Ахенъ занималъ монопольное положеніе въ области механическаго производства сукна, ибо въ другихъ мѣстностяхъ машинное ткачество было еще менѣе развито, и европейскія государства, какъ и Америка, нуждались въ иностранномъ сукнѣ. Издѣлія Ахена составляли важный предметъ ввоза въ различныхъ странахъ; экспортъ Ахена въ Италію, Испанію, Португалію достигалъ значительныхъ размѣровъ. Но еще важнѣе былъ экспортъ въ Соединенные Штаты Сѣв. Америки. Благодаря непосредственнымъ торговымъ сношеніямъ съ Америкой, доходы многихъ крупныхъ торговыхъ домовъ Ахена возросли до огромной цифры. „Богатство многихъ нынѣ существующихъ фирмъ — говорить Тунъ — возникло въ это время. Интеллигентные, энергичные и умѣлые коммерсанты, имѣвшіе удачу, все болѣе и болѣе расширяли свой сбытъ, увеличивали размѣръ помѣщаемыхъ въ дѣлѣ капиталовъ и число нанимаемыхъ ими рабочихъ. Изъ достовѣрныхъ источниковъ — добавляетъ онъ — мнѣ извѣстно, что одна ахенская фирма выработала 100.000 талеровъ въ годъ, другая 40 — 60 тыс. и даже 86 тыс., третья выручала 60 тыс. тал. ежегодно; фабричный инспекторъ также указываетъ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ, что одинъ торговый домъ въ Маріавейлерѣ выработывалъ въ теченіе 3 лѣтъ по 60 тыс. талер. ежегодно, а другой фабрикантъ, начавшій дѣло съ самымъ незначительнымъ капиталомъ, въ нѣсколько лѣтъ нажилъ 250.000 талеровъ“ ³⁾. Не только въ теченіе десятилѣтія 1845—1853 гг. (и даже вплоть до 1860 г.), но и впоследствии, въ 60-хъ годахъ, въ особенности въ пятилѣтіе 1869—1874 гг., мы можемъ констатировать значительный приростъ капиталовъ въ сферѣ ахенской суконной промыш-

¹⁾ Thun. I. p. 23—24.

²⁾ Schmoller. Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im XIX Jahrhundert. Halle. 1870. p. 579.

³⁾ Thun I. p. 25—26. 73.

ленности, въ эти годы образовалось весьма много крупныхъ состояній. „Указываютъ на фабрикантовъ, которые выручали по 150.000 мар., другіе наживали по 60—90 тысячъ мар. ежегодно. Среди людей, сразу разбогатѣвшихъ, было много приказчиковъ, купцовъ и мелкихъ торговцевъ; гордость ихъ не знала предѣловъ, началась безумная трата легко нажитыхъ денегъ; завелись роскошные экипажи, дома, богатые наряды; устраивались балы, расточительность достигла небывалыхъ размѣровъ“ ¹⁾. Надо имѣть въ виду, что и Ахенъ и другіе центры механическаго производства сукна еще въ 70-хъ годахъ занимали монопольное положеніе по отношенію къ другимъ странамъ, гдѣ господствовало по-прежнему ручное ткачество; машинное производство вытѣснило ручной трудъ въ суконной промышленности лишь за послѣднія тридцать лѣтъ ²⁾.

Еще дольше, вплоть до 60-хъ и даже 80-хъ годовъ, продолжалась борьба между машиной и ручнымъ производствомъ въ льнопрядильной промышленности, а въ области льняного ткачества и до конца XIX вѣка. Впрочемъ до 60-хъ годовъ среди широкой публики былъ распространенъ взглядъ, что ручныя (льняныя) ткани отличаются большей плотностью и прочностью, чѣмъ машинныя. Лишь парижская выставка 1867 г. убѣдила въ противномъ ³⁾. До XVIII вѣка Германія и Австрія снабжали своими льняными издѣліями всѣ остальные европейскія страны. Правда, уже послѣ тридцатилѣтней войны ихъ положеніе значительно ухудшилось, ибо война надолго убила всякую промышленную дѣятельность Германіи; въ XVIII вѣкѣ нѣмецкой льняной промышленности приходилось выдерживать конкуренцію шотландской индустріи, въ особенности на южныхъ рынкахъ, причемъ результатъ былъ далеко не всегда благоприятный для Германіи. Но условія стали особенно невыгодными для послѣдней, когда въ Англіи была введена прядильная машина Жирара. Уже во время господства континентальной системы дешевыя англійскія льняныя издѣлія безпрепят-

¹⁾ Thun p. 75.

²⁾ Schmoller Grundriss. p. 214—215.

³⁾ Exner. Beiträge zur Geschichte der Gewerbe und Erfindungen Oesterreichs. Wien. 1843. p. 268—69.

ственно ввозились въ заокеанскія страны. А по прекращеніи ея, накопившіеся въ Англіи продукты льняной промышленности—какъ и хлопчатобумажной—наводнили европейскіе рынки и прежніе рынки сбыта германской промышленности оказались переполненными англійскимъ товаромъ. Испанія, Португалія, Италія, Бразилія были потеряны для Пруссіи, даже въ самой Пруссіи появились съ большимъ количествомъ дешевыя англійскія ткани ¹⁾. Другія страны вступили въ борьбу съ англійской промышленностью, примѣняя и у себя механической способъ производства льняныхъ издѣлій; онѣ выписывали механиковъ изъ Англіи, привозили оттуда машины, несмотря на существовавшее запрещеніе вывоза ихъ. Такъ поступали напр., предприниматели во Франціи, гдѣ съ 1834 г. механическое пряденье льна сдѣлало большіе успѣхи, а затѣмъ послѣдовало, въ особенности въ 50-хъ годахъ, и механическое ткачество ²⁾. Въ Бельгіи, также, начиная съ 1835 г. вводится механическое пряденье, около 1846 г. насчитывалось 13 фабрикъ съ 92 — 95 тыс. веретенъ ³⁾. Лишь въ германскихъ государствахъ, въ Швейцаріи и въ Австріи ручное производство осталось попрежнему господствующимъ, какъ въ области пряденья, такъ и въ ткацкомъ промыслѣ; во многихъ мѣстностяхъ неизвѣстно было даже употребленіе самолетнаго челнока ⁴⁾. Въ 1830 г. въ Силезіи существовала всего одна механическая льнопрядильня съ 4 тыс. веретенъ, въ слѣдующіе годы возникло еще 4 фабрики этого рода; число возростало весьма медленно, еще въ 1852 г. насчитывалось не болѣе десяти прядильень съ 40 тыс. веретенъ на всю Силезію: большая часть пряжи производилась попрежнему на ручныхъ веретенахъ ⁵⁾. Въ то время, какъ Англія въ 1861 г. имѣла 140 фабрикъ съ 12.000 механическихъ ткацкихъ станковъ для производства льняныхъ издѣлій, въ Пруссіи въ 1861 г. число механическихъ станковъ равнялось 258 и даже въ 1875 г. всего

¹⁾ Zimmermann. Blüte und Verfall des Leinengewerbes in Schlesien. 2 Aufl. Oldenburg. und Leipzig, ohne Jahr. p. 287 и слѣд.

²⁾ Levasseur. II. p. 127.

³⁾ Zimmermann. p. 329—330.

⁴⁾ Ibid. p. 325.

⁵⁾ Zimmermann. p. 420. Cp. Frahne. Die Textilindustrie Schlesiens. Tübingen. 1904.

5265. Во всемъ германскомъ таможенномъ союзѣ насчитывалось 350 механическихъ станковъ въ 1861 г. и 6678 станковъ въ 1875 г. ¹⁾ Въ Швейцаріи находимъ въ 1861 г. всего три механическія льнопрядильни; немногимъ больше ихъ насчитывалось въ Австріи въ 60-хъ годахъ ¹⁾.

Такое же монопольное положеніе, какъ фабриканты бумажныхъ и шерстяныхъ издѣлій, занимали и англійскіе желѣзозаводчики въ теченіе весьма продолжительнаго періода. Уже въ 1788 г. почти 79 проц. всего чугуна производилось въ Англии при помощи кокса, а въ послѣдніе годы XVIII вѣка изъ 95½ тыс. тоннъ, изготовляемыхъ на 107 англійскихъ и шотландскихъ заводахъ, свыше 80 тыс. тоннъ на 85 заводахъ выдѣлывалось коксомъ и лишь 9¼ тыс. на 22 заводахъ древеснымъ углемъ; въ 1806 г. 97 проц. англійскихъ заводовъ работало на минеральномъ топливѣ—159 изъ 161 ²⁾. Точно также и пуддлингованіе, за примѣненіе котораго, какъ мы указывали выше, англійскимъ заводчикамъ ничего платить не приходилось, распространилось въ Англии весьма быстро: уже въ началѣ XIX вѣка почти все полосовое желѣзо производилось въ отражательныхъ печахъ ⁴⁾. Благодаря этому и создалась т. наз. „желѣзная аристократія“, нажившая миллионныя богатства на примѣненіи минеральнаго топлива и пуддлингованія; получивъ эти изобрѣтенія совершенно даромъ, заводчики имѣли полную возможность присвоить себѣ всю цѣнность продуктовъ творческаго труда, ибо вслѣдствіе ихъ монопольнаго положенія въ области сбыта, цѣны на чугунъ и полосовое желѣзо стояли въ теченіе продолжительнаго времени на томъ же уровнѣ или во всякомъ случаѣ на весьма высокомъ уровнѣ по сравненію съ сократившимися во много разъ расходами въ производствѣ—прошло еще много времени, прежде чѣмъ древесное топливо и кричный способъ производства были замѣнены и на континентѣ минеральнымъ углемъ и пуддлингованіемъ. Такъ, во Франціи первый

¹⁾ Zimmermann. p. 435. Cp. Ehrenberg. Die Unternehmungen der Brüder Siemens. B. I. 1906. Einleitung.

²⁾ Беръ. Ист. всемирн. торг. т. III. стр. 102. 105.

³⁾ Karmarsch. p. 254. Смайльсъ. стр. 105.

⁴⁾ Karmarsch. p. 258. Смайльсъ. стр. 106 и сл. 113. и сл. Juraschek. Eisen. Handw. der. Staatswiss. B. III.

заводъ, работавшій на каменномъ углѣ, сооруженъ въ послѣдніе годы XVIII вѣка (въ Крезе), но второй только въ 1818 г. (въ Вѣннѣ) и еще въ 1830 г. всего 10 проц., а въ 1840 г. 22 проц. чугуна производилось посредствомъ минеральнаго топлива. Лишь въ 50-хъ годахъ послѣднее стало скорѣе распространяться, достигнувъ въ 1860 г. 66 проц. всего выдѣланнаго во Франціи чугуна, а въ 1864 г. 81 $\frac{1}{2}$ проц., такъ что только въ 60-хъ годахъ древесное топливо было совершенно вытѣснено ¹⁾. Пуддлингованіе было впервые примѣнено во Франціи въ 1820 г., но и въ 30-хъ годахъ изготовленное въ отражательныхъ печахъ желѣзо не составляло и половины всего произведеннаго металла, только въ 40-хъ и 50-хъ годахъ пуддлингованіе стало общеупотребительнымъ способомъ производства ²⁾

Столь же медленно новыя изобрѣтенія примѣнялись въ металлургической промышленности Германіи. Въ Германіи первый заводъ, выдѣлывавшій чугуны при помощи кокса, построенъ въ 1796 г. въ Верхней Силезіи, въ области же р. Руръ такой заводъ устроенъ не ранѣе 1847 г. Пуддлингованіе было впервые примѣнено въ 1825 г., но подобно минеральному топливу, и оно до половины XIX вѣка еще употреблялось весьма мало. Даже въ Силезіи въ 1846 г. еще существовало всего 9 заводовъ, работавшихъ на коксѣ, рядомъ съ 52 заводами, работавшими на древесномъ топливѣ, и 9 заводовъ, гдѣ примѣнялось пуддлингованіе, тогда какъ на 240 употреблялся прежній кричный способъ. Во всей Пруссіи всего 14 проц. заводовъ работали въ 1847 г. при помощи каменнаго угля, всѣ остальные примѣняли древесное или въ лучшемъ случаѣ смѣшанное топливо, и еще въ это время находили, что размѣры производства завода зависятъ отъ лѣсовъ, которыми онъ располагаетъ, и отъ цѣны на дерево и древесный уголь ³⁾. Въ результатъ еще въ 30-хъ и 40-хъ годахъ англичане пользовались монопольнымъ положеніемъ, вытѣсняя и въ Германіи желѣзо мѣстнаго производства. Силезія чувствовала сильную конкуренцію англійскаго желѣза уже съ начала XIX вѣка; во время

¹⁾ Karmarsch. p. 254.

²⁾ Karmarsch. p. 258.

³⁾ Sombart. Die deutsche Volkswirtschaft. p. 178—179, 184.

континентальной системы она ощущалась не так сильно, но послѣ отмѣны послѣдней снова англійское желѣзо, болѣе дешевое, чѣмъ мѣстное, наводнило рынокъ. И въ 40-хъ годахъ англійскій продуктъ продавался въ Силезіи по такой цѣнѣ, которая не покрывала расходовъ производства при господствовавшей въ Германіи техникѣ: англичане сбывали свой чугуны за 3 марки, тогда какъ одно производство его въ Силезіи обходилось въ 3,3 марки ¹⁾. Лишь въ 50-хъ годахъ пудлингованіе и каменноугольное топливо стало входить и въ Германіи въ общее употребленіе: въ 1848 г. посредствомъ пудлингованія произведена половина продукта, въ 1859 г. ⁹/₁₀, на минеральномъ и смѣшанномъ топливѣ изготовлено въ 1856 г. 65% всего выдѣланнаго чугуна ²⁾.

Что касается, наконецъ, паровой машины, то въ Англии, какъ мы видѣли выше, послѣдняя примѣнялась въ обрабатывающей промышленности уже съ 80-хъ годовъ XVIII вѣка и въ 1810 г. въ англійской индустріи насчитывалось около 5 тысячъ паровыхъ машинъ. Наоборотъ, въ Пруссіи, гдѣ первая паровая машина была установлена въ 1788 г., вторая появилась только въ 1822 г. и даже въ 1837 г. число паровыхъ двигателей, примѣняемыхъ на фабрикахъ, составляло всего 300 съ 4 тыс. лош. силъ, а въ 1849 г. 1100 съ 16 тыс. лош. силъ. Въ Австріи насчитывалось въ 1851 г. 647, а въ 1863 г. 3 тыс. паровыхъ машинъ (въ фабричныхъ заведеніяхъ) съ 8½ тыс. (въ 1851 г.) и 45 тыс. (въ 1863 г.) лош. силъ ³⁾. Въ Венгріи въ 1852 г. количество паровыхъ машинъ равнялось 80; въ это число входятъ двигатели какъ на фабрикахъ и заводахъ, такъ и въ рудникахъ, на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ ⁴⁾. Въ Бельгіи находимъ въ 1840 г. немногимъ болѣе тысячи паровыхъ машинъ, употребляемыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ и промышленности, съ 25 тыс. лош. силъ, во Франціи 2½ тыс. паровыхъ двигателей съ 38 тыс. лош. силъ. Шмоллеръ вполне

¹⁾ Stüllich. Nationaloekonomische Forschungen auf dem Gebiete der grossindustriellen Unternehmung. B. II. Eisen- und Stahlindustrie. Berlin 1904, p. 185—186.

²⁾ Karmarsch. p. 255. 259.

³⁾ Karmarsch. p. 209. 211. 213.

⁴⁾ Engel. Das Zeitalter des Dampfes. 2. Aufl. Berlin. 1881. p. 130.

правильно указываетъ, слѣдовательно, на то, что до 1850 г. примѣненіе паровой машины въ производствѣ было незначительно ¹⁾. Это положеніе подтверждается и фактами, относящимися къ примѣненію пара въ важнѣйшихъ центрахъ континентальной индустріи. Въ текстильной промышленности Фогт-ланда насчитывалось въ 1846 г. всего 4 фабрики съ 6 паровыми котлами ²⁾. Въ саксонскомъ бумагопрядильномъ производствѣ въ 1831 г. всего 6 проц. всѣхъ веретенъ приводилось въ движеніе паромъ, да и то лишь постольку, поскольку не хватало водяной силы. 25 лѣтъ спустя, въ 1855 г. количество веретенъ, приводимыхъ въ движеніе паромъ, также не превышало 6 проц. всего ихъ числа; 17 проц. пользовалось силой пара только въ теченіе извѣстнаго времени въ году, къ остальнымъ 77 проц. веретенъ примѣнялась попрежнему сила воды ³⁾. Въ бумагопрядильномъ производствѣ Верхняго Эльзаса въ 1851 г. число паровыхъ двигателей равнялось 65 и въ то же время употреблялось 3 тысячи водяныхъ силъ; въ ткацкой промышленности паръ доставлялъ 874 лошадиныя силы, вода—1367 ⁴⁾. Въ шерстяной промышленности Зоммерфельда (въ Нижней Лузаціи) въ 1852 г. 6 фабрикъ приводилось въ движеніе паромъ, 10 водой, 5 двигателями того и другого рода. „Кокериль—говоритъ Квандтъ—уже въ 1816 году нодалъ примѣръ пользованія силой пара, однако установленная на его прядильнѣ, за отсутствіемъ иной, старая машина, взятая съ парохода, долго оставалась единственной, и даже въ 30-хъ и 40-хъ годахъ прядильныя, валяльныя, апретурныя и другія фабрики приводились обыкновенно въ движеніе либо животными, либо силой воды, заимствуемой изъ находившихся по близости рѣчекъ ⁵⁾. Точно также и въ Санктъ-Галленѣ паровая машина и въ половинѣ 40-хъ годовъ примѣнялась лишь въ двухъ бумагопрядильныхъ, да и то только во время засухи или сильнаго холода; въ 1866 г. въ этомъ кантонѣ приводились въ

¹⁾ Schmoller. Grundriss. B. I. p. 212.

²⁾ Bein. B. II. p. 265.

³⁾ König. p. 334. Ellison. p. 168.

⁴⁾ Herkner. p. 87.

⁵⁾ Quandt. p. 42. 182.

движеніе водой 11 прядиленъ съ 133000 веретенъ, паромъ же 6 прядиленъ съ 78000 веретенъ, причеиъ эти 6 прядиленъ обладали всего 6 паровыми машинами въ 150 лошадиныхъ силъ. Въ остальныхъ отрасляхъ Санкт-Галленской текстильной промышленности фабриканты повидимому и въ 60-хъ годахъ еще не пользовались паровыми двигателями ¹⁾. Такъ это было и въ другихъ мѣстахъ: повсюду паровые двигатели вводились ранѣе всего въ бумагопрядильномъ производствѣ, гдѣ ручной трудъ уже былъ замѣненъ машиннымъ, и лишь впоследствии они стали распространяться и въ другихъ отрасляхъ производства, по мѣрѣ вытѣсненія въ нихъ кустарной промышленности фабричной.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что въ теченіи не менѣе полулѣтковаго періода добавочный продуктъ, извлекаемый изъ творческаго труда изобрѣтателя, сначала цѣликомъ, а затѣмъ частью превращался въ добавочную цѣнность—прибыль. Понятіе о такъ наз. монопольномъ доходѣ, который получаетъ предприниматель, примѣняющій новое изобрѣтеніе до всеобщаго распространенія его въ промышленности, было извѣстно еще классической школѣ; однако, исходя изъ закона уравненія прибылей, она разсматривала этотъ видъ дохода какъ нѣчто временное и случайное, временно соединяющееся къ нормальной прибыли, получаемой изъ иного источника, тогда какъ онъ представляетъ собою явленіе постояннаго характера, существующее почти въ каждый моментъ хозяйственной жизни и являющееся послѣдствіемъ того, что примѣненіе новыхъ изобрѣтеній, встрѣчая на своемъ пути огромныя препятствія, распространяется столь медленно, что въ моментъ исчерпанія дохода, доставляемаго однимъ изобрѣтеніемъ, уже имѣется въ наличности новое существенное усовершенствованіе, примѣненіе котораго въ состояніи снова доставлять въ теченіе продолжительнаго времени монопольный доходъ ²⁾. Но конечно въ разсматриваемую эпоху творческій трудъ не являлся единственнымъ источникомъ прибыли съ капитала. Приведенные выше факты, изъ которыхъ видно крайне

¹⁾ Wartmann. Industrie und Handel des Kantons St. Gallen. p. 492.

²⁾ Что такъ это было дѣйствительно, видно будетъ изъ главы о творческомъ трудѣ въ послѣдней трети XIX в. (см. ниже).

медленное распространение машинъ въ промышленности, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ о томъ, что существовало значительное количество предприятий, которыя попрежнему примѣняли одинъ лишь физическій ¹⁾ трудъ рабочаго, а слѣдовательно только изъ послѣдняго и могли извлекать прибыль, — кустарное производство и мануфактурное по своему характеру не могутъ доставлять иного рода прибыли.

Каковы были размѣры прибыли, выручаемой капиталистомъ-предпринимателемъ изъ труда рабочаго—это составитъ предметъ изслѣдованія въ слѣдующей главѣ. Мы исходимъ изъ того положенія, установленнаго въ первомъ томѣ (гл. VIII и IX), что эксплуатація рабочаго въ предшествующую эпоху XVI — XVIII ст. приняла весьма значительные размѣры и попытаемся выяснитъ возросла-ли или сократилась въ XIX вѣкѣ, съ примѣненіемъ машинъ и появленіемъ фабрикъ, производительность собственнаго труда рабочаго, выражающаяся въ продолжительности рабочаго дня и въ интенсивности труда, и съ другой стороны, увеличилась ли или уменьшилась та часть продукта, которую получалъ рабочій въ видѣ заработной платы. Изъ соотношенія между тѣмъ и другимъ можно будетъ сдѣлать выводъ, составлялъ ли трудъ рабочаго источникъ прибыли въ рассматриваемую эпоху и въ какомъ направленіи измѣнилось количество прибыли, извлекаемой предпринимателемъ изъ этого рода труда. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы рассмотримъ данныя относительно примѣненія т. наз. малоцѣннаго труда женщинъ и дѣтей въ различной формѣ: какой характеръ принимала эксплуатація этого труда въ машинную эпоху, по сравненію съ болѣе ранними временами.

¹⁾ Именно физическій въ данномъ случаѣ, ибо мускульная дѣятельность возлагалась при отсутствіи машинъ на человѣка.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Трудъ рабочаго, какъ источникъ прибыли съ капитала въ первыя двѣ трети XIX вѣка.

I.

И Шульце-Геверниць, и Тунъ, и Гобсонъ и другіе изслѣдователи указываютъ на то, что трудъ рабочаго въ первый періодъ фабрично-заводской промышленности былъ мало интенсивенъ, что работа производилась рабочими вяло и невнимательно и непроизводительная трата времени была весьма велика. Это были тѣ же рабочіе, которые привыкли къ медленной, неравномѣрной работѣ въ кустарной мастерской и которые перенесли эти качества ручного труда и на фабрику. Обвиняя машины въ сокращеніи заработка, рабочій относился къ нимъ крайне враждебно; да и самая дисциплина на фабрикѣ была для него непривычна и невыносима. Поскольку же рабочій соглашался работать на машинѣ, онъ дѣлалъ лишь столько, сколько нужно было для того, чтобы не лишиться заработка; необходимъ былъ постоянный строгій надзоръ, иначе большая часть времени пропадала даромъ. Къ тому же въ качествѣ присмотрщика за машиной онъ являлся новичкомъ, портилъ много матеріала, не умѣлъ обращаться съ машиной. Изъ поколѣнія въ поколѣніе въ теченіе многихъ столѣтій переходило ручное производство; теперь же нужно было постепенно принаровить рабочаго къ машинѣ, приучить его къ совершенно новой формѣ труда. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если въ первый періодъ фабричной индустріи онъ производилъ меньше, чѣмъ въ предыдущую эпоху, когда онъ обладалъ значительнымъ, передаваемымъ

по наслѣдству, опытомъ и навыкомъ въ производствѣ ¹⁾ ²⁾. Къ тому же, какъ указываетъ Манту, вначалѣ кустари нерѣдко отказывались переходить на фабрику, какъ въ предыдущую эпоху на мануфактуру ³⁾; вслѣдствіе этого, „рабочіе въ первый періодъ фабричнаго производства состояли изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ—крестьянъ, изгнанныхъ изъ сель, вслѣдствіе огораживаній, бывшихъ солдатъ, нищихъ, призрѣваемыхъ приходами, подонковъ всѣхъ классовъ и слоевъ населенія“, совершенно не дисциплинированными и непригодными къ фабричной работѣ ⁴⁾.

Если интенсивность труда въ первую эпоху фабрично-

¹⁾ Cp. Thun. Die Industrie am Niederrhein. B. I. p. 10, 38. Schulze-Gävernitz. p. 56. Brentano. Ueber das Verhältnis von Arbeitslohn und Arbeitszeit zur Arbeitsleistung. p. 27—28. Mantoux. p. 426—427. Гобсонъ. Современный капитализмъ, разс.

²⁾ Въ другихъ отношеніяхъ трудъ при машинахъ немногимъ отличался по своему характеру отъ ручнаго труда предыдущихъ столѣтій. И въ томъ и въ другомъ случаѣ работа была одинаково монотонна и равно убійственно вліяла на духовное развитіе рабочаго. „Пряденье еще до изобрѣтенія машинъ—говоритъ Шмоллеръ (Kleingewerbe. p. 451)—было занятіемъ весьма жалкаго свойства, не требовавшимъ отъ рабочаго ни искусства, ни силы, ни свѣдній... Населеніе, занимавшееся этимъ промысломъ въ теченіе ряда поколѣній, должно было вырождаться въ духовномъ и физическомъ отношеніи“. „Трудно себѣ представить — говоритъ Маршалъ — что-либо болѣе тупое и монотонное, чѣмъ работа ткача въ пражнія времена“. Сравнивая ручной трудъ въ до-машинную эпоху съ современнымъ развитымъ машиннымъ производствомъ, онъ находитъ, что трудъ нынѣшняго рабочаго, который управляетъ четырьмя и болѣе механическими станками, гораздо менѣе монотоненъ и требуетъ несравненно большей умственной дѣятельности, нежели трудъ прежняго ткача на ручномъ станкѣ—на сто аршинъ произведемной ткани едва ли приходится двадцатая часть монотоннаго человѣческаго труда прежняго времени“. (Marshall. Principles of Economics. T. I. p. 322). Конечно въ послѣднемъ случаѣ Маршалъ сравниваетъ трудъ на ручномъ станкѣ съ трудомъ на современныхъ усовершенствованныхъ машинахъ (см. объ этомъ ниже), а не съ работой въ первую эпоху машинно-фабричнаго производства. Однако, фактъ тотъ, что тѣ особенности труда, которыя считаютъ характерными для машиннаго производства, по крайней мѣрѣ, для ранней эпохи его, обнаруживались въ полной силѣ и быть можетъ въ еще большей мѣрѣ въ предшествующій періодъ, когда машинъ вовсе не существовало.

³⁾ См. т. I, стр. 614, 628.

⁴⁾ Mantoux, p. 367.

заводскаго производства не увеличилась, то и продолжительность рабочаго времени не возросла.

„Рабочій день нѣмецкихъ подмастерьевъ въ средніе вѣка—говоритъ Швенланкъ—былъ весьма продолжителенъ. Работали съ восхода солнца до заката, во многихъ промыслахъ и при искусственномъ освѣщеніи, 14, 15, 16 часовъ составляютъ въ тѣ времена обычное явленіе. Строительные рабочіе занимающіе особенно привилегированное положеніе, работаютъ впрочемъ нерѣдко всего 10—11 часовъ въ день“¹⁾. Въ Гохѣ (на Рейнѣ) въ XIV вѣкѣ рабочій день продолжался съ 5 час. утра до 7 час. вечера. Въ Ахенѣ въ 9 час. вечера раздавался звонъ колокола, послѣ чего всѣ работы должны были прекратиться, въ 11 час. утра былъ перерывъ для обѣда. Если и въ Ахенѣ работа начиналась въ 5 час. утра, какъ въ Гохѣ, то получается 16-ти часовой рабочій день; въ Гохѣ онъ равняется 14-ти часамъ²⁾. Для кельнскихъ оружейниковъ рабочее время установлено съ 5 час. утра, до 9 час. вечера³⁾. Въ статутѣ любекскихъ сундучныхъ мастеровъ рабочій день (въ началѣ XVI вѣка) устанавливается въ 15 час., въ статутѣ любекскаго янтарнаго цеха онъ опредѣленъ въ 15 час. лѣтомъ и 14 час. зимою⁴⁾. Каменщики въ Штеттинѣ работаютъ въ XV вѣкѣ съ 4 час. лѣтомъ и съ 5—6 час. зимою до 6 час. веч. съ перерывомъ въ 1½ часа⁵⁾.

Во Франціи и въ Англии въ средніе вѣка работа также начинается съ восходомъ солнца и продолжается до наступленія ночи: depuis le heure que on i porra ouvrir par jour sans candeille, jusques à tant que on porra ouvrir dudict jour sans candelle, какъ гласитъ одинъ изъ французскихъ статутовъ XIV вѣка⁶⁾. Въ XIII—XV ст. это составляло обыкно-

¹⁾ Schoenlank. Die Gesellenverbände in Deutschland. Handwört der Staatswiss. 2 A. B. IV, p. 187.

²⁾ Thun. Die Industrie am Niederrhein. B. I, p. 10.

³⁾ Lau. Entwicklung der kommunalen Verfassung und Verwaltung der Stadt Köln bis zum Jahre 1396. Bonn. 1898, p. 307.

⁴⁾ Wehrmann. Die älteren lübeckischen Zunftrollen. Lübeck. 1864, p. 147—148.

⁵⁾ Blümcke. Die Handwerkerzünfte im mittelalterlichen Stettin. 1864, p. 145.

⁶⁾ Levasseur. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France. 2 T. I. Paris. 1900, p. 311—312. 690. Hauser. Ouvriers du temps passé

венно отъ 14 до 16 час. въ сутки. Лѣтомъ рабочій день продолжался такъ долго, что подмастерья, жившіе внѣ дома мастера, возвращались домой, когда уже было совершенно темно, рискуя быть убитыми по дорогѣ ¹⁾. Зимой рабочій день былъ короче, доходя до 11 час. Однако принимая во вниманіе это обстоятельство, а также вычетъ 1½ часа на ѣду, все таки окажется, что рабочій день равнялся 14½—9½ час. О рабочемъ днѣ въ 7—8 час., на который ссылается Martin-Saint-Léon ²⁾, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи, а между тѣмъ подъ влияніемъ такого рода разсужденій и сложилась теорія о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, господствовавшемъ якобы въ средніе вѣка ³⁾ тогда какъ въ дѣйствительности онъ былъ почти вдвое продолжительнѣе. Дѣло, въ томъ, что сравнительно короткий рабочій день (11—12 час.) мы находимъ только зимою, да и то лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда запрещалось работать при искусственномъ освѣщеніи. Однако, послѣднее происходило далеко не всегда. Такъ напр., статуть ножевщиковъ г. Langres запрещаетъ ночную работу только въ лѣтнее время, но разрѣшаетъ ее зимою (отъ сентября до марта) и устанавливаетъ рабочій день съ 4 час. утра до 8 час. вечера ⁴⁾. Въ тѣхъ случаяхъ, когда статуты допускали ночную работу, а это было довольно часто ⁵⁾, подмастерья не могли отказываться отъ нея; они получали лишь добавочное вознагражденіе за ночные часы ⁶⁾. Въ Англіи повидимому даже строительные рабочіе, положеніе которыхъ было наиболѣе благопріятнымъ, работали 16 час. въ сутки. Роджерсъ утверждаетъ правда, что ихъ рабочій день продолжался всего 8 часовъ, но тутъ же онъ прибавляетъ, что каменщики получали кромѣ того плату за сверхурочные

Paris. 1899. p. 78. Neuburg. Zunftgerichtsbarkeit und Zunftverfassung. Iena. 1880, p. 143. Brentano. Arbeitergilden der Gegenwart. B. I. 1872, p. 52.

¹⁾ Fagniez. L'industrie et la classe industrielle à Paris au XIV siècle. 188, p. 82—83.

²⁾ Martin-Saint-Léon. Histoire des corporations de métiers. Paris. 1897, p. 119.

³⁾ См. напр. Nostitz. Das Aufsteigen des Arbeiterstandes in England. 1900, p. 500.

⁴⁾ Levasseur. I, p. 690.

⁵⁾ Fagniez. 82—83. Levasseur. I. p. 311.

⁶⁾ Neuburg. Zunftgerichtsbarkeit p. 145.

часы, „число которых доходило до 48 въ недѣлю“ ¹⁾. Рабочій день состоялъ, слѣдовательно, изъ 16 часовъ; только плата для первыхъ и для послѣднихъ восьми часовъ была неодинаковая. Еще дольше продолжалась работа въ производствѣ стекла въ Мурано около Венеціи въ XV—XVI ст., гдѣ рабочій день равнялся 18 час. въ сутки ²⁾.

Законъ Елисаветы 1562 года, установившій рабочій день въ 14—15 часовъ, скорѣе сократилъ, чѣмъ увеличилъ продолжительность производства. Впрочемъ онъ опредѣлялъ повидимому лишь *минимальную* продолжительность рабочаго дня, ибо изданъ былъ законъ по требованію хозяевъ и въ ихъ интересахъ и въ немъ былъ указанъ лишь максимумъ продолжительности перерывовъ во время работы (перерывы разрѣшаются, но не должны превышать въ совокупности 2½ часа въ сутки) минимумъ же не опредѣленъ ³⁾. Въ двухъ другихъ англійскихъ законахъ, изданныхъ въ 1721 и 1767 гг. и установленныхъ для лондонскихъ портныхъ, рабочій день опредѣленъ въ 13—14 час. (съ перерывомъ въ 1 часъ), за что полагается подневная плата въ 1 шилл. 8 пенс. (по закону 1721 г.) и въ 2 шилл. 7½ пенс. (по закону 1767 г.). Если подмастерье соглашается дольше работать, то онъ получаетъ добавочное вознагражденіе. И здѣсь, слѣдовательно, установленъ максимумъ платы и минимальный рабочій день ⁴⁾.

Подобный же характеръ имѣетъ постановленіе сукностриговъ г. Мюнстера въ началѣ XVII вѣка (1607 г.). Рабочій день опредѣляется въ 14 час., причемъ это относится лишь къ тому времени, за которое уплачивается плата по времени (и не допускается поштучная плата), ибо далѣе въ статутѣ говорится: „если бы мастеру понадобилась спѣшная работа, онъ можетъ заставить подмастерьевъ за приличную плату работать и до утренняго колокола, раздающагося въ 5 час.

¹⁾ Rogers. Six Centuries of Work and Wages. Нѣм. изд. подъ ред. Kautsky, p. 414.

²⁾ Molmenti. Venedig und die Venetianer, p. 270.

³⁾ Lohmann. Staatliche Regelung der englischen Wollindustrie. p. 27.

⁴⁾ Held. Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands. Leipzig. 1882, p. 434—435. Адамъ Смитъ. Богатство народовъ. кн. I гл. X отд. 2.

утра, равно какъ и послѣ вечерняго звона въ 7 час. веч. ¹⁾. Въ Нюрнбергѣ и въ XVI вѣкѣ для канатнаго промысла и въ XVIII ст. для рабочихъ въ шелковой промышленности опредѣленъ 15-часовой рабочий день ²⁾. Въ Люнебургѣ даже каменщики и плотники работаютъ 14 час. лѣтомъ и 12 зимою (статутъ 1570 г.), мѣдники 16 час. въ сутки (статутъ 1573 г.), кромѣ четверга и субботы, когда работа прекращается на 2 часа раньше ³⁾; въ Штеттинѣ рабочий день столяровъ (1572 г.) продолжается съ 4 час. утра до 7 час. вечера ⁴⁾; въ берлинской шелковой промышленности 14 час. и болѣе (XVIII вѣкѣ); ⁵⁾ въ Австріи для строительныхъ рабочихъ предписывается (въ XVII ст.), что рабочий день долженъ быть не менѣе 15 час. отъ апрѣля до сентября и отъ восхода до заката солнца въ остальное время, причемъ на обѣдъ и ужинъ давалось два часа зимою, одинъ часъ весной и осенью и только въ жаркіе мѣсяца 3 часа; при этомъ опредѣлена и максимальная плата ⁶⁾. Въ Голландіи рабочий день амстердамскихъ ткачей продолжается 15 — 16 час. (XVI ст.), гарлемскихъ корабельныхъ плотниковъ 14 час. (XVII ст.), тогда какъ строительные рабочіе заняты всего 10—12 час. въ Амстердамѣ и даже 9—11 час. въ Гарлемѣ (каменщики въ XVIII вѣкѣ) ⁷⁾.

Во Франціи мы находимъ въ XVI—XVIII ст. тотъ же рабочий день въ 14 и болѣе часовъ, который господствовалъ въ средніе вѣка. Такъ, типографскіе рабочіе въ Парижѣ работали 14 час. въ сутки (XVIII ст.), оловянники 15 час., переплетчики 16 час.; требованіе послѣднихъ о со-

¹⁾ Krumbholz. Die Gewerbe der Stadt Münster bis zum Jahre 1661. Leipzig. 1898. p. 86. 457.

²⁾ Schoenlank. Soziale Kämpfe vor dreihundert Jahren. Leipzig. 1894. p. 134. 140.

³⁾ Bodemann. Die alteren Zunfterkunden der Stadt Lüneburg. p. 167. 188. 259.

⁴⁾ Blümcke. p. 145.

⁵⁾ Schmoller. Umriss und Untersuchungen zur Verfassungs-Verwaltungs- und Wirtschaftsgeschichte Preussens im XVII — XVIII Jahrh. Leipzig, 1898, p. 551.

⁶⁾ Max Adler. Die Anfänge der merkantilistischen Gewerbepolitik in Oesterreich. Wien. 1903. p. 97.

⁷⁾ Pringsheim. Beiträge zur wirtschaftlichen Entwicklungsgeschichte der vereinigten Niederlande im XVII—XVIII Jahrh. 1890. p. 40.

иращеніи работы до 14 час. оставлено безъ вниманія ¹⁾. Въ Версали рабочий день цеха желѣзниковъ продолжался съ 5 час. утра до 8 час. веч. рабочий день слесарей и жестяниковъ съ 4 до 8 час. съ перерывомъ на 2 часа ²⁾. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ рабочий день былъ нѣсколько короче: такъ, строительные рабочіе работаютъ въ Парижѣ 14 час. лѣтомъ и 12 зимою (XVI ст.), въ Марсели—13¹/₂ часовъ (XVIII ст.) въ Bourges 14 час. въ XVI ст. и 12 час. въ XVII вѣкѣ и наконецъ, футлярщики г. Руана 18 час. лѣтомъ и зимою ³⁾. Но одновременно съ этимъ мы встрѣчаемъ рабочий день въ 16 час. и болѣе. Парижскій цехъ футлярныхъ мастеровъ, цехъ перчаточниковъ, цехъ, изготовляющій карты,—все они проводятъ не менѣе 16 час. за работой (XVI ст.) ⁴⁾; ткачи въ Пуатье (XVI ст.) и ножовщики въ Шательро (XVII ст.), работаютъ съ 4 час. утра до 9 час. вечера; позже имъ запрещается работать, однако не безусловно, ибо „въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства“ они могутъ продолжать производство и послѣ 9 час. вечера ⁵⁾. Такими случаями признается у парижскихъ портныхъ не только работа для членовъ королевской фамиліи, но и шитье свадебныхъ одеждъ, далѣе окончаніе начатой работы и передѣлка уже готоваго платья—во всѣхъ этихъ случаяхъ можно работать не только ночью, но и въ праздничные дни. Ночная работа была обычной и у сапожниковъ. Въ другихъ цехахъ даже ученики обязаны были работать позже 10 часовъ вечера, если являлось опасеніе, что начатая работа, вслѣдствіе остановки можетъ испортиться ⁶⁾. Въ лионской шелковой промышленности рабочий день равняется 18 час. и болѣе, причемъ перерывъ не долженъ продолжаться болѣе ¹/₄ часа каждый разъ ⁷⁾, а рабочий день ти-

¹⁾ Levasseur. T. II. p. 796.

²⁾ Ibid.

³⁾ Levasseur. II p. 117. 385. 795—796. Hauser. p. 79.

⁴⁾ Hauser. p. 78. 83—84.

⁵⁾ Boissonade. Essai sur l'organisation du travail en Poitou depuis le XI siècle jusqu'à la Révolution. Paris. 1900. T. II. p. 74—75.

⁶⁾ Hauser. Ouvriers du temps passé. p. 84—85.

⁷⁾ Godart. L'ouvrier en soie. Monographie du tisseur lyonnais. T. I. Paris. 1899 p. 136. 267.

пографскихъ наборщиковъ начинался въ 2 часа утра и оканчивался лишь въ 8—9 час. вечера ¹⁾).

Сравнивая крайне длинный рабочий день, господствовавший въ средневѣковомъ ремеслѣ и въ домашней и мануфактурной промышленности XVI—XVIII ст., съ продолжительностью рабочаго времени во вновь возникшей машинно-фабричной промышленности, мы можемъ убѣдиться въ томъ, что общераспространенное мнѣніе, будто бы введеніе машинъ вызвало и должно было вызвать удлиненіе рабочаго дня, не подтверждается фактами.

Въ Ахенской текстильной промышленности рабочий день кустарей былъ, по словамъ Туна, короче, чѣмъ онъ въ послѣдствіи сталъ на фабрикахъ (12 час. вмѣсто 14); наоборотъ, въ Эльберфельдѣ и Барменѣ, какъ указываетъ тотъ же Тунъ, 15-часовой рабочий день господствовалъ и при кустарной формѣ производства и оттуда уже перешелъ на фабрику. Точно также ремшейдскій купецъ Газенклеверъ, родившійся въ 1719 г., рассказываетъ, какъ онъ, будучи ученикомъ кузнеца, работалъ съ 5 ч. утра до 9 ч. вечера ²⁾). Въ Фогтландѣ трудъ прядильщиковъ на машинахъ не превышалъ 12 час. въ сутки уже въ 1827 году ³⁾). 14 и 15-часовой рабочий день, существовавшій въ бумагопрядильной промышленности Санктъ-Галлена до 1830 г., былъ сокращенъ въ этомъ году до 13 час., а затѣмъ и до 12 час.; въ ткацкомъ производствѣ онъ со времени введенія машинъ равнялся 13 час., въ вышивальномъ производствѣ 12 час., а въ красильномъ даже 11—12 час. Ручные же ткачи работали нерѣдко по 16 час. въ день ⁴⁾).

Въ англійской кустарной промышленности начала XIX вѣка рабочий день продолжается 16 и даже 18 часовъ ⁵⁾); слѣдовательно, не меньше чѣмъ въ прежнія времена и даже нѣсколько больше. Въ фабричной же промышленности наиболѣе длинный рабочий день не превышаетъ 14 час. въ сутки

¹⁾ Hauser. p. 80.

²⁾ Thun. B. I. p. 177 II. p. 118. 210.

³⁾ Bein. B. II. p. 278.

⁴⁾ Wartmann. p. 500—502. 542. 569. 586.

⁵⁾ Held. p. 455.

т. е. онъ не больше, чѣмъ по закону Елисаветы 1562 г. Та-кую продолжительность находимъ однако лишь на бумаготкацкихъ фабрикахъ во второмъ десятилѣтїи XIX вѣка 1814 г.), т. е. въ тотъ періодъ, когда механической ткацкій станокъ примѣнялся еще очень мало, тогда какъ въ 1830 г., когда ручной трудъ и въ бумаготкацкомъ производствѣ былъ уже въ значительной степени замѣненъ машиннымъ, работа продолжалась не болѣе 72 час. въ недѣлю. На механическихъ бумагопрядильняхъ рабочій день даже въ 1804 г., въ первую эпоху примѣненія машинъ, не превышалъ 74—80 час. въ недѣлю, а въ 1814 г. онъ равнялся 74 час. Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ прядильщикъ работалъ 69—70 час. въ недѣлю, т. е. 12 час. въ день ¹⁾. Сравнительно съ восьми—и девяти-часовымъ рабочимъ днемъ, господствующимъ въ настоящее время въ Англїи, 12 час. составляютъ конечно крайне длинный рабочій день, но при сравненїи этой продолжительности съ рабочимъ временемъ предыдущихъ столѣтїй, приходится признать, что въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ введено было машинное производство, обнаруживается не шагъ назадъ, а, быть можетъ, даже уже въ первой половинѣ XIX вѣка извѣстный прогрессъ въ смыслѣ сокращенія продолжительности рабочаго дня. Это становится яснымъ, если сопоставить данныя относительно первой половины XIX вѣка съ тѣми, которыя сообщаются въ одной англійской брошюрѣ, вышедшей въ 1747 году. Въ „этой прекрасной небольшой работѣ“ (Веббъ) приводятся данныя о продолжительности рабочаго времени въ 118 предпрїятїяхъ Лондона. Изъ нихъ въ 18 работа продолжалась съ 6 час. утра до 6 час. вечера, въ 3—съ 6 час. утра до 7 час. веч., въ 61—съ 6 час. утра до 8 час. веч., въ 39—съ 6 час. утра до 9 час. веч. и въ двухъ—съ 5 час. утра до 9 час. веч., т. е. въ 100 предпрїятїяхъ изъ 118 работали 14—15 час. въ сутки ²⁾.

¹⁾ Schülze—Gävernitz. Grossbetrieb. p. 58. 118. 148.

²⁾ A General Description of all Trades etc. London. 1847. Цит. у Webb. The workin classes during the longest reign. Послѣдній прибавляетъ къ этому: Сто лѣтъ тому назадъ (въ 1797 г.) англійскій рабочій трудился обыкновенно 72 часа въ недѣлю, и это составляло уже шагъ впередъ по сравненїю съ 1747 г., когда большинство работало 75—80 час. въ недѣлю.

Такимъ образомъ, съ переходомъ къ фабрично-заводскому способу производства продолжительность рабочаго дня не увеличилась. Точно также и заработная плата, поскольку рѣчь идетъ о денежной, а не реальной платѣ—ибо только денежная плата выражаетъ участіе рабочаго въ продуктѣ—не понизилась на фабрикахъ; подобно тому какъ дальнѣйшее удлиненіе рабочаго дня являлось физически невозможнымъ, и пониженіе платы при тогдашнемъ сильномъ возрастаніи хлѣбныхъ цѣнъ, было совершенно немислимо.

Въ Англійи заработная плата въ теченіе всей второй половины XVIII вѣка равнялась $1\frac{1}{2}$ —2 шилл. въ день, въ прядильномъ и ткацкомъ промыслахъ она составляла въ среднемъ 9 шилл. въ недѣлю; въ первой половинѣ XVIII ст. она была нѣсколько ниже. Въ концѣ XVIII вѣка плата однако немного повысилась и это возрастаніе продолжалось и въ началѣ XIX вѣка, такъ что плата промышленныхъ рабочихъ увеличилась на 75 проц. ¹⁾ Рабочіе на бумагопрядильныхъ фабрикахъ получали $32\frac{1}{8}$ — $36\frac{1}{2}$ шилл. въ недѣлю въ 1804 г. Въ 1814 г. заработная плата стояла на еще болѣе высокомъ уровнѣ, именно равнялась $44\frac{1}{2}$ —60 шилл., въ 1823 г. она понизилась до $33\frac{2}{8}$ — $42\frac{3}{4}$ шилл., но все таки была выше, чѣмъ въ 1804 г., а въ слѣдующіе годы этого десятилѣтія, какъ и въ 40-хъ годахъ плата прядильщиковъ снова возросла. Средній годовою заработокъ прядильщика составлялъ въ 1819—1821 гг. 26 ф. ст., а 26 лѣтъ спустя (въ 1844—1846 гг.) 28 ф. 12 шилл., въ 1859—1861 гг. онъ равнялся 32 ф. 10 шилл. ²⁾ Между тѣмъ въ теченіе всего XVIII вѣка промышленный рабочій, по вычисленіямъ Роджерса, зарабатывалъ въ лучшемъ случаѣ, т.е. когда онъ работалъ полныхъ 52 недѣли въ году, всего 15 ф. 18 шилл. ³⁾ Въ англійской бумаготкацкой промышленности годовою доходъ рабочаго—по Эллисону—равнялся въ 1819—1821 гг. 20 ф. 18 шилл., въ 1829—1831 гг. 19 ф. 8 шилл., и повысился затѣмъ до 24 ф. 10 ш. въ 1844—1846 гг. и

¹⁾ Rogers. p. 314 и сл., 319—321. 389—390.

²⁾ Schulze-Gaevernitz. p. 58. 132.

³⁾ Rogers. p. 314. 316.

80 ф. 15 ш. въ 1859—1861 гг. Уменьшеніе годового заработка между 1820 и 1880 гг. объясняется упадкомъ домашнего ткачества, ибо заработокъ ручного ткача также вошелъ въ эту цифру ¹⁾. Дѣйствительно, положеніе ручного ткача значительно ухудшилось въ этотъ періодъ вслѣдствіе конкуренціи фабрично-машиннаго производства, хотя не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и въ предыдущія десятилѣтія ручное ткачество далеко не процвѣтало ²⁾.

Наконецъ, на шерстопрядильныхъ фабрикахъ (въ округѣ Лидса) заработная плата—по Бенсу—значительно возросла между 1795 и 1805 г., именно съ 16 шилл. 9 пенс. въ день до 24 шилл. 8 пенс. и снова повысилась между 1805—1815 гг. на 31 шилл. 8 пенс., затѣмъ она упала на 20 шилл. 1 пенс. въ 1825 г. и наконецъ, въ 1835 г. плата снова вернулась къ тому уровню, который занимала въ 1805 г., равняясь 25 шилл. ³⁾. Такимъ образомъ, денежная плата въ эпоху введенія машинъ не только не сократилась, а наоборотъ увеличилась. Почтучная плата дѣйствительно понизилась и на нее ссылаются обыкновенно въ подтвержденіе того, что заработная плата упала. Такъ, указываютъ на то, что ткачъ получалъ въ 1806 году за тысячу мотковъ 9 шилл. 2 п., въ 1823 году—3 шилл. 8 п., въ 1843 г. около 2 шилл. Однако, благодаря участію творческаго труда изобрѣтателя, воплощеннаго въ машинѣ, количество мотковъ, выдѣлываемыхъ въ теченіе того же времени, возросло въ гораздо большей мѣрѣ и рабочій зарабатывалъ въ теченіе дня или недѣли больше чѣмъ раньше. Пониженіе денежной платы фабричныхъ рабочихъ произошло лишь между 1815 и 1825 гг., но не только въ шерстопрядильномъ производствѣ, гдѣ въ это время вводились машины, но и въ другихъ областяхъ—въ бумагопрядильной промышленности, въ выдѣлкѣ шерстяныхъ тканей; механический способъ производства былъ введенъ въ бумагопрядильной промышленности гораздо раньше, въ производствѣ шерстяныхъ тканей—значительно позже: бумагопряденье

¹⁾ Schulze-Gaevernitz. p. 149.

²⁾ Ibid. p. 41.

³⁾ Dechesne. p. 117 и слѣд.

было исключительно машиннымъ производствомъ уже въ началѣ XIX вѣка и ручное пряденье хлопка на дому еще въ концѣ XVIII ст. отошло въ Англии въ область преданія ¹⁾; въ производствѣ же шерстяныхъ тканей до 1825 года машины, за рѣдкими исключениями, вовсе не примѣнялись ²⁾. Пониженіе денежной платы фабричныхъ рабочихъ въ продолженіе десятилѣтія 1815—1825 гг. не было, слѣдовательно, вызвано примѣненіемъ машинъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и то обстоятельство, что заработная плата ремесленниковъ и сельскохозяйственныхъ рабочихъ также увеличилась между 1770 и 1815 гг., а затѣмъ послѣ 1815 г. стала понижаться ³⁾. Лишь въ ручномъ производствѣ на дому, поскольку ему приходилось конкурировать съ фабрикой, денежная плата сильно упала, не только временно, какъ въ другихъ областяхъ производства; она держалась на разномъ уровнѣ въ теченіе продолжительнаго періода, продолжавшагося и послѣ 1825 года. Особенно печально было положеніе ручныхъ ткачей. Послѣдніе зарабатывали въ хлопчатобумажной промышленности въ 1797—1804 гг. 26 шилл. 8 пенс. въ недѣлю, въ 1804—1811 г. 20 шилл., а въ 1811—1818 гг. 14 шилл. 7 пенс., такъ что еще до введенія машинъ (механическій ткацкій станокъ распространяется въ значительномъ количествѣ лишь въ 20-хъ годахъ) заработокъ ткача сильно понизился; но еще болѣе онъ упалъ во второй четверти XIX вѣка, доходя до 8 и 6 шилл. даже тамъ, гдѣ матеріи еще не выдѣлывались механическимъ способомъ, и до 3-хъ и 2-хъ шилл., гдѣ машинный трудъ сталъ господствующимъ ⁴⁾. Въ послѣднемъ случаѣ паденіе заработной платы было дѣйствительно вызвано введеніемъ машинъ и конкуренціей фабричной промышленности.

Въ саксонской промышленности, именно въ хлопчатобумажномъ производствѣ Фогтланда, произошло пониже-

¹⁾ Held. Zwei Bücher zur sozialen Gesch. Englands. p. 592. Туганъ-Барановскій. Промышл. кризисы. 2 изд. стр. 35.

²⁾ Dechesne. l. c.

³⁾ Steffen. Gesch. der engl. Lohnarbeiter. B. II p. 10—15.

⁴⁾ Schulze-Gävernitz. p. 41.

ніе заработной платы въ 90-хъ годахъ XVIII вѣка, когда саксонская промышленность сильно страдала отъ англійской конкуренціи. Однако, во время господства континентальной системы, когда Саксонія была защищена отъ англійской машинной пряжи и положеніе саксонской промышленности улучшилось, плата вновь достигла прежняго уровня, который и сохраняла, хотя и со значительными колебаніями, вплоть до 30-хъ годовъ, когда вмѣстѣ съ общимъ экономическимъ подъемомъ страны и съ введеніемъ машинъ и заработная плата сильно повысилась. Въ ткацкой промышленности недѣльная плата ручного ткача, равнявшаяся въ 1790—1793 гг. $1\frac{2}{3}$ — $1\frac{3}{4}$ рейхсталер. составляла въ первомъ десятилѣтіи XIX ст. въ среднемъ $1\frac{1}{2}$ тал., въ 1816—1817 гг. $1\frac{1}{12}$ тал. и въ 1819 г. $1\frac{1}{4}$ тал., но въ 30-хъ годахъ она повысилась до 2 талер. и болѣе. Между тѣмъ рабочій на бумагопрядильной фабрикѣ зарабатывалъ уже въ первые годы XIX вѣка $1\frac{1}{2}$ —2 рейхстал. въ недѣлю, въ 1819 г. 2—3 тал., плата его понизилась до $1\frac{1}{2}$ тал. въ 1827 г., но затѣмъ снова возросла въ 30-хъ годахъ ¹⁾, такъ что и въ Саксоніи денежная плата понизилась лишь временно.

Примѣненіе машинъ въ Саксоніи не вызвало сокращенія платы, до введенія же ихъ въ саксонской промышленности конкуренція англійскихъ машинъ привела къ уменьшенію платы саксонскихъ рабочихъ. Распространеніе машинъ въ бумагопрядильномъ производствѣ, въ особенности подъ вліяніемъ премій въ 1807—1810 гг., не только освобождало Фогтландъ отъ зависимости отъ англійской пряжи, но, какъ указываетъ Бейнъ, „было особеннымъ счастьемъ для рабочихъ въ это критическое время, ибо, вслѣдствіе недостатка въ пряжѣ и уменьшенія сбыта, производство муслина сократилось и многіе рабочіе лишились заработка“; благодаря введенію машинъ, увеличилось производство пряжи, въ которой такъ нуждались, и „спасло много семействъ отъ полной нищеты“ ²⁾.

Въ швейцарской, въ частности въ санктъ-галленской текстильной промышленности, прядильщики получали въ

¹⁾ Bein. p. 207—209. 277—279.

²⁾ Ibid. p. 155.

концѣ XVIII вѣка по 9—10 крейцеровъ въ день, между тѣмъ какъ въ первой устроенной въ Санктъ-Галленѣ бумагопрядильной фабрикѣ плата мужчинъ равнялась въ 1803 г. 56 крейцерамъ, плата женщинъ 24 и 26 крейц. Въ слѣдующія десятилѣтія плата значительно понизилась (въ 1816 г. она составляла 40 крейц.), но и въ это время она стояла на болѣе высокомъ уровнѣ, чѣмъ въ XVIII вѣкѣ. Въ 30-хъ годахъ заработокъ рабочихъ достигъ высоты, на которой онъ стоялъ въ началѣ XIX вѣка, а въ 1832—1835 гг., въ особенности же послѣ 1835 г., плата возросла и это повышательное движеніе продолжалось вплоть до 1841 года. Въ 1856—1857 гг. произошло новое увеличеніе заработной платы, которое повторилось вновь въ 1859—1860 и 1864—1865 гг., такъ что за періодъ 1835—1865 гг. плата удвоилась ¹⁾.

Во Франціи, наконецъ, заработная плата сельскохозяйственныхъ поденныхъ рабочихъ и промышленныхъ рабочихъ въ городахъ значительно повысилась во время революціи. Въ періодъ консульства и имперіи возрастаніе платы продолжалось; оно происходило и въ эпоху реставраціи, т. е. именно тогда, когда машины распространялись особенно сильно, вытѣсняя ручной трудъ въ важнѣйшихъ отрасляхъ промышленности. И впоследствии, въ 1827—1847 гг. плата увеличилась на 10 проц. Предсказанія противниковъ машинъ, будто бы послѣднія должны привести къ паденію заработка рабочихъ, не сбылись слѣдовательно ²⁾.

II.

Несмотря на возрастаніе денежной платы въ началѣ XIX вѣка, положеніе фабричныхъ рабочихъ было не только весьма печально, но, въ особенности въ Англіи, хуже чѣмъ за полстолѣтія до того. Причина этого заключается преимущественно въ тѣхъ высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ, которыя мы находимъ въ этотъ періодъ и ко-

¹⁾ Wartmann. p. 154. 312. 502.

²⁾ Levasseur. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie depuis 1789 jusqu'à nos jours. 2 éd. Paris. 1903—1904. T. I. p. 500. 666. T. II. p. 275.

торыя являются наиболѣе высокими за послѣднія столѣтія. Какъ извѣстно, реальная заработная плата рабочаго опредѣляется двумя моментами: во-1-хъ, величиной денежной платы, уплачиваемой предпринимателемъ, и во-2-хъ цѣнами потребляемыхъ рабочими продуктовъ и прежде всего— за исключеніемъ послѣднихъ десятилѣтій, даже исключительно—цѣнами на хлѣбъ. Отъ работодателя зависитъ величина одного лишь перваго фактора. Разъ онъ за тотъ же продуктъ, произведенный рабочимъ, платитъ ему не меньшую денежную плату чѣмъ раньше, то, хотя бы реальная плата и понизилась, прибавочный продуктъ, изготовляемый рабочимъ, все-таки не увеличивается. Одинаковая денежная плата только въ томъ случаѣ означала бы уменьшеніе получаемой рабочимъ части продукта, если бы одновременно съ этимъ произошло паденіе цѣнности денегъ. Если бы всѣ товары повысились въ цѣнѣ и только одна рабочая плата не возросла бы вовсе или увеличилась бы въ меньшемъ размѣрѣ, то пришлось бы признать, что рабочій получалъ меньшую часть продукта, чѣмъ раньше. Въ XVI и XVII ст. дѣйствительно ухудшеніе положенія рабочаго было вызвано тѣмъ, что во время всеобщаго повышенія цѣнъ только цѣнность рабочей силы не увеличилась соотвѣствующимъ образомъ ¹⁾. Но рассматриваемый нами періодъ сильно отличается отъ XVI—XVII ст. Указывалось правда на то, что и въ періодъ 1790—1815 гг. произошло пониженіе цѣнности золота и серебра, послѣ чего, начиная съ 1815 г. ихъ цѣнность стала вновь возрастать. Но уже Гельферихъ доказалъ, „что о всеобщемъ пониженіи цѣнности орудій обращенія въ 1797—1814 гг. не можетъ быть и рѣчи“. „Количество орудій обращенія—говоритъ онъ—несомнѣнно увеличилось въ эту эпоху въ гораздо большей степени, чѣмъ въ непосредственно предшествующую эпоху; однако, это увеличеніе, насколько можно судить изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ, никогда не превышало 12 проц., если мы даже возьмемъ и металлическія деньги, освободившіяся благодаря введенію бумажнаго обращенія, и вновь извлеченное изъ рудниковъ количество металловъ. Зато мы должны имѣть въ виду,

¹⁾ См. томъ первый, стр. 506 и сл., 583 и сл.

что вслѣдствіе уменьшенія безопасности въ тѣ времена (1793—1815 гг. періодъ войны) и болѣе медленнаго обращенія денегъ, (потребительная) цѣнность послѣднихъ повысилась“ ¹⁾). Что касается цѣнъ различныхъ товаровъ, то паденіе цѣнъ на фабрикатъ не можетъ служить доказательствомъ ни за, ни противъ того предположенія, что цѣнность денегъ понизилась, ибо благодаря прогрессу въ области техники производства, цѣны могли понизиться какъ при отсутствіи измѣненій въ цѣнности орудія обращенія, такъ и въ случаѣ паденія ихъ цѣнности съ той только разницей, что въ первомъ случаѣ цѣны фабрикатовъ понизились бы въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ во второмъ; однако, и при паденіи цѣнности денегъ цѣны все же могли понизиться, если вызываемая измѣненіями въ технику производства тенденція къ паденію цѣнъ была болѣе сильна, чѣмъ противоположная тенденція къ повышенію цѣнъ, происходящая отъ паденія цѣнности денегъ; въ этомъ случаѣ пониженіе цѣнъ лишь задерживалось, но не устранялось совершенно.

Цѣны же сырыхъ продуктовъ подтверждаютъ тотъ выводъ, который вытекаетъ изъ разсмотрѣнія цѣнности орудія обращенія въ эту эпоху. „Эти товары—говоритъ Гельферихъ—правда значительно повысились въ цѣнѣ, однако лишь постольку, поскольку это вызывалось возрастаніемъ издержекъ транспорта во время войны. Кромѣ того ихъ повышение не имѣло общаго характера; нѣкоторые продукты въ особенности, какъ напр. пряности, корица и перецъ, табакъ, китовый усъ и т. под., стоили въ теченіе всего этого періода на лондонскомъ рынкѣ дешевле чѣмъ раньше и чѣмъ впослѣдствіи и даже цѣна сахара и кофе, была ниже чѣмъ до того времени и во всякомъ случаѣ не выше, чѣмъ впослѣдствіи“ ²⁾).

Что же касается цѣнъ на хлѣбъ и нѣкоторые другіе продукты, то и Гельферихъ, и Рошеръ, и Шмоллеръ усма-

¹⁾ Helferich. Von den periodischen Schwankungen im Wert der edlen Metalle von der Entdeckung Amerikas bis zum Jahr 1830. Nürnberg. 1843. p. 233.

²⁾ Helferich p. 234. Tooke-Newmarch. T. I. Chap. XV—XXVI.

тривають причину ихъ возрастанія въ войнѣ, которая оказала весьма пагубное вліяніе на производство этихъ продуктовъ и на снабженіе ими различныхъ странъ ¹⁾. Дѣйствительно, возрастаніе хлѣбныхъ цѣнъ вызывалось совершенно специфическими условіями. За семидесятилѣтіе 1750—1820 гг. населеніе въ Англіи удвоилось (вмѣсто 6 милл. 12 милл.), производство же земледѣльческихъ продуктовъ увеличилось въ гораздо меньшихъ размѣрахъ. Такъ какъ привозъ иностраннаго хлѣба былъ стѣсненъ вслѣдствіе войны, континентальной системы, запретительныхъ пошлинъ, то хлѣба не хватало и цѣны на хлѣбъ должны были достигнуть огромныхъ размѣровъ. Вслѣдствіе этого, покупная сила той же денежной платы значительно сократилась; рабочій уже не могъ потреблять тѣхъ же продуктовъ и въ прежнемъ количествѣ, хотя въ его пользу поступала не меньшая часть продукта, чѣмъ въ предыдущій періодъ.

„Когда въ 1744—1745 гг. заработная плата англійскихъ рабочихъ стала повышаться, — говоритъ Роджерсъ—квартиръ пшеницы стоилъ 21—22 шилл., послѣ 1780 г. цѣна пшеницы въ рѣдкіе годы стоила менѣе 50 шилл., а къ концу столѣтія она поднялась даже вдвое“ ²⁾; поэтому, несмотря на дальнѣйшее повышеніе платы, рабочій не въ состояніи былъ обойтись безъ денежной помощи изъ приходскихъ суммъ. Хотя выяснилось, что сельское хозяйство Англіи не въ состояніи удовлетворить всей существующей потребности въ хлѣбѣ и Англія нуждается въ иностранномъ хлѣбѣ, тѣмъ не менѣе въ 1791 г. былъ изданъ законъ, согласно которому свободный ввозъ хлѣба въ Англію допускался лишь въ томъ случаѣ, когда цѣна успѣла достигнуть 55 шилл. за квартиру пшеницы; въ 1804 г. предѣльная цѣна была повышена до 64 шилл. и, наконецъ, закономъ 1815 г. ввозъ запрещался при цѣнѣ ниже 82 шилл. Подобная система покровительства землевладѣльцамъ не могла конечно благоприятно отразиться на

¹⁾ Helferich. p. 234. Roscher, Grundlagen. 24. Aufl. 1906. p. 409. Schmoller. Grundriss. B. II. p. 164—165.

²⁾ Rogers, p. 320.

положеніи рабочихъ; въ годы же неурожаевъ, въ 1800—1801 гг., въ 1809—1813 гг., въ 1816—1817 гг., когда цѣна хлѣба достигла 184 шилл., рабочіе классы прямо голодали. Снова приходы вынуждены были придти имъ на помощь затрачивая милліоны на поддержаніе голодающихъ рабочихъ, а между тѣмъ и денежная плата повысилась въ это время на 75 проц. и въ годы наибольшей дороговизны достигала наиболѣе высокихъ размѣровъ ¹⁾).

По Туку, въ періодъ съ 1793 г. по 1812 г. „заработная плата нѣсколько разъ повышалась, такъ что до 1812 г. плата рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ и ремесленниковъ удвоилась“ ²⁾. Артуръ Юнгъ въ своемъ сочиненіи о цѣнахъ, вышедшемъ въ 1815 г., приходитъ къ тому выводу, что со времени 60-хъ годовъ XVIII вѣка до 1812 г. цѣны на хлѣбъ повысились на 100 проц., и что въ томъ же размѣрѣ 100 проц. увеличилась и заработная плата. Однако—прибавляетъ онъ—одновременно съ повышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ и заработной платы на 100 проц., цѣна на сѣстные припасы вообще возросла на 134 проц., ибо цѣна на мясо увеличилась на 146 проц., на масло—на 140 проц., на сыр—на 153 проц. Но кромѣ того—и это не менѣе существенно—даже при сопоставленіи однихъ только цѣнъ на хлѣбъ съ заработной платой измѣненія въ нихъ совпадаютъ лишь въ томъ случаѣ, если имѣть въ виду крупныя періоды, тогда какъ по отдѣльнымъ годамъ такого параллельнаго движенія не существовало, и въ то время какъ заработная плата въ теченіе десятилѣтія почти не измѣнялась, цѣна на хлѣбъ въ отдѣльные годы возростала чуть ли не вдвое, спустя же нѣсколько лѣтъ—это и были голодные годы—снова понижалась до прежняго уровня ³⁾. Въ 20-хъ годахъ XIX вѣка цѣна на хлѣбъ въ Англіи значительно понизилась: за десятилѣтіе 1815—1824 гг. она равнялась 64 шилл. вмѣсто 90 шилл. въ предыдущее десятилѣтіе, а въ теченіе двухъ десятилѣтій

¹⁾ Rogers, p. 320 и сл., 369 и сл. Heflerich, p. 208. 220—221. 249. и сл. Tooke-Newmarch. I, ч. 4, гл. 4—8 и табл. XI, p. 800.

²⁾ Tooke-Newmarch. T. I, p. 150.

³⁾ Jung. Inquiry into the Rise of Prices in Europe during the last 25 years.

⁴⁾ См. мои „Хлѣбныя пошлины и ихъ вліяніе на народное хозяйство“. Рус. Экон. Обзор. 1904. № 1 и 2.

существованія подвижной скалы на хлѣбъ (1829—1848 средняя цѣна составляла 56 шилл. въ первое и 58 шилл. во второе десятилѣтіе ¹⁾). Однако и въ эту эпоху цѣна хлѣба стояла въ Англіи на гораздо болѣе высокомъ уровнѣ, чѣмъ на континентѣ, обнаруживая при этомъ сильныя колебанія вверхъ и внизъ. По вычисленіямъ Конрада, въ 1816—1820 гг. цѣны на пшеницу (за 1000 килогр.) равнялись: въ Англіи 364 мар., во Франціи 265,5 мар., и въ Пруссіи 206,2 мар., въ 1821—1830 гг. пшеница стоила въ Англіи 266, во Франціи 192,4 и въ Пруссіи 121,4 мар., а въ 1830—1840 гг. въ Англіи 254 мар., во Франціи 199,2 и въ Пруссіи 138,4 мар. ²⁾).

При этомъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ цѣна въ Англіи колебалась между 36 и 90 шилл., въ одинъ лишь промежутокъ съ 1831 по 1839 гг. она упала съ 75 шилл. до 36 шилл. и успѣла вновь повыситься до 81½ шилл. ³⁾). Все это должно было крайне вредно отражаться на положеніи рабочаго населенія. Лишь съ отмѣной „хлѣбныхъ законовъ“ въ 1848 г. обстоятельства измѣнились и увеличилась покупная способность заработной платы.

И въ Саксоніи, какъ мы видѣли выше, денежная плата не понизилась, но зато и здѣсь значительно возрасли цѣны на хлѣбъ: въ то время какъ въ 80-хъ и 90-хъ годахъ XVIII вѣка шефель ржи стоилъ не болѣе 3—4 талеровъ, а шефель пшеницы 4—5 тал., въ 1805 г. цѣна шефеля ржи равнялась 7—8½ тал., а шефеля пшеницы 12 талер., а въ 1806 г. цѣна достигала даже 10½—11½ тал. за рожь и 13 тал. на пшеницу, такъ что въ странѣ былъ голодъ. Въ 1817 году, когда въ большинствѣ европейскихъ государствъ былъ снова неурожай и пшеница стоила въ Саксоніи 13 тал., голодъ повторился вновь. Въ слѣдующія десятилѣтія цѣны на хлѣбъ и здѣсь понизились до прежняго уровня, который онѣ занимали до періода дороговизны ⁴⁾).

При невозможности увеличить производство земледѣльческихъ продуктовъ соотвѣтственно возрастанію населе-

¹⁾ Ср. Haebach. Die englischen Landarbeiter in den letzten hundert Jahren. Leipzig. 1894.

²⁾ Conrad. Getreidepreise. Handwörterb. der Staatswiss. B. IV.

³⁾ Took-Newmarch. T. I, p. 804. Meisterlin. Bemerkungen über den Einfluss der Korngesetze Englands auf Deutschland. 1842.

⁴⁾ Bein. Tab. III.

нія и при сильномъ стѣсненіи привоза иностраннаго хлѣба, реальная плата должна была неминуемо понизиться. Неудивительно, что именно въ эту эпоху возникла теорія фонда заработной платы: Мальтусъ указывалъ на то, что увеличеніе денежной заработной платы бесполезно, ибо тотъ фондъ, изъ котораго въ дѣйствительности уплачивается заработная плата, запасъ хлѣба, остается неизмѣннымъ. Разъ этотъ фондъ—количество средствъ существованія, не возрастаетъ, то очевидно единственное средство увеличенія реальной платы состоитъ въ сокращеніи числа рабочихъ. Но фактъ быстрого роста населенія объясняетъ намъ и другое явленіе—невозможность со стороны рабочихъ переложить возрастаніе цѣнъ на предметы потребленія на предпринимателя, результатомъ чего являлось бы сокращеніе прибавочнаго продукта, извлекаемаго имъ изъ труда рабочаго. Въ Англіи въ то время это не могло имѣть мѣста, ибо населеніе сильно возросло, предложеніе рабочихъ рукъ увеличилось гораздо скорѣе, чѣмъ спросъ на трудъ; производство долго не могло расширяться соотвѣтствующимъ образомъ именно потому, что первые фабриканты, пользуясь своимъ монопольнымъ положеніемъ въ области примѣненія новыхъ машинъ, имѣли возможность надолго удерживать цѣны издѣлій на прежнемъ уровнѣ.

До 1751 г. высшій приростъ населенія за десятилѣтіе—говоритъ Тойнби—насколько его можно вычислить по имѣющимся у насъ весьма недостаточнымъ даннымъ,—равнялся 3%. Для каждаго изъ послѣдующихъ трехъ десятилѣтій приростъ равнялся 6%; затѣмъ, между 1781 и 1791 г. онъ составилъ 9%; между 1791 и 1801 г.—11%; между 1801 и 1811 г.—14%, между 1811 и 1812 г.—18%. Это высшая цифра прироста, когда-либо достигнутая Англіей, потому что, начиная съ 1715 г., она постоянно умѣрялась обширной эмиграціей. Одновременно съ этимъ земледѣльческое населеніе Англіи уменьшилось какъ абсолютно, такъ и относительно. Въ 1811 г. оно составляло 35% всего населенія, въ 1831 г. не болѣе 28% ¹⁾). Такимъ образомъ, весь огромный приростъ населенія приходится на

¹⁾ Тойнби. Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII ст. Москва. 1898. Стр. 127—128.

область промышленности. Количество рабочихъ въ хлопчатобумажной промышленности увеличилось съ 40 тысячъ въ 1760 г. до 380 тысячъ въ 1840 г., население крупныхъ промышленныхъ центровъ (Лидсѣ, Бредфордѣ, Галифаксѣ, Шеффилдѣ) возросло вдвое, втрое и болѣе разъ, а въ Манчестерѣ оно увеличилось въ десять разъ: въ 1801 г. 35 тыс., въ 1841 г. 353 тыс. Густота населенія перемѣстилась съ центральныхъ графствъ къ сѣверу, гдѣ сосредоточилась каменноугольная, металлургическая и хлопчатобумажная индустрія.

Весьма быстрый ростъ населенія мы наблюдаемъ и въ Саксоніи. Въ Фогтландѣ населеніе съ 1732 г. по 1772 г., т. е. за 40 лѣтъ, возросло всего на 1000 чел.—съ 62 до 63 тыс. или менѣе чѣмъ на 2%, и точно также въ теченіе слѣдующихъ 17 лѣтъ увеличилось менѣе чѣмъ на 2 тысячи (съ 63.039 на 64.939). Зато въ слѣдующее четырехлѣтіе 1790—1794 г.г. ростъ составлялъ свыше 5 тысячъ (въ 1794 г. 70.168 чел.), затѣмъ въ трехлѣтіе 1794 — 1797 г.г. свыше 15 тыс., и въ теченіе восьмилѣтія 1797 — 1805 г.г. также 15 тыс., (впрочемъ цифру населенія 1805 г. въ 99 тыс. Бейнъ считаетъ чрезмѣрно высокою). Причину этого быстрого возрастанія Бейнъ усматриваетъ въ высокой плодовитости населенія ¹⁾. Если мы возьмемъ королевство Саксонію какъ цѣлое, то и тогда убѣдимся въ быстромъ увеличеніи населенія въ началѣ XIX вѣка: въ второмъ десятилѣтіи приростъ составлялъ около 11 проц., въ третьемъ свыше 12%, а въ четвертомъ—21%, т. е. еще больше, чѣмъ въ Англіи ²⁾.

Нѣсколько лучше было положеніе рабочихъ во Франціи: „То обстоятельство, что денежная плата въ періодъ консульства и имперіи не только не понизилась, а наоборотъ возросла — говоритъ Левассеръ — вызывалось преимущественно тѣмъ, что войны отнимали много рабочихъ рукъ. Война составляла сильную конкуренцію предпринимателямъ, лишая промышленность подрастающаго поколенія, изъ котораго составлялось войско и которое, начиная съ 1808 года, уже не возвращалось обратно. Сначала было на-

¹⁾ Bein. p. 211 и сл. Tab. VI.

²⁾ Jahrbücher für Nationaloekonomie. III F. B. XVI. p. 542. (Kähler).

брано населеніе въ возрастѣ 20—25 лѣтъ, а затѣмъ и болѣе молодыхъ лѣтъ до 18-лѣтняго возраста и моложе“¹⁾. При такомъ положеніи дѣль, когда война поглощала значительную часть производительнаго населенія, заработная плата могла повыситься и она дѣйствительно возросла въ еще большихъ размѣрахъ, чѣмъ цѣна пищевыхъ продуктовъ. Если сравнимъ положеніе рабочихъ въ серединѣ XVIII вѣка съ положеніемъ ихъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, то окажется, что во второй періодъ оно улучшилось, ибо возрастаніе денежной платы было болѣе значительно, чѣмъ одновременное увеличеніе цѣнъ на пищевые продукты²⁾. Въ слѣдующемъ десятилѣтіи 1818—1828 г.г. возрастаніе хлѣбныхъ цѣнъ продолжалось, но оно сопровождалось дальнѣйшимъ повышеніемъ денежной платы, а также паденіемъ цѣнъ на другіе пищевые продукты, почему рабочій былъ въ состояніи удовлетворять важныя потребности, которыя до того времени не могли быть удовлетворены, въ особенности увеличилось потребленіе мяса. Такимъ образомъ, въ то время, какъ въ Англіи положеніе рабочихъ ухудшилось и предприниматель отъ этого ничего не выигралъ, во Франціи уже въ первой четверти XIX вѣка уменьшилась та часть добавочнаго продукта, которую предприниматель извлекалъ изъ труда рабочаго. Во второй четверти этого столѣтія это движеніе продолжалось; заработная плата въ 1827 — 1847 г.г. снова повысилась, именно на 10%, между тѣмъ какъ возрастаніе цѣнъ на хлѣбъ прекратилось, такъ что несмотря на вздорожаніе цѣнъ остальныхъ пищевыхъ продуктовъ, какъ то: мяса, масла, яицъ, увеличеніе денежной платы являлось вмѣстѣ съ тѣмъ и повышеніемъ реальной платы, дохода рабочаго. Хотя и въ этотъ періодъ весьма нерѣдко въ бюджетѣ рабочаго оказывался дефицитъ,

¹⁾ Levasseur. Т. I. p. 504.

²⁾ Въ годы сильныхъ неурожаевъ, свирѣпствовавшихъ повсюду, и здѣсь положеніе рабочихъ не могло быть благопріятно, но страдали преимущественно ремесленники, а не фабричныя рабочіе. Въ 1812—1813 г.г. въ Парижѣ былъ голодь, вслѣдствіе дороговизны и безработицы. Изъ 67 тыс. рабочихъ 30 тыс. сидѣли безъ работъ: $\frac{2}{3}$ всѣхъ столяровъ, $\frac{3}{4}$ ювелировъ и золотыхъ дѣль мастеровъ. Levasseur. Т. I. p. 506.

ще вообще говоря—какъ указываетъ Лавассеръ—средняя заработная плата являлась достаточной для удовлетворенія насущнѣйшихъ потребностей фабричнаго рабочаго, конечно если не наступала продолжительная болѣзнь или безработица. Въ послѣднемъ случаѣ нищета и голодъ были неминуемы, ибо лишь въ рѣдкихъ случаяхъ рабочему удавалось откладывать что-либо на черный день ¹⁾.

Дѣло въ томъ, что не только въ теченіе второй половины XVIII вѣка, но и въ XIX вѣкѣ населеніе во Франціи возрастало крайне медленно, составляя въ 1789 г. не болѣе 26 милл., въ 1801 г. 26,9 милл., въ 1821 г. 29,9 и въ 1841 г. 33,4 милл. Увеличеніе населенія равнялось во второмъ десятилѣтіи не болѣе 3%, въ третьемъ 7% и въ четвертомъ 5%, т. е. происходило приблизительно въ тѣхъ размѣрахъ какъ въ Англіи до 1780 г., до наступленія промышленной эры ²⁾.

Какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, ростъ населенія оказывалъ въ рассматриваемую эпоху весьма существенное вліяніе на реальную заработную плату. Заработная плата, представляя собою результатъ борьбы между предпринимателями и рабочими, опредѣляется, однако, двумя моментами, отъ которыхъ зависитъ экономическая сила каждой изъ сторонъ на рынкѣ труда: моментомъ количественнымъ и моментомъ качественнымъ. Первый выражается въ соотношеніи между потребностью въ рабочей силѣ и количествомъ населенія, предлагающаго свой трудъ, второй обнаруживается въ степеніи сплоченности каждой изъ сторонъ, въ характерѣ организованности предпринимателей и рабочихъ. Что касается этого второго момента, то и онъ въ первую эпоху развитія фабричной промышленности вліялъ въ невыгодномъ для рабочаго населенія направленіи. Съ конца XVIII вѣка и въ Англіи и во Франціи, а затѣмъ въ теченіе первой половины XIX вѣка и въ различныхъ германскихъ государствахъ была правда провозглашенъ свободный рабочій договоръ, установлена свобода передвиженія и избранія за-

¹⁾ Levasseur. Histoire des classes ouvrières depuis 1789. 2 ed. T. I. p. 500, 666. T. II. p. 271 и сл. 277 и сл. 704.

²⁾ Levasseur. La population française. Histoire de la population avant 1789. T. I. Paris. 1890. p. 287—288. 312—14.

нѣтій. Установленіе принципа свободной конкуренціи, означавшее отмѣну прежнихъ законодательныхъ мѣръ, которыя ставили рабочаго и юридически въ зависимость отъ предпринимателя, имѣло конечно огромное значеніе; разъ рабочій признавался при заключеніи договора съ предпринимателемъ формально равноправнымъ послѣднему, разъ онъ имѣлъ возможность покинуть его въ любое время и перейти въ другое промышленное заведеніе въ той же или иной мѣстности въ любой сферѣ производства, въ противоположность прежней прикрѣпленности его къ опредѣленной мануфактурѣ или компаніи скупщиковъ, то этимъ существенно измѣнялось его положеніе и создавались условія, при которыхъ рабочій могъ въ будущемъ достигнуть значительнаго улучшенія условій жизни вообще и болѣе высокаго заработка въ частности. Но такова была лишь перспектива будущаго, въ данное же время свобода договора не могла сразу измѣнить положенія рабочаго и его отношеній къ предпринимателю. Фактически договоръ являлся попрежнему одностороннимъ постановленіемъ хозяина, которому рабочій по старой привычкѣ совершенно подчинялся. Свобода конкуренціи ему помогла весьма мало, пользоваться онъ ею не умѣлъ, да и не въ состояніи былъ. Наиболѣе существенное право—право коалицій не было дано рабочему, между тѣмъ лишь оно, лишь соединеніе съ другими дало бы ему возможность не только противопоставить извѣстную силу фабриканту, но и осуществить свое право передвиженія и перехода къ другимъ отраслямъ производства; будучи лишень такой помощи, онъ не въ состояніи былъ ни узнать, гдѣ условія труда болѣе выгодны, ни своевременно принять необходимыя мѣры къ полученію работы на болѣе благоприятныхъ условіяхъ, ни наконецъ, добыть необходимыя средства для поѣздки въ другія мѣста. Индивидуальный рабочій договоръ обозначалъ далеко не одно и тоже для предпринимателя и рабочаго. Хотя существовавшія съ давнихъ поръ запрещенія рабочимъ вступать въ союзы и устраивать стачки были теперь распространены и на хозяевъ, но помимо того, что это уравненіе въ правахъ совершалось лишь медленно и постепенно, фактически негласныя ассоціаціи фабрикантовъ и заводчиковъ продолжали существовать попрежнему. Государство перестало покровительство-

вать послѣднимъ въ ущербъ рабочему населенію ¹⁾, но по старой памяти смотрѣло все-таки на нарушенія правилъ съ ихъ стороны сквозъ пальцы и лишь рабочихъ строго преслѣдовало за всякую попытку соединяться для совмѣстной борьбы. Государство все еще видѣло въ послѣднихъ революціонный элементъ, въ предпринимателяхъ же благодѣтелей населенія, насаждающихъ индустрію. Мало того, какъ указываетъ Маршалъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что „человѣкъ, который даетъ занятіе тысячѣ другихъ людей, самъ воплощаетъ въ себѣ уже соединеніе, равное тысячѣ отдѣльныхъ покупателей на рынкѣ труда“ ²⁾. Уже по этой ричинѣ при установленіи размѣровъ заработной платы индивидуальныи рабочий договоръ ставилъ рабочаго въ несравненно худшія условія, нежели предпринимателя.

Индивидуальныи рабочий договоръ означалъ въ сущности признаніе государства въ неспособности въ данное время замѣнить сразу старый порядокъ новымъ. Онъ являлся собственно говоря не болѣе какъ отрицаніемъ, разрушеніемъ стараго зданія, на мѣстѣ котораго еще не успѣли выстроить новаго. Шмоллеръ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ положеніе рабочаго при господствѣ индивидуальнаго договора. „Наибольшая часть вновь образовавшагося класса фабричныхъ рабочихъ принадлежала по своимъ обычаямъ, взглядамъ, представленіямъ къ прежней эпохѣ натурального хозяйства, городского и цеховаго строя, патріархальной зависимости, соціальной приниженности и подчиненія. И они попали въ холодный пронизывающій вѣтеръ ничѣмъ не стѣсняемой борьбы матеріальныхъ интересовъ, безграничной конкуренціи. Отдѣльныи рабочий былъ вырванъ изъ роднаго дома, семьи, общины, изъ натурального хозяйства перенесенъ въ городъ; лишенный всякой опоры и поддержки, совершенно безпомощныи, безсильныи, потерявшій голову, изолированныи, предоставленныи своимъ собственнымъ силамъ, онъ имѣлъ дѣло съ быстро наживавшимся, основывавшимся на коммерческихъ расчетахъ работодателемъ. Удивительно ли, что при такихъ условіяхъ понизился заработокъ, уровень жизни рабочаго?“ ³⁾.

¹⁾ Ср. т. I. гл. VIII.

²⁾ Marshall. Vol. I. p. 601.

³⁾ Schmoller. Grundriss. B. II. p. 312.

Даже такая мѣра, какъ устраненіе таксъ на заработную плату, устанавливаемыхъ въ предыдущія столѣтія государствомъ ¹⁾, не обнаружила своего вліянія въ первую половину XIX вѣка. Не потому конечно, что эти таксы будто бы были минимальныя или по крайней мѣрѣ представляли собою справедливую плату, опредѣляемую государствомъ или мѣстными властями къ выгодѣ обѣихъ сторонъ, а по той причинѣ, что при господствовавшихъ условіяхъ рынка отмѣна максимума заработной платы, какимъ являлись эти таксы, не могла имѣть существеннаго значенія. Какъ мы уже указывали ²⁾, заработная плата—если имѣть въ виду продолжительные періоды—всегда находится между двумя предѣлами, изъ коихъ одинъ—максимальная граница, опредѣляется тѣмъ минимумомъ прибыли, который долженъ оставаться предпринимателю для того, чтобы онъ имѣлъ интересъ вести предпріятіе, другой же предѣлъ—минимальная граница, обусловливается тѣмъ минимумомъ средствъ, который необходимъ для существованія рабочаго и его семьи. Вслѣдствіе установленія государствомъ высшаго размѣра платы, которую предприниматель вправѣ давать, а рабочій вправѣ получать, одинъ изъ этихъ предѣловъ—максимальная граница искусственно понижалась, тогда какъ другая, минимальная граница, не измѣнялась. Теперь, съ отмѣной максимальной заработной платы, такой искусственный предѣлъ устранялся и заработная плата могла достигать высшаго возможнаго уровня. При благоприятныхъ условіяхъ удаленіе этого препятствія сдѣлало бы возможнымъ повышеніе заработной платы. Но когда соотношеніе экономическихъ силъ на рынкѣ труда складывалось къ невыгодѣ рабочаго населенія, то наличность или отсутствіе такой искусственной границы весьма мало затрогивало интересы рабочихъ, не могло оказывать на нихъ вліянія. Правда вслѣдствіе возрастанія цѣнъ на хлѣбъ, повысилась и денежная заработная плата, что было бы немислимо при существованіи прежнихъ запрещеній платить свыше установленныхъ размѣровъ. Однако, едвали при столь сильной дороговизнѣ средствъ суще-

¹⁾ См. объ этомъ подробно въ первомъ томѣ „Эволюціи прибыли“, стр. 570—583.

²⁾ См. томъ первый, стр. 582—583.

ствования максимальныя таксы могли бы затормозить движеніе заработной платы, даже если бы онѣ существовали. Въ предыдущія столѣтія положеніе было совершенно иное: въ концѣ средневѣковаго періода условія жизни рабочихъ классовъ были сравнительно благоприятныя, реальная заработная плата стояла на довольно высокомъ уровнѣ ¹⁾, и поэтому когда въ XVI—XVII ст. возросли цѣны на предметы потребленія рабочихъ, таксы на заработную плату могли воспрепятствовать соотвѣтственному повышенію номинальной платы и, слѣдовательно, привести къ паденію реальной платы вплоть до ея низшей границы, опредѣляемой безусловно-необходимыми для рабочаго средствами существованія. Въ концѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка это было немислимо: реальная плата во второй половинѣ XVIII вѣка стояла уже на столь низкомъ уровнѣ, что при значительномъ сокращеніи она должна была оказаться ниже минимума, что могло имѣть мѣсто лишь въ отдѣльные годы, вызывая чрезвычайныя бѣдствія и огромную смертность, долго такой порядокъ не могъ продолжаться. Иначе говоря, разъ установленныя государствомъ таксы на заработную плату не только искусственно понижали высшую границу заработной платы, но вмѣстѣ съ тѣмъ совпадали съ минимумомъ средствъ существованія рабочаго, то всякое измѣненіе въ цѣнахъ на сѣстные припасы должно было лишитъ эти таксы значенія, и отсюда ихъ законодательнымъ порядкомъ дѣйствительно послѣдовала уже послѣ того, какъ сама жизнь успѣла ихъ устранить. Они уже задолго до того не примѣнялись и не могли примѣняться. Та цѣль, къ которой стремились и представители науки и государственные дѣятели въ XVII и XVIII вѣкѣ — довести плату до низшаго возможнаго предѣла ²⁾, уже во второй половинѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX вѣка оказалась осуществленной. То, что экономисты предыдущихъ столѣтій могли высказывать лишь какъ пожеланіе, Рикардо уже вынужденъ былъ разсматривать какъ дѣйствительность, устанавливая то положеніе, что заработная плата всегда равняется тому, что „необходимо ра-

¹⁾ См. томъ первый, стр. 564—585.

²⁾ См. томъ первый, стр. 570 и сл., 589 и сл.

бочимъ для существованія и для продолженія своего рода, какъ безъ возрастанія, такъ и безъ уменьшенія“.

III.

„Цѣлый рядъ операций въ текстильномъ производствѣ,—говоритъ Тунъ,—какъ напр., наматыванье нитокъ, ошпываніе шерсти, апретура, отчасти и ткачество, составляли всегда занятіе женщинъ и дѣтей; въ пѣсняхъ нѣмецкая женщина всегда представляется намъ сидя за прялкой или у веретена, дѣти за наматываніемъ нитокъ“ ¹⁾. Женскій и дѣтскій трудъ примѣнялся всегда въ сельскихъ промыслахъ въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ; широко онъ сталъ распространяться однако лишь со времени появленія кустарной промышленности въ городахъ, когда женщины и дѣти стали принимать участіе и въ городской промышленности, куда они въ средніе вѣка обыкновенно не допускались. Въ лицѣ женщинъ, которымъ скупщикъ раздавалъ матеріалъ для обработки его на дому, онъ приобрѣталъ сильное оружіе въ борьбѣ съ цеховой монополіей ²⁾. Поэтому повсюду, гдѣ мы находимъ развитую кустарную промышленность, производящую для обширнаго рынка, женщины составляютъ значительную часть рабочихъ, изготовляющихъ продукты для скупщиковъ ³⁾.

Въ XVII и XVIII ст. всѣ стремленія направлены къ возможно широкому примѣненію труда малолѣтнихъ въ области промышленности. „Лучшіе люди, наиболѣе ревностные филантропы этого времени—говоритъ Готейнъ—дѣйствуютъ въ этомъ направленіи, всячески содѣйствуя распространенію дѣтскаго труда“. Геркнеръ указываетъ на то, „какой наивной радостью преисполнялись люди XVIII вѣка, когда имъ удавалось доставлять дѣтямъ полезную работу въ возможно раннемъ возрастѣ: конгрессъ, засѣдавшій въ Раштадтѣ въ 1714 году по поводу заключенія мира, рѣшилъ устроить прядильню для бѣдныхъ дѣтей: она должна была наилучшимъ обра-

¹⁾ Thun. T. I. p. 172.

²⁾ См. томъ первый, стр. 545—46.

³⁾ Stieda. Hausindustrie. p. 120—1. Julin. Les grandes fabriques en Belgique vers le milieu du XVIII siècle. (Mémoires de l'academie royale de Belgique. T. LXVIII).

зомъ увѣковѣчить дѣятельность конгресса. Въ Германіи и въ Австріи повсюду устраивались прядильни для обученія бѣдныхъ дѣтей съ раннихъ лѣтъ, чтобы они впослѣдствіи могли работать въ домашней промышленности. Скупщики, домогающіеся привилегій и ссудъ у правительства, указываютъ на огромную пользу, которую принесетъ населенію новая отрасль производства; даже шестилѣтнія дѣти—говорятъ они—будутъ самостоятельно добывать себѣ пропитаніе ¹⁾). Удлиненіе рабочаго дня—говоритъ Видфельдтъ въ своей исторіи берлинской промышленности—въ XVIII вѣкѣ всячески поощрялось, примѣненіе дешеваго женскаго и дѣтскаго труда въ промышленности считалось явленіемъ отпаднымъ ²⁾). Фридрихъ Великій покровительствовалъ распространенію труда женщинъ и дѣтей и находилъ это нововведеніе столь важнымъ, что во время своего пребыванія въ Силезіи въ 1766 г. онъ заявилъ тамошнимъ скупщикамъ, что пришлетъ имъ тысячу дѣтей въ возрастѣ отъ 10—12 лѣтъ для употребленія ихъ въ льнопрядильномъ производствѣ. Онъ былъ возмущенъ, когда скупщики отказались отъ его предложенія ³⁾). Въ царствованіе Маріи-Терезіи во многихъ австрійскихъ городахъ были устроены мастерскія для обученія дѣтей пряденію и ткачеству льна, конопля, хлопка и шерсти. Извѣстный австрійскій камералистъ XVII вѣка Гернигъ приводитъ кружевное производство Аннеберга какъ примѣръ достойный подражанія: на пространствѣ 8—10 миль въ этой отрасли промышленности занято свыше 10 тысячъ женщинъ и дѣтей, зарабатывающихъ въ недѣлю по 12—16 грошеновъ; даже уменьшивъ плату до 10 грош., получается огромная сумма въ 350 тыс. гульд. годового заработка ⁴⁾).

Роланъ де ла Платьеръ, другъ народа и демократъ, какъ его называетъ Жоресъ, возмущается тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ отрасляхъ ліонской промышленности цеховыми регламентами не допускается женскій трудъ (изъ опасенія кон-

¹⁾ Gothein. p. 728, 742.

²⁾ Wiedfeldt. Statistische Studien Zur Entwicklungsgeschichte der Berliner Industrie. Leipzig. 1896. p. 64.

³⁾ Zimmermann. Schlesische Leinenindustrie. p. 117.

⁴⁾ Max Adler. Anfänge der merkantilistischen Gewerbepolitik in Oesterreich, p. 92.

куррении женщинъ цеховымъ рабочимъ). Онъ находитъ, что женщины работаютъ лучше и болѣе усидчиво и болѣе пригодны для производства предметовъ роскоши, нежели мужчины, что онѣ болѣе спокойны (не склонны къ волненіямъ и забастовкамъ), удовлетворяются меньшимъ и соглашаются работать за меньшую плату ¹⁾. Какъ женскій, такъ и дѣтскій трудъ примѣнялся во Франціи въ самыхъ разнообразныхъ отрасляхъ производства въ XVII—XVIII ст. въ весьма широкихъ размѣрахъ ²⁾. Въ Лангедокѣ дѣти напр., работали, начиная съ четырехъ лѣтъ ³⁾.

.. И въ Англіи „въ эпоху развитія домашней (кустарной) промышленности наивно думали, что съ примѣненіемъ дѣтскаго труда улучшится матеріальное положеніе населенія“. И здѣсь скупщики, добивавшіеся протекціонныхъ пошлинъ, ссылались на то, что данная отрасль промышленности доставляетъ заработокъ женщинамъ и дѣтямъ. Дѣйствительно, въ первой половинѣ XVIII вѣка, когда о машинахъ еще и помину не было, въ хлопчатобумажной промышленности, въ шелковой промышленности, въ производствѣ парусовъ, въ бирмингемскомъ промыслѣ металлическихъ издѣлій работали дѣти 5—7 лѣтняго возраста, какъ только они становились сколько-нибудь пригодными для этого ⁴⁾. Извѣстный изобрѣтатель Джорджъ Кромптонъ слѣдующимъ образомъ описываетъ свое дѣтство. „Едва я сталъ ходить, какъ меня заставили работать въ бумаго-ткацкомъ производствѣ. Пряжу моя мать клала въ глубокую коричневую лохань, куда вливалась мыльная вода. Затѣмъ она загибала мнѣ платье и ставила меня въ лохань, чтобы я отбивалъ ногами пряжу. Воду она каждый разъ прибавляла, послѣ чего я вновь приступалъ къ работѣ. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока лохань не наполнялась настолько водой, что я уже не въ состояніи былъ

¹⁾ Jaurés. La Constituante. (Histoire socialiste. T. I.) p. 77.

²⁾ См. Martin. La grande industrie sous le règne de Louis XIV. Paris. 1898.

³⁾ Levasseur. T. II. p. 381.

⁴⁾ Held. Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands. p. 557—58. 561—562. 592. Manfoux. La révolution industrielle au XVIII siècle p. 429. Гобсонъ. Современный капитализмъ, стр. 32.

стоять въ ней. Тогда къ ней придвигался стулъ, за спинку котораго я держался“ ¹⁾.

Хотя, такимъ образомъ, эксплуатація дѣтскаго труда составляла явленіе общераспространное въ кустарной промышленности, считавшееся вполне естественнымъ въ тѣ времена, но англичанинъ Уаррантонъ, писавшій въ 1677 г., находилъ примѣненіе дѣтскаго труда очевидно еще недостаточнымъ, указывая въ качествѣ примѣра достойнаго подражанія на „промышленныя школы“, которыя онъ видѣлъ въ Германіи, гдѣ двѣсти дѣвочекъ подъ надзоромъ мастерицы, безъ остановки, при полномъ молчаніи пряли шерсть, подвергаясь наказанію за плохую или недостаточно скорую работу. „Въ этой странѣ—прибавляетъ онъ—кто имѣетъ больше дѣтей, тотъ и живетъ лучше, тогда какъ у насъ чѣмъ ихъ больше, тѣмъ бѣднѣе человѣкъ; тамъ дѣти обогащаютъ отца, здѣсь они доводятъ его до нищеты“ ²⁾. Болѣе оптимистически смотрѣлъ на дѣло писавшій пятьдесятъ лѣтъ спустя (въ 20-хъ годахъ XVIII вѣка) Даніэль Дефоэ. Онъ приходитъ въ восхищеніе отъ трудолюбія, которымъ отличается населеніе въ Галифаксѣ: „женщины и дѣти расчесываютъ шерсть или прядутъ; всѣ работаютъ отъ мала до велика; не видно ни нищихъ, ни празднующихся; съ пятилѣтняго возраста всякій въ состояніи снискивать себѣ пропитаніе“ ³⁾.

Подобными восторженными описаніями благосостоянія ткачей Дефоэ вызвалъ у послѣдующихъ писателей идиллическія изображенія добраго стараго времени, когда еще господствовала кустарная форма производства, чтобы тѣмъ ярче отгнать мрачную картину фабричной жизни . . . съ ея эксплуатаціей женскаго и дѣтскаго труда. При такихъ условіяхъ, слова приписываемыя Вилльяму Питту: „берите дѣтей“, обращенныя къ фабрикантамъ, жаловавшимся на дороговизну рабочихъ рукъ (въ 1796), слова, которыя ему ставились въ вину,

¹⁾ French. Life of Crompton. p. 43. Цит. у Brodnitz. Vergleichende Studien über Betriebsstatistik und Betriebsformen der englischen Textilindustrie. p. 9.

²⁾ Yarranton. Englands improvement on sea and land. I. London. 1677. p. 45—47. Mantoux. p. 429.

³⁾ Ср. Тойнби, стр. 53.

не представляют собою чего-либо особеннаго, а выражают собою лишь общій взглядъ эпохи. Изъ кустарной избы и мануфактуры пользованіе трудомъ дѣтей и женщинъ перешло и на фабрику, а вовсе не составляло чего либо новаго, свойственнаго фабрично-машинной индустріи, какъ это иногда утверждаютъ и въ настоящее время.

Наиболѣе ужасной эта эксплуатація становилась тогда, когда фабриканты пользовались трудомъ сиротъ, получаемыхъ ими изъ домовъ призрѣнія. Сэръ Фредерикъ Эденъ, сочиненіе котораго относится къ 1797 году, указываетъ на то, что въ Англіи съ появленіемъ машинъ, приводимыхъ въ движеніе силою воды, оказалась потребность въ рабочей силѣ дѣтей въ мѣстностяхъ съ проточной водой: сюда и посылались тысячи дѣтей въ возрастѣ 7—13 лѣтъ изъ общинныхъ пріютовъ Лондона, Бирмингема и другихъ городовъ. Съ изобрѣтеніемъ паровой машины эта присылка дѣтей впрочемъ значительно сократилась, ибо промышленность уже не сосредоточивалась болѣе въ мѣстахъ, расположенныхъ у рѣкъ, а могла распространяться по всемѣсто. Однако еще въ 1815 году въ англійскомъ парламентѣ указывалось на существованіе подобныхъ злоупотребленій: одинъ фабрикантъ пріобрѣлъ у лондонскаго прихода извѣстное количество мальчиковъ, которыхъ уступилъ другому фабриканту, — послѣдній сильнѣйшимъ образомъ эксплуатировалъ ихъ. Въ другомъ случаѣ фабрикантъ изъ Ланкашира заключилъ договоръ съ лондонскимъ приходомъ, на основаніи котораго онъ обязался брать у послѣдняго на каждыхъ двадцать здоровыхъ дѣтей одного идиота ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе и этотъ родъ эксплуатаціи дѣтей, „похищеніе дѣтей“, какъ его называетъ Марксъ, не является характернымъ для эпохи примѣненія машинъ. Въ Англіи и раньше приходы освобождали себя отъ необходимости тратить общинныя суммы на бѣдныхъ дѣтей, отдавая послѣднихъ въ работу кустарямъ и ремесленникамъ. По закону Елисаветы 1601 года, смотрители бѣдныхъ каждаго прихода обязаны были отдавать дѣтей въ ученичество: мальчиковъ до достиженія ими 24-лѣтняго возраста, дѣвочекъ до 21

¹⁾ Марксъ Т. I. гл. 24., отд. 6. *Mantoux*. p. 427—28.

года ¹⁾. Законъ 1697 г. обязывалъ промышленниковъ, по назначенію мировыхъ судей, брать къ себѣ дѣтей изъ приходовъ въ качествѣ учениковъ—подъ страхомъ штрафа въ 10 ф. стерл. ²⁾. Въ чулочномъ производствѣ въ началѣ XVIII вѣка мастера брали учениковъ въ огромномъ количествѣ, такъ что нерѣдко приходилось по 10 и болѣе учениковъ на одного рабочаго, хотя это и было запрещено закономъ; причина этихъ нарушеній закона заключалась въ томъ, что хозяева получали отъ приходовъ премію въ размѣрѣ 5 фунт. стерл. за каждаго ученика, отъ котораго освобождалась приходская касса. Положеніе этихъ учениковъ-сиротъ было крайне печальное, граничившее съ голодной смертью. Нерѣдко въ мастерской имѣлся всего одинъ сюртукъ, который надѣвалъ каждый разъ тотъ, кому приходилось выйти изъ мастерской ³⁾. Во Франціи система отдачи подкинутыхъ и бѣдныхъ дѣтей ремесленникамъ въ качествѣ (безплатныхъ) учениковъ практиковалась уже въ XVI вѣкѣ. Такъ, эдиктъ 1553 года дозволяетъ мастерамъ брать себѣ второго ученика среди дѣтей, призрѣваемыхъ въ пріютѣ св. Троицы ⁴⁾. Еще хуже приходилось, однако, тѣмъ изъ нихъ, которые за 20 су продавались нищимъ, гадалателямъ и фокусникамъ; послѣдніе пользовались ими для выпрашиванія подаяній и съ этой цѣлью нерѣдко калечили дѣтей. Когда же въ XVIII вѣкѣ парижскій *Hôpital des enfants trouvés* былъ превращенъ въ государственное учрежденіе, туда стали присылать дѣтей со всѣхъ концовъ Франціи—изъ Оверня, Бретани, Фландріи, Лотарингіи, причемъ значительная часть этихъ дѣтей либо погибала въ дорогѣ, либо умирала черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Парижъ. Некеръ устранилъ эту централизацію и поручилъ общинамъ отдавать дѣтей крестьянамъ, ремесленникамъ и купцамъ за извѣстную плату, которая уплачивалась обыкновенно до тѣхъ поръ, пока они не достигали

¹⁾ Тойнби. Промышленный переворотъ въ Англии въ XVIII вѣкѣ, стр. 152. Aschrott. *Armengesetzgebung in Grossbritannien*. *Handwört. der Staatswiss.* 2. Aufl. B. I. p. 1136.

²⁾ Mantoux. p. 428.

³⁾ Brentano. *Ueber die Ursachen der heutigen sozialen Not*. Leipzig. 1889; 86—37. Anm. 12.

⁴⁾ Martin-Saint-Léon. p. 242.

16-лѣтняго возраста. Въ 1811 году, когда появились уже фабрики, было постановлено декретомъ отдавать подкинутыхъ дѣтей также и на фабрики ¹⁾.

Гораздо раньше, чѣмъ фабричная промышленность, возникла мануфактурная, т. е. производство въ централизованныхъ предприятияхъ съ болѣе или менѣе широко развитымъ раздѣленіемъ труда, но при ручномъ способѣ изготовленія продуктовъ. И мануфактуры XVII и XVIII ст. пользовались въ широкихъ размѣрахъ трудомъ женщинъ и дѣтей. Такъ, въ 1686 году нѣкій Абрамъ Валери учредилъ суконную мануфактуру въ Галле, на которой уже въ слѣдующемъ году работало 300 женщинъ и 50 мужчинъ ²⁾. Иголочная и проволочная мануфактура, устроенная Христианомъ Цугомъ въ 1750 г. около Вѣны получала пособие отъ казны „за то, что она доставляетъ пропитаніе бѣднымъ дѣтямъ“ ³⁾. Иоаннъ Баптистъ Фальцоргеръ, основавшій приблизительно въ то же время мануфактуру для выдѣлки крепа, также обращался къ австрійскому правительству съ просьбой о выдачѣ ему преміи въ размѣрѣ 25 гульденовъ за cadaго мальчика и каждую дѣвочку, работающую на его мануфактурѣ. Просьба была удовлетворена, но прибавленъ слѣдующій характерный приказъ: „провѣрять отъ времени до времени, нанимаетъ ли онъ дѣйствительно лицъ мужскаго и женскаго пола, въ особенности женщинъ, и обучаетъ ли ихъ промыслу надлежащимъ образомъ“ ⁴⁾. Такимъ образомъ, обученіе ремеслу соединялось съ работой на предпринимателя. Это практиковалось и въ другихъ германскихъ государствахъ: учебныя мастерскія были въ то же время и мануфактурами.

Примѣненіе труда женщинъ и дѣтей на мануфактурахъ мы можемъ наблюдать и въ другихъ странахъ. Въ производствѣ венеціанскихъ кружевъ, введенномъ во Франціи Кольберомъ, работало много женщинъ на мануфактурахъ, хотя часть ихъ впоследствии покинула мастер-

¹⁾ Reitzenstein. Die Armengesetzgebung Frankreichs in den Grundzügen ihrer Entwicklung. Schmoller's Jahrbuch. 1881. p. 603 и слѣд.

²⁾ Stieda. Fabrik. Handwört. der Staatswiss. B. III. p. 778

³⁾ Beer. Gesch. der oesterr. Volkswirtschaft. I. p. 107.

⁴⁾ Beer. l. c. I. p. 117.

скія и возвратилась обратно въ деревню, перейдя снова къ кустарному способу производства. Въ чулочномъ промыслѣ, въ производствѣ саржи работали десятилѣтнія дѣти ¹⁾. На извѣстной мануфактурѣ Ванъ-Робе (въ половинѣ XVIII ст.) изъ 1500 рабочихъ насчитывалось всего 317 отцовъ семействъ, все остальное рабочее населеніе состояло изъ женъ ихъ и дѣтей, которыя занимались преимущественно пряденіемъ и чесаніемъ шерсти. Въ частности женщинъ насчитывалось 900—1000, а именно: 700—800 прядильщицъ, 90 чистильщицъ, 40 гладильщицъ, 50 мотальщицъ и т. д. ²⁾.

На нидерландскихъ мануфактурахъ женщины работали въ XVIII вѣкѣ даже въ тѣхъ отрасляхъ производства, въ которыхъ трудъ былъ тяжелъ и вреденъ для здоровья, какъ напр., въ солеварномъ промыслѣ, гдѣ нанимались почти исключительно женщины, въ производствѣ изъ бумажной массы, (Брюссель, Намюръ), при обжиганіи кирпичей ³⁾. Въ Англіи мы встрѣчаемъ женщинъ и дѣтей уже на первыхъ мануфактурахъ, появляющихся въ видѣ исключенія въ XVI вѣкѣ. На мануфактурѣ нѣкого Джека изъ Ньюбери работало кромѣ взрослыхъ мужчинъ около 100 женщинъ, 100 дѣвушекъ и свыше 200 дѣтей; такъ, по крайней мѣрѣ, говорится въ памфлетахъ XVII вѣка ⁴⁾. Изъ болѣе поздней эпохи мануфактурнаго производства укажемъ хотя бы на шелковую мануфактуру въ Шеффилдѣ, о которой упоминаетъ Артуръ Юнгъ и на которой находилось 152 рабочихъ, въ томъ числѣ женщины и дѣти ⁵⁾ ⁶⁾.

¹⁾ Levasseur. Т. II. p. 212. 246 и сл.

²⁾ Germain Martin. La grande industrie en France sous le règne de Louis XV. p. 273—75.

³⁾ Pringsheim. Wirtsch. Entwick. der vereinigten Niederlande im XVII—XVIII Jahrh. p. 54—55. Julin. Les grandes fabriques en Belgique p. 47—48.

⁴⁾ Cunningham. Growth of English Industry and Commerce. Т. I. p. 513.

⁵⁾ Тойнби, стр. 53.

⁶⁾ Особую форму пользованія трудомъ женщинъ и въ особенности дѣтей составляетъ примѣненіе ихъ труда въ самыхъ воспитательныхъ приютахъ и домахъ призрѣнія. Это соотвѣтствуетъ пользованію дѣтскимъ трудомъ посредствомъ отдачи дѣтей ремесленникамъ и кустарямъ, съ той только разницей, что тамъ они отдаются отдѣльнымъ лицамъ, чтобы избавить приходскую кассу отъ содер-

Изъ кустарной мастерской и мануфактуры употребленіе женскаго и дѣтскаго труда перешло и на фабрику и примѣнялось здѣсь въ первую эпоху фабричной индустріи въ весьма широкихъ размѣрахъ. Парламентскія анкеты въ Англіи ¹⁾, какъ и данныя, собранныя въ Пруссіи, свидѣтельствуютъ о невозможныхъ санитарныхъ, экономическихъ и моральныхъ условіяхъ, при которыхъ происходила работа дѣтей на фабрикахъ, о сильной степени эксплуатаціи ихъ въ фабрично-заводскихъ заведеніяхъ. Однако, фактъ примѣненія труда женщинъ и малолѣтнихъ еще задолго до появленія машинъ и паровыхъ двигателей свидѣтельствуетъ о несостоятельности взгляда, усматривающаго въ примѣненіи машиннаго способа производства причину пользованія трудомъ женщинъ и дѣтей. Конечно, лишь со времени появленія машинъ централизованное производство на фабрикахъ стало господствующей формой промышленности, централизованная же мануфактура были сравнительно мало распространены въ XVII—XVIII ст., когда главной формой производства являлась кустарная промышленность, и поэтому дѣти, работавшія прежде преимущественно на дому, въ семьѣ, лишь со времени примѣненія машинъ вынуждены были перейти на фабрику, гдѣ условія производства оказывали на нихъ особенно вредное вліяніе. Конечно, машинное производство дѣлало дѣтскій трудъ особенно выгоднымъ и удобнымъ для фабриканта, присоединяя такимъ образомъ къ прежнимъ мотивамъ, вызывавшимъ пользованіе имъ, еще новый. Однако не слѣдуетъ все-таки упускать изъ виду, что основныя причины пользованія трудомъ женщинъ и дѣтей въ про-

жанія ихъ, здѣсь же они работаютъ въ домахъ приарѣвнн соадаются, слѣдовательно, мануфактуры, основанныя на примѣненіи принудительнаго труда. Такія мануфактуры пользовались и другимъ принудительнымъ трудомъ—трудомъ преступниковъ, бродягъ, безработныхъ, а равно приарѣваемыхъ на общественный счетъ и т. п., слѣд. широко примѣняли трудъ, оплата котораго была самая минимальная и всецѣло зависѣла отъ произвола предпринимателя, ваявшаго въ аренду мануфактуру съ принудительнымъ трудомъ. Мы ограничиваемся здѣсь указаніемъ на фактъ извлеченія дохода изъ такого рода труда въ XVII—XVIII ст., ибо подробно разсмотрѣвъ этотъ вопросъ уже въ первомъ томѣ. См. стр. 610 и сл.

¹⁾ См. особ. Магз. В. I. Кар. VIII.

мышленности лежали гораздо глубже. Подобно существовавшему издавна крайне продолжительному рабочему дню, который старались удлинить въ XVII—XVIII ст., и пользование трудомъ дѣтей коренилось въ соціальныхъ взглядахъ и теоріяхъ XVI—XVIII ст. Если филантропы того времени всячески покровительствовали развитію дѣтскаго труда, если такіе государи, какъ Фридрихъ Великій и Марія — Терезія, государственные люди вродѣ Кромвеля и Кольбера старались расширить примѣненіе женскаго и дѣтскаго труда въ промышленности, то это объясняется тѣмъ, что они имѣли въ виду исключительно матеріальную сторону дѣла, исключительно ту выгоду, которую примѣненіе этого труда должно принести съ одной стороны странѣ вообще, увеличивая количество труда въ производствѣ, а съ другой стороны каждой семьѣ въ отдѣльности, присоединяя къ труду отца и трудъ матери и дѣтей. Моральнымъ и санитарнымъ условіямъ труда они не придавали очевидно никакого значенія. То обстоятельство, производилась ли работа на дому въ кругу семьи или въ помѣщеніи предпринимателя, вопросъ о томъ, какъ устроены мастерскія въ санитарномъ отношеніи—не играли для нихъ никакой роли. Вѣдь работали же женщины въ промыслахъ тяжелыхъ и вредныхъ для здоровья, а дѣти (на мануфактурахъ съ принудительнымъ трудомъ) въ средѣ преступниковъ и бродягъ. Только XIX вѣкъ обратилъ и на это вниманіе, какъ и на чрезмѣрную продолжительность рабочаго времени ¹⁾. „Чѣмъ болѣе

¹⁾ Увлечение дѣтскимъ трудомъ—говоритъ Готейнъ (стр. 713)—продолжалось нѣкоторое время и послѣ прекращенія стараго порядка. При учрежденіи первой фабрики уже современнаго характера (послѣ наполеоновской эры) въ Сантъ-Блазіенѣ имѣлись въ виду попрежнему цѣли педагогическаго свойства. Министръ Зенсбургъ указывалъ на огромное значеніе фабрики, вслѣдствіе того, что на ней работаютъ дѣти. Этой первой фабриктъ Германіи онъ ставилъ важную задачу, пріучить избалованный богатымъ аббатствомъ пролетаріатъ къ серьезному труду. Но еще раньше, хотя и въ робкой и весьма своеобразной формѣ, стали указывать (въ Баденѣ) на вредъ примѣненія дѣтскаго труда на фабрикахъ. Высказываясь противъ устройства въ Леррахъ централизованной шелковой мануфактуры, (проектировавшейся переселенцами изъ Ліона) ландфогтъ Рейтценштейнъ (впослѣдствіи министр), указывалъ на то, что „большія фабрики являются могилой нравственности“, что

мы изучаемъ исторію предыдущихъ вѣковъ—могъ справедливо сказать Маколей — тѣмъ болѣе мы усматриваемъ основаній признать неправильными взгляды тѣхъ, которые находятъ, что наше время создало новыя соціальныя бѣдствія. Что ново, это интеллигентность и гуманность. Первая открываетъ старыя бѣдствія, вторая излечиваетъ ихъ“¹⁾.

Дѣйствительно, начиная съ 1802 г. мы встрѣчаемъ въ Англии рядъ законодальныхъ актовъ, которые направлены уже не во вредъ рабочимъ, какъ мѣропріятія XVII—XVIII ст., а въ защиту ихъ отъ эксплуатаціи фабрикантовъ и среди которыхъ преобладаютъ постановленія, запрещающія работу дѣтей на фабрикахъ до извѣстнаго возраста и сокращающія ее для подростковъ, а затѣмъ и для женщинъ. Первоначально постановленія эти относились только къ прядильно-ткацкому производству въ области хлопчатобумажной и шерстяной индустрии, гдѣ гибельныя условія труда особенно

духовенство жалуется итакъ на то, что „дѣти, работающія на здѣшней хлопчатобумажной фабрикѣ“ (мануфактуръ—машинъ еще не было) совершенно одичали, не въ состояніи заниматься Закономъ Божиимъ ни въ церкви, ни въ школѣ и *пригодны лишь для того, чтобы остаться фабричными рабочими, но ни къ какому иному занятію*“. Къ этому онъ прибавлялъ, однако, весьма своеобразныя соображенія: „люди, работающія тамъ, съ малолѣтства привыкаютъ къ тому, чтобы *зарабатывать деньги безъ физическаго напряженія*. и вслѣдствіе этого, получаютъ отвращеніе къ болѣе тяжелой земледѣльческой работѣ. дѣвушки же оказываются совершенно не свѣдущими въ области домашняго хозяйства, такъ что будучи зрѣлыми въ 18 лѣтъ для смиренняго дома, онѣ въ 20 лѣтъ неспособны сварить супъ. Такимъ образомъ, порча нравовъ, паденіе семейныхъ добродѣтелей, *распространеніе роскоши*, имѣющей весьма печальныя результаты, *рѣдкость домашней прислуги и порча послѣдней*, такъ что никакими статутами помочь невозможно—вотъ печальныя результаты крупныхъ концентрированныхъ фабрикъ“ (Gothein. p. 733—35). Хотя правительство и не обратило вниманія на эти возраженія и разрѣшило устройство мануфактуры, но они весьма любопытны, какъ первыя жалобы на вредъ примѣненія дѣтскаго труда въ промышленности. Жалобы эти здѣсь перемѣшаны съ другими совершенно иного свойства (дороговизна женской прислуги, благодаря работѣ женщинъ въ промышленности съ раннихъ лѣтъ, отвращеніе къ земледѣльческому труду и т. п.), но онѣ составляютъ рѣзкій контрастъ съ тѣмъ превознесеніемъ благодѣтельности дѣтскаго труда, который является господствующимъ въ это время.

(1) Mascaulay. History of England, Chap. 3.

рѣзко бросались въ глаза въ виду концентраціи производства на фабрикахъ, тогда какъ въ другихъ отрасляхъ, гдѣ машины еще не примѣнялись въ широкихъ размѣрахъ и производство было разбросано по домамъ, эти бѣдствія были менѣе замѣтны и не могли обратить на себя вниманія общества. Однако, уже законъ 1833 г. распространялъ свое дѣйствіе и на льняную и шелковую промышленность и въ этомъ же году былъ установленъ органъ надзора за выполненіемъ фабричныхъ законовъ въ видѣ фабричной инспекціи. А дальнѣйшія парламентскія анкеты обнаружили ужасныя условія труда именно въ мелкомъ производствѣ, гдѣ не примѣнялось машинъ и гдѣ попрежнему дѣти работали съ 4—7 лѣтъ. Лишившись возможности посылать своихъ дѣтей съ ранняго возраста на фабрики, родители, нуждавшіеся въ ихъ заработкѣ, помѣщали ихъ въ мастерскія по производству иголокъ, кружевъ, табачныхъ, спичечныхъ, стеклянныхъ издѣлій, отдавали въ работу пекарямъ, трубочистамъ. Законодательство уже въ 40-хъ годахъ вступило какъ съ родителями, такъ и съ предпринимателями въ борьбу въ этихъ отрасляхъ производства, но лишь въ 50-хъ и 60-хъ годахъ оно достигло вполнѣ своей цѣли, и закономъ 1867 г. мѣры въ защиту женщинъ, малолѣтнихъ и подростковъ были распространены на всѣ фабрики, заводы и мастерскія. Точка зрѣнія государства—какъ и представителей экономической науки—такимъ образомъ совершенно измѣнилась. На первомъ планѣ стояли моральные и духовные интересы рабочаго населенія; періодъ *laissez faire*—уступившій мѣсто періоду содѣйствія предпринимателю въ эксплуатаціи рабочаго—смѣнился періодомъ защиты рабочихъ массъ отъ хищническихъ инстинктовъ предпринимателей. Примѣру Англіи послѣдовали и континентальныя страны—Пруссія законами 1839, 1849 и 1853 г.г., Баварія и Баденъ законами 1840, 1860 и 1861 г.г., Франція законами 1841 и 1848 г.г., швейцарскіе кантоны уже съ 1815 года ⁴⁾).

⁴⁾ Относительно фабричнаго законодательства см. особ. *Arbeiterschutzgesetzgebung* въ *Handwört. der Staatswiss.* В. I. Marx. *Das Kapital*. В. I. Ludlow and Jones. *Progress of the Working Class*. London. 1867. Bradlaugh. *Labour and law*. London. 1891. Engels. *Die Lage der arbeitenden Klasse in England*. 2. Aufl. Stuttgart. 1892, особ. стр. 191—215. Plener. *Die englische*

Если такими мѣрами эксплуатация рабочаго населенія постепенно уменьшалась и прибавочный продуктъ, истекавшій изъ исполнительнаго труда рабочаго, сокращался, то мы все же едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ теченіе первыхъ двухъ третей XIX вѣка прибавочный продуктъ, получаемый капиталистомъ-предпринимателемъ, состоялъ какъ изъ творческаго, такъ и изъ исполнительнаго труда. Если имѣть въ виду, что въ эту эпоху присоединился къ прежнему источнику въ видѣ труда рабочаго еще совершенно новый — трудъ изобрѣтателя, то придется признать, что даже съ сокращеніемъ эксплуатации рабочихъ массъ, подъ влияніемъ фабричнаго законодательства, количество прибавочнаго продукта должно было значительно возрасти въ этотъ періодъ. Иное дѣло—величина прибавочной цѣнности—прибыли, т. е. та часть этого истекающаго изъ двухъ источниковъ прибавочнаго продукта, которая оставалась въ рукахъ предпринимателя. Весьма скоро послѣ появленія машины, какъ мы видѣли выше, цѣна продукто́въ, изготовляемыхъ при ихъ помощи, сильно упала; это означало, что фабриканты, съ цѣлью уничтоженія конкурентовъ, работавшихъ ручнымъ способомъ, отказались отъ части прибавочнаго продукта; эта часть должна была соотвѣтствовать по своимъ размѣрамъ тому количеству прибавочнаго продукта, которое доставлялъ трудъ рабочаго ¹⁾, ибо при паденіи цѣны до такого уровня, предприниматели, не пользовавшіеся машинами, лишались всей своей прибыли, а въ случаѣ дальнѣйшаго ея уменьшенія, вынуждены были работать съ убыткомъ. Конечно, послѣдніе сдались не сразу, кустарная форма производства существовала еще долго рядомъ съ фабричной и впоследствии, но единственное средство, которымъ она

Fabrikgesetzgebung. Wien. 1871. Held. Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands. Leipzig. 1881. Levasseur. Histoire des classes ouvrières de 1789 à 1870 2 éd. T. I. Frankenstein. Der Arbeiterschutz, seine Theorie und Politik. Leipzig. 1896. Anton. Geschichte der preussischen Fabrikgesetzgebung. Leipzig. 1896. (Schmollers Staats- und sozialwisa. Forschungen). Herkner. Die Arbeiterfrage.

¹⁾ По размѣрамъ она соотвѣтствовала этой части, но источникомъ ея являлся смѣшанный прибавочный продуктъ, получавшійся изъ обоихъ видовъ труда.

держалась, могло заключаться лишь въ увеличеніи того прибавочнаго продукта, которое создавалось рабочимъ,— тогда скупщикъ, выплачивая потребителю въ пониженной цѣнѣ ту же часть прибавочнаго продукта, какъ и фабрикантъ, сохранялъ все же другую часть въ свою пользу, превращая ее въ прибыль.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Ученія о прибыли съ капитала въ первыя двѣ трети XIX вѣка.

I.

Мы указали въ первомъ томѣ ¹⁾, насколько неправильно мнѣніе, будто бы Адамъ Смитъ усматривалъ въ прибыли результатъ эксплуатаціи рабочаго. Еще чаще подобное предположеніе высказывается по адресу Рикардо ²⁾. У него находятъ вполне разработанную теорію трудовой цѣнности и вмѣстѣ съ тѣмъ указаніе на то, что заработная плата не можетъ превышать необходимаго для поддержанія жизни минимума, и отсюда выводятъ, что Рикардо считалъ прибыль вычетомъ изъ продукта, созданнаго рабочимъ. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ между прочимъ Цукеркандль. Онъ утверждаетъ даже, что у Рикардо можно найти мѣста, гдѣ онъ самъ дѣлаетъ подобный выводъ, причемъ ссылается на то, что Рикардо придерживается взгляда, что „вознагражденіе рабочаго не находится въ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что онъ произвелъ“, и на ученіе его о естественной заработной платѣ ³⁾. Далѣе Цукеркандль приводитъ слѣдующее дѣйствительно любопытное мѣсто изъ Рикардо. „Какovy бы ни были обстоятельства, существуетъ ли изобиліе или недостатокъ въ капиталѣ, по сравненію съ трудомъ, изобиліе или недостаокъ въ пищѣ и другихъ предметахъ, необходимыхъ для человѣческой жизни, во всякомъ случаѣ люди, доставившіе капиталъ одинаковой цѣнности для того или

¹⁾ См. т. I, стр. 659.

²⁾ О Рикардо см. Diehl. Sozialwissenschaftliche Erläuterungen zu David Ricardo's Grundgesetzen der Volkswirtschaft und Besteuerung. Leipzig. 1905. Особ. В. II. Kap. 4. (Ricardos Lehre vom Zins und Unternehmergeinn).

³⁾ Zuckerkandl. Zur Theorie des Preises. Leipzig. 1889. p. 256.

другого промысла, получают половину, четверть или одну восьмую часть произведеннаго товара, а остатокъ уплачивается въ качествѣ заработной платы тѣмъ, кто вложилъ въ дѣло свой трудъ; но это раздѣленіе продукта не можетъ оказывать вліянія на относительную цѣнность этихъ предметовъ, потому что увеличится ли или уменьшится прибыль, будетъ ли она составлять 50, 20 или 10 проц., будетъ ли высока заработная плата или низка, во всякомъ случаѣ это отразится одинаково на обоихъ промыслахъ“¹⁾.

Въ приведенныхъ словахъ Рикардо едва ли можно найти объясненіе происхожденія прибыли; онъ указываетъ здѣсь лишь на то, что прибыль, какъ и заработная плата, являются составными частями цѣны; больше онъ ничего относительно характера прибыли не говоритъ. Болѣе важно это мѣсто для пониманія ученія Рикардо о цѣнности: онъ отрицаетъ здѣсь вліяніе измѣненій въ заработной платѣ или прибыли на цѣнность товаровъ. Однако, далѣе онъ дѣлаетъ оговорки, изъ которыхъ видно, что Рикардо нельзя относить къ сторонникамъ трудовой теоріи цѣнности. Усматривая въ трудѣ основной моментъ, регулирующий цѣны свободно воспроизводимыхъ предметовъ, Рикардо вынужденъ однако признать, что этотъ моментъ является лишь важнѣйшимъ, но не единственнымъ²⁾. „Раздѣленіе капитала въ разныхъ пропорціяхъ на основной и оборотный, въ различныхъ отрасляхъ промышленности, вноситъ значительное ограниченіе въ правило, которое является универсальнымъ на болѣе раннихъ ступеняхъ общественной жизни, правило которое требуетъ, чтобы колебанія цѣнности товаровъ зависѣли исключительно отъ большаго или меньшаго количества труда, затраченнаго на ихъ производство; но было выяснено, что безъ всякихъ измѣненій въ количествѣ труда одно повышение заработной платы въ состояніи произвести пониженіе въ мѣнновой цѣнности тѣхъ предметовъ, въ производствѣ которыхъ употребленъ основной капиталъ; чѣмъ больше доля основнаго

¹⁾ The works of David Ricardo. Изд. Mc. Culloch'a London. 1852. p. 16—17.

²⁾ См. объ этомъ Мануиловъ. Понятіе цѣнности по ученію экономистовъ классической школы. Москва. 1901. Стр. 123 и сл., особ. 133—137, 141, 163.

капитала, тѣмъ значительнѣе должно быть и пониженіе“ ¹⁾.

Точно также „всякое увеличеніе заработной платы или, что то же самое, всякое пониженіе прибыли, приводитъ къ уменьшенію относительной цѣнности товаровъ, произведенныхъ при помощи прочнаго капитала и, наоборотъ, къ соотвѣтственному повышенію цѣнности тѣхъ продуктовъ, которые произведены посредствомъ капитала менѣе долговѣчнаго. Уменьшеніе заработной платы оказываетъ противоположное вліяніе“ ²⁾. Наконецъ, „если принять въ соображеніе... тотъ промежутокъ времени, который долженъ пройти прежде, чѣмъ могутъ быть доставлены на рынокъ извѣстные товары, то цѣнность ихъ не будетъ вполнѣ соотвѣтствовать количеству труда, затраченнаго въ ихъ производствѣ. Цѣнность эта превзойдетъ нѣсколько отношеніе 2:1 (при такомъ отношеніи количества затраченнаго труда), чтобы вознаградить за болѣе продолжительное время, которое должно пройти, пока болѣе дорогой продуктъ можетъ быть пущенъ въ продажу“ ³⁾.

Такимъ образомъ, различіе въ составѣ капиталовъ (въ смыслѣ дѣленія ихъ на основной и оборотный), въ прочности основного капитала и во времени оборота, въ различныхъ отрасляхъ производства, дѣлаетъ невозможнымъ совпаденіе мѣровой цѣнности или цѣны предметовъ съ относительнымъ количествомъ воплощеннаго въ нихъ труда. Рикардо это прекрасно понимаетъ и вводитъ соотвѣтствующія измѣненія въ теорію цѣнности Адама Смита. Послѣдній, какъ мы указывали выше, могъ съ полнымъ правомъ игнорировать эти различія въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства; до появленія машинъ значительныхъ различій въ смыслѣ подраздѣленія капитала на основной и оборотный, какъ и въ прочности капитала и въ продолжительности оборотовъ его не могло быть. Всѣ эти моменты приобрѣли значеніе лишь со времени распространенія машинъ и фабричнаго способа производства; только теперь пришлось считаться со значительными основными капиталами, а также обра-

¹⁾ Ricardo. p. 25.

²⁾ Ricardo. p. 26.

³⁾ Ricardo. p. 22.

щать вниманіе на степень долговѣчности основного капитала, т. е. тѣхъ же машинъ и фабричныхъ зданій, и, наконецъ, придавать значеніе продолжительности періода производства на фабрикѣ или заводѣ. Однако, всего этого недостаточно: перечисленные моменты могутъ оказывать вліяніе на цѣнность лишь при томъ условіи, что существуетъ одинъ общій уровень какъ прибыли, такъ и заработной платы. Рикардо исходитъ изъ наличности такого нормальнаго уровня: съ тѣхъ поръ, какъ писалъ Адамъ Смитъ обстоятельства и въ этомъ отношеніи успѣли измѣниться, постепенно возникалъ міровой рынокъ; свобода же передвиженія капиталовъ внутри страны сдѣлала возможнымъ и необходимымъ образованіе такого общаго уровня процента— для Англіи эпохи Рикардо можно смѣло принять такое положеніе. „Каждый, кто свободно распоряжается своимъ капиталомъ, естественно, старается употребить его наиболѣе выгоднымъ образомъ; онъ несомнѣнно не удовольствуется 10 проц. прибыли, если при перемѣщеніи своего капитала въ другую отрасль производства онъ можетъ получить 15 проц. Это безпокойное желаніе, присущее всѣмъ капиталистамъ, покидать менѣе прибыльное предпріятіе ради болѣе прибыльнаго, имѣетъ послѣдствіемъ, стремленіе прибыли повсюду къ одному уровню или установленіе размѣровъ ея такимъ образомъ, чтобы возмѣщались тѣ дѣйствительныя или кажущіяся выгоды, какія, по мнѣнію заинтересованныхъ сторонъ, имѣетъ одна изъ нихъ въ сравненіи съ другой“ ¹⁾). Именно, вслѣдствіе одинаковаго уровня прибыли — не считая отклоненій, вызываемыхъ характеромъ промысла — различіе въ составѣ капитала, въ скорости изнашиванія его и въ продолжительности производства и сбыта оказываетъ вліяніе на цѣнность; въ зависимости отъ этихъ моментовъ при равномъ уровнѣ прибыли въ составъ цѣны входитъ болѣе или менѣе значительное количество накопившейся прибыли.

Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что Рикардо, говоря о трудѣ, какъ регуляторѣ цѣнности, всегда разсматриваетъ трудъ лишь какъ мѣрило цѣнности, что онъ утверждаетъ только, что—при извѣстныхъ условіяхъ—товары

¹⁾ Ricardo. p. 47.

обмѣниваются пропорціонально содержащемуся въ нихъ количеству труда. Но, въ противоположность Адаму Смиту, онъ вовсе не проводитъ того взгляда, что трудъ является единственнымъ источникомъ цѣнности,—какъ справедливо указываетъ Виксель ¹⁾. Рикардо былъ крайне далекъ отъ мысли, что трудъ составляетъ самую субстанцію цѣнности, указываютъ и М. И. Туганъ - Барановскій ²⁾. Для пониманія отношенія Рикардо къ вопросу о происхожденіи прибыли это обстоятельство имѣетъ весьма существенное значеніе. Очевидно, что только въ томъ случаѣ, если Рикардо усматриваетъ въ трудѣ единственный источникъ цѣнности, если у него всякая цѣнность „есть реально ничто иное, какъ трудъ, вложенный рабочимъ въ предметъ труда“, только въ этомъ случаѣ и прибыль, какъ составная часть цѣнности представляетъ собою неминуемо трудъ рабочаго. Если же предметы только обмѣниваются по количеству воплощеннаго труда, то изъ этого еще ровно ничего не слѣдуетъ относительно того, откуда получается прибыль; при такихъ условіяхъ—даже независимо отъ видоизмѣняющихъ моментовъ—прибыль можетъ въ равной мѣрѣ происходить, какъ изъ труда рабочаго, такъ и изъ всякаго иного источника. Либкнехтъ справедливо указываетъ на то, что взглядъ Рикардо на трудъ единственно какъ на мѣрило цѣнности, но не какъ на источникъ его является причиной того, что у него вообще нѣтъ теоріи прибыли, что онъ вовсе не выяснилъ себѣ этой проблемы ³⁾. „Рикардо,—говоритъ М. И. Туганъ-Барановскій,—нисколько не интересуется вопросомъ, по какому праву капиталисты получаютъ свою долю въ общемъ продуктѣ труда. Полученіе прибыли капиталистомъ есть для него реальный фактъ, происхожденіе котораго онъ не изслѣдуетъ. Все вниманіе Рикардо сосредоточено на изученіи пропорцій, въ которыхъ распредѣляется общественный продуктъ. И несмотря на признаніе неизбежнаго антагонизма между заработной платой и прибылью, Рикардо совершенно чужды мысли, что полученіе прибыли есть, съ этической

¹⁾ Wicksell. Ueber Wert. Kapital und Rente. Jena. 1893. p. 7.

²⁾ Туганъ-Барановскій. Теоретическія основы марксизма. Спб. 1905. Стр. 89.

³⁾ Liebknecht. Geschichte der Werttheorie in England. Iena. 1902. p. 94.

точки зрѣнія, менѣе правомѣрная форма извлеченія дохода, чѣмъ полученіе заработной платы“¹⁾).

Никто не накапливаетъ иначе, —говоритъ Рикардо,—какъ съ цѣлью производительнаго приложенія своихъ сбереженій, и лишь при такомъ примѣненіи капиталъ оказываетъ вліяніе на прибыль. Безъ такого побужденія не можетъ происходить какого-либо накопленія капитала... Фермеръ и промышленникъ столь же мало могутъ прожить безъ прибыли, какъ рабочій безъ заработной платы. Ихъ побужденія къ накопленію капитала будутъ уменьшаться съ каждымъ паденіемъ прибыли и совершенно исчезнутъ, когда прибыль настолько понизится, что не будетъ доставлять имъ надлежащаго вознагражденія за безпокойство и за тотъ рискъ, съ которымъ необходимо сопряжено производительное употребленіе капитала“²⁾. Необходимость и полезность существованія прибыли еще болѣе подчеркивается Рикардо въ другомъ мѣстѣ. „Такъ какъ всѣ сбереженія дѣлаются изъ прибыли,—говоритъ онъ въ своей брошюрѣ „On protection to agriculture“—и такъ какъ страна наиболѣе благоденствуетъ тогда, когда она находится въ состояніи быстрого прогресса, то прибыль и процентъ не могутъ быть слишкомъ высоки. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли было бы большимъ утѣшеніемъ для страны то, что землевладѣльцы имѣли бы возможность занимать деньги подъ залогъ земли съ меньшими расходами. Ничто не способствуетъ настолько счастью и благосостоянію страны, какъ высокая прибыль“³⁾.

Рикардо и не могъ держаться того нерѣдко приписываемаго ему взгляда, что прибыль является доходомъ неправомѣрно получаемымъ капиталистами. Такое отношеніе къ прибыли противорѣчило бы вообще всему характеру сочиненія Рикардо, состоящаго изъ немногихъ абстрактныхъ теоремъ и чуждаго всякой „этической“ точки зрѣнія⁴⁾. Рикардо вполне хладнокровно и безстрастно изучаетъ дѣйствительность, не хвалитъ и не порицаетъ существующихъ экономическихъ институтовъ—какъ это дѣлаетъ Адамъ Смитъ—и

1) Туганъ-Барановскій. Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи. 2 изд. Спб. 1905. Стр. 61, 66.

2) Ricardo. p. 68.

3) Ricardo. p. 474.

4) Ср. прекрасно написанную главу о Рикардо у М. И. Туганъ-Барановскаго (Очерки изъ исторіи политич. экономіи).

не предлагает желательныхъ измѣненій въ томъ или иномъ направленіи. Къ тому же въ своей молодости Рикардо самъ былъ биржевымъ дѣльцомъ и лишь наживъ крупное состояніе, онъ бросилъ это занятіе изъ любви къ наукѣ. На свою дѣятельность онъ вовсе не смотрѣлъ какъ на эксплуатацію рабочаго населенія, наоборотъ считалъ ее вполне необходимой и полезной,—а между тѣмъ къ такому выводу онъ долженъ былъ бы придти, если бы онъ дѣйствительно усматривалъ въ прибыли вычетъ изъ продукта, принадлежащаго по праву всецѣло рабочему. Именно собственная коммерческая дѣятельность и при томъ на биржѣ и въ торговлѣ, гдѣ приходится имѣть дѣло лишь съ бумагами и товарами, и нѣтъ бѣдствующихъ рабочихъ, какъ въ индустріи,—должна была устранить у Рикардо какое бы то ни было сомнѣніе въ правомѣрности прибыли; изъ описанія торговыхъ операцій обширнаго гамбургскаго купеческаго дома Parish (въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст.), которое мы находимъ у Эренберга, можно усмотрѣть, какъ высоко въ этическомъ отношеніи коммерсанты этой эпохи ставили свою дѣятельность ¹⁾.

Если Рикардо самъ былъ чуждъ мысли о томъ, что прибыль является менѣе „нравственной“ отраслью дохода, чѣмъ заработная плата, то и научная атмосфера того времени нисколько не могли натолкнуть его на эту мысль. И Томпсонъ и Годжинъ и другіе англійскіе социалисты писали послѣ него (и подъ его вліяніемъ), а Годвинъ и Голль (Hall) не играли роли въ экономической наукѣ, составляли лишь исключительное явленіе въ наукѣ XVIII вѣка. Рикардо вообще не составилъ полного курса политической экономіи, а оставался лишь на немногихъ животрепещущихъ вопросахъ современной ему жизни. Наиболѣе важной проблемой, обсуждавшейся въ эту эпоху, въ особенности въ 1814—1815 гг., былъ вопросъ о желательности или нежелательности стѣсненія ввоза хлѣба въ Англію, который вызвалъ обширную литературу. Въ 1815 г. выступилъ и Мальтусъ со своей брошюрой „о взглядѣ на политику, стѣсняющую ввозъ иностраннаго хлѣба“, на что ему отвѣчалъ Рикардо въ изданной въ томъ

¹⁾ Ehrenberg. Das Haus Parish in Hamburg. Iena. 1905.

же году брошюрѣ о вліяніи низкой цѣны хлѣба на прибыль съ капитала. Здѣсь онъ въ подкрѣпленіе своихъ взглядовъ относительно вреднаго вліянія пошлинъ на ввозъ хлѣба излагаетъ, свою теорію дифференціальной ренты и здѣсь уже намѣчаетъ соотношеніе между различными видами дохода и характерныя особенности естественной заработной платы. Два года спустя, въ своихъ „Началахъ политической экономіи“ онъ развилъ подробнѣе, какъ ученіе о рентѣ, такъ и ученіе о естественной заработной платѣ и о взаимномъ отношеніи различныхъ отраслей дохода. Къ тѣмъ основнымъ положеніямъ, изъ которыхъ онъ исходитъ во всѣхъ этихъ случаяхъ, Рикардо пришелъ несомнѣнно индуктивнымъ путемъ, а затѣмъ уже изъ полученныхъ такимъ образомъ положеній дѣлалъ рядъ дедукцій, не провѣряя послѣднихъ съ помощью фактическаго матеріала. Тѣмъ не менѣе, благодаря правильной предварительной индукціи и благодаря умѣнью при послѣдующей дедукціи отдѣлять важное и необходимое отъ второстепеннаго и случайнаго, между полученными дедуктивнымъ путемъ выводами и дѣйствительностью нѣтъ никакихъ противорѣчій: и ученіе о дифференціальной рентѣ, и положеніе, что заработная плата не можетъ превышать безусловно необходимаго для жизни минимума, и утвержденіе, что рента увеличивается, а прибыль понижается, что высота прибыли находится въ обратномъ отношеніи къ долѣ заработной платы—все это глубоко вѣрно для той эпохи, когда жилъ Рикардо, для первой половины XIX вѣка а вѣдь онъ только и имѣлъ въ виду объяснить современныя ему условія экономической жизни, преимущественно Англій 1).

Къ сожалѣнію, послѣдователи Рикардо, вродѣ Мекъ-Куллоха, Мекляуда, де-Квинси, Сеніора не поняли и во

1) См. объ этомъ мою статью „Историческія основы ученія Рикардо о поземельной рентѣ“, въ „Русскомъ Богатствѣ“ (Іюль 1904 г.), а также весьма любопытныя указанія у Желѣзнова: Главныя направленія въ разработкѣ теоріи заработной платы (Кіевъ. 1904). Стр. 27 и сл. Къ сожалѣнію, В. Я. Желѣзновъ забываетъ о томъ, что Рикардо писалъ въ первой половинѣ XIX вѣка, въ эпоху господства исключительно индивидуальнаго рабочаго договора и поэтому дѣлаетъ Рикардо упреки, которыхъ онъ не заслужилъ (стр. 57), хотя въ общемъ къ его оцѣнкѣ ученія Рикардо можно присоединиться.

многихъ случаяхъ исказили ученія Рикардо или придали имъ такое значеніе, какихъ они въ дѣйствительности не имѣли ¹⁾). Въ теоретическихъ построеніяхъ они исходили изъ немногихъ посылокъ, упрощенныхъ до послѣдней степени, и получали выводы, имѣвшія весьма мало значенія для пониманія дѣйствительной жизни. Въ противоположность Рикардо, послѣдователи его—какъ указалъ самъ же Сеніоръ — выводили свои „законы“ походя во время прогулки—Сеніоръ считалъ такой „методъ“ изслѣдованія характернымъ для общественныхъ наукъ вообще въ противоположность естественнымъ! Въ частности по вопросу о томъ, откуда получается прибыль, писатели классической школы, послѣдователи Рикардо, совершенно не двинулись далѣе и не найдя отвѣта у своего учителя, и сами не рѣшились его дать. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ и Макъ-Куллохъ и де-Квинси и Дросъ и Лоцъ—все это экономисты 20-хъ годовъ, и противникъ Рикардо Торренсъ, писавшій также въ это время. Всѣ они рассматриваютъ прибыль какъ неотъемлемое свойство капитала, не требующее никакихъ дальнѣйшихъ объясненій или разысканій. Это „безцвѣтная“ теорія, по мѣткому опредѣленію Бемъ-Баверка ²⁾).

Изъ такого летаргическаго состоянія способны были вывести ученіе о прибыли только рѣзкія и ѣдкія нападки социалистовъ. Только тогда экономическая наука задала себѣ вопросъ: что же такое въ самомъ дѣлѣ прибыль? на чемъ основывается ея существованіе? откуда она берется? При этомъ основной проблемой являлся по прежнему вопросъ о томъ, насколько справедливо существованіе первоначальной прибыли, въ подтвержденіе же правильности флота, даваемого въ томъ или другомъ смыслѣ, приводились соображенія о томъ, что прибыль происходитъ изъ такого то источника. Сторонники правомѣрности прибыли ссылались на то, что она получается изъ капитала, производится послѣднимъ; противники возражали, что источникъ прибыли есть трудъ рабочаго, что она вычитается изъ продукта труда. Такимъ образомъ, въ тѣхъ двухъ источникахъ, изъ которыхъ дѣйствительно, какъ мы

¹⁾ См. Мануилова, указ. сочин. гл. IV, V.

²⁾ Böhm-Bawerk. Geschichte und Kritik. Cap. VI.

видѣли выше ¹⁾, получалась прибыль въ первой половинѣ XIX вѣка—въ исполнительномъ (физическомъ) трудѣ рабочаго и въ творческомъ трудѣ изобрѣтателя (последній сознательно или бессознательно подразумѣвается, подъ невѣрнымъ названіемъ капитала) экономическая наука усматривала источники прибыли съ капитала.

II.

Дѣйствительно переворотъ, происшедшій въ характерѣ прибыли со времени появленія новыхъ изобрѣтеній, не остался безъ вліянія и на теорію прибыли. Машина въ качествѣ источника прибыли очень скоро обратила на себя вниманіе экономистовъ: уже въ первые годы новаго столѣтія—когда первыя машины успѣли распространиться въ Англіи, на материкѣ же являлись еще рѣдкостью—два экономиста—Сэ во Франціи и Лодердаль въ Англіи почти одновременно (въ 1803 и 1804 гг.) выставили то положеніе, что машина представляетъ собою самостоятельный факторъ, который обладаетъ такою же производительной силой, какъ трудъ. „Смитъ — говоритъ Сэ — понялъ производительныя силы труда, но онъ не оцѣнилъ производительныхъ способностей капитала, несмотря на то, что капиталъ въ этомъ отношеніи аналогиченъ труду. Машина, напр., мельница, въ которую вложена сумма въ 20 тыс. фр. и которая приноситъ ежегодно чистаго дохода 1 тыс. фр., доставляетъ такой же реальный продуктъ, какъ земельный участокъ, дающій 1 тыс. фр. дохода. Капиталъ будетъ, предположимъ, результатомъ труда предыдущаго, но доходъ составляетъ новый продуктъ, плодъ новой дѣятельности“ ²⁾. По мнѣнію Сэ, Ад. Смитъ утверждалъ, что машина есть продуктъ труда предыдущаго, а вслѣдствіе этого и продуктъ, изготовляемый при помощи ея, составляетъ результатъ предыдущаго труда. „Но Смитъ ошибается; если бы капиталъ не былъ одаренъ производительной силой, независимой отъ труда, продуктомъ котораго онъ

¹⁾ См. гл. II и III.

J. B. Say. *Traité d'économie politique*. Paris 1803. Цитир. по 6-му изд. Guillaumin'a 1841 г.

является, какимъ же образомъ капиталъ могъ бы доставлять постоянный доходъ, независимый отъ дохода того труда, которымъ онъ произведенъ?“ Сэ допускаетъ только такую альтернативу: либо прибыль есть результатъ труда тѣхъ рабочихъ, которые строили машину, либо новый продуктъ, созданный самой машиной—и склоняется къ послѣдней возможности, третій выходъ—что прибыль является продуктомъ рабочихъ, приставленныхъ къ машинѣ, даже не приходитъ ему въ голову, до такой степени подобное объясненіе прибыли было чуждо экономистамъ того времени.

Какимъ же образомъ машины и орудія—которыя, какъ указываетъ Сэ, составляютъ важнѣйшую часть капитала—создаютъ прибыль? „Производительная сила машинъ—говоритъ онъ—заключается въ томъ, что онѣ служатъ средствомъ для примѣненія и пользованія силами природы. Между услугами, оказываемыми силами природы въ производствѣ, и услугами, оказываемыми тѣми продуктами, которые мы назвали капиталами, существуетъ большое сходство; они постоянно смѣшиваются, такъ какъ орудія и машины (представляющія собою часть капитала) являются обыкновенно ничѣмъ, какъ болѣе или менѣе искуснымъ средствомъ для примѣненія силъ природы. Паровая машина есть ничто иное, какъ усовершенствованное средство для пользованія упругостью пара или давленіемъ атмосферы. Выгода, доставляемая машинами, заключается въ томъ, что съ помощью меньшаго количества труда получается та же сумма цѣнностей, или—что тоже самое—большее количество цѣнностей при одинаковомъ трудѣ человѣка“ ¹⁾. Вотъ эту то выгоду изъ машинъ и извлекаетъ ихъ владѣлецъ, капиталистъ въ видѣ прибыли. Но въ то же время Сэ понимаетъ, что при господствѣ свободной конкуренціи выгода—являющаяся результатомъ примѣненія машинъ, не можетъ оставаться навсегда въ рукахъ предпринимателя-капиталиста, а должна постепенно, по мѣрѣ распространенія машинъ, путемъ пониженія цѣнъ перейти къ потребителю. „Какую бы выгоду ни доставляло въ концѣ концовъ введеніе новой машины для предпринимателей и даже для рабочихъ, наибольшую выгоду все таки приобретаютъ по-

¹⁾ Say, p. 85-86.

требители. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего болѣе справедливаго, чѣмъ если изобрѣтатели исключительно пользуются плодами своего открытія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, однако, не было такого случая, когда бы секретъ оставался долго неизвѣстнымъ. Когда же изобрѣтеніе становится всеобщимъ извѣстнымъ, тогда конкуренція понижаетъ цѣнность продукта въ томъ размѣрѣ, въ какомъ уменьшились издержки производства, и тогда начинаетъ пользоваться выгодами, доставляемыми машиной, потребитель. Помоль хлѣба вѣроятно приноситъ современнымъ мельникамъ не большій доходъ, чѣмъ тѣмъ, которые мололи хлѣбъ раньше, потребителямъ же онъ обходится гораздо дешевле¹⁾.

Сѣ здѣсь близко подходитъ къ сущности того новаго источника прибыли, который возникъ съ конца XVIII вѣка. Хотя онъ говоритъ о производительности капитала, и машины называетъ лишь одной, важнѣйшей частью капитала, но онъ всегда имѣетъ въ виду однѣ машины, только онѣ производительны, только онѣ создаютъ новыя цѣнности посредствомъ примѣненія силъ природы; изъ другихъ частей капитала предприниматель не извлекаетъ никакой выгоды. Однако онъ не обосновываетъ надлежащимъ образомъ своего взгляда, онъ не проникаетъ глубже въ характеръ отношеній между предпринимателемъ и изобрѣтателемъ, а лишь инстинктивно чувствуетъ происшедшую перемѣну въ области народнаго хозяйства вообще и въ характерѣ прибыли въ частности. Эта перемѣна еще далеко не успѣла завершиться, въ первые годы XIX вѣка экономическій переворотъ еще только начинался во Франціи, да и въ Англіи онъ находился еще на полъ-пути. Говоря, что машины доставляютъ предпринимателю доходъ лишь вначалѣ, только въ первое время по введеніи ихъ, Сѣ конечно не зналъ, что за первыми машинами, которыя распространялись въ эту эпоху въ Англіи (прядильныя машины) и приводили къ пониженію цѣны на пряжу, послѣдуютъ новыя усовершенствованія, которыя снова доставятъ предпринимателю прибыль въ продолженіе извѣстнаго періода. Только въ настоящее время мы можемъ разглядѣть это непрерывное движеніе, совершавшееся въ теченіе болѣе чѣмъ сто-

¹⁾ Say, p. 88—89.

лѣтнаго періода. Но сто лѣтъ тому назадъ доходъ, доставляемый вновь изобрѣтенными машинами, могъ считаться лишь временнымъ и слѣд. оставался неизвѣстнымъ тотъ источникъ, изъ котораго предприниматель извлекаетъ прибыль во всѣ другія эпохи, когда этотъ источникъ отсутствуетъ. И въ другомъ отношеніи доходъ, извлекаемый, изъ машинъ, является у Сэ временнымъ и случайнымъ. Изъ послѣдней приведенной нами цитаты можно усмотрѣть, что самъ изобрѣтатель въ качествѣ предпринимателя пользуется выгодами, доставляемыми машиной, лишь пока она составляетъ его секретъ; когда же она становится извѣстной другимъ предпринимателямъ и вводится и ими въ употребленіе, то цѣна падаетъ соответственно понизившимся издержкамъ производства, такъ что эти предприниматели уже не извлекаютъ никакой выгоды изъ новаго изобрѣтенія. Въ данномъ случаѣ Сэ исходитъ изъ условій до машиннаго періода, когда изобрѣтатели тѣхъ или иныхъ усовершенствованій хранили ихъ въ строгой тайнѣ и сами примѣняли ихъ на практикѣ. Но при такихъ обстоятельствахъ машины конечно не могли стать источникомъ прибыли для предпринимателя; онѣ являлись лишь источникомъ дохода для немногихъ изобрѣтателей, которые соединяли въ себѣ и функціи предпринимателя. Въ такомъ смыслѣ о нихъ упоминаетъ еще Петти въ XVII вѣкѣ, сравнивая двухъ людей, изъ коихъ одинъ въ теченіе ста дней создаетъ машину и при помощи ея въ теченіе 900 дней обрабатываетъ вдвое большее количество земли, чѣмъ другой безъ машины въ теченіе тѣхъ же 1000 дней. Въ этомъ случаѣ, по его мнѣнію, данное изобрѣтеніе равняется цѣнности труда человѣка въ теченіе всей жизни, ибо одинъ человѣкъ при содѣйствіи этой машины создаетъ столько же, сколько два человѣка при отсутствіи ея.

На такой случайный источникъ дохода въ лицѣ изобрѣтенія обратилъ вниманіе и Адамъ Смитъ. Въ видѣ примѣра онъ приводитъ красильщика, который изобрѣлъ средство составлять краску изъ болѣе дешевыхъ матеріаловъ (такія изобрѣтенія дѣлались въ Голландіи въ эпоху Смита)¹⁾, и

¹⁾ См. Pringsheim. Wirtschaftliche Entwicklung der Vereinigten Niederlande im 17 und 18 Jahrh. p. 31.

который пользуется этим секретомъ въ теченіе всей жизни и даже оставляетъ его въ наслѣдство своимъ дѣтямъ. Адамъ Смитъ справедливо указываетъ на то, что въ данномъ случаѣ доходъ изобрѣтателя представляетъ собою не прибыль, а заработную плату, особенно высокую плату, хотя онъ не дѣлаетъ различія между трудомъ его и трудомъ этого красильщика въ качествѣ изобрѣтателя и въ качествѣ рабочаго— въ XVIII вѣкѣ доходъ, извлекаемый изъ изобрѣтеній, не имѣлъ соціального значенія и отличался случайнымъ и временнымъ характеромъ, какой ему и придаетъ Смитъ. Во времена Сэ условія экономической жизни въ Англіи уже значительно измѣнились, почему онъ и выставилъ машины въ видѣ нормальнаго и даже единственнаго источника прибыли, но при болѣе подробномъ анализѣ происхожденія этой прибыли все-таки исходилъ по прежнему изъ тѣхъ условій, которыя господствовали въ Англіи до появленія великихъ изобрѣтеній и которыя во Франціи еще продолжали въ значительной степени существовать и въ началѣ XIX вѣка.

По Лодердалю, который писалъ одновременно съ Сэ, капиталъ доставляетъ двоякаго рода выгоды: онъ замѣняетъ собою трудъ и онъ дѣлаетъ возможнымъ производство такихъ предметовъ, которые не могутъ быть произведены однимъ человѣческимъ трудомъ. Лодердаль указываетъ на то, какую выгоду доставляетъ капиталъ въ области земледѣлія. „Какъ только человѣкъ вложилъ часть своего капитала на пріобрѣтеніе заступа, онъ въ состояніи воздѣлать столько же земли, сколько могутъ сдѣлать 50 человѣкъ, принужденные работать руками. Такимъ образомъ, капиталъ замѣняетъ необходимый трудъ 49 человѣкъ. Со временемъ вводятся новыя усовершенствованія, изобрѣтенья плугъ и часть народнаго капитала затрачивается на пріобрѣтеніе его. При помощи плуга одинъ человѣкъ исполнить вѣроятно ту же работу, какую исполняютъ шесть другихъ людей, работающихъ заступомъ. Слѣдовательно, часть капитала, которая тратится на плугъ, замѣняетъ трудъ пяти человѣкъ, копающихъ землю лопатой, или трудъ 299 человѣкъ, вынужденныхъ, за неимѣніемъ какого-либо капитала, разрывать землю руками.“ ¹⁾ Лодердаль приводитъ еще

¹⁾ Lauderdale. An inquiry into the nature and origin of public wealth, London. 1804. Цит. по франц. изд. 1808 г. (перев. съ 1-го англ. изд.) р. 120.

другой примѣръ для выясненія значенія машинъ и орудій въ промышленности. „Игла, которой мы пользуемся для вязанья (первый инструментъ этого рода) показываетъ намъ, какъ человѣкъ не можетъ обойтись безъ самаго простаго орудія для исполненія своей работы. Дѣйствительно, развѣ былъ бы человѣкъ въ состояннн сдѣлать безъ нея пару чулокъ? Когда искусство вязанья развилось, часть капитала страны будетъ тратиться на вязальные станки (ихъ примѣненіе распространилось въ Англіи въ XVIII вѣкѣ), и доходъ съ этого капитала является результатомъ того, что машина замѣняетъ трудъ нѣсколькихъ рабочихъ“. ¹⁾

Въ противоположность Сэ, Лодердалъ понимаетъ подъ капиталомъ не самыя средства производства, а денежную сумму, какъ затрачиваемую на приобрѣтеніе техническихъ усовершенствованій и на производство улучшеній въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ и помѣщаемую въ торговлѣ, внутренней и внѣшней. И въ послѣднихъ двухъ случаяхъ прибыль, по Лодердалю, возникаетъ вслѣдствіе сбереженія въ количествѣ труда. Для поясненія выгоды, доставляемой приложеніемъ капитала во внутренней торговлѣ, онъ беретъ примѣръ изъ области кустарной промышленности (въ той формѣ, какая господствовала въ шерстяной промышленности Англіи въ XVII—XVIII ст.): скупщикъ-капиталистъ приобрѣтаетъ шерсть, отдаетъ ее прядильщику, затѣмъ передаетъ пряжу ткачу и т. д. и наконецъ доставляетъ продуктъ въ готовомъ видѣ потребителю. Онъ сберегаетъ въ данномъ случаѣ потребителю все то время, которое послѣдній долженъ былъ бы потратить, выполняя самостоятельно всѣ эти функціи, и за это онъ беретъ у потребителя цѣну, превышающую его издержки, но меньшую, чѣмъ та сумма, которую долженъ былъ бы потратить самъ потребитель ²⁾.

Подобнымъ же образомъ онъ объясняетъ и причину того обстоятельства, что выгода, доставляемая машиной, не переходитъ цѣликомъ къ потребителю, а остается отчасти въ рукахъ предпринимателя въ качествѣ прибыли. „Предположимъ,—говоритъ онъ—на вязальномъ станкѣ человѣкъ про-

¹⁾ Lauderdale p. 121.

²⁾ Lauderdale, p. 128—130.

изводить ежедневно по три пары чулокъ, тогда какъ (при отсутствіи этого аппарата) тоже количество можетъ быть заготовлено въ то-же время только шестью людьми. Ясно, что владѣлецъ станка можетъ требовать за три пары чулокъ цѣну, соответствующую платѣ пяти рабочихъ и что онъ ее дѣйствительно получить, такъ какъ потребитель, обращаясь къ нему, выиграетъ при покупкѣ чулокъ цѣнность въ размѣрѣ платы одного вязальщика“ ¹⁾). И Лодердалъ указываетъ на то, что въ первое время, когда существуетъ патентъ, цѣна продукта стоитъ обыкновенно выше, чѣмъ впослѣдствіи, когда новая машина вошла во всеобщее употребленіе; однако уже вначалѣ цѣнность продукта все же ниже, чѣмъ цѣнность того труда, который сбереженъ машиной и прибыль незначительна по сравненію съ той огромной цѣнностью, которая выигривается потребителемъ, а съ другой стороны и впослѣдствіи съ распространеніемъ машины, цѣнность продукта никогда не можетъ понизиться до уровня издержекъ, ибо за то значительное сбереженіе въ цѣнности, которое выигрываетъ потребитель, благодаря примѣненію машины предпринимателемъ, послѣдній всегда имѣетъ возможность оставлять въ свою пользу часть избыточнаго продукта, доставляемаго капиталомъ ²⁾).

Лодердалъ былъ, такимъ образомъ, увѣренъ, что новыя изобрѣтенія XVIII вѣка всегда будутъ доставлять прибыль предпринимателю и что конкуренція никогда не можетъ понизить цѣны въ такой степени, чтобы вся выгода отъ машинъ перешла къ потребителю. Можетъ быть крайне медленное распространеніе чулко-вязальной машины, о которой онъ упоминаетъ неоднократно, привело его къ такому выводу; какъ мы видѣли этотъ станокъ былъ изобрѣтенъ еще въ 1589 году, но распространяться онъ сталъ въ Англіи лишь въ теченіе XVIII вѣка. Послѣ этого можно было конечно придти къ тому заключенію, что и прядильная машина войдетъ во всеобщее употребленіе не ранѣе XX вѣка.

Если въ смыслѣ объясненія т. наз. экономической производительности капитала Лодердалъ дѣлаетъ шагъ впередъ

¹⁾ Lauderdale, p. 122.

²⁾ Ibid. p. 123—125.

по сравненію съ Сэ — почему Бемъ-Баверкъ и отнесъ его теорію къ мотивированнымъ теоріямъ производительности (въ отличіе отъ наивныхъ теорій, къ которымъ отнесено ученіе Сэ)—то въ другомъ отношеніи Лодердаль оставляетъ безъ объясненія вопросъ, который у Сэ не возбуждаетъ недоумѣнія. Разъ (или постольку, поскольку) у Сэ изобрѣтеніе эксплуатируется самимъ же изобрѣтателемъ, извлеченіе выгодъ послѣднимъ само собою понятно, но иное дѣло когда „часть капитала страны“ затрачивается на приобрѣтеніе машинъ, какъ предполагаетъ Лаудердаль и какъ это дѣйствительно происходило въ Англии во второй половинѣ XVIII вѣка и эти предприниматели (или сами кустари-рабочіе) извлекаютъ доходъ изъ машинъ,—тогда возникаетъ вопросъ, почему они приобрѣли эти машины по цѣнѣ болѣе низкой, чѣмъ цѣнность производимаго машинами добавочнаго продукта. На этотъ вопросъ Лодердаль отвѣта не далъ и не могъ дать, вслѣдствіе того, что онъ совершенно забылъ объ изобрѣтателѣ (хотя въ другомъ мѣстѣ онъ упоминаетъ о немъ, какъ пользующемся монополіей новаго способа производства въ теченіе четырнадцати лѣтъ), создавшемъ машину и на первый планъ поставилъ даже не ее, а ту денежную сумму, при помощи которой приобрѣтается машина. Благодаря этому, рѣшеніе вопроса стало немыслимымъ не только для него но и для будущихъ изслѣдователей.

И всѣ послѣдующіе сторонники т. наз. теоріи производительности, т. е. ученія, усматривающаго источникъ прибыли въ орудіяхъ производства, говорили о капиталѣ какъ источникѣ этого дохода, подразумѣвая въ дѣйствительности машины и другія техническія усовершенствованія. Такъ поступаетъ и Тюненъ, доказывая производительность сельско-хозяйственныхъ улучшеній и усовершенствованій ¹⁾, и Рошеръ, приводящій въ видѣ примѣра рыболова, который при помощи построенной имъ лодки и сѣтей ловить ежедневно въ десять разъ больше, чѣмъ до того времени ²⁾, и Леруа-Болье, по мнѣнію котораго капиталъ, глав-

¹⁾ Thuenen. Der isolirte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationaloekonomie. B. II. Abt. I. Rostock. 1850. p. 90—95.

²⁾ Roscher. Grundlagen der Nationaloekonomie. 14. Aufl. Stuttgart. 1879. p. 460.

нымъ образомъ въ видѣ орудій и зданій, доставляетъ возможность производить съ тѣми же усиліями гораздо большее количество продуктовъ или то же количество продуктовъ съ меньшими усиліями; такъ рыболовъ добываетъ при помощи лодки большее количество рыбы, чѣмъ безъ нея, охотникъ убиваетъ больше дичи лукомъ или ружьемъ, чѣмъ одними руками, работникъ производитъ съ помощью иглы или швейной машины больше продуктовъ, чѣмъ пальцами и т. д. ¹⁾ Совершенно ясно это высказано у Клейнвехтера: капиталомъ онъ называетъ исключительно орудія производства въ противоположность матеріаламъ и средствамъ существованія ²⁾. „Съ точки зрѣнія народнаго или общественнаго хозяйства (и въ физическомъ смыслѣ) мы не можемъ не признать — говорить Клейнвехтеръ—что во 1-хъ капиталъ есть ни что иное какъ орудіе производства, такъ какъ только онъ активно дѣйствуетъ въ производствѣ, тогда какъ матеріалы являются лишь пассивными носителями цѣнности; и во 2-хъ, что каждое орудіе производства обладаетъ извѣстными силами природы, тѣми же силами, которыя дѣйствуютъ во всей природѣ, между прочимъ и въ землѣ, а также въ организмѣ человѣка и животнаго. Если мы называемъ нашъ собственный трудъ или землю производительными, то не можемъ не признать производительной силы и въ орудіяхъ производства, такъ какъ то, что мы называемъ производительностью есть вѣдь ничто иное, какъ проявленіе силъ природы“ ³⁾. „Шерсть, которую фабрикантъ превратилъ въ сукно,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ—сукно, изъ котораго портной сдѣлалъ платье,—они ничего не произвели. Производителями въ первомъ случаѣ являлись прядильныя машины и ткацкій станокъ фабриканта, во второмъ случаѣ—игла и ножницы портнаго“ ⁴⁾.

¹⁾ Leroy—Beaulieu. *Traité théorique et pratique d'économie politique*. 2-céd. T. II. Paris. 1896 p. 91—92.

²⁾ Kleinwächter. *Die volkswirtschaftliche Produktion im allgemeinen* (Schoenberg. Handbuch der politischen Oekonomie. B. I.)

³⁾ Kleinwächter. *Das Einkommen und seine Verteilung*. Leipzig. 1896. p. 260.

⁴⁾ Kleinwächter: *Beitrag zur Lehre vom Kapitale*. *Jahrbücher für Nationaloekonomie*. 1867. B. IX. p. 322—23.

Въ этомъ направленіи теорію производительности еще дальше развилъ Страсбургеръ,—и у него, какъ у его предшественниковъ, капиталъ въ образѣ машинъ и аппаратовъ есть источникъ прибыли, именно вслѣдствіе того, что при его помощи становится возможнымъ пользованіе силами природы. „Капиталъ—утверждаетъ Страсбургеръ—дѣлаетъ возможнымъ пользованіе силами природы, которыя правда доступны всякому, но которыя могутъ быть примѣнены въ производствѣ только при помощи капитала. Такъ, напр., солнечный свѣтъ доступенъ всякому, но для того, чтобы сдѣлать снимокъ съ какого-либо предмета, нужно имѣть фотографическій аппаратъ; при отсутствіи его, невозможно воспользоваться свѣтомъ солнца для этой цѣли. Не каждый располагаетъ однако, приспособленіями, необходимыми для того, чтобы подчинить себѣ силы природы. Сила человѣка, работающаго съ небольшимъ капиталомъ, тратится на такія дѣйствія, которыя исполняются силами природы для другихъ людей, владѣющихъ большимъ капиталомъ. Поэтому дѣятельность силъ природы, когда ею можно воспользоваться только чрезъ посредство капитала, не является даромъ природы; она принимается во вниманіе при обмѣнѣ, и кто не располагаетъ капиталомъ, вынужденъ предоставить капиталисту продуктъ собственнаго труда за дѣйствіе силъ природы. Капиталъ, слѣдовательно, производитъ цѣнности; но роль его въ производствѣ совершенно отлична отъ той, которую въ ней играетъ трудъ... Тѣ люди, которые не имѣютъ собственнаго капитала, вынуждены платить за дѣятельность его собственнымъ трудомъ или, если они работаютъ при помощи чужого капитала, вынуждены отдать часть произведенныхъ цѣнностей“ ¹⁾).

Мысль, что производительность капитала (въ физическомъ отношеніи) есть результатъ пользованія силами природы при помощи капитала была высказана еще Сэ, и у другихъ сторонниковъ теоріи производительности ее можно найти въ той или другой формѣ; они обыкновенно говорятъ о капиталѣ какъ о соединеніи силъ природы съ трудомъ человѣческимъ. У Страсбургера это положеніе со-

¹⁾ Strassburger. Kritik der Lehre vom Arbeitslohn. Jahrbücher für Nationalökonomie. B. XVII. 1871. p. 325—326.

ставляетъ основу всей теоріи. „Цѣнность—говоритъ онъ—имѣетъ только то, что можно добыть посредствомъ какихъ-либо усилій (жертвъ) или напряженій (Anstrengungen). Слѣдовательно, правильно, когда говорятъ, что трудъ составляетъ субстанцію цѣнности; но подъ словомъ трудъ слѣдуетъ понимать человѣческую дѣятельность всякаго рода, не только жертвы, приносимыя въ видѣ отсутствія физическаго спокойствія или удобствъ; вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что дѣятельность силъ природы отождествляется съ трудомъ человѣка, если эта дѣятельность такого рода, что не всякій можетъ воспользоваться ею въ своихъ цѣляхъ“ ¹⁾. На этомъ и заканчивается доказательство Страсбургера; онъ не идетъ дальше и не задаетъ себѣ вопроса, почему дѣйствіе силъ природы, которое по общему правилу не имѣетъ никакой цѣнности, внезапно пріобрѣтаетъ ее въ томъ случаѣ, когда оно происходитъ при помощи того или другого аппарата; онъ не обращаетъ вниманія на то обстоятельство, что причина этого различія кроется очевидно не въ характерѣ силъ природы, а въ свойствахъ того аппарата, при помощи котораго онѣ дѣйствуютъ, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ необходимо располагать продуктомъ творческаго труда, для того, чтобы воспользоваться дѣйствіемъ силъ природы и что творческій трудъ и доставилъ капиталисту эту возможность. Въ приведенномъ имъ примѣрѣ (фотографированіе) солнечный свѣтъ дѣйствуетъ такъ же, какъ и во всѣхъ прочихъ случаяхъ и его дѣйствіе и въ данномъ случаѣ не можетъ имѣть цѣнности, цѣнность имѣетъ трудъ изобрѣтателей фотографіи, начиная съ Порты, изобрѣвшаго еще въ XVI вѣкѣ аппаратъ для сниманія, называемый camera obscura, вплоть до Дагера, которому удалось въ 1838 году получить при помощи свѣта простымъ способомъ сохраняемые на продолжительное время отпечатки предметовъ. Они подчинили себѣ силы природы; въ данномъ случаѣ солнечный свѣтъ, а вовсе не тѣ капиталисты, которые пріобрѣтаютъ изобрѣтенный ими аппаратъ.

Страсбургеръ прекрасно понимаетъ, что эти аппараты не могутъ быть отождествлены съ извѣстнымъ количе-

¹⁾ Strassburger. p. 330.

ствомъ физическаго труда. Но и тутъ онъ не доходитъ до конца. „Капиталь (читай: орудія производства) возникаетъ благодаря труду; съ этимъ всё согласны; однако, послѣдователи Адама Смита идутъ дальше. Трудъ—говорятъ они—сохраняетъ свои первоначальныя особенности даже послѣ превращенія его въ капиталъ. Капиталь есть ничто иное, какъ накопленный трудъ (физическій) и можетъ быть выраженъ въ формѣ извѣстнаго количества труда. Это сведеніе капитала къ труду—продолжаетъ онъ—можетъ происходить двоякимъ образомъ, либо путемъ изслѣдованія, сколько труда стоило созданіе извѣстнаго капитала, начиная съ первыхъ ступеней производства, либо путемъ вычисленія, сколько труда стоитъ воспроизведеніе капитала, т. е. сколько труда необходимо въ настоящее время при современной его производительности, для созданія капитала, или, говоря словами Маркса, сколько нужно затратить общественно—необходимаго рабочаго времени. Что первый способъ сведенія капитала къ труду невозможенъ, совершенно ясно. Надо вѣдь свести капиталъ къ чистому труду, т. е. къ труду, дѣйствующему безъ капитала: Такимъ образомъ, пришлось бы принять во вниманіе трудъ всякаго рода, какъ бы непродуцительнъ онъ ни былъ; въ то время, когда онъ происходилъ, необходимо было предпринять его, онъ не могъ быть болѣе производительнымъ, слѣдовательно, его надо отнести къ издержкамъ производства. Но при обмѣнѣ принимается во вниманіе только то количество труда, которое обладаетъ средней для настоящаго времени производительностью. За старый трудъ, менѣе производительный, нельзя получить столько же труда болѣе производительнаго. Поэтому въ капиталѣ нельзя усматривать всей массы труда, затраченной съ самаго начала въ его производствѣ. Не меньшимъ абсурдомъ является и сведеніе капитала къ труду въ томъ случаѣ, если мы будемъ исходить изъ издержекъ, необходимыхъ на воспроизведеніе его. Производительность труда зависитъ прежде всего отъ того, какъ великъ капиталъ, содѣйствующій труду. Поэтому, выражая издержки воспроизведенія въ трудѣ, мы всегда говоримъ объ общественно-необходимомъ трудѣ, т. е. о такомъ трудѣ, который происходитъ при помощи капитала; мы не въ состояніи узнать, какое количество чистаго труда можетъ

быть принято за эквивалентъ капитала; дѣятельность капитала каждый разъ остается, а она то и есть та неизвѣстная величина, которую мы хотимъ свести къ труду. Опредѣляя, сколько труда необходимо на воспроизведеніе всего существующаго въ настоящее время капитала, мы принимаемъ во вниманіе трудъ, происходящій при содѣйствіи капитала, т. е. намъ снова нужно свести тотъ же капиталъ къ труду и мы отъ рѣшенія задачи находимся такъ же далеко, какъ были въ самомъ началѣ“ ¹⁾.

Страсбургеръ довольно близко подходитъ къ рѣшенію вопроса о томъ, почему капиталъ не можетъ быть сведенъ къ труду, но именно то обстоятельство, что онъ говоритъ о сведеніи къ труду капитала, а не машинъ и аппаратовъ, не дало ему возможности вполне выяснитъ вопросъ. Немыслимость сведенія капитала къ труду обусловливается невозможностью сведенія идеи къ числу часовъ, потребныхъ на созданіе ея, а утвержденіе, что капиталъ или точнѣе машину можно выразить въ извѣстномъ количествѣ рабочихъ часовъ, есть результатъ смѣшенія отдѣльныхъ экземпляровъ данной машины съ воплощенной въ ней идеей. Если представляется вполне возможнымъ вычислить то количество часовъ исполнительнаго труда, которое необходимо на производство новаго экземпляра прядильной машины или парового двигателя, то въ то же время является совершенно невычислимымъ установить количество творческаго труда, которое воплощаютъ въ себѣ эти изобрѣтенія. Созданія творческаго труда не находятся ни въ какой связи съ количествомъ употребленнаго времени и поэтому самая мысль о сведеніи ихъ къ какому-либо числу рабочихъ часовъ должна быть признана абсурдомъ.

Это препятствіе—замѣна терминовъ машины, техническія усовершенствованія и т. п. словомъ „капиталъ“—мѣшало и всѣмъ другимъ сторонникамъ теоріи производительности уразумѣть дѣйствительную причину т. наз. производительности капитала, а между тѣмъ всѣ они, начиная съ Сэ (и слѣдующему) признавали (въ большей или меньшей степени) невозможность сведенія капитала къ труду. Еще Сэ замѣтилъ, что далеко не все равно увеличивать ли количество

¹⁾ Strassburger. p. 325.

т. наз. предыдущаго труда, или количество труда настоящаго, что огромная разница получалась въ зависимости отъ того обрабатывались ли матеріалъ того же качества на вновь появившихся машинахъ, или же примѣнялись прежніе ручные инструменты для изготовленія продуктовъ изъ матеріала лучшаго сорта. И другіе экономисты поняли, что со времени изобрѣтенія машинъ послѣднимъ принадлежитъ главная роль въ процессѣ производства, что онѣ вызвали экономическій переворотъ въ первой половинѣ XIX вѣка, что на ихъ счетъ должно быть поставлено сильное возрастаніе количества и цѣнности продуктовъ, совершившееся въ эту эпоху. И они отказывались приравнять новыя машины и ихъ дѣйствіе къ какому-либо количеству физическаго труда, ибо это значило бы утверждать, что и въ XIX вѣкѣ все осталось по старому, что съ появленіемъ машинъ измѣнилось лишь количество физическаго труда, затрачиваемаго въ производствѣ, характеръ же производства остался тотъ же, это значило бы отрицать переворотъ, происшедшій съ конца XVIII вѣка. Сущность этого переворота они усмотрѣли въ томъ, что благодаря машинамъ были примѣнены новыя силы природы, и остановились, такимъ образомъ, на поверхности, не проникнувъ глубже въ смыслъ экономическихъ явленій. Да это и вполне понятно, ибо послѣдователи Сэ и Лодердаля въ своихъ построеніяхъ все болѣе и болѣе удалялись отъ дѣйствительности, дѣлали свои выводы изъ немногихъ разъ навсегда принятыхъ (заимствованныхъ у Рикардо и Сэ) общихъ положеній, во многихъ случаяхъ совершенно не провѣряя ихъ фактами дѣйствительной жизни. И при анализѣ характера прибыли робинзонады часто замѣняли собою описанія экономической жизни XIX вѣка и примѣромъ производительнаго капитала служила не прядильная или вязальная машина и не паровой двигатель, а топоръ или лодка первобытнаго человѣка.

Въ результатѣ теорія производительности оказалась неспособной доказать, что источникъ прибыли заключается въ орудіяхъ производства. „Все что можетъ создать производительная сила капитала — говоритъ Бемъ-Баверкъ — это большое количество продуктовъ, а также большую цѣнность, но никакъ не избытокъ цѣнности. Прибыль съ капитала есть такой избытокъ, она есть разница, получаемая при

вычитаніи цѣнности потребленнаго капитала (вычитаемое) изъ цѣнности продукта, произведеннаго капиталомъ (уменьшаемое). Производительная способность капитала можетъ выразиться въ томъ, что уменьшаемое возрастаетъ. Но одновременно съ этимъ должно въ равной мѣрѣ возрасти и вычитаемое. Ибо та же производительность составляетъ основаніе цѣнности самаго капитала и ея размѣрами опредѣляется цѣнность капитала. Если капиталъ ничего не производитъ, то онъ не имѣетъ никакой цѣнности. Если онъ мало производитъ, то и цѣнность его незначительна; если онъ производитъ много цѣнностей, то его цѣнность велика и т. д., она всегда тѣмъ больше, чѣмъ больше можно произвести при его помощи, чѣмъ выше цѣнность продуктовъ, произведенныхъ капиталомъ. Поэтому—заключаетъ онъ—какъ бы велика ни была производительность капитала и какъ бы ни возрастало уменьшаемое, одновременно съ этимъ и въ томъ же размѣрѣ должно увеличиться и вычитаемое и никакого остатка, никакой избыточной цѣнности не получается“¹⁾).

Дѣйствительно, до тѣхъ поръ, пока рѣчь идетъ о капиталѣ, пока техническія усовершенствованія разсматриваются какъ капиталъ, немислимо доказать, что въ нихъ заключается источникъ прибыли, ибо предприниматель, производящій машины, при помощи которыхъ получается возможность пользоваться силами природы, имѣетъ всѣ основанія требовать за нихъ сумму, соотвѣтствующую ихъ цѣнности, т. е. той цѣнности, которая создается при ихъ помощи. Лишь отрѣшившись отъ понятія капитала и разсматривая машины какъ продуктъ творческаго труда, мы можемъ доказать, что вычитаемое не возрастаетъ въ той же мѣрѣ какъ уменьшаемое, такъ какъ изобрѣтатель представляетъ собою особый видъ работника и продавая продуктъ своего труда онъ не можетъ, подобно капиталисту, требовать всей его цѣнности.

Но такое рѣшеніе вопроса, усматривающее въ творческомъ трудѣ изобрѣтателя, присваиваемомъ капиталистомъ, источникъ прибыли, едвали удовлетворило бы сторонниковъ теоріи производительности. Первая теоріи производительности Сэ

¹⁾ Böhm-Bawerk. B. I. 2. Aufl. p. 227.

и Лодердаля были вызваны желаніемъ ввести поправки къ ученію Адама Смита и согласовать его съ измѣнившейся дѣйствительностью. Точно также и Тюненъ исходилъ изъ Адама Смита, ученикомъ котораго онъ самъ себя называлъ и доктрины котораго онъ старался развивать дальше. Но большинство послѣдующихъ сторонниковъ этой теоріи (Рошеръ, Страсбургеръ, Клейнвехтеръ, Леруа-Болье, Кэри и др.) имѣли въ виду и другую цѣль—цѣль оправданія дохода съ капитала, которой эти экономисты надѣялись достигъ, доказавъ, что прибыль получается отъ капитала, принадлежащаго капиталисту. Въ такомъ доказательствѣ ощущалась необходимость, ибо на сцену выступилъ цѣлый рядъ экономистовъ, утверждавшихъ, что прибыль съ капитала является результатомъ эксплуатаціи рабочихъ и этимъ наложившихъ позорное клеймо на данную отрасль дохода.

III.

Эксплоатаціонная теорія прибыли, усматривающая источникъ послѣдней въ трудѣ рабочаго, соответствуетъ тому второму источнику прибыли, который, какъ мы видѣли выше, дѣйствительно существовалъ въ разсматриваемую эпоху. Эта теорія исходитъ несомнѣнно изъ ученія о цѣнности Рикардо и составляетъ прямой выводъ изъ него. Но не подлежитъ сомнѣнію и то, что этотъ выводъ былъ сдѣланъ подъ вліяемъ фактовъ экономической дѣйствительности, въ особенности подъ впечатлѣніемъ, вызваннымъ промышленными кризисами въ Англіи 1815, 1818 и 1825 г.г. съ ихъ массовыми банкротствами, рѣзкимъ паденіемъ заработной платы, безработицей, голодомъ, грабежами, поджогами, уничтоженіемъ машинъ и другими ужасами; причемъ эти кризисы непосредственно слѣдовали за накопленіемъ огромныхъ богатствъ предпринимателями, начавшими примѣнять новыя машины и создавшими фабричную промышленность Англіи ¹⁾.

Свидѣтелемъ ихъ былъ уже Симонъ де Сисмонди. Онъ находилъ, что эти катастрофы, сопровождающіяся уничтоженіемъ огромнаго количества капитала и гибелью многихъ

¹⁾ См. Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы, 2 изд. гл. 1 и 2-

жизней, совершенно не согласуются съ тѣми отклоненіями рыночной цѣны отъ ея естественнаго уровня, которыя допускали Смитъ и Рикардо и которыя, по этому ученію, выравнивались очень легко, благодаря соотвѣтствующему измѣненію въ предложениі товаровъ. По его мнѣнію, эти ужасныя катастрофы свидѣтельствуютъ объ органическомъ недостаткѣ, кроющемся въ господствующемъ хозяйственномъ строѣ, результатомъ котораго и являются столь рѣзко выраженные періоды перепроизводства. Производство не образуется съ потребностями населенія и цѣлью его является не достиженіе благосостоянія всего общества, а накопленіе возможно большаго богатства въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, которыя стоятъ во главѣ его. Сисмонди противопоставляетъ вновь введенной системѣ свободной конкуренціи прежній, средневѣковій хозяйственный строй, въ которомъ каждый работаль, подмастерье становился съ теченіемъ времени самостоятельнымъ хозяиномъ, а крестьянинъ, хотя и находился въ крѣпостной зависимости отъ помѣщика, но обрабатывалъ предоставленный ему участокъ земли, ремесленникъ производилъ на опредѣленнаго заказчика и населеніе соотвѣтствовало средствамъ пропитанія. Наоборотъ, при господствѣ свободной конкуренціи все общество распадается на два класса, на владѣющій классъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ и на классъ рабочихъ фабричныхъ и сельскохозяйственныхъ. Первый наживается на счетъ послѣдняго ¹⁾).

„Человѣкъ, появляясь на свѣтъ—говорить Сисмонди—приноситъ съ собой потребности, которыя онъ долженъ удовлетворять для того, чтобы жить, стремленія, отъ которыхъ зависитъ его счастье, и рабочую силу или способность къ труду, благодаря которымъ онъ удовлетворяетъ и тѣ и другія. Эта способность къ труду является источникомъ богатства, ею онъ пользуется для удовлетворенія своихъ желаній и потребностей. Все, что имѣетъ для человѣка цѣну, произведено трудомъ; все произведенное имъ должно быть употреблено для удовлетворенія его потребностей“ ²⁾. От-

¹⁾ Simonde de Sismondi. Nouveaux principes d'économie politique ou de la richesse dans ses rapports avec la population. Paris. 1819. 2-е ed. 1827.

²⁾ Sismondi. 2-éd. T. I. p. 58.

сюда онъ выводитъ возникновеніе дохода. „Мы сказали, что всякое богатство есть продуктъ труда. Такъ какъ доходъ составляетъ часть богатства, то онъ долженъ также происходить изъ этого источника. Однако, вошло въ обычай подраздѣлять доходъ на три категоріи подъ именемъ ренты, прибыли и заработной платы, какъ возникающія изъ трехъ различныхъ источниковъ—земли, капитала и труда. Но если мы всмотримся ближе, то увидимъ, что эти три части дохода суть ничто иное, какъ три различныхъ способа участія въ продуктахъ труда человѣческаго“. Далѣе онъ объясняетъ, какимъ образомъ землевладѣлецъ и капиталистъ могутъ присваивать себѣ плоды труда рабочаго. Благодаря возможности подчиненія силъ природы власти человѣка, трудъ становится все болѣе и болѣе производительнымъ, создавая гораздо больше, чѣмъ это необходимо для удовлетворенія потребностей рабочаго. Поэтому, за покрытіемъ издержекъ, необходимыхъ на содержаніе рабочаго, остается еще излишекъ. Этотъ излишекъ поступаетъ въ пользу тѣхъ лицъ, которыя располагаютъ капиталами и землей, такъ какъ безъ участія послѣднихъ производство оказалось бы невозможнымъ. „Эти богатства содѣйствуютъ труду и тотъ, кому они принадлежатъ, отнимаетъ у рабочаго часть произведеннаго имъ продукта въ вознагражденіе за оказанную ему услугу. Еслибы рабочій владѣлъ землею, то къ нему бы поступала вся доставляемая ею рента, но такъ какъ земля составляетъ собственность другихъ лицъ, то послѣднія отнимаютъ часть продукта у рабочаго въ награду за предоставленіе ему въ пользованіе земли. Точно также рабочій не въ состояніи былъ сохранить достаточное количество предметовъ потребленія, которыми онъ могъ бы жить во время производства новыхъ продуктовъ, до продажи послѣднихъ; онъ также не имѣетъ матеріаловъ и машинъ, которыя облегчаютъ его трудъ и увеличиваютъ производительную способность его. Капиталистъ уступаетъ ему эти предметы, требуя за это вознагражденія и оставляя себѣ большую часть продуктовъ его труда... Такимъ образомъ, хотя рабочій производитъ значительно больше, чѣмъ необходимо на его содержаніе, тѣмъ не менѣе ему лишь въ рѣдкихъ случаяхъ остается послѣ дѣлежа съ капиталистомъ и землевладѣльцемъ больше,

чѣмъ нужно для удовлетворенія его насущныхъ потребностей“ ¹⁾).

Причину существованія столь низкой заработной платы Сисмонди усматриваетъ въ невыгодномъ положеніи рабочихъ сравнительно съ положеніемъ предпринимателей. „Ему средства существованія болѣе необходимы, чѣмъ предпринимателю его трудъ; ему нужны средства для жизни, тогда какъ предпринимателю нуженъ его трудъ для полученія прибыли“ ²⁾). При этомъ, по мнѣнію Сисмонди, печальное состояніе рабочихъ увеличивается съ возрастаніемъ населенія и часто весь доходъ предпринимателя есть ничто иное, какъ эксплуатація рабочаго. „Въ этомъ случаѣ онъ получаетъ прибыль не потому, что его предпріятіе доставляетъ больше того, чему равняются его расходы, а потому, что онъ не уплачиваетъ всей стоимости труда, потому что онъ не даетъ рабочему платы, соотвѣтствующей потребностямъ послѣдняго“ ³⁾).

Всякое новое изобрѣтеніе, всякая машина, сберегающая трудъ, должна, по мнѣнію Сисмонди, вызывать новое ухудшеніе положенія рабочаго, увеличивать степень эксплуатаціи его, такъ какъ она лишаетъ рабочаго заработка, приводитъ къ возрастанію количества безработныхъ, которые сбиваютъ другъ у друга заработную плату. Бѣдные становятся, такимъ образомъ, еще бѣднѣе при господствѣ системы свободной конкуренціи; свобода рабочаго класса является лишь номинальной, тогда какъ въ дѣйствительности онъ находится попрежнему въ рабской зависимости, а съ другой стороны предприниматели накопляютъ огромныя богатства на счетъ рабочихъ. Но и ихъ богатства недолговѣчны: они гибнутъ во время періодически наступающихъ кризисовъ, которые составляютъ послѣдствія той же эксплуатаціи рабочихъ, ибо накопленные капиталы необходимо употребить въ производствѣ, а рабочая сила предлагается за безцѣнокъ — и въ результатѣ получается перепроизводство ⁴⁾).

¹⁾ Sismondi. Т. I. p. 85—87.

²⁾ Sismondi. Т. I, p. 91.

³⁾ Ibid. Т. I p. 92.

⁴⁾ Ibid. Т. I. p. 403 и сл. Т. II. p. 312 и сл. 318 и сл. 332 и сл. 369 и сл. 433 и сл.

Однако далѣе Сисмонди дѣлаетъ рѣзкій поворотъ. Признавая, что землевладѣлецъ и капиталистъ живутъ продуктами труда рабочаго,—онъ въ тоже время находитъ это вполне правильнымъ: за услуги, оказываемыя рабочему въ видѣ предоставленія ему земли или капитала, землевладѣлецъ и капиталистъ получаютъ вознагражденіе въ видѣ части продукта его труда. Оказывается далѣе, что землевладѣлецъ первоначальной оккупаціей участка приобрѣлъ право на ренту, а право капиталиста на прибыль основывается на томъ трудѣ, которымъ произведенъ капиталъ, такъ что „каждый получаетъ лишь ту часть народнаго дохода которую создалъ онъ самъ или его предшественники“; для рабочаго же отдѣленіе труда отъ орудій производства даже выгодно, ибо располагая послѣдними, онъ вѣроятно неохотно брался бы за работу ¹⁾.

Словомъ, и на Сисмонди сказалось вліяніе Рикардо. Какъ ни отрицательно онъ относится къ Рикардо и англійской классической школѣ вообще, къ ея способу изслѣдованія, гдѣ придается значеніе лишь накопленію богатства, а на справедливое распредѣленіе его не обращается вниманіе,—но спокойствіе Рикардо, его взглядъ на существующее какъ на необходимое и естественное, отразился и на Сисмонди. Сисмонди не находилъ возможнымъ совершенно обходить молчаніемъ вопросъ о характерѣ прибыли, какъ не подлежащій обсужденію и само собою понятный, онъ считалъ себя обязаннымъ произвести анализъ какъ прибыли, такъ и другихъ институтовъ экономической жизни, которые разсматривались какъ установленные свыше, и при этомъ выяснитъ недостатки господствующаго хозяйственнаго строя. Но устранить ихъ, замѣнить существующую систему какою либо иной, болѣе совершенной,—на это и Сисмонди не рѣшался. Болѣе совершеннаго дѣйствительно осуществимаго хозяйственнаго строя онъ себѣ не представлялъ, возвращеніе же къ господствовавшей въ предыдущія столѣтія хозяйственной организаціи онъ признавалъ хотя и очень желательнымъ, но къ сожалѣнію дѣломъ невыполнимымъ. Свободная конкуренція, отдѣленіе труда отъ капитала, уступка рабочимъ части продукта своего труда пред-

¹⁾ Sismondi: T. I. p. 110—112.

принимателю—все это являлось и для Сисмонди вполне естественнымъ и необходимымъ и, поэтому, все это нужно было оправдать, доказать, что это даже выгодно съ общественной точки зрѣнія.

Неудивительно при такихъ условіяхъ, что послѣдующая литература отзывалась о немъ крайне разнорѣчиво, не зная въ сущности, къ какой группѣ экономистовъ его слѣдуетъ отнести, и въ то время какъ Книсъ считалъ его социалистомъ, а Моль весьма близкимъ къ этому направленію, другіе не только рѣшительно отрицали принадлежность Сисмонди къ социализму, но даже называли его реакціонеромъ, сближая его съ Адамомъ Мюллеромъ ¹⁾.

По своей нерѣшительности, по своему нежеланію отказаться отъ господствующаго хозяйственнаго строя, несмотря на признаніе его коренныхъ недостатковъ, естественно вытекающихъ изъ основъ организаціи, Сисмонди не является единственнымъ въ разсматриваемый періодъ. Весьма близко въ этомъ отношеніи подходитъ къ нему англичанинъ Томасъ Годжкинъ ²⁾. Годжкинъ противопоставляетъ естественнымъ экономическимъ законамъ — экономическіе законы, дѣйствующіе въ томъ или иномъ. періодѣ экономической жизни и находить, что законы, господствующіе при современномъ общественномъ строѣ, противорѣчатъ естественнымъ законамъ. Это нарушеніе естественныхъ законовъ состоитъ въ томъ, что рабочій, который производитъ своимъ трудомъ весь продуктъ, вынужденъ отдавать часть его даромъ капиталисту въ силу того лишь, что послѣднему принадлежитъ капиталъ. „Одинъ рабочій изготовляетъ инструменты, другой производитъ при ихъ помощи предметы, но продуктъ они не дѣлятъ между собой по справедливости, а вынуждены отдавать часть его капиталисту, который является лишь собственникомъ орудій производства, но самъ

¹⁾ См. о Сисмонди. Elster въ *Jahrbücher für Nationaloekonomie*. N. F. B. XIV. Eisenhart. *Geschichte der Nationaloekonomik*. B. III Kap. I a. Lippert въ *Handwört. der Staatswiss.* B. VI. Fournier de Flaix въ *Nouveau dictionnaire d'économie politique*. T. II. М. И. Туганъ-Барановскій (Ист. политич. экономіи, гл. VI) считаетъ Сисмонди предшественникомъ направленія социальныхъ реформъ.

²⁾ Относительно англійскихъ писателей XVIII вѣка, у которыхъ мы находимъ зачатки теоріи эксплуатаціи, см. Т. I. стр. 670 и сл.

въ производствѣ никакого участія не принимаетъ... Онъ пользуется своей собственностью или отдаетъ ее займы для того, чтобы принимать участіе въ продуктѣ или естественномъ доходѣ рабочаго и всякое накопленіе такой собственности въ его рукахъ представляетъ собою расширеніе его могущества, задерживаетъ ростъ народнаго богатства“¹⁾. Рабочіе получаютъ и получали во всѣ времена то, что необходимо для ихъ существованія; въ руки землевладѣльцевъ поступаетъ прибавочный продуктъ (*surplus produce*) наиболѣе плодородныхъ земель, а вся остальная часть продукта труда принадлежитъ капиталисту подъ именемъ прибыли за примѣненіе его капитала“²⁾.

Однако, рассматривая борьбу между капиталистами и рабочими, какъ борьбу честнаго труда съ бездѣліемъ, признавая, что эксплуатація со стороны капиталиста является причиной бѣдности рабочаго, и указывая на то, что законы издаются привилегированными классами общества и, поэтому, гарантируютъ доходы капиталистамъ, землевладѣльцамъ, духовенству, но не обезпечиваютъ рабочему продуктъ его труда, — Годжинъ въ то же время вовсе не возстаетъ ни противъ такого несправедливаго политическаго строя, ни противъ частной собственности, а требуетъ лишь реформъ, улучшенія законовъ о собственности. Онъ признаетъ правильнымъ господство конкуренціи при опредѣленіи заработной платы, но желалъ бы лишь, чтобы рабочіе путемъ организацій отвоевали у капиталистовъ возможно большую часть продукта³⁾.

Болѣе рѣзко высказываются противъ господствующаго хозяйственнаго строя два другіе представителя англійскаго социализма той же эпохи, слѣдующей за Рикардо, Джонъ

¹⁾ Hodgskin. Popular political economy. London. 1827. p. 245.

²⁾ Hodgskin. Labour defended against the claims of capital. London. 1825 p. 6. Любопытно и указаніе Годжинина на то, что не только рабочій, произведшій капиталъ, — инструментъ, машину, зданіе, — но и изобрѣтатель орудія производства заслуживаетъ вознагражденія. Но какъ рѣдко онъ получаетъ это вознагражденіе — прибавляетъ Годжинъ — и какъ мало соотвѣтствуетъ дѣйствительно получаемая изобрѣтателемъ плата той прибыли, которую доставляетъ постоянно изъ года въ годъ созданный имъ капиталъ.

³⁾ Ср. о Годжинѣ Halévie. Thomas Hodgskin. Paris. 1903.

Гре и Джонъ Френсисъ Бре. Первый опредѣляетъ весь доходъ Англии въ 430 милл. ф. ст., изъ коихъ производительные классы создаютъ 426 милл. или 54 ф. ст. въ годъ въ среднемъ каждый мужчина, женщина, или малолѣтній производительнаго класса. Получаетъ же каждый изъ нихъ не болѣе 11 ф. ст., т. е. всего $\frac{1}{5}$ изготовленнаго продукта ¹⁾; все остальное поступаетъ въ пользу непроизводительныхъ классовъ, которые составляютъ налогъ, лежащійся тяжелымъ бременемъ на производительное населеніе. Весь доходъ страны—утверждаетъ Гре—заключается въ количествѣ предметовъ, создаваемыхъ трудомъ, но онъ отнимается у производительнаго населенія въ формѣ ренты, дохода съ домовъ и денежныхъ капиталовъ, а также въ видѣ прибыли, извлекаемой тѣми, кто покупаетъ у производителей трудъ по одной цѣнѣ и продаетъ его по другой цѣнѣ. И такіе вычеты изъ продукта труда должны неминуемо существовать, пока господствуетъ свободная конкуренція. Гре требуетъ, чтобы всѣ были производительными членами общества и чтобы ни у кого не дѣлалось вычетовъ изъ продуктовъ его труда, возставая однако при этомъ противъ примѣненія насилія, и вообще сожалѣя, что ему приходится подобнымъ образомъ критиковать существующіе обычаи страны ²⁾ ³⁾. И Джонъ Френсисъ Бре указываетъ на то, что „всякая прибыль необходимо имѣетъ своимъ источникомъ трудъ, и прибыль празднаго класса неминуемо означаетъ потерю на сторонѣ работающаго класса... Капиталисты и собственники даютъ рабочему за недѣльный трудъ часть продукта, отнятаго у него въ предыдущую недѣлю... Вслѣдствіе этого, какъ ни посмотришь на дѣло, нигдѣ не найдется накопленнаго богатства, которое бы не являлось результатомъ грабежа... У рабочаго отнимаются $\frac{2}{3}$ принадлежащей

¹⁾ Ср. т. I. стр. 675.

²⁾ Gray. A lecture on human happiness. 1825. Составляетъ большую рѣдкость. Цит. по Foxwell. Geschichte der sozialistischen Ideen in England. р. XXXIV и сл.

³⁾ Впослѣдствіи и Гре всецѣло сталъ на точку зрѣнія классической школы и въ 1848 г. извинялся даже за то, что назвалъ въ 1831 г. свою книгу „Соціальная система“, хотя и пояснялъ, что тогда слово „соціальный“ еще не имѣло того смысла, какъ впослѣдствіи.

ему платы для сохраненія могущества и богатства тѣхъ, кто не работаетъ“ ¹⁾. И Бре, не допуская насильственнаго переворота, требуетъ однако съ цѣлью устраненія такой эксплуатаціи одной части населенія другою, замѣны частной собственности на средства производства общественной собственностью съ сохраненіемъ индивидуальной собственности на продукты.

Наиболѣе крупную личность среди писателей социалистическаго направленія, предшествующихъ Марксу, представляетъ собою Уилльямъ Томпсонъ. Подобно Годжкину, Джону Гре, Бре и другимъ ²⁾, онъ также принадлежитъ къ социалистическому направленію, возникшему на почвѣ теоріи цѣнности Рикардо, исходитъ также, какъ онъ и самъ указываетъ, изъ ученія послѣдняго, которое онъ понимаетъ въ томъ смыслѣ, что единственнымъ источникомъ богатства (цѣнности) является физическій трудъ ³⁾. Съ рѣдкой послѣдовательностью Томпсонъ доказываетъ полную непригодность господствующаго хозяйственнаго строя, невозможность дальнѣйшаго экономическаго прогресса при существующей системѣ распределенія. У него мы находимъ уже въ основныхъ чертахъ всю эксплуатаціонную теорію прибыли и поэтому его ученіе заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Какъ и Марксъ впоследствии, Томпсонъ выставляетъ въ качествѣ основнаго принципа положеніе, что одинъ лишь (физическій) трудъ создаетъ богатство, превращаетъ дары природы въ богатство (или—какъ мы въ на-

¹⁾ Bray. Labours wrongs and labours remedy. 1839. p. 49. 50. 61. 67.

²⁾ Среди послѣднихъ укажемъ еще на Edmonds'a (Practical Moral and Political Economy. 1828), который также рассматриваетъ прибыль, какъ вычетъ изъ труда рабочаго. Ср. Menger. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag. 3. Aufl. p. 83.

³⁾ Сочиненіе Томпсона вышло въ 1824 г., почти одновременно съ книгами Годжкина (1824 г.) и Гре (1825 г.)—въ эпоху борьбы за свободу рабочихъ организацій. Сочиненіе Годжкина было непосредственно вызвано дѣятельностью парламента въ этой области, но весьма возможно, что интересъ, вызванный рабочими ассоціаціями, являлся и въ отношеніи Томпсона и Гре тѣмъ стимуломъ, который побудилъ ихъ произвести пересмотръ вопросовъ, касающихся положенія рабочихъ при господствующемъ хозяйственномъ строѣ, и выяснитъ, каковы отношенія между трудомъ и капиталомъ.

стоящее время говоримъ — въ цѣнности) и что трудъ является единственнымъ, хотя и не всегда точнымъ, мѣриломъ цѣнности. Для того, чтобы тотъ или другой предметъ представлялъ собою богатство, онъ долженъ не только удовлетворять какія-либо потребности человѣка, но и быть результатомъ труда, того труда, который всегда и повсюду имѣетъ цѣнность и хотя оцѣнивается различно въ зависимости отъ ловкости и прилежанія, съ которымъ онъ соединенъ, но все-таки можетъ служить наилучшимъ средствомъ, измѣряющимъ цѣнность предметовъ. „Среди различныхъ предметовъ, которыми мы способны удовлетворять наши потребности,—говоритъ Томпсонъ—мы едва ли найдемъ хоть одинъ, за которымъ бы не отрицали тутъ или тамъ характеръ богатства. Есть племена, у которыхъ ни хлѣбъ ни шерстяныя или бумажныя ткани, ни рисъ, ни золото или серебро не признаются объектами цѣнности или богатства, однако нѣтъ ни одной народности, ни одного человѣческаго существа, которые бы не считали трудъ цѣнностью. Для всѣхъ людей, невѣжественныхъ и образованныхъ, бѣдныхъ и богатыхъ, добрыхъ и злыхъ, трудъ составляетъ предметъ цѣнности, онъ является цѣной, которая уплачивается человѣкомъ за возможность существованія, какъ и за предметы, при помощи которыхъ онъ удовлетворяетъ свои потребности“¹⁾.

Разсужденія о томъ, что трудъ цѣнится всѣми и всегда едва ли могутъ кого-либо удовлетворить; наоборотъ, факты свидѣтельствуютъ о томъ, что въ первобытную хозяйственную эпоху человѣкъ цѣнитъ трудъ столь же мало, какъ и бумажныя или шерстяныя ткани, о которыхъ упоминаетъ Томпсонъ, и представление о цѣнности труда возникаетъ лишь весьма медленно, какъ и вообще человѣкъ только постепенно научается работать и трудъ становится для него средствомъ удовлетворенія потребностей²⁾. Однако не слѣдуетъ упускать изъ виду, что эксплуатаціонная теорія у Томпсона

¹⁾ William Thompson. An inquiry into the principles of distribution of wealth most conducive to human happiness, applied to the newly proposed system of voluntary equality of wealth. London. 1824. Цит. по нѣм. пер. (Oswald Collmann) съ этого перваго англ. изд. (Berlin. 1903). p. 48.

²⁾ См. объ этомъ Bücher. Entstehung der Volkswirtschaft. 5 Aufl. p. 20. 65 и первый томъ „Эволюціи прибыли“ стр. 59.

(какъ и послѣдующихъ сторонниковъ ея) не вытекаетъ въ сущности вовсе изъ его трудовой теоріи цѣнности,—не признавая послѣднюю доказанной¹⁾, можно все-таки согласиться съ его указаніями на то, что прибыль съ капитала происходитъ изъ труда рабочаго. Лишь съ цѣлью увеличенія суммы человѣческаго счастья — продолжаетъ Томпсонъ — человѣкъ затрачиваетъ трудъ на добываніе богатствъ и чѣмъ больше приобрѣтаемыя богатства, тѣмъ значительнѣе и наслажденіе, получаемое отъ нихъ. Богатства должны быть распределены для того, чтобы они могли быть потреблены, и наилучшимъ является такое распределеніе, при которомъ богатство доставляетъ наибольшее количество счастья обществу. Всѣ люди (за исключеніемъ обладающихъ физическими недостатками) физически равны и поэтому равно способны къ наслажденію; при такихъ условіяхъ очевидно счастье большаго количества людей слѣдуетъ предпочесть счастью меньшаго количества, иначе цѣль доставленія обществу возможно большей суммы счастья не будетъ достигнута. Къ этому присоединяется, однако, еще то соображеніе, что это большинство является вмѣстѣ съ тѣмъ — Томпсонъ адѣсь отъ абстрактныхъ разсужденій переходитъ къ дѣйствительной жизни — и наиболѣе нуждающимся, оно, слѣдовательно, имѣетъ двойное основаніе претендовать на такое распределеніе богатствъ, которое доставляло бы ему наибольшую сумму наслажденій. Возставая, подобно Адаму Смиту, противъ ученія (XVIII вѣка), согласно которому рабочіе классы должны получать ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы они продолжали работу, но не болѣе²⁾, Томпсонъ находитъ, что наоборотъ, при распределеніи богатствъ необходимо имѣть въ виду прежде всего интересы этихъ производительныхъ классовъ, составляющихъ большинство, и не только въ видахъ наиболѣе справедливаго распределенія, но и съ цѣлью дальнѣйшаго роста

¹⁾ При этомъ Томпсонъ указывая первоначально, что затрата труда на какой-либо предметъ превращаетъ его въ богатство, прибавляетъ однако далѣе (р. 36), что предметы, наличность которыхъ сберегаетъ трудъ, являются богатствомъ, хотя бы и не стоили труда, и что цѣнность опредѣляется не только количествомъ затраченнаго, но и количествомъ сбереженнаго труда (р. 44).

²⁾ См. т. I. стр. 570 и сл.

производства. Увеличеніе богатствъ не можетъ служить конечной цѣлью хозяйства, но оно необходимо для того, чтобы можно было распредѣлять наибольшее количество богатствъ среди общества и поѣтому всякое распредѣленіе, тормозящее продолженіе производства и ростъ его, подобно ребенку, разрывающему внутренности своей же матери“.

Приводя такимъ образомъ производство и распредѣленіе въ неразрывную связь, Томпсонъ находитъ и тотъ принципъ, на которомъ должно быть построено распредѣленіе для того, чтобы оно удовлетворяло обоимъ требованіямъ: и доставляло наибольшую сумму наслажденій обществу, т. е. производительнымъ классамъ, составляющимъ большинство, и содѣйствовало дальнѣйшему росту производства. Этотъ принципъ заключается въ предоставленіи производителю, рабочему полнаго продукта его труда. Только въ этомъ случаѣ у рабочаго имѣется достаточный стимуль къ труду, ибо только будучи увѣренъ въ томъ, что всѣ плоды его труда поступаютъ въ его пользу, человѣкъ способенъ преодолѣть присущее ему отвращеніе къ труду, къ напряженію своихъ силъ. Только въ этомъ случаѣ происходитъ дѣйствительно добровольный обмѣнъ, а не отнятіе одной стороной у другой части принадлежащаго ей продукта. Ибо кому какъ не тому, кто произвелъ его, и долженъ принадлежать продуктъ? Къ этому еще присоединяется то обстоятельство, что тотъ, кто насильственно отнимаетъ (ибо это не происходитъ добровольно) у рабочаго часть продукта его труда, хотя бы и небольшую, лишаетъ при этомъ рабочаго гораздо большаго, чѣмъ онъ самъ выигрываетъ отъ присвоенія этого продукта. Вѣдь въ то время, какъ отнятіе у производителя каждой дальнѣйшей части продукта его труда или отнятіе у каждаго слѣдующаго производителя части его продукта доставляетъ ему новое лишеніе въ одинаковой степени какъ и предыдущее, то наслажденіе, которое извлекаетъ лицо, присваивающее себѣ эти части продукта, не возрастаетъ въ равной мѣрѣ, ибо каждая новая частица доставляетъ ему меньшее наслажденіе, чѣмъ предыдущая, пока оно наконецъ не понижается до нуля. Мы находимъ здѣсь у Томпсона разсужденія о понижающейся конкретной полезности каждой послѣдующей единицы запаса, такъ какъ она удовлетворяетъ менѣе важныя потребности, сходныя съ тѣми, кото-

рмя высказала въ послѣдствіи т. наз. австрійская школа. Первая конкретная сотня предметовъ—говоритъ онъ—необходима для охраненія жизни, вторая доставляетъ дѣйствительныя удобства, третья—мнимыя удобства, удовлетворяетъ установившіяся привычки, четвертая—доставляетъ уже только удовольствія, пятая же сотня заставляетъ отыскивать какія либо новыя сомнительныя наслажденія. Въ результатъ чѣмъ больше отнятъ у производителя продуктъ, тѣмъ сравнительно меньшее наслажденіе получается отъ обладанія имъ, и послѣднія конкретныя сотни предметовъ уже почти никакого плюса не обозначаютъ и присваиваются единственно по привычкѣ и ради удовольствія, сопряженнаго съ накопленіемъ. Фунтъ стерл. доставляетъ рабочему значительное количество дѣйствительныхъ удовольствій и охраняетъ его отъ нужды. Но развѣ тотъ же фунтъ ст. доставитъ обладателю милліона хотя бы десятую, сотую, тысячную часть этихъ удовольствій? ¹⁾

Между тѣмъ въ дѣйствительности рабочій постоянно лишается части продуктовъ своего труда и тѣ самыя лица, которыя всячески защищаютъ и охраняютъ богатство и его обладателей, вовсе и не думаютъ о защитѣ труда: настаивая на томъ, что ни одинъ атомъ богатства, продуктовъ труда не можетъ быть отнятъ у владѣльца ихъ безъ уплаты ему надлежащаго эквивалента (который онъ признаетъ достаточнымъ), они столь же энергично утверждаютъ, что трудъ можетъ быть отнятъ у его владѣльца безъ возмѣщенія ему равноцѣнности ²⁾. „Начиная отъ захватовъ со стороны дикаго предводителя пастушескаго племени по отношенію къ сосѣднимъ племенамъ до неограниченной власти деспотическаго государя древняго Востока и затѣмъ вплоть до нынѣшняго времени, проходя чрезъ всѣ многообразныя формы государства, при которыхъ всегда на первомъ планѣ стояли различные частныя интересы,—распредѣленіе богатствъ, съ большей или меньшей ловкостью, всегда устанавливалось такимъ образомъ, что господствующая партія обогащалась на счетъ большинства, т. е. производительныхъ рабочихъ, отнимая у нихъ посредствомъ

¹⁾ Thompson. p. 136—144.

²⁾ Ibid. p. 162.

насилія продукты ихъ труда вмѣсто того, чтобы приобрѣтать ихъ путемъ добровольнаго обмѣна“¹⁾).

„Вычеты изъ продукта—продолжаетъ Томпсонъ въ другомъ мѣстѣ—въ различныхъ странахъ и въ одной и той же странѣ въ различныя времена, а равно въ зависимости отъ характера труда, весьма разнообразны, но не менѣе половины продукта своего труда производитель лишается по-видимому и тамъ, гдѣ имѣются наиболѣе значительные капиталы, и конкуренція среди капиталистовъ, поскольку она выгодна рабочимъ, достигаетъ наибольшихъ размѣровъ. Изъ продукта своего труда рабочій уплачиваетъ прежде всего за жилище (рабочій въ шерстяной или хлопчатобумажной индустріи, зарабатывающій въ годъ 30 фунтовъ, платитъ около 5 ф.), причемъ въ эту плату входитъ особый процентъ въ пользу домовладѣльца; далѣе, изъ его продукта вычитается процентъ съ капитала, вкладываемаго работодателемъ въ производство въ видѣ зданій, сырья, машинъ и инструментовъ и заработной платы—величина капитала (основного и оборотнаго) приходящаяся на каждаго рабочаго, составляетъ 30—100 ф., которые доставляютъ въ среднемъ прибыль въ 10 ф.—онъ также не можетъ имѣть иного источника, нежели цѣнность, которую присоединяетъ трудъ къ сырому матеріалу, ибо сырье, зданія, инструменты, плата ничего не могутъ прибавить къ ихъ собственной цѣнности—вся присоединяющаяся къ нимъ цѣнность происходитъ отъ труда“. Вслѣдствіе этого, рабочій лишается приблизительно половины продукта изъ 30 ф.—15.

„Правда, могутъ возразить, что трудъ одинъ, безъ участія капитала въ видѣ машинъ, сырья и т. п. былъ бы сравнительно непродизводителенъ, такъ что вполне справедливо, если рабочій за пользованіе этими предметами, при отсутствіи которыхъ его усилія были бы безрезультатны, что-либо уплачиваетъ. Онъ вынужденъ за пользованіе ими платить, коль скоро онъ самъ, къ несчастью, не владѣетъ ими; вопросъ заключается лишь въ томъ, сколько необходимо вычесть изъ продукта его труда. Можно примѣнять масштабъ двоякаго рода—масштабъ рабочаго и масштабъ капиталиста. Согласно первому, рабочій обязанъ платить сумму

¹⁾ Thompson. I. p. 178.

соотвѣтствующую амортизаціи основнаго капитала, а также затраченному оборотному капиталу, къ которой еще должно присоединяться вознагражденіе въ пользу владѣльца капитала, которое бы давало ему возможность вести такой образъ жизни, какой доступенъ наиболѣе производительнымъ рабочимъ. Согласно же масштабу капиталиста, ему принадлежить весь плюсъ, который получается вслѣдствіе примѣненія машинъ и другихъ видовъ капитала при прежнемъ количествѣ труда. Вся эта добавочная цѣнность должна поступать въ пользу капиталиста за то умѣнье и способности, благодаря которымъ онъ накопилъ капиталъ и предоставилъ его въ пользованіе рабочимъ. Разница между обоими масштабами огромная—это разница между почти полнымъ равенствомъ и чрезмѣрнымъ богатствомъ на одной сторонѣ, бѣдностью на другой сторонѣ... Въ дѣйствительности господствующимъ не является ни тотъ, ни другой масштабъ, а совершенной иной, третій, лежащій посрединѣ и являющійся результатомъ борьбы между обѣими сторонами съ ихъ разнородными интересами, почему онъ и является инымъ въ каждомъ обществѣ, въ зависимости отъ тысячи различныхъ моментовъ. Масштабъ капиталиста, будучи послѣдовательно проведенъ на практикѣ, подъ вліяніемъ стремленія его накоплять или присваивать себѣ продукты труда, привелъ бы къ уничтоженію производства. Масштабъ же рабочаго не можетъ господствовать безъ всеобщаго распространенія образованія и справедливости. По мѣрѣ того, какъ съ возрастаніемъ богатства, было устранено насиліе и обманъ положеніе дѣлъ приняло направленіе болѣе близкое къ масштабу рабочаго и всякая попытка, противодѣйствовать этому путемъ законодательства или иными способами, является результатомъ эгоизма и невѣжества и сокращаетъ количество наслажденія, получающагося отъ производимыхъ богатствъ“¹⁾.

Такимъ образомъ, Томпсонъ, утверждая, что прибыль съ капитала является результатомъ отнятія у рабочаго части продукта его труда, въ то же время признаетъ, что свободная конкуренція, которую онъ ставитъ значительно выше прежней системы монополій, такъ на заработную

¹⁾ Thompson. I. p. 284—287. 294.

плату; установленныхъ въ ущербъ рабочему, и т. п.¹⁾ въ этомъ отношеніи создала извѣстную перемѣну къ лучшему, сокративъ ту часть продукта, которую рабочій вынужденъ отдавать капиталисту. У Томпсона вся суть заключается именно въ количествѣ, а не въ качествѣ, въ размѣрѣ части отчисляемой изъ продукта труда рабочаго. Извѣстную небольшую прибыль онъ признаетъ вполне правильной, такъ какъ и капиталистъ долженъ существовать, онъ, слѣдовательно, не возстаетъ, вообще говоря, противъ господства нетрудоваго дохода, но находитъ лишь несправедливымъ такое состояніе общества, когда подъ влияніемъ высокой прибыли, извлекаемой изъ труда рабочаго, существуетъ классъ богачей, ничего не производящихъ, съ одной стороны и классъ бѣдняковъ-производителей, съ другой стороны. Томпсонъ занимаетъ, слѣдовательно, середину между писателями XVIII вѣка, усматривавшими въ трудѣ единственный источникъ бѣдности, и социалистами 40-хъ—60-хъ годовъ XIX в., рѣзко установившими положеніе, что капиталистъ эксплуатируетъ рабочаго, выдавая ему въ заработной платѣ лишь часть созданнаго рабочимъ продукта²⁾. Если Сисмонди болѣе ясно и опредѣленно сформулировалъ взглядъ Адама Смита, что прибыль составляетъ вычетъ изъ продукта труда рабочаго, признавая однако вмѣстѣ съ нимъ такое положеніе въ значительной мѣрѣ допустимымъ, то Томпсонъ оказался послѣдователемъ англійскихъ социалистовъ XVIII вѣка, распространивъ положеніе о томъ, что богатые эксплуатируютъ бѣдныхъ, относившееся къ землевладѣльцамъ, и на капиталистовъ. Но онъ считалъ еще нужнымъ доказывать невыгодность для общества и несправедливость такихъ вычетовъ и рассчитывалъ на то, что они постепенно сократятся. Научный социализмъ послѣдующихъ десятилѣтій уже отбросилъ эти дополненія и воспринялъ лишь основное положеніе объ эксплуатациіи рабочаго капиталистомъ путемъ присвоенія части продукта труда и ничего хорошаго не ожидалъ отъ господствующаго хозяйственнаго строя, который способенъ только еще болѣе

¹⁾ См. Thompson. Chap. I, sec. 12.

²⁾ См. т. I, гл. IX.

усилить эксплуатацію и еще болѣе ухудшить положеніе рабочаго класса.

IV.

Какъ указываетъ Антонъ Менгеръ, французскимъ социалистамъ XVIII вѣка еще совершенно неизвѣстенъ тотъ принципъ, что рабочему долженъ принадлежать весь продуктъ. Мелье, Морелли, Мабли рѣшительно выступаютъ противъ института частной собственности, но ихъ протестъ покоится на томъ соображеніи, что этотъ институтъ является источникомъ многочисленныхъ пороковъ, въ особенности гордости и эгоизма. И точно также ни у Бабефа, ни у Сень-Симона или Фурье, сочиненія которыхъ относятся къ первымъ десятилѣтіямъ XIX вѣка, нѣтъ указаній на вычеты, дѣлаемая землевладѣльцами и капиталистами изъ продукта труда рабочаго ¹⁾. Наоборотъ, Сень-Симонъ относитъ къ наиболѣе полезнымъ членамъ общества также и крупныхъ предпринимателей въ сферѣ индустріи, торговли и кредита и подѣ промышленными классами общества онъ обыкновенно разумѣетъ не только рабочихъ, но и предпринимателей-капиталистовъ, противопоставляя и тѣхъ и другихъ классу землевладѣльцевъ и праздныхъ капиталистовъ, къ которымъ онъ причисляетъ и представителей денежнаго капитала ²⁾ ³⁾.

Лишь у послѣдователей Сень-Симона, быть можетъ, подѣ влияніемъ сочиненія Томпсона, вышедшаго какъ разъ въ это время ⁴⁾, мы находимъ указаніе на то, что земельная рента и прибыль съ капитала составляютъ налогъ, уплачиваемый рабочими празднымъ землевладѣльцамъ и капиталистамъ за то, что послѣдніе предоставляютъ имъ средства производ-

¹⁾ Menger. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag. 3. Aufl. p. 61—62. 64—65.

²⁾ Ср. Туганъ-Барановскій. Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи. 2 изд. стр. 103.

³⁾ У Фурье идетъ рѣчь о нетрудовомъ доходѣ капиталистовъ, который долженъ сохраниться и въ фаланстерѣ, хотя и сокращается по сравненію съ существующими размѣрами его ($\frac{1}{10}$ продукта поступаютъ въ фаланстерѣ въ пользу владѣльцевъ капитала).

⁴⁾ А. Menger. p. 67.

ства ¹⁾, а въ статьѣ, помѣщенной въ „Globe“ 9 февраля 1831 г. прямо говорится, что устанавливая принципъ распредѣленія—каждому по его трудамъ, сенъ-симонисты стремятся „къ постепенному уничтоженію всёхъ налоговъ, уплачиваемыхъ трудомъ въ пользу праздности подъ различными названіями арендной платы и процента съ промышленнаго и денежнаго капитала.., къ тому, чтобы тотъ кто посѣялъ, и могъ пожать плоды, чтобы продукты труда рабочихъ классовъ не поглощались праздными классами, ничего не дѣлающими, ничего не знающими и любящими только себя“.

Однако цѣльную теорію прибыли, основанной на эксплуатаціи рабочихъ, создалъ изъ французскихъ социалистовъ только одинъ Прудонъ. *Qu'est ce que la propriété?*—спрашиваетъ Прудонъ въ сочиненіи, напечатанномъ въ 1840 г. подъ этимъ заглавіемъ, и отвѣчаетъ: *la propriété c'est le vol.* „Политическая экономія — говоритъ Прудонъ — разсматриваетъ производство, распредѣленіе и потребление богатствъ или цѣнностей. Но какихъ цѣнностей? Цѣнностей, являющихся результатомъ человѣческаго труда, т. е. тѣхъ измѣненій, которымъ человѣкъ подвергаетъ матерію, для того, чтобы воспользоваться ею для удовлетворенія своихъ потребностей, но онъ вовсе не интересуется тѣмъ, что произведено непосредственно природою... Природа представляетъ собою какъ бы обширный матеріаль для извлеченія богатствъ и для производства ихъ, но въ хозяйственномъ смыслѣ, по отношенію къ человѣку, продукты, доставляемые ею, еще не являются вовсе продуктами. Точно также непроизводительны и капиталы, инструменты и машины... Соедините даже вмѣстѣ орудія производства и матеріалы, бросьте плугъ и сѣмена на плодородную землю, устройте кузницу и зажгите въ ней огонь,—вы все-таки никакого продукта не получите... Такимъ образомъ, инструменты и капиталы, земля, трудъ—каждое въ отдѣльности, разсматриваемые обстрактно, могутъ быть названы производительными лишь въ переносномъ смыслѣ. Собственникъ, требующій вознагражденія за пользованіе его инструмен-

¹⁾ Producteur. T. I. 1825. p. 243. (Considérations sur la baisse progressive du loyer des objets mobiliers et immobiliers).

томъ или производительной способностью его земли, исходить, следовательно, изъ совершенно неправильнаго предположенія, будто бы капиталы сами по себѣ что-либо создаютъ; и заставляя другого уплачивать ему за этотъ мнимый продуктъ, онъ буквально получаетъ что-то за ничто“. Поэтому „всякій владѣлецъ земель, домовъ, движимаго имущества, машинъ, инструментовъ, денегъ, отдающій взаймы свою собственность за цѣну, превышающую расходы на починку, которые покрываются займодавцемъ, есть обманщикъ, виновный въ мошенничествѣ и вымогательствѣ. Словомъ, всякая плата за пользованіе подъ видомъ возмѣщенія убытковъ, въ дѣйствительности же въ качествѣ процента, составляетъ дѣйствіе, вытекающее изъ права собственности, представляетъ собой кражу“¹⁾.

Прудонъ проводитъ извѣстную басню Федра о томъ, какъ левъ дѣлилъ добычу на четыре части: первая принадлежитъ мнѣ какъ льву, вторую вы должны мнѣ отдать за мою храбрость, третья составляетъ мою долю какъ сильнѣйшаго, а кто дотронется до четвертой части, тому плохо придется. Онъ находитъ, что то же могъ бы сказать и собственникъ въ настоящее время—одну часть онъ присваиваетъ себѣ въ качествѣ предпринимателя, вторую за трудъ (диспозитивный), третью какъ капиталистъ и четвертую въ качествѣ собственника²⁾. Основной законъ хозяйственной жизни—говоритъ Прудонъ далѣе—состоитъ въ томъ, что для того, чтобы производитель существовалъ, онъ долженъ быть въ состояніи приобрести за свою заработную плату продуктъ своего труда. Между тѣмъ въ дѣйствительности заработная плата всегда меньше созданнаго имъ продукта: „ты его произвелъ, но ты его не получишь“—таковъ принципъ. Во Франціи 20 милл. работниковъ во всѣхъ отрасляхъ науки, искусства, промышленности производятъ предметы, необходимые человѣку; сумма ихъ рабочихъ дней составляетъ, допустимъ, цѣнность въ 20 миллиардовъ. Однако, въ виду существованія частной собственности и многочисленныхъ платежей, премій, десятинъ, прибылей, аренд-

¹⁾ Proudhon. Qu' est ce que la propriété? Paris. 1840. Цит. по изд. 1867 г. р. 131—133.

²⁾ Ibid. р. 147.

ныхъ платъ, рентъ, барышей всевозможнаго рода и вида продукты оцѣниваются предпринимателями и хозяевами въ 25 милліардовъ. Что это значитъ? Ничто иное, какъ то, что работники, которымъ приходится покупать эти самые продукты для того, чтобы жить, вынуждены покупать за 5 единицъ то, что они произвели за 4, или, что то же самое, вынуждены изъ пяти дней одинъ день поститься“¹⁾.

Но Прудонъ вовсе не сторонникъ уничтоженія частной собственности, — онъ возстаетъ противъ коммунизма, который считаетъ системой рабства, создающей еще болѣе опасное неравенство, чѣмъ то, которое господствуетъ въ настоящее время. Для устраненія существующихъ нынѣ злоупотребленій, Прудонъ предлагаетъ создать народный банкъ, который давалъ бы рабочимъ возможность производить безъ помощи капиталистовъ и взаимно обмѣнивать свои продукты, — такимъ образомъ частная собственность сохранится, но дохода, отнимаемаго у рабочаго, приносить не будетъ.

Такой же выводъ изъ трудовой теоріи цѣнности Рикардо, какъ англійскіе социалисты, сдѣлала и нѣмецкая школа такъ наз. научнаго социализма въ лицѣ ея главнѣйшихъ представителей — Лассалья, Родбертуса, Маркса. По ученію Лассалья, прибыль съ капитала есть явленіе новаго времени — прежде капитала въ смыслѣ источника дохода, не основаннаго на собственномъ трудѣ, не существовало. Поэтому капиталъ является не логической, а исторической категоріей, появляющейся лишь при извѣстныхъ условіяхъ экономической жизни и исчезающей вмѣстѣ съ ними. Есть — говоритъ онъ — историческія эпохи, когда существуютъ орудія производства, когда происходитъ обмѣнъ и когда все-таки нѣтъ капитала. Въ древности не было капитала: рабы производили для своего господина одни лишь предметы потребленія, но не капиталы. Въ средніе вѣка крѣпостной обязанъ выполнять всевозможныя повинности; онъ обязанъ доставлять помѣщику продукты своего труда. Но особенность заключается въ томъ, что всѣ повинности и всѣ приношенія крѣпостнаго годны лишь для личнаго потреб-

¹⁾ Proudhon. p. 148—150. См. также его главный трудъ: *Système des contradictions économiques ou philosophie de la misère*, особ. P. I. ch. II § 2 (constitution de la valeur) и § 3 (application de la loi de proportionnalité des valeurs). 2 éd. 1850. p. 80 и сл.

ленія помѣщика, но не для созданія капиталовъ. Онъ въ состояніи потребить эти продукты немедленно или сохранить ихъ для будущаго потребленія, но онъ не можетъ заставить ихъ производить новые продукты. То же мы наблюдаемъ и въ средневѣковой промышленности. Цеховой мастеръ не можетъ помѣстить своего имущества въ какое-либо предпріятіе для извлеченія изъ него новыхъ цѣнностей. Тѣ деньги, которыя онъ зарабатываетъ,—мертвые деньги, а не живые. На нихъ можно купить предметы потребленія, но они не имѣютъ производительной силы. Но есть одна отрасль дѣятельности и въ средніе вѣка, которая содѣйствуетъ появленію капитала—внѣшняя торговля: Быстрый ростъ этой торговли начинается съ того времени, когда найденъ былъ новый путь въ Индію, когда была открыта Америка и оттуда привезена масса золота: появился капиталъ, сначала торговый, а затѣмъ и промышленный, появились деньги, которыя стали доставлять новыя деньги—прибыль ¹⁾).

Прибыль, по теоріи Лассалю, есть продуктъ труда рабочаго, она излишекъ сверхъ того, что необходимо рабочимъ для жизни, ибо заработная плата при господствующемъ хозяйственномъ строѣ не можетъ превышать цѣнности самыхъ насущныхъ потребностей рабочаго. „Высота заработной платы, цѣна труда, устанавливается тѣми же факторами, какими опредѣляется цѣна всякаго другого товара, т. е. отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ. Но чѣмъ же опредѣляется отношеніе между спросомъ и предложеніемъ? Ничѣмъ инымъ, какъ необходимыми издержками производства, а послѣднія въ свою очередь соотвѣтствуютъ необходимымъ потребностямъ рабочаго и его семейства“ ²⁾).

¹⁾ Lassale. Herr Bastiat-Schulze von Delitzsch, der ökonomische Julian oder Kapital und Arbeit. 1864. Цитир. по чикагскому изд. (года нѣтъ), стр. 127—138.

²⁾ Bastiat-Schulze, p. 143. Этотъ такъ-называемый желѣзный законъ заработной платы яенѣ выраженъ въ отвѣтѣ центральному комитету для созыва всеобщаго конгресса нѣмецкихъ рабочихъ въ Лейпцигѣ въ 1863 г. „Желѣзный экономическій законъ—писалъ Лассаль—которымъ опредѣляется заработная плата при современныхъ условіяхъ, при господствѣ спроса и предложенія на трудъ, таковъ: средняя заработная плата всегда остается на уровнѣ насущныхъ средствъ жизни, которыя необходимы, согласно обычаю, данному на

Этимъ-то различіемъ между цѣнностью продукта и цѣнностью труда объясняется существованіе прибыли съ капитала, такъ какъ весь излишекъ, за покрытіемъ необходимыхъ издержекъ на заработную плату, матеріалы и машины, поступаетъ въ пользу капиталиста. Что касается машинъ, то онѣ, по мнѣнію Лассалья не могутъ быть источникомъ прибыли, ибо онѣ являются продуктами труда. „Не говорите мнѣ о машинахъ — возражаетъ онъ Шульце-Деличу, — которыя будто бы произвели этотъ доходъ, благодаря своей производительной силѣ. Машины суть продукты труда, какъ и все остальное, а я понимаю подъ рабочими всѣхъ рабочихъ, которые трудились надъ созданіемъ продукта, и машиностроителей, и производителей матеріаловъ, и горныхъ рабочихъ и т. д.“. Онъ указываетъ также на невозможность объяснить доходъ личнымъ трудомъ предпринимателя, говоря, что эту послѣднюю часть дохода легко вычислить путемъ сравненія всего дохода предпринимателя съ тѣмъ жалованіемъ, которое получаютъ управляющіе на фабрикахъ. Тогда окажется, что лишь незначительная часть дохода предпринимателя можетъ быть приписана его личному труду ¹⁾.

И Родбертусъ-Ягцовъ разсматриваетъ прибыль съ капитала съ исторической точки зрѣнія. Но будучи историкомъ, онъ конечно не дѣлаетъ той ошибки, которую мы находимъ у Лассалья — какъ и у утопистовъ — не идеализи-

роду для жизни и продолженія рода. Это и есть та точка, около которой всегда колеблется, подобно маятнику, дѣйствительная заработная плата, не будучи въ состояніи ни подняться выше его, ни опуститься на продолжительное время. Она не можетъ надолго подняться выше этой средней, ибо въ противномъ случаѣ, благодаря болѣе благоприятному положенію рабочихъ, увеличилось бы число браковъ среди нихъ и возросло бы количество рожденій, а слѣдовательно, и предложеніе рабочихъ рукъ, которое снова понизило бы заработную плату до (и даже ниже) его прежняго уровня. Но заработная плата не можетъ и упасть надолго значительно ниже уровня средствъ существованія, такъ какъ въ этомъ случаѣ наступаетъ эмиграція, безбрачіе, воздержаніе отъ дѣторожденія и вызванное нуждою сокращеніе рабочихъ, такъ что предложеніе рабочихъ рукъ уменьшается и заработная плата вновь достигаетъ своего прежняго уровня“. (Lassalles Reden und Schriften. H. I. и Herausg. von Bernstein. 1893. B. II p. 421—22).

¹⁾ Herr Bastiat-Schulze. p. 150.

руетъ періода, предшествующаго хозяйственному строю, основанному на свободной конкуренціи, въ особенности періода среднихъ вѣковъ. Родбертусъ рѣшительно высказывается противъ теоріи, будто бы въ прежніе періоды земля и капиталъ (въ видѣ орудій производства) принадлежали самому же рабочему, будто бы отсутствовала эксплуатація послѣдняго. „Лишь до появленія раздѣленія труда, т. е. до начала всякой цивилизаціи—говоритъ онъ—изолированный рабочій является вмѣстѣ съ тѣмъ и владѣльцемъ земли, капитала и продукта, лишь въ эту эпоху земля, на которой онъ охотится, лукъ, которымъ онъ убиваетъ дичь, дичь, которую онъ застрѣлил, принадлежать ему... Но съ тѣхъ поръ, какъ возникло раздѣленіе труда, съ тѣхъ поръ какъ трудъ сталъ, слѣдовательно, настолько производительнымъ, что онъ въ состояніи создавать болѣе, чѣмъ необходимо для поддержанія жизни рабочихъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ доставляетъ возможность отдавать часть продукта другимъ, которые сами не работаютъ,—съ этихъ поръ земля и капиталъ, а слѣдовательно и продуктъ труда, никогда не принадлежали рабочимъ, а всегда составляли собственность другихъ частныхъ лицъ“ ¹⁾.

Первое раздѣленіе труда—продолжаетъ Родбертусъ—возникло путемъ насилія, путемъ подчиненія одного другому, женщинъ, дѣтей и въ особенности рабовъ волѣ господина; но въ этомъ заключался важный шагъ впередъ, ибо прекратилось убійство врага: раздѣленіе труда и переходъ къ земледѣлію, увеличивъ производительность труда, доставили возможность сохраненія жизни врага—убійство замѣнилось эксплуатаціей его труда. Такимъ образомъ, первоначально не только земля, капиталъ и продуктъ, но и самъ рабочій принадлежалъ другимъ лицамъ и первоначальная система эксплуатаціи была болѣе тяжелой, чѣмъ современная—настолько, насколько рабство является болѣе тяжелой формой зависимости, по сравненію съ зависимостью рабочаго отъ капиталиста и землевладѣльца ²⁾.

¹⁾ Rodbertus-Jagetzow. Zur Beleuchtung der sozialen Frage (2 и 3. Sozialer Brief an v. Kirchmann). Berlin. 1875. (Первое изд. 1850—1851) p. 79.

²⁾ Rodbertus. Zur Beleuchtung. I. p. 81—82.

На системѣ рабовладѣльческаго хозяйства собственно и заканчивается „исторія“ Родбертуса, дальше онъ не идетъ, а непосредственно противопоставляетъ рабовладѣльческому строю древняго времени (эту эпоху онъ специально изучалъ) ¹⁾ современный хозяйственный порядокъ. „Въ первомъ случаѣ господствуетъ простѣйшее натуральное хозяйство; та часть продукта труда, которая отнимается у рабочихъ или рабовъ, и составляетъ доходъ господина или владѣльца, переходитъ въ качествѣ единой недѣлимой ренты къ владѣльцу земли, капитала, рабочихъ и продуктовъ труда; даже отдѣльныя категоріи земельной ренты и прибыли съ капитала не выдѣляются изъ общей массы. Во второмъ случаѣ имѣется очень сложное денежное хозяйство; та часть продукта, которая отнимается у свободнаго рабочаго и принадлежитъ землѣ и капиталу, раздѣляется между владѣльцами сырья и владѣльцами фабрикатовъ; единая рента прежняго времени распадается на земельную ренту и прибыль съ капитала“ ²⁾. Всѣ эпохи, предшествующія періоду очень сложнаго денежнаго хозяйства, Родбертусъ перескочилъ и никакой эволюціи въ характерѣ прибыли въ теченіе 18 столѣтій—кромѣ отдѣленія ея отъ ренты—онъ не подмѣтилъ. Источникъ прибыли остался тѣмъ же, какимъ онъ былъ въ древнемъ мірѣ: это все тотъ же трудъ, эксплуатація котораго основывается всегда на тѣхъ же двухъ моментахъ: на томъ, что, благодаря раздѣленію труда, производится болѣе, чѣмъ нужно для содержанія рабочаго, и на томъ, что капиталъ (какъ и земля) принадлежитъ другому лицу,—ибо всѣ предметы и во всѣ времена являются для него продуктами исключительно физическаго, матеріальнаго труда—всякій иной трудъ (Родбертусъ это прямо высказываетъ), какъ бы полезенъ и необходимъ онъ ни былъ, совершенно не принимается во вниманіе, не можетъ быть признанъ производительнымъ ³⁾.

Но орудія производства и не являются результатомъ какого-либо иного, кромѣ физическаго, труда. „Подобно тому—говоритъ онъ—какъ продуктъ, производимый голыми

¹⁾ См. его Untersuchungen auf dem Gebiete der Nationaloekonomie des klassischen Altertums (Jahrbücher für Nationaloekonomie. 1864. 1865. 1867).

²⁾ Rodbertus. Zur Beleuchtung. I. p. 95.

³⁾ Rodbertus. Zur Beleuchtung. p. 68—70.

руками, есть продукт одного лишь (физическаго) труда человѣка, и то увеличенное количество продуктовъ, которое онъ изготовляетъ при помощи инструмента, заранѣе имъ изготовленнаго, представляетъ собою также лишь результатъ его труда—труда первоначальнаго и послѣдующаго—труда, который сталъ болѣе производительнымъ. Эта увеличившаяся производительность заключается не въ инструментѣ, а въ трудѣ, которымъ созданъ инструментъ, и въ трудѣ, при которомъ онъ употребляется. „Поэтому съ уничтоженіемъ инструмента ничего не потеряно. Такъ какъ увеличившаяся производительность содержится въ трудѣ, то трудъ въ состояніи создать новый инструментъ, т. е. работать съ той же степенью производительности. Если бы она заключалась въ самомъ инструментѣ, то очевидно съ потребленіемъ его исчезла бы и большая производительность“⁴⁾. Но вопросъ заключается въ томъ, въ какомъ трудѣ—выражаясь словами Родбертуса—заключается эта возросшая производительность? Не въ физическомъ же трудѣ, который создаетъ новый экземпляръ того же инструмента, когда использованъ предыдущій, ибо одновременно съ потребленіемъ самаго инструмента исчезъ и тотъ физическій трудъ, которымъ онъ произведенъ, и если новый физическій трудъ въ состояніи снова воспроизвести этотъ инструментъ, то лишь потому, что идея его, что результаты творческаго труда сохранились и могутъ быть любое количество разъ воспроизведены, воплощены въ видѣ того же инструмента.

IV.

Марксъ является едва ли не единственнымъ среди экономистовъ, для котораго прибыль, какъ и цѣнность и всѣ другіе экономическіе институты и категоріи, есть не только историческое явленіе, т. е. возникающее и существующее лишь при извѣстныхъ условіяхъ, но и понятіе эволюціонное, проходящее нѣсколько различныхъ фазисовъ развитія. вмѣстѣ съ тѣмъ, разсматривая прибыль, въ періодъ развито-го капиталистическаго строя, Марксъ не ограничивается

⁴⁾ Rodbertus. Das Kapital. Berlin. 1884. p. 240 и сл.

одними общими выводами, но подтверждает и провѣряетъ эти выводы детальнымъ анализомъ фактическихъ условій хозяйственной жизни.

Марксъ (какъ и Энгельсъ) различаетъ два большихъ періода въ исторіи хозяйственной жизни народовъ: періодъ производства для собственнаго потребленія, когда преимущественное значеніе имѣетъ потребительная цѣнность предметовъ, періодъ феодальнаго строя, и періодъ товарнаго, мѣноваго хозяйства, въ которомъ преобладаетъ мѣновая цѣнность товаровъ, періодъ капитализма. „Обмѣнъ товаровъ является исходной точкой возникновенія капитала. Производство товаровъ, обмѣнъ товаровъ и развитая форма обмѣна—торговля, составляютъ тѣ историческія условія, которыя необходимы для появленія капитала. Исторія капитала начинается со времени возникновенія міровой торговли и міроваго рынка въ XVI вѣвѣ“¹⁾. И феодальное, и капиталистическое хозяйство характеризуется эксплуатаціей трудящихся массъ, измѣняется лишь форма зависимости и степень эксплуатаціи. „Капиталь не выдумалъ добавочнаго труда, повсюду, гдѣ обладаніе средствами производства, составляетъ монополію одной части общества, рабочій, свободенъ ли онъ или нѣтъ, вынужденъ прибавлять къ тому рабочему времени, которое ему необходимо для собственнаго существованія, еще добавочное рабочее время для производства средствъ существованія владѣльцу средствъ производства, кто бы ни былъ послѣдній—афинскій *κλέος*, этрусскій теократъ, *civis romanus*, норманскій баронъ, американскій рабовладѣлецъ, валахскій бояринъ, современный лендлордъ или капиталистъ. Но когда въ данномъ экономическомъ строѣ преобладаетъ не мѣновая, а потребительная цѣнность продукта, то ясно, что добавочное количество труда опредѣляется большимъ или меньшимъ кругомъ потребностей, но нѣтъ безграничной потребности

¹⁾ Marx. Das Kapital. B. I. 2 Aufl. 1873. p. 128 „Хотя капиталистическое производство появляется уже въ XIV и XV ст. въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ у Средиземнаго моря, тѣмъ не менѣе эра капитализма начинается лишь съ XVI вѣка“. (Marx. B. I. p. 744). Ср. Томъ первый „Эволюціи прибыли“ стр. 520 и сл.

въ добавочномъ трудѣ, которая бы вытекала изъ самого характера производства“¹⁾).

Отказываясь, такимъ образомъ, отъ идеализаціи предыдущихъ эпохъ экономической исторіи, Марксъ вмѣстѣ съ тѣмъ не усматриваетъ въ эксплуатаціи крѣпостныхъ первоначальнаго источника прибыли съ капитала. Источникомъ такового является прибыль въ области торговли товарной и денежной, которая существуетъ уже въ періодъ феодальнаго хозяйства. Эта прибыль есть результатъ обмѣна, „результатъ двойного обмана производителя и покупателя товаровъ со стороны торговца, который подобно паразиту, становится между ними. Въ этомъ смыслѣ говорить Франклинъ: война—разбой, торговля—обманъ“. ²⁾ Путемъ накопленія этой торговой прибыли и образуются первые капиталы въ смыслѣ денежной суммы, создающей добавочную цѣнность, прибыли. Но въ средніе вѣка эти капиталы еще были незначительны и торговый капиталъ не могъ еще превратиться въ промышленный—феодальный строй и цеховая организація составляли большое препятствіе. Это измѣнилось въ XVI—XVII ст., „Открытіе странъ, изобилующихъ золотомъ и серебромъ, уничтоженіе и обращеніе въ рабство туземнаго населенія и извлеченіе золота и серебра изъ рудниковъ его силами, завоеваніе и разграбленіе Ост-Индіи, превращеніе Африки въ мѣсто охоты за неграми—эти моменты знаменуютъ собою начало эры капиталистическаго производства... Сокровища, награбленныя въ неевропейскихъ странахъ, непосредственно путемъ разбоя, обращенія въ рабство и убійства, возвращались въ Европу и здѣсь превращались въ капиталъ... Колоніи обезпечили вновь возникающимъ мануфактурамъ рынокъ сбыта и потенцированное возрастаніе капитала, благодаря монопольному положенію этихъ мануфактуръ на рынкѣ“³⁾).

Такимъ образомъ, въ средніе вѣка прибыль являлась результатомъ торговаго обмѣна, въ XVI—XVII ст. она основывалась на насильственныхъ дѣйствіяхъ и только впоследствии, когда возникъ промышленный капиталъ и промыш-

¹⁾ Марх. В. I, p. 227,

²⁾ Марх. В. I, p. 148.

³⁾ Марх. I, p. 782. 785. Ср. объ этомъ т. I. Эволюція прибыли гл. VII. (Торговля и торговая прибыль въ XVI—XVII ст).

ленная прибыль, источникомъ ея сталъ трудъ свободнаго рабочаго, добровольно отдающаго капиталисту избытокъ продукта, произведенный сверхъ того, что необходимо для покрытія насущныхъ потребностей рабочаго. Однако, и въ развитіи промышленнаго капитализма Марксъ различаетъ два періода: періодъ первоначальнаго накопленія, когда эксплуатація рабочаго происходитъ при содѣйствіи государства, которое искусственно понижаетъ заработную плату и удлиняетъ рабочій день, усиливая вмѣстѣ съ тѣмъ зависимость рабочаго отъ капиталиста ¹⁾ и періодъ дальнѣйшаго развитаго капиталистическаго производства, когда капиталистъ уже не нуждается въ помощи государства и ему достаточно собственной экономической силы, чтобы держать рабочаго въ полной зависимости отъ себя. Власть его надъ рабочимъ является въ этотъ второй періодъ (періодъ капиталистическаго накопленія) послѣдствіемъ условій чисто-экономическаго характера, послѣдствіемъ „постояннаго образованія относительнаго избытка населенія, которое даетъ такое направленіе спросу и предложенію труда, а слѣдовательно, и заработной платѣ, какое вполне соотвѣтствуетъ потребностямъ капитала... Рабочій можетъ быть предоставленъ „естественнымъ законамъ производства“, т. е. той зависимости отъ капитала, которая, вытекая изъ самыхъ условій производства, ими же обезпечивается и увѣковѣчивается“ ²⁾.

Такимъ образомъ, Марксъ совершенно правильно установилъ то положеніе, что прибыль съ капитала, какъ результатъ эксплуатаціи рабочаго предпринимателемъ, существо-

¹⁾ Ср. томъ первый „Эволюціи прибыли“, стр. 596—97.

²⁾ Марх. В. I. р. 768. „Капиталистическій процессъ производства сооимъ собственнымъ развитіемъ воспроизводитъ отдѣленіе рабочей силы отъ условій труда. Онъ этимъ воспроизводитъ и увѣковѣчиваетъ условія эксплуатаціи рабочаго. Онъ постоянно вынуждаетъ рабочаго продавать свою рабочую силу, чтобы жить, а капиталисту постоянно даетъ возможность покупать ее, чтобы обогащаться. Процессъ капиталистическаго производства, рассматриваемый какъ цѣлое или какъ процессъ воспроизведенія, производитъ, слѣдовательно, не только товары, не только прибавочную цѣнность, но производитъ и воспроизводитъ самыя условія капиталистическаго производства—съ одной стороны капиталиста, съ другой—наемнаго рабочаго. Марх. В. I. р. 601—603.

вала и до наступленія періода свободной конкуренціи, съ той только разницею, что тогда государство своими законодательными мѣрами приходило на помощь предпринимателю, тогда какъ при господствѣ системы свободной конкуренціи эта эксплуатация есть результатъ экономической силы предпринимателя на рынкѣ труда. При господствѣ капиталистическаго строя предприниматель всегда несравненно сильнѣе рабочаго: при заключеніи юридически свободнаго договора между каждымъ отдѣльнымъ предпринимателемъ и отдѣльнымъ рабочимъ заработная плата не можетъ быть выше того уровня, который соответствуетъ необходимымъ средствамъ существованія какъ самого рабочаго, такъ и семьи его, для того, чтобы исчезающія рабочія силы замѣщались такимъ же количествомъ новыхъ, а равно расходамъ на подготовку рабочей силы.

В. Я. Желѣзновъ указываетъ на то, что „особенно важный ущербъ выводамъ Маркса наносило отрицаніе значенія рабочихъ союзовъ“. „Вводя въ свою теоретическую схему—говоритъ онъ—положенія, что производство принимаетъ при капитализмѣ общественный характеръ, что самый процессъ капиталистическаго развитія объединяетъ и организуетъ рабочихъ,—Марксъ всегда предполагаетъ единоличное заключеніе сделки, рассматривая вопросъ о договорѣ по поводу заработной платы. Упущеніе изъ вида такого важнаго условія не могло, конечно, не отразиться на его выводахъ относительно тенденціи заработной платы“. Въ подтвержденіе этого В. Я. Желѣзновъ ссылается на то, что „въ настоящее время коллективный договоръ составляетъ общее правило въ крупной промышленности Англій“¹⁾. Но онъ не обращаетъ вниманія на то обстоятельство, что въ 60-хъ годахъ, когда писалъ Марксъ, англійскіе рабочіе союзы еще далеко не пользовались той силой, которой они обладаютъ въ настоящее время, что быстрый ростъ ихъ начинается лишь со времени акта 1871 года. Если въ настоящее время—какъ указываютъ С. и Б. Веббъ—во всѣхъ областяхъ промышленности, гдѣ преобладаютъ квалифицированные рабочіе, работающіе совмѣстно въ помѣщеніяхъ

¹⁾ Желѣзновъ. Главныя направленія въ разработкѣ теоріи заработной платы. Кіевъ 1904. Стр. 97—98.

предпринимателей, у 90% рабочих высота заработной платы или длина рабочего дня, а часто и многія другія условія предопредѣлены коллективными сдѣлками,—то въ первыя шесть десятилѣтій XIX вѣка коллективный рабочий договоръ составлялъ лишь исключеніе, а къ этому періоду вѣдь относится та характеристика капиталистическаго строя, которую даетъ Марксъ. „Въ 60-хъ годахъ—какъ справедливо указываетъ С. Н. Прокоповичъ—профессиональное движеніе было еще слишкомъ слабо развито, чтобы Марксъ могъ видѣть эту сторону ихъ дѣятельности и разумѣть все ея социаль-политическое значеніе... Дефектъ социально-политическихъ взглядовъ Маркса,—дефектъ, въ значительной мѣрѣ лишающій ихъ научнаго значенія,—объясняется отчасти состояніемъ рабочаго движенія въ 40-хъ и 60-хъ гг. XIX столѣтія. Оно было тогда еще слишкомъ мало развито, чтобы возможно было, путемъ историко-сравнительнаго изученія хода его въ различныхъ странахъ, отдѣлить существенное отъ случайнаго и выяснить основныя черты его“ ¹⁾.

„Выводъ Маркса о постоянномъ тяготѣніи заработной платы—продолжаетъ В. Я. Желѣзновъ—къ обычной нормѣ средствъ существованія противорѣчилъ дѣйствительнымъ условіямъ установленія заработной платы у значительной части трудящагося населенія, потому что онъ былъ основанъ просто на убѣжденіи въ беззащитности единичнаго рабочаго передъ произволомъ предпринимателя“ ²⁾. Если взглядъ Маркса на беззащитность единичнаго рабочаго не вполне вѣренъ по отношенію къ первой половинѣ XIX вѣка, то лишь потому, что уже въ это время существовали „спеціальныя охранительныя мѣры, спасавшія англійскаго рабочаго отъ произвола и хищничества хозяевъ“. Марксъ подробно останавливается на тѣхъ ограниченіяхъ рабочаго дня, которыя введены были въ 30-хъ—60-хъ годахъ какъ въ Англій, такъ и въ другихъ странахъ, но значенія этихъ мѣръ онъ не оцѣнилъ и не замѣтилъ прежде всего той огромной принципиальной перемѣны, которую знаменовало собою то, что государство выступило на защиту рабочаго. Въ то время, какъ за 50—70 лѣтъ до этого государ-

¹⁾ С. Н. Прокоповичъ. Къ критикѣ Маркса. Спб. 1901. Стр. 198. 213.

²⁾ Желѣзновъ, Главныя направленія, стр. 102.

ство еще удлиняло рабочей день и понижало заработную плату в интересах предпринимателя, оно, отменив все эти и другие ограничения, не только не осталось нейтральным зрителем происходящей между предпринимателем и рабочим борьбы, а стало защитником рабочего как более слабого элемента. Как справедливо указывает В. Я. Желъзновъ, „Марксъ, подавленный величіемъ воздвигнутаго имъ теоретическаго зданія, не могъ правильно оцѣнить указанныхъ имъ фактовъ, противорѣчащихъ теоріи обнищанія... Онъ былъ не въ силахъ отказаться отъ своего прежняго взгляда, сложившагося (въ 40-хъ годахъ) подъ влияніемъ Рикардо и раннихъ критиковъ капиталистическаго строя и подкрѣпленнаго самостоятельнымъ изученіемъ начальнаго періода капитализма. Съ этимъ взглядомъ тѣсно связывалась у него и общая съ многими мыслителями первой половины XIX ст. вѣра въ предстоящій въ ближайшемъ будущемъ коренной социальный переворотъ. Устремляя взоръ къ этому желанному, свѣтлому будущему, Марксъ склоненъ былъ мрачнѣе смотрѣть на настоящее“ ¹⁾. Марксъ преувеличивалъ экономическую силу капитала и поэтому, съ одной стороны, былъ убѣжденъ, что въ предыдущія эпохи, и даже въ первую эпоху капитализма, когда капиталъ не обладалъ еще той властью надъ рабочимъ, какъ въ слѣдующій періодъ, эксплуатация рабочего не могла быть столь значительна, какъ впоследствии, несмотря на то, что государство стояло всецѣло на сторонѣ капиталиста, и точно также онъ не могъ себѣ представить, что въ будущемъ, благодаря защитительнымъ законамъ, положеніе рабочихъ можетъ улучшиться и степень эксплуатации ихъ сократиться; наоборотъ, она, по его мнѣнію, должна еще болѣе возрастать съ дальнѣйшимъ ростомъ экономической силы капитала, и избавленіе наступитъ лишь тогда, когда сила послѣдняго будетъ сломлена окончательно. Этотъ послѣдній актъ Марксъ себѣ представлялъ не иначе какъ въ видѣ насильственнаго захвата власти доведенными до полной нищеты рабочими, экспроприрующими тѣхъ немногихъ капиталистовъ (магнатовъ капитала), которые успѣли сосредоточить все производство въ своихъ рукахъ. „Наступаетъ смертельный часъ капиталистиче-

¹⁾ Желъзновъ, Главныя направленія, стр. 93, 97.

ской частной собственности—экспроприация экспроприаторов“¹⁾.

Въ правильности этого пессимистическаго взгляда на развитие капитализма Маркса убѣждали и факты изъ области техническаго прогресса. То положеніе, что „введеніе машинъ приводитъ къ упрощенію и, слѣдовательно, удешевленію труда, было подсказано наблюденіемъ развитія англійской текстильной промышленности, которое вообще оставило глубокой слѣдъ на теоретической системѣ, созданной Марксомъ“²⁾. Паровой механической ткацкой станокъ—говоритъ Марксъ—лишилъ работы 800 тысячъ ткачей. Въ англійской хлопчатобумажной индустріи—читаемъ въ другомъ мѣстѣ—съ 1861 г. по 1868 г. число фабрикъ уменьшилось на 338, число веретенъ увеличилось на 1.612.541, а количество рабочихъ упало на 50.505³⁾. Въ 60-хъ годахъ заканчивался процессъ вытѣсненія ручнаго ткачества машиннымъ въ англійской хлопчатобумажной промышленности, начавшійся съ 30-хъ годовъ⁴⁾, и Марксъ находился подъ сильнымъ впечатлѣніемъ бѣдствій, пережитыхъ въ теченіе тридцатилѣтняго періода рабочимъ населеніемъ этой отрасли производства, „Специфически капиталистическій способъ производства, соотвѣтствующее ему развитіе производительной способности труда и вызываемое этимъ измѣненіе въ органическомъ строеніи капитала идетъ не только рука объ руку съ прогрессомъ накопленія или возростаніемъ общественаго богатства, но происходитъ значительно быстрее, такъ какъ простое накопленіе или абсолютный ростъ всего капитала въ его цѣломъ сопровождается концентраціей его индивидуальныхъ элементовъ, а преобразование добавочнаго капитала въ техническомъ отношеніи сопровождается преобразованиемъ первоначальнаго капитала въ техническомъ отношеніи... Такъ какъ спросъ на трудъ опредѣляется не размѣрами всего капитала, а лишь величиной его переменнаго части, то онъ падаетъ прогрессивно съ возростаніемъ всего капитала... Съ увеличеніемъ всего капитала увеличивается, правда, и переменная часть его или приобретаемая имъ

¹⁾ Марх. В. І. р. 793.

²⁾ Желъвановъ, Главныя направленія, стр. 108.

³⁾ Марх. В. І. р. 451.

⁴⁾ См. выше, стр. 88.

рабочая сила, но это происходит въ непрерывно убывающей пропорціи... Капиталистическое накопленіе постоянно производитъ и притомъ соотвѣтственно своей собственной энергіи и размѣрамъ относительное, т. е. по сравненію со средними потребностями самого капитала, избыточное и слѣд. излишнее рабочее населеніе... Такимъ образомъ, производя накопленіе капитала, рабочее населеніе тѣмъ самымъ производитъ въ возрастающихъ размѣрахъ средства, которыя вызываютъ относительный избытокъ этого же рабочаго населенія“ ¹⁾.

„Чѣмъ больше общественное богатство—продолжаетъ Марксъ,—функционирующій въ производствѣ капиталъ, размѣры и сила его возрастанія, а слѣдовательно, и абсолютная величина рабочаго населенія и производительность его труда, тѣмъ больше и относительный избытокъ населенія или резервная промышленная армія... А чѣмъ значительнѣе эта резервная армія по сравненію съ активной арміей рабочихъ, тѣмъ больше постоянный избытокъ населенія или тѣ слои рабочихъ, нищета которыхъ находится въ обратномъ отношеніи къ тягости ихъ труда... Такимъ образомъ накопленіе богатства на одномъ полюсѣ обозначаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на противоположномъ полюсѣ, т. е. среди того класса, который производитъ свой собственный продуктъ въ видѣ капитала, возрастаніе нищеты, тягостей труда, рабства, невѣжества, деморализаціи и нравственнаго униженія“ ²⁾.

Въ машинахъ, которыя вызываютъ существованіе резервной арміи рабочихъ, Марксъ усматриваетъ причину и другихъ бѣдствій эпохи капиталистическаго хозяйства. Такъ, онъ имъ приписываетъ тотъ фактъ, что въ первой половинѣ XIX вѣка въ значительныхъ размѣрахъ примѣнялся женскій и дѣтскій трудъ на фабрикахъ. Онъ не вѣритъ тому, что употребленіе дѣтскаго труда въ промышленности было обычнымъ явленіемъ въ XVII—XVIII ст., задолго до появленія машинъ ³⁾ и глумится надъ Макколеемъ, который указываетъ на существованіе этого обычая. Съ появленіемъ мануфактуры, въ противоположность ремеслу, дѣйствительно замѣтны слѣды эксплуатаціи дѣтскаго труда, которая съ

¹⁾ Marx. I. p. 653—655.

²⁾ Marx. V. I. p. 670—671.

³⁾ См. выше, стр. 128 и сл.

давнихъ поръ практикуется у крестьянъ и въ тѣмъ большей степени, чѣмъ зависимость ихъ положеніе. Тенденція, обнаруживаемая капиталомъ несомнѣнна, но факты являются еще столь же единичными, какъ дѣти съ двумя головами¹⁾. А между тѣмъ, описываемые имъ же факты, заключавшіеся въ томъ, что государство уже съ конца среднихъ вѣковъ принуждало къ работѣ бродягъ и нищихъ, подь страхомъ тяжкихъ наказаній, что оно всячески старалось удлинить рабочій день и сократить заработную плату²⁾, вызывали, казалось бы, тотъ выводъ что государство должно было принуждать и малолѣтнихъ работать, разь это было въ интересахъ класса капиталистовъ³⁾. Факты относительно эксплуатаціи дѣтей, призраваемыхъ приходами, еще до появленія машинъ⁴⁾, очевидно свидѣтельствовали о томъ, что не машиной и не специальной приспособленностью дѣтскихъ рукъ къ машинному труду было вызвано употребленіе дѣтскаго труда въ производствѣ и „превращеніе рабочаго въ рабовладѣльца, продающаго жену и дѣтей и этимъ самымъ понижающаго свою рабочую силу, а капиталисту доставляющаго прибавочный трудъ четырехъ лицъ вмѣсто прибавочнаго труда одного взрослага рабочаго“⁵⁾. А съ другой стороны, именно въ эпоху развитія машиннаго производства законодательство (приведенное у Маркса) стремилось къ сокращенію дѣтскаго труда въ промышленности⁶⁾. Этихъ противорѣчій Марксъ не замѣтилъ. Онъ не обратилъ вниманія и на то, что въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ еще въ 50-хъ и 60-хъ годахъ эксплуатація дѣтей была очень сильна, гдѣ положеніе рабочихъ было крайне бѣдственно—онъ самъ описываетъ его въ главѣ подь названіемъ: „отрасли промышленности, гдѣ нѣтъ законодательныхъ ограниченій эксплуатаціи“,—что во всѣхъ этихъ отрасляхъ производства—выдѣлка кружевъ, гончарный промыселъ, производство спичекъ, пекарный промыселъ, промыселъ моди-

¹⁾ Marx. I. p. 273.

²⁾ Ibid. I. p. 262 и сл., 769 и сл.

³⁾ Существенное значеніе имѣли конечно и другіе указанные выше мотивы (см. стр. 137).

⁴⁾ См. выше, стр. 132 и сл.

⁵⁾ Ibid. I. p. 412—413.

⁶⁾ Ibid. I. p. 278 и сл. (Kap. VIII. §§ 6, 7).

стокъ, кузнечное производство—товары изготовлялись исключительно ручнымъ способомъ и лишь въ одномъ, въ обойномъ производствѣ, низшіе сорта продуктовъ выдѣлывались на машинахъ ¹⁾.

Источникомъ цѣнности товаровъ у Маркса является трудъ и притомъ исключительно физическій трудъ; трудъ этотъ можетъ быть простой или квалифицированный, но всегда физическій. Объ умственномъ трудѣ Марксъ также упоминаетъ вскользь, но въ дальнѣйшемъ онъ не играетъ никакой роли. Но трудъ есть не только источникъ цѣнности всякаго товара, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, по Марксу, и мѣрило цѣнности. Товары не только представляютъ собою въ экономическомъ отношеніи исключительно результаты труда, но они обмѣниваются въ зависимости отъ количества затраченнаго въ ихъ производствѣ труда. Такъ происходитъ обмѣнъ „во всѣ тѣ періоды экономической жизни, когда рабочему принадлежатъ средства производства, а въ такомъ положеніи находится какъ въ древнемъ мірѣ, такъ и въ эпоху европейской исторіи крестьянинъ, который самостоятельно обрабатываетъ принадлежащую ему землю, и ремесленникъ. Это—говоритъ Марксъ—соотвѣтствуетъ и высказанному нами раньше взгляду, что продукты превращаются въ товары, благодаря возникновенію обмѣна между различными общинами, а не между членами одной и той же общины. Законъ трудовой цѣнности дѣйствуетъ какъ при этихъ первобытныхъ условіяхъ, такъ и въ послѣдующіе періоды экономической жизни, основанные на рабствѣ и крѣпостничествѣ, а равно въ эпоху цехового ремесла до тѣхъ поръ, пока средства производства, вложенныя въ одной отрасли производства, могутъ быть перенесены въ другую лишь съ большими трудностями, пока, такимъ образомъ, различныя сферы производства относятся до известной степени другъ къ другу, какъ чужія страны или коммунистическія общины“ ²⁾.

Въ такой широкой постановкѣ утвержденіе, что товары обмѣниваются по количеству затраченнаго въ

¹⁾ Marx. I. p. 236—252.

²⁾ Marx. B. III. T. I. Hamburg. 1894. p. 156. См. объ этомъ томъ первый „Эволюція прибыли“, стр. 399 и сл.

производствѣ (физическаго) труда, не можетъ быть признано правильнымъ. Въ средневѣковой промышленности господствовалъ иной законъ мѣновой цѣнности, и точно также въ торговлѣ трудъ никогда не являлся мѣриломъ цѣнности ¹⁾. Впрочемъ, какъ мы указали выше, Марксъ по отношенію къ торговлѣ предыдущихъ столѣтій допускаетъ такое исключеніе. Въ области промышленности XVI—XVIII ст. цѣнность обмѣниваемыхъ товаровъ дѣйствительно соответствовала затраченному количеству труда, ибо здѣсь не существовало уже монополіи на рынкѣ сбыта ²⁾ и по отношенію къ этому періоду Марксъ несомнѣнно правъ. Онъ далѣе справедливо указываетъ на огромное значеніе того обстоятельства, что (въ эту эпоху) перенесеніе орудій производства изъ одной сферы въ другую сопряжено было съ большими трудностями, результатомъ чего является возможность существованія различнаго уровня прибыли въ разныхъ отрасляхъ производства.

Но въ XIX вѣкѣ, съ появленіемъ свободной конкуренціи эти условія, хотя и медленно и постепенно, измѣняются и прибыль обнаруживаетъ стремленіе къ одному общему уровню: если какая-либо отрасль производства приноситъ большій доходъ по сравненію съ величиной всего капитала, чѣмъ другая, то капиталы переходятъ туда и высота прибылей выравнивается. Въ этомъ случаѣ товары уже не могутъ обмѣниваться по закону трудовой цѣнности: средняя обычная въ данное время прибыль съ капитала не совпадаетъ съ той прибавочной цѣнностью, которую создаетъ переменная часть капитала; прибавочная цѣнность, извлекаемая изъ труда рабочихъ, должна превышать прибыль въ тѣхъ предпріятіяхъ, гдѣ переменная часть капитала относительно велика, и должна быть меньше ея тамъ, гдѣ переменная часть относительно мала; въ первомъ случаѣ цѣна, состоящая изъ издержекъ и прибыли, ниже трудовой цѣнности, во второмъ случаѣ—выше ея. Дѣйствительно, выводя источникъ прибыли изъ принятой имъ гипотезы трудовой цѣнности въ первомъ томѣ „Капитала“, Марксъ въ изданномъ Энгельсомъ много лѣтъ спустя третьемъ

¹⁾ Ср. томъ первый „Эвол. приб.“, стр. 401—405.

²⁾ Ср. тамъ-же, стр. 644—646.

томъ указываетъ на тѣ измѣненія, которыя претерпѣваетъ законъ трудовой цѣнности, вслѣдствіе стремленія прибыли съ капитала къ одному общему уровню, подъ вліяніемъ моментовъ двоякаго рода: различія во времени оборота переменнаго капитала и торговаго капитала и въ особенности различія въ составѣ промышленнаго капитала, вслѣдствіе чего цѣна товара стоитъ въ однихъ случаяхъ выше, въ другихъ ниже трудовой цѣнности. Такимъ образомъ, при существованіи общаго уровня прибыли въ отрасляхъ производства съ капиталомъ низшаго состава (со сравнительно значительнымъ переменнымъ капиталомъ, гдѣ цѣна ниже трудовой цѣнности) часть продукта трудовой цѣнности поступаетъ въ пользу потребителя, а въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ капиталъ высшаго состава (т. е. постоянный капиталъ превышаетъ переменный) и цѣна поэтому выше трудовой цѣнности, произведенная рабочимъ прибавочная цѣнность не покрываетъ всей прибыли, такъ что потребитель вынужденъ приплачивать остальную часть. Иначе говоря, въ производствахъ со сравнительно значительнымъ постояннымъ капиталомъ часть прибыли получается изъ обмѣна. Правда, общество какъ цѣлое, вся совокупность потребителей получаетъ столько же трудовой цѣнности отъ предпринимателей съ капиталами низшаго состава, сколько она отдаетъ предпринимателямъ, работающимъ съ капиталами высшаго состава, вслѣдствіе чего классъ капиталистовъ, какъ цѣлое, ничего не выигрываетъ, но отъ этого не измѣняется тотъ фактъ, что—по Марксу—есть отрасли производства, въ которыхъ въ XIX вѣкѣ болѣе или менѣе значительная часть прибыли съ капитала получается изъ процесса обмѣна, уплачивается потребителемъ.

Но именно это положеніе не можетъ быть признано правильнымъ въ отношеніи XIX вѣка. Уже въ XVI—XVIII ст.—какъ мы видѣли выше—постепенно исчезала прибыль, извлекаемая отъ потребителя, а характерной чертой XIX вѣка является именно тотъ фактъ, что въ эту эпоху во всѣхъ отрасляхъ производства отдается болѣе или менѣе значительная часть продукта потребителю. Экономисты, анализируя прибыль въ XIX вѣкѣ, вполне правильно ставили и ставятъ всегда вопросъ: не отдается ли весь прибавоч-

ный продукт, вследствие существованія свободной конкуренціи, потребителю? Какимъ же образомъ Марксъ упустилъ изъ виду этотъ фактъ, не обратилъ вниманія на то, что въ XIX вѣкѣ уже немислимо получение хотя бы части прибыли отъ потребителя? Это является послѣдствіемъ того, что Марксъ при построении своей теоріи цѣнности остановился только на одной формѣ труда,—на трудѣ физическомъ и совершенно игнорировалъ трудъ творческій, какъ источникъ цѣнности. Вслѣдствіе этого, у Маркса получился и другой весьма странный выводъ: оказалось, что цѣна стоитъ ниже трудовой цѣнности въ тѣхъ отрасляхъ производства, гдѣ переменная часть капитала значительна по сравненію съ постоянной, и что разстояніе между трудовой цѣнностью и цѣной тѣмъ больше, чѣмъ значительнѣе сравнительно этотъ переменный капиталъ.

По Марксу рабочая сила имѣетъ какъ мѣновую, такъ и потребительную цѣнность. Мѣновая цѣнность опредѣляется тѣмъ, что затрачено на производство рабочей силы, и величиной ея обуславливаются размѣры заработной платы рабочаго. Потребительная же цѣнность, которую приобрѣтаетъ предприниматель, обнаруживается въ самомъ процессѣ труда, выражается въ произведенныхъ рабочимъ товарахъ. Въ виду того, что потребительная цѣнность рабочей силы превышаетъ ея мѣновую цѣнность, и получается прибавочная цѣнность, которая поступаетъ въ пользу предпринимателя. „Прошедшій трудъ, заключающійся въ рабочей силѣ, и живой трудъ, который она сама въ состояніи развить, ежедневныя издержки на ея поддержаніе и ежедневная затрата ея—суть двѣ совершенно различныя величины. Первая обуславливаетъ ея мѣновую цѣнность, вторая составляетъ ея потребительную цѣнность. Хотя для поддержанія жизни рабочаго въ теченіе сутокъ необходима лишь половина рабочаго дня, но это нисколько не мѣшаетъ ему работать цѣлый день... Продавецъ рабочей силы, подобно продавцу всякаго другого товара, реализуетъ ея мѣновую цѣнность и отчуждаетъ ея потребительную цѣнность. Онъ не можетъ получить одной, не отдавая другой... То обстоятельство, что ежедневное поддержаніе рабочей силы стоитъ только половину рабочаго дня, тогда какъ рабочая сила можетъ дѣйствовать, производить работу въ теченіе цѣлаго

дня, такъ что цѣнность, которую создаетъ потребление рабочей силы, въ теченіе дня, вдвое больше, чѣмъ дневная цѣнность самой рабочей силы,—составляетъ лишь особенное счастье покупателя (капиталиста) и не представляетъ никакой несправедливости по отношенію къ продавцу¹⁾. Однако, подобно рабочей силѣ, и машина, по Марксу, обладаетъ мѣншой цѣнностью (опредѣляющейся затраченнымъ въ ея производствѣ рабочимъ временемъ), которая ниже ея потребительной цѣнности, такъ какъ производство ея стоитъ меньше труда, чѣмъ сберегается при ея употребленіи. „Разница между трудомъ, затраченнымъ на машину, и тѣмъ трудомъ, который она сберегаетъ,... существуетъ до тѣхъ поръ, пока трудъ, потраченный на машину..., менѣ той цѣнности, которую въ состояніи прибавлять рабочей при помощи инструментовъ. Степень производительности машины опредѣляется поэтому тѣмъ, насколько она вытѣсняетъ рабочую силу человѣка²⁾. Да иначе это и не можетъ быть съ точки зрѣнія ученія Маркса. Машина, какъ и всякій другой товаръ, должна необходимо обладать какъ мѣншой цѣнностью, по которой она приобрѣтается, такъ и потребительной цѣнностью, которая, въ виду того, что она является средствомъ производства, опредѣляется цѣнностью вытѣсняемой ею рабочей силы и которая необходимо должна превышать мѣншую цѣнность, такъ какъ иначе пользованіе машиной въ производствѣ не представляло бы никакой выгоды. Однако, далѣе Марксъ устанавливаетъ рѣзкое различіе между человѣческой (физической) рабочей силой и машиной: въ то время какъ къ мѣншой цѣнности матеріала присоединяется потребительная цѣнность рабочей силы, выражающаяся въ количествѣ затраченнаго въ производствѣ времени, къ этой же цѣнности матеріала прибавляется мѣншая цѣнность машины, такъ какъ конкуренція, господствующая среди капиталистовъ, понижаетъ цѣнность продукта до тѣхъ поръ, пока не исчезаетъ весь избытокъ, создаваемый машиной, вся разница между ея мѣншой и ея потребительной цѣнностью. Капиталистъ пользуется потребитель-

¹⁾ Marx. В. I. p. 181—182.

²⁾ Marx. В. I. p. 407.

ной цѣнностью рабочей силы, которая и присоединяетъ къ продукту больше, чѣмъ она сама стоитъ, т. е. чѣмъ обходится поддержаніе ея; наоборотъ, „машина никогда не прибавляетъ къ продукту большей цѣнности, чѣмъ она теряетъ вслѣдствіе изнашиванія“ ¹⁾. Такимъ образомъ, машина, по ученію Маркса, столь же производительна, какъ (физическая) рабочая сила, съ той только разницей, что выгоду отъ ея производительности получаетъ потребитель, а не предприниматель. Послѣднему возвращаются лишь расходы, затраченные на приобрѣтеніе машины, но онъ же присваиваетъ себѣ всю выгоду, проистекающую отъ производительности (физической) рабочей силы, получая въ цѣнѣ товара значительно больше, чѣмъ одни лишь издержки, затраченные на приобрѣтеніе рабочей силы.

Но если это такъ, то можно ли при такихъ условіяхъ утверждать, что цѣнность товаровъ опредѣляется количествомъ воплощеннаго въ нихъ труда? Отвѣтъ долженъ быть отрицательный. Объ этомъ могла бы быть рѣчь лишь въ томъ случаѣ, если бы оба вида труда, и трудъ исполнительный (физическій) рабочаго, и трудъ творческой изобрѣтателя (выражающійся въ дѣятельности созданной имъ машины) присоединяли къ цѣнности обрабатываемаго матеріала свою потребительную цѣнность, обнаруживающуюся въ процессѣ производства, измѣряемую энергіей работающаго человѣка, воплощаемой въ произведенныхъ товарахъ. Но нельзя говорить о трудовой цѣнности, разъ къ цѣнности матеріала присоединяется лишь мѣновая цѣнность рабочей силы, т. е. лишь ровно столько, во сколько обходится поддержаніе ея. Если и (физическая) рабочая сила (исполнительнаго характера) прибавляетъ къ матеріалу не болѣе этого, то прибыль капиталиста совершенно исчезаетъ, ибо мѣновая цѣнность рабочей силы равняется ея заработной платѣ; въ этомъ случаѣ товары обмѣниваются соразмѣрно расходамъ капиталиста на заработную плату, сырой матеріалъ и орудія производства. Таковъ долженъ быть результатъ, если подъ вліяніемъ господствующей среди капиталистовъ конкуренціи цѣнность продукта понижается

¹⁾ Марх. В. I. p. 403.

до тѣхъ поръ, пока не исчезаетъ вся разница между потребительной и мѣнковой цѣнностью, разница между тѣмъ, что рабочая сила создаетъ и тѣмъ, что она сама стоитъ. Относительно творческой рабочей силы Марксъ это утверждаетъ, но рассуждая послѣдовательно, мы должны допустить, что такое же вліяніе оказываетъ конкуренція и на цѣнность физической рабочей силы: почему бы ей и въ этомъ случаѣ не вызвать паденія цѣны продукта до такого уровня, когда капиталисту возвращаются лишь издержки, затраченныя на приобрѣтеніе рабочей силы? Конечно, такое отсутствіе прибыли не соответствовало бы дѣйствительности. Столь же немыслимъ однако при современныхъ условіяхъ хозяйственной жизни и первый предположенный нами случай, когда къ цѣнности матеріала присоединяется потребительная цѣнность, обнаруживающаяся въ процессѣ производства, какъ исполнительнаго, такъ и творческаго труда, т. е. немыслимъ именно тотъ случай, когда цѣнность товаровъ опредѣляется количествомъ всего воплощеннаго въ нихъ труда. Тогда получается вѣдь, что всю выгоду отъ производительности труда, какъ исполнительнаго, такъ и творческаго, извлекаетъ одинъ капиталистъ, т. е. способность его реализовать въ свою пользу выгоду отъ производительности исполнительнаго труда, излишекъ, превышающій расходы по содержанію рабочаго, что предполагаетъ Марксъ, распространяется вполнѣ послѣдовательно и на творческій трудъ изобрѣтателя. При такихъ обстоятельствахъ потребитель не извлекаетъ никакой выгоды изъ примѣненія машинъ, изъ употребленія новыхъ изобрѣтеній, его расходы не измѣняются, несмотря на быстрый ростъ техники, ибо вся разница между тѣмъ, что изобрѣтатель создаетъ, и тѣмъ, во что обходится продуктъ его труда предпринимателю, остается въ рукахъ послѣдняго. А это очевидно и невозможно въ XIX вѣкѣ при господствѣ свободной конкуренціи, и противорѣчить фактамъ.

Отсюда-то и та двойственность, которую мы находимъ у Маркса. Устанавливая положеніе, что товары обмѣниваются по количеству затраченнаго на ихъ производство труда и не имѣя возможности принять ни потребительной цѣнности рабочей силы, ни ея мѣнковой цѣнности какъ общаго масштаба для обоихъ видовъ труда, соответственно

которому они присоединяются въ продуктѣ къ цѣнности матеріала, онъ старается обойти эту трудность—вводя понятіе „общественно-необходимаго“ рабочаго времени; послѣднее должно замаскировать непосредственность, состоящую въ томъ, что въ одномъ случаѣ (для исполнительнаго труда) берется потребительная цѣнность, въ другомъ же (для творческаго труда) мѣновая цѣнность рабочей силы. Цѣнность товара—говоритъ Марксъ—опредѣляется затраченнымъ на производство его общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ, т. е. тѣмъ рабочимъ временемъ, „которое необходимо для производства какого-либо товара при данныхъ общественно-нормальныхъ условіяхъ производства“. Но говоря, что цѣнность товара опредѣляется заключающимся въ немъ общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ, Марксъ тѣмъ самымъ утверждаетъ, что она зависитъ отъ затраченнаго въ производствѣ его физическаго (или исполнительнаго) труда, если мы оставимъ безъ вниманія творческой трудъ, отвлечемся отъ него и будемъ его засчитывать лишь въ томъ размѣрѣ, какъ онъ обошелся предпринимателю. Если условія производства, т. е. прежде всего промышленная техника, разсматриваются какъ нѣчто данное, неизмѣнное, то характеръ творческаго труда и степень его производительности въ различныя эпохи оставляется безъ вниманія, несмотря на то, что и этотъ видъ труда не менѣе измѣнчивъ, чѣмъ трудъ рабочаго, и играетъ такую же роль въ производствѣ.

Изъ сказаннаго видно, „что общественно-необходимое“ рабочее время и трудъ, затраченный въ производствѣ, представляютъ двѣ совершенно различныя величины. Разъ (мѣновая) цѣнность товара у Маркса равняется общественно-необходимому рабочему времени, то она вовсе не соотвѣтствуетъ трудовой цѣнности, а необходимо должна стоять ниже этого уровня, если подъ трудовой цѣнностью разумѣть всю сумму содержащагося въ продуктѣ труда, какъ исполнительнаго, такъ и творческаго, всю воплощенную въ произведенномъ товарѣ рабочую энергію,—а только въ такомъ смыслѣ и можно понимать трудовую цѣнность. Это разстояніе между мѣновой цѣнностью товара и трудовой цѣнностью его должно постепенно увеличиваться все болѣе и болѣе, ибо все возрастающая часть творческаго труда

переходить къ потребителю посредствомъ дальнѣйшаго пониженія цѣнъ товаровъ. Прогрессъ въ области промышленной техники вызываетъ все болѣе и болѣе широкую замѣну исполнительнаго труда творческимъ трудомъ; разница между тѣмъ трудомъ (тѣми издержками), который стоитъ производство машины, и тѣмъ, который сберегается благодаря употребленію ея, т. е. разница между ея мѣновой и ея потребительной цѣнностью, въ теченіе продолжительнаго времени поступаетъ въ пользу предпринимателя, сначала цѣликомъ, а затѣмъ въ болѣе или (позже) менѣе значительной части, тогда какъ другая часть, а затѣмъ и вся разница постепенно переходитъ къ потребителю. А это обозначаетъ ничто иное, какъ то, что съ введеніемъ и распространеніемъ cadaго новаго изобрѣтенія цѣна продукта падаетъ все болѣе и болѣе по сравненію съ уровнемъ трудовой цѣнности его, что разстояніе между мѣновой цѣнностью и количествомъ воплощеннаго въ товарѣ труда еще болѣе увеличивается ¹⁾). Въ этомъ и выражается едва ли не наиболѣе ярко смыслъ хозяйственнаго переворота, происшедшаго въ XIX вѣкѣ, смыслъ культурнаго прогресса, совершившагося въ эту эпоху. Не только цѣна продукта приблизилась къ цѣнности его производства, посредствомъ пониженія уровня прибыли, но и самыя расходы по производству ²⁾, которые въ теченіе предыдущихъ вѣковъ почти не измѣнялись, въ XIX вѣкѣ, подъ вліяніемъ появленія творческаго труда, значительно сократились, а конкуренція заставила предпринимателя понизить и цѣну соотвѣтственно уменьшившимся расходамъ. Результатомъ этого явилась возможность удовлетворенія новыхъ потребностей со стороны рабочихъ классовъ, которыя прежде, вслѣдствіе слишкомъ высокой цѣны продуктовъ, должны были остаться неудовлетворенными, возможность болѣе полнаго удовлетворенія тѣхъ потребностей, которыя прежде удовлетворялись лишь въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ.

¹⁾ Ср. выше, стр. 12 и 42.

²⁾ Мы говоримъ „расходы по производству“, а не издержки производства, ибо подъ издержками производства понимаются въ настоящее время не только расходы предпринимателя, но и его прибыль--

Такимъ образомъ, ученіе Маркса о цѣнности въ сущности вовсе не является теоріей трудовой цѣнности—его цѣнность, равняющаяся общественно-необходимому рабочему времени, всегда ниже того уровня, который соотвѣтствуетъ количеству затраченнаго въ производствѣ рабочаго времени, слѣдовательно, ниже дѣйствительной трудовой цѣнности. Но быть можетъ трудовая цѣнность и общественно-необходимое рабочее время (въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ Марксъ) представляютъ собою двѣ величины, находящіяся въ опредѣленномъ постоянномъ отношеніи между собою ¹⁾, такъ что каждое измѣненіе одной изъ нихъ влечетъ за собой и соотвѣтствующее измѣненіе другой? Конечно, абсолютная цѣнность, т. е. цѣнность въ смыслѣ количества рабочей энергіи, которую заключаетъ въ себѣ каждый товаръ самъ по себѣ, независимо отъ (внѣ) условій обмѣна, и въ послѣднемъ случаѣ не будетъ совпадать съ общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ (а необходимо стоитъ выше послѣдняго); но товары все-таки могутъ обмѣниваться пропорціонально трудовой цѣнности, если послѣдняя находится въ опредѣленномъ константномъ отношеніи къ общественно-необходимому рабочему времени, соотвѣтственно которому происходитъ обмѣнъ товаровъ по ученію Маркса ²⁾. Однако, какъ выясняется при дальнѣйшемъ анализѣ этихъ моментовъ, такого константнаго отношенія не существуетъ. Соотношеніе между общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ Маркса (которое приближается къ рыночной цѣнѣ продукта) и трудовой цѣнностью въ томъ смыслѣ, какъ мы ее опредѣлили, не только измѣ-

¹⁾ Иначе говоря: одна составляетъ функцію другой.

²⁾ С. Л. Франкъ (Теорія цѣнности Маркса и ея значеніе. СПб. 1900) справедливо указываетъ на то, что необходимо различать относительную или мѣновую цѣнность товара, выражающуюся въ обмѣнѣ, отъ абсолютной цѣнности его, существующей независимо отъ мѣновыхъ отношеній, и что Марксъ рѣзко отдѣляетъ эти оба понятія цѣнности другъ отъ друга. „Понятіе „суммы цѣнности“ съ точки зрѣнія относительной мѣновой цѣнности—говоритъ онъ—лишено всякаго смысла. Разъ цѣнность есть не что иное, какъ мѣновое отношеніе между товарами, то цѣнность всѣхъ товаровъ, вмѣстѣ взятыхъ, есть непонятное выраженіе, нѣчто вродѣ „деревяннаго желѣза“... „Цѣнность“ суммы продуктовъ означаетъ нѣкоторое свойство, которое продолжало бы существовать, даже если бы общество,

няется въ различныя эпохи, если мы возьмемъ каждый товаръ въ отдѣльности или всю совокупность товаровъ вмѣстѣ, но и въ каждую данную эпоху является различнымъ для отдѣльныхъ товаровъ. Разстояніе между ними увеличивается въ XIX вѣкѣ, причемъ оно въ каждый данный моментъ значительно больше для тѣхъ товаровъ, въ производствѣ которыхъ физическій трудъ въ широкихъ размѣрахъ замѣненъ творческимъ трудомъ, нежели для тѣхъ товаровъ, при изготовленіи которыхъ примѣняется сравнительно много физическаго и мало творческаго труда. Лишь въ томъ случаѣ, если бы капиталъ во всѣхъ отрасляхъ производства въ равной пропорціи состоялъ изъ постоянного и переменнаго капитала (по терминологіи Маркса) или иначе говоря, если бы соотношеніе между творческимъ и физическимъ трудомъ было одинаковое во всѣхъ областяхъ индустріи,—только тогда товары могли бы обмѣниваться—предполагая, что цѣна ихъ приближается къ общественно-необходимому рабочему времени—пропорціонально количеству затраченнаго въ производствѣ труда, ибо соотношеніе между этими обоими моментами (общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ и трудовой цѣнностью) было бы для всѣхъ товаровъ одинаковое,—абсолютная трудовая цѣнность въ равной пропорціи превышала бы мѣновую относительную цѣнность или цѣну (опуская временныя колебанія послѣдней). Однако, въ дѣйствительности различіе въ уровнѣ техники въ различныхъ отрасляхъ производства (этимъ въ сущности главнымъ образомъ обуславливается и различіе въ составѣ капитала) приводитъ къ тому, что въ однихъ отрасляхъ производства общественно-необходимое рабочее время зна-

производящее эту сумму продуктовъ, вело „изолированное хозяйство“, т. е. не имѣло бы мѣновыхъ сношеній съ другими обществами, и если бы вмѣстѣ съ тѣмъ для него было бы совершенно безразлично мѣновое отношеніе его продукта къ золоту или серебру. Очевидно поэтому, что въ представленіи о „суммѣ цѣнностей“ или о „цѣнности національнаго продукта“ подъ цѣнностью опять такъ поднимается не мѣновое отношеніе товаровъ, а извѣстное абсолютное—въ смыслѣ независимости отъ обмѣна—свойство ихъ. (Стр. 182) „Это противопоставленіе другъ другу мѣновой или относительной цѣнности и цѣнности абсолютной—продолжаетъ С. Л. Франкъ—составляетъ одну изъ основныхъ мыслей теоріи цѣнности Маркса,

чительно меньше, чѣмъ въ другихъ не только абсолютно, но и относительно, по сравненію съ трудовой цѣнностью даннаго товара.

Если мы, наконецъ, замѣнимъ общественно - необходимое рабочее время Маркса дѣйствительной рыночной цѣной товара, то и тогда мы должны будемъ признать, что цѣна товара не только ниже его абсолютной цѣнности, т. е. всего воплощеннаго въ немъ труда, но и что въ однихъ отрасляхъ производства она составляетъ меньшую часть трудовой цѣнности, чѣмъ въ другихъ, вслѣдствіе чего потребитель на однихъ товарахъ приобретаетъ гораздо большую часть творческаго труда, чѣмъ на другихъ, гдѣ творческій трудъ примѣняется въ незначительныхъ размѣрахъ.

V.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ 20-хъ—30-хъ годахъ были сдѣланы указанные выводы изъ трудовой теоріи цѣнности Рикардо и прибыль была объявлена результатомъ эксплуатаціи рабочаго, и слѣдовательно—такое непосредственное заключеніе дѣлалось—существованіе ея было признано несправедливымъ съ общественной точки зрѣнія,—съ этого времени господствовавшая ранѣе т. наз. безцвѣтная теорія прибыли, или вѣрнѣе отсутствіе всякой теоріи прибыли, оказывалось невозможнымъ. Нельзя было исходить изъ того, что прибыль является чѣмъ то даннымъ и разъ на всегда уста-

яснѣе всего она обнаруживается въ изслѣдованіи соотношенія между измѣненіями абсолютной и относительной цѣнности. Эти измѣненія въ величинѣ той и другой далеко не совпадаютъ другъ съ другомъ: относительная цѣнность товара можетъ измѣняться, когда его абсолютная цѣнность остается прежней (именно если измѣняется абсолютная цѣнность товара, на который первый обмѣнивается) и наоборотъ, относительная цѣнность можетъ не измѣняться при измѣненіи абсолютной (именно если абсолютная цѣнность другого товара измѣняется въ той же степени и въ томъ же направленіи); наконецъ, измѣненія той и другой могутъ совершаться одновременно, но въ различныхъ направленіяхъ, или же въ одномъ направленіи, но не въ одинаковой степени и т. д. (Стр. 184—185),.

новленнымъ, не подлежащимъ критикѣ. Такое отношеніе къ дѣлу стало еще менѣе мыслимымъ со времени появленія Лассалья и Маркса. Даже тотъ умѣренный взглядъ, котораго придерживался Сисмонди, не былъ болѣе возможенъ. Нужно было либо присоединиться къ писателямъ социалистическаго направленія и согласиться съ ихъ конечными выводами относительно непригодности существующаго хозяйственнаго строя, либо отстаивать послѣдній и доказывать правомѣрность и справедливость существованія прибыли, какъ одна изъ важнѣйшихъ устоевъ этого строя. Въ экономической наукѣ одновременно и въ тѣсной связи съ переворотомъ въ хозяйственной жизни также успѣла произойти глубокая перемѣна. Въ XVII—XVIII вѣкѣ и наука, и правительство интересовались только положеніемъ привилегированныхъ классовъ населенія; на условія жизни рабочихъ классовъ они либо вовсе не обращали вниманія, либо лишь постольку, поскольку это могло имѣть значеніе для состоятельныхъ слоевъ населенія и въ этомъ отношеніи находили, что бѣдность низшихъ классовъ выгодна для высшихъ. Со второй половины XVII вѣка наука стала включать въ область своего изслѣдованія и вопросъ о положеніи рабочаго населенія и не могла не признавать это положеніе неблагоприятнымъ, но утверждала, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ свободной конкуренціи, съ наступленіемъ вполне свободной борьбы интересовъ условія жизни рабочаго населенія улучшатся; конечно дѣйствительность и съ ростомъ свободной конкуренціи оказывалась достаточно печальной, но эти темныя стороны экономического быта рабочихъ разсматривались какъ явленія необходимыя, тѣсно связанныя съ системой свободной конкуренціи; бороться съ ними, не затрагивая самой причины—свободной конкуренціи, нельзя, ограничивать же послѣднюю, достигнутую съ такими огромными усиліями, недопустимо—не возвращаться же къ прежней системѣ регламентаціи. Въ 20-хъ—30-хъ годахъ, и въ слѣдующія десятилѣтія, былъ указанъ совершенно новыи путь—замѣна свободной конкуренціи социалистической системой производства и распредѣленія для устраненія желѣзнаго закона заработнѣй платы и всей организаціи производства, основанной на наемномъ трудѣ, введеніе распредѣленія продукта по потребностямъ, по количеству затраченнаго труда или по

какому-либо иному справедливому масштабу. Если въ предыдущія десятилѣтїя XIX вѣка и въ XVIII вѣкѣ такого рода взгляды являлись исключеніемъ и имъ не придавали значенія, то теперь вся экономическая наука раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря, на сторонниковъ и противниковъ господствующаго строя.

Это состояніе экономической науки (какъ и практической политики) отразилось и на теорїи прибыли. Вплоть до 70-хъ—80-хъ годовъ мы не найдемъ теорїй, которыя допускали бы въ видѣ общаго правила, а не только въ видѣ исключенія, существованіе нѣсколькихъ источниковъ прибыли, изъ которыхъ одинъ могъ бы быть признанъ вполне справедливымъ, другіе же вызывали бы осужденіе института прибыли. Почти всѣ экономисты полагаютъ, что указаніемъ на тотъ или другой источникъ, изъ котораго получается прибыль, разрѣшается и проблема о справедливости существованія прибыли съ общественной точки зрѣнія, и говоря о томъ, откуда и какимъ образомъ возникаетъ прибыль, на самомъ дѣлѣ мало интересуются этимъ теоретическимъ вопросомъ самимъ по себѣ, а стараются главнымъ образомъ этимъ путемъ оправдать существованіе прибыли или доказать несправедливость ея, и вмѣстѣ съ тѣмъ приходятъ къ положительному или отрицательному результату относительно справедливости т. наз. капиталистическаго строя. Отсюда рѣзкое разногласіе: съ одной стороны — писатели, признающіе теорію трудовой цѣнности, эксплуатаціонную теорію прибыли и необходимость уничтоженія капитализма, съ другой стороны—экономисты, выдвигающіе теорію издержекъ производства, теорію самостоятельнаго происхожденія прибыли и доказывающіе, что при господствующей системѣ частной собственности на средства производства и при существованіи свободной конкуренціи, распредѣленіе продукта происходитъ наиболѣе справедливымъ образомъ. Среди писателей второй категорїи многіе выставляютъ теорію производительности, выдвинутую Сэ и Лаудердалемъ въ первые годы XIX вѣка противъ Адама Смита, и настаиваютъ на томъ, что всѣ три фактора производства: природа, трудъ и капиталъ равно производительны и владѣльцу каждаго изъ нихъ и должны принад-

лежать созданные соответствующимъ факторомъ производства продукты.

Такъ, Росси утверждаетъ, что прибыль есть вознагражденіе, которое по справедливости принадлежитъ капиталу за его производительную способность и поэтому находить вполне естественнымъ, что капиталистъ получаетъ такую часть продукта, которая произведена принадлежащимъ ему капиталомъ, тѣмъ болѣе, что, по его мнѣнію, величина прибыли дѣйствительно соответствуетъ производительной силѣ капитала. Къ сожалѣнію,—говоритъ онъ далѣе—эти естественныя условія принимаютъ нѣсколько иной характеръ, вслѣдствіе той двойственной роли, которую играетъ капиталъ; послѣдній не только предоставляетъ свой капиталъ для производства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нанимаетъ рабочихъ. Этотъ второй моментъ, именно то, что въ однихъ случаяхъ онъ покупаетъ трудъ по дорогой, въ другихъ случаяхъ по дешевой цѣнѣ, приводитъ къ тому, что его естественная прибыль, создаваемая капиталомъ либо возрастаетъ на счетъ естественной заработной платы, либо сокращается въ пользу рабочихъ. Когда рабочій вытѣсняется машиной, то капиталисту удается купить рабочую силу за меньшую часть продукта, чѣмъ это соответствуетъ отношенію между производительной силой труда и производительной силой капитала. Но эта добавочная часть—разсуждаетъ Росси—ничего общаго не имѣетъ съ прибылью, съ которой ее обыкновенно смѣшиваютъ, а представляетъ собою ничто иное, какъ доходъ, реализуемый при покупкѣ труда. Не та естественная прибыль, а лишь этотъ чуждый ей добавочный доходъ вызываетъ антагонизмъ между трудомъ и капиталомъ и лишь въ отношеніи этого дохода слѣдуетъ признать правильнымъ положеніе, что прибыль возрастаетъ, когда заработная плата падаетъ, и наоборотъ, тогда какъ дѣйствительная прибыль, создаваемая капиталомъ, никогда не увеличивается на счетъ заработной платы ¹⁾.

Какъ мы видимъ, Росси признаетъ возможнымъ существованіе и другого источника дохода капиталиста—труда рабочаго, хотя и считаетъ этотъ источникъ экстраординар-

¹⁾ Rossi. Cours d'économie politique. 4. éd. T. III. Paris. p. 340 и сл.

нымъ и главную причину его повидимому усматриваетъ въ вытѣсненіи физическаго труда машиной: онъ здѣсь довольно близко подходитъ къ пониманію современной ему экономической жизни. Другіе сторонники теоріи производительности не допускаютъ такой возможности, выставляя безусловную теорію гармоніи интересовъ землевладѣльца, капиталиста и рабочаго и возрастанія доли заработной платы на счетъ прибыли (Кэри, Бастіа) и рѣшительно протестуя противъ ученія о цѣнности и прибыли социалистовъ. Если дѣйствительно цѣнность товара зависитъ только отъ труда, потраченнаго на его производство—говоритъ Рошеръ—то очевидно цѣнность потребленнаго капитала можетъ только возвращаться къ цѣнности продукта, и вся избыточная цѣнность должна быть приписана труду. Но въ такомъ случаѣ вѣдь капиталистъ долженъ быть еще благодаренъ рабочимъ, если цѣнность его капитала возвращается ему въ томъ же размѣрѣ. Изъ этого дѣлается выводъ, что Марксъ вращается въ заколдованномъ кругѣ ¹⁾. Страсбургеръ ставитъ слѣдующій вопросъ: если вся прибыль съ капитала основана на эксплуатаціи рабочаго, то кто же обмануть въ томъ случаѣ, когда какой-либо ремесленникъ, изготовляющій предметы безъ помощи рабочихъ, зарабатываетъ съ увеличеннымъ капиталомъ больше, чѣмъ ранѣе съ капиталомъ меньшей величины ²⁾.

Не всѣ экономисты однако удовлетворялись теоріей производительности, многіе замѣняли ее другимъ ученіемъ (или соединяли и то и другое вмѣстѣ), усматривая причину существованія прибыли въ воздержаніи капиталиста отъ употребленія капитала во время накопленія послѣдняго или во время помѣщенія его въ производствѣ. Зачатки этой теоріи мы находимъ еще въ XVII—XVIII ст. ³⁾. Физиократы, не представляли себѣ прибыли въ качествѣ особой отрасли чистаго дохода, а рассматривали ее лишь какъ часть дохода, уступаемаго землевладѣльцами на удовлетвореніе необходимыхъ потребностей торговцевъ и промышленниковъ.

¹⁾ Roscher. Grundlagen. 14. Aufl. p. 461.

²⁾ Strassburger. Jahrbücher für Nationalökonom. 1871. p. 103.

³⁾ См. объ этомъ томъ первый „Эволюціи прибыли“, стр. 667 и слѣд.

Мало того, по ихъ ученію, капиталистъ богатства вовсе не накапливаетъ, если же онъ сберегаетъ что-либо, то лишь отказывая себѣ въ удовлетвореніи какихъ-либо потребностей. Вполнѣ ясно выраженную теорію воздержанія мы находимъ у Жермена Гарнье, который утверждаетъ, что и рабочій и капиталистъ „по мѣрѣ того, какъ производится продуктъ, постепенно будутъ потреблять всю ту цѣнность, которая получается въ видѣ продукта, если рабочій не откажется отъ части тѣхъ удобствъ, которыя онъ можетъ имѣть при обычной заработной платѣ, или если капиталистъ не будетъ сберегать части того дохода, который доставляетъ ему капиталъ“. Доставляя обществу необходимые въ производствѣ капиталы, капиталистъ—говоритъ Жерменъ Гарнье—тѣмъ самымъ подвергаетъ себя лишенію, такъ какъ предоставляетъ другимъ потреблять тѣ предметы, которыми онъ обладаетъ. Слѣдовательно, его вознагражденіе должно измѣняться этимъ лишеніемъ и тѣмъ рискомъ; которому онъ подвергается“ ¹⁾.

Здѣсь мы имѣемъ передъ собою теорію воздержанія въ обѣихъ версіяхъ, въ одномъ случаѣ прибыль является результатомъ воздержанія капиталиста во время накопленія капитала, въ другомъ—послѣдствіемъ воздержанія во время помѣщенія капитала въ производствѣ. И въ XIX вѣкѣ мы находимъ обѣ версіи этой теоріи. Небеніусъ (въ 1820 г.) утверждаетъ, что „капиталы добываются только посредствомъ болѣе или менѣе тяжелыхъ лишеній или напряженій, которымъ можно подвергнуться только въ расчетѣ на соотвѣтственное вознагражденіе“ ²⁾—первая версія. Scrope (въ 1833 г.) находитъ, что прибыль, которую извлекаетъ владѣлецъ капитала изъ производительнаго употребленія его, должна быть признана платой за то, что онъ въ теченіе извѣстнаго времени воздерживается отъ личнаго потребленія этой части своего имущества“ ³⁾—вторая версія.

Однако, развилъ эту теорію и сдѣлалъ ее достояніемъ науки англійскій экономистъ Сеніоръ и съ его име-

¹⁾ Germain Garnier. *Abregé élémentaire des principes d'économie politique*. Paris. 1796. p. 35 и сл. Ср. томъ первый „Эвол. приб.“, стр. 668—69.

²⁾ Nebenius. *Ueber die Natur und die Ursachen des öffentlichen Kredits*. 2. Anfl. 1829. p. 22.

³⁾ Scrope. *Principles of political economy*. 1833. p. 188.

немъ тѣсно связана теорія воздержанія. Сеніоръ признаетъ существованіе трехъ факторовъ производства: силу природы, труда и воздержанія. Послѣднимъ онъ замѣняетъ понятіе капитала, такъ какъ капиталъ представляетъ собою не простой, а сложный факторъ производства: онъ есть результатъ совокупнаго дѣйствія труда, силы природы и третьяго фактора: воздержанія. Воздержаніемъ Сеніоръ называетъ поведеніе лица, воздерживающагося отъ непроезводительнаго потребленія тѣхъ вещей, которыми онъ располагаетъ, или предпочитающаго производство, доставляющее отдаленные результаты, производству, дающему немедленные результаты“ ¹⁾. Этотъ факторъ необходимъ (рядомъ съ трудомъ и силами природы) для возникновенія самого капитала и „онъ находится въ такомъ же отношеніи къ прибыли, какъ трудъ къ заработной платѣ“. Мы легко видимъ—продолжаетъ онъ—„воздержаніе въ поведеніи лица, дающаго возможность дереву или животному вполне развиться, но мы не сознаемъ его, когда человѣкъ сажаетъ кустъ или бросаетъ зерна въ землю. Наше вниманіе обращено на трудъ и мы не замѣчаемъ другой жертвы, приносимой тѣмъ же человѣкомъ, воздержаніемъ отъ пользованія нѣкоторыми предметами для достиженія отдаленнаго результата“ ²⁾. Изъ того, что Сеніоръ называетъ воздержаніе однимъ изъ факторовъ производства, видно, что посредствомъ воздержанія онъ предполагаетъ не только оправдать прибыль съ капитала, подобно Небеніусу и Скропе, но объяснить прежде всего происхожденіе прибыли, а затѣмъ уже найти ей оправданіе въ нравственныхъ качествахъ, обнаруживаемыхъ капиталистомъ. Въ доказательство послѣдняго онъ прибавляетъ: „воздерживаться отъ пользованія предметами, находящимися въ нашемъ распоряженіи, или добиваться отдаленныхъ результатовъ вмѣсто непосредственныхъ—это тяжкое усиліе для человѣка, и для того, чтобы произвести его, необходимо имѣть твердый характеръ“ ³⁾. „Главныя выгоды воздержанія или, выражаясь болѣе просто, выгоды пользованія капиталомъ—прибавляетъ Сеніоръ—закключаются во

¹⁾ Nassau W. Senior. Political Economy 3 ed. London—Glasgow. 1854. (Encyclopaedia metropolitana) p. 58.

²⁾ Senior. p. 58—59.

³⁾ Senior p. 60.

1-хъ въ употребленіи инструментовъ (орудій и машинъ) и во 2-хъ въ раздѣленіи труда“. На пользованіе инструментами онъ смотритъ какъ на проявленіе воздержанія. „Это касается какъ тѣхъ орудій и матеріаловъ, которые необходимы въ земледѣліи, такъ и всѣхъ тѣхъ инструментовъ, которые пригодны лишь для производительнаго потребленія, какъ орудія и машины въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Въ цивилизованномъ обществѣ самое простое орудіе является продуктомъ труда многихъ лѣтъ, быть можетъ нѣсколькихъ вѣковъ; орудія столяра относятся къ самымъ простымъ, а между тѣмъ сколько разъ вынужденъ былъ отказывать себѣ владѣлецъ капитала въ непосредственномъ потребленіи, эксплуатируя желѣзо для гвоздей и молотка столяра. Сколько труда, направленнаго на отдаленные результаты, надо было потратить на инструменты, съ помощью которыхъ происходило добываніе желѣза изъ рудника. И дѣйствительно, если вспомнимъ, что всѣ орудія, кромѣ развѣ самыхъ простыхъ, употребляемыхъ дикими народами, сами составляютъ продукты другихъ орудій, мы придемъ къ тому выводу, что изъ всѣхъ гвоздей, изготовляемыхъ въ Англіи ежегодно милліонами, нѣтъ ни одного, въ составъ котораго не входилъ бы трудъ, предпринятый въ виду отдаленныхъ результатовъ, или иначе говоря, который не являлся бы продуктомъ воздержанія, относящагося къ эпохѣ до завоеванія Англіи норманами или даже ко времени гептархій ¹⁾. Такимъ образомъ, орудія и машины являются продуктами не только труда, но и воздержанія или—какъ Сеніоръ самъ говоритъ—продуктами капитала. Сеніоръ, слѣдовательно, въ сущности признаетъ теорію производительности капитала, къ которой и сводится его ученіе о воздержаніи; тѣмъ не менѣе выгоды, проистекающія изъ употребленія машинъ, онъ называетъ не результатомъ дѣйствія капитала, а послѣдствіемъ воздержанія по той причинѣ, что самъ капиталъ, сами машины представляютъ собой не простой, а сложный факторъ производства.

Ученіе Сеніора нашло себѣ много послѣдователей; одно время оно являлось очень моднымъ и почти каждый сто-

¹⁾ Senior. p. 67—68.

ронникъ т. наз. буржуазной экономіи указывалъ на воздержаніе капиталиста, какъ на причину или какъ на одну изъ причинъ существованія прибыли, или же, усматривая въ производительности капитала (орудій производства) источникъ прибыли—прибавлялъ еще въ видѣ дополнительнаго оправданія ссылку на воздержаніе капиталиста. Такъ напр., Молинали (1-ое изд. курса 1855 г.) говоритъ (рядомъ съ указаніемъ на производительныя услуги капитала) о лишеніяхъ, которыя могутъ постигнуть капиталиста, вслѣдствіе того, что онъ не въ состоявіи располагать капиталомъ во время нахождения послѣдняго въ производствѣ для удовлетворенія неотложныхъ потребностей, которыя могутъ возникнуть въ это время. Прибыль есть слѣдовательно, вознагражденіе за лишенія, которымъ владѣлецъ капитала подвергается во время нахождения послѣдняго въ процессѣ производства; размѣры этого вознагражденія зависятъ съ одной стороны отъ многочисленности и настоятельности тѣхъ случаевъ, когда капиталисту можетъ понадобиться вложенный капиталъ, а съ другой стороны отъ быстроты, съ которой этотъ капиталъ можетъ быть извлеченъ и отъ значительности потерь съ которыми сопряжено извлеченіе его ¹⁾). Рошеръ также соединяетъ съ производительностью воздержаніе, но только, въ противоположность Молинали, то воздержаніе, которое обнаруживаетъ человѣкъ во время накопленія самаго капитала; онъ оправдываетъ прибыль съ капитала двумя соображеніями: во 1-хъ производительностью самого капитала и во 2-хъ той жертвой, которую приноситъ капиталистъ, воздерживаясь въ то время, какъ онъ составляетъ себѣ капиталъ. Въ видѣ примѣра онъ производитъ народъ, стоящій на самой примитивной ступени развитія, именно первобытныхъ рыболововъ, не располагающихъ никакими орудіями производства. „Каждый изъ этихъ людей—говоритъ онъ—добываетъ себѣ по три рыбы ежедневно на пропитаніе. Но вотъ одинъ смѣтливый человѣкъ сокращаетъ въ продолженіе 50 дней свое пропитаніе на двѣ рыбы и благодаря запасу въ 100 рыбъ, имѣетъ возможность не заниматься рыбной ловлей въ теченіе слѣдующихъ 56 дней, посвящая

¹⁾ Molinari. Cours d'économie politique. Bruxelles. 1855. Première partie. p. 254. 258—260. 261—265.

свое время на изготовленіе лодки и сѣтей. Съ этихъ поръ онъ въ состояніи ловить ежедневно вмѣсто трехъ рыбъ тридцать“. Этотъ плюсъ въ 27 рыбъ—прибыль—и является, по мнѣнію Рошера, вознагражденіемъ за тѣ лишенія, которыя перенесъ человѣкъ; откязывая себѣ въ полномъ удовлетвореніи потребности въ пищу въ теченіе 150 дней ¹⁾).

Теорію Сеніора въ чистой формѣ можно найти у Курсель-Сенеля (1-ое изд. курса въ 1858 г.) съ той только разницей, что онъ усматриваетъ въ прибыли „вознагражденіе за трудъ накопленія и воздержанія“. Рядомъ съ физическимъ трудомъ существуетъ, по его мнѣнію, трудъ накопленія, который состоитъ въ предвидѣніи будущихъ потребностей и въ воздержаніи отъ удовлетворенія настоящихъ (сбереженіе) и который не менѣе тяжелъ, чѣмъ физическій или умственный трудъ, хотя напряженія въ данномъ случаѣ и имѣютъ моральный характеръ. „Предвидѣніе и сбереженіе кажутся намъ на первый взглядъ—говоритъ Курсель-Сенель—дѣйствіями вполне естественными и весьма легкими, и никто не согласится сразу присвоить сбереженію терминъ труда. Это является послѣдствіемъ того, что люди обращаютъ вниманіе лишь на усилія физическаго характера; сбереженіе же не требуетъ никакого мускульнаго напряженія: сбереженіе не вызываетъ образованія какихъ-либо иныхъ предметовъ и, поэтому, трудно себѣ представить, чтобы были необходимы какія-либо усилія для того, чтобы капиталы сохранялись. Однако, достаточно немного подумать, чтобы признать, что человѣку столь же трудно воздержаться отъ потребленія произведенныхъ богатствъ, какъ примѣнять свой физическій или умственный трудъ для удовлетворенія своихъ потребностей. Чисто естественная двигательная сила, потребность, заставляетъ его работать мускулами, тогда какъ лишь усиліе искусственнаго свойства, комбинація разума и воли, свободный актъ, противорѣчащій его наклонности къ наслажденію и къ лѣни, въ состояніи привести къ сохраненію капиталовъ. И если мы бросимъ взглядъ на исторію человѣчества, мы увидимъ, что сбереженіе въ предвидѣніи будущаго является весьма позднимъ продуктомъ цивилизаціи, результатомъ строгой дисциплины и основа-

¹⁾ Roscher. Grundlagen. 14. Aufl. p. 459—460.

тельнаго воспитанія ¹⁾). „Различіе между цивилизованнымъ и дикимъ состояніемъ—продолжаетъ онъ далѣе—состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ челоуѣкъ думаетъ лишь о настоящемъ, тогда какъ въ первомъ случаѣ, работая для будущаго, онъ обыкновенно удовлетворяетъ свои настоящія потребности посредствомъ продуктовъ прошлаго труда, собранныхъ и сохранныхъ имъ.... Накопленіе является, слѣдовательно, трудомъ въ прямомъ, а не въ переносномъ смыслѣ и поэтому представляетъ собою производительную силу, которая требуетъ правда моральныхъ, но все же весьма тягостныхъ усилій“ ²⁾). Поэтому рядомъ съ заработной платой, вознагражденіемъ за физическій трудъ, должна существовать и прибыль, какъ плата за трудъ моральнаго свойства и такъ какъ желаніе и искушеніе потребить капиталъ представляетъ собою силу, дѣйствующую непрерывно, то бороться съ ней можно, лишь противопоставляя ей другую силу, также дѣйствующую постоянно; этимъ объясняется, по мнѣнію Курсель-Сенеля, то обстоятельство, что процентъ съ капитала имѣетъ вѣчный характеръ ³⁾).

Можно было бы назвать еще цѣлый рядъ писателей, которые въ той или иной формѣ указываютъ на воздержаніе капиталиста, какъ напр. Бастіа, Шербюлье, Максъ Виртъ, Шульце-Деличъ.

Ставя теорію воздержанія очень высоко, Бемъ-Баверкъ признаетъ однако, что популярность ея среди экономистовъ объясняется не ея теоретическими преимуществами, а потребностью времени, необходимостью защитить прибыль отъ тѣхъ рѣзкихъ нападокъ, которыя дѣлались на нее. То обстоятельство, что большинство сторонниковъ этой теоріи не воспринимаетъ этой теоріи воздержанія, какъ нѣчто цѣльное, а эклектически присоединяетъ элементы ея къ другимъ ученіямъ, выставляемымъ въ пользу института прибыли, свидѣтельствуетъ о томъ, что экономисты исходили изъ соображеній соціально-политическаго характера, стараясь привести какъ можно больше доводовъ, указы-

¹⁾ Courcelle-Seneuil. 3-éd. Paris. 1891. Т. I. p. 80—81.

²⁾ Courcelle-Seneuil. Т. I. p. 84—85.

³⁾ Ibid. Т. I. p. 298—301.

вающихъ на правомѣрность существованія прибыли хотя бы въ ущербъ единству и послѣдовательности теоріи ¹⁾).

Наоборотъ сильное глумленіе, какъ извѣстно, теорія воздержанія вызвала со стороны писателей-соціалистовъ. „Въ то время какъ классическій капиталистъ смотритъ на свое личное потребленіе какъ на грѣхъ противъ своего общественнаго призванія и какъ на воздержаніе отъ накопленія—говоритъ Марксъ—модернизированный капиталистъ видитъ въ накопленіи капитала воздержаніе отъ удовлетворенія своихъ потребностей“²⁾). „Чѣмъ болѣе прогрессируетъ общество, тѣмъ больше необходимо воздержанія—воскликаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, приводя слова Сеніора,—именно со стороны тѣхъ людей, которые занимаются промысломъ отнятія у другихъ людей продуктовъ ихъ труда. Всѣ условія процесса труда превращаются въ столько же способовъ воздержанія, практикуемыхъ капиталистомъ. Если хлѣбъ не только ѣдятъ, но и сѣютъ, то причина этого—воздержаніе капиталиста. Что вину дается возможность подвергнуться процессу броженія—воздержаніе капиталиста!... Итакъ—заключаетъ Марксъ—миръ живетъ только благодаря самоистязанію этого современнаго мученика-капиталиста. Очевидно — прибавляетъ онъ—простое чувство гуманности требуетъ освободить капиталиста отъ этого мученичества и соблазна, подобно тому какъ недавно рабовладѣлецъ въ Георгіи былъ освобожденъ благодаря уничтоженію рабства отъ мучительной дилеммы, истратитъ ли добытую отъ негра ударами кнута прибавочную цѣнность цѣликомъ на шампанское или превратитъ часть ея въ добавочное количество рабовъ и земли“³⁾).

Еще сильнѣе глумится Лассаль надъ теоріей воздержанія. „Прибыль съ капитала—вознагражденіе за воздержаніе! удачная мысль, неоцѣнимая мысль! Европейскіе милліонеры—аскеты, индійскіе столпники, стоящіе на столбахъ на одной ногѣ съ сильно наклонненнымъ туловищемъ и дланями, протягивая тарелочку въ народъ, чтобы собрать вознагражденіе за свои лишенія. Среди нихъ высится надъ всѣми, истязующими себя грѣшниками, главный мученикъ—

¹⁾ Röhm-Bawerk. В. I. p. 345—346.

²⁾ Marx. В. I. 2. Aufl. p. 615.

³⁾ Marx. В. I. p. 620.

домъ Ротшильда! Вотъ состояніе общества! Какъ это я до сихъ поръ не уразумѣлъ его! И какими же обжорами и расточителями должны быть рабочіе, сколько у нихъ вѣрно тайныхъ виллъ и метрессъ, сколько они празднуютъ оргій, потому то они должно быть и не получаютъ никакой платы за воздержаніе!“¹⁾

Отношеніе писателей социалистическаго направленія къ теоріи воздержанія вполне понятно. Теорію, объясняющую и оправдывающую институтъ частной собственности трудомъ собственника, Родбертусъ называлъ теоріей нечистой совѣсти, ибо собственность, основанная на личномъ трудѣ, есть идеалъ будущаго, но совершенно неизвѣстна настоящему. Такое опредѣленіе гораздо больше подходило бы къ ученію о воздержаніи капиталиста: дѣйствительность представляла собой слишкомъ рѣзкій контрастъ тому, что утверждали Сеніоръ и его послѣдователи. Въ дѣйствительной жизни оказывалось наоборотъ, что люди, которые работаютъ больше всего, живутъ хуже другихъ и терпятъ лишенія, будучи вынуждены отказывать себѣ въ удовлетвореніи цѣлой массы вполне справедливыхъ потребностей, тогда какъ тѣ люди, которые въ сущности трудятся меньше всѣхъ, ни о какомъ воздержаніи и не думаютъ, имѣя возможность удовлетворять и наименѣе важныя потребности. Поэтому теорія воздержанія казалась убѣжденнымъ социалистамъ насмѣшкой надъ дѣйствительностью, надъ печальнымъ положеніемъ рабочихъ, эксплуатируемыхъ капиталистомъ и дѣйствительно терпящихъ нужду; они были убѣждены, что экономисты, придерживающіеся этой теоріи, вовсе не вѣрятъ въ правильность ея, а выставляютъ ее только для защиты существующаго глубоко несправедливаго хозяйственнаго строя.

Изошряя свое остроуміе надъ сторонниками этого ученія—Сеніоромъ, Скропе, Молинари, Курсель-Сенелемъ, Шульце-Деличемъ и Виртомъ, Марксъ однако приводитъ и положительное возраженіе противъ теоріи воздержанія, указывая на то, что „всякое дѣйствіе человѣка можетъ быть названо воздержаніемъ отъ противоположнаго дѣйствія. Ёда есть воздержаніе отъ поста, хожденіе—воздержаніе отъ стоянія,

¹⁾ Lassale. Herr Bastiat-Schulze-Delitzsch. p. 84.

трудъ—воздержаніе отъ бездѣлія, бездѣліе—воздержаніе отъ труда и т. д. Этимъ господамъ—прибавляетъ онъ—слѣдовало бы когда нибудь обдумать положеніе Спинозы: *determinatio est negatio*“¹⁾ Еслибы ребенку, спрашивающему, откуда берутся цыплята,—говорить Шарль Жидъ—отвѣтить, что для производства цыплятъ нужно воздерживаться отъ употребленія яицъ въ пищу, онъ вправѣ былъ бы найти такой отвѣтъ очень благоразумнымъ въ смыслѣ совѣта и совершенно нелѣпнымъ, какъ объясненіе. Но разсужденіе, согласно которому воадержаніе является причиной образованія капиталовъ, нисколько не представляется болѣе удовлетворительнымъ. Вѣдь въ сущности оно сводится къ тому, что не уничтоженіе должно быть отнесено къ причинамъ производства, а это довольно странная логика. Нельзя понять, какимъ образомъ чисто отрицательный актъ, простое воздержаніе, можетъ произвести чтобы то ни было“²⁾. Говоря, что капиталистъ, вмѣсто того, чтобы потребить капиталъ, употребляетъ его въ производствѣ, экономисты, придерживающіеся этой теоріи, обращаютъ вниманіе очевидно на первую половину фразы, которая никакого значенія имѣть не можетъ, и упускаютъ изъ виду вторую половину, то обстоятельство, что капиталъ производительно потребляется и что именно эта роль капитала (или точнѣе: машины) въ производствѣ и является причиной прибавочной цѣнности. Родовачальникъ этой теоріи Сеніоръ въ сущности имѣлъ въ виду (какъ мы видѣли выше) производительную способность машинъ и инструментовъ и счелъ лишь нужнымъ (какъ онъ самъ указываетъ) „замѣнить понятіе, капитала въ смыслѣ орудій производства понятіемъ воздержанія“, а „вульгарное слово прибыль онъ окружилъ особымъ ореоломъ превративъ его въ награду за лишенія“ (Кауцкій). Послѣдователи его забыли первоначальное происхожденіе этого понятія, забыли, что Сеніоръ имѣлъ въ виду производительныя силы капитала—стоялъ слѣдовательно въ сущности на одной почвѣ со сторонниками теоріи производительности—и стали говорить о производительной способ-

¹⁾ Marx. В. I. p. 619. Англ.

²⁾ Жидъ. Основы политической экономіи. Пер. Шейниса. Спб. 1896. стр. 74—75.

ности самого воздержанія, какъ такового ¹⁾),—получился конечно абсурдъ.

Теорія, объясняющая прибыль съ капитала, воздержаніемъ капиталиста, стоитъ на чисто-индивидуалистической точкѣ зрѣнія. Соціалистическая теорія эксплуатаціи разсматриваетъ отношеніе различныхъ соціальныхъ классовъ между собою и выводитъ прибыль изъ борьбы и экономического неравенства этихъ классовъ; теорія производительности имѣетъ въ виду не отношенія между классомъ предпринимателей и классомъ рабочихъ, а роль человѣческаго труда и машины въ процессѣ производства, техническій характеръ производства; ученіе же о воздержаніи исходитъ изъ индивидуальной психологіи капиталиста какъ чловѣка, сберегающаго часть своего дохода. Особенно рѣзко эта индивидуалистическая точка зрѣнія обнаруживается, если разсматривать воздержаніе не какъ причину прибыли, а какъ моментъ, оправдывающій существованіе ея. Правда, поскольку рѣчь идетъ о признаніи или отрицаніи необходимости существованія института прибыли, и сторонники теорій производительности или эксплуатаціи дѣлаютъ существенную ошибку, принимая въ качествѣ критерія того, должна ли существовать прибыль или нѣтъ, то обстоятельство, изъ какого источника она получается. Если прибыль не отнимается ни у кого, если она возникаетъ изъ самостоятельнаго источника, то она справедлива и полезна; если же прибыль основывается на эксплуатаціи кого-либо, то она вредна и должна быть уничтожена. На этомъ основаніи одни, усматривающіе источникъ прибыли въ капиталѣ, признають прибыль необходимымъ институтомъ, другіе, считающіе ее продуктомъ труда рабочаго, встаютъ противъ нея. Критерій и въ томъ и въ другомъ случаѣ одинъ и тотъ же; и тутъ и тамъ отсутствуетъ точка зрѣнія цѣлесообразности, вопросъ теоретическій не отдѣляется отъ вопроса соціально-политического. То обстоятельство, откуда получается прибыль, еще не можетъ дать отвѣта на вопросъ о цѣлесообразности ея существованія, а является лишь однимъ изъ моментовъ, побуждающихъ признавать

¹⁾ Да и самый терминъ „abstinence“ (воздержаніе) превратился у нихъ въ „Entsagung“ и „privation“ (лишенія).

эту цѣлесообразность или отрицать ее. Тѣмъ не менѣе по сравненію съ оправданіемъ прибыли воздержаніемъ даже такой критерій является предпочтительнымъ. Относясь отрицательно къ прибыли, сторонники эксплуатационной теоріи, какъ мы уже сказали, исходятъ изъ ея социальнаго характера: отстаивая ее, экономисты, придерживающіеся теоріи производительности, имѣютъ въ виду техническій прогрессъ въ производствѣ. Наоборотъ, теорія воздержанія оправдываетъ прибыль соображеніями чисто моральнаго свойства, индивидуальными качествами капиталиста. Она не только изображаетъ прибыль какъ институтъ высокой нравственности, но оправдываетъ социальный институтъ прибыли индивидуальными заслугами лица, получающаго ее.

Тѣмъ не менѣе вопросъ о томъ, является ли ссылка на воздержаніе дѣйствительно совершенно безпочвенной, какъ это кажется на первый взглядъ, не можетъ еще считаться рѣшеннымъ окончательно. Можетъ ли быть объяснена теорія воздержанія только съ точки зрѣнія развитія экономической науки, но не съ точки зрѣнія исторіи экономическаго быта, или точнѣе говоря, вызывалось ли существованіе ея лишь потребностью экономической науки того времени въ защитѣ института прибыли отъ нападокъ писателей-соціалистовъ или были также налицо какіе-либо факты, которые свидѣтельствовали о томъ, что капиталисты дѣйствительно отказывались отъ удовлетворенія своихъ личныхъ потребностей ради накопленія капитала и примѣненія его въ производствѣ и этимъ подали поводъ къ такому объясненію существованія прибыли? Мы должны признать, что дѣйствительно, и эта теорія имѣетъ, подобно первымъ двумъ, фактическую основу въ явленіяхъ хозяйственной жизни, если не современной ей эпохи, то во всякомъ случаѣ предыдущаго періода, періода, предшествовавшаго распространенію машинъ. Данныя, относящіяся къ XVII—XVIII ст. въ Англіи и къ XVIII и началу XIX ст. въ континентальныхъ государствахъ, свидѣлствуютъ о томъ, что такое воздержаніе капиталиста дѣйствительно имѣло мѣсто, хотя оно конечно не являлось причиной накопленія капитала, а еще менѣе могло объяснять существованіе прибыли въ тѣ времена или служить оправданіемъ ея. Указывая на то, что классическій капиталистъ считалъ грѣхомъ употребленіе своего имуще-

ства на удовлетвореніе личныхъ потребностей, вмѣсто обращенія его въ капиталъ, Марксъ прибавляетъ: въ историческій періодъ зачатковъ капиталистическаго производства—и такая историческая ступень имѣется въ индивидуальной жизни всякаго капиталистическаго парвеню—стремленіе къ обогащенію и скупость являются господствующими страстями. Но впослѣдствіи, съ развитіемъ капиталистическаго производства, возникаетъ страшный конфликтъ между стремленіемъ къ накопленію и стремленіемъ къ удовлетворенію личныхъ потребностей. Марксъ цитируетъ англійскаго писателя Айкина, который въ своемъ сочиненіи, вышедшемъ въ 1795 году, дѣлитъ исторію промышленности въ Манчестерѣ на четыре періода. Въ первый періодъ фабриканты (скупщики) были вынуждены тяжкимъ трудомъ добывать себѣ пропитаніе. Прибыль была низка и накопленіе капитала было поэтому возможно лишь при большой бережливости. Они не потребляли даже всего процента, доставляемаго капиталомъ. Во второй періодъ они уже обладали небольшими состояніями, но они работали по прежнему, не покладая рукъ. Лишь въ третьемъ періодѣ появляется роскошь. Однако значительной расточительностью характеризуется—по словамъ Айкина—только четвертый періодъ—конецъ XVIII вѣка. Есть основанія предполагать—говоритъ онъ—что до 1690 года не существовало вовсе капиталовъ въ размѣрѣ 3—4 тыс. ф. ст., которые были бы пріобрѣтены въ промышленности, или во всякомъ случаѣ количество ихъ было очень незначительно. Еще въ началѣ XVIII вѣка манчестерскій фабрикантъ (скупщикъ), который угощалъ своихъ гостей иноземнымъ виномъ, вызывалъ удивленіе и пересуды среди своихъ сосѣдей. До появленія машинъ фабриканты, сходясь вечеромъ въ тавернѣ, тратили не болѣе 6 пенс. на стаканъ пива и 1 пенса на табакъ. „Накопленіе ради накопленія, производство ради производства, — въ этой формулѣ — прибавляетъ Марксъ—классическая экономія выразила историческое призваніе буржуазнаго періода... Разсматривая пролетарія исключительно какъ машину, производящую прибавочную цѣнность, классическая экономія видитъ и въ капиталистѣ лишь машину для превращенія этой прибавочной цѣнности въ прибавочный капиталъ. Она очень серьезно смотритъ на его историческую функцію. Для того, чтобы избавить его душу

отъ ужаснаго конфликта между жаждой обогащенія и жаждой личнаго потребленія, Мальтусъ въ началѣ 20-тъ годовъ XIX вѣка признавалъ необходимымъ раздѣленіе труда, при которомъ накопленіе является функцией капиталистовъ, помышляющихъ свой капиталъ въ индустрію, расточеніе же функцией другихъ классовъ, получающихъ часть прибавочной цѣнности—лендлордовъ, чиновниковъ, духовенства и т. п. Онъ находитъ, что „the passion for expenditure and the passion for accumulation“ (страсть расходованія денегъ и страсть накопленія ихъ) необходимо обязательно держать отдѣльно другъ отъ друга ¹⁾. Это требованіе Мальтуса не есть однако что-либо новое: оно выражаетъ собою лишь то, что происходило въ дѣйствительности въ XVII—XVIII ст.: купцы отличались бережливостью, а лендлорды расточительностью ²⁾.

Извѣстно, что первые фабриканты въ эпоху введенія машинъ въ Англіи происходили изъ низшихъ слоевъ городского и сельскаго населенія и что это были люди, которымъ удалось пробить себѣ дорогу безъ гроша въ карманѣ и послѣ большихъ усилій, всячески урѣзывая на всемъ, достигнуть значительныхъ богатствъ ³⁾. Какъ указываетъ Манту, первые англійскіе фабриканты въ концѣ XVIII вѣка начинали производство съ весьма малыхъ размѣровъ, причемъ ихъ капиталы состояли изъ собственныхъ же сбереженій. Такъ, напр., Радклифъ въ 1785 г. открылъ предпріятіе на тѣ деньги, которыя онъ успѣлъ скопить изъ небольшой заработной платы, полученной въ предыдущіе годы, когда онъ былъ простымъ ткачемъ; такъ и Кеннеди, первоначально работавшій на прядильной фабрикѣ въ 1791 г., устроилъ собственную мастерскую, гдѣ онъ продолжалъ самъ работать при содѣйствіи двухъ рабочихъ. Лишь впоследствии онъ сталъ крупнымъ фабрикантомъ ⁴⁾. Такимъ образомъ въ этомъ періодѣ

¹⁾ Marx. Kapital. B. I. p. 615—618.

²⁾ См. объ этомъ т. I. „Эволюція прибыли“, стр. 669—670.

³⁾ Steffen. Geschichte der englischen Lohnarbeiter. B. II. p. 160 и сл.

⁴⁾ Такой постепенный переходъ отъ весьма скромнаго начала къ производству въ крупныхъ размѣрахъ обуславливался въ тѣ времена и самой постепенностью развитія машинъ: нѣсколько мюльных машинъ или нѣсколько дженни, приводимыхъ въ движеніе руками человека, можно было установить въ любомъ мѣстѣ, особыхъ зданій для этого еще не требовалось; когда же вырученная прибыль, бу-

рабочіе дѣйствительно составляли себѣ капиталы, дѣлая сбереженія изъ своей скудной платы и перетерпѣвая лишения. На это указываетъ и Маршалъ, подчеркивая въ особенности тотъ фактъ, что шеффильдскіе промыслы и производство гончарныхъ издѣлій дало значительное количество рабочихъ, достигшихъ положенія предпринимателя ¹⁾. Въ XIX вѣкѣ—говоритъ Максъ Веберъ—классическими представителями класса капиталистовъ явились не знатные джентльмены Ливерпуля и Гамбурга съ унаслѣдованнымъ отъ предковъ изъ торговыхъ операцій богатствомъ, а выскочки Манчестера и Прирейнской области, поднявшіеся изъ довольно низменныхъ сферъ. Въ эту эпоху появленія машинъ, съ возникновеніемъ ожесточенной конкуренціи были приобрѣтены значительныя состоянія, которыя не отдавались въ ростъ, а снова вкладывались въ предпріятіе; прежній спокойный, удобный образъ жизни смѣнился трезвой и тяжелой дѣйствительностью, ибо одни, двигавшіеся впередъ, желали наживать, а не проживать, другіе, жившіе по старому, вынуждены были ограничивать свое потребленіе. Предприниматель новаго пошиба обнаруживалъ, по мнѣнію Вебера, и значительныя этическія качества, ибо ему необходимо было приобрѣсти и довѣріе потребителей и рабочихъ и необходима была энергія, чтобы побороть многочисленныя препятствія, въ особенности же онъ вынужденъ былъ работать несравненно интенсивнѣе и долженъ былъ отказаться отъ жизненныхъ удобствъ, отъ пользованія благами жизни ²⁾.

Веберъ усматриваетъ въ образѣ жизни „классическаго“ капиталиста не только этическія, но и аскетическія черты и находитъ, что этотъ аскетизмъ имѣлъ большое значеніе

лучи сбережена, составляла уже извѣстную сумму, то на нее приобрѣтались ватерныя машины или механическіе ткацкіе станки, а позже и двигатели—сначала водяные, затѣмъ и приводимые въ движеніе паромъ, наконецъ устраивались и фабричныя зданія. Такъ въ теченіе немногихъ лѣтъ небольшая мастерская превращалась въ крупное фабричное предпріятіе. (Mantoux. p. 387).

¹⁾ Marshall. Principles of economics. T. I. p. 367.

²⁾ Max Weber. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus Arch. für Sozialwiss. u. Sozialpol. B. XX. 1904. p. 27—29. Такимъ же характеромъ отличались и наши первые капиталисты: „Первые горнозаводчики на Уралѣ (въ XVIII вѣкѣ) были далеко не заурядными

для развитія капитализма. Но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на то, что въ добытой прибыли капиталистъ не усматривалъ вовсе вознагражденія за свой аскетизмъ, за свое „воздержаніе“: само предпріятіе съ безпрестанной работой на пользу его становилось для него чѣмъ то необходимымъ, частью самого „я“; человѣкъ здѣсь существуетъ для предпріятія, а не наоборотъ. И столь же невѣрно, будто бы конечною цѣлью капиталиста являлось потребленіе накопленныхъ богатствъ, которое, такимъ образомъ, отодвигалось до болѣе поздняго времени (воздержаніе въ теченіе нахождения капитала въ производствѣ); нѣтъ, онъ умиралъ, не воспользовавшись своими богатствами и это именно казалось столь дикимъ и неестественнымъ людямъ старыхъ возрѣвій; они не понимали и въ то-же время считали достойнымъ презрѣнія человѣка, который ставилъ себѣ цѣлью жизни умереть, оставляя послѣ себя огромныя богатства, которыми онъ самъ не воспользовался, да и не желалъ пользоваться. Въ то же время окружающіе не видѣли ничего этического въ его аскетизмѣ, въ его воздержаніи, а считали его дѣятельность въ лучшемъ случаѣ этически индифферентной, а въ худшемъ называли ее „*augi sacra fames*“, которая опасна для спасенія души.

Какъ бы то ни было, но съ дальнѣйшимъ ростомъ крупной фабричной промышленности, появленіемъ огромныхъ прибылей въ рукахъ предпринимателей, примѣняющихъ машины и двигатели, этотъ „классическій“ типъ капиталиста исчезаетъ. На „извѣстной ступени развитія капиталистическаго производства извѣстная общепринятая степень расточительности, которая имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлью

людьми, а нѣкоторые изъ нихъ обладали способностями, энергіей и предпримчивостью прямо необыкновенными. Изнуряя трудомъ горнорабочее населеніе, наживая колоссальныя состоянія и всѣми средствами расширяя свои владѣнія, они и сами не знали отдыха, побуждаемые къ тому духомъ предпримчивости и алчностью къ наживѣ... До половины XVIII ст. шло упорное накопленіе богатствъ: заводчики того времени были не только бережливы, но скупы и даже скарены, но со второй половины этого вѣка настала эпоха бѣшеныхъ тратъ, безумнаго мотовства. Сиговъ. Народъ и посесіонныя владѣнія на Уралѣ. „Русское Богатство“. 1899. Кн. III. стр. 210—11).

(11*) Weber. p. 30—33.

выставленіе своего богатства на показъ, а слѣдовательно, является и средствомъ полученія кредита, составляетъ для „несчастливаго“ капиталиста обязанность дѣлового характера. Роскошь входитъ въ составъ расходовъ капитала на представительство... Хотя расточительность капиталиста никогда не имѣетъ характера bona fide расточительности феодала и за ней всегда скрывается грязная скупость и бережливая расчетливость, тѣмъ не менѣе эта расточительность растетъ съ ростомъ накопленія, причемъ одно нисколько не вредитъ другому“ ¹⁾). Аскетическія свойства, которыя Веберъ приписываетъ капиталисту, относятся и могутъ относиться лишь къ болѣе раннему періоду,—въ періодъ развитаго фабричнаго производства они уже не могли имѣть мѣста.

Уже представитель извѣстнаго гамбургскаго торговаго и банкирскаго дома Джонъ Перришъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка тратилъ значительныя суммы на личные потребности. Если вначалѣ главною его цѣлью являлось стать миллионеромъ, то позже онъ сталъ самъ указывать на то, что внутренняя цѣнность богатства состоитъ не въ накопленіи его, а въ умѣннн использовать его надлежащимъ образомъ, доставить себѣ комфортъ, наслаждаться жизнью ²⁾). Огромные барыши, доставляемые ахенской шерстяною промышленностью въ концѣ 60-хъ и въ началѣ 70-хъ годовъ XIX вѣка ³⁾), вызвали безумную роскошь среди разбогатѣвшихъ и ставшихъ самостоятельными предпринимателями приказчиковъ и мелкихъ торговцевъ. Началось бессмысленное мотовство, выражавшееся въ роскошныхъ постройкахъ, въ богатыхъ выѣздахъ, въ устройствѣ всевозможныхъ празднествъ, въ огромныхъ затратахъ женщинъ на наряды и украшенія и въ неумѣренной ѣдѣ и питьѣ мужчинъ ⁴⁾).

Быть можетъ, Лампрехтъ отчасти и правъ, указывая на то, что переутомленіе нервовъ и перенапряженіе, большая отвѣтственность предпринимателя въ эпоху крупной промышленности и безграничной конкуренціи на міровомъ рынкѣ, когда положеніе его нерѣдко не менѣе опасно, чѣмъ положеніе акробата на канатѣ,—неминуемо должно вызывать

¹⁾ Marx B. I. p. 166.

²⁾ Ehrenberg. Das Haus Parish in Hamburg. p. 37. 74. 85. 103.

³⁾ См. выше, стр. 92—93.

⁴⁾ Thun. Die Industrie am Niederrhein, B. I. p. 75.

потребность въ роскоши, болѣзненную склонность къ пере-
мѣнамъ ¹⁾. Но и самыя условія производства съ теченіемъ
времени измѣнялись: „по мѣрѣ того, какъ одни лишь круп-
ныя предпріятія стали доставлять значительный доходъ, из-
мѣнился по необходимости и обликъ класса фабрикантовъ.
На сцену выступаютъ сыновья и внуки первыхъ фабрикан-
товъ, самостоятельно выбившихся на дорогу, потѣмки, полу-
чившіе воспитаніе, сопряженное съ значительными расхо-
дами, иногда вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма солидное. Благосо-
стоянію семьи уже было положено основаніе и она уже
успѣла свыкнуться со своимъ новымъ общественнымъ поло-
женіемъ. Дѣлать сбереженія путемъ всяческаго сокращенія
издержекъ производства и составлять себѣ этимъ путемъ
состояніе или увеличивать его уже стало немислимымъ, въ
виду измѣнившихся условій производства“ ²⁾.

Наконецъ, если мы вникнемъ ближе въ самый характеръ
воздержанія той эпохи, когда оно практиковалось, то выя-
снится во 1-хъ, что рѣчь можетъ идти лишь о воздержаніи
въ смыслѣ непотребленія сбереженій, изъ коихъ накапливается
капиталь, во 2-хъ, что результатомъ этого воздержанія явля-
лось образованіе капитала, но не полученіе прибыли изъ
него и, наконецъ, въ 3-хъ, что это воздержаніе являлось
лишь однимъ изъ моментовъ, которымъ обуславливалось
накопленіе, тогда какъ другимъ являлся тотъ дополнитель-
ный трудъ, часть платы за который сберегалась, или же
выручаемая прибыль, изъ которой составлялся капиталъ.
Такимъ образомъ, и приведенные факты, касающіеся XVII—
XVIII ст., вовсе не могутъ служить обоснованіемъ прибыли,
которая выручалась въ эту эпоху, а объясняютъ лишь воз-
можность возникновенія теоріи воздержанія въ этотъ періодъ.
Но въ XVII—XVIII ст. въ подобной теоріи въ сущности
вовсе и не было надобности, такъ какъ и общее міровоз-
зрѣніе усматривало въ прибыли купца или промышленника
результатъ его сбереженій и смотрѣло на нее какъ на нѣчто
необходимое и вполнѣ естественное.

Въ то время, когда капиталистъ медленно, тяжкимъ тру-
домъ накапливалъ капиталъ и постепенно расширялъ свое

¹⁾ Lamprecht. Zur jüngsten deutschen Vergangenheit. B. II. T. I. p. 253—254.

²⁾ Steffen. B. II. p. 163.

предпріятіе, никто, не могъ усомниться въ правомѣрности извлекаемой имъ прибыли, никто не возбуждалъ вопроса о томъ, насколько справедливъ доходъ, извлекаемый имъ изъ капитала. Впослѣдствіи же, когда появились крупныя капиталы и огромныя доходы, когда дѣятельность капиталиста нерѣдко сводилась къ растрачиванію полученнаго дохода, предпріятіемъ же руководилъ наемный директоръ или правленіе акціонерной компаніи,—тогда и на прибыль стали смотрѣть иначе и поставили вопросъ: имѣетъ ли она право на существованіе. Но ссылаться на воздержаніе и другія нравственныя качества капиталиста уже нельзя было именно тогда, когда это было такъ нужно. Въ XIX вѣкѣ, когда возникла надобность въ оправданіи прибыли отъ взводимыхъ на нее обвиненій, теорія воздержанія уже не имѣла подъ собою никакой почвы. Въ теоріи воздержанія кроется, такимъ образомъ, внутреннее противорѣчіе ¹⁾).

¹⁾ Нечего говорить, что теорія воздержанія въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее находимъ у Рошера (а также у Тюнена и др. экономистовъ)—гдѣ процентъ является результатомъ сокращенія пропитанія въ теченіе извѣстнаго времени, что даетъ возможность создать нѣкоторый запасъ средствъ и затѣмъ уже, пользуясь имъ, производить орудія производства (см. выше, стр. 220)—что такая теорія если разсматривать ее какъ объясненіе дѣйствительнаго происхожденія капитала и процента совершенно не выдерживаетъ критики. Первый капиталъ въ качествѣ орудія производства никоимъ образомъ не могъ возникнуть такъ, какъ это изображаетъ Рошеръ, ибо у первобытныхъ народовъ о сбереженіи потребительныхъ запасовъ не можетъ быть и рѣчи,—они неспособны думать о будущемъ и сохранять то, что могутъ потребить въ настоящемъ, на будущее время, да у нихъ и нѣтъ необходимыхъ приспособленій, которыя предохраняли бы сберегаемые припасы отъ порчи. Съ другой стороны, прогрессъ отъ первобытнаго состоянія къ болѣе развитому хозяйственному быту вовсе не заключается въ сокращеніи потребленія, а въ расширеніи производства, въ томъ, что неумѣющій работать человѣкъ постепенно пріучается къ болѣе успѣшному и регулярному труду, и появленіе первой лодки и сѣтей слѣдуетъ скорѣе представить себѣ результатомъ того, что человѣкъ увеличиваетъ затрачиваемое имъ количество труда—времени у него вполне достаточно, даже слишкомъ много для этого. Наконецъ, въ первобытной общинѣ о ссудѣ съ уплатой процентовъ совершенно нѣтъ и рѣчи, и то, что принадлежитъ одному, принадлежитъ и другому. Если у кого-либо имѣется лишняя лодка (мы знаемъ цѣлый рядъ фактовъ именно этого рода, записанныхъ путешественниками), то онъ охотно отдаетъ ее соплеменнику, обязанъ отдать ее

V.

Фридрихъ Германъ называетъ капиталомъ „всѣ предметы, которые допускаютъ продолжительную утилизацію, имѣющую мѣновую цѣнность, независимо отъ того, пользуется ли ею собственникъ непосредственно или чрезъ посредство обмена на другія цѣнности“, и процентъ съ капитала онъ опредѣляетъ какъ „воздержаніе отъ пользованія собственнымъ имуществомъ со стороны лица, отдающаго его взаймы, внаймы или въ аренду“¹⁾. Книсъ указываетъ на неправильность этого опредѣленія, говоря, что не воздержаніемъ собственника объясняется существованіе процента, а возможностью распоряженія капиталомъ, которую онъ предоставляетъ другому лицу. Книсъ при этомъ сравниваетъ отдачу взаймы съ продажей и говоритъ, что

и никакой уплаты за это пользованіе нѣтъ и быть не можетъ. (См. относительно послѣдняго гл. I перваго тома „Эволюціи прибыли“). Въ недавно вышедшей весьма любопытной книжкѣ по вопросу о первоначальномъ возникновеніи производнаго процента Гайнишъ (Mich. Hainisch. Die Entstehung des Kapitalzinses. 1907) справедливо указываетъ на полную невозможность появленія процента впервые въ производительномъ кредитѣ вслѣдствіе ссуды орудій производства. Онъ въ особенности подчеркиваетъ то обстоятельство, что въ первобытную эпоху человѣкъ совершенно не способенъ создать себѣ какой-либо опредѣленный планъ хозяйственной дѣятельности на извѣстный періодъ времени, а еще менѣе способенъ выполнить его,—обычай наоборотъ не позволяетъ ему сохранять запасы пищи на будущее время, ибо остатки трапезы могутъ привлечь злыхъ духовъ. Онъ указываетъ далѣе, что въ примѣрахъ Ропера и Тюнена дикарь вѣдь не строитъ лодку или выдѣлываетъ топоръ по существующему образцу, а долженъ вновь изобрѣсти эти предметы, между тѣмъ наличность извѣстнаго запаса пищи еще вовсе не доставляетъ такой возможности. Далѣе, далеко не всегда его соплеменники поймутъ выгоды новаго изобрѣтенія и захотятъ получить его взаймы, и теперь еще крестьяне и ремесленники нерѣдко предпочитаютъ сохранять свою прежнюю технику, боясь всякихъ новшествъ. Наконецъ, вычисленіе процента у первобытныхъ народовъ немислимо, ибо считать они не умѣютъ—дальше трехъ или пяти у нихъ часто дѣло не идетъ, все дальнѣйшее опредѣляется понятіемъ большого (р. 14—22). Словомъ примѣры, взятые изъ жизни первобытныхъ охотниковъ или рыболововъ, какъ въ цѣломъ, такъ и во всѣхъ своихъ частяхъ совершенно противорѣчатъ дѣйствительности.

¹⁾ Hermann. Staatswirtschaftliche Untersuchungen. München. 1832. p. 57.

„никому бы не пришло въ голову основывать плату, получаемую при продажѣ фруктовъ, книгъ, сапогъ и т. п., на томъ, что продавецъ отказывается отъ пользованія принадлежащими ему вещами и поэтому имѣетъ право требовать вознагражденія за свое воздержаніе. Онъ въ данномъ случаѣ старается возможно выгоднѣе воспользоваться принадлежащими ему цѣнностями, приобретаая за нихъ другія цѣнности, а покупатели платятъ ему за это, имѣя возможность посредствомъ этихъ цѣнностей удовлетворять свои потребности въ качествѣ потребителей или въ качествѣ производителей“¹⁾.

На это возражаетъ Нассе. „Въ самомъ дѣлѣ — говорить онъ — было бы совершенно неправильно говорить о воздержаніи продавца, такъ какъ человекъ, продающій напр., сапоги, отказывается не только отъ пользованія сапогами, но и отъ самыхъ сапогъ (т. е. отъ права собственности на нихъ), заимодавецъ же дѣйствительно отказывается отъ пользованія; поэтому въ такомъ случаѣ можно сказать, что онъ временно воздерживается отъ распоряженія или отъ пользованія своимъ капиталомъ и за это то онъ и требуетъ вознагражденіе“²⁾. Середину между Германомъ и Нассе съ одной стороны, и Книсомъ съ другой стороны, занимаетъ Митгофъ. Онъ, правда, соглашается съ Книсомъ, что процентъ объясняется предоставленіемъ капитала въ пользованіе другому лицу, но все же признаетъ вмѣстѣ съ Нассе, что владѣлецъ капитала приноситъ этимъ извѣстную жертву, „Внутреннее оправданіе процента съ капитала — говоритъ онъ — основано на томъ, что пользованіе капиталомъ доставляетъ собственнику цѣнности, и поэтому человекъ, желающій пользоваться капиталомъ и удовлетворяющій такимъ образомъ свои хозяйственныя потребности, въ состояніи платить за пользованіе капиталомъ безъ ущерба для себя... Если бы собственникъ не отдалъ своего капитала въ пользованіе другому лицу, онъ могъ бы самъ вложить его въ производство или употребить тѣмъ или инымъ образомъ. Поэтому если онъ временно отказывается отъ распоряженія собственнымъ капиталомъ въ пользу другого лица, онъ

¹⁾ Knies. Geld und Credit. T. II. 2 Abt. p. 36.

²⁾ Nasse. Jahrbücher für Nationalökonomie. Neue Folge. B. I. p. 194.

приносить жертву, за которую ему слѣдуетъ вознагражденіе, т. е. процентъ* ¹⁾).

Мы видимъ, какъ здѣсь теорія воздержанія незамѣтно переходитъ въ теорію утилизаціи, пользованія капиталомъ, какъ основнымъ моментомъ становится постепенно не отрицательное обстоятельство—отказъ, воздержаніе отъ употребленія капитала, а положительное—выгода, получаемая отъ пользованія капиталомъ, хотя влияніе теоріи воздержанія и здѣсь обпаруживается въ томъ, что признается наличность жертвы со стороны лица, уступающаго свой капиталъ. Это положительное обстоятельство могло разсматриваться въ примѣненіи къ первоначальному капиталу, и тогда легко получалась теорія производительности: суть не въ воздержаніи отъ потребленія капитала, а въ томъ, что послѣдній производителенъ. Но въ изложенныхъ нами теоріяхъ исходной точкой является производный процентъ, уплоченный за полученный взаймы капиталъ. И въ связи съ этимъ отвѣтъ дается другой: процентъ есть вознагражденіе за пользованіе капиталомъ со стороны заемщика, и далѣе есть результатъ того, что заемщикъ имѣетъ возможность извлекать выгоду изъ пользованія или распорядженія этимъ капиталомъ, тогда какъ займодавецъ отказывается отъ пользованія имъ. Такъ пользованіе, утилизація капитала, какъ причина производнаго процента переходитъ постепенно въ причину первоначальнаго процента, и даже становится самостоятельнымъ факторомъ въ производствѣ. У Нассе и Митгофа мы находимъ нѣкоторое указаніе на существованіе такой утилизаціи капитала въ предпріятіи, у Лермана и Кнуса она выступаетъ рѣзко какъ причина существованія прибыли съ капитала. Конечно, при болѣе близкомъ разсмотрѣніи эта утилизація должна легко превратиться въ производительность капитала, и, дѣйствительно, у Кнуса одно весьма легко переходитъ въ другое—и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ прямо говоритъ объ орудіяхъ производства и машинахъ, благодаря содѣйствію которыхъ и благодаря пользованію которыми увеличилось количество продукта ²⁾).

¹⁾ Mieshoff. Volkswirtschaftliche Verteilung (Schoenbergs Handbuch. B. I. Aufl. p. 658).

²⁾ См. Credit. Abt. 2. p. 78—79.

Однако рядомъ съ этимъ и у Кнуса и въ особенности у Германа и Шефле рѣчь идетъ объ утилизаціи капитала, о распоряженіи имъ, какъ о самостоятельномъ, отличномъ отъ производительности капитала, моментѣ, создающемъ новыя цѣнности. Германъ утверждаетъ, что потребитель оплачиваетъ въ составѣ цѣны какъ трудъ, такъ и утилизацію капитала, которая представляетъ собою не возвращеніе затраченныхъ въ производствѣ цѣнностей, а совершенно новую цѣнность и которая состоитъ „въ соединеніи и сохраненіи и держаніи наготовѣ всѣхъ техническихъ элементовъ производства, начиная отъ первоначальнаго добыванія матеріала, проходя чрезъ всѣ техническія измѣненія и коммерческіе процессы вплоть до доставленія потребителю продукта въ то время и въ томъ количествѣ, какъ онъ этого желаетъ. Это соединеніе техническихъ элементовъ производства и составляетъ услугу, объективную утилизацію капитала“¹⁾. У Шефле рѣчь идетъ о „Vermögensnutzung“, о цѣнностяхъ, создаваемыхъ посредствомъ утилизаціи капитала²⁾. Онъ опредѣляетъ утилизацію какъ пользованіе силами, которыя воплощены въ предметахъ и извлекаются изъ нихъ людьми (Kraftauslösungen); благодаря этому, возможно предоставленіе капиталовъ въ пользованіе другимъ лицамъ, оно является предоставленіемъ пользованія тѣми силами, которыя могутъ быть извлечены изъ капитала³⁾.

Едва ли не наиболѣе рѣзко эта мысль выражена у Карла Менгера. Слѣдя шагъ за шагомъ, какъ онъ съ рѣдкой логической послѣдовательностью развиваетъ теорію предѣльной полезности, читатель съ удивленіемъ останавливается предъ внезапнымъ появленіемъ утилизаціи, которая должна обуславливать существованіе прибыли съ капитала. Разъ предприниматель приобрѣтаетъ орудія и матеріалы, т. е. предметы высшаго разряда, по цѣбѣ, соответствующей той цѣнности, которую производимые имъ предметы низшаго разряда (т. е. предметы потребленія) будутъ имѣть въ будущемъ, то вполне ясно, что разницы между его издержками

¹⁾ Hermann. Staatswirtschaftliche Untersuchungen. 2. Aufl. 1870. p. 287.

²⁾ Schaeffle. Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirtschaft. 3. Aufl. Tübingen 1873. p. 72—175. 267 273—274.

³⁾ Schaeffle. Bau und Leben des sozialen Körpers. B. III. Tübingen. 1878. p. 258. 313.

и выручкой не может быть и для прибыли нѣтъ мѣста: уменьшаемое (новый продукт, предметъ низшаго разряда) равно вычитаемому (предмету высшаго разряда, средствамъ производства),—остатка нѣтъ никакого. Тѣмъ не менѣ Менгеръ ухитряется найти остатокъ и объяснить имъ наличность прибыли. „Для превращенія предмета высшаго разряда—говоритъ онъ—въ предметъ низшаго разряда необходимо, чтобы прошло извѣстное время; слѣдовательно, повсюду, гдѣ рѣчь идетъ о производствѣ хозяйственныхъ предметовъ, необходимо распоряженіе капиталомъ въ теченіе опредѣленнаго періода... Впродолженіе этого времени данное количество хозяйственныхъ предметовъ (капитала) связано въ производственномъ процессѣ и не можетъ быть употреблено на другія цѣли. Поэтому для обладанія предметами низшаго разряда въ будущемъ недостаточно временнаго распоряженія соотвѣтствующими предметами высшаго разряда, а необходимо владѣніе ими и помѣщеніе ихъ въ производствѣ въ теченіе болѣе или менѣ продолжительнаго періода“. Но распоряженіе хозяйственными предметами высшаго разряда (капиталомъ) въ теченіе извѣстнаго періода имѣетъ для насъ, подобно другимъ хозяйственнымъ предметамъ, цѣнность; поэтому цѣнность предметовъ высшаго разряда не можетъ совершенно совпадать съ цѣнностью предметовъ низшаго разряда, цѣнность предметовъ высшаго разряда всегда должна быть нѣсколько ниже цѣнности предметовъ низшаго разряда, такъ какъ въ составъ цѣнности послѣднихъ входитъ не только цѣнность предметовъ высшаго разряда, при помощи которыхъ они были произведены, но и цѣнность пользованія капиталомъ. „Тѣмъ, что утилизація капитала является самостоятельнымъ благомъ (цѣнностью)—заключаетъ Менгеръ—объясняется то обстоятельство, что несмотря на то, что цѣнность основывается главнымъ образомъ на потребностяхъ, мы тѣмъ не менѣ въ дѣйствительности часто наблюдаемъ, что производители предметовъ низшаго разряда уплачиваютъ за покупаемые ими предметы высшаго разряда, въ видѣ техническихъ средствъ производства, не всю предполагаемую цѣнность послѣднихъ, а нѣсколько меньше, такъ что продажа предметовъ высшаго разряда имѣетъ нѣкоторое сходство съ дисконтированіемъ векселя, при-

чемъ исходнымъ пунктомъ является предполагаемая цѣна продуктовъ“¹⁾).

Бемъ-Баверкъ подробно останавливается на критикѣ теоріи утилизаціи. Онъ указываетъ на то, что существуетъ только одинъ способъ пользованія вещами, именно пользованіе тѣми силами природы, которыя воплощены въ нихъ,—въ этомъ, т. е. въ томъ, что вещи допускаютъ пользованіе присущими имъ силами природы, и заключается ихъ цѣнность. Если какая-нибудь вещь не обладаетъ этой способностью проявлять свойственныя ей силы природы, то она цѣнности никакой не имѣетъ, такъ какъ она не въ состояніи удовлетворять какія-либо потребности человѣка. Поэтому побужденіемъ къ приобрѣтенію какого-либо предмета является желаніе приобрѣсти возможность пользованія присущими ему силами природы; покупая предметъ, мы приобрѣтаемъ всѣ проявленія свойственныхъ ему силъ природы, въ цѣнѣ его оплачивается сумма цѣнности всѣхъ отдѣльныхъ проявленій этихъ силъ. Приобрѣтая какой-либо предметъ для временного пользованія, мы приобрѣтаемъ также ничто иное, какъ возможность извлеченія изъ него извѣстныхъ выгодъ посредствомъ пользованія воплощенными въ немъ силами природы. вмѣстѣ съ тѣмъ вполне ясно, что такое пользованіе предметомъ должно вызывать постепенное пониженіе его цѣнности, такъ какъ количество присущихъ ему силъ все болѣе и болѣе истощается. Очевидно такое пользованіе предметомъ не можетъ приносить никакого чистаго дохода. Пользуясь такимъ способомъ своимъ капиталомъ, капиталистъ не можетъ извлекать прибыли съ капитала, ибо тѣ части цѣнности, которыя являются вознагражденіемъ за пользованіе капиталомъ, представляютъ собою ничто иное какъ возвращеніе износившихся частей капитала. Никакого пользованія иного рода, никакой утилизаціи капитала, не сопровождающейся уменьшеніемъ его цѣнности, нѣтъ и быть не можетъ²⁾.

Бемъ-Баверкъ указываетъ и на то, что исходной точкой этой теоріи является въ сущности старый споръ между

¹⁾ Karl Menger. Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. Wien. 1871. p. 138—136.

²⁾ Boehm-Bawerk. Geschichte und Kritik. 2. Aufl. p. 264—283.

сторонниками и противниками процента въ XVII ст., когда первые въ защиту процента выставляли (прежде всего Сальмазіусъ) то обстоятельство, что заемщикъ имѣеть возможность пользованія занятой суммой въ теченіе всего срока нахожденія у него этой суммы, и что за это пользованіе онъ уплачиваетъ процентъ. Однако при этомъ Бемъ-Баверкъ упускаетъ изъ виду одно существенное обстоятельство. Онъ самъ рассматриваетъ производный (есудный) процентъ и первоначальную прибыль, выручаемую въ предпріятіи, какъ двѣ равноправныя, независимыя другъ отъ друга формы дохода съ капитала. А между тѣмъ теоріи утилизации едва-ли не наиболѣе ярко отразилось именно то, что экономисты занимались изученіемъ производнаго ссуднаго процента. Начиная отъ зачатковъ этого ученія у Сальмазіуса и вплоть до Германа, Шефле, Кнуса, Митгофа и другихъ, повсюду исходнымъ пунктомъ является производный процентъ, отъ котораго затѣмъ уже дѣлается переходъ къ первоначальной прибыли и то пользованіе капиталомъ, которое имѣеть мѣсто при предоставленіи его однимъ лицомъ другому, становится неотъемлемой функцией самого капитала. Когда рѣчь идетъ о томъ, что заемщикъ за распоряженіе предоставленнымъ ему капиталомъ уплачиваетъ процентъ, то предполагается, что установленъ уже ранѣе источникъ, изъ котораго получается доходъ первоначальный и благодаря существованію котораго (и изъ котораго) заемщикъ уплачиваетъ кредитору за предоставленный ему въ пользованіе капиталъ; предполагается, слѣдовательно, что уже заранѣе доказано, въ чемъ заключается то распоряженіе капиталомъ, благодаря которому заемщикъ извлекаетъ изъ него первоначальный доходъ, точнѣе, что это пользованіе состоитъ въ извлеченіи первоначальнаго дохода, который получается изъ опредѣленнаго источника. Пользованіе, за которое заемщикъ уплачиваетъ процентъ, является здѣсь лишь сокращеннымъ выраженіемъ, которымъ замѣняется подробное объясненіе того, откуда заемщикъ уплачиваетъ этотъ процентъ, источникъ котораго предполагается уже извѣстнымъ. Эти же писатели, исходя изъ производнаго процента какъ чего-то самостоятельнаго, независимаго отъ первоначальной прибыли, и усмотрѣвъ поэтому въ пользованіи капиталомъ самостоятельный моментъ, кото-

рымъ объясняется наличность ссуднаго процента, пришли далѣе къ тому заключенію, что—по аналогіи—и первоначальная прибыль должна вызываться тѣмъ же пользованіемъ капиталомъ, забывая о томъ, что и въ пользованіи капиталомъ, получаемымъ займы, не это пользованіе является источникомъ дохода, а совершенно иной факторъ: пользованіе есть только условіе пріобрѣтенія цѣнностей, доставляемыхъ капиталомъ, почему и при объясненіи первоначальной прибыли пользованіе капиталомъ можетъ разсматриваться лишь какъ условіе полученія дохода, но не какъ источникъ его.

Въ XVII ст., когда рѣчь шла о справедливости ссуднаго процента, такая ссылка на пользованіе отданнымъ займы капиталомъ могла и должна была имѣть существенное значеніе. Въ настоящее время она не представляетъ никакого интереса. Въ этомъ смыслѣ теорія утилизаціи, по своему внутреннему существу являющаяся теоріей оправданія производнаго процента, въ XIX вѣкѣ представляется устарѣлой. Въ то время, какъ теорія производительности ссылается на самостоятельную способность капитала въ лицѣ машинъ и орудій производить независимо отъ физическаго труда цѣнности и этимъ путемъ старается оправдать наличность прибыли, въ то время какъ теорія воздержанія старается свести накопленныя въ XIX вѣкѣ фабрикантами богатства и ихъ прибыль къ ихъ личнымъ достоинствамъ въ видѣ воздержанія и этимъ путемъ оградить нынѣшнюю прибыль, получаемую въ фабрично-заводской промышленности отъ нападокъ тѣхъ, кто усматриваетъ въ ней результатъ эксплуатаціи рабочихъ,—теорія утилизаціи въ сущности доказываетъ правомѣрность производнаго процента, уплачиваемаго заемщикомъ, противъ котораго нынѣ никто не возстаетъ. Если (и до тѣхъ поръ пока) существуетъ первоначальная прибыль, то и этотъ процентъ (по крайней мѣрѣ, въ сферѣ производительнаго кредита, о которомъ здѣсь только и можетъ быть рѣчь) долженъ существовать, — этого никто не отрицаетъ. Но почему существуетъ и откуда берется первая, этого теорія утилизаціи совершенно неспособна объяснить.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Творческій трудъ какъ источникъ прибыли съ капитала въ послѣдней трети XIX вѣка.

Почти никто изъ тѣхъ изобрѣтателей, творенія которыхъ примѣнялись въ промышленности съ начала XIX вѣка вплоть до 60-хъ годовъ, не извлекъ матеріальной выгоды изъ своихъ изобрѣтеній, не принималъ участія при распределеніи созданнаго имъ добавочнаго продукта. Единственными исключеніями были Уаттъ, отчасти и Аркрайтъ; въ теченіе извѣстнаго времени они пользовались защитой патента и имѣли возможность пріобрѣсти часть произведеннаго машиной продукта. Во второй половинѣ XIX вѣка или точнѣе въ послѣдней трети его обстоятельства нѣсколько измѣнились; изобрѣтенія, примѣнявшіяся въ этотъ періодъ, охранялись патентнымъ правомъ и судомъ и обыкновенно изобрѣтатели въ теченіи приблизительно 15 лѣтъ получали вознагражденіе отъ предпринимателя за пользованіе продуктами ихъ творчества. Въ прежнія времена подобныя условія являлись исключительными, теперь они стали общимъ правиломъ ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе водобно Акрайтту и Уатту, и этимъ изобрѣтателямъ не удалось пріобрѣсти въ свою пользу весь тотъ плюсъ, который доставляли, будучи примѣнены въ производствѣ, созданныя ими изобрѣтенія. Это могло бы произойти лишь въ томъ случаѣ, если бы продолжитель-

¹⁾ А. Du Bois Reymond указываетъ на то, что въ настоящее время прежній типъ изобрѣтателя, затрачивающаго послѣднюю копейку на свое изобрѣтеніе и умирающаго въ бѣдности въ то время, какъ другіе пользуются огромными плодами его творчества, уже не существуетъ и во всякомъ случаѣ составляетъ исключительное явленіе. (Erfindung und Erfinder. p. 159).

ность дѣйствія патента была равна продолжительности употребленія изобрѣтенія въ производствѣ. Между тѣмъ предприниматели и теперь имѣютъ полную возможность превратить прибавочный продуктъ въ прибавочную цѣнность, благодаря тому монопольному положенію, которое они занимаютъ до тѣхъ поръ, пока употребленіе новаго изобрѣтенія не стало всеобщимъ. А это происходитъ весьма туго, ибо крупныя изобрѣтенія второй половины XIX вѣка распространяются въ большинствѣ случаевъ немногимъ быстрѣе, чѣмъ изобрѣтенія конца XVIII и первой половины мивушаго столѣтія. Введеніе совершенно новыхъ способовъ производства было сопряжено съ затратой крупныхъ капиталовъ, оно вызывало необходимость приспособленія всѣхъ аппаратовъ и машинъ къ новому способу производства, необходимость устраненія прежнихъ, верѣдко очень дорогихъ аппаратовъ и замѣны ихъ новыми еще болѣе дорогими приспособленіями. Все это замедляло распространеніе новыхъ изобрѣтеній, допускало лишь постепенное введеніе ихъ въ производствѣ и ставило въ исключительно выгодное положеніе тѣхъ предпринимателей, которые обладали необходимыми для этого большими средствами и умѣли оцѣнить выгодность новыхъ изобрѣтеній для производства, ибо и предубѣжденія противъ новшествъ тормозили распространеніе машинъ. Столь выгодное положеніе предприниматели сохраняли обыкновенно каждый разъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій.

Если изобрѣтенія Дерби и Корта, относящіяся къ XVIII вѣку, произвели переворотъ въ металлургической промышленности въ теченіе первой половины XIX вѣка ¹⁾, то вторая половина этого столѣтія ознаменовалась не менѣе крупными перемѣнами въ области желѣзодѣлательной индустріи. Въ 50-хъ и 60-хъ годахъ были найдены способы полученія литого металла, вмѣсто прежняго тѣстообразнаго; открытіе ихъ неразрывно связано съ именами Бессемера, Томаса, Сименса и Мартена. Новая техника дала возможность производить несравненно большія массы металла, притомъ отличавшагося высокими качествами, съ меньшими расходами, чѣмъ прежде. 17 октября 1855 года Бессемеръ ²⁾ получилъ

¹⁾ См. выше стр. 19 и сл.

²⁾ О Бессемерѣ см. особ. Beck. Geschichte des Eisens. T. IV. Das XIX Jahrh. Braunschweig. 1899.

свою первую привилегию на способ изготовления из чугуна ковкого желѣза и стали пропускаемъ черезъ расплавленный чугунъ сжатого воздуха. Съ этихъ поръ наступилъ вѣкъ стали, которая начала замѣнять какъ въ различныхъ производствахъ, такъ и въ домашнемъ употребленіи, въ особенности же при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, судовъ, мостовъ, зданій и т. п., не только желѣзо и другіе металлы, но во многихъ случаяхъ и неорганическую матерію, какъ то: дерево, кожу, волокнистыя вещества ¹⁾. Но для осуществленія идеи обработки чугуна вдуваніемъ воздуха въ металл Бессемеру пришлось изобрѣсти совершенно новые аппараты ²⁾, и когда его способъ былъ введенъ въ заводскую практику, оказалось необходимымъ произвести полное переустройство заводовъ. Дѣло въ томъ, что, начавъ свои опыты съ небольшимъ количествомъ металла, Бессемеръ въ концѣ концовъ пришелъ ко тому заключенію, что для избѣжанія вліянія на исходъ операціи потери теплоты отлучеиспусканія и поглощенія стѣнками конвертора, необходимо обрабатывать заразъ не менѣе трехъ тоннъ металла. Впослѣдствіи же и трехтонные конверторы были признаны слишкомъ малыми и замѣнены въ нѣсколько разъ большими. Для маневрированія такой громадной расплавленной массой металла необходимы были очень сложныя приспособленія въ видѣ паровыхъ и гидравлическихъ крановъ и другихъ аппаратовъ для приведенія въ движеніе конверторовъ, для транспортированія металла, для плавки чугуна, необходимы были далѣе огромные запасы чугуна; „минимальная производительность завода съ двумя воздуходувными конверторами, при работѣ днемъ и ночью, составляетъ три милліона пудовъ готовой стали въ годъ“. Воздуходувная машина для конвертора въ 7 тоннъ должна развивать силу 980 пар. лош. Соотвѣтственные размѣры зданій, котловъ и всѣхъ вспомогательныхъ устройствъ вызываютъ огромные расходы на первоначальное устройство, ремонтъ и амортизацію всего этого сложнаго механизма ³⁾.

¹⁾ Cp. Sombart. Die deutsche Volkswirtschaft. p. 182.

²⁾ Cp. Witt. Die deutsche chemische Industrie in ihren Beziehungen zum Patentwesen. Berlin 1893. p. 34.

³⁾ Sinzheimer. Der volkswirtschaftliche Charakter der technischen Entwicklung des deutschen Eisenhüttengewerbes. München. 1892. p. 52 и сл. 69.

Можно ли при такихъ обстоятельствахъ удивляться тому, что распространеніе новаго способа производства продолжалось съ 1860 г. по 1890 г., что для переустройства заводовъ понадобился тридцатилѣтній періодъ ¹⁾. Еще въ 1890 г. въ Англіи 32 проц., а въ Германіи 41 проц. всего производства ковкаго желѣза обрабатывалось посредствомъ пудлингованія. Такимъ образомъ и спустя 30 лѣтъ послѣ появленія литого металла пудлингованіе еще не было вытѣснено ²⁾. На желѣзодѣлательныхъ заводахъ Сѣверной Англіи—центрѣ англійской металлургической индустриі—до 70-хъ годовъ главнымъ предметомъ производства являлось изготовленіе желѣзнодорожныхъ рельсъ, которые составляли почти 30 проц. всего производства; остальные 50 проц. приходились на долю сортового и листового желѣза для кораблестроенія и другихъ строительныхъ цѣлей. Но около 1877 г. наступаетъ быстрый упадокъ производства рельсъ, такъ какъ желѣзные рельсы были вытѣснены стальными, вырабатываемыми по способу Бессемера, а нѣсколько лѣтъ спустя начался такой же процессъ вытѣсненія желѣза сталью въ области кораблестроенія. Лишившись такимъ образомъ въ два послѣдовательныхъ періода большей части сбыта желѣза, заводчики Сѣверной Англіи вынуждены были мало по малу переходить къ производству стали, что для нихъ оказалось тѣмъ болѣе труднымъ, что мѣстная кливелэндская руда была непригодна по своему химическому составу для бессемерованія. „Переходъ этотъ былъ сопряженъ съ огромными убытками и затратами для заводчиковъ. О размѣрахъ капитала, погибшаго при этомъ болѣзненномъ процессѣ, можно себѣ составить нѣкоторое понятіе, если принять во вниманіе, что въ 1871 году въ Кливелэндскомъ округѣ работало 1860 пудлинговыхъ печей, а въ 1896 г. вѣроятно не болѣе 300—уменьшеніе на 1560 печей, изъ которыхъ каждая представляла (съ относящимися къ ней приспособленіями) стоимость въ 1000 ф. стерл.; прокатные заводы старой конструкціи были также въ большинствѣ случаевъ непригодны для обработки стали, требующей болѣе массивныхъ машинъ. И здѣсь такимъ

¹⁾ Cp. Schmoller, Grundriss. I. p. 216.

²⁾ Sinzheimer. Ueber die Grenzen der Weiterbildung des fabrikmässigen Grossbetriebs. Stuttgart. 1893. p. 190.

образомъ большой капиталъ оказался безповоротно убитымъ, и потребовались громадныя затраты на передѣлку заводовъ“ ¹⁾. Изъ крупнѣйшихъ нѣмецкихъ металлургическихъ предприятий акціонерное общество Герде затратило въ началѣ 80-хъ годовъ свыше 7 миллионъ марокъ на переустройство предприятия въ техническомъ отношеніи: пришлось соорудить новый сталелитейный заводъ съ тремя десятиютонными конверторами, а также заводы для механической обработки болванокъ подъ большими паровыми молотами и при помощи громадныхъ прокатныхъ становъ, и другія приспособленія, находящіяся въ тѣсной связи съ первыми. Акціонерная компанія Фениксъ затратила въ 1873 г. свыше 3 милл. мар. на устройство двухъ заводовъ по способу Бессемера и Мартена и прокатнаго завода. Акціонерной компаніи Ильзеде устройство сталелитейнаго завода для производства желѣза по способу Томаса (измѣненное бессемерованіе) обошлось въ 4 милл. мар. Однако одновременно съ этимъ продолжалось и пудлингованіе на другихъ заводахъ компаніи и прекратилось оно лишь въ серединѣ 90-хъ годовъ, когда цѣна произведеннаго этимъ способомъ желѣза понизилась настолько, что уже не окупались совершенно расходы ²⁾.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того обстоятельства, что первоначально, когда Бессемеръ получилъ первую привилегію на изобрѣтеніе, его идея казалась многимъ совершенно неосуществимой на практикѣ и даже комичной. Даже въ 1862 году, когда онъ успѣлъ уже придумать средства для практическаго осуществленія ея и конструировать необходимые аппараты для обработки чугуна вдвухъ воздухомъ въ него, даже тогда его изобрѣтеніе не было оцѣнено по достоинству и многіе спеціалисты отказывались признать

¹⁾ Lotz. Das Schieds- und Elnigungsverfahren in der Walzeisen und Stahlindustrie Nordenglands. Schriften des Vereins für Socialpolitik. B. XI—V. Leipzig. 1896. p. 270—272, а также Зотовъ Русское Богатство. 1900 кн. I. Стр. 81.

²⁾ Stillich. Eisen- und Stahlindustrie. Berlin. 1904. p. 45. 153. 155. (Nationaloekonomische Forschungen auf dem Gebiete der grossindustriellen Unternehmung. B. I).

³⁾ Stillich. Eisen- und Stahlindustrie. p. 45. 69—70. 153—155.

производимый новымъ способомъ продуктъ сталью ¹⁾. Не послѣднюю роль въ этомъ отношеніи играло и то обстоятельство, что заводчики, сознавая ту опасность, которая грозила имъ въ случаѣ вытѣсненія пуддлингованія бессемерованіемъ, нафренно выражали недовѣріе новому способу производства и сомнѣнія въ качествѣ вырабатываемаго литого желѣза ²⁾. Въ результатъ дѣйствительно и опасенія и скрытая борьба съ новымъ болѣе усовершенствованнымъ способомъ производства вмѣстѣ съ медленнымъ распространеніемъ его, вслѣдствіе дороговизны, привели въ значительной мѣрѣ къ тому, что Бессемеръ получилъ лишь небольшую часть всего того, что создало его изобрѣтеніе, ибо во время дѣйствія полученнаго имъ патента новый способъ производства и конструированные для осуществленія его аппараты и приборы примѣнялись мало, и только впоследствии они стали сильно распространяться въ промышленности.

Подобнаго же рода явленія мы можемъ наблюдать и въ другихъ отрасляхъ производства. Наиболѣе усовершенствованной прядильной машиной является сельфакторъ Робертса (самодѣйствующій мюль), который дѣйствуетъ автоматически и при которомъ вся задача рабочаго сводится исключительно къ надзору за ходомъ машины. Это изобрѣтеніе относится къ 1825 году; въ слѣдующее пятилѣтіе оно было усовершенствовано тѣмъ же Робертсомъ и уже въ 30-хъ годахъ примѣнялось въ производствѣ ³⁾. Тѣмъ не менѣе лишь 20 лѣтъ спустя сельфакторъ сталъ общеупотребительнымъ аппаратомъ на англійскихъ фабрикахъ и еще позже онъ сталъ распространяться въ Германіи, гдѣ только въ 1877 году 76,9 проц. веретенъ имѣли соотвѣтствующія приспособленія ⁴⁾. Въ шерстяной и льняной промышленности уже съ 60-хъ годовъ—какъ мы упоминали выше—примѣнялся изобрѣтенный Картрайтомъ механической ткацкій станокъ, но лишь въ послѣднее дѣсятилѣтіе XIX вѣка онъ вытѣснилъ окончательно ручное ткачество и къ концу столѣтія закон-

¹⁾ Reuleaux. Das Buch der Erfindungen. 8 Aufl. B. IV. Leipzig-Berlin. 1890. p. 199.

²⁾ Stilleh, l. c. p. 15.

³⁾ Karmarsch p. 615.

⁴⁾ Schulze-Gaevernitz p. 116 и прим. 1.

чился процессъ централизаціи (замѣны фабрики кустарной мастерской) въ области ткацкаго промысла ¹⁾.

Въ XIX вѣкѣ, въ особенности во второй половинѣ его, возникла, благодаря цѣлому ряду изобрѣтеній, совершенно новая химическая промышленность. Въ 1791 г. Лебланъ изобрѣлъ способъ производства соды изъ поваренной соли (при посредствѣ сѣрной кислоты), но самъ онъ никакой выгоды отъ этого изобрѣтенія не имѣлъ и умеръ 1806 г. въ домѣ призрѣнія. Но зато англійскіе фабриканты извлекли изъ него большую прибыль: начиная съ 1824 г., когда былъ устроенъ въ Англии первый заводъ, примѣнявшій методъ Леблана, вплоть до 70-хъ годовъ, до появленія изобрѣтенія Сольвея, англичане пользовались монополіей въ производствѣ соды, монополіей, распространявшейся на весь міръ. Цѣна соды въ кристаллахъ съ примѣненіемъ метода Леблана понизилась съ 120 мар. за 100 килогр. (въ 1814 г.) до 33 мар. (въ 1824 г.), но затѣмъ вплоть до начала 60-хъ годовъ стояла не ниже 22 мар., причемъ сбытъ (благодаря понизившейся цѣнѣ) сильно расширялся, въ особенности въ мыловаренномъ и красочномъ производствѣ, и даже въ 1870 г. цѣна равнялась еще 18 мар.; какъ мы видимъ, предприниматели имѣли возможность сохранять въ свою пользу значительную прибыль (въ началѣ 80-хъ годовъ при производствѣ по способу Леблана издержки составляли немногимъ болѣе $7\frac{1}{2}$ мар.). Въ 1866 году появилась впервые сода, произведенная новымъ способомъ Сольвея (при посредствѣ аммоніака), который оказался значительно болѣе дешевымъ, чѣмъ прежній, однако цѣна соды стала сильно падать лишь съ конца 70-хъ годовъ, понизившись до $14\frac{1}{2}$ мар. въ 1878 г. и 8 и 10 мар. лишь въ 80-хъ и 90-хъ годахъ ²⁾.

Не меньшее значеніе, чѣмъ сода, имѣетъ сѣрная кислота, примѣняемая въ производствѣ красокъ, минеральныхъ маселъ, искусственнаго удобрения, взрывчатыхъ веществъ. Первая фабрика въ этой отрасли промышленности была устроена

¹⁾ Sombart. Deutsche Volkswirtschaft p. 354—355.

²⁾ Kockerscheidt. Ueber die Preisbewegung chemischer Produkte unter besonderer Berücksichtigung des Einflusses neuerer Erfindungen und technischer Fortschritte. Jena 1905. p. 17—24.

нѣкимъ Уардомъ въ 1740 г. въ Ричмондѣ, понизившимъ цѣну сѣрной кислоты съ 90 шилл. за килограммъ до 5 шилл.; вслѣдствіе чего примѣненіе ея сильно распространилось въ шотландской льняной индустріи (бѣленіе полотна). Въ 90-хъ годахъ XVIII ст. было сдѣлано нѣсколько улучшеній въ производствѣ, такъ что издержки сократились до 640 и даже 430 шилл. за 1000 килограммъ, между тѣмъ какъ продажная цѣна равнялась еще 1080 шилл., понизившись впрочемъ съ 5000 шилл. (въ половинѣ XVIII ст.). Въ 1818 г. было сдѣлано новое крупное изобрѣтеніе (примѣненіе пиритовъ), но распространялось оно весьма медленно (начиная съ 30-хъ годовъ) и еще въ 1861—65 г.г. 100 килограммъ стоило 25 мар. (вмѣсто 43 мар. въ началѣ XIX ст.), а въ 1870—1872 г.г.—22 мар., тогда какъ издержки на матеріаль и заработную плату составляли всего $2\frac{1}{2}$ — $4\frac{1}{2}$ мар. Въ это время прибыль, выручаемая изъ творческаго труда, была слѣдовательно, еще весьма высока. Сильное паденіе цѣны сѣрной кислоты началось не ранѣе конца 70-хъ годовъ, лишь въ 90-хъ годахъ цѣна достигла 5 мар. за 100 килограммъ, издержки же сократились съ 64 мар. до 1—3 мар., подъ вліяніемъ новаго способа Винклера, изобрѣтеннаго въ 70-хъ годахъ, примѣненіе котораго возможно однако лишь при производствѣ въ крупныхъ размѣрахъ ¹⁾.

Наибольшимъ успѣхомъ послѣднихъ десятилѣтій является примѣненіе электричества въ промышленности посредствомъ динамомашинъ, изобрѣтенной въ 1869 г., которая, благодаря возможности накопленія энергіи и большей легкости передачи ея на разстояніи, а равно возможности превращенія въ инныя формы энергіи, въ свѣтъ, теплоту, магнетизмъ, химическую энергію, движеніе, стала опаснымъ конкурентомъ для паровой машины. Процессъ вытѣсненія пара электричествомъ и другими двигательными силами (газъ, бензинъ) начался 25 лѣтъ тому назадъ, но и въ настоящее время электрическая энергія примѣняется такъ мало, „что огромное значеніе ея въ будущемъ можно скорѣе предчувствовать, чѣмъ точно опредѣлить“, хотя и теперь уже можно предвидѣть, что примѣненіе электричества должно вызвать

¹⁾ Kockerscheidt. p. 9—16. 100.

полный переворотъ въ металлургической и химической промышленности ближайшихъ десятилѣтій.

Какъ мы можемъ убѣдиться изъ всего изложеннаго, и во второй половинѣ XIX вѣка крупныя изобрѣтенія—мы коснулись только наиболѣе важныхъ изъ нихъ—являлись обильнымъ источникомъ прибыли съ капитала. По истеченіи 15-лѣтняго періода дѣйствія патента въ пользу предпринимателя поступаетъ весь добавочный продуктъ, создаваемый новымъ изобрѣтеніемъ сравнительно съ прежними способами производства, а медленное распространеніе изобрѣтенія въ промышленности даетъ предпринимателю возможность сбывать въ теченіе свыше тридцатилѣтняго періода производимые имъ продукты по цѣнѣ, значительно превышающей расходы его при новомъ способѣ производства. Первоначально цѣна товаровъ остается прежняя, но и вполнѣнствіи въ теченіе всего періода обнимающаго тридцать лѣтъ и болѣе, она стоитъ на гораздо болѣе высокомъ уровнѣ, чѣмъ это соотвѣтствуетъ сократившимся расходамъ по производству. „Періоды, въ теченіе которыхъ зарабатываются огромныя состоянія, — указываютъ Сидней и Беатриса Веббъ—могутъ длиться для отдѣльныхъ отраслей или отдѣльныхъ фирмъ лишь немного лѣтъ. Но въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій не было случая, когда бы такіе періоды не существовали, то въ одной, то въ другой отрасли промышленности, и мы не имѣемъ никакого основанія предполагать, чтобы они когда либо исчезли, пока будетъ существовать современный порядокъ вещей. Хотя каждый отдѣльный случай можетъ быть лишь временнымъ, но самое явленіе постоянно. Для всей страны оно, слѣдовательно, не проходящее, а постоянное явленіе. Можно сказать, что оно является самой характерной особенностью современнаго промышленнаго строя въ отличіе отъ какого-либо другаго, и что оно глубоко отражается на положеніи всѣхъ классовъ. Безъ постояннаго существованія такого рода исключительно—высокой прибыли промышленный строй также существенно отличался бы отъ теперешняго, какъ основанное на коопераціи общество или социалистическое государство“¹⁾.

¹⁾ С. и Б. Веббъ. Теорія и практика тредъ-юнионама. (Industrial Demosasy). Т. II, пер. Вл. Ильина. С.-ПВ. 1901. стр. 552.

Характернымъ для современной экономической жизни является однако не только существованіе высокой прибыли, вызываемой примѣненіемъ новыхъ крупныхъ изобрѣтеній, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительныхъ періодовъ. Параллельно съ этимъ мы можемъ наблюдать и другое не менѣе постоянное явленіе, постоянное не только для промышленности данной страны въ ея цѣломъ, но и въ свою очередь для каждой отрасли индустріи въ отдѣльности: непрерывное появленіе новыхъ болѣе мелкихъ усовершенствованій и улучшеній, смѣну и дополненіе прежнихъ устарѣвшихъ болѣе новыми и болѣе выгодными. Каждое изъ этихъ изобрѣтеній второй категоріи—въ противоположность приведеннымъ выше и другимъ изобрѣтеніямъ первой группы—не представляетъ собою крупной величины и само по себѣ, въ отдѣльности взятое, оно не имѣетъ большого значенія. Но всѣ эти мелкія усовершенствованія во всей ихъ совокупности, въ виду ихъ большого количества, несомнѣнно крайне важны для развитія промышленности. Будучи направлены къ возможно большому сбереженію тѣмъ или другимъ способомъ количества физическаго труда, затрачиваемаго въ производствѣ, эти приспособленія создаютъ массу добавочнаго продукта по сравненію съ прежней техникой производства. Одной изъ характерныхъ особенностей второй половины XIX вѣка является стремленіе техники къ полному вытѣсненію физическаго труда изъ процесса производства. Въ однихъ отрасляхъ промышленности эта цѣль несомнѣнно уже почти достигнута, какъ напр., въ текстильной и металлургической промышленности, гдѣ почти всѣ процессы приняли автоматическій характеръ, но и въ другихъ областяхъ, какъ напр. въ сапожной, оружейной, пивоваренной и т. п. индустріяхъ мы находимъ цѣлую массу самыхъ разнообразныхъ машинъ и аппаратовъ, черезъ которые проходитъ продуктъ ¹⁾. Огромные успѣхи, достигнутые въ этомъ направленіи оказались возможными лишь потому, что многія тысячи человѣческихъ умовъ

¹⁾ На американскихъ пивоваренныхъ заводахъ пиво изъ бочекъ переливается при помощи воздушнаго насоса въ разливочный аппаратъ, дѣйствующій автоматически. Точно также мытье, чистка, разливка, закупорка, задѣлка бутылокъ въ проволоку и наклейка на

работали и работают надъ разрѣшеніемъ этой проблемы— всецѣло замѣнить человѣческой физической трудъ автоматической работой машинъ. Мы имѣемъ передъ собой результаты совмѣстнаго и совокупнаго труда хотя и не гениальныхъ изобрѣтателей, указывающихъ техникѣ совершенно новые пути, по свѣдущихъ и талантливыхъ техниковъ, механиковъ, химиковъ ¹⁾.

Для этой второй группы изобрѣтеній быстро слѣдующихъ одно за другимъ, нерѣдко и смѣняющихъ другъ друга, было бы во многихъ случаяхъ достаточно и того срока дѣйствія патента, который установленъ въ настоящее время; по крайней мѣрѣ, поскольку одно усовершенствованіе вытѣсняется слѣдующимъ, изобрѣтатель могъ бы въ теченіе 15 лѣтъ извлечь въ свою пользу всю ту выгоду, которую способно доставить промышленности его изобрѣтеніе, хотя этотъ срокъ слишкомъ ничтоженъ для тѣхъ улучшеній, которыя только дополняются, а не устраняются дальнѣйшими приспособленіями; въ послѣднемъ случаѣ и по истеченіи 15 лѣтъ его усовершенствованіе создаетъ прибавочный продуктъ. Не слѣдуетъ, однако, упускать изъ виду, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ срокъ дѣйствія патента имѣетъ мало значенія для изобрѣтателя; причина этого обстоятельства кроется въ томъ зависимомъ положеніи, которое занимаютъ изобрѣтатели этой второй группы по отношенію къ предпринимателю. Подобно рабочему, приставленному къ машинѣ, и изобрѣтатель въ этомъ случаѣ продаетъ предпринимателю свою рабочую силу и лишается какихъ бы то ни было правъ на продукты своего труда. Его обязанность состоитъ въ усовершенствованіи техники производства, патентъ же на введенныя имъ улучшенія либо вовсе не берется и они остаются секретомъ предпріятія, который онъ—подъ страхомъ наказанія—не вправѣ разглашать, либо приобрѣтается на имя данной фирмы, т. е. на

нихъ этикетовъ производится машинами. На велосипедныхъ задкахъ вся работа производится почти исключительно машинами, даже ввинчиваніе винтовъ происходитъ механически. (Кольбъ. Какъ я былъ рабочимъ въ Америкѣ. Стр. 46. 81). Ср. также Neumann. Grosseisengewerbe. Kap. I.

¹⁾ Ср. Du Bois Reymond. Erfindung und Erfinder. Berlin. 1905. p. 152. 160.

имя предпринимателя, у котораго онъ работаетъ; и въ томъ и въ другомъ случаѣ, слѣдовательно, изобрѣтеніе становится собственностью предпринимателя, а не того, къмъ оно создано. По дѣйствующему въ Западной Европѣ праву, служащій на фабрикѣ или заводѣ или рабочій—какъ указываетъ Гирке—приобрѣтаетъ право на изобрѣтеніе, произведенное имъ въ данной отрасли производства, лишь въ томъ случаѣ, если онъ не пользовался при этомъ приспособленіями и аппаратами промышленнаго предприятия, въ которомъ онъ работаетъ. Точно также если изобрѣтеніе является результатомъ работы, которую изобрѣтатель на основаніи заключеннаго договора, обязанъ выполнять, то онъ и тогда не пользуется никакими правами на изобрѣтеніе. Вслѣдствіе этого, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что „въ промышленныхъ предприятияхъ владѣлецъ непосредственно приобретаетъ право на всѣ изобрѣтенія, сдѣланныя служащими у него техниками во время ихъ служебной дѣятельности, хотя бы объ этомъ и не было выговорено особо“ ¹⁾. На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ и Колеръ, утверждая, что на основаніи договора, служащій дѣйствуетъ какъ бы въ качествѣ уполномоченнаго хозяина, совершаетъ какъ бы актъ изобрѣтенія вмѣсто хозяина и отъ его имени ²⁾.

Право на рисунки и модели, составленные по порученію и на средства владѣльца промышленнаго заведенія работающими въ предприятии рисовальщиками, живописцами, граверами, принадлежитъ—согласно германскому закону—если не условлено иначе, владѣльцу предприятия. Но точно также—говоритъ Бюрнеръ—лицо, которое производитъ эксперименты въ извѣстномъ направленіи, по порученію предпринимателя, очевидно должно предоставить послѣднему плоды своихъ опытовъ. Далѣе, и въ томъ случаѣ, если технику или иному служащему въ предприятии поставлено въ обязанность обращать особое вниманіе на улучшение способовъ производства для того, чтобы въ томъ или другомъ отношеніи опередить другія предприятия, всѣ производимыя имъ усовершенствованія составляютъ собственность вла-

¹⁾ Gierke. Deutsches Privatrecht. B. I. Leipzig. 1895. p. 869—870.

²⁾ Kohler. Handbuch des deutschen Patentrechts. 2. Aufl. Berlin. 1905. p. 234. и сл.

дѣльца; дѣло нисколько не измѣняется даже отъ того, что идея, на которую напалъ служащій въ предпріятіи, осуществлена имъ въ свободные отъ занятій въ промышленномъ заведеніи часы, или что предварительные опыты онъ произвелъ на собственные средства; въ послѣднемъ случаѣ онъ максимумъ можетъ рассчитывать на покрытие этихъ расходовъ. „Какъ бы ни была велика та прибыль, которую предприниматель извлекаетъ изъ продуктовъ его творческой дѣятельности, онъ не вправѣ предъявлять къ предпринимателю какія-либо инныя требованія, помимо установленныхъ въ договорѣ, ибо онъ лишь исполнилъ свои обязанности, за которыя ему и причитается условленная заранѣе плата“. Мало того: предприниматель—по мнѣнію того же Бюрнера и другихъ лицъ, на которыхъ онъ ссылается—вправѣ присвоить себѣ изобрѣтенія, сдѣланныя служащимъ у него техникомъ и химикомъ и тогда, когда послѣдній не получилъ отъ него никакихъ специальныхъ порученій или указаній относительно необходимости вводить усовершенствованія въ производствѣ, лишь въ силу того, что во время работы въ данномъ промышленномъ заведеніи онъ имѣлъ возможность набратъ свѣдѣній и сдѣлать наблюденія, которыя ему дали возможность изобрѣсти то или другое усовершенствованіе. Это несомнѣнно справедливо—продолжаетъ Бюрнеръ—ибо служащій вообще обязанъ заботиться о выгодахъ своего хозяина, хотя бы относительно этого ничего не было условлено и слѣдовательно, и не будучи къ этому обязанъ юридически, все таки долженъ стараться увеличивать прибыль хозяина. „Такимъ образомъ, если не считать исключительныхъ случаевъ, изобрѣтенія, созданныя состоящими на фабрикахъ и заводахъ техниками и прочими служащими, принадлежать безъ всякихъ разговоровъ предпринимателю. Законъ не обязываетъ послѣдняго вознаграждать изобрѣтателя или предоставить ему участіе въ прибыли, предоставляя это его собственному усмотрѣнію. Молодой техникъ, получающій маленькое жалованье, не вправѣ требовать какого-либо добавочнаго вознагражденія даже въ томъ случаѣ, если онъ произвелъ изобрѣтеніе, которое приноситъ предпринимателю тысячи“. Больше находить, что одного того факта, что изобрѣтеніе является продуктомъ умственнаго труда служащаго, еще не достаточно для выдачи патента

ему; существенно въ качествѣ кого онъ сдѣлалъ изобрѣтеніе; если изобрѣтеніе сдѣлано имъ въ качествѣ служащаго, то оно не можетъ принадлежать ему, ибо все, что сдѣлано въ предпріятіи, совершается въ интересахъ послѣдняго и всѣ лица, работающія въ немъ, дѣлаютъ это въ качествѣ частицъ одного общаго цѣлаго—предпріятія, изъ котораго они не могутъ быть выдѣлены какъ нѣчто самостоятельное. И на этой точкѣ зрѣнія стоятъ германскіе суды: въ случаяхъ сомнѣнія они всегда становятся на сторону предпринимателя ¹⁾.

Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда изобрѣтеніе произведено внѣ аданія фабрики, положеніе изобрѣтателя не многимъ лучше: нуждаясь въ средствахъ, онъ обыкновенно вынужденъ заранѣе уступить свое изобрѣтеніе предпринимателю. Въ этихъ случаяхъ заключается договоръ, на основаніи котораго право изобрѣтателя одновременно съ возникновеніемъ его переходитъ къ предпринимателю. Такіе договоры между хозяевами и служащими—говоритъ Гирке—встрѣчаются очень часто ²⁾, не менѣе часто, пожалуй, чѣмъ тѣ случаи, когда предприниматель пріобрѣтаетъ изобрѣтеніе на томъ только основаніи, что оно произведено служащимъ у него на фабрикѣ техникомъ. Въ сочиненіи Витта о химической промышленности въ широкомъ смыслѣ слова, гдѣ разсматриваются химическіе процессы въ различныхъ отрасляхъ производства, въ металлургической промышленности, въ текстильной промышленности, въ производствѣ красокъ, идетъ постоянно рѣчь о фабрикахъ или фирмахъ, которыя получаютъ патенты на изобрѣтенія, и лишь въ видѣ исключенія встрѣчаются самостоятельные изобрѣтатели ³⁾.

¹⁾ Bärner. Die Rechte und Pflichten der technischen Angestellten gegenüber ihren Arbeitgebern. Berlin 1904. p. 56—60. Bolze. Rechte der Angestellten und Arbeiter an den Erfindungen ihres Etablissements. Leipzig. 1907. Ср. Alexander—Katz. Die geistige Arbeit der deutschen Architekten und Ingenieure und ihr Rechtsschutz. 1896. См. также Pouillet. Traité des brevets d'invention. §§ 188. 200. Reuliag. Die Anrechte der Auftraggeber und Dienstherrn an den Erfindungen ihrer Beauftragten und Angestellten и Пиленко. Право изобрѣтателя. Т. I. § 127.

²⁾ Gierke. Privatrecht I p. 869 и прим. 45.

³⁾ Witt. Die deutsche chemische Industrie in ihren Beziehungen zum Patentwesen. Berlin. 1893. особ. p. 97—99. 101. 103. 105. 109. 119. 120—122.

Это зависимое положеніе изобрѣтателя имѣетъ большое значеніе при разсмотрѣніи вопроса объ источникахъ прибыли; изъ него вытекають существенныя послѣдствія. Надо имѣть въ виду, что отсутствіе собственныхъ приспособленій, инструментовъ и аппаратовъ, необходимыхъ для опытовъ и наблюденій и стоящихъ обыкновенно очень дорого, вынуждаетъ изобрѣтателя согласиться на тѣ условія, которыя ему предлагаетъ предприниматель, какъ бы они ни были невыгодны для него, и вслѣдствіе этого умственные работники, вводящіе техническія усовершенствованія въ процессъ производства, вынуждены уступать предпринимателю задаромъ значительную часть продукта своей творческой работы. Въ этомъ отсутствіи необходимыхъ средствъ и заключается основная причина тѣхъ явленій, которыя приходится нерѣдко наблюдать, когда способные техники за незначительное вознагражденіе заранѣе отказываются отъ всѣхъ произведеній своего творческаго ума, которыя впослѣдствіи приводятъ къ важнымъ усовершенствованіямъ въ производствѣ и къ процвѣтанію предпріятія. Въ области умственного (творческаго) труда мы находимъ, слѣдовательно, тѣ же условія, на существованіе которыхъ обыкновенно указываютъ, когда рѣчь идетъ объ отношеніяхъ представителей физическаго (исполнительнаго) труда къ предпринимателю. Но если обширному классу рабочихъ удается болѣе или менѣе вознаградить себя за эти неблагоприятныя условія инымъ путемъ, если рабочіе посредствомъ тѣснаго единенія, стройныхъ организацій могутъ при благоприятныхъ условіяхъ заставить предпринимателя выдавать имъ почти весь произведенный ихъ руками продуктъ ¹⁾, то техники, служащіе въ промышленныхъ предпріятіяхъ, совершенно лишены этой возможности. Перепроизводство въ области этихъ профессій, значительное превышеніе спроса на техническія силы сравнительно съ ихъ предложеніемъ вызвало въ послѣднее время усиленную конкуренцію среди нихъ, сбиваніе платы другъ у друга, что приводитъ къ постоянному пониженію платы за трудъ этихъ умственныхъ работниковъ. „Все болѣе и болѣе возрастаетъ— говоритъ Зомбартъ— количество техниковъ-специалистовъ въ области науки и искусства, увеличивается „резервная ар-

¹⁾ См. ниже, гл. VI.

мія“ умственного пролетаріата, изъ котораго предприниматель „на наиболѣе выгодныхъ условіяхъ“ покрываетъ свою потребность въ томъ, что составляетъ „душу“ производства“ ¹⁾).

Конечно, результаты пользованія рабочей силой техниковъ—спеціалистовъ на фабрикахъ и заводахъ далеко не одинаковы по своему значенію для предпринимателя, они различны въ зависимости отъ способностей и знаній, которыми обладаютъ эти лица, а также величины тѣхъ денежныхъ средствъ, которыя можетъ и желаетъ затратить предприниматель на устройство приспособленій, необходимыхъ для производства опытовъ и для конструкціи моделей. На крупныхъ чугунныхъ, желѣзодѣлательныхъ и сталелитейныхъ заводахъ имѣется цѣлый штабъ научно-техническихъ рабочихъ силъ, который примѣняетъ въ производствѣ всѣ новыя открытія, появляющіяся въ области химіи, физики и механики ²⁾. Въ странахъ, гдѣ изобрѣтательность велика, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ,—говоритъ И. И. Янжуль—крупныя предпріятія имѣютъ свои собственныя лабораторіи и ученыхъ спеціалистовъ для опытовъ, экспериментовъ и улучшенія производства. Многимъ въ этомъ отношеніи обязана Standart Oil Company (синдикатъ керосинозаводчиковъ) своей лабораторіи, давшей ей значительное число новыхъ и выгодныхъ улучшеній“. Этотъ синдикатъ—указываетъ онъ въ другомъ мѣстѣ—„пользовался всѣми средствами, которыя могутъ быть указаны и выработаны наукой. На службѣ его постоянно находились ученые, занятые изысканіями и изслѣдованіями не только нефти и нефтяныхъ продуктовъ, но и разныхъ побочныхъ производствъ. Дѣлались новые опыты, придумывались новые планы, производились полезныя открытія“ ³⁾. Въ пред-

¹⁾ Sombart. Der moderne Kapitalismus. Leipzig. 1902. II. p. 443. Kockerscheidt (p. 107) указываетъ на перепроизводство ученыхъ химиковъ. На конгрессахъ техниковъ и инженеровъ постоянно раздаются жалобы на крайне низкое вознагражденіе людей, доставляющихъ промышленникамъ многочисленныя техническія улучшенія. (Bolze. Rechte der Angestellten und Arbeiter an den Erfindungen. p. 8).

²⁾ Schmoller. Grundriss. I p. 217.

³⁾ Янжуль. Промысловые синдикаты или предпринимательскіе союзы для регулированія производства преимущественно въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Спб. 1895. Стр. 217. 380.

пріятіи Круппа имѣется собственная пробирная палатка, гдѣ въ 1898 г. произведено 143 опыта, касающіеся сопротивленія матеріаловъ, химическая лабораторія, въ которой въ томъ же 1898 г. было сдѣлано 24567 анализовъ, и химико-физическій экспериментальный институтъ ¹⁾). Лампрехтъ указываетъ на то, что въ новѣйшій періодъ экономической жизни отдѣльныя фабрики и заводы замѣняются комбинированными фабрично-заводскими предпріятіями, обнимающими нѣсколько различныхъ находящихся въ связи отраслей производства; производится и сырье и полуфабрикатъ и фабрикатъ въ томъ же предпріятіи. И уже при возникновеніи первыхъ такихъ комбинированныхъ предпріятій — продолжаетъ онъ — напр., въ области машинностроительной промышленности фирмъ Крамеръ-Клеттъ въ Нюрнбергѣ, Гартманнъ въ Хемницѣ, Борзигкъ въ Берлинѣ, Круппъ въ Эссенѣ — (въ 1870 г.) они наряду съ нѣсколькими тысячами рабочихъ имѣли характерную особенность такихъ предпріятій — постоянно возрастающее количество рисовальщиковъ, формовщиковъ, инженеровъ, техниковъ для контроля и цѣлый штабъ специалистовъ по коммерческой части ²⁾). Однако и въ предпріятіяхъ не столь грандіозныхъ размѣровъ мы находимъ обыкновенно болѣе или менѣе значительное количество техниковъ-специалистовъ, исключительная обязанность которыхъ заключается въ изысканіи новыхъ путей и въ примѣненіи улучшеній въ производствѣ. Не располагая столь обширными средствами, какъ комбинированныя предпріятія, и другія крупныя фабрики и заводы все-таки стараются не отставать отъ нихъ въ смыслѣ примѣненія труда умственныхъ работниковъ-специалистовъ. „Подъ руководствомъ крупныхъ ученыхъ Либиха, Велера, Бунзена, А. В. Гофмана, Кекюле химическая промышленность въ Германіи сдѣлала огромные успѣхи, въ особенности въ области производства красокъ: марена, кошениль, индиго, сандалъ были вытѣснены анилиномъ въ концѣ 50-хъ годовъ, ализариномъ и индиготиномъ въ слѣдующія десятилѣтія, причемъ эти открытія Германія уже эксплуатировала—въ противоположность предыдущей

¹⁾ Statistik des Deutschen Reichs. Neue Folge. B. 119. p. 159—160.

²⁾ Lamprecht l. c. II, 1. p. 225.

эпохъ—самостоятельно, независимо отъ Франціи и Англій: рядомъ съ фабриками возникли крупныя лабораторіи съ сотнями ученыхъ химиковъ, вырабатывавшія новую технику производства и примѣнявшія на практикѣ новыя открытія¹⁾. Въ области химической индустріи рядомъ съ немногими крупными изобрѣтателями много творческаго труда вложено химиками, работавшими на отдѣльныхъ фабрикахъ и старавшихся сдѣлать различные способы практически примѣнимыми въ производствѣ. На ихъ дѣятельности основано процвѣтаніе различныхъ крупныхъ фирмъ, и въ настоящее время, несмотря на низкія цѣны, продолжающихъ извлекать прибыль посредствомъ новыхъ усовершенствованій, которыя большей частью сохраняются тайнѣ²⁾. Благодаря имъ въ химической промышленности столь часто происходитъ (легальный) обходъ патентовъ, путемъ изобрѣтенія иныхъ способовъ для достиженія той же цѣли³⁾. Не слѣдуетъ думать — прибавляетъ къ этому Кокершайдтъ, — что нынѣшній законъ о патентахъ устранилъ секреты въ фабричномъ производствѣ; нерѣдко лишь на менѣе важныя усовершенствованія берется патентъ и такимъ образомъ они дѣлаются доступными другимъ, вниманіе которыхъ отвлекается отъ болѣе существенныхъ изобрѣтеній, остающихся тайной даннаго предпріятія⁴⁾.

И не только въ производствѣ машинъ, орудій и инструментовъ (въ Англійи въ особенности въ производствѣ машинъ сдѣлано безчисленное количество усовершенствованій и улучшеній всякаго рода)⁵⁾, не только на вагоностроительныхъ и судостроительныхъ заводахъ, въ химической промышленности, но и въ области текстильной индустріи, на винокуренныхъ и сахарныхъ заводахъ, въ производствѣ стекла, кожи, обуви и т. п. — повсюду затрачиваются крупныя суммы на устройство приспособленій для производства опытовъ, для испытанія новыхъ усовершенствованій, чтобы посредствомъ новыхъ аппаратовъ и приемовъ побить конкурентовъ на мировомъ рынкѣ. Всякое крупное банковое учрежденіе, фа-

¹⁾ Lamprecht. p. 185. Cp. A. Du Bois. Reymont. p. 153.

²⁾ Kockerscheidt. p. 106, 108, 110, 112.

³⁾ Ibid. p. 106—77.

⁴⁾ Kockerscheidt. p. 108.

⁵⁾ Martin. Eisenindustrie. p. 78.

бричное предприятие—говорить А. Дю-Буа Реймонъ—всякое военное и морское министерство, управление желѣзныхъ дорогъ, транспортное или горнозаводское предприятие въ настоящее время затрачиваетъ ежегодно сотни тысячъ на покупку и осуществленіе на практикѣ новыхъ изобрѣтеній. Не говоря уже о многочисленныхъ секретахъ производства, существующихъ почти въ каждомъ крупномъ предприятии, на которыя не берется никакого патента, „текущее столѣтіе, въ особенности современное поколѣніе были свидѣтелями очень широкаго распространенія патентовъ во всѣхъ отрасляхъ производства: теперь рѣдко можно встрѣтить крупнаго фабриканта, который бы не обладалъ однимъ или нѣсколькими патентами, защищающими его отъ конкуренціи ¹⁾).

Въ современной индустріи такимъ образомъ каждый разъ дѣлаются новыя улучшенія, скорость, съ которой они слѣдуютъ одно за другимъ, усиливается въ неслыханной ранѣе и немислимой для прежнихъ временъ степени. „Прогрессъ въ области техники не идетъ теперь скачками, какъ въ прежнія эпохи, а происходитъ равномернo и постепенно при помощи и содѣйствіи сотенъ тысячъ специалистовъ; дѣятельность послѣднихъ является не безкорыстнымъ самопожертвованіемъ ради идеи, а работой изо дня въ день ради заработка“ ²⁾. И эта новая эпоха въ развитіи техники наступаетъ въ той или другой области тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе „отдѣльныя отрасли техники, механики и химіи переходятъ въ группу тѣхъ дисциплинъ, гдѣ изобрѣтеніе представляютъ собою не счастливую случайность, а результатъ дѣятельности конструктивнаго характера, комбинацію уже извѣстныхъ приспособленій для достиженія новыхъ цѣлей“ ³⁾; чѣмъ болѣе прежніе способы замѣняются научными экспериментами, планомѣрнымъ и методическимъ изслѣдованіемъ на основаніи изученія и анализа уже примѣняемыхъ на практикѣ способовъ производства“ ⁴⁾.

Наибольшую выгоду отъ успѣховъ техники имѣетъ крупное производство, и чѣмъ крупнѣе предприятие, тѣмъ эти

¹⁾ Du Bois Reymond. 153.194 p. Веббъ. т. II стр. 555.

²⁾ Herrmann. Technische Fragen und Probleme des modernen Volkswirtschaft. Wien. 1891. p. 15.

³⁾ Witt. p. 115—61.

⁴⁾ Sombart. II p. 64.

выгоды значительнѣе. Подобно тому, какъ крупнѣйшія комбинированныя предпріятія при пріобрѣтеніи сырья, при займѣ капиталовъ имѣютъ возможность уступать торговцу или банкиру меньшую часть прибавочнаго продукта, чѣмъ всѣ другія предпріятія, точно также и при появленіи новыхъ важныхъ изобрѣтеній они вводятъ ихъ ранѣе другихъ и всегда обладаютъ цѣлымъ рядомъ болѣе мелкихъ усовершенствованій, которыя либо патентованы на имя фирмы, либо держатся въ секретѣ и остаются неизвѣстными конкурентамъ. Благодаря этому обстоятельству, эти предпріятія находятся всегда въ исключительно выгодномъ положеніи и извлекаютъ прибыль, превышающую средній въ данное время уровень ея.

Первымъ, примѣнившимъ способъ Бессемера въ производствѣ, былъ въ Германіи Круппъ, а за нимъ послѣдовала акціонерная компанія Герде—комбинированное горнозаводское и металлургическое предпріятіе. И то и другое предпріятіе, а равно акціонерная компанія Фениксъ и цѣлый рядъ другихъ комбинированныхъ предпріятій въ области металлургической промышленности (такихъ въ этой области производства Германіи большинство) имѣютъ не только цѣлую массу болѣе мелкихъ улучшеній, которыя хранятся въ секретѣ, но и патенты на крупныя изобрѣтенія, сильно сокращающія расходы данной фирмы ²⁾).

Среднее мѣсячное производство доменной печи въ Германіи равнялось въ 1891 г. 1949 тоннамъ, между тѣмъ на заводахъ акціонерной компаніи Ильзедя получалось 5888 тоннъ, несмотря на то, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ выплавлялась руда, содержащая одинаковое количество желѣза ³⁾. Въ настоящее время мы находимъ въ Верхней Силезіи доменные печи, вырабатывающія менѣе 100 тоннъ въ день, тогда какъ на заводѣ „Deutscher Kaiser“ выработка составляетъ 508 тоннъ, а у Ohio Steel Co.—806 тоннъ. ⁴⁾ Въ производствѣ стали въ Германіи неболь-

¹⁾ Martin. Zur Verkürzung der Arbeitszeit in des mechanischen Textilindustrie. Archiv für soziale Gesetzgebung. VIII. p. 260.

²⁾ Stillich. I p. 14, 25, 164.

³⁾ Sinzheimer. Weiterbildung des fabrikmässigen Grossbetriebs. p. 188.

⁴⁾ Heymann. Die gemischten Werke im deutschen Grosseisengewerbe. 1907. p. 13.

шіе заводы вырабатываютъ 50—80 тыс. тоннъ въ годъ; крупныя—150 тыс., а нѣкоторые до 400 тыс. тоннъ ¹⁾. „На американскихъ прокатныхъ заводахъ весь рабочій персоналъ состоитъ исключительно изъ малинистовъ, и никто не занимается физическимъ трудомъ ибо, передвиженіе болванокъ и подвѣшиваніе ихъ производится исключительно механическимъ путемъ посредствомъ соответствующихъ приспособленій и аппаратовъ. И въ Германіи существуетъ нѣсколько заводовъ со столь усовершенствованной техникой; „но какое огромное разстояніе между грандіозными приспособленіями общества Герде или завода фирмы Гешъ въ Дортмундѣ, съ одной стороны, и многочисленными прокатными заводами Прирейнской Пруссіи, Вестфалии и Силезіи съ другой стороны“. ²⁾ Точно также и на сталелитейныхъ заводахъ нѣкоторыхъ крупнѣйшихъ фирмъ совершенно отсутствуетъ физическій трудъ: все производится механическимъ путемъ при помощи электричества. Телѣжка, приводимая въ движеніе силой электричества, доставляетъ металлъ конвертору, тамъ переворачивается автоматически и затѣмъ также автоматически мѣняетъ направленіе и возвращается обратно. Подобный способъ примѣняется въ Америкѣ, но на континентѣ его можно найти лишь въ немногихъ наиболѣе крупныхъ предпріятіяхъ ³⁾.

Однако и другія, преимущественно крупныя фабрики и заводы, слѣдуютъ мало по малу за комбинированными предпріятіями въ примѣненіи новѣйшихъ изобрѣтеній, да и сами они имѣютъ всегда различныя усовершенствованія, которыя они держатъ въ тайнѣ. Благодаря этому, и они въ цѣнѣ производимаго продукта получаютъ значительно больше, чѣмъ составляютъ расходы предпріятія. Мартинъ указываетъ напр., на то, что изъ 100 прядильныхъ фабрикъ лишь 20 стоятъ на уровнѣ современной техники, тогда какъ остальные 80 незнакомы съ новѣйшими техническими усовершенствованіями ⁴⁾. Во французской бумагопрядильной промыш-

¹⁾ Ibid. p. 20. 231.

²⁾ Sinzheimer. Weiterbildung etc. p. 191.

³⁾ Stilleh. I. p. 23—24. 164—165. и др. Heymann. 3 p. 12—13. 19. 22—23.

⁴⁾ Martin. Archiv für soziale Gesetzgebung. B. VIII p. 260.

ленности, въ особенности сѣвернаго района, Афтalionъ находитъ фабрики различныхъ категорій въ смыслѣ примѣняемой ими техники: недавно возникшія фабрики со всѣми новѣйшими усовершенствованіями, фабрики, которыя въ общемъ пользуются успѣхами техники, сдѣланными за послѣднія два-три десятилѣтія; далѣе фабрики, гдѣ рядомъ съ новѣйшими болѣе скорыми и болѣе крупными машинами дѣйствуютъ и устарѣвшіе аппараты значительно меньшихъ размѣровъ, съ которыми фабриканты все еще не рѣшаются разстаться, хотя вложенный въ нихъ капиталъ уже давно амортизованъ, и наконецъ небольшое количество предприятий, гдѣ еще дѣйствуетъ и человѣческій трудъ въ процессѣ пряденія, причемъ лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта полная отсталость объясняется характеромъ специальныхъ сортовъ производимой пряжи ¹⁾, Тѣ предприятия, которыя стоятъ вполне на высотѣ новѣйшей техники, очевидно извлекаютъ значительную выгоду изъ примѣняемыхъ ими изобрѣтеній; ибо цѣны должны по крайней мѣрѣ покрывать расходы хуже оборудованныхъ въ техническомъ отношеніи предприятий. Предприятия, примѣняющія ранѣе другихъ техническія усовершенствованія, относятся главнымъ образомъ къ разряду крупныхъ фабрикъ и заводовъ. „Многія изъ техническихъ усовершенствованій, часто смѣняющихъ другъ друга—говоритъ И. И. Янжуль—приходятся по карману лишь крупному предпринимателю, между тѣмъ каждое даетъ ему преимущество передъ мелкимъ производителемъ ²⁾. Подтвержденіемъ тому, что не только болѣе мелкія усовершенствованныя, но и важныя изобрѣтенія, производящія переворотъ во всемъ производствѣ, вводятся на большихъ фабрикахъ и заводахъ ранѣе, чѣмъ на всѣхъ другихъ, можетъ служить развитіе металлургической индустріи. Въ теченіе двадцатилѣтняго періода съ 1875 по 1895 г. въ германской желѣзодѣлательной промышленности число пудлинговыхъ печей сократилось на 52 проц., число мартеновскихъ печей на 58 проц., тогда какъ количество бессемеровскихъ конверторовъ возросло на 40¹/₂ проц. Однако и

¹⁾ Aftalion. La decadence de l'industrie linière et la concurrence victorieuse de l'industrie cotonnière. Revue d'économie politique. 1903. p. 633—634.

²⁾ Янжуль, стр. 380.

въ 1895 г. насчитывалось всего 30 заводовъ съ бессемеровскими конверторами и въ тоже время 128 заводовъ, гдѣ плавка желѣза производилась въ мартеновскихъ печахъ, и 121 заводъ, гдѣ производилось пудлингованіе желѣза. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что бессемерованіе—какъ указано выше—возможно технически лишь при крупномъ производствѣ, ибо лишь при извѣстномъ минимумѣ матеріала достигается необходимая для процесса температура; пудлингованіе и производство въ мартеновскихъ печахъ возможно въ гораздо меньшихъ размѣрахъ ¹⁾. Дѣйствительно въ 1895 г. среди предпріятій, въ которыхъ производилось пудлингованіе, еще было четыре съ количествомъ рабочихъ, не превышавшихъ 5 человекъ, среди предпріятій съ мартеновскими печами насчитывалось еще 11 подобныхъ мелкихъ предпріятій ²⁾. Изъ приведенныхъ цифръ можно усмотрѣть, что въ то время, какъ въ 1875 году лишь немногія крупныя, для того времени особенно крупныя, предпріятія примѣняли бессемерованіе, 20 лѣтъ спустя уже значительное количество предпріятій, вѣроятно всѣ крупныя предпріятія, пользовались новымъ изобрѣтеніемъ, что и въ 1895 году еще существовало много среднихъ и мелкихъ предпріятій, которыя примѣняли все еще устарѣвшіе способы производства; крупнѣйшія и крупныя предпріятія извлекали и въ это время слѣдовательно еще прибыль изъ изобрѣтенія Бессемера. Только тогда, когда и предпріятія средняго и малаго размѣра измѣнили способъ производства соотвѣтственно новымъ успѣхамъ техники, или когда они превратились въ крупныя предпріятія, такъ какъ новый способъ производства возможенъ лишь въ формѣ крупнаго производства, или наконецъ совершенно закрылись,—только тогда цѣна падаетъ соотвѣтственно уменьшенію издержекъ и прибыль, доставляемая новыми изобрѣтеніями, должна прекратиться. Между тѣмъ крупныя предпріятія за это время уже успѣли ввести у себя новыя изобрѣтенія, и снова проходятъ десятилѣтія, пока послѣднія входятъ во всеобщее употребленіе. „Прежде чѣмъ срокъ патента истекаетъ, берется другой патентъ на

¹⁾ Sinzheimer. Entwicklung des deutschen Eisenhüttengewerbes. p. 52. 64.

²⁾ Statistik des deutschen Reichs. N. F. 119. p. 147.

какое-нибудь незначительное улучшение въ первоначальномъ изобрѣтеніи,—улучшеніе, которое легче всего сдѣлать, конечно, владѣющему патентомъ фабриканту или которое онъ покупаетъ у нуждающагося изобрѣтателя“¹⁾).

Современныя крупныя предпріятія, понимающія все огромное значеніе техническихъ усовершенствованій, придерживаются того принципа, что всякая остановка въ этомъ отношеніи есть уже шагъ назадъ, что всѣ новѣйшія усовершенствованія должны быть введены возможно скорѣе²⁾). Это вполне понятно, ибо тѣ предпріятія, которыя примѣняютъ новыя изобрѣтенія позже всѣхъ другихъ, уже не могутъ извлекать прибыли изъ творческаго труда изобрѣтателя. И они вынуждены, конечно, въ концѣ концовъ замѣнить старыя аппараты болѣе новыми, но не для полученія прибыли изъ послѣднихъ, а во избѣжаніе убытка, ибо къ этому времени цѣна уже успѣла упасть въ томъ размѣрѣ, въ какомъ уменьшились издержки при пользованіи новымъ способомъ производства.

Въ 1888 году въ различныхъ странахъ примѣнялось всего 360 аппаратовъ Хаупера и 770 аппаратовъ Уайтвеля для нагрѣванія воздуха въ доменныхъ печахъ. Давая большое сбереженіе въ топливѣ и усиливая производительность доменной печи, эти приборы доставляли въ это время еще значительную прибыль тѣмъ предпріятіямъ, гдѣ они примѣнялись. Между тѣмъ пользованіе минеральнымъ топливомъ уже въ 70-хъ годахъ не доставляло никакой прибыли, ибо пользованіе этимъ топливомъ успѣло уже войти во всеобщее употребленіе: въ Германіи древесный уголь составлялъ въ 1871 г. всего 7 проц. всего топлива, употребляемаго въ металлургической промышленности, въ 1878 г. онъ равнялся всего 2 проц.; во всѣхъ другихъ случаяхъ древесный уголь былъ замѣненъ каменнымъ углемъ и коксомъ³⁾). Такимъ образомъ, тѣ предпріятія, которыя сохраняютъ прежній способъ производства, не дають уже никакого дохода и вынуждены прекратить свое существованіе.

¹⁾ Веббъ, II стр. 555.

²⁾ Stilleh. I. p. 171.

³⁾ Sinzheimer. Entwicklung des Eisenhüttengewerbes. p. 16. 25—27.

При замѣнѣ пудлингованія .бессемерованіемъ „только тѣ фирмы сѣверной Англій, которыя располагали большими денежными средствами и управленія которыхъ отличались особою энергіею и предприимчивостью“, пережили кризисъ и продолжали производство въ совершенно новомъ видѣ, согласно требованіямъ новой техники, между тѣмъ какъ болѣе 40 предприятий, нѣкогда процвѣтавшихъ въ Сѣверо-Восточномъ округѣ, погибло безвозвратно: они не умѣли принаровиться или не имѣли необходимыхъ для этого огромныхъ средствъ, а прежніе процессы производства уже ничего, кромѣ убытка не приносили ¹⁾. Точно также въ хлопчатобумажной промышленности Руана прядильныя фабрики, сохранившія у себя еще старую технику производства, закрылись, тогда какъ всѣ прочія, лучше оборудованныя, въ состояніи были держаться ²⁾. Въ 80-хъ и 90-хъ годахъ химическіе заводы, производившіе соду по способу Леблана, уже не могли существовать и цѣлый рядъ заводовъ какъ въ Англій (въ Ланкаширѣ изъ 8 существовавшихъ—7, въ Ньюкестлѣ 13 изъ 25), такъ и въ Бельгіи вынуждены были закрыться ³⁾. Точно также заводы по производству хлора и хлористыхъ веществъ, не могутъ уже болѣе примѣнять изобрѣтеннаго въ концѣ 60-хъ годовъ способа Вельдона—при цѣнѣ въ 150 мар. и ниже, до которой упалъ хлористый калий, возможно лишь производство съ новѣйшими усовершенствованіями и съ примѣненіемъ электричества ⁴⁾. Не слѣдуетъ конечно упускать изъ виду того обстоятельства, что и тѣ предприятия, которыя примѣняютъ болѣе новыя техническія усовершенствованія лишь тогда, когда цѣна продукта успѣла уже понизиться соотвѣтствующимъ образомъ — обыкновенно это болѣе мелкія фабрики и заводы — не могутъ извлекать изъ нихъ какой-либо прибыли: ихъ владѣльцы вынуждены либо оставаться вовсе безъ прибыли, довольствуясь доходомъ отъ распорядительнаго труда предпринимателя или отъ торговли фабрикатами, производимыми въ данной отрасли произ-

¹⁾ А. В. Зотовъ. Камера соглаш. и трет. суда въ желѣзодѣлат. пром. Сѣв. Англій. Рус. Бог. 1900 г. Кн. I, стр. 81.

²⁾ Bureau. Le contrat du travail. 1902. p. 119.

³⁾ Kockerscheidt. Ueber die Preisbewegung chemischer Produkte p. 23.

⁴⁾ Ibid. p. 33—35. 105.

водства, ибо въ этихъ случаяхъ коммерческая дѣятельность нерѣдко соединяется съ промышленной¹⁾; или же они извлекаютъ прибыль какимъ либо инымъ способомъ: посредствомъ сбыта въ другія страны, гдѣ конкуренція меньше и потому можно держать цѣны на болѣе высокомъ уровнѣ, или что обыкновенно бываетъ, путемъ пониженія заработной платы рабочихъ сравнительно съ той платой, которую они получаютъ въ крупныхъ предпріятіяхъ; въ послѣднемъ случаѣ прибыль, получаемая отъ изобрѣтателя, замѣняется уже прибылью, извлекаемою изъ труда рабочихъ.

С. и Б. Веббъ рисуютъ прекрасную картину той борьбы, которая происходитъ при существованіи „системы естественной свободы“, т. е. свободной конкуренціи на рынкѣ. Здѣсь мы находимъ цѣлую цѣпь договоровъ, причемъ сила всегда на сторонѣ покупателя и давленіе исходитъ отъ потребителя. Потребитель, стремясь къ болѣе полному удовлетворенію своихъ потребностей, старается приобрести товары возможно дешевле, чтобы быть въ состояніи удовлетворять и менѣе важныя потребности, и это давленіе потребителя въ смыслѣ пониженія цѣны товаровъ передается розничному, а затѣмъ и оптовому торговцу и фабриканту. „Единственнымъ средствомъ для соблазна широкой массы потребителей является то, чтобы продавать товаръ по такой цѣнѣ, которую потребитель считаетъ низкой. Поэтому лавочникъ постоянно подыскиваетъ товары, которые онъ могъ бы сбывать дешевле, чѣмъ ихъ обыкновенно продавали раньше или чѣмъ ихъ продаютъ теперь его конкуренты. Конкуренція между лавочниками сводится, слѣдовательно во всѣхъ этихъ случаяхъ къ борьбѣ за пониженіе цѣны, и старинные солидные дома, нѣкогда безропотно платившіе, оптовому торговцу такія цѣны, какія онъ запрашивалъ, вынуждены теперь также зорко высматривать „дешевый товаръ“, какъ и самый ловкій дѣлецъ. Въ результатъ они вынуждаютъ и оптовыхъ торговцевъ сбывать имъ товары

¹⁾ Нѣмецкій фабрикантъ (въ области хлопчатобумажной промышленности) нерѣдко соединяетъ дѣятельность фабриканта съ дѣятельностью комиссіонера, банкира, купца и даже съ продажей товаровъ въ розницу. *Sinzheimer. Weiterbildung des Grossbetrebs.* p. 173. *Schulze—Gaevernitz.* p. 110—112.

по самымъ низкимъ цѣнамъ; въ противномъ случаѣ послѣдніе рискуютъ лишиться своихъ кліентовъ.

Оптовый торговецъ въ свою очередь, заставляетъ фабриканта понижать цѣны до крайняго уровня. „Намъ, поэтому, нечего удивляться хроническимъ жалобамъ фабрикантовъ всѣхъ отраслей производства на то, что прибыль постоянно падаетъ и что почти безвыгодно заниматься фабричнымъ производствомъ. Даже и въ годы національнаго процвѣтанія, когда, какъ показываютъ поступленія по подоходному налогу и налогу на наслѣдства, возникаютъ огромныя состоянія,—даже и въ эти годы предприниматели, не производящіе какихъ-либо специальныхъ продуктовъ, вынужденные продавать товаръ оптовымъ торговцамъ, и не имѣющие возможности организовать „рингъ“ или „союзъ“ (Alliance) съ цѣлью повышенія цѣнъ, горько жалуется на то, что они еле покрываютъ свои „главныя издержки“ (т. е. расходы на заработную плату и сырой матеріалъ, въ отличіе отъ постоянныхъ расходовъ по производству—прибавочныя издержки) и что, въ лучшемъ случаѣ, они получаютъ лишь процентъ на капиталъ... Побуждаемый желаніемъ обезпечить себѣ болѣе высокую прибыль, торговецъ всѣми силами стремится къ тому, чтобы превратить слѣпое и безсознательное давленіе частнаго покупателя въ силу, регулируемую и концентрируемую съ такимъ расчетомъ, чтобы она направлялась въ сторону наименьшаго сопротивленія. Его специальная подготовка въ торговлѣ, его развитая способность оцѣнки малѣйшихъ оттѣнковъ добротности товаровъ и его тонкое пониманіе усовершенствованій въ техническихъ способахъ производства даютъ ему возможность пользоваться взаимной конкуренціей между фабрикантами и заставлять ихъ, такимъ образомъ, терять гораздо скорѣе и полнѣе, чѣмъ это было бы необходимо при другихъ условіяхъ, ту исключительную прибыль, которую они, по его свѣдѣніямъ, имѣютъ“. Если фабрикантъ имѣетъ возможность, то онъ въ свою очередь переноситъ всю тяжесть на рабочаго, именно: если рабочій изолированъ, если заключается индивидуальный рабочій договоръ. Въ этомъ случаѣ стремленіе къ дешевизнѣ, исходящее отъ потребителя, усиливаясь при передачѣ отъ одного звена къ другому въ цѣпи договоровъ, въ концѣ концовъ обрушивается со всей

наросшей силой на изолированнаго рабочаго, составляющаго основаніе пирамиды. Если же это невозможно, если усилія фабриканта разбиваются о сопротивленіе союза рабочихъ, то наступаетъ періодъ возникновенія трестовъ, ринговъ, картелей. „Выгодность такихъ пріемовъ такъ очевидна, что лишь долгая привычка къ взаимной борьбѣ и вытекающее отсюда взаимное недовѣріе мѣшаютъ болѣе широкому распространенію ихъ среди англійскихъ фабрикантовъ. Наконецъ, мы видимъ смѣлыя попытки полнаго устраненія конкуренціи посредствомъ объединенія всѣхъ соперниковъ въ крѣпкіе союзы; попытки эти отчасти или цѣликомъ удались въ производствѣ винтовъ, бумажныхъ нитокъ, соли, алькали (щелочныхъ солей) и резиновыхъ шинъ—въ Англии и въ безчисленномъ множествѣ другихъ производствъ—въ Соединенныхъ Штатахъ ¹⁾).

Мало того, предприниматели идутъ и дальше и въ борьбѣ съ потребителемъ стараются привлечь на свою сторону и рабочихъ, чтобы соединенными силами бороться противъ пониженія цѣнъ. „Ассоціаціи предпринимателей вступаютъ въ соглашеніе съ рабочими союзами, цѣлью которыхъ является достиженіе возможно выгодныхъ цѣнъ на производимые продукты: на основаніи этихъ соглашеній (alliance) предприниматели обязываются нанимать только рабочихъ, принадлежащихъ къ данному трэдъ-юніону, а рабочіе обязываются работать только у предпринимателей, принадлежащихъ къ союзу, продающему товаръ по установленной сообща (представителями отъ трэдъ-юніона и отъ союза предпринимателей) цѣнѣ. Ограждая себя такимъ путемъ отъ конкуренціи другихъ предпринимателей и рабочихъ, они заставляютъ потребителя платить болѣе высокія цѣны, чѣмъ это было бы возможно при господствѣ вполнѣ свободной конкуренціи, въ расчетѣ повысить этимъ путемъ и прибыль, и заработную плату ²⁾).

Такимъ образомъ, рядомъ съ борьбой между производителемъ и потребителемъ за созданный изобрѣтателемъ продуктъ

¹⁾ Веббъ, Трэдъ-юніонизмъ, т. I, стр. 539—558.

²⁾ Liefmann. Die Allianzen. gemeinsame monopolistische Vereinigungen der Unternehmer und Arbeiter in England. Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik. III Folge. B. XX. p. 433 и сл.

происходить не менѣе ожесточенная борьба между всѣми тѣми посредниками, которые отдѣляютъ изобрѣтателя отъ потребителя. Фабрикантъ старается какъ можно дольше удержать въ свою пользу, продуктъ творческаго труда, между тѣмъ какъ торговецъ-экспортеръ спѣшитъ вырвать его у фабриканта, всячески стараясь отдалить вмѣстѣ съ тѣмъ время перехода его къ слѣдующему торговому-посреднику. И подобнымъ же образомъ поступаютъ и остальные звенья въ этой длинной цѣпи, причемъ союзы являются тѣми барьерами, которыя строятъ каждый классъ посредниковъ, задерживая уходъ отъ нихъ прибавочнаго продукта, и отъ силы союзовъ и степени организованности зависитъ въ значительной мѣрѣ, какая часть, проходящаго чрезъ руки того или иного класса посредниковъ продукта остается въ его пользу, превращается въ прибыль. Всѣ эти соперники не ограничиваются однако организаціей такихъ ассоціацій, которыя давали бы возможность какъ увеличить сумму прибыли вообще, задерживая переходъ продуктовъ творческаго труда къ потребителю до появленія новыхъ техническихъ улучшеній, такъ и сократить ту часть, которая приходится на долю прочихъ классовъ посредниковъ, но идутъ и дальше, стараясь совершенно вытѣснить тотъ или другой разрядъ посредниковъ и принять на себя функции его, а слѣдовательно и ту часть общей прибыли, которая поступала въ пользу этой категоріи лицъ. Фабриканты стремятся къ вытѣсненію торговцевъ-экспортеровъ, чтобы вступать въ непосредственныя отношенія съ мѣстными оптовыми торговцами, экспортеры стараются обойти другихъ оптовыхъ торговцевъ и продавать свои товары розничнымъ торговцамъ, усилія розничныхъ торговцевъ направлены къ тому, чтобы пріобрѣтать товары прямо на фабрикѣ. Наконецъ, и потребители ставятъ себѣ цѣлью отнять прибыль у посредниковъ (потребительныя общества) и прямо имѣть дѣло съ оптовыми торговцами или даже съ производителями или, наконецъ, самостоятельно устраивать фабрики и заводы.

Въ результатѣ наибольшую выгоду отъ всего этого процесса получаетъ потребитель. Предприниматель же является лишь передаточной инстанціей между потребителемъ и изобрѣтателемъ, и временно удерживаетъ въ свою пользу часть продукта творческаго труда, прежде чѣмъ онъ пе-

реходить къ потребителю. Это лучше всего подтверждается тѣмъ движеніемъ, которое обнаруживаютъ цѣны на промышленныя издѣлія за послѣднія десятилѣтія. Сильное паденіе ихъ прямо свидѣтельствуетъ о томъ, какую огромную выгоду отъ изобрѣтеній имѣлъ потребитель, какая масса творческаго труда досталась ему безвозмездно. Если въ теченіе первой половины XIX вѣка фабрикантъ постепенно передавалъ потребителю путемъ пониженія цѣнъ добавочный продуктъ, создаваемый машинами, изобрѣтенными въ концѣ XVIII вѣка и въ началѣ XIX вѣка, то въ концѣ XIX вѣка потребитель имѣлъ возможность присвоить себѣ результаты творческаго труда Бессемера, Мартена, Леблана, Сименса, Робертса и цѣлаго ряда другихъ столь же крупныхъ, а равно болѣе мелкихъ и совсѣмъ маленькихъ изобрѣтателей. Это выразилось въ томъ, что за продукты текстильной индустріи онъ платилъ въ 1878—1887 г.г. на 29 проц. меньше, чѣмъ въ 1867—1877 г.г., а въ 1892—1900 г.г. на 44 проц. меньше, т. е. почти вдвое меньше, чѣмъ въ концѣ 60-хъ и въ 70-хъ годахъ, а различныя другія издѣлія обходились ему въ 90-хъ годахъ на 35 проц. дешевле чѣмъ въ 1878—1887 г.г. (по Зауербску). Въ частности въ Германіи при сравненіи среднихъ цѣпъ за 1879—1883 г.г. со средними цѣнами за 1894—1898 г.г. получимъ пониженіе на 65 проц. для сахара-песку и на 40 проц. для рафинада, на 26 проц. для керосина, на 23—33 проц. для бумажной пряжи и матерій, на 11 проц. для чугуна. На Гамбургскомъ рынкѣ (имѣющемъ международное значеніе) шерстяная (и полушерстяная) и бумажная пряжа стоила во второй половинѣ 90-хъ годовъ 60 и 80 проц. того, что платилось въ 70-хъ годахъ и 52—55 проц. цѣны 60-хъ годовъ; англійское желѣзо въ болванкахъ понизилось съ 70-хъ годовъ на 22 проц.¹⁾ Еще значительнѣе было паденіе цѣнъ въ области химической индустріи, гдѣ оно, подъ вліяніемъ многочисленныхъ изобрѣтеній, совершалось втеченіе нѣкоторыхъ десятилѣтій съ головокружительной быстротой. Такъ, за 35-лѣтіе, съ 1861 по 1904 г., цѣна соды, селитры, сѣрной кислоты, поташа, фосфора понизилась въ два, въ три и даже въ четыре раза.

¹⁾ Die Entwicklung des Preisniveaus in den letzten Jahren. Jahrbücher für Nationaleökonomie und Statistik. 1902. III Folge B. 24. p. 639—640. 643—644.

анилиновыя краски стоили въ началѣ 70-хъ годовъ 1500—1800 мар. за 100 килогр., въ 1900—1903 г.г. не болѣе 300—325 мар., цѣна ализариновыхъ красокъ упала съ 1869 по 1903 г. съ 27 мар. за килогр. до $6\frac{1}{2}$ мар. Столь же сильно упали въ цѣнѣ нѣкоторыя парфюмерныя вещества (ванилинъ стоилъ въ 1877 г. 4 тыс. мар. килогр., въ 1902 г. всего 60 мар. т. е. въ 65 разъ менѣе) и въ особенности фармацевтическіе препараты—хининъ стоилъ въ 1892 г. ровно въ 6 разъ меньше, чѣмъ за тридцать лѣтъ до того, въ томъ же размѣрѣ упала цѣна на антиперинъ за двадцать лѣтъ съ 1884—1904 г., хлораль-гидратъ и іодоформъ за 35-лѣтіе съ 1875 по 1904 г. ¹⁾.

¹⁾ Kockerscheidt. Ueber die Preisbewegung chemischer Produkte. (очоб. р. 155 и сл.) Grauer. Die Preisbewegung der Chemikalien seit dem Jahre 1871.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Трудъ рабочаго какъ источникъ прибыли съ капитала въ послѣдней трети XIX вѣка.

I.

Прогрессъ въ области индустріи выразился въ XIX вѣкѣ не только въ томъ, что физическій трудъ рабочаго замѣненъ автоматическими дѣйствующими механизмами, произведеніями творческаго труда, но и въ томъ, что трудъ рабочаго, заключающійся въ надзорѣ за этими механизмами, сильно измѣнился, въ особенности во второй половинѣ вѣка, въ качественномъ отношеніи, въ смыслѣ уровня интеллигентности и ловкости рабочаго, его выдержки и умѣнья работать. Все болѣе и болѣе возрастающіе размѣры машинъ, ихъ увеличивающаяся сила, скорость и сложность дѣлаютъ трудъ рабочихъ болѣе интеллектуальнымъ, требуютъ напряженной, но въ то же время и осмысленной работы¹⁾; во многихъ случаяхъ машины предъявляютъ къ рабочему, надзирающему за ними, такія требованія въ смыслѣ быстроты движеній, вѣрности глаза и рукъ, въ смыслѣ обдуманности и терпѣнія, какія не были извѣстны въ прежнія эпохи экономической жизни, и эти качества пріобрѣтаются лишь долготѣльнымъ навыкомъ, накопляясь и передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію. „Чѣмъ болѣе деликатна машина, тѣмъ болѣе осмысленности и вниманія требуется отъ человека, приставленнаго къ ней. Когда рабочій наблюдаетъ за сложнымъ и дорогимъ механизмомъ, онъ долженъ обладать тою интеллигентностью и тѣмъ сознаниемъ ответственности, которыя составляютъ высокія качества характера“²⁾.

¹⁾ Ср. Гобсонъ, стр. 276.

²⁾ Marshall. Principles of Economics. Vol. I. 2 edition. London. 1891. p. 316—317.

Примѣненіе сложной системы машинъ и приборовъ со-
здадо классъ опытныхъ и умѣлыхъ рабочихъ, вызвало у ра-
бочаго интересъ къ изученію устройства тѣхъ машинъ, ко-
торыми онъ управляетъ, къ ознакомленію съ происходящими
на его глазахъ процессами производства. Прогрессъ обнару-
живается въ томъ, что тотъ же рабочій, который прежде
едва-едва справлялся со своей работой, управляя всего
одной машиной, въ настоящее время съ успѣхомъ руково-
дитъ цѣлымъ рядомъ несравненно быстрѣ движущихся и
гораздо болѣе крупныхъ и сложныхъ механизмовъ, при
чемъ онъ затрачиваетъ значительно меньше времени, чѣмъ
раньше, на подачу матеріала машинѣ и на удаленіе
изготовленнаго ею продукта. Остановки въ ходѣ стано-
вятся гораздо болѣе рѣдкимъ явленіемъ, поскольку же
они происходятъ, задержки непродолжительны, ибо рабочій
принимаетъ всѣ находящіяся въ его распоряженіи мѣры къ
возможно быстрому устраненію препятствій. „Количество че-
сальныхъ, тростильныхъ, промежуточныхъ, наматывающихъ
и прядильныхъ машинъ, приходящихся на одного рабочаго,
увеличивается каждый разъ. Въ чесальныхъ машинахъ ко-
ренной перевероть произошелъ за послѣднія нѣсколько лѣтъ:
волочиля (drawing frame) автоматически останавливается,
какъ только оказывается какой-либо недостатокъ въ ея ра-
ботѣ, что значительно сократило надзирающія функціи рабо-
чаго“. Рабочій въ настоящее время наблюдаетъ за количествомъ
вдвое и втрое большимъ, по сравненію съ тѣмъ, которое при-
ходилось на долю его отца и дѣда ¹⁾; число машинъ воз-
расло съ тѣхъ поръ болѣе чѣмъ впятеро, число же рабо-
чихъ едва ли даже удвоилось. Въ теченіе двухъ десяти-
лѣтій съ начала 70-хъ до начала 90-хъ годовъ скорость
прядильныхъ машинъ увеличилось на 15 проц. ²⁾.

Изъ указаній Шульце-Геверница относительно увели-
ченія числа веретенъ и станковъ, на которыхъ рабочему
приходится работать, мы не имѣемъ однако еще права вы-
вести—говоритъ Гобсонъ—что напряженность труда воз-
расла соотвѣтственно этому увеличенію количества машинъ;

¹⁾ Прядильная машина новѣйшей конструкціи даетъ возможность
предоставить одному рабочему наблюденіе за цѣлой дюжиной аппа-
ратовъ. (Carolle D. Wright, Industrial Evolution. Introduction).

²⁾ Schulze-Gaevernitz. Grossbetrieb. d 117, 120.

мы не можемъ также приписать увеличенное количество выработываемыхъ рабочимъ продуктовъ большей ловкости и энергіи его. Въ отношеніи сбереженія труда главная задача недавно сдѣланныхъ усовершенствованій, особенно въ чесальныхъ, прядильныхъ и промежуточныхъ процессахъ, заключалась въ томъ, чтобы сдѣлать трудъ, который ранѣе требовалъ затратъ энергіи со стороны рабочаго, автоматическимъ, и такимъ образомъ дать рабочему возможность руководить большимъ числомъ машинъ и увеличивать скорость послѣднихъ, не увеличивая при этомъ трудовой энергіи. Общее мнѣніе относительно прядильнень—продолжаетъ онъ—склоняется къ тому, что 75 проц. увеличенія продуктовъ, выработываемыхъ каждымъ рабочимъ, нужно приписать усовершенствованію машинъ, а 25 проц. увеличенію напряженности труда, вызванной возрастаніемъ числа веретенъ и ускореніемъ ихъ хода“¹⁾.

Это повышеніе интенсивности труда сопровождалось бы возрастаніемъ производства, если бы оно не было сопряжено съ сокращеніемъ рабочаго времени и даже прямо невысказано безъ такого уменьшенія рабочаго дня²⁾. Значительное сокращеніе продолжительности труда, которое мы наблюдаемъ въ послѣдніа десятилѣтія XIX вѣка, привело къ тому, что усилившаяся производительность труда, если измѣрять ее по количеству продуктовъ, производимыхъ рабочимъ въ каждую единицу времени, только наверстала то уменьшеніе въ производствѣ, которое произошло вслѣдствіе сокращенія рабочихъ часовъ; плюсу на одной сторонѣ соотвѣтствовалъ минусъ на другой, такъ что Шульце-Геверницъ правъ, указывая на то, что тотъ добавочный продуктъ, который созданъ въ XIX вѣкѣ, долженъ быть приписанъ исключительно усилившейся производительности творческаго труда, и усматривая въ немъ „результатъ умственной работы предыдущихъ поколѣній, тысячи мыслей и попытокъ, воплощенныхъ въ машинахъ“. ³⁾ Сокращенный рабочій день вызы-

¹⁾ Гобсонъ, стр. 269—270.

²⁾ Сокращеніе рабочаго дня является—по выраженію Маршалля—столь же рациональнымъ, какъ отправка заболѣвшаго въ больницу, такъ какъ оно способствуетъ восстановленію истощенныхъ силъ и поэтому выгодно и въ матеріальномъ отношеніи.

³⁾ Schulze-Gaevernitz. Der Grossbetrieb. p. 127.

валь конечно далеко не всегда уменьшение въ количествѣ произведеннаго продукта и еще рѣже это количество соотвѣтствовало сокращенію рабочихъ часовъ, ибо это сокращеніе компенсировалось усилившейся интенсивностью труда, большимъ прилежаніемъ и внимательностью рабочаго, которая являлись послѣдствіемъ уменьшенія рабочаго дня; продолжительный рабочій день и вялая работа были замѣнены болѣе напряженной дѣятельностью, болшей затратой силъ въ теченіе болѣе короткаго промежутка времени. Известный знатокъ этого вопроса, авторъ монографіи о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ, John Rae указываетъ, что въ Англии даже при введеніи восьмичасоваго рабочаго дня въ большинствѣ случаевъ потеря во времени возмѣщается не только частью, но даже вполнѣ болшей производительностью труда. Причину этого онъ усматриваетъ въ усиленіи напряженности труда; болѣе сознательная и умѣлая работа и менѣе продолжительный рабочій день взаимно покрываются ¹⁾).

Подобные же факты, касающіеся труда женщинъ въ барменской текстильной индустріи, приводитъ Готейнеръ: при сокращеніи продолжительности труда въ ткацкомъ производствѣ съ 12 до 11 час. количество вырабатываемаго продукта почти повсюду оставалось прежнее: при поштучной платѣ работницы старались наверстать болѣе интенсивной работой потерю того, что они зарабатывали въ теченіе послѣднаго часа ²⁾). Brentano однако сообщаетъ и факты противоположнаго свойства, когда значительное сокращеніе рабочаго дня въ каменноугольной и текстильной индустріи при одинаковой техникѣ производства приводило къ уменьшенію продукта, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ уменьшилось рабочее время ³⁾). Точно также и Шулеръ приводитъ факты изъ швейцарской жизни, изъ которыхъ видно, что при равной скорости машинъ и при отсутствіи техническихъ улучшеній оказывалось невозможнымъ вырабатывать то же количество продукта въ меньшей промежутокъ времени; при этомъ, чѣмъ хуже оборудована фабрика, тѣмъ больше минусъ, получавшійся вслѣдствіе сокращенія рабочаго дня,

¹⁾ Rae. Eight hours movement. Dictionary of Political Economy.

²⁾ Gotthäiner. Studien über die Wuppertaler Textilindustrie. p. 51.

³⁾ Brentano. Ueber das Verhältnis von Arbeitslohn und Arbeitszeit zur Arbeitsleistung. p. 35. 79.

хотя нигдѣ онъ не соотвѣтствуетъ вполне уменьшенію въ продолжительности труда ¹⁾. Для того, чтобы получалось то же количество продукта, необходимо въ большинствѣ случаевъ ускореніе хода машинъ, а также улучшеніе качества матеріала. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда количество продукта, несмотря на сокращеніе рабочаго дня, даже возрастало, уменьшеніе продолжительности производства сопровождалось нерѣдко замѣной прежнихъ машинъ и аппаратовъ болѣе совершенными приспособленіями, „Краткій рабочій день заставилъ фабрикантовъ штата Массачузетса занять роль пионеровъ въ области всякаго рода новѣйшихъ изобрѣтеній и техническихъ усовершенствованій“ ²⁾. Что касается установленія 11-часоваго рабочаго дня для женщинъ въ Германіи, то—какъ указываетъ Франкенштейнъ—„сокращеніе рабочаго времени не привело къ уменьшенію заработка работницъ, нанятыхъ поштучно,—во многихъ случаяхъ ихъ доходъ даже повысился. Впрочемъ, этотъ результатъ достигнуть не только благодаря тому, что одновременно съ пониженіемъ рабочаго времени соотвѣтствующимъ образомъ возрасла интенсивность труда. Нерѣдко большее количество продукта получалось лишь вслѣдствіе улучшенія машинъ или ускоренія ихъ движенія“ ³⁾. Brentano также усматриваетъ въ примѣненіи техническихъ усовершенствованій, въ введеніи новыхъ изобрѣтеній необходимое условіе для полученія большаго продукта при сокращенномъ рабочемъ днѣ: если при одинаковой техникѣ производства уменьшеніе продолжительности производства неминуемо ведетъ къ пониженію количества вырабатываемыхъ продуктовъ въ болѣе или менѣе значительной степени, то употребленіе усовершенствованныхъ машинъ, вызываемое уменьшеніемъ продукта, даетъ возможность вырабатывать въ теченіе болѣе краткаго времени нерѣдко значительно болѣе продуктъ, чѣмъ ранѣе въ продолженіе болѣе длиннаго промежутка времени ⁴⁾. Въ приводимомъ П. Г. Мижувымъ любопытномъ примѣрѣ введенія восьми-

¹⁾ Schuler. Der Normalarbeitstag in seinen Wirkungen auf die Produktion. Archiv für soziale Gesetzgebung. B. IV p. 90—91. 93—95.

²⁾ Мижувъ. Восьмичасовой рабочій день. СПб. 1907. Стр. 19.

³⁾ Frankenstein. Der Arbeiterschutz. Seine Theorie und Politik. Leipzig. 1896. p. 47—48.

⁴⁾ Brentano. Ueber das Verhältniß etc. p. 36—37.

часового рабочаго дня въ одномъ изъ крупнѣйшихъ англійскихъ предпріятій въ области машиностроенія и судостроенія (фирма Thames Iron Works), въ которомъ производительность относительно увеличилась, но абсолютно нѣсколько уменьшилась, благоприятный результатъ объясняется тѣмъ, что одновременно съ сокращеніемъ рабочаго дня улучшены были техническія условія производства: „мы должны не жалѣть денегъ на пріобрѣтеніе самыхъ усовершенствованныхъ машинъ“—говорилъ директоръ завода по поводу этого опыта: дѣйствительно въ теченіе пяти лѣтъ заводъ затратилъ около 1 милліона рублей на машины ¹⁾. Среди ряда фактовъ, приводимыхъ Шулеромъ, мы находимъ только одинъ случай, въ которомъ, несмотря на неизмѣнившіяся условія производства, было достигнуто большее количество продукта ²⁾. Точно также Гобсонъ сообщаетъ, что въ Англійи скорость ткацкихъ станковъ составляла до фабричнаго закона 1878 г. приблизительно 170—190 ударовъ въ минуту при 10 часовомъ рабочемъ днѣ. Въ теченіе же приблизительно двухъ лѣтъ послѣ сокращенія часовъ работы (на 6 проц.) средняя скорость достигла 190—200 ударовъ безъ всякихъ перемѣнъ въ машинахъ или въ сыромъ матеріалѣ, такъ что получается нѣкоторый абсолютный ростъ въ количествѣ производимаго продукта, какъ результатъ увеличенія производительности работы ткача ³⁾. Однако въ видѣ общаго правила и въ Швейцаріи, и въ Англійи такое возрастаніе продукта сопровождается техническими улучшениями или, по крайней мѣрѣ, употребленіемъ матеріала лучшаго качества и болѣе скорымъ изнашивніемъ машинъ. Къ такому выводу приходитъ Шулеръ; значительное возрастаніе продукта въ англійской хлопчатобумажной промышленности, какъ видно изъ изслѣдованія Шульце-Геверница, сопровождалось крупными техническими усовершенствованіями ⁴⁾.

¹⁾ Мижуевъ, стр. 57 и сл.

²⁾ Schuler. Normalarbeitstag. p. 90.

³⁾ Гобсонъ, стр. 270.

⁴⁾ Schulze-Gävernitz. p. 118 и сл. Много фактовъ сообщается также въ книгѣ Вебба и Кокса. (Восьмичасовой рабочій день, рус. пер. Муратова. 2 изд. СПб. 1904), но къ сожалѣнію нигдѣ не указано происходили ли одновременно измѣненія въ характерѣ производства.

Въ томъ случаѣ, когда изнашивание машинъ происходитъ быстрѣе, увеличеніе производства. связано очевидно съ большими издержками, съ возрастаніемъ количества труда рабочихъ, затраченнаго на предыдущихъ ступеняхъ производства; когда же примѣняются новыя машины, сокращеніе часовъ является, правда, прямымъ выигрышемъ какъ для отдѣльнаго предпринимателя, такъ и съ точки зрѣнія всего народнаго хозяйства, но эта выгода достигается только благодаря тому, что новое изобрѣтеніе увеличило количество творческаго труда, примѣняемаго въ производствѣ. Поскольку, слѣдовательно, идетъ рѣчь о трудѣ рабочаго, количество производимаго имъ продукта не возрастаетъ съ сокращеніемъ рабочаго дня: самое большее, что можетъ быть достигнуто, это—прежнее количество продукта; если же получается плюсь, то онъ произведенъ либо трудомъ, затраченнымъ въ предыдущіе періоды производства, такъ что плюсь, только кажущійся, либо созданъ не трудомъ рабочаго, а творческой дѣятельностью изобрѣтателя.

Одновременно и рука объ руку съ сокращеніемъ рабочаго дня происходитъ противоположное движеніе въ сферѣ заработной платы промышленныхъ рабочихъ: во всѣхъ странахъ мы можемъ наблюдать увеличеніе заработка фабрично-заводскихъ рабочихъ, причѣмъ ростъ его достигаетъ значительныхъ размѣровъ. Въ Англіи увеличеніе заработной платы въ промышленности составляетъ отъ 50 до 100 проц. въ теченіе пятидесятилѣтняго періода, будемъ ли мы его считать съ 1837 или съ 1842 или какого-либо изъ слѣдующихъ лѣтъ. Къ такому заключенію приходитъ Карль Шмидъ на основаніи данныхъ, собранныхъ англійской королевской комиссіей 1892 года ¹⁾. Въ этомъ смыслѣ высказывается и Джиффенъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи о прогрессѣ рабочаго класса за послѣднія полстолѣтія и къ нему вполне присоединяется Сидней Веббъ, находя, что плата дѣйствительно увеличилась въ полтора и два раза ²⁾. Если въ 1820—1855 г.—говорить Шмоллеръ—

¹⁾ Schmid. Beitr. zur Gesch. der gewerbl. Arbeit in England während der letzten 50 Jahre. 1896. (Elsters staatswiss. Stud).

²⁾ Giffen. The Progress of the Working classes in the last half-century. Essays in Finance. II. 1887. p. 365 сл. Sidney Webb. Labor in the longest reign. London. 1897, а также The Condition of the working Classes in Great Britain in 1842 and 1892. Cooperative Annual. 1893.

средняя плата колебалась между 13 и 15 шилл. (въ недѣлю), то въ настоящее время она колеблется между 20 и 35 шилл. Періодъ наибольшаго возрастанія относится къ 1840—1875 гг., затѣмъ движеніе становится медленнѣе и отчасти даже приостанавливается, но въ 1887—1891 и въ 1896—1900 гг. оно снова возобновляется ¹⁾. По Боули и Вуду заработная плата въ хлопчатобумажной индустріи возрасла на 76 проц. въ теченіе одного тридцатилѣтія 1860—1891 гг., а во всей текстильной промышленности увеличеніе составляло за тотъ же періодъ 60 проц. Повышеніе платы въ желѣзодѣлательной и машиностроительной промышленности происходило въ періодъ 1860—1874, когда оно составляло 28—24 проц., въ 80-хъ же годахъ плата этихъ рабочихъ не увеличилась и лишь въ 90-хъ годахъ стала снова возрастать. Горнозаводскіе рабочіе получали въ 1891 г. вполтора раза больше, чѣмъ за тридцать лѣтъ до того ²⁾.

„Принимая заработную плату въ индустріи Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки въ 1860 г. за 100,—говоритъ Кероль Райтъ—мы получимъ, что заработная плата въ 22 отрасляхъ промышленности и почти на 100 фабрикахъ и заводахъ (судя по книгамъ послѣднихъ) равнялась въ среднемъ 87,7 въ 1840 г., 152,4 въ 1866 г. и 160,7 въ 1891 г. Мы можемъ также вычислить среднее, принимая во вниманіе относительное значеніе каждой отрасли промышленности по сравненію съ прочими, выражающееся въ количествѣ занятыхъ рабочихъ. Въ этомъ случаѣ, взявъ среднее 1860 г. опять таки за 100, получится среднее для 1840 г. въ 82,5, для 1866 г. въ 155,6 и для 1891 г. въ 168,6, т. е. возрастаніе заработной платы за тридцатилѣтіе 1860—1891 гг. равнялось 68,6 проц. ³⁾. Въ частности въ хлопчатобумажной промышленности заработная плата, составлявшая 44 цента (въ день) въ 1820—1830 гг. и около 90 цент. въ 1830—1840 гг., равнялась 1,06 долл. въ 1840—1860 гг., но 1 долл. 40 цент. въ 1880 г., т. е. за двадца-

¹⁾ Schmoller. Grundriss. II. p. 296.

²⁾ Wood. Some statistics relating to working class progress since 1860. Journal of the Royal Statistical Society. 1899. Его-же. Factory legislation with reference to operatives wages. Тамъ-же. 1902. Cp. Bowley. Wages in the United Kingdom. Cambridge. 1900.

³⁾ Caroll D. Wright. Industrial Evolution. Chap. XVII.

тилѣтіе 1860—1880 гг. она повысилась почти на 40 проц. Въ металлургической промышленности возрастаніе превышало 40 проц. за тридцать лѣтъ (1860—1890), а въ производствѣ изъ бумажной массы плата увеличилась въ теченіе того же періода на двѣ трети. Другой американскій статистикъ Алдричъ пришелъ къ подобнымъ же выводамъ: въ 543 фабрично-заводскихъ предприятияхъ (относящихся къ 21 отрасли промышленности) повышение заработной платы составило въ среднемъ за 1860—1891 гг. свыше 60 проц., причемъ въ пивоваренной и вагоностроительной промышленности плата увеличилась болѣе чѣмъ вдвое, въ строительной, хлопчатобумажной и шерстяной на двѣ трети, въ металлургической въ полтора раза и въ кожевенной на $37\frac{1}{2}$ проц. ¹⁾ Въ Бельгіи при производствѣ первой промышленной переписи 1846 года была установлена высота заработной платы; тотъ же вопросъ относительно величины платы предлагался 50 лѣтъ спустя, при промышленной переписи 1896 года, такъ что получается возможность опредѣлить измѣненія, происшедшія въ заработной платѣ въ теченіе второй половины истекшаго столѣтія. „Сопоставляя заработную плату въ различныхъ отрасляхъ индустріи за 1846 г. и за 1896 г.—говоритъ Ваксвейл-леръ—мы приходимъ къ тому выводу, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ получается одинаковая группировка заработковъ, съ той только разницей, что плата 1896 г. всегда на два франка выше соотвѣтствующей платы 1846 г. Увеличеніе слѣд. равняется 2 фр.; огромное большинство заработковъ (78, 77 проц.) находилось въ 1846 г. на уровнѣ $\frac{1}{2}$ —2 фр., тогда какъ въ 1896 г. на уровнѣ 2— $4\frac{1}{2}$ фр. (78, 82 проц.), т. е. за полстолѣтія заработная плата рабочихъ—мужчинъ удвоилась; плата женщинъ увеличилась даже болѣе чѣмъ вдвое. При этомъ—продолжаетъ онъ—низкіе заработки возросли очень сильно, высокіе же въ меньшей степени, такъ что низкая плата исчезла: въ 1846 г. свыше половины взрослыхъ рабочихъ получали не болѣе $1\frac{1}{2}$ фр., въ настоящее время такимъ заработкомъ довольствуется всего 5 проц. рабочихъ. Т. е. за полстолѣтія увеличились доходы всей

¹⁾ Aldrich. Wholesale Prices, Wages and Transportation. 1898. Т. I p. 12 и сл. Levasseur. L'ouvrier americain. Paris 1898. Т. I. p. 309. 319.

массы рабочихъ, а не только привилегированнаго меньшинства“ ¹⁾. Въ частности низкіе заработки (т. е. $1\frac{1}{2}$ — $1\frac{1}{2}$ фр.) увеличились вдвое въ металлургической и машиностроительной, въ стекольной, фарфоровой и фаянсовой промышленности и въ производствѣ издѣлій изъ бумажной массы, втрое—на сахарныхъ заводахъ, на хлопчатобумажныхъ и шерстяныхъ фабрикахъ и вчетверо—въ производствѣ продуктовъ изъ льна. Ростъ высокыхъ заработковъ ($1\frac{1}{2}$ —3 фр.) равнялся въ хлопчатобумажной промышленности 40 проц., въ металлургической, машиностроительной и льняной 65 и 75 проц., въ производствѣ шерстяной пряжи и тканей и издѣлій изъ бумажной массы онъ составлялъ 100 проц., а на сахарныхъ и стеклянныхъ заводахъ 135 проц. по сравнению съ уровнемъ 1846 г.

Во Франціи, на основаніи произведенной въ концѣ 90-хъ годовъ анкеты, получилось возрастаніе заработной платы фабрично-заводскихъ рабочихъ на 90 проц. въ среднемъ за 1840/1845—1891/1893 гг., т. е. почти за пятьдесятъ лѣтъ: именно взрослые рабочіе — мужчины въ провинціи зарабатывали въ 40-хъ годахъ 2,07 фр. а въ началѣ 90-хъ гг. 3,90 фр., въ текстильной индустріи (въ провинціи) плата мужчинъ увеличилась на 80 проц.—съ 1,90 фр. до 3,45 фр., плата женщинъ—болѣе чѣмъ вдвое (съ 1 фр. до 2,10 фр.), причемъ наибольшее возрастаніе относится къ тридцатилѣтію 1860/1865—1891/1893 гг. ²⁾. Въ Эльзасѣ мы можемъ наблюдать возрастаніе заработной платы фабричныхъ рабочихъ въ 1850—1885 гг. не менѣе, чѣмъ въ полтора раза. Если же возьмемъ періодъ 1830—1880 гг., то получится увеличеніе въ различныхъ отрасляхъ индустріи, въ особенности въ текстильной индустріи вдвое и болѣе ³⁾. Что касается наконецъ Германіи, то—по Шмоллеру—до 50-хъ годовъ плата повышалась лишь въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и отрасляхъ промышленности, въ 1850—1865 гг. увеличеніе заработ-

¹⁾ Waxweiler. Heures de travail et salaires dans l'industrie Belge. Revue d'économie politique. 1902.

²⁾ Office du travail, salaires et durée du travail dans l'industrie française. Grande et moyenne industrie. Résultats généraux. T. IV. 3-е partie. Paris. Cp Gide. La hausse des salaires. Revue d'économie politique. 1903. Ero-же. Economie sociale. Paris. 1905. Chap. I. Levasseur. La population française. T. III.

³⁾ Chevalier. Les salaires au XIX siècle. Paris. 1887.

ковъ имѣло уже всеобщій характеръ, а въ десятилѣтіе 1865—1875 гг. оно достигало значительныхъ размѣровъ; въ послѣдствіи плата немного упала, но затѣмъ стала опять возрастать до 1900 г., впрочемъ въ небольшихъ размѣрахъ. ¹⁾ Точныхъ свѣдѣній относительно движенія заработной платы въ Германіи, къ сожалѣнію, не имѣемъ. Въ Вюртембергѣ средній заработокъ промышленныхъ рабочихъ увеличился съ 1830/1839 гг. до 1860/1865 гг. на 60—70 проц. въ 8 отрасляхъ производства (въ бумагопрядильной и бумаготкацкой индустріи, въ суконной, химической, металлургической и др.), почти на 60 проц. въ шерстопрядильной и въ производствѣ бумаги, на 77 проц. на фабрикахъ музыкальныхъ инструментовъ и на 52 проц. у типографскихъ рабочихъ ²⁾. Во второй половинѣ 90-хъ гг. заработная плата въ Германіи повидимому значительно возрасла: судя по той платѣ, которая принимается во вниманіе при страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ (средняя изъ платы какъ взрослыхъ рабочихъ, такъ и подростковъ, мужчинъ и женщинъ), мы получаемъ возрастаніе на 9—19% въ теченіе 1895—1899 гг. (19 проц. въ химической промышленности, 14 въ производствѣ бумаги, 17¹/₂ въ производствѣ одежды и обуви, 10 въ металлургической и 9 въ текстильной и машиностроительной) ³⁾.

Изъ того, что заработная плата значительно повысилась, тогда какъ продуктъ, производимый *рабочими*, почти не увеличился, такъ какъ возрастаніе интенсивности труда могло лишь наверстать потерю, приспешшую благодаря сокращенію рабочаго дня, — изъ этого факта вытекаетъ во всякомъ случаѣ, что та часть продукта, которую получаетъ рабочій, увеличилась за это время. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что о (нѣкоторомъ) пониженіи цѣнности денегъ можетъ быть рѣчь вообще лишь по отношенію къ періоду 1850—1870 гг., тогда какъ съ 1870 г. уровень цѣнъ все болѣе и болѣе понижается, такъ что скорѣе есть основаніе говорить о возрастаніи цѣнности денегъ. Хотя такимъ образомъ часть продукта,

¹⁾ Schmoller. Grundriss. II. 296.

²⁾ Frege. Lur Lohnbewegung des letzten hundert Jahre. Leipzig (Ohne Jahr).

³⁾ Schmoller. Grundriss. II. p. 297.

получаемая рабочимъ, повысилась, но изъ этого все-таки еще не слѣдуетъ, что рабочій сталъ принимать участіе въ успѣхахъ, достигнутыхъ техникой, что и на его долю припала часть того плюса, который получается благодаря техническимъ усовершенствованіямъ. Нѣчто подобное можно было бы утверждать, только исходя изъ того предположенія, что уже въ началѣ періода, когда начинается возрастаніе заработной платы, т. е. уже въ періодъ вполнѣ свободной конкуренціи и господства индивидуальнаго договора на рынкѣ труда, рабочій получалъ весь продуктъ своего собственнаго труда. Въ такомъ случаѣ конечно всякое дальнѣйшее повышение заработной платы равносильно участію рабочаго въ продуктѣ, производимомъ другимъ факторомъ производства, — творческимъ трудомъ изобрѣтателя. Если же мы признаемъ доказаннымъ положеніе, что при формально-свободномъ рабочемъ договорѣ, когда отдѣльный рабочій заключаетъ договоръ съ отдѣльнымъ предпринимателемъ, заработная плата можетъ соответствовать лишь безусловно-необходимому для жизни минимуму, то постановка вопроса уже будетъ совершенно иная: въ этомъ случаѣ мы спросимъ себя, дѣйствительно ли заработная плата въ теченіе второй половины XIX вѣка возросла настолько, что она въ настоящее время равняется всему продукту, создаваемому трудомъ рабочаго, успѣлъ ли исчезнуть тотъ источникъ прибыли, который еще существовалъ въ предыдущія десятилѣтія — трудъ рабочаго.

Сдѣльная плата является, при извѣстныхъ условіяхъ, прекраснымъ орудіемъ доставленія рабочему всей той части продукта, которую онъ самъ производитъ, почему въ Англии большинство рабочихъ союзовъ охотно принимаютъ эту систему вознагражденія, и даже положительно настаиваютъ на примѣненіи ея. Къ числу тѣхъ, которые безусловно отказываются работать при какой-либо иной формѣ оплаты труда кромѣ сдѣльной, принадлежатъ трэдъ-юніоны бумагопрядильщиковъ и бумаготкачей, насчитывающіе свыше 100 тысячъ членовъ. Работа бумагопрядильщика различается по интенсивности и по количеству получаемаго продукта въ зависимости отъ числа веретенъ, за которыми онъ наблюдаетъ, отъ быстроты хода машины, т. е. отъ условій, стоящихъ внѣ контроля рабочаго. Точно также и работа

ткача зависитъ отъ рода матеріи, отъ уровня техники производства и т. п., которыми обусловливается расчетъ числа „выходовъ“ челнока. Очевидно, что если бы рабочій получалъ плату по часамъ или по днямъ, и плата измѣнялась бы, несмотря на введеніе техническихъ усовершенствованій, то всю выгоду отъ послѣднихъ имѣлъ бы только предприниматель, тогда какъ при поштучной платѣ вся выгода поступаетъ въ пользу рабочаго. Однако, сами рабочіе нашли желательнымъ добровольно уступать предпринимателю часть выгоды, проистекающей отъ улучшеній, сокращающихъ трудъ рабочаго, напр, при увеличеніи числа веретенъ или количества выходовъ челнока, понижая норму расцѣнокъ и поощряя такимъ образомъ предприимчивыхъ фабрикантовъ ко введенію улучшеній. Большую же часть добавочнаго продукта получаютъ рабочіе, автоматически извлекающіе выгоду изъ всякаго ускоренія хода машинъ или увеличенія ихъ размѣровъ и количества, приходящагося на одного рабочаго, ибо хотя поштучная плата въ этомъ случаѣ и сокращается, но незначительно и во всякомъ случаѣ далеко не соотвѣтственно возрастанію количества вырабатываемыхъ продуктовъ ¹⁾. Вслѣдствіе этого, рабочій получаетъ не только тотъ плюсъ, который производится его собственнымъ трудомъ при новомъ усовершенствованіи, вслѣдствіе возрастанія интенсивности его труда, но и часть того продукта, который является результатомъ новаго изобрѣтенія, результатомъ примѣненія большаго количества творческаго труда въ процессъ производства. При этомъ задача измѣненія нормы заработной платы, благодаря системѣ задѣльной платы, падаетъ на предпринимателя,—до тѣхъ поръ, пока предприниматель не доказалъ, что произошло измѣненіе въ количествѣ вырабатываемаго продукта и лишь постольку, поскольку онъ доказалъ это, измѣняется росписание штучной платы. Подобное же явленіе можно наблюдать въ бельгійской текстильной индустріи—хлопчатобумажной, шерстяной, льняной ²⁾. Англійскому рабочему союзу отдѣльщикова испанской и марокской (сафьяновой) кожи, фактически обнимающему всѣхъ рабочихъ этого промысла,

¹⁾ Веббъ, т. I стр. 228, 231—232, 243.

²⁾ Waxweiler. Heures de travail et salaires dans l'industrie Belge. Revue d'économie politique, 1902 p. 607.

удалось даже удержать свою расцѣнку штучной работы почти безъ измѣненія въ теченіе пятидесяти лѣтъ, несмотря на многія усовершенствованія въ процессахъ работы, такъ что рабочіе присваивали себѣ всю выгоду отъ новыхъ техническихъ усовершенствованій ⁴⁾.

Такимъ образомъ на первый взглядъ дѣйствительно кажется, что при подобной системѣ оплаты труда рабочіе въ Англіи за послѣднія десятилѣтія пользовались успѣхами техники, приобрѣтая каждый разъ часть продукта творческаго труда изобрѣтателя. Однако въ предшествовавшіе этому времени періоды предприниматель вѣдь удерживалъ въ свою пользу значительную часть продукта, создаваемого трудомъ рабочаго, и поэтому, отдавая рабочему часть продукта творческаго труда при введеніи новыхъ изобрѣтеній, предприниматель въ сущности лишь постепенно сокращалъ присваиваемую имъ часть труда рабочаго, а не удѣлялъ ему что либо изъ другой части продукта, именно той, которая производится творческимъ трудомъ. Вопросъ, слѣдовательно, сводится къ тому, успѣлъ ли рабочій при измѣнившихся въ послѣднія десятилѣтія условіяхъ производства и въ особенности условіяхъ заключенія рабочаго договора (ибо автоматическое увеличеніе дохода оказалось возможнымъ въ приведенныхъ случаяхъ лишь благодаря существованію сильныхъ рабочихъ союзовъ) заставить предпринимателя совершенно отказаться отъ присвоенія части продукта труда рабочаго.

II.

Изъ приведенныхъ фактовъ мы вправѣ дѣйствительно заключать, что въ послѣднюю четверть вѣка стала постепенно исчезать та часть прибыли, которая истекаетъ отъ труда рабочаго, руководящаго машиной, что мало по малу осуществляется т. наз. право на полный продуктъ труда, если конечно давать этому понятію правильное опредѣленіе въ смыслѣ продукта исполнительнаго труда рабочаго, того труда, который состоитъ въ надзорѣ за машинами и аппаратами и въ направленіи ихъ хода, въ противоположность продукту творческаго труда, выражающагося въ дѣятель-

⁴⁾ Веббъ, т. I, стр. 133.

ности машины,—а не исходить изъ предвзятаго предположенія, будто бы все, что производится на фабрикѣ или заводѣ, составляетъ результатъ исключительно труда фабрично-заводскаго рабочаго. Такое постепенное измѣненіе въ характерѣ прибыли было вызвано возрастаніемъ силы рабочаго населенія въ борьбѣ съ предпринимателемъ, благодаря чему произошла крупная перемѣна въ соотношеніи между силой рабочаго и силой предпринимателя на рынкѣ труда. Рабочій слабъ—говорить Зульцеръ—но онъ слабъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ полагается лишь на свои собственныя силы, пока онъ дѣйствуетъ изолированно отъ прочихъ. Онъ становится силой, объединившись съ другими ему подобными ¹⁾.

Стремленіе къ единенію, хотя и въ слабой степени, существовало среди рабочаго населенія всегда, даже въ эпоху господства домашней системы производства въ XVI—XVIII ст., когда рабочіе были совершенно принижены и забыты и не имѣли ни малѣйшей возможности бороться съ предпринимателемъ, который представлялъ собою огромную силу и за спиной котораго стояло правительство. Допуская объединеніе предпринимателей, правительство жестоко наказывало всякія ассоціаціи рабочихъ: первыя содѣйствуютъ развитію промышленности и торговли, доставляютъ средства пропитанія населенію—разсуждало оно, вторыя—революціонныя шайки, не довольствующіяся тѣмъ, что имъ дано, возстающія противъ установленныхъ властей.

Въ первой половинѣ XIX вѣка, въ эпоху господства индивидуальнаго рабочаго договора, когда свободная конкуренція считалась единственно-возможнымъ, „естественнымъ“ состояніемъ, законодательство не признавало никакихъ ассоціацій, ни предпринимателей, ни рабочихъ, хотя первыя въ дѣйствительности существовали, тайно или терпимыя правительствомъ. Отъ времени до времени образовывались и ассоціаціи рабочихъ, ибо рабочіе понимали, что единеніе является для нихъ единственнымъ средствомъ въ борьбѣ съ предпринимателемъ. И въ тѣхъ случаяхъ, когда положеніе становилось совершенно невыносимымъ, когда предприниматели успѣли особенно раздражить рабочихъ какими-либо

¹⁾ Sulzer. Die kollektive Vertragsschliessung zwischen Arbeitern und Arbeitgebern. Bern 1900. p. 6.

дѣйствіями, казавшимися послѣднимъ верхомъ несправедливости, тогда возникало тайное сообщество, объединявшее цѣлую массу рабочихъ различныхъ промысловъ и мѣстностей, вспыхивалъ бунтъ, наступали дни всеобщаго разрушенія фабрикъ, уничтоженія машинъ, насилія надъ предпринимателями—пока вооруженная сила не прекращала возстанія и не заставляла рабочихъ вернуться къ труду на прежнихъ, быть можетъ, еще болѣе тяжелыхъ условіяхъ. И если мы вспомнимъ объ этихъ случайныхъ, беспорядочныхъ стачкахъ, сопровождавшихся насильственными дѣйствіями, вспомнимъ, что предприниматели, смотрѣли на стачечниковъ какъ на мятежниковъ, которые отказываютъ имъ въ повиненіи, а правительство посылало противъ нихъ войска, и сопоставимъ ихъ съ современными ассоціаціями рабочихъ, съ тѣмъ положеніемъ, которое занимаютъ послѣднія на Западѣ, то мы увидимъ, какая огромная перемѣна произошла съ тѣхъ поръ. Дѣятельность нынѣшнихъ западно-европейскихъ рабочихъ ассоціацій, которыя обнимаютъ рабочихъ даннаго промысла на протяженіи всей страны или значительной части ея и во главѣ которыхъ стоятъ опытные руководители, съ чисто коммерческимъ спокойствіемъ обсуждающихъ каждый шагъ въ борьбѣ съ предпринимателями и мирно, посредствомъ соглашеній, проводящихъ свои требованія на практикѣ, сильныхъ одной возможностью поднять на ноги весь союзъ, представляетъ собою явленіе совершенно иного порядка. Это не бунтующіе сообщества, а ассоціаціи, къ которымъ государство и общество относятся доброжелательно и съ уваженіемъ, на которыхъ предприниматели смотрятъ какъ на равноправныхъ противниковъ, не приказывая имъ, а лишь предлагая тѣ или иныя условія, понимая, что прошло то время, когда они были полновластными хозяевами въ своемъ предпріятіи и что теперь они вынуждены раздѣлить эту власть съ рабочими.

Эта перемѣна совершилась конечно не сразу, а медленно и постепенно, по мѣрѣ измѣненія законодательства о рабочихъ союзахъ, съ одной стороны, по мѣрѣ возрастанія нравственнаго и умственнаго уровня рабочаго населенія, съ другой стороны, наконецъ, по мѣрѣ выработки принциповъ организаціи и управленія рабочими ассоціаціями, основныхъ положеній, опредѣляющихъ характеръ и способы ихъ дѣятельности.

Поль Бюро отмѣчаетъ четыре періода въ исторіи рабочаго движенія. Первый періодъ—стачки съ насильственными дѣйствіями; для того, чтобы стачка была удачна—говорить онъ—необходимы три условія: во-1-хъ въ ней должны принимать участіе всѣ или огромное большинство рабочихъ, занятыхъ въ данное время, во-2-хъ предприниматель не долженъ имѣть возможности нанять другихъ рабочихъ, наконецъ, въ-3-хъ способность рабочихъ держаться должна быть больше, чѣмъ способность предпринимателя. Но все это мыслимо лишь въ томъ случаѣ, когда рабочіе проявляютъ извѣстный интересъ къ вопросамъ, касающимся ихъ всѣхъ, извѣстную солидарность. Въ первую эпоху этого нѣтъ, а потому мирныя стачки, которыя имѣли бы шансы на успѣхъ, не могутъ имѣть мѣста; возникаютъ лишь отъ времени до времени буйныя движенія, участники которыхъ заранѣе не рассчитываютъ на какіе либо практическіе результаты, и за ними слѣдуютъ продолжительные періоды полной апатіи, пассивнаго подчиненія своей судьбѣ. Лишь съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ наступаютъ указанныя выше условія, необходимыя для успѣшной стачки, по мѣрѣ того, какъ рабочее население пріобрѣтаетъ нѣкоторое пониманіе въ области экономическихъ условій, наступаетъ второй періодъ—періодъ мирныхъ стачекъ. За нимъ слѣдуетъ третій періодъ, когда образуются уже постоянныя ассоціаціи, которыя сильнѣе сплочиваютъ рабочее населеніе и которые даютъ рабочимъ возможность приступить къ стачкѣ, къ прекращенію работы обдуманно, ожидая благоприятнаго момента, взвѣсивая всѣ шансы за и противъ. Главную цѣль рабочихъ ассоціацій составляетъ все-таки подготовка къ стачкѣ, это, слѣдовательно, по прежнему боевые союзы. Лишь въ четвертомъ періодѣ они пріобрѣтаютъ мирный характеръ, когда постоянные союзы становятся болѣе сильными организаціями и ихъ имущественныя средства увеличиваются, когда во главѣ ихъ становятся способные и тактичные руководители, когда, наконецъ, и предприниматели не отказываются вступить съ ними въ полюбовное соглашеніе—въ этомъ періодѣ стачка представляетъ собою послѣднее, крайнее средство, которое пускается въ ходъ лишь тогда, когда всѣ остальные уже испробованы ¹⁾).

¹⁾ Paul Bureau. Le contrat de travail. Paris. 1902. p. 212—219.

Объединеніе рабочихъ въ постоянные союзы значительно усиливаетъ ихъ положеніе на рынкѣ труда. Изолированный рабочій, не поддерживаемый единеніемъ со своими товарищами, неминуемо находится при заключеніи рабочаго договора въ положеніи во всѣхъ отношеніяхъ неблагопріятномъ, по сравненію съ тѣмъ, какое занимаетъ капиталистъ—предприниматель; превосходство силъ всегда на сторонѣ послѣдняго. „Если онъ отказывается отъ условій (который нанимаетъ его) даже на одинъ только день, онъ безвозвратно теряетъ свои средства существованія на цѣлый день. Если онъ не имѣетъ абсолютно никакихъ ресурсовъ, кромѣ своего труда, то голодъ заставитъ его покориться на слѣдующее же утро. Если онъ даже имѣетъ небольшія сбереженія или пару комнатъ съ мебелью, то онъ можетъ существовать съ семьей, лишь немедленно же принося въ жертву собранныя съ такой заботливостью на случай несчастья сбереженія или разоряя свое хозяйство. Раньше или позже онъ принужденъ будетъ согласиться на предложенныя ему условія, подъ угрозой голодной смерти или необходимости прибѣгнуть къ помощи рабочаго дома“ ¹⁾. А такъ какъ результатъ рыночнаго торга въ значительной степени опредѣляется тѣмъ, насколько та или другая сторона вынуждена заключить договоръ, то очевидно, что изолированный рабочій является всегда стороной слабѣйшей, ибо онъ вынужденъ принять тѣ условія, которыя ему предлагаетъ предприниматель. Его положеніе еще болѣе ухудшается вслѣдствіе того, что предложеніе труда обыкновенно превышаетъ спросъ на рабочую силу. „При такихъ условіяхъ торговаться—дѣло абсолютно невозможное для изолированного работника. Управляющему остается лишь выбрать изъ толпы какого-либо рабочаго и сообщить ему условія. Лишь только онъ очутился по ту сторону воротъ, счастливый работникъ знаетъ, что, если онъ выскажетъ недовольство противъ притѣсненій, какъ бы невыносимы они ни были, если онъ сдѣлаетъ какія-либо возраженія противъ ускоренія работы, противъ удлиненія рабочаго времени или противъ штрафовъ, или если онъ не повинуется немедленно какому-либо приказанію, даже и бессмысленному,—онъ осуждаетъ себя снова на

¹⁾ Веббъ, т. II, стр. 585.

голодь и нищету безработицы“¹⁾. Устранение этих неблагоприятных условий и составляет задачу рабочих союзов—они скупают излишний труд на рынкѣ, устраняютъ необходимость для рабочаго заключить договоръ во что бы то ни стало, при какихъ бы то ни было условіяхъ. „Простѣйшая и всеобщая функція трэдь-юніоновъ — читаемъ въ одномъ отчетѣ за 1860 г.—состоитъ въ томъ, чтобы дать рабочему возможность содержать себя, когда онъ оказался случайно безъ работы, или когда онъ долженъ разъѣзжать въ поискахъ за работою“. Съ этой цѣлью изъ суммъ, образуемыхъ изъ ежегодныхъ взносовъ членовъ, выдаются пособия безработнымъ, для того, чтобы они не брали работы на такихъ условіяхъ, которыя признаются союзомъ неблагоприятными, и имѣли возможность выжидать болѣе выгодныхъ условій. Такимъ образомъ предложеніе принаравливается въ количественномъ отношеніи къ спросу на трудъ. Устраиваются бюро труда и рабочіе направляются изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ предложеніе велико, по сравненію съ спросомъ, туда, гдѣ имѣется значительный спросъ на рабочія руки, причемъ они снабжаются необходимыми средствами на дорогу и содержатся на счетъ союза до тѣхъ поръ, пока не нашли работы на подходящихъ, по мнѣнію союза, условіяхъ; въ періоды кризисовъ рабочіе даже переселяются въ другія страны.

Уже этимъ путемъ рабочіе достигаютъ очень многого: предприниматель теряетъ выгоды своей стратегической позиціи, ибо экономическое положеніе рабочаго, поддерживаемаго союзомъ при заключеніи договора, рабочаго, который можетъ отказаться отъ предлагаемыхъ предпринимателемъ условій, получая пособие отъ союза, является уже не менѣе благоприятнымъ, чѣмъ положеніе предпринимателя. Формально свободный рабочій договоръ становится теперь фактически свободнымъ для обѣихъ сторонъ, такъ какъ каждая изъ нихъ можетъ отказаться отъ тѣхъ условій, которыя она признаетъ неблагоприятными для себя. „При полномъ отсутствіи организациі стратегическая слабость индивидуальнаго наемнаго рабочаго—читаемъ у Веббъ—

¹⁾ Веббъ, т. II. 537—538.

²⁾ Веббъ, ст. I стр. 120.

не имѣющаго возможности требовать повышенной платы за свой трудъ, заставляетъ его принимать самыя низкія условія, какія только возможны. Когда рабочіе соединяются, равновѣсіе возстановляется, и вѣсы могутъ даже наклониться въ сторону наемныхъ рабочихъ противъ изолированнаго предпринимателя“ ¹⁾).

Конечно, подъ вліяніемъ возникновенія и роста рабочихъ союзовъ, образуются и ассоціаціи предпринимателей, а тѣ изъ нихъ, которыя существовали раньше, преслѣдуя цѣли воздѣйствія на товарныя цѣны, обращаютъ свое вниманіе и на укрѣпленіе своей позиціи на рынкѣ труда. Однако борьба съ организованными рабочими является всегда лишь одной изъ цѣлей, преслѣдуемыхъ союзами предпринимателей, тогда какъ дѣятельность рабочихъ ассоціацій концентрируется всецѣло на этомъ пунктѣ. Кроме того—какъ указываетъ Габерсбруннеръ—въ смыслѣ организованности рабочіе во многихъ случаяхъ достигли гораздо большихъ успѣховъ, чѣмъ предприниматели; они тѣснѣе сплочены, они придаютъ организованной борьбѣ значительно большее значеніе, ибо въ сознаніи единенія вся сила рабочихъ ²⁾. Сила эта возрастаетъ еще болѣе, когда дѣлается дальнѣйшіи шагъ и индивидуальный рабочій договоръ замѣняется коллективнымъ, гдѣ соглашеніе между отдѣльнымъ предпринимателемъ и отдѣльнымъ рабочимъ уступаетъ мѣсто установленію условій труда и заработной платы для даннаго промысла представителями союза предпринимателей и союза рабочихъ. Такой договоръ является обязательнымъ для всѣхъ рабочихъ, принадлежащихъ къ союзу, и для всѣхъ предпринимателей данной мѣстности и чѣмъ больше количество предпринимателей и рабочихъ, на которыхъ онъ распространяется, тѣмъ больше и значеніе договора.

Въ многихъ случаяхъ коллективный договоръ охватываетъ всю данную отрасль промышленности, регулируя высоту заработной платы и для тѣхъ рабочихъ, которые не входятъ въ составъ союза: ихъ интересы также защищаются представителями союза, которые не допускаютъ, чтобы кто-

¹⁾ Веббъ, т. I стр. 172.

²⁾ Habersbrunner. Die Lohn-, Arbeits- und Organisationsverhältnisse im deutschen Baugewerbe. Leipzig 1903 p. 7.

либо работаль за болѣе низкую плату. Предприниматели— какъ указываетъ Поль Бюро—долго не признають никакихъ соглашеній съ рабочими. Они ведутъ продолжительную борьбу съ рабочими союзами, допуская лишь индивидуальныя договоры съ отдѣльными рабочими. Предприниматели отказываются нанимать рабочихъ, участвующихъ въ союзѣ, заносять ихъ на черную доску и всячески преслѣдуютъ. И даже тогда, когда они успѣли примириться съ существованіемъ союза, послѣдній все-таки представляется имъ чѣмъ то враждебнымъ ихъ интересамъ и они все-таки оказываютъ предпочтеніе рабочимъ, не принадлежащимъ къ союзу. Лишь постепенно сами предприниматели приходятъ къ тому заключенію, что рабочіе союзы необходимы, что они способны поддерживать социальный миръ и что они могутъ быть полезными и для самихъ предпринимателей, надзирая за своими членами и доставляя хозяевамъ наиболѣе умѣлыхъ и способныхъ работниковъ ¹⁾.

Тогда они соглашаются покупать рабочую силу оптомъ— условливаясь съ представителями союза. Для рабочихъ такіе коллективные договоры имѣютъ то огромное значеніе, что совершенно неопытнаго въ заключеніи сдѣлокъ рабочаго, не имѣющаго необходимыхъ свѣдѣній о состояніи товарнаго рынка и рынка труда, замѣняетъ специалистъ, находящійся на службѣ у рабочаго союза, обладающій тѣмъ же умѣніемъ вести переговоры и тѣми же разносторонними знаніями, какими располагаетъ предприниматель, а въ иныхъ случаяхъ даже превосходящій послѣдняго въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ коллективный договоръ является не только дѣйствительно свободнымъ соглашеніемъ, но и такимъ соглашеніемъ, при заключеніи котораго рабочій обладаетъ тою же освѣдомленностью, какъ и предприниматель; эта форма договора присоединяетъ къ свободѣ рабочаго соглашаться или не соглашаться на предлагаемыя ему условія и знакомство съ положеніемъ рынка и умѣнье вести переговоры. Мало того, если при индивидуальномъ договорѣ роль рабочаго, защищаемаго союзомъ, представляется пассивной, то система коллективныхъ договоровъ придаетъ ей активный характеръ: рабочій не ограничивается тѣмъ, что онъ

¹⁾ Bureau. p. 241—248. 256—257.

отказывается отъ условій, устанавливаемыхъ предпринимателемъ, но онъ самостоятельно проявляетъ инициативу, сообщая въ свою очередь предпринимателю свои условия и настаивая на принятіи ихъ. Далѣе, лишь при коллективныхъ соглашеніяхъ вполнѣ устраняется взаимная конкуренція среди рабочихъ и они выступаютъ на рынкѣ какъ одно цѣлое. Рядъ индивидуальныхъ договоровъ организованныхъ рабочихъ не въ состояніи совершенно устранить конкуренцію рабочихъ между собою, сбиваніе заработной платы неосвѣдомленными и опасющимися за свою судьбу рабочими подъ давленіемъ предпринимателей въ особенности болѣе отсталыхъ въ техническомъ отношеніи. Коллективный договоръ „ставить въ одинаковое положеніе по найму рабочихъ и самаго богатаго подрядчика, и строителя, находящагося на краю банкротства, и фирму, заваленную заказами, и фабрику, стоящую почти безъ дѣла“ ¹⁾. Въ этомъ случаѣ—говоритъ Флешъ—„предприниматель имѣетъ право только удалять рабочихъ, не повинующихся его приказаніямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ этого не можетъ сдѣлать не зная, дастъ ли ему рабочая организація возможность нанять другихъ рабочихъ; сила такимъ образомъ переходитъ на сторону рабочихъ, они предписываютъ предпринимателю свои условія—не тѣ условія, на которыхъ нанимается къ нему отдѣльный рабочій, а тѣ, на которыхъ предприниматель вообще имѣетъ возможность найти рабочихъ“ ²⁾.

Не слѣдуетъ конечно упускать изъ виду, что такое положеніе, гдѣ рабочіе и предприниматели выступаютъ въ качествѣ двухъ организованныхъ сторонъ и гдѣ рабочіе не менѣе сильны, чѣмъ предприниматели, достигнуто далеко не повсюду, что на континентѣ Европы оно въ сущности является еще идеаломъ, къ которому стремятся рабочіе союзы. Поэтому и та часть прибыли, которая является продуктомъ труда рабочаго, еще далеко не уничтожена вполнѣ. Но успѣхи въ этомъ смыслѣ сдѣланы повсюду, во всѣхъ странахъ Западной Европы пройденъ болѣе или менѣе значительный путь по направленію къ этой цѣли.

¹⁾ Веббъ, т. I стр. 139.

²⁾ Flesch. Zur Kritik des Arbeitsvetrages. Jena. 1901. p. 6.

По словамъ С. и Б. Веббъ, $1\frac{1}{2}$ милл. трэдъ-юніонистовъ, насчитывавшихся въ 1892 году, составляли тогда пятую часть взрослыхъ рабочихъ—мужчинъ Великобританіи. Въ настоящее время число организованныхъ рабочихъ въ Англіи достигаетъ двухъ милліоновъ и они составляютъ около 30 проц. всѣхъ рабочихъ мужчинъ, занятыхъ въ промышленности, торговлѣ и перевозочныхъ предпріятіяхъ ¹⁾.

Впрочемъ, какъ указываютъ тѣ-же супруги Веббъ, при сопоставленіи числа рабочихъ, принадлежащихъ къ трэдъ-юніонамъ, съ количествомъ всѣхъ рабочихъ вообще, получается неправильное представленіе о значеніи трэдъ-юніонизма, ибо рабочія организациі развиваются и могутъ развиваться лишь въ области крупной фабрично-заводской промышленности: половина членовъ трэдъ-юніоновъ принадлежитъ къ четыремъ крупнѣйшимъ отраслямъ индустріи: каменноугольной, машиностроительной, кораблестроительной и хлопчатобумажной ²⁾. „На эти четыре главныя отрасли промышленности падаетъ въ настоящее время три четверти всего британскаго вывоза и все повышающійся процентъ производства для внутренняго потребленія“ ³⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и отрасляхъ промышленности совершенно неизвѣстны рабочіе, которые не входили бы въ составъ трэдъ-юніона, какъ напр., въ кораблестроительной промышленности, въ хлопчатобумажной индустріи Ланкашира, въ каменноугольныхъ копяхъ Нортумберланда, въ производствѣ обуви въ Стаффордширѣ и Лейчестерширѣ, въ стекольномъ производствѣ различныхъ мѣстностей ⁴⁾. Въ другихъ случаяхъ организованные рабочіе въ сферѣ крупной промышленности достигаютъ 60—80 и менѣе проц. общаго числа рабочихъ. Необходимо далѣе имѣть въ виду, что, хотя лишь трэдъ-юніоны могутъ обезпечить широкое и не случайное примѣненіе коллективныхъ сдѣлокъ, тѣмъ не менѣе коллективныя сдѣлки охватываютъ значительно большую часть промышленности, чѣмъ трэдъ-юніонизмъ, ибо „въ тѣхъ случаяхъ, когда сами трэдъ-

¹⁾ Charles Gide. *Economie sociale*. Paris. 1905. p. 86.

²⁾ Webb. *History of Trade-Unionism*. Chap. VIII.

³⁾ Веббъ. *Теорія и практика*. Т. II, стр. 619.

⁴⁾ Webb. *History*. *Ibid*.

юніоны начинают переговоры и ведут их, заключенныя ими соглашенія приобрѣтаютъ обыкновенно въ данной отрасли промышленности обязательную силу не только для тредъ-юніонистовъ, но и для широкой массы рабочихъ въ округѣ“. Вслѣдствіе этого, „во всѣхъ областяхъ промышленности, которыя занимаютъ квалифицированныхъ (обученныхъ) рабочихъ, работающихъ совместно въ помѣщеніяхъ предпринимателей, у 90 проц. рабочихъ высота заработной платы или длина рабочаго дня, а часто и многія другія условія, predeterminedены коллективными сдѣлками“. Въ такомъ именно положеніи находятся фабрично-заводскіе рабочіе важнѣйшихъ отраслей индустріи: хлопчатобумажной, каменноугольной, машиностроительной, кораблестроительной, металлургической, а также въ строительномъ, типографскомъ, кожевенномъ промыслѣ¹⁾. Эти отрасли промышленности — въ нихъ преобладаетъ задѣльная плата, — развили для заключенія коллективныхъ сдѣлокъ особенно выработанныя и сложныя организаціи, которыя вызвали изумленіе экономистовъ всего міра²⁾.

Въ связи съ этимъ находится и благопріятное матеріальное положеніе рабочихъ англійской крупной промышленности. „Тредъ-юніоны—писалъ Фридрихъ Энгельсъ еще въ 1892 году—представляютъ собою рабочія организаціи тѣхъ отраслей индустріи, гдѣ трудъ взрослыхъ рабочихъ является исключительно возможнымъ или по крайней мѣрѣ господствующимъ.... Рабочіе машинной индустріи, деревообрабатывающей и строительной представляютъ собою большую силу, такъ что они даже, подобно строительнымъ рабочимъ, могутъ успѣшно бороться противъ введенія машинъ. Положеніе ихъ несомнѣнно съ 1848 года замѣчательно улучшилось; лучшимъ подтвержденіемъ этого является тотъ фактъ, что въ теченіе пятнадцати и болѣе лѣтъ не только ихъ работодатели довольны ими, но и они весьма довольны своими работодателями; они составляютъ

¹⁾ Въ каменноугольной индустріи Южнаго Уэльса напр., гдѣ изъ 120 тыс. рабочихъ всего третья часть принадлежитъ къ тредъ-юніонамъ, такимъ путемъ (посредствомъ sliding scale) опредѣляется заработная плата всѣхъ рабочихъ.

²⁾ Веббъ, т. I. стр. 140—141. 144. Ср. также Sombart. Dennoch. p. 22—37.

аристократію среди рабочаго класса, они достигли того, что имѣютъ возможность пользоваться сравнительно комфортабельнымъ положеніемъ, а большаго они и не желаютъ ¹⁾).

Рабочіе союзы Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, хотя и не обнаруживаютъ столь послѣдовательнаго и непрерывнаго развитія, какъ англійскіе трэдъ-юніоны, но и они составляютъ не менѣе грандіозное явленіе, не менѣе могущественный факторъ, чѣмъ англійскій трэдъ юніонизмъ ²⁾).

¹⁾ Engels. Die Lage der arbeitenden Klasse in England. Stuttgart. 1892 p. XIX—XX.

²⁾ Цѣлю каждаго мѣстнаго союза является увеличеніе заработной платы и сокращеніе продолжительности рабочаго дня. Но такъ какъ не только изолированный рабочіе, но даже отдѣльный мѣстный союзъ не въ состояніи поддерживать въ теченіи продолжительнаго времени высокій уровень заработной платы и сокращенный до извѣстнаго минимума рабочій день, то мѣстные союзы одного и того же промысла объединяются въ національные союзы. Сильные національные или, какъ они иногда называются, международные союзы, мы находимъ среди типографскихъ рабочихъ, строительныхъ рабочихъ, въ области металлургической, каменноугольной, сигарной промышленности. Но этимъ дѣло не ограничивается: вожди американскаго рабочаго движенія находятъ, что изолированная отрасль промышленности, даже будучи прекрасно организована, также не можетъ добиваться и сохранять для себя надолго исключительно благопріятныя условія труда и заработной платы, если другіе промыслы остаются неорганизованными. Вслѣдствіе этого, національные союзы, охватывающіе рабочихъ отдѣльныхъ отраслей промышленности, въ свою очередь стараются соединиться для совмѣстной поддержки другъ друга, въ особенности же для образованія союзовъ въ другихъ отрасляхъ промышленности и для вербованія неорганизованныхъ рабочихъ. Такія коалиціи нѣсколькихъ промысловъ существовали въ прежнее время въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ и сыграли важную роль въ исторіи организаціи американскихъ рабочихъ. Среди нихъ наибольшей притягательной силой пользовались т. наз. „Рыцари Труда“; эта ассоціація стала центральнымъ союзомъ, объединявшимъ цѣлый рядъ національныхъ организацій, въ 70-хъ годахъ она насчитывала до 700 тыс. членовъ. Въ 90-хъ годахъ наиболѣе популярнымъ сталъ другой центральный союзъ— Американская Федерация Труда. Въ 1896 году въ составъ Федерациі входило до 7 тыс. мѣстныхъ союзовъ, а число ихъ членовъ простиралось до 650 тыс. Въ 1898 г. Федерация состояла изъ 67 национальныхъ и международныхъ союзовъ, учрежденныхъ 10.500 мѣстныхъ

И въ Америкѣ, по мѣрѣ роста рабочихъ ассоціацій, индивидуальный рабочий договоръ сталъ замѣняться коллективнымъ и въ настоящее время коллективныя соглашенія между представителями національнаго союза рабочихъ и представителями синдиката предпринимателей составляютъ обычное явленіе. Бюро національной ассоціаціи предпринимателей металлургической промышленности и бюро международной ассоціаціи рабочихъ—механиковъ совмѣстно устанавливають условія труда (продолжительность его, праздничный отдыхъ и т. п.) и заработной платы, обязательныя для всѣхъ рабочихъ и предпринимателей металлургической (и машиностроительной) индустріи. Такія же коллективныя соглашенія происходятъ между американской ассоціаціей издателей газетъ и международнымъ союзомъ типографскихъ рабочихъ. Въ различныхъ національныхъ организаціяхъ строительныхъ рабочихъ коллективный договоръ входитъ также во всеобщее употребленіе. Характерной чертой этихъ договоровъ, обнимающихъ всю промышленность, является то, что, несмотря на обширный районъ ихъ примѣненія, какъ уровень заработной платы, такъ и продолжительность рабочаго дня и другія условія предусматриваются до мальчайшихъ

союзевъ, 10 федерацій различныхъ штатовъ, 82 центральныхъ союзовъ труда организованныхъ въ городахъ, 315 мѣстныхъ союзовъ, устроенныхъ въ тѣхъ промыслахъ, гдѣ нѣтъ національныхъ союзовъ, наконецъ 109 федеральныхъ союзовъ труда, состоявшихъ изъ лицъ различныхъ профессій. Въ 1902 г. въ составъ Федерациі входилъ 101 національный и международный союзъ, 454 мѣстныхъ и 2028 федеральныхъ; внѣ федераціи стоитъ лишь нѣсколько національныхъ союзовъ, преимущественно союзы строительнаго промысла и стекольнаго производства, хотя и они находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ союзами, участвующими въ Федерациі, и большинство изъ нихъ несомнѣнно въ непродолжительномъ времени примкнетъ къ Федерациі; такъ что концентрація дѣйствительно достигается полная и Федерациія справедливо является въ глазахъ публики представительницей всего организованнаго труда. Въ настоящее время такихъ организованныхъ рабочихъ въ американской индустріи насчитывается свыше 1½ милл. (во всей промышленности ихъ около 7 милл.). См. Вигуру. Рабочіе союзы въ Сѣверной Америкѣ. Спб. 1900. Pistor. Psychologie des amerikanischen Arbeiters. Jahrbücher für Nationaloekonomie. III. F. V. XXV 1903 Sartorius von Waltershausen. Die nordamerikanischen Gewerkschaften. Caroll D. Wright. Industrial Evolution. Levasseur. L'ouvrier americain. T. II.

подробностей; унификація промышленности приобрѣтаетъ повсюду совершенно однородный характеръ ¹⁾). И не только въ названныхъ отрасляхъ промышленности, но и въ каменноугольной, башмачной, въ различныхъ отрасляхъ стекольной промышленности коллективные договоры оказались весьма успѣшными; въ 80-хъ годахъ стали заключать коллективные договоры со своими нанимателями также союзы бумагопрядильщиковъ, шляпочниковъ и т. п. „Послѣдніе жалуются на неорганизованность предпринимателей: мы потратили тысячи на организацію нашихъ хозяевъ—жаловался въ 1896 г. главный секретарь союза соединенныхъ сѣверо-американскихъ шляпочниковъ,—но они неспособны дѣйствовать сообща. Бумагопрядильщики дѣйствовали вначалѣ очень робко... Позднѣе, во время одной стачки, они послали фабрикантамъ предложенія отъ имени своего союза, но тѣ отвѣтили, что желаютъ договариваться со своими рабочими съ каждымъ въ отдѣльности. Бумагопрядильщикамъ, благодаря ихъ настойчивости, удалось наконецъ создать очень прочную организацію. Когда фабриканты съ своей стороны рѣшились прислать къ нимъ довѣренныхъ лицъ для переговоровъ, то они гордо отвѣтили имъ: мы желаемъ вести переговоры съ каждымъ изъ вашихъ акціонеровъ въ отдѣльности. Впослѣдствіи между фабрикантами и прядильщиками установились болѣе дружественныя отношенія“ ²⁾),

Въ настоящее время и предприниматели и рабочіе держатся того взгляда, что для обезпеченія соціальнаго мира, для дѣйствительности коллективныхъ соглашеній съ обѣихъ сторонъ одинаково необходима прочная организація. Хотя система коллективныхъ договоровъ и не уничтожила стачекъ, но благодаря этой системѣ значительно сократилось количество стачекъ и онѣ приняли совершенно иной, вполне мирный и дисциплинированный характеръ. Не даромъ извѣстный Морганъ, секретарь стального треста, отказался вступать въ соглашенія съ отдѣльными изолированными рабочими ³⁾).

¹⁾ Raynaud. Le contrat collectif de travail. Paris 1901. p. 148—156:

²⁾ Вигуру. Рабочіе союзы въ Сѣверной Америкѣ, стр. 270 и сл. 298—299.

³⁾ Bureau. Le contrat de travail. p. 245

Въ результатъ американскій рабочій сильно приблизился къ тому положенію, когда уничтожается прибыль, получаемая изъ труда рабочаго. „То, что насъ болѣе всего поражаетъ — говорить Писторъ — это то, что американскій фабрично-заводскій рабочій — по крайней мѣрѣ американецъ по происхожденію и американизировавшійся уже европеецъ — въ сущности вовсе не рабочій, какимъ мы себѣ представляемъ его. По своимъ взглядамъ и по степени интеллектуальнаго развитія онъ принадлежитъ скорѣе къ тѣмъ слоямъ населенія, которые соотвѣтствуютъ нашимъ среднимъ классамъ. Если мы въ Филадельфіи съ городской башни бросимъ взглядъ на городъ, покрытый дымомъ и паромъ, нашимъ глазамъ представится безчисленное количество покрытыхъ асфальтомъ чистыхъ улицъ, начинающихся въ центрѣ города, застроенныхъ тысячами небольшихъ домовъ, обитаемыхъ рабочими. 4 комнаты, кухня и ванная (много употребляемая), небольшая веранда передъ домомъ, простая, но удобная обстановка, столъ чистый, даже убранный съ извѣстнымъ комфортомъ — таково жилище рабочаго. Многіе изъ этихъ домовъ принадлежатъ самимъ рабочимъ; другіе, не имѣющіе собственнаго дома, дѣлаютъ сбереженія для приобрѣтенія его... Рабочій выписываетъ ежедневную газету“¹⁾.

Не хуже живутъ и чикагскіе рабочіе, бытъ которыхъ изучалъ Кольбъ, работая самъ же сначала на пивоваренномъ, а затѣмъ на велосипедномъ заводѣ. Онъ подчеркиваетъ и прекрасныя жилищныя условія²⁾, и хорошее питаніе ихъ („право, обѣды въ пятнадцати-центномъ ресторанѣ, гдѣ я обѣдалъ, самые вкусные во всемъ городѣ, главную часть его посѣтителей составляли рабочіе сосѣднихъ фабрикъ“)³⁾, причѣмъ особенно восхищается онъ питаніемъ кали-

¹⁾ Pistor. Psychologie des amerikanischen Arbeiters. Jahrbücher für Nationalökonomie. 1903. В. XXV.

²⁾ Жилые дома, даже и тѣ, въ которыхъ живутъ рабочіе, разчитаны только на 1—2 семейства; въ послѣднемъ случаѣ они двухъ-этажные. Каждый въ 4, рѣже въ 6 комнатъ... Многіе изъ моихъ одикихъ товарищей жили отдѣльно, потому что семьи рабочихъ не нуждаются въ квартирантахъ и не держатъ ихъ. Кольбъ. Какъ я былъ рабочимъ въ Америкѣ (Regierungsrat Kolb als Arbeiter in Amerika). Спб. 1905. Стр. 65.

³⁾ Кольбъ, стр. 120.

форнскихъ рабочихъ ¹⁾, наконецъ съ особымъ удовольствіемъ описываетъ онъ одежду, бѣлье и обувь чикагскихъ рабочихъ. „Когда бывало раздастся гудокъ, и рабочіе сбросятъ съ себя свои чехлы—ихъ едва можно было узнать; многіе отправлялись домой на собственныхъ велосипедахъ; иные уходили въ элегантныхъ шляпахъ, желтыхъ шнурованныхъ ботинкахъ и модныхъ перчаткахъ, нарядны, какъ настоящіе франты. И это необученные рабочіе, получающіе 1¼ доллара въ день“ ²⁾. Живя какъ рабочій и вмѣстѣ съ рабочими, нѣмецкій „Regierungsrat“, проводившій такимъ образомъ свой отпускъ въ Америкѣ, чувствовалъ себя очень хорошо, только ихъ поведеніе, въ особенности во время обѣда, нерѣдко шокировало его ³⁾.

Дѣйствительно, американскому рабочему въ крупной промышленности живется едва ли хуже чѣмъ среднему нѣмецкому (нечего говорить о нашемъ) чиновнику. Такой выводъ получается и на основаніи произведенной вашингтонскимъ бюро труда обширной анкеты относительно условій жизни

¹⁾ „Въ гостинницѣ живутъ и обѣдаютъ рабочіе съ доковъ, съ желѣзной дороги, сахароваренныхъ заводовъ, съ пивоварень, кучера трамваевъ... Кто находилъ мѣсто, требовалъ супъ, а пока бралъ анчоусы, крабы, редиску, кукурузные початки, лукъ и прочія *hog-d'oeuvres*. Послѣ супа представлялся большой выборъ блюдъ, которыми былъ заставленъ весь столъ. Среди нихъ преобладали конечно мясныя кушанья—говядина, свинина, баранина, телятина подавались ежедневно въ видѣ бифштекса, котлетъ, тушеного мяса, колбасъ, вырѣзки. Не было недостатка и въ рыбѣ, но требовали ее мало, хотя она и была очень хороша. Изъ овощей ежедневно подавались кочанный салатъ, томатъ, бобы и спаржа. Въ числѣ обычныхъ блюдъ можно еще отмѣтить клецки, оладья, яйца различно приготовленныя, рисъ на молокѣ и пуддингъ. Десертъ—разные сыры, апельсины, бананы, персики, ананасы. Все было вкусно и подавалось въ большомъ количествѣ. Каждый бралъ сколько хотѣлъ. За обѣдомъ пили кофе или мѣстное калифорнское вино“. Поведеніе рабочихъ за столомъ весьма не нравилось однако Кольбу: „за столомъ, безъ сюртуковъ, эти молодцы чавкали, рыгали во всю, нагромождали цѣлыя горы обглоданныхъ костей и обсосанной спаржи около своихъ тарелокъ, не скупясь плевали подъ столъ, сморкались безъ помощи носового платка—и тутъ же, безо всякаго стѣсненія, запускали пальцы въ какое нибудь блюдо“. (Стр. 121—123).

²⁾ Кольбъ, стр. 58. Ему особенно бросилось также въ глаза умѣнье работницъ одѣваться. (Стр. 55).

³⁾ См. прим. 1.

рабочихъ (за 1901—2 гг.), которая обнимаетъ свыше 25 тысячъ семействъ и около 125 тыс. душъ, исключительно фабрично-заводскихъ рабочихъ 33 центровъ индустри, зарабатывающихъ не болѣе 1200 долл. въ годъ. На основаніи этой анкеты получается тотъ выводъ, что семья рабочаго изъ пяти человѣкъ имѣетъ квартиру въ 4—6 комнатъ причемъ въ среднемъ на cadaго человѣка приходится не только комната, но даже нѣсколько болѣе одной комнаты. При этомъ одна пятая всѣхъ рабочихъ семействъ обладаетъ собственнымъ домомъ. Что касается питанія, то „какой-нибудь нѣмецкій тайный совѣтникъ—говоритъ по поводу этой анкеты Гейссъ—съ такой же семьей и большими расходами на представительство имѣетъ всѣ основанія завидовать этимъ семьямъ американскихъ рабочихъ, имѣющихъ такой обильный и разнообразный столъ. Ежедневно два фунта мяса, помимо молока, сыра, сала, всевозможныхъ мучныхъ кушаній, это дѣйствительно болѣе чѣмъ удовлетворительное питаніе. Къ тому же потребление сахара въ огромномъ количествѣ, даже чрезмѣрномъ, что является вѣроятно нерѣдко причиной заболѣваній“¹⁾.

Къ такимъ же выводамъ приходитъ и Зомбартъ. Жилище американскихъ рабочихъ—говоритъ онъ—въ среднемъ, состоитъ изъ четырехъ комнатъ; дома американскихъ рабочихъ выглядятъ по своей обстановкѣ какъ дома нѣмецкаго бюргера средней руки; американскій рабочий, можно сказать, кушаетъ, а не просто насыщается, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ близко къ германскому зажиточному среднему кругу; въ магазинахъ поношеннаго платья онъ ничего не покупаетъ; если платье немного поношено, оно уже не годится, воротнички, галстуки мѣняются по требованію моды, много тратится также на бѣлье²⁾.

¹⁾ Heiss. Die Kosten der Arbeit und die Lebenshaltung der Arbeiter in den Vereinigten Staaten von Amerika. Schmollers Jahrbuch. 1906. p. 353. 355

²⁾ Зомбартъ прибавляетъ далѣе. „Рабочіе никогда не выходятъ изъ дому, не надѣвъ воротничка, манжеть, бѣлой рубашки, булавки, запонокъ, золотыхъ часовъ съ цѣпочкой; рѣдко вы не увидите на нихъ золотыхъ колець“. Со словъ Ванъ Ворстъ, наблюдавшей за условіями жизни американскихъ работницъ, онъ приводитъ слѣдующее описаніе. Онѣ входили въ ресторанъ—интересно, что рѣчь идетъ объ обѣдѣ въ будни, который съѣдается во время перерыва

„Болѣ высокій уровень заработной платы какъ реаль-ной, такъ и номинальной — говорить Левассеръ — создалъ для американскаго рабочаго болѣ высокій уровень благо-состоянія, *standard of living*, чѣмъ тотъ, который мы нахо-димъ не только среди французскихъ, но даже пожалуй и среди англійскихъ рабочихъ. Это благосостояніе выражается въ затратахъ значительно большей суммы на всѣ статьи бюд-жета—несмотря на то, что цѣны въ Америкѣ скорѣ ниже, чѣмъ выше, по сравненію съ Европой,—въ пищу, которая отличается, если не болѣшимъ разнообразіемъ, то во вся-комъ случаѣ болѣшимъ обиліемъ и питательностью, въ болѣ изящной одеждѣ, въ болѣ удобномъ жилищѣ, въ тѣхъ суммахъ, которыя затрачиваются на союзныя надобности и на страхованіе, на поѣздки, на потребности моральнаго ха-рактера и развлечения; благосостояніе американскаго рабо-чаго находитъ себѣ выраженіе далѣе въ соотношеніи раз-личныхъ частей бюджета, въ томъ, что пища отнимаетъ едва половину его заработка, тогда какъ въ другихъ странахъ расходы по этой статьѣ составляютъ до $\frac{3}{5}$ дохода рабочаго“¹⁾. За покрытіемъ расходовъ на пищу, жилище, одежду, освѣ-щеніе и отопленіе остается въ среднемъ—по Левассеру—не менѣе 20 проц. свободнаго или чистаго дохода на удовле-твореніе прочихъ потребностей, преимущественно моральнаго и интеллектуальнаго характера и на сбереженія, такъ что положеніе американскихъ рабочихъ должно быть признано безусловно благопріятнымъ²⁾. Таково оно по крайней мѣрѣ въ металлургической, стеклянной, текстильной индустріи и еще лучше повидимому въ машиностроительной промыш-ленности и въ строительномъ промыслѣ³⁾. Такой же выводъ

работы — въ элегантныхъ костюмахъ, шурша шелковыми юбками, въ шляпахъ отдѣланныхъ перьями, гирляндами цвѣтовъ, покрытыхъ цѣлыми горами украшеній; искусственныя фіалки, лайковыя пер-чатки, серебряные мѣшечки у поясовъ, вышитыя блузки, пряжки разныхъ узоровъ—таковы были украшенія этихъ туалетовъ, въ кото-рыхъ все било на эффектъ“. Sombart. Studien über das amerikanische Pro-letariat. Archiv für Sozialwissenschaft 1905. Heft 3. (Рус. пер. Судьбы аме-риканскаго пролетаріата. Спб. 1906. Стр. 122—127).

¹⁾ Levasseur. L'ouvrier américain. Paris. 1898. Т. I р. 212.

²⁾ Ibid Т. II р. 210—211.

³⁾ Ibid. Т. I. р. 337 suiv. 342 suiv.

получается изъ данныхъ, приводимыхъ Зомбартомъ ¹⁾). На основаніи послѣдней анкеты, охватывавшей 25 тысячъ семействъ, свободный или чистый доходъ составляетъ 25 проц. (740 изъ 3000 мар.), если же включимъ въ расходы также погашеніе долговъ и проценты по долгамъ, то получится почти 20 проц. (581 изъ 3000 мар.) ²⁾).

„Народное благосостояніе—говоритъ Эрнестъ Энгель—мы можемъ считать наступившимъ и существующимъ, коль скоро рациональное удовлетвореніе физическихъ потребностей отнимаетъ не болѣе 80 проц. дохода и 20 проц. остается въ качествѣ свободнаго дохода и употребляется на инныя потребности“ ³⁾). Именно при такихъ условіяхъ исчезаетъ въ общемъ и та прибыль, которую рабочій доставлялъ для предпринимателя—наступаетъ то положеніе, когда творческій трудъ является уже въ сущности единственнымъ источникомъ прибыли съ капитала. Въ англійской и американской фабрично-заводской промышленности мы находимъ именно такія условія; положеніе, изъ котораго исходитъ Энгель, здѣсь осуществлено и можно утверждать, что рабочіе, занятые въ индустріи этихъ странъ, дѣйствительно получаютъ въ формѣ заработной платы ту часть продукта, которую они производятъ собственными руками и собственнымъ мозгомъ и нервами ⁴⁾).

¹⁾ Sombart, p.

²⁾ Heiss, p. 352.

³⁾ Ergst Engel. Die Lebenshaltung belgischer Arbeiterfamilien.

⁴⁾ Конечно мы имѣемъ при этомъ въ виду только рабочихъ въ крупной фабрично-заводской промышленности и исключаемъ какъ всѣ прочія отрасли производства, такъ и въ сферѣ самой индустріи всѣ мелкіе промыслы, кустарное или домашнее и ремесленное производство. Группу, и довольно значительную, бѣдствующихъ промышленныхъ рабочихъ мы находимъ и въ Сѣв.-Ам. Соединенныхъ Штатахъ. „Она обнимаетъ значительную часть—говоритъ Писторъ (стр. 457)—только что переселившихся въ Америку европейцевъ, а также тѣхъ изъ находящихся болѣе продолжительное время въ Америкѣ переселенцевъ, которые скучены въ нѣкоторыхъ нищенскихъ кварталахъ большихъ городовъ, не знаютъ ни страны, ни языка, и на которыхъ американская жизнь не оказала никакого вліянія... Это преимущественно славяне, итальянцы и русскіе евреи. Нью-Йоркъ и Чикаго наполнены ими“. Эта категория промышленныхъ рабочихъ однако не принадлежитъ къ крупной фабрично-заводской промышленности, для которой нужны умѣнье и интеллигентные работ-

III.

Что таковъ именно смыслъ того развитія, которое совершается въ послѣднія десятилѣтїя, видно изъ общаго характера хозяйственной эволюціи новѣйшаго времени. Крупная промышленность, дѣлаетъ возможнымъ не только улучшеніе условій труда и заработной платы вообще, но и уплату рабочему всего продукта его труда, съ одной стороны, развитіе и усиленіе рабочихъ ассоціацій, которое

ники, а составляетъ пролетаріатъ, эксплуатируемый въ области домашней промышленности, въ особенности въ производствѣ готоваго платья, бѣлья и обуви. Огромное большинство домашнихъ рабочихъ, работающихъ по потогонной систѣмѣ — русскіе евреи, итальянцы, венгерцы; гораздо меньше находимъ ирландцевъ, нѣмцевъ, шведовъ и норвежцевъ и еще рѣже встрѣчаются американцы. Положеніе этихъ слоевъ рабочаго населенія весьма грустное. (Nostitz. p. 732). Чарльсъ Бутъ дѣлитъ все населеніе Лондона на 8 группъ въ зависимости отъ величины доходовъ. При этомъ оказывается, что помимо 1,2 проц. голоднаго населенія, состоящаго преимущественно изъ преступниковъ и проституттокъ, имѣется еще 34 проц. населенія, которое бѣдствуетъ: на взрослога челоуѣка приходится 21 шилл. въ недѣлю, что считается въ Англіи нищенскимъ заработкомъ. Какіе же рабочіе находятся въ столь печальномъ положеніи? Это преимущественно необученные рабочіе, а также тѣ изъ болѣе квалифицированныхъ, которые работаютъ на дому у скупщика, въ особенности женщины въ сферѣ домашней промышленности. Мы имѣемъ передъ собой жертвы той потогонной системы, которая господствуетъ въ домашней промышленности большихъ городовъ Англіи; Веббъ приводитъ шеффилдскихъ точильщиковъ, рабочихъ въ табачномъ промыслѣ Бельфорса, ручныхъ тканей — всѣ они зарабатываютъ не болѣе 1 ф. ст. въ недѣлю. Сюда же относятся рабочіе въ шелковой промышленности Меклесфильда, гдѣ господствуетъ система домашняго производства и которыхъ Шульце-Гевеницъ (Grossbetrieb p. 272. 274.) противопоставляетъ ланкаширской хлопчатобумажной индустріи. Рабочихъ крупной промышленности мы находимъ въ этихъ группахъ лишь въ видѣ исключенія. Послѣдніе составляютъ пятую и шестую категорію — *working class in comfort*, изъ коихъ одна обнимаетъ 43,3 проц. населенія, другая 13,6 проц.

Такимъ образомъ, и въ Англіи и въ Америкѣ имѣется еще значительный слой бѣдствующаго рабочаго населенія; но къ счастью съ развитіемъ крупной промышленности эти низшіе слои рабочаго населенія уменьшаются все болѣе и болѣе — въ этомъ выражается социальный прогрессъ нашего времени. Подробности о нихъ будетъ рѣчь ниже при разсмотрѣніи прибыли въ домашней промышленности.

приводить къ уничтоженію этого источника прибыли, заставляя предпринимателя отказаться отъ него, съ другой стороны, а оба эти момента вмѣстѣ съ тѣмъ въ своемъ послѣдовательномъ развитіи обозначаютъ отрицаніе прежняго, т. наз. капиталистическаго строя и переходъ къ иной организациі хозяйственной жизни. И если конечнымъ результатомъ такой эволюціи является полное исчезновеніе категории прибыли, то промежуточную ступень, переходную эпоху на этомъ пути составляетъ уничтоженіе той части прибыли, которая получается изъ труда рабочаго.

Несомнѣнно, что такую переходную эпоху переживаетъ Западная Европа въ настоящее время.

Когда мы говоримъ о социалистическомъ государствѣ, мы представляемъ себѣ обыкновенно строй экономической жизни прямо противоположный современному, т. наз. капиталистическому. Между тѣмъ—какъ указываетъ Зомбартъ—рабочее, въ особенности трэдъ-юнионистское движеніе, борьба между предпринимателями и рабочими по своей идеѣ основывается на компромиссѣ между социализмомъ и капитализмомъ. Онъ называетъ современную эпоху періодомъ социальнаго капитализма—такой характеръ этому періоду даютъ рабочіе союзы, законодательство о трудѣ, обязательное страхование рабочихъ, кооперативное движеніе, предприятия, принадлежащія государству и городамъ ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ Зомбартъ подробнѣе останавливается на этомъ предметѣ, причемъ особенное значеніе придаетъ профессиональнымъ союзамъ. Указавъ на тѣ огромныя выгоды, которыя рабочіе союзы имѣютъ не только для рабочихъ (въ видѣ достиженія болѣе короткаго рабочаго дня, увеличенной заработной платы) и притомъ не только для организованныхъ, но и для неорганизованныхъ рабочихъ той же отрасли производства (всякое сокращеніе рабочаго дня, увеличеніе платы, установленіе общаго тарифа распространяется и на нихъ),—такъ и для предпринимателей, которыхъ они охраняютъ отъ безсмысленныхъ стачекъ и отъ конкурентовъ, выигрывающихъ на болѣе дешевой оплатѣ труда,—Зомбартъ обращаетъ вниманіе на обще-соціальное значеніе трэдъ-юнионовъ, которые не только смягчаютъ отрицательныя

¹⁾ Sombart. Die deutsche Volkswirtschaft. p. 528—29.

стороны современного хозяйственного строя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и незамѣтно, путемъ органическаго развитія послѣдняго, превращаютъ его въ иную, болѣе высокую форму хозяйственной организаціи. Капитализмъ создалъ зависимость рабочей массы отъ предпринимателей и притомъ одновременно съ пробужденіемъ въ этой-массѣ сознанія личности, собственного достоинства, что должно было еще болѣе ухудшить ея положеніе. Возникъ рабочій вопросъ, сущность котораго заключается именно въ разрѣшеніи проблемы, какъ соединить стремленіе рабочихъ къ самоопредѣленію съ требованіями экономическаго прогресса, выражающагося въ дальнѣйшемъ развитіи крупнаго производства. Трэдъ-юніонизмъ разрѣшаетъ этотъ конфликтъ, даетъ рабочимъ возможность добиться равноправнаго съ предпринимателями положенія на почвѣ существующаго процесса производства; онъ создаетъ конституціонную организацію производства, гдѣ рабочій опять становится личностью, снова пріобрѣтаетъ независимость. „Все то, чего добились рабочіе союзы—коллективные договоры между организаціями работодателей и рабочихъ, совмѣстно устанавливаемые правила фабричнаго распорядка, палаты соглашенія,—все это обозначаетъ ничто иное, какъ ограниченіе абсолютизма предпринимателя, который перестаетъ быть неограниченнымъ монархомъ, превращаясь въ конституціоннаго правителя. Поэтому то трэдъ-юніонизмъ не можетъ быть замѣненъ попеченіями государства или предпринимателей о рабочихъ, роль рабочихъ организацій имѣетъ общекультурный характеръ: онѣ являются важной двигательной силой въ демократизаціи общества. И въ то же время онѣ должны воспитать въ массѣ способность къ управленію и создать людей, которые отъ нея имени могли бы вершать судьбы общества. Такимъ путемъ постепенно возникаетъ новый хозяйственный строй, именуемый социалистическимъ. Онъ образуется медленно и постепенно путемъ органическаго развитія существующаго хозяйственного строя, перерожденія послѣдняго въ социальномъ направленіи. Съ одной стороны, осуществляются идеалы планоустройственной организаціи производства синдикатами предпринимателей и регулированія рынка, первоначально предоставленнаго свободной борьбѣ грубыхъ силъ природы, посредствомъ соглашенія предпринимателей; а съ другой стороны, устанавливается

защита интересовъ труда отъ собственниковъ путемъ реформъ въ области законодательства и управленія, ведущихъ къ превращенію частно-правоваго рабочаго договора въ договоръ публично-правоваго характера. „Одинъ изъ старыхъ вождей социалистической партіи утверждалъ, что мы какъ бы врастаемъ въ „Zukunftstaat“ и уже теперь находимся въ немъ, слова его правильны въ буквальномъ смыслѣ. Сущность всякой социальной эволюціи заключается въ томъ, что новый общественный строй постепенно образуется изъ стараго, внѣшняя форма котораго еще надолго сохраняется. Сравненіе этого процесса съ образованіемъ плода въ тѣлѣ матери, съ беременностью, которое мы находимъ у Маркса, въ данномъ случаѣ неудачно: оно имѣло бы смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если бы рѣчь шла о революціонномъ актѣ насилія, соотвѣтствующемъ акту рожденія. Правильнѣе будетъ сравненіе, заимствованное изъ области архитектуры, сравненіе возникновенія новаго общественнаго строя съ переходомъ отъ одного стиля къ другому, напр. отъ ренессанса къ бароку, отъ барока къ рококо“¹⁾).

Такимъ образомъ для Зомбарта послѣдовательное развитіе трѣдъ-юніонизма, т. е. то именно обстоятельство, которое приводитъ къ устраненію прибыли, получаемой изъ труда рабочаго, равнозначуще съ демократизаціей производства и составляетъ переходную ступень къ полной социализаціи производства, которая совпадаетъ съ совершеннымъ уничтоженіемъ института прибыли.

На другую сторону современнаго социальнаго развитія обращаетъ вниманіе Лампрехтъ. Періоду индивидуальнаго предпріятія, предпріятія, основаннаго на началахъ свободной конкуренціи, Лампрехтъ противопоставляетъ начинающийся съ 70-хъ годовъ XIX вѣка періодъ социальнаго предпріятія, предпріятія, связаннаго союзами различнаго рода—прежде всего союзами рабочихъ, регулирующими рабочий рынокъ, продажу рабочей силы, и союзами предпринимателей, регулирующими товарный рынокъ, организацію сбыта. Послѣднимъ союзамъ—синдикатамъ предпринимателей—Лампрехтъ придаетъ особенное значеніе: они уже въ настоящее время успѣли устранить свободную конкуренцію и

¹⁾ Sombart. Dennoch. p. 68—81. 86—94.

будучи взяты подъ надзоръ государства и регулируемы послѣднимъ, они бы являлись наиболѣе сильнымъ средствомъ къ созданію соціального (связаннаго) предпріятія. При послѣдовательномъ развитіи характерныхъ чертъ современныхъ синдикатовъ въ результатъ должно получиться соціалистическое государство. „Доходы предпринимателей, которые въ настоящее время сильно колеблются, постепенно приближаются по своему характеру къ проценту, доставляемому государственными фондами, а при полной регламентаціи синдикатовъ—приобрѣтаютъ свойства жалованія. Параллельно этому и примѣненіе рабочей силы становится съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе равномернымъ, почему и доходъ рабочаго получаетъ постоянный характеръ и также превращается отчасти въ жалованье. Такъ какъ одновременно съ этимъ усиливается сходство отдѣльныхъ предпріятій той же отрасли производства и доходы, извлекаемые изъ нихъ, приобретаютъ равномерность, то отсюда уже близокъ переходъ къ соединенію ихъ въ колоссальныя предпріятія, которыя въ состояніи работать еще дешевле. Послѣднія же мы можемъ себѣ представить лишь въ видѣ собственности государства,—и такъ совершенно неожиданно наступаетъ господство соціалистическаго государства“¹⁾.

И Шмоллеръ указываетъ на ту огромную роль, которую сыграли новыя колоссальныя предпріятія, акціонерныя компаніи, кооперативныя товарищества, синдикаты и тресты, общинныя и государственныя предпріятія, которыя своей организаціей, формой управленія и характеромъ дохода (жалованье и тантъемы) создали совершенно новый видъ предпріятія²⁾. Онъ обращаетъ вниманіе въ особенности на то обстоятельство, что синдикаты предпринимателей создали совершенно новую хозяйственную организацію, рѣзко отличающуюся отъ той, которая господствовала съ 1815 по 1880 г.; синдикаты и тресты представляютъ собой, по своей дѣятельности и преслѣдуемымъ имъ цѣлямъ, нѣчто прямо противоположное свободной конкуренціи, которая лишь формально продолжаетъ существовать³⁾. Синдикаты—говорить

¹⁾ Lamprecht, B. II. T. 1. p. 473 и сл. 479 и сл. 488 и сл. 494—495.

²⁾ Schmoller. Grundriss. B. II. p. 437.

³⁾ Schriften des Vereins für Socialpolitik. B. 116. Verhandlungen der Generalversammlung in Mannheim. Leipzig. 1906. p. 242. 251.

Шмоллеръ въ своемъ докладѣ на конгрессѣ Verein für Sozialpolitik 1906 г.—составляютъ ничто иное какъ звено въ цѣпи, ведущей отъ прежняго мелкаго производства къ фабрикѣ, къ крупной промышленности, къ акціонерной компаніи, къ колоссальнымъ предпріятіямъ,—отъ свободной конкуренціи между многочисленными мелкими и средними предпріятіями къ централизованной организаціи все болѣе крупныхъ союзовъ предпринимателей, къ частичной или полной монополіи послѣднихъ,—отъ свободнаго индивидуальнаго рабочаго договора къ союзамъ рабочихъ и работодателей и коллективному договору между ними,—отъ laissez faire къ общественной и государственной организаціи національнаго труда, быть можетъ, и къ социалистическому государственному хозяйству ¹⁾. Такимъ образомъ, и Шмоллеръ, который прежде (еще въ своемъ курсѣ) ²⁾ рѣшительно отрицалъ необходимость перехода отъ существующихъ союзныхъ формъ къ организаціи хозяйства на социалистическихъ началахъ, теперь уже разсматриваетъ послѣднее, какъ нѣчто вполне возможное и вытекающее изъ предыдущихъ формъ развитія. Мало того, онъ уже теперь полагаетъ, что приходится выбирать между превращеніемъ существующихъ крупныхъ синдикатовъ въ государственныя предпріятія, что—прибавляетъ онъ—было бы равносильно переходу къ социалистическому государству и что пока нежелательно, и организаціей этихъ предпріятій на смѣшанныхъ началахъ такимъ образомъ, что и государство принимаетъ участіе въ управленіи ихъ и получаетъ извѣстную часть выручаемой ими прибыли. Проектъ послѣдняго рода Шмоллеръ разработалъ въ такомъ родѣ: въ акціонерныхъ предпріятіяхъ съ капиталомъ (акціонернымъ и облигаціоннымъ) въ 75 милліоновъ мар. и болѣе, четвертая часть членовъ правленія и наблюдательнаго совѣта назначается правительствомъ и эти предпріятія отдають государству половину прибыли, превышающей 10 процентовъ ³⁾.

Любопытно, что на томъ же конгрессѣ, гдѣ Шмоллеръ изложилъ свой проектъ полу-соціализаціи крупныхъ пред-

¹⁾ Schriften des Vereins für Sozialpolitik, p. 116. p. 237.

²⁾ См. напр. Grundriss. I. 455.

³⁾ Schriften des Vereins für Socialpolitik. B. 116. p. 242. 251. 257. 268. 271.

пріятій, и съ другихъ сторонъ раздавались многочисленныя голоса, что развитіе синдикатовъ ведетъ къ образованію трестовъ, которые должны возникнуть и въ Германіи, къ международнымъ союзамъ предпринимателей и въ результатъ къ социализаціи производства (Альфредъ Веберъ, Диль) ¹⁾, что уже и въ настоящее время картели осуществляютъ принципы социалдемократическаго ученія (Науманъ) ²⁾ и что лучше социализмъ при отсутствіи конкуренціи, чѣмъ капитализмъ при отсутствіи конкуренціи, который уже самъ переросъ себя ³⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ предложеніе Brentano объ установленіи обязательности соглашеній между предпринимателями и рабочими и о введеніи коллективныхъ договоровъ вызвало заявленіе, что это первый шагъ къ социалистической организаціи, что Brentano стоитъ „обѣими ногами въ социалистическомъ государствѣ“. Сторонники его проекта рѣшительно отрицали это, говоря, что такое возраженіе дѣлается противъ всякой мѣры, клонящейся къ выгодѣ рабочихъ ⁴⁾. Между тѣмъ, противники его были болѣе правы—коллективный договоръ (онъ постепенно прививается и въ Германіи) ведетъ несомнѣнно не только къ частичному, но постепенно и къ полному измѣненію т. наз. капиталистическаго строя ⁵⁾.

¹⁾ Ibid. p. 327. 333. 356. 359. 406.

²⁾ Ibid. p. 190.

³⁾ Ibid. p. 334.

⁴⁾ Ibid. p. 158. 210. 223. 227.

⁵⁾ Любопытно, что и Георгъ Адлеръ (*Die Zukunft der sozialen Frage*, p. 30 и сл. 63.), рѣшительно возставая противъ социализаціи производства, признаетъ, однако, что въ непродолжительномъ будущемъ будетъ достигнуто такое положеніе, гдѣ „власть капитала ограничивается представителями рабочаго класса подобно тому, какъ политическій конституціонализмъ ограничиваетъ власть государя и феодальной аристократіи“; онъ не замѣчаетъ того, что подобная организація не представляетъ уже собою ничего отличнаго по существу отъ социалистическаго хозяйственнаго строя и что по мѣрѣ возрастанія силы рабочаго класса и установленія новаго образа управленія въ сферѣ веденія предпріятія, именуемаго имъ конституціоннымъ, измѣняется все соотношеніе между предпринимателями и рабочими и исчезаютъ специфическія социальныя категоріи капитализма.

IV.

Въ вышедшемъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ сочиненіи о рабочихъ въ XIX вѣкѣ Реземейеръ раздѣляетъ нѣмецкихъ рабочихъ на двѣ категоріи: первую составляютъ рабочіе, находящіеся въ благопріятномъ положеніи, это—типографскіе рабочіе, рабочіе на строительныхъ промыслахъ, рабочіе на механическихъ заводахъ, въ деревообрабатывающей промышленности и въ металлургической индустріи; ко второй категоріи, положеніе которыхъ неудовлетворительно, относятся рабочіе въ сферѣ сельскаго хозяйства и домашней промышленности (кустари), ремесленники (пекаря, портные, сапожники), въ области крупной промышленности необученные рабочіе, въ особенности тѣ, которые работаютъ въ текстильной индустріи. Реземейеръ указываетъ на сравнительно высокій *standard of life* рабочихъ первой категоріи, на недурное состояніе и здоровый видъ, который составляетъ прямую противоположность несчастному и болѣзненному виду рабочихъ второй группы.

Факты дѣйствительной жизни подтверждаютъ правильность такой группировки нѣмецкихъ рабочихъ въ зависимости отъ ихъ матеріальнаго положенія. Изъ тѣхъ бюджетовъ рабочихъ въ металлургической индустріи, которые сообщаетъ Гудъ, видно, что въ нѣмецкой желѣзодѣлательной промышленности 83 проц. дохода рабочаго уходитъ на покрытіе того, что мы назвали выше потребностями физическаго характера, а въ стальной промышленности на эти потребности затрачивается 78 проц. дохода ¹⁾. Киндерманъ вычислилъ, что эти же расходы составляютъ 76 проц. въ стекольной индустріи южной Германіи, 83 проц. на стеклянныхъ заводахъ сѣверо-восточной Германіи и 87 проц. въ сѣверо-западныхъ областяхъ. Однако для того, чтобы сравнить эти цифры съ тѣми, которыя получаются для рабочихъ другихъ странъ, необходимо ихъ нѣсколько измѣнить. Съ одной стороны сюда не входятъ нѣкоторые расходы, затрачиваемые на фи-

¹⁾ Gould. Die Lage der arbeitenden Klassen in den Hauptkulturländern. Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. III. B. 5 p. 860—865. О положеніи рабочихъ въ металлургической промышленности, ср. также Ehrenberg. Die Eisenhütten-technik und der deutsche Hüttenarbeiter. 1906. p. 89—91. 100—102. 119 и сл. 159 и сл.

зическія потребности, какъ ихъ понимаетъ Эрнстъ Энгель, именно расходы на отопленіе и освѣщеніе: въ приведенныхъ бюджетахъ нѣмецкихъ рабочихъ вычислены лишь расходы на пищу, одежду, квартиру, а также на спиртные напитки.

Вслѣдствіе этого, къ бюджетамъ рабочихъ въ стекольной промышленности необходимо прибавить еще 3—4 проц. (на югѣ даже 6 проц.)¹⁾ 2); тотъ же процентъ, за отсутствіемъ данныхъ относительно величины этихъ расходовъ у рабочихъ въ желѣзодѣлательной и сталелитейной промышленности, приходится прибавить и къ ихъ расходамъ. Съ другой стороны, при вычисленіи доходовъ нѣмецкихъ рабочихъ не слѣдуетъ упускать изъ виду обязательнаго страхованія рабочихъ, существующаго въ Германіи, ибо оно въ сущности представляетъ собою ничто иное, какъ извѣстную прибавку къ заработной платѣ. Расходы по обязательному страхованію падаютъ не только на самихъ рабочихъ, но и на предпринимателей и на государство. Взносы по страхованію рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ производятся исключительно предпринимателями, точно также половину взносовъ въ кассы по страхованію отъ болѣзней уплачиваютъ предприниматели и на нихъ же падаетъ половина тѣхъ суммъ, которыя выдаются рабочимъ въ видѣ вознагражденія при наступленіи старости или неспособности къ труду. Грейсель, внимательно изучившій этотъ вопросъ, приходитъ къ тому выводу, что расходы предпринимателей, вызываемые этими платежами, составляютъ по страхованію рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ 3 проц. заработной платы, по страхованію отъ болѣзней 1¹/₂ проц. и по страхованію отъ неспособности къ труду 1 проц., въ результатъ получается слѣдовательно 5¹/₂ проц. заработной платѣ. Кромѣ того изъ имперской кассы была затрачена на уплату вознагражденія рабочимъ вслѣдствіе неспособности къ труду сумма, равнявшаяся въ 1891—1898 гг. 30 проц. того, что внесли предприниматели въ фондъ страхованія рабочихъ отъ неспособ-

1) Kindermann Zur organischen Güterverteilung B. II. Die Glasarbeiter Deutschlands und der Vereinigten Staaten von Amerika. Leipzig. 1896. p. 200—250.

2) Ibid. p. 205.

3) Greissel. Wirtschaftliche Untersuchungen über die Belastung der deutschen Industrie durch die Arbeiter-Versicherungs- und Schutzgesetzgebung. Schmollers Jahrbuch. 1899. p. 860—65.

ности къ труду, иными словами она составляла около $\frac{1}{3}$ проц. заработной платы ¹⁾). Такимъ образомъ для установленія дѣйствительной заработной платы нѣмецкихъ рабочихъ необходимо увеличить получаемую ими денежную плату почти на 6 проц. Такъ какъ увеличеніе расходовъ на покрытіе физическихъ потребностей составляетъ всего 3—4 проц., то мы получимъ въ результатъ слѣдующій процентъ заработной платы, затрачиваемый на удовлетвореніе этихъ потребностей: около 80 проц. въ желѣзодѣлательной и около 76 проц. въ стальной индустріи, около 76 проц. въ стеклянной промышленности юга, около 80 проц. на сѣверо-востокѣ и около 84 проц. на сѣверо-западѣ или въ общемъ не болѣе 80 проц., такъ что доходъ, остающійся для удовлетворенія прочихъ потребностей составляетъ и здѣсь почти 20 проц. Поскольку рѣчь идетъ, слѣдовательно, о рабочихъ въ металлургической, стеклянной промышленности, — и въ такомъ же, если не лучшемъ положеніи находятся рабочіе въ строительномъ промыслѣ, въ машиностроительной и нѣкоторыхъ другихъ отрасляхъ крупной промышленности — мы вправѣ утверждать, что и въ Германіи рабочіе этихъ отраслей промышленности не далеки отъ цѣли, отъ полученія полного продукта своего труда.

Хуже положеніе рабочихъ въ текстильной индустріи, хотя мы имѣемъ въ виду и въ этой области только крупное фабричное производство, не касаясь кустарныхъ промысловъ. Впрочемъ, еще болѣе характернымъ для этой отрасли промышленности является, пожалуй, то разнообразіе въ положеніи рабочихъ, которое мы здѣсь находимъ. Если въ однихъ случаяхъ рабочіе находятся въ сравнительно благопріятныхъ условіяхъ, то въ другихъ случаяхъ ихъ положеніе нельзя не признать весьма печальнымъ. Въ текстильной индустріи промышленнаго центра Саксоніи — Фогтланда положеніе рабочихъ въ общемъ болѣе или менѣе благопріятно. Бейнъ указываетъ на то, что въ различныхъ отрасляхъ производства заработокъ удовлетворителенъ, напр., въ камвольномъ производствѣ и связанныхъ съ нимъ промыслахъ, въ красильной и аширетурной индустріи (бумажныхъ матерій); и

¹⁾ Lass und Zahn. Einrichtung und Wirkung der deutschen Arbeiterversicherung. Berlin. 1900. p. 129.

относительно рабочих—ткачей онъ находитъ, что въ 1882 году, когда онъ изучалъ эту промышленность, рабочіе, даже помимо дешевизны пищевыхъ продуктовъ, находились въ несравнено лучшемъ положеніи, чѣмъ въ 1880 г. и въ 1871/72 гг.—въ періоды расцвѣта этой индустріи ¹⁾).

Въ шерстяной промышленности Нижней Лузаціи, важнаго промышленнаго центра, условія жизни рабочихъ также по-видимому сносны. „Что касается жилищъ рабочихъ—говоритъ Квандтъ—то вслѣдствіе того, что среди восьми про-мышленныхъ городовъ округа въ сущности нѣтъ ни одного города даже средней величины, жилищныя условія промышленныхъ рабочихъ въ общемъ благопріятны. „Физическое состояніе рабочихъ, судя по цифрѣ заболѣваемости, также благопріятно, продолжительность жизни и періода способности къ труду, должна быть признана высокой. Точно также и питаніе рабочихъ здѣсь лучше, чѣмъ въ другихъ случаяхъ. Благодаря величинѣ заработковъ рабочихъ—продолжаетъ Квандтъ—и благодаря невысокой, по сравненію съ другими промышленными центрами, квартирной платѣ, а также паденію цѣнъ на пищевые продукты, начиная съ 1882 года, холостые рабочіе, а также семьи съ двумя и даже тремя дѣтьми имѣютъ полную возможность дѣлать сбереженія. На каждыхъ 100 рабочихъ, опрошенныхъ въ пяти различныхъ городахъ, у 46,7, т. е. почти у половины имѣлись деньги, помѣщенные въ сберегательныхъ кассахъ, либо у другихъ лицъ, которымъ были отданы займы, причѣмъ суммы, находившіяся въ сберегательныхъ кассахъ, составляли отъ 100 до 1000 мар. и болѣе, хотя владѣльцы суммъ въ размѣрѣ свыше 1000 мар. встрѣчались конечно лишь въ видѣ исключенія ²⁾).

Весьма печально, наоборотъ, или, по крайней мѣрѣ, было въ концѣ 70-хъ годовъ, положеніе рабочихъ въ текстильной промышленности Ахена и другихъ мѣстностей по нижнему Рейну. „Одинокій рабочій—говоритъ Тунъ—находится почти всегда въ благопріятномъ положеніи; при среднемъ недѣльномъ заработкѣ въ 19 марокъ онъ имѣетъ почти вдвое болѣе того, что ему нужно при его крайне незначительныхъ

¹⁾ Bein. Industrie des sächsischen Voigtlandes. B. II. p. 436. 462. 392.

²⁾ Quandt. Die Niederlausitzer Schafwollindustrie in ihrer Entwicklung zum Grossbetrieb und zur modernen Technik. Leipzig. 1895. p. 281—291.

потребностяхъ. Точно также семьи со взрослыми дѣтьми, которыя въ состояніи самостоятельно зарабатывать 5—7 мар. въ недѣлю, находятся въ довольно обезпеченномъ положеніи... при пищѣ, въ видѣ цикорія, картофеля и хлѣба. Наоборотъ, въ семьяхъ съ двумя и болѣе малолѣтними дѣтьми господствуетъ хроническая нищета. Даже въ наилучшія времена они всегда являются кандидатами на общественное призрѣніе ¹⁾.

Сельское населеніе Эльзаса—говоритъ Геркнеръ—отличается здоровымъ цвѣтомъ лица, рослостью и силой; ничего подобнаго мы не находимъ у мюльгаузенскихъ фабричныхъ рабочихъ, живущихъ какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ: блѣдный, болѣзненный цвѣтъ лица, впавшая грудь, худощавость въ конечностяхъ—таковъ видъ молодыхъ рабочихъ“. Положеніе семейства съ большимъ количествомъ дѣтей прямо безвыходное. „На удовлетвореніе потребностей семьи, состоящей изъ мужа, жены и трехъ неспособныхъ къ труду дѣтей—бюджетъ составленъ рабочими—необходимо около 1600 мар. въ годъ; между тѣмъ взрослый рабочий при самыхъ лучшихъ обстоятельствахъ зарабатываетъ не болѣе 1000 мар., такъ что даже наилучше оплачиваемые рабочіе Мюльгаузена не въ состояніи содержать семью такъ, какъ это признается сноснымъ по понятіямъ тамошнихъ рабочихъ. „И все таки положеніе рабочихъ Мюльгаузена еще благопріятно, по сравненію съ тѣми условіями, въ которыхъ живутъ рабочіе въ другихъ мѣстностяхъ Верхняго Эльзаса. „Здѣсь плата въ среднемъ на $\frac{1}{3}$ ниже, чѣмъ въ Мюльгаузенѣ, разница же въ цѣнахъ предметовъ потребленія меньше, такъ что положеніе рабочихъ еще хуже. Это выражается въ одеждѣ и обуви, и мужчины носятъ преимущественно деревянные башмаки и бумажныя матеріи. Пища состоитъ главнымъ образомъ изъ хлѣба и картофеля, мясо ѣдятъ въ лучшемъ случаѣ по воскресеньямъ. Водка (вслѣдствіе неудовлетворительнаго питанія) потребляется въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ въ Мюльгаузенѣ... Въ результатъ и физическое состояніе еще печальнѣе... Жилищныя условія неудовлетворительны... нару-

¹⁾ Thun. Die Industrie am Niederrhein und ihre Arbeiter. B. I. 1879. p. 65. 66. 68.

шаются самыя примитивныя санитарныя правила. При появленіи эпидеміи тифа, скарлатины, кори борьба съ ними совершенно немислима¹⁾.

Подобное же впечатлѣніе получается и при чтеніи отчетовъ баварскихъ, вюртембергскихъ, баденскихъ и гессенскихъ фабричныхъ инспекторовъ за 1879—1890 гг., собранныхъ въ книгѣ Целлера и касающихся всѣхъ отраслей промышленности. Эти отчеты являются прекраснымъ дополненіемъ къ описаніямъ положенія рабочихъ въ Пруссіи, Саксоніи и Эльзасѣ, которыя мы приводили выше. Подтверждается выставленное нами положеніе, что рядомъ съ тѣми отраслями крупной промышленности, въ которыхъ трудъ рабочихъ въ качествѣ источника прибыли изсякаетъ, мы находимъ и другія, гдѣ во всякомъ случаѣ сдѣланы нѣкоторые шаги къ устраненію этого источника, что и въ экономической жизни Германіи развитіе совершается, слѣдовательно, въ томъ направленіи, конечной цѣлью котораго является полученіе рабочимъ всего продукта его труда. Хотя заработная плата въ фабричной промышленности Баваріи, Вюртемберга, Бадена, Гессена, судя по отчетамъ, во многихъ случаяхъ весьма низка (какъ напр. въ производствѣ сигаръ), тѣмъ не менѣе положеніе рабочихъ признается почти повсюду сравнительно благоприятнымъ. Сразу бросается въ глаза огромная разница между населеніемъ промышленныхъ мѣстностей и тѣхъ, гдѣ нѣтъ индустріи, какъ это указывается въ отчетахъ баденской, гессенской фабричной инспекціи, а также въ отчетахъ, относящихся къ Верхнему Пфальцу, Регенсбургу, Франконіи и Ашаффенбургу. Фабрики въ этихъ государствахъ разбросаны по странѣ и фабричныя рабочіе владѣютъ небольшими земельными участками, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и домиками, вмѣстѣ съ заработной платой что „обеспечиваетъ имъ почти уютныя условія жизни“. По сообщенію фабричной инспекціи Верхняго Пфальца питаніе рабочихъ, живущихъ въ сельскихъ мѣстностяхъ, несмотря на низкую плату, удовлетворительно; въ городахъ же болѣе высокому заработку соотвѣтствуютъ и большія потребности. Баденскій фабричный

¹⁾ Herkner. Die Oberelsässische Baumwollindustrie und ihre Arbeiter. Strassburg. 1887. p. 312—15. 321. 325 349—55.

инспекторъ указываетъ на то, что въ тѣхъ слояхъ рабочаго населенія, которые недурно оплачиваются, а также въ тѣхъ случаяхъ, когда и другіе члены семьи зарабатываютъ, доходъ оказывается достаточнымъ для здороваго и хорошаго питанія, между тѣмъ какъ тамъ, гдѣ эти условія не осуществлены, пища не удовлетворительна, состоитъ преимущественно изъ картофеля и кофе. Въ особенности въ большихъ городахъ и въ мѣстностяхъ съ быстро развившейся индустріей положеніе рабочихъ въ этомъ отношеніи оставляетъ желать еще многого. Что касается, наконецъ, заработка женщинъ, то изъ отчетовъ фабричной инспекціи видно, „что они въ общемъ недурны“. „Плата правда ниже, чѣмъ у мужчинъ, но вслѣдствіе меньшихъ потребностей можетъ считаться достаточной¹⁾).

Такое положеніе рабочихъ въ Германіи находится въ тѣсной связи съ уровнемъ развитія промышленности, съ одной стороны, и степенью распространенія рабочихъ союзовъ, съ другой стороны. И въ томъ и въ другомъ отношеніи Германія отстала по сравненію съ Англійей и Соединенными Штатами, Зинцгеймеръ проводитъ параллель между крупной промышленностью Германіи и индустріей другихъ странъ, въ особенности Англии и Америки, и находитъ, что въ важнѣйшихъ отрасляхъ промышленности крупное производство менѣе развито въ Германіи, чѣмъ въ Англии и Америкѣ²⁾). Впрочемъ книжка Зинцгеймера относится къ 1893 году, и съ тѣхъ поръ Германія сдѣлала значительные успѣхи. Если мы возьмемъ двѣ важнѣйшія отрасли промышленности, металлургическую и текстильную, то увидимъ, что въ первой Германія успѣла уже догнать Англію, хотя она все таки стоитъ нѣсколько ниже Соединенныхъ Штатовъ. Во всякомъ случаѣ металлургическая индустрія Германіи находится на весьма высокой ступени развитія³⁾),—и положеніе рабочихъ въ этой отрасли производства, какъ мы видѣли выше, благопріятно. Наоборотъ,

¹⁾ Zeller. Die Lage der industriellen Arbeiter in Süddeutschland und das Arbeiterschutzgesetz vom 1. Juni 1891. Tübingen. 1892. p. 52. 93 и сл. 97.

²⁾ Sinzheimer. Grenzen der Weiterbildung des fabrikmäss. Grossbetr. pass

³⁾ Martin. Die Eisenindustrie. p. 78. Sombart. Deutsche Volkswirtschaft. p. 358—9.

въ текстильной индустріи находимъ въ Германіи—въ противоположность Англій—значительное количество небольшихъ предпріятій ¹⁾,—и въ этой отрасли промышленности положеніе рабочихъ, какъ видно изъ сказаннаго выше, значительно хуже.

И въ отношеніи развитія рабочихъ организацій Германіи, несмотря на большіе успѣхи, сдѣланные въ послѣднее время, еще далеко до Англій и Америки. Прежде всего нѣтъ той свободы рабочихъ коалицій, какую мы находимъ въ тѣхъ странахъ. Въ 1869 году Германія впервые установила свободу рабочихъ союзовъ и стачекъ, но только для

¹⁾ Изъ слѣдующихъ цифръ видно сравнительное распространеніе крупнаго производства въ текстильной индустріи Англій и Германіи (мы заимствуемъ ихъ у Бродница. *Vergleichende Studien über Betriebsstatistik und Betriebsformen der englischen Textilindustrie*. Jena. 1902 p. 43).

Процентъ рабочихъ, занятыхъ въ крупныхъ предпріятіяхъ (т. е. въ предпріятіяхъ съ числомъ рабочихъ свыше 50):

	Англія.	Германія.
Бумагопрядильное производство . . .	95,9	92,8
Бумаготкацкое производство	95,6	67,2
Шерстопрядильное производство . . .	54,3	} 63,8
Производство камвольной пряжи . . .	93,7	
Шерстоткацкое производство	82	} 80,2
Шерстоткац. произв. камвольное . . .	91,8	
Производство пеньковой пряжи	87,6	} 88,7
Производство льняной пряжи	98,1	
Льноткацкое производство	96	29,4
Шелкопрядильное производство	89,7	57,5
Шелкоткацкое производство	80,7	57,3
Производство джутовой пряжи	99,6	99,6
Производство джутовыхъ тканей . . .	98,1	93,8
Вязальное производство	88,5	33,5

Какъ видно изъ этихъ данныхъ, льноткацкій и вязальный промыслы въ Германіи стоятъ особенно низко, но и въ шелковой промышленности, а также въ шерстопрядильномъ и бумаготкацкомъ производствахъ еще значительная часть рабочихъ приходится на мелкія и среднія предпріятія. Если возьмемъ статистику предпріятій, то окажется, что въ Германіи почти все ткацкое производство состоитъ изъ мелкихъ предпріятій (отъ 1 до 5 рабочихъ); процентъ этихъ предпріятій въ различныхъ отрасляхъ ткацкаго промысла составляетъ отъ 93 (въ шерстоткацкомъ производствѣ) до 99 (въ льноткацкомъ), тогда какъ въ Англій онъ колеблется между 44 (шелкоткацкое производство) и 2 (бумаготкацкая и льноткацкая индустрія). Brodnitz l. c. pass.

промышленных рабочих и со значительными ограничениями, причѣмъ лишила всѣ соглашенія, касающіяся прекращенія работы, юридическаго значенія и до сихъ поръ не создала закона, который бы регулировалъ дѣятельность союзовъ и признавалъ за ними права юридическаго лица. Это находится въ тѣсной связи съ тѣмъ подозрительнымъ и даже непріязненнымъ отношеніемъ, которое рабочія организаціи въ Германіи встрѣчаютъ со стороны правительства и, въ особенности, предпринимателей. Значеніе рабочіе союзы пріобрѣтаютъ въ сущности лишь съ 80-хъ и даже 90-хъ годовъ. Наиболѣе важными союзами являются организаціи въ сферѣ металлургической индустріи (соціал-демократическій союзъ изъ 176 тыс. рабочихъ и союзъ Гиршь-Дункера изъ 50 тыс.), въ строительномъ промыслѣ (соц.-дем. 128 тыс. каменщиковъ, 35 тыс. плотниковъ и 23 тыс. маляровъ и въ христ. орган. 20 тыс.), въ деревообрабатывающимъ (27 тыс. соц.-дем. и 8 тыс. христ.) въ текстильной индустріи (53 тыс. соц.-дем. и 25 тыс. христ.) и наконецъ союзъ рабочихъ печатнаго дѣла (39 тыс.),—послѣдній является наиболѣе старымъ изъ нихъ, а пожалуй и наиболѣе сильнымъ ¹⁾. Въ 1905 г. въ Германіи насчитывалось—согласно *Volkswirtschaftliche Chronik*—1.800.000 организованныхъ рабочихъ (всего въ Германіи было въ 1895 г. около 6 милл. промышл. рабочихъ и 12,8 милл. рабочихъ вообще) ²⁾. Многие изъ нѣмецкихъ рабочихъ союзовъ и до сихъ поръ являются, боевыми организаціями, но другіе, въ особенности за послѣднее время, значительно намѣнились въ этомъ отношеніи, усвоивъ принципы англійскихъ трэдъ-юніоновъ ³⁾.

¹⁾ Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Jahrg. 27. 1906.

²⁾ Volkswirtschaftliche Chronik für das Jahr 1906. p. 290.

³⁾ См. объ этомъ особ. Zahn. Die Organisation der Prinzipale und Gehülfen im deutschen Buchdruckgewerbe. Schriften des Vereins für Socialpolitik B. 45. Schmöele. Die socialdemokratischen Gewerkschaften in Deutschland. B. I. Jena. 1896. Sombart. Dennoch. Jena. 1900. Fanny Jmle. Gewerbliche Friedensdokumente. Entstehungs- und Entwicklungsgeschichte der Tarifgemeinschaften in Deutschland. Jena. 1905. Изъ книги Имле видно, впрочемъ, что коллективный договоръ до сихъ поръ распространялся въ Германіи главнымъ образомъ въ мелкихъ промыслахъ, изъ крупной же промышленности только въ печатномъ и строительномъ производствахъ; въ машиностроительной индустріи онъ составляетъ весьма рѣдкое явленіе, въ химической же и вовсе не встрѣчается. Однако пропаганда въ пользу коллективнаго рабочаго договора ведется въ

Въ другихъ европейскихъ государствахъ рабочіе находятся частью въ такомъ же положеніи, какъ въ Германіи, частью условія нхъ жизни нѣсколько и даже значительно хуже. Къ первымъ относятся главнымъ образомъ Франція и Бельгія, ко второй группѣ—Австрія, Италія, Россія. Степень распространенности крупнаго производства, съ одной стороны, сила рабочихъ организацій, съ другой, суть тѣ главные моменты, которыми, какъ указано выше, вызывается это различіе. Въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ крупное производство является господствующимъ и рабочіе хорошо организованы,—въ этихъ странахъ, по общему правилу, заработокъ рабочаго приближается къ тому, что составляетъ продуктъ его труда. Въ Германіи, а также во Франціи и въ Бельгіи, мы находимъ еще много мелкой кустарной промышленности, да и въ средѣ самой фабрично-заводской индустріи еще много небольшихъ предприятий и лишь небольшая часть рабочихъ соединена въ крѣпкія организаціи, отсюда лишь въ нѣкоторыхъ отрасляхъ крупной промышленности прибыль, проистекающая изъ труда рабочаго, обречена на исчезновеніе, тогда какъ въ другихъ она, хотя и течетъ слабѣе и медленнѣе, чѣмъ прежде, но все же составляетъ еще и теперь болѣе или менѣе значительную струю ¹⁾,

настоящее время въ Германіи усиленно. См. Köppe. Der kollektive Arbeitsvertrag als Gegenstand der Gesetzgebung. Jahrbücher für Nationaloekonomie 1905. B. XXX. Hüglin. Der Tarifvertrag zwischen Arbeitgebern und Arbeitnehmern. Stuttgart. 1906. (Münchener volkswirtschaftliche Studien. B. 76). Schmelzer. Tarifgemeinschaften ihre wirtschaftliche, soziale und juristische Bedeutung. Leipzig. 1905. Rundstein. Die Tarifverträge und die moderne Rechtswissenschaft. Leipzig. 1906. Das Arbeitsverhältnis in den Riesenbetrieben (Докладъ Брентано). Schriften des Vereins für Sozialpolitik. B. 116. См. также новый законопроектъ о профессиональныхъ союзахъ въ Archiv für Sozialwissenschaft. 1907. I.

¹⁾ Для сравненія промышленности Германіи, Франціи и Бельгіи въ отношеніи размѣровъ предприятий мы имѣемъ слѣдующія данныя:

Германія.	(по промышленной переписи 1895 г.)			
	Количество предприятий	Процентъ	Количество занятыхъ лицъ.	Процентъ.
Мелкія предприятия (отъ 1 до 5 чел.)	1.989,572	92,6	3.191,125	39,9
Изъ нихъ одиночекъ	1.237.349	—	1.237,349	—

Дѣло въ томъ, что лишь въ отношеніи тѣхъ странъ и отраслей промышленности, гдѣ господствуетъ крупное фабрично-заводское производство, высоко стоящее въ техническомъ отношеніи, и лишь постольку, поскольку оно распространено, можно говорить о томъ, что прибыль, получаемая отъ труда, исчезаетъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ трудъ рабочихъ въ качествѣ источника прибыли либо существуетъ наряду съ творческимъ трудомъ, либо въ качествѣ единственнаго источника. Только крупныя предприятия въ каждое данное время пользуются прибылью, истекающей изъ творческаго труда, и поэтому только они въ состояніи отказать отъ той части прибыли, которая прежде доставлялась по общему правилу и нынѣ доставляется во всѣхъ другихъ случаяхъ рабочимъ. Не удивительно, что англійскіе трэдъ-юніонисты являются убѣжденными сторонниками крупныхъ фабрично-заводскихъ предприятий, что трэдъ-юніоны „играютъ на руку крупнымъ заведеніямъ“, какъ выразился одинъ предприниматель. И собственный опытъ, и многочисленные доводы экономистовъ

(по промышленной переписи 1895 г.)				
Германія:	Количество предприятий	Процентъ.	Количество занятыхъ лицъ.	Процентъ.
Среднія предприятия (отъ 6 до 50 чел.)	139,459	6,5	1.902,049	23,8
Крупныя предприятия (свыше 50 чел.)	17,941	0,9	2.907,329	36,3
Итого . . .	2.146,972	100	8.000,503	100
Очень крупныя пред- приятия (свыше 1000 чел.)	248		430.286	5,4
Франція: (по промышленной переписи 1896 г.)				
Мелкія предприятия (отъ 1 до 4 рабоч.)	489,970	85,13	806,627	25,91
Среднія предприятия (отъ 5 до 50 рабоч.)	78,105	13,57	913,076	29,34
Крупныя предприятия (свыше 50 рабоч.)	7,456	1,30	1,392,000	44,75
Итого . . .	575,531	100	3.111,703	100
Очень крупныя пред- приятия свыше 1000 рабоч.)	151	—	313,000	10

привели мыслящих рабочих въ главныхъ отрасляхъ англійской промышленности къ тому убѣжденію, что повышеніе уровня платы и другихъ условій труда зависить въ концѣ концовъ отъ производительности предпріятія. Тѣхъ преимуществъ, которыя ведутъ къ вытѣсненію мелкой промышленности крупной, — широкое примѣненіе машинъ и раздѣленія труда, возможность наиболѣе дешево приобрести капиталъ и сырые матеріалы, возможность пользоваться услугами лучшихъ изобрѣтателей и организаторовъ, менѣе крупныя предпріятія лишены и вынуждены урѣзывать заработную плату и удлинять рабочій день, чтобы вовсе не лишиться прибыли. Съ другой стороны, рабочій сознаеть, что „при господствѣ мелкихъ заведеній его собственное стратегическое положеніе значительно ослабляется. Крупныя заведенія облегчаютъ и заключеніе коллективныхъ сдѣлокъ, и проведеніе общихъ правилъ“, установленіе единообразныхъ условій труда и заработной платы во всѣхъ предпріятіяхъ. Тредъ-юніоны исходятъ изъ того положенія, что, „если мелкіе промышленники могутъ держаться, только, платя за трудъ меньше надлежащей нормы заработной платы, то это — очевиднѣйшее доказательство того, что эти промышленники, какъ таковые,

Бельгія:	(по промышленной переписи 1886 г.)			
	Количество предпріятій	Процентъ.	Количество занятыхъ лицъ	Процентъ.
Мелкія предпріятія (отъ 1 до 4 чел.)	211,700	93,58	350,971	36,22
Среднія предпріятія (отъ 5 до 49 чел.)	13,000	5,74	192,300	19,85
Крупныя предпріятія (свыше 49 чел.)	1,650	0,73	425,603	43,93
Итого . . .	226,350	100	968,874	100
Очень крупныя предпріятія (свыше 1000 чел.)	41			

Приведенныя статистическія данныя не вполне сравнимы. Въ то время, какъ въ Германіи входятъ въ составъ предпріятій всѣ промышленныя заведенія и при томъ указывается число вообще занятыхъ въ нихъ лицъ, въ Бельгіи опущены предпріятія домашней промышленности, которыя почти всѣ принадлежать къ группѣ

не имѣютъ вовсе права на существованіе“, и прекрасно сознавая, что болѣе мелкія предпріятія не въ силахъ платить столько же, сколько болѣе крупныя, что они не могутъ отказаться отъ прибыли, извлекаемой изъ труда рабочаго, они всетаки заставляютъ и ихъ платить ту же норму заработной платы, встрѣчая въ этомъ отношеніи прекрасныхъ союзниковъ въ лицѣ владѣльцевъ крупныхъ предпріятій, старающихся раздавить своихъ болѣе мелкихъ конкурентовъ посредствомъ введенія единообразныхъ нормъ заработной платы. „Самый фактъ существованія общихъ правилъ—говорятъ С. и Б. Веббъ—лишая стѣсненнаго предпринимателя ближайшаго источника извлеченія прибыли, заставляетъ его искать другихъ средствъ для пониженія издержекъ производства“, въ особенности въ видѣ введенія техническихъ усовершенствованій ¹⁾. Менѣе крупныя предпріятія вынуждены переходить въ разрядъ болѣе крупныхъ или по крайней мѣрѣ—поскольку это возможно—принимать усовершенствованную технику послѣднихъ. „Для трэдъ-юніона отсталость малосостоятельныхъ или неинтеллигентныхъ предпринимателей означаетъ серьезную опасность. Старомодные хозяева-бумагопрядильщики съ ихъ медленно работающими фамильными заведеніями горько жалуются на ту суровость, съ которой должностныя лица трэдъ-юніона отказываются сдѣлать имъ какія-либо уступки въ виду ихъ сравнительно несовершенныхъ машинъ и даже настаиваютъ на томъ, чтобы они платили положительно болѣе высокую сдѣльную плату, если они не хотятъ обста-

мелкихъ (94,334 предпр. съ 132,122 лицъ), во Франціи же приняты во вниманіе только тѣ предпріятія, гдѣ имѣются рабочіе по найму, но не одиночки, и кромѣ того (въ противоположность Германіи и Бельгіи) въ числѣ лицъ, занятыхъ въ предпріятіи указаны только рабочіе, а не хозяева. Кромѣ того, понятія: мелкія, среднія и крупныя предпріятія не вполне совпадаютъ: въ группу мелкихъ въ Германіи вошли и предпріятія, гдѣ работаетъ 5 чел., во Франціи лишь предпріятія съ 4 рабочими, если же прибавимъ хозяина, то получается также до 5 чел. (но зато одиночекъ нѣтъ); въ Бельгіи же вошли лишь предпріятія съ 4 работающими лицами; менѣе важно то обстоятельство, что группа среднихъ и крупныхъ предпріятій не вполне совпадаетъ.

¹⁾ Веббъ, теорія и практика трэдъ-юніонизма. Т. II, стр. 445 и сл. 590—91.

вить своихъ фабрикъ такъ-же, какъ ихъ обставили болѣе передовые конкуренты“. Въ результатъ это „способствуетъ устраненію неспособныхъ и отсталыхъ предпринимателей“¹⁾).

Однако у предпринимателей есть еще и другой исходъ. Если они не желаютъ или не въ состояніи измѣнить организацію предпріятія такимъ образомъ, чтобы отнимаемая у нихъ, благодаря дѣйствіямъ тредъ-юніона, прибыль, извлекаемая изъ труда рабочаго, получалась изъ другого источника, изъ творческаго труда, посредствомъ усовершенствованія техники производства, то они дѣйствуютъ въ иномъ направленіи, замѣняя производство на фабрикѣ или заводѣ раздачей работы на домъ. Между тѣмъ результатомъ производства рабочаго у себя на дому „является пониженіе нормальнаго уровня заработной платы, уничтоженіе всякой нормы, опредѣляющей длину рабочаго дня, уменьшеніе валовой суммы заработка рабочаго на сумму расходовъ на помещеніе, отопленіе, освѣщеніе, санитарныя приспособленія,—расходовъ, которые пали бы иначе на предпринимателя. И это вредное вліяніе сказывается не на однихъ только домашнихъ рабочихъ. Рабочимъ, занятымъ такой же работой въ мастерской предпринимателя, приходится соглашаться на пониженіе платы и удлиненіе рабочаго дня подъ угрозой отдачи все большей и большей части работы ихъ конкурентамъ, работающимъ на дому. Домашняя работа дѣлаетъ въ сущности совершенно невозможнымъ тредъ-юніонизмъ. Поэтому англійскіе рабочіе союзы рѣшительно протестуютъ „противъ того, чтобы раздаваемая предпринимателемъ работа исполнялась гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, кромѣ устроенной имъ фабрики или мастерской“²⁾).

V.

Въ восьмидесятыхъ годахъ въ Англійи возникло движеніе противъ т. наз. sweating-system, господствующей въ области домашней промышленности, главнымъ образомъ въ производствѣ платья и обуви. Характерную особенность

¹⁾ Веббъ, т. I стр. 333—35. т. II стр. 592.

²⁾ Веббъ, т. II, стр. 438—443.

sweating'a усматривали въ существованіи посредниковъ (contractor, sweater), которые получаютъ скроенный матеріалъ отъ скупщика и нанимаютъ уже отъ себя рабочихъ, производящихъ товаръ либо въ мастерской посредника, либо у себя на дому. Въ этой „потогонной“ системѣ усматривали нѣчто новое, впервые возникшее въ половинѣ XIX вѣка, и бѣдственное положеніе рабочихъ приводили въ связь съ существованіемъ эксплуатирующаго ихъ посредника ¹⁾. Вслѣдствіе этого, палата общинъ приняла въ 1891 г. резолюцію, согласно которой обязанностью правительства является при заключеніи ею договоровъ на подряды и поставки не допускать системы посредничества, обязывая подрядчика непосредственно нанимать рабочихъ, а не передавать заказъ другому предпринимателю. Однако, вскорѣ выяснилась и неправильность такой точки зрѣнія на потогонную систему вообще и недостаточность подобной мѣры для борьбы съ ней въ частности.

Прежде всего оказалось, что „обычай раздачи работы на домъ рабочимъ не есть явленіе новое и развивающееся, а наоборотъ лишь пережитокъ прежде господствовавшей системы“. Какъ видно изъ „Исторіи трэдъ-юніонизма“ Вебба, домашняя промышленность составляла общераспространенную форму производства въ Англіи въ XVII—XVIII ст. въ суконномъ, чулочномъ, шелкоткацкомъ и др. промыслахъ ²⁾. Возникнувъ въ Англіи въ XIV вѣкѣ въ суконной промышленности, эта форма производства (работа мастера у себя на дому на скупщика—предпринимателя) приняла въ XVII—XVIII ст. широкіе размѣры и законъ 1749 г., касающійся рабочихъ, занятыхъ въ домашней промышленности (рѣчь идетъ объ утайкѣ ими полученнаго матеріала), упоминаетъ о рабочихъ въ войлочномъ и шапочномъ производствахъ, въ шерстяной, полотняной, бумазейной, хлопчатобумажной шелковой, желѣзной, кожевенной промышленности, въ

¹⁾ См. такого рода опредѣленія и въ Report of the committee on manufactures on the Sweatingsystem. Washington 1893.

²⁾ Webb. History of Trade-Unionism. Chap. I.

³⁾ Эшли. Экономическая исторія Англіи. Спб. 1897. Стр. 492 и сл. Lohmann. Die staatliche Regelung des englischen Wollengewerbes vom XV—XVIII Jahrh. Leipzig. 1900. p. 2 и сл.

скорняжномъ, пеньковомъ и льняномъ промыслахъ ¹⁾. Мало того, между рабочими на дому и скупщиками—предпринимателями и тогда уже стоялъ значительный классъ посредниковъ, распредѣлявшихъ матеріалъ и заказы между рабочими; въ англійской шелковой промышленности XVII ст. напр. такіе undertakers были широко распространены ²⁾. Еще болѣе извѣстной является въ этомъ отношеніи система, господствующая съ давнихъ поръ въ лионской шелковой промышленности, гдѣ посредникомъ между предпринимателемъ и рабочимъ является chef d'atelier, получающій заказы отъ скупщика и въ своей мастерской занимающій рабочихъ ³⁾. Сообщаемые Фридрихомъ Энгельсомъ въ 1845 г. факты сильнѣйшей эксплуатаціи лондонскихъ швей также относятся къ этой системѣ производства; тамъ рѣчь идетъ о работникахъ, которымъ раздаетъ матеріалъ предприниматель, получающій его отъ другого лица и отвѣтственный предъ послѣднимъ, за что ему причитается извѣстная сумма на каждой штукѣ товара ⁴⁾.

Наконецъ, и это наиболѣе важно—если система посредничества въ домашней промышленности и составляетъ особый видъ производства, то въ социальномъ отношеніи этотъ признакъ представляется несущественнымъ и выжиманіе пота вовсе не обусловливается наличностью его. Энгельсъ (какъ и Марксъ) вовсе не обратилъ вниманія на это обстоятельство. Другіе же писатели—не только Макъ-Куллохъ, но и такіе сторонники социальныхъ реформъ, какъ Кэрнсъ и Торнтонъ, а также люди практической жизни какъ Денни и Брассей—какъ указываетъ Давидъ Шлоссъ въ своемъ сочиненіи о формахъ заработной платы—высказывались весьма благопріятно о системѣ посредническаго подряда, горячо защищая эту систему и находя ее благодѣтельной для ра-

¹⁾ Held. Zwei Bücher zur sozialen Geschichte Englands. p. 560. Подробно о развитіи домашней промышленности въ XVI—XVIII ст. и всеобщемъ распространеніи ея въ эту эпоху см. т. I. Эвол. приб., стр. 513—597.

²⁾ Held. p. 558.

³⁾ См. Godart. L'ouvrier en soie. 1899 Pariset.

⁴⁾ Engels. Die Lage der arbeitenden Klasse in England. 2. Aufl. p. 213. Много фактовъ относительно существованія системы посредниковъ въ лондонскомъ портняжномъ промыслѣ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ XIX вѣка приводитъ Lagons. Revue d'économie positive 1899.

бочаго люда. Ихъ взгляды—продолжаетъ Шлоссъ—должны насъ особенно поразить, „если мы припомнимъ, что этотъ самый способъ вознагражденія труда, подъ зловѣщимъ названіемъ потогонной системы возбудилъ въ послѣдніе годы небывалое негодование общества и составилъ предметъ разслѣдованія со стороны особаго комитета палаты лордовъ... Однако, хотя характеръ разслѣдованія, производившагося упомянутымъ комитетомъ лордовъ, былъ таковъ, что изъ него, насколько возможно, были исключены всѣ случаи посредничества, въ которыхъ рабочій людъ не высказывалъ никакихъ жалобъ на притѣсненія,—тѣмъ не менѣе даже изъ показаній, выслушанныхъ комитетомъ, достаточно явствуетъ, что лица, работающія на посредниковъ, не всегда подвергаются въ одинаковой мѣрѣ эксплуатаціи того рода и степени, которой присвоено ходячее названіе „выжиманіе пота“ (sweating)¹⁾. Далѣе онъ приводитъ рядъ показаній, сдѣланныхъ предъ комитетомъ лордовъ 1890 г., изъ которыхъ можно усмотрѣть, что и въ портняжномъ промыслѣ Лондона, даже въ перенаселенномъ Уайтчепелѣ и въ Истѣ-Эндѣ можно найти какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, работающихъ на посредниковъ и находящихся при этомъ въ удовлетворительномъ матеріальномъ положеніи, поскольку они выполняютъ работу, требующую извѣстнаго искусства, хотя большинство, производящее работу, не требующую обученія, вознаграждается весьма скудно. Точно также и въ другихъ мѣстностяхъ (Бирмингемъ, Глазго, Лидсѣ и др.) и промыслахъ можно найти значительное число случаевъ посредничества, не сопровождающагося эксплуатаціей. „Среди многочисленныхъ операцій, на которыя распадается изготовленіе сапога, система посредничества существуетъ въ трехъ: въ производствѣ передковъ („upper-making“), соединеніи передка съ подошвою („lasting“) и отдѣлочной специальности. Въ специальности „lasting“ многіе рабочіе заняты у посредниковъ, находятся въ бѣдственномъ положеніи; въ отдѣлочной несчастное положеніе рабочихъ едва поддается описанію. Но зато въ заготовочной отрасли промысла не слышно никакихъ жалобъ на притѣсненія со стороны посредниковъ...

¹⁾ David Schloss. Methods of industrial remuneration. Рус. пер. Ландау: Формы заработной платы. Изд. Водовозовой. Спб. 1900. Стр. 180 и сл. 184—185.

Въ туфельномъ промыслѣ производство издѣлій низшаго сорта находится въ рукахъ иностранныхъ эмигрантовъ, работающихъ на посредниковъ, причемъ какъ рабочіе, такъ и хозяева ихъ трудятся за самое жалкое вознагражденіе въ теченіе рабочаго дня почти невѣроятной длины. Но женщины и дѣти, нанимаемыя англійскими рабочими, изготовляющими туфли высшаго качества, отнюдь не могутъ жаловаться на условія труда¹⁾.

Если такимъ образомъ во многихъ случаяхъ система посредничества не связана съ выжиманіемъ пота, то съ другой стороны—по словамъ Шлосса и другихъ изслѣдователей—можно найти примѣры чрезвычайной эксплуатаціи рабочихъ при отсутствіи посредниковъ, можно найти факты, гдѣ „самая худшая работа берется прямо отъ оптовыхъ фирмъ“ и гдѣ „наиболѣе низко оплачиваемой работой является не та, которую берутся сдѣлать посредники, а раздаваемая оптовыми фирмами непосредственно рабочимъ, производящимъ ее у себя на дому“²⁾. И другіе знатоки англійской промышленности и рабочаго вопроса, какъ напр., Чарльзъ Бутсъ, супруги Веббъ, пришли къ тому выводу, что причина бѣдственнаго положенія преимущественно лондонскихъ рабочихъ въ портняжномъ, сапожномъ и другихъ промыслахъ заключается не въ существованіи посредниковъ, а гораздо болѣе въ самомъ характерѣ домашней промышленности и что потогонная система и система посредничества вовсе не есть одно и то же³⁾.

Отчетъ Select Committee устанавливаетъ слѣдующіе три характерныхъ признака sweating'a: заработную плату, не соответствующую потребностямъ рабочаго и производимому имъ труду, чрезмѣрно длинный рабочий день и производство работы въ нездоровыхъ помѣщеніяхъ⁴⁾. Швидландъ справедливо указываетъ на то что слово „sweating“ обозначаетъ ничто иное какъ эксплуатацію и что англичанинъ

¹⁾ Шлоссъ, стр. 186 и сл. 196. 198.

²⁾ Шлоссъ, стр. 211—213. Фактъ такого рода приводитъ Cotelle. Le sweating-system p. 98 и сл.

³⁾ Beatrice Potter (Webb). The Lords and the Sweating System. Nintenth Century. Iuin. 1890.

⁴⁾ Emile Bru. Essai sur la réglementation du travail à domicile. Paris. 1903. p. 115.

этимъ выражаетъ не болѣе, чѣмъ французъ словами: „*pois sommes sangsurés*“ (*sang*—плавка ¹⁾). А Ностицъ и Котелль обращаютъ вниманіе на то обстоятельство, что ужасное положеніе англійскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ до половины XIX вѣка было именно результатомъ господства потогонной системы, которая впоследствии въ крупной промышленности прекратилась ²⁾. Иначе говоря, потогонную систему или систему эксплуатаціи рабочихъ мы имѣемъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ предприниматель извлекаетъ прибыль изъ труда самого рабочаго, приставленнаго ли къ машинѣ или работающаго руками, гдѣ онъ лишень возможности получать прибыль изъ творческаго труда, воплощеннаго въ изобрѣтеніяхъ, или не довольствуется (или не можетъ довольствоваться) прибылью, доставляемою творческимъ трудомъ. Съ этой точки зрѣнія *sweating* совпадаетъ съ отнятіемъ у рабочаго части произведеннаго имъ продукта и господствуетъ во всѣхъ тѣхъ предпріятіяхъ, въ которыхъ прибыль, выручаемая изъ труда рабочаго, играетъ существенную роль, въ отличіе отъ тѣхъ предпріятій фабрично-заводской промышленности, гдѣ источникомъ прибыли является исключительно или почти исключительно творческій трудъ.

Мы называемъ „*sweating*“ извлеченіе изъ работы всякой несправедливой прибыли, которая при другихъ условіяхъ пошла бы такъ или иначе въ пользу труда, вложеннаго въ эту работу,—говорилъ секретарь вестъ-эндскаго отдѣленія союза мебельщиковъ Парнелль ³⁾. Не подлежитъ сомнѣнію, что дѣйствительно прибыль, извлекаемая посредниками, поскольку таковыя существуютъ въ средѣ домашней промышленности, могла бы быть вовсе устранена посредствомъ вытѣсненія этихъ посредниковъ, что въ Англии достигнуто во многихъ случаяхъ ⁴⁾. Но неслѣдуетъ также упускать изъ виду; что посредникъ нерѣдко работаетъ такъ же тяжело, какъ и

¹⁾ Schwiedland. *Ziele und Wege einer Heimarbeitgesetzgebung*. 2 Aufl. Wien. 1903. p. 64.

²⁾ Nostitz. *Das Aufsteigen des Arbeiterstandes in England*. p. 591. Cotella. *Le sweating-system*. 2. éd. 1904. p. 15.

³⁾ Шлоссъ, стр. 206.

⁴⁾ См. Adolphe Smith. *Das Sweating-System in England*. *Archiv für soziale Gesetzgebung*. B. IX. p. 419. и сл.

нанимаемые имъ рабочіе, и при этомъ выработываетъ гроши ¹⁾. „Мелкій sweater — говоритъ Маршалль — берущій подрядъ по низкой цѣнѣ, часто трудится больше простого рабочаго и выручаетъ меньшій чистый доходъ“ ²⁾. Тамъ, гдѣ sweater наживаетъ хорошіе барыши—заявила миссъ Поттеръ (Веббъ) въ комитетѣ лордовъ—можно принять за общее правило, что онъ хорошо платитъ своимъ рабочимъ. Въ производствѣ издѣлій низшаго сорта онъ наживаетъ меньше, думается мнѣ, чѣмъ его же машинисты (т. е. работающіе на машинахъ) и гладильщики. Мнѣ доподлинно извѣстно—прибавляетъ Шлоссъ,—что со времени уничтоженія системы посредничества въ сапожномъ промыслѣ прежнія мастерскія—sweater'a стали зарабатывать въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ качествѣ обыкновенныхъ рабочихъ больше, чѣмъ они выручали прежде, когда были мелкими предпринимателями и вознагражденіе ихъ заключалось въ прибыли ³⁾.

Да и самъ скупщикъ въ сущности вовсе не является тѣмъ кровопійцей, какимъ онъ кажется на первый взглядъ; причину эксплуатаціи рабочихъ надо искать въ условіяхъ конкуренціи и въ характерѣ производства: цѣна производимыхъ предметовъ упала столь низко, что вообще при данномъ способѣ производства сколько-нибудь спосное существованіе, немислимо. Посредникъ, поскольку онъ существуетъ, получаетъ за доставляемый скупщику продуктъ меньше, чѣмъ прежде уплачивалось непосредственно рабочимъ, скупщикъ же на каждомъ предметѣ наживаетъ лишь ничтожную сумму. „Въ производствѣ готоваго платья—читаемъ у Веббъ напр. — бываетъ иногда лишь одна категория скупщиковъ—капиталистовъ, являющихся посредниками между эксплуатируемыми жепщинами—панталонщицами и покупателемъ - потребителемъ. Эти крупные торговцы платьемъ имѣютъ огромнѣйшіе доходы, но они зарабатываютъ лишь ничтожнѣйшую сумму на каждой парѣ панталонъ или на каждомъ дѣтскомъ костюмѣ. Ихъ успѣхъ обусловливается тѣмъ, что они имѣютъ колоссальныя предпріятія, продаютъ ежегодно милліоны штукъ платья и оборачиваютъ свой сравнительно небольшой капиталъ съ

¹⁾ Вич. р. 72. Cotelle p. 10.

²⁾ Marshall. Principles. p. 641.

³⁾ Шлоссъ, стр. 221—222.

поразительною быстротою. Даже если имъ тяжело видѣть, что женщины, которымъ они сдаютъ свои миллионы штукъ платя, зарабатываютъ лишь отъ 6 до 10 шиллинговъ въ недѣлю, они не могутъ значительно повысить ихъ заработную плату, даже отказываясь отъ всей своей прибыли, потому что послѣдняя составляетъ, быть можетъ, лишь одинъ пенсъ на штуку¹⁾. Какъ мы видимъ, вся суть здѣсь въ сильномъ пониженіи цѣнъ на предметы, изготовляемые въ домашней промышленности; прибыль, какъ извлекаемая скупщикомъ, такъ и получаемая посредникомъ, будучи выражена въ процентахъ, оказывается совершенно минимальной и достигаетъ значительной суммы лишь потому и постольку, поскольку совершаются быстрые обороты и производится и сбывается огромное количество предметовъ. Поэтому-то въ результатъ устраненіе посредниковъ не можетъ привести къ увеличенію заработной платы въ сколько нибудь ощутительныхъ размѣрахъ и этого нельзя было бы достигнуть даже при отсутствіи прибыли, выручаемой скупщикомъ. Sweating есть ничто иное какъ борьба мелкаго мастера съ крупнымъ механическимъ производствомъ²⁾. Въ XVII—XVIII ст., когда цѣны на изготовляемые въ сферѣ домашней промышленности предметы стояли высоко, прибыль скупщика составляла значительный вычетъ изъ продукта рабочаго, къ которому присоединялся не менѣе чувствительный вычетъ въ видѣ прибыли посредника. Если бы рабочій получалъ въ тѣ времена всю цѣну, уплачиваемую потребителемъ, онъ несомнѣнно находился бы въ столь же благопріятномъ положеніи, какъ и цеховой мастеръ въ средніе вѣка. Не то въ XIX вѣкѣ: теперь цѣна настолько упала, что рабочему въ кустарной промышленности приходится отдавать значительную часть своего труда задаромъ потребителю въ видѣ постепенно понижающейся цѣны. То огромное паденіе цѣнъ на фабрикаты, которое произошло въ теченіе XIX вѣка, подѣйствовало самымъ губительнымъ образомъ на кустарную промышленность: та самая часть, которую—благодаря пониженію цѣнъ—потребитель въ сферѣ фабричной промышленности получаетъ въ видѣ продукта творческаго труда изобрѣтателя, составляетъ въ области домашней промышлен-

¹⁾ Веббъ, т. II. стр. 545.

²⁾ Cotelle p. 11.

ности продуктъ физическаго труда самого рабочаго. Пониженіе цѣнъ на фабрики со времени введенія машинъ и двигателей въ промышленности, которое нисколько не отразилось на фабричныхъ рабочихъ въ качествѣ производителей, обрушилось всей своей тяжестью на рабочихъ въ области домашней промышленности и во многихъ случаяхъ успѣло уже задавить ихъ. По сравненію съ этой частью продукта, выплачиваемой потребителю, вычеты въ пользу скупщика и посредника не могутъ имѣть существеннаго значенія.

Жоржъ Леви поэтому вполне правильно указываетъ на то, что если sweating и можетъ имѣть мѣсто въ самыхъ различныхъ формахъ производства, то главнымъ очагомъ его распространенія является домашняя промышленность, и прежде всего производство одежды, бѣлья, обуви, мебели, игрушекъ ¹⁾. Въ Англии обратили главное вниманіе на промыселъ изготовленія платья и бѣлья съ господствующей въ немъ системой посредничества, ибо всѣ остальные отрасли домашней промышленности успѣли уже погибнуть и въ настоящее время сохранились лишь воспоминанія этой когда-то широко распространенной въ Англии формы производства ²⁾, причемъ повсюду, гдѣ она еще существуетъ

¹⁾ Levy Le travail à domicile. 1904. p. 39.

²⁾ Въ текстильной индустриі, гдѣ она прежде была наиболѣе распространена, мы находимъ лишь жалкіе остатки. Въ хлопчатобумажной промышленности осталась какая-нибудь сотня ткачей, работающихъ на дому въ Ланкаширѣ; въ шерстяной промышленности 400—500 ткачей въ Йоркширѣ. Въ сферѣ шелковой индустриі, если не считать единичныхъ ткачей, живущихъ въ окрестностяхъ Ковентри, кустарное производство сохранилось въ двухъ мѣстностяхъ: въ Мекльсфильдѣ и въ Спитальфильдѣ около Лондона. „Однако въ Лондонѣ — говоритъ Броднитцъ — мы имѣемъ передъ собою совершенно своеобразныя условія, благодаря которымъ и оставшіеся еще кустари должны погибнуть въ непродолжительномъ времени. Если они до сихъ поръ существуютъ, то лишь потому, что здѣсь выдѣляются особенно изящные и цѣнные предметы, какъ напр., извѣстные всѣмъ галтухи, которые продаются во всѣхъ большихъ галантерейныхъ магазинахъ Лондона и стоятъ 10—12 шилл. штука. Спитальфильдскіе кустари состоятъ, однако, почти исключительно изъ пожилыхъ рабочихъ и стариковъ: въ концѣ 90-хъ годовъ — по вычисленіямъ Бутса — въ возрастѣ 45—65 лѣтъ было 41,8 проц. этихъ рабочихъ, а въ возрастѣ свыше 65 лѣтъ — 31,4 проц. Такъ какъ молодое поколѣніе не берется болѣе за этотъ промыселъ, то онъ несомнѣнно въ скоромъ времени совершенно вымретъ“. Точно также

и вынуждена конкурировать съ фабрично-заводскимъ производствомъ, она основывается на потогонной системѣ. На континентѣ Европы бѣдствующее положеніе рабочихъ въ сильно распространяющемся производствѣ платья на дому также обратило на себя вниманіе ¹⁾; однако, рядомъ съ „новыми“ промыслами, гдѣ домашняя промышленность возникла сравнительно недавно изъ ремесла и возрастаетъ на счетъ послѣдняго, здѣсь существуютъ еще въ значительной мѣрѣ старыя отрасли производства. Поэтому здѣсь съ самаго начала шла рѣчь о домашней промышленности вообще, какъ влекущей за собой крайне неблагоприятное положеніе рабочаго населенія, и былъ по-

и въ льняной промышленности находимъ лишь немногихъ ткачей въ Лонгдалѣ, а въ кружевномъ промыслѣ—кустарей въ Бедфордширѣ и Букингемѣ, причемъ въ производствѣ кружевъ, въ которомъ считывалось свыше 150 тыс. рабочихъ въ 1800 г. и около 120 тыс. въ 1830 г., въ настоящее время сохранилось всего нѣсколько тысячъ рабочихъ на дому. Только чулочный промыселъ еще сохранился въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, а въ послѣднее время число кустарей въ этомъ производствѣ даже увеличилось (Brodnicz. Vergleichende Studien. p. 18—19). Комиссія палаты лордовъ по изслѣдованію sweating-system 1890 года—читаемъ у Веббовъ—нашла, что рабочіе занятые производствомъ цѣпей и гвоздей въ Black Country; рабочіе, занятые производствомъ брюкъ и „костюмовъ для подростковъ“ въ Истѣ-Лондонѣ; мебельщики, работающіе на чердакахъ въ Bethal Green; работающіе по своимъ набамъ сапожники въ деревняхъ Лестершира; наконецъ—что еще болѣе замѣчательно—работающіе внѣ фабрики квалифицированные ножевщики Шеффилда — всѣ они страдаютъ до такой степени, которая врядъ ли поддается преувеличенію, страдаютъ отъ того, что ихъ заработки едва ли хватаютъ для поддержанія существованія; рабочій день такъ дологъ, что жизнь рабочихъ превращается въ почти непрерывный, тяжелый и до послѣдней степени безотрадный трудъ; санитарныя условія вредно вліяютъ на здоровье занятыхъ лицъ и опасны для общества. Въ каждомъ изъ тѣхъ промысловъ, въ которыхъ преобладаетъ, по докладу этой комиссіи, система „sweating“, было обнаружено существованіе домашней работы“ (Веббъ. Т. II, стр. 441).

¹⁾ См. Oda Olberg. Das Elend in der Hausindustrie der Konfektion. 1896. Dyhrenfurth. Die hausindustriellen Arbeiterinnen in der Berliner Blusen-Unterrock-Schürzen-und Trikotkonfektion. Leipzig. 1898. (Schmollers Forschungen) I. Timm. Das Sweatingsystem in der deutschen Konfektionsindustrie. 1895. Ch. Génart. L'industrie du vêtement à Bruxelles. 1899. Ch. Benoist. Les ouvrières de l'aiguille. 1895. Marousem. Le vêtement à Paris. 1896. (Enquête sur la petite industrie). I. Pope. The Clothing Industrie in New-York. 1905.

ставленъ вопросъ о томъ, какъ устранить эти бѣдственные условія. Обширная анкета, произведенная въ Германіи Verein'омъ für Socialpolitik ¹⁾, установила тотъ фактъ, что положеніе рабочихъ на дому несравненно хуже, чѣмъ на фабрикахъ. Рабочій день обыкновенно крайне продолжителенъ; какъ въ XVII—XVIII ст. и въ первой половинѣ XIX вѣка, такъ и теперь, кустарь сидитъ цѣлый день за работой, съ восхода солнца до поздней ночи, по 16—18 час. въ сутки. Въ тѣхъ самыхъ отрасляхъ производства, гдѣ рабочій день на фабрикѣ продолжается 10—11 час., онъ въ кустарной промышленности длится не менѣе 14—15 часовъ. Въ то же время плата низка. „Жалобы на низкій заработокъ, который даетъ возможность лишь жалкаго существованія—читаемъ у Стида—имѣютъ всеобщій характеръ, къ чему присоединяются еще сильныя колебанія; въ зависимости отъ конъюнктуръ плата то повышается, то понижается до такихъ размѣровъ, что становится непонятнымъ, какъ рабочіе могутъ существовать при подобныхъ условіяхъ“. Вслѣдствіе этого все питаніе рабочихъ состоитъ изъ одного картофеля. Картофель и только картофель въ различныхъ видахъ—таковъ общій голосъ. Перемѣны въ положеніи рынка приводятъ однако не только къ паденію платы ниже всякаго Existenzminimum'a, но и къ лишенію заработка вообще: въ то время, когда фабрики еще продолжаютъ работать, скупщики уже прекращаютъ производство. „Въ отношеніи продолжительности рабочаго дня, высоты платы, гигиеническихъ условій работы положеніе кустарей хуже, нежели фабричныхъ рабочихъ, а при наступленіи кризиса они обречены на голодъ гораздо раньше, чѣмъ рабочіе на фабрикахъ“. Къ этому присоединяется еще сильная эксплуатация дѣтскаго труда,—трудомъ дѣтей пользуются въ обширныхъ размѣрахъ сами же родители, вынужденные къ этому низкимъ уровнемъ заработка ²⁾.

И въ домашней промышленности Швейцаріи заработная плата по общему правилу значительно ниже, чѣмъ на фабрикахъ: и въ шелковой промышленности и въ башмачномъ

¹⁾ Schriften des Vereins für Socialpolitik. B. 40. 41. 42. Die deutsche Hausindustrie. Leipzig. 1889—1890.

²⁾ Stieda. Schriften des Vereins für Socialpolitik. B. 39. Die deutsche Hausindustrie. B. I p. 76—77. 79—80. 95. 103—106.

промыслѣ, и въ производствѣ часовъ, и въ производствѣ соломенныхъ издѣлій—повсюду заработная плата кустарей гораздо ниже, чѣмъ плата фабричныхъ рабочихъ тѣхъ же специальностей, причѣмъ посредники между скупщикомъ и рабочими и въ Швейцаріи вызываютъ много нареканий ¹⁾. „Фактъ тотъ—говоритъ Шулеръ,—что нѣкоторыя отрасли производства приняли форму домашней промышленности исключительно по той причинѣ, что въ этомъ случаѣ изготовленіе продукта обходится дешевле; поэтому въ падающихъ промыслахъ предприниматели стали раздавать работу на домъ, цѣликомъ или по крайней мѣрѣ въ тѣхъ частяхъ, гдѣ производство можетъ имѣть мѣсто на дому съ такимъ же успѣхомъ, какъ на фабрикѣ ²⁾“. Общій заработокъ домашнихъ рабочихъ ниже чѣмъ фабричныхъ, несмотря на то, что продолжительность рабочаго дня въ первомъ случаѣ несравненно больше и работа производится не однимъ лицомъ, а при участіи и другихъ членовъ семьи, въ особенности дѣтей. Въ то время какъ для фабрикъ установленъ максимальный рабочій день въ 11 час., а въ дѣйствительности онъ еще ниже, кустари работаютъ въ портняжномъ промыслѣ 13—14 час., въ корзиночномъ 15—16, а въ шелковомъ и вышивальномъ и до 18 час. въ сутки, притомъ не только взрослые, но и дѣти 10—12 лѣтъ. Послѣдніе особенно эксплуатируются въ вышивальномъ, ленточномъ, соломенномъ, табачномъ промыслахъ ³⁾.

Точно также въ бельгійской домашней промышленности ⁴⁾ болѣе низкій, по сравненію съ фабрикой, заработокъ является вознагражденіемъ за значительно болѣе продолжительный рабочій день, чѣмъ въ фабричной промышленности: если во время оживленнаго состоянія дѣль рабочій день удлиняется до 14—15 час., то въ обычное время онъ равняется обыкновенно 12 час. дѣйствительной работы; между

¹⁾ Schuler. Die schweizerische Hausindustrie. Bern. 1902. p. 9—10. 23. 27. 31.

²⁾ Ibid. p. 36.

³⁾ Schüler. p. 11. 17—20. 25—26. 28. 30. 34. Wartmann. Industrie und Handel im Kanton St. Gallen 1867—1880. p. 181.

⁴⁾ Цѣнные данныя даетъ анкета, произведенная брюссельскимъ Office de travail. Le travail à domicile. (Пока вышло—до 1906 г.—7 томовъ описаній различныхъ кустарныхъ промысловъ).

тѣмъ какъ на фабрикахъ 12 час. составляетъ почти максимальную продолжительность (всего 2 проц. работаетъ болѣе 12 час. и 6 проц. $11\frac{1}{2}$ —12 час., тогда какъ половина всѣхъ рабочихъ 9— $10\frac{1}{2}$ час., а 10 проц. менѣе 9 час.). Но едва ли эта эксплуатація труда рабочихъ совершается въ пользу предпринимателя. „Мелкіе фабриканты, посредники или хозяйчики въ ткацкомъ, оружейномъ и перчаточномъ промыслахъ держатъ мелочныя лавочки, въ которыхъ работающіе на нихъ кустари считаютъ себя обязанными пріобрѣтать нужные имъ предметы потребленія. У нѣкоторыхъ хозяевъ эти предметы не дороже и не хуже, чѣмъ въ другихъ лавкахъ; болѣе же часть хозяевъ отпускаетъ своимъ рабочимъ худшій или болѣе дорогой товаръ. Повидимому, только путемъ такой системы пополненія своихъ доходовъ нѣкоторые предприниматели и сводятъ концы съ концами...“¹⁾

VI.

При такихъ условіяхъ вполне понятно, что домашняя промышленность обречена на гибель. И дѣйствительно, за исключеніемъ немногихъ отраслей, гдѣ она не встрѣчаетъ конкуренціи со стороны фабрики или при одновременномъ существованіи фабричной индустріи пользуется особенно благоприятными условіями, она исчезаетъ, о чемъ свидѣлствуютъ какъ промышленныя переписи германская и бельгійская, такъ и различныя данныя, полученныя путемъ анкетъ²⁾. И едва ли слѣдуетъ сожалѣть объ этомъ—говорятъ

¹⁾ В. В. Кустарные промыслы въ Бельгіи. „Народное Хозяйство“. Стр. 74—78.

²⁾ Въ Германіи съ 1882 г. по 1895 г. общее число кустарей уменьшилось на 16 тыс., а число предпріятій (кустарныхъ заведеній) на $43\frac{1}{2}$ тыс., главнымъ образомъ вслѣдствіе вытѣсненія домашней промышленности фабрикой въ области ткацкаго производства; такъ напр., число домашнихъ ткачей въ шелковой промышленности сократилось на 34 тыс., т. е. на двѣ трети прежняго числа (съ 53 до 19 тыс.), число льно-ткачей на $14\frac{1}{2}$ тыс. (съ 41 до $26\frac{1}{2}$ тыс.), число бумаго-ткачей на 19 тыс. (съ 52 тыс. до 33 тыс.). Это сильное сокращеніе домашней промышленности въ текстильномъ производствѣ и вызвало общее уменьшеніе рабочихъ силъ, занятыхъ въ ней, несмотря на то, что нѣкоторыя отрасли ея развиваются и въ настоящее время на счетъ ремесла. Къ послѣднимъ относятся производство

нерѣдко экономисты: кому нужна эта въ социальномъ отношеніи отсталая форма производства? чѣмъ скорѣе она исчезнетъ со всѣми ея бѣдствіями для рабочаго населенія и очиститъ мѣсто для болѣе совершенныхъ формъ, тѣмъ выгоднѣе и для народнаго хозяйства вообще и для рабочаго населенія въ частности. Но тогда возникаетъ вопросъ, что же дѣлать съ тѣми немногими отраслями домашней промышленности, которыя, какъ въ особенности производство платя и бѣлья, при наличности ли посредниковъ или безъ нихъ, составляютъ исключеніе изъ общаго правила и не только не исчезаютъ, а наоборотъ расширяются,

платя (съ 1882 г. по 1895 г. число лицъ, работающихъ въ портняжномъ промыслѣ на дому, выросло на 39 тыс.) и мебели, гдѣ господствуетъ сильнѣйшая спеціализація.

Въ Швейцаріи домашнее производство играетъ значительно большую роль въ народномъ хозяйствѣ, чѣмъ въ Германіи: здѣсь насчитывается не менѣе 133 тыс. лицъ, занятыхъ кустарными промыслами. Однако, въ теченіе XIX вѣка и въ частности въ послѣднія десятилѣтія число кустарей во многихъ важныхъ отрасляхъ швейцарской промышленности весьма сильно сократилось. Въ хлопчатобумажной индустріи столь распространенное ранѣе пряденье на дому почти совершенно прекратилось, а число ткачей съ 1867 г. по 1883 г. упало съ 42½ тыс. до 15 тыс., остаются лишь старики, молодое поколѣніе переходитъ въ другіе промыслы. Въ шерстяной промышленности рабочихъ на дому въ настоящее время почти нѣтъ, а въ льняной число ихъ сократилось на половину въ теченіе 1882—1900 гг. и составляетъ теперь не болѣе 1300. И двѣ другія нѣкогда весьма важныя отрасли швейцарской кустарной промышленности, производство издѣлій изъ соломы и сигарочный промыселъ весьма сильно сократились; въ первой машины сильно понизили цѣны, въ послѣдней предприниматели предпочитаютъ производство на фабрикѣ подъ собственнымъ надзоромъ. Въ производствѣ часовъ, пользующемся міровой извѣстностью, фабричная работа въ послѣднее время сильно распространяется на счетъ кустарной. Въ 1896 г. насчитывалось 50 тыс. рабочихъ въ этой индустріи, изъ нихъ всего 17 тыс. производило на дому. Наконецъ и въ шелковой промышленности, гдѣ кустарная форма производства существуетъ въ Швейцаріи (подобно льняной, часовой, отчасти и бумажной индустріи) вѣками, фабричное производство въ послѣднее время быстро распространяется. Въ области тканья шелковыхъ матерій число рабочихъ, занятыхъ на дому, въ теченіе 1883—1895 гг. упало съ 30 до 19 тыс. и еще болѣе оно сократилось въ сушильномъ и мотальномъ промыслѣ. Впрочемъ изготовленіе другихъ шелковыхъ издѣлій не сократилось, а отчасти даже расширилось и въ общемъ число лицъ, занятыхъ на

съ тѣми отраслями, гдѣ еще только начинается развитіе домашней формы производства изъ ремесла. Раздаются требованія о полномъ запрещеніи раздачи работы на дому вообще или по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства, гдѣ эксплуатація особенно велика, а между тѣмъ домашняя промышленность все продолжаетъ развиваться. Предложено было не допускать (въ производствѣ одежды и бѣлья) дальнѣйшаго распространенія ея и достигнуть постепеннаго вымиранія этой формы производства посредствомъ установленія

дому, составляетъ въ шелковой промышленности 31 $\frac{1}{2}$ тыс. Вышивальнѣй промыселъ, гдѣ насчитывается свыше 25 тыс.—въ противоположность шелковому—даже расширяется въ послѣдніа десятилѣтіа, однако лишь вслѣдствіе желанія предпринимателей избѣгнуть ограниченій, установленныхъ фабричнымъ законодательствомъ. (См. Schüler. Die schweizerische Hausindustrie. Bern. 1904. Anrooy. Die Hausindustrie in der schweizerischen Seidenstoffweberei. Zürich. 1904. Swaine. Die Arbeits- und Wirtschaftsverhältnisse der Einzelsticker in der Nordostschweiz und Vorarlberg. Strassburg. 1895. (Abhandl. aus dem staatswiss. Sem. zu Strassburg. XIV).

Согласно бельгійской промышленной переписи 1896 г., изъ миліона рабочихъ около 130 тыс. приходится на долю кустарной промышленности, причѣмъ 50 тыс., т. е. болѣе $\frac{1}{2}$, всего числа—почти все женщины—заняты въ кружевномъ и вышивальномъ промыслахъ. Въ теченіе второй половины XIX вѣка домашняя промышленность Бельгіи, подъ вліяніемъ фабрики, сильно сократилась: число льноткачей съ 1840 по 1896 г. упало съ 75 до 11 тыс., въ области льнопряденія производство на дому совершенно исчезло, въ гвоздарномъ, ножевомъ и оружейномъ промыслѣ (за исключеніемъ лишь лютихскаго оружіа) оно исчезаетъ. (См. В. В. ук. соч. Swaine. Die Heimarbeit in der Lütticher Gewehrindustrie. Jahrb. für Nationalök. 1896. В. XII).

Въ Италіи также, согласно переписи 1901 г., насчитывается изъ 5.600.000 промышленныхъ рабочихъ не болѣе 117 тыс., работающихъ на дому, среди нихъ 70 тыс. женщинъ. Двѣ трети всѣхъ рабочихъ, занятыхъ въ домашней промышленности, приходится на производство платья, бѣлья и обуви (75 тыс. при почти 400 тыс. рабочихъ на фабрикахъ). Женщины работаютъ на дому въ значительномъ количествѣ также въ вышивальномъ, бумаготкацкомъ промыслахъ, въ производствѣ льняной и шерстяной пряжи и плетеній изъ соломы (ок. 25 тыс. работницъ на дому въ этихъ промыслахъ и 130 тыс. на фабрикахъ), мужчины же въ этихъ производствахъ работаютъ исключительно на фабрикахъ (помимо промысловъ портняжнаго и сапожнаго, гдѣ ихъ 40 тыс., имѣется всего то 8 тыс. кустарей—мужчинъ). См. Haacke. Die beruflichen Verhältnisse der italienischen Bevölkerung nach den Ergebnissen der Volkszählung von 1901. Jahrbücher für Nationalökonomie. 1905. В. XXX.

особыхъ разрѣшительныхъ свидѣтельствъ и выдачи таковыхъ только тѣмъ, кто до сихъ поръ занимался производствомъ товаровъ на дому ¹⁾, или даже только тѣмъ, кто въ силу домашнихъ обязанностей или физическихъ недостатковъ не въ состояніи работать на фабрикѣ ²⁾. Въ виду указанія на невозможность проведенія такой радикальной мѣры принудительнымъ путемъ (Либкнехтъ находить, что такое постановленіе объ „отмѣнѣ“ домашней промышленности представляется прямо - таки комичнымъ) ³⁾, предлагалось обложить скупщиковъ, раздающихъ работу на домъ, высокимъ спеціальнымъ налогомъ, что должно повести къ замѣнѣ домашняго производства фабричнымъ ⁴⁾. Англійское правительство въ своихъ договорахъ по подрядамъ проводить запрещеніе домашней работы въ производствѣ платья, требуя, чтобы всѣ заказываемые товары производились непременно въ собственномъ помещеніи предпринимателя ⁵⁾, но при болѣе широкомъ запрещеніи домашней промышленности такъ или иначе, прямо или косвенно, есть основаніе опасаться, что многія лица останутся безъ работы (даже при установленіи исключенія въ пользу больныхъ, занятыхъ домашними работами и т. д.), такъ какъ далеко не всѣ скупщики найдутъ для себя выгоднымъ переходъ къ фабричному производству (уничтоженіе ея было бы жестокостью—говорилъ Бебель въ германскомъ рейхстагѣ), или же запрещеніе будетъ обойдено тѣмъ или инымъ путемъ. Нечего говорить, что противъ такихъ мѣръ рѣшительно возстаютъ всѣ тѣ, кто желаетъ, наоборотъ, сохраненія домашней промышленности, усматривая въ этой формѣ производства многія весьма выгодныя, по сравненію съ фабричной работой, стороны какъ результатъ того, что

¹⁾ Проектъ Альфреда Вебера. Hausindustrielle Gesetzgebung und Sweatingsystem in der Konfektionsindustrie. Schmollers Jahrbuch. 1897. и Das Sweatingsystem in der Konfektion und die Vorschläge der Kommission für Arbeiterstatistik. Archiv für soziale Gesetzgebung. 1897.

²⁾ Законопроектъ Пикока въ Викторіи, внесенный въ 1895 г., но отклоненный верхней палатой.

³⁾ Существующее въ Германіи запрещеніе производства фосфорныхъ спичекъ на дому въ дѣйствительности не выполняется.

⁴⁾ Проектъ штата Иллинойсъ.

⁵⁾ Такъ поступаетъ министерство торговли, лондонское полицейское управленіе, лондонскій совѣтъ графства и др.

работа производится на дому въ кругу семьи ¹⁾. Они желали бы, наоборотъ, поддержать ее всячески, причемъ важнымъ средствомъ въ этомъ отношеніи должно явиться примѣненіе двигательной силы (въ особенности электричества) въ домашнемъ производствѣ. Къ сожалѣнію, попытки въ этомъ направленіи оказались неудачными и выяснилась

¹⁾ См. напр. Schoenberg. Handbuch der politischen Oekonomie. 4 Aufl. B. II. p. T. I, p. 490—93. Леви (Le travail à domicile. Des moyens à l'améliorer. Paris. 1903) находитъ преимущества троякаго рода—нравственного, социального и экономического характера; первыя выражаются въ сознаниіи мастеромъ своей самостоятельности, какъ располагающаго своимъ временемъ и трудомъ, въ возможности заниматься въ тоже время своимъ хозяйствомъ и воспитывать и обучать ремеслу дѣтей, вторыя—въ возможности работы для лицъ, которыя не въ состояніи уходить изъ дому или соединять производство товаровъ съ другимъ занятіемъ, въ особенности землѣдѣліемъ, третьи—въ отсутствіи необходимости значительнаго капитала, въ особенности основнаго капитала, который почти совершенно отсутствуетъ, благодаря чему эта форма производства наиболѣе подходитъ для періодическихъ, сезонныхъ работъ, которыя не могутъ производиться на фабрикѣ, гдѣ работа должна происходить непрерывно. Впрочемъ, Леви тутъ же признаетъ и обратную сторону медали: эта экономическая выгода домашней промышленности, дающая скупщику возможность въ любое время прекратить производство и перемѣстить капиталъ въ другія отрасли промышленности, есть ничто иное какъ перенесеніе риска съ предпринимателя на рабочаго, на плечи котораго падаютъ всѣ невыгоды, связанныя съ застоємъ въ сбытѣ товаровъ и съ существованіемъ такъ называемаго мертваго сезона. (p. 31). Весьма проблематичны и другія названныя выше преимущества домашней промышленности, на которыя указываетъ Леви. Такъ, не говоря уже о возможности распоряжаться своимъ временемъ, или вводить улучшения въ производствѣ, въ дѣйствительности рабочій въ домашней промышленности работаетъ (и работаетъ всегда) цѣлый день и еще часть ночи и совершенно не имѣетъ того свободнаго времени, которымъ располагаетъ фабрично-заводскій рабочій, благодаря существованію фабричнаго законодательства; точно также и возможность одновременнаго веденія хозяйства и воспитанія дѣтей оказывается на практикѣ не болѣе, какъ мифомъ. Совершенно невѣрны и, разсужденія о томъ, будто бы работа на дому менѣе вредна для здоровья и менѣе однообразна, вслѣдствіе того, что производство ручное, а не машинное, а поскольку изготовляется цѣлый продуктъ, доставляетъ и болѣе удовлетворенія. Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ: въ то время, какъ надзоръ за машиной требуетъ отъ фабричнаго рабочаго извѣстнаго пониманія, интереса къ работѣ, трудъ кустари является обыкновенно крайне однообразнымъ и не

дороговизна двигательной силы въ случаѣ примѣненія ея въ небольшихъ размѣрахъ ¹⁾. А между тѣмъ только при такихъ условіяхъ мыслимо какъ сохраненіе погибающихъ отраслей домашней промышленности, такъ и улучшеніе условій труда и заработной платы въ другихъ, „новыхъ“ отрасляхъ

дастъ ничего ни уму, ни сердцу. Готовыхъ продуктовъ цѣликомъ рабочій на дому почти никогда не производитъ, въ домашней промышленности всегда господствовало широкое раздѣленіе труда, почему на долю каждаго отдѣльнаго мастера приходится только одна часть работы, состоящая въ монотонномъ повтореніи одной и той же довольно несложной операціи. И такъ это было и въ предыдущія столѣтія, а не только въ XIX вѣкѣ, въ эпоху вытѣсненія домашней промышленности фабрично-заводской. Исключеніе въ смыслѣ характера труда составляютъ только нѣкоторыя отрасли производства, т. н. художественная промышленность. Однако, какъ подчеркиваетъ самъ же Леви, она играетъ въ настоящее время весьма неважную роль; на первомъ планѣ стоитъ производство массовыхъ издѣлій, сбываемыхъ по дешевой цѣнѣ, производство для народныхъ массъ, а не для исключительнаго потребителя, причемъ на художественную сторону обращается крайне мало вниманія. Онъ находитъ желательнымъ изготовленіе въ сферѣ домашней промышленности предметовъ лучшаго качества, но тутъ же прибавляетъ, что это едва-ли выполнимо, такъ какъ такими продуктами интересуется лишь незначительное меньшинство потребителей (стр. 34). Онъ обращаетъ дальѣе вниманіе на необходимость лучшей постановки профессиональнаго образованія именно въ области домашней промышленности. Дѣйствительно, здѣсь не только эксплуатація дѣтей и подростковъ гораздо сильнѣе, но и обученіе ихъ несравненно хуже, чѣмъ въ фабричной промышленности, несмотря на то, что они работаютъ подъ надзоромъ родителей, которые могутъ ихъ тутъ же и обучать. Они сами ничему не обучались, да и не имѣютъ для этого свободнаго времени, они также не въ состояніи посылать дѣтей въ промышленное училище, такъ какъ нуждаются въ ихъ поддержкѣ.

¹⁾ См. Dubois et Julin. Les moteurs électriques dans l'industrie à domicile (Horlogerie suisse. Tissage de la soie à Lyon. Rubanerie stéphanoise). 1902. Lévy. Le travail à domicile. 1904. Ansiaux. Que faut il faire pour nos industries à domicile. Bruxelles. 1904. Grothe. Ueber die Bedeutung der kleinen Motoren als Hilfsmaschinen für das Kleingewerbe. Schmollers Jahrbuch. 1884. Albrecht. Die volkswirtschaftliche Bedeutung der Kleinkraftmaschinen. Schmollers Jahrbuch. 1889. Bücher. Entstehung der Volkswirtschaft (Art. Niedergang des Handwerks). Zoepfl. Nationalökonomie der technischen Betriebskraft. (Die technischen Betriebskräfte und der gewerbliche Kleinbetrieb). Brants. La petite industrie contemporaine. 2 éd. Paris. 1902. (Les machines et la force motrice).

производства на дому, мыслимо осуществленіе законодательныхъ нормъ объ охранѣ труда въ сферѣ домашняго производства. Ибо лишь въ случаѣ примѣненія техническихъ изобрѣтеній является возможность выдавать потребителю въ пониженной, по сравненію съ болѣе ранними періодами, цѣнѣ продукта тотъ же творческій трудъ, какой онъ получаетъ въ продуктахъ фабрично-заводской индустріи и сохранить въ пользу участниковъ въ производствѣ весь продуктъ, создаваемый физическимъ (исполнительнымъ) трудомъ. При такихъ условіяхъ законодательство можетъ различными мѣропріятіями увеличить ту часть этого продукта, которая поступаетъ въ пользу рабочаго. Все это недостижимо, если рѣчь идетъ не о примѣненіи творческаго труда, а только объ улучшеніи условій жизни рабочихъ въ домашней промышленности. Въ этомъ случаѣ количество продукта, остающееся въ пользу участниковъ въ производствѣ, не возрастаетъ, потребителю передается по прежнему безвозмездно не творческій, а физическій трудъ, и очевидно всякая мѣра, клонящаяся къ улучшенію матеріальныхъ условій жизни рабочаго, должна вызвать соответствующее сокращеніе прибыли предпринимателя. Она приведетъ, слѣдовательно, къ тому, что раздача работы на домъ станетъ для него невыгодной и должна имѣть конечнымъ результатомъ то самое уничтоженіе домашней промышленности, котораго другіе предлагаютъ достигнуть путь непосредственнаго запрещенія и котораго сторонники примѣненія къ домашней промышленности мѣръ соціальной политики вовсе не желаютъ. Только съ такой точки зрѣнія можно смотрѣть, какъ на предложенія организациі рабочихъ домашней промышленности ¹⁾, такъ и на проектъ установленія для нихъ

¹⁾ Предложеніе Боннев (Les ouvrières lyonnaises travaillant à domicile. Paris. 1896), Бутса (см. Schwiedland. p. 112). Котелля (I. е. p. 258 и сл.). Швидландъ указываетъ на то, что кустари стоятъ слишкомъ низко въ умственномъ отношеніи, слишкомъ бѣдны и живутъ слишкомъ изолированно другъ отъ друга, чтобы они были въ состояніи дѣйствовать сообща (p. 109). При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что большинство кустарей составляютъ женщины (въ Бельгіи 63 проц., въ Германіи 44 проц.), причѣмъ въ тѣхъ именно промыслахъ, гдѣ эксплуатація особенно велика (производство платья, бѣлья), количество женщинъ составляетъ нерѣдко 80—90 проц., между тѣмъ даже среди работницъ въ

минимальной заработной платы ¹⁾; лишь мѣры санитарнаго характера, чуть ли не единственныя до сихъ поръ принятыя въ различныхъ государствахъ ^{2) 3)}, поскольку

фабричной промышленности лишь съ большимъ трудомъ возникаютъ союзы. Пока попытки организациі домашнихъ рабочихъ оказались лишь въ немногихъ случаяхъ удачными; 2—3 союза существуетъ въ Англии, есть союзъ рабочихъ въ брусельскомъ перчаточномъ промыслѣ, въ Лионѣ, но всѣ они весьма малочисленны. (См. Bru. Essai sur la réglementation du travail à domicile, p. 289 и сл.).

¹⁾ См. проектъ Дюренфуртъ въ *Jahrbücher für Nationalökonomie (Die weibliche Heimarbeit)*. III. Folge. B. XXIX. p. 33 и сл. О характерѣ минимальной платы въ Австралии см. Schwiedland. *Heimarbeitsgesetzgebung*, p. 198 и сл. и его статью въ *Schmollers Jahrbuch*. 1901. (*Behördliche Mindestlohnsatzungen in Australien*), а также Albert Métin. *La question ouvrière en Australie et en Nouvelle-Zélande*. 1901.

²⁾ См. Fanuquet. *Essai sur le travail en chambre considéré au point de vue sanitaire*. Paris. 1898. Schwiedland. *Travail en chambre et police sanitaire*. *Révue d'économie politique*, 1900. Bonnevay, ук. соч. Levasseur. *L'ouvrier américain*. Т. II и его же *Le sweating système au Etats-Unis*. *Révue d'écon. polit.* 1896.

³⁾ Законодательство о трудѣ въ области домашней промышленности (различныхъ государствъ) приведено почти полностью у Швидланда (p 270—330). Изъ него мы можемъ усмотрѣть, что въ Соединенныхъ Штатахъ установлена почти повсюду регистрація рабочихъ на дому, причеиъ для лицъ, не принадлежащихъ къ семьѣ обязательно испрошеніе разрѣшенія инспекціи, которое дается лишь въ случаѣ выполнения извѣстныхъ правилъ санитарнаго характера; въ нѣкоторыхъ штатахъ такое разрѣшеніе необходимо и для членовъ семьи, всѣмъ же остальнымъ лицамъ, не входящимъ въ составъ семьи, вовсе запрещено производство на дому, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства; наконецъ, установлена отвѣтственность какъ скупщика—предпринимателя, такъ и домовладѣльца за точное выполнение законодательныхъ постановленій. Регламентация домашней промышленности введена также въ Англии и ея австралийскихъ колоніяхъ, въ особенности въ Викторіи и Новой Зеландіи, а равно въ Канадѣ—распространены на домашнюю промышленность правила относительно инспекціи, веденія предпринимателями списковъ лицъ, работающихъ на нихъ, и выдаваемаго имъ платы, относительно фабричной гигиены, а въ Австралиі образованы спеціальныя комиссіи, опредѣляющія высоту заработной платы рабочихъ, и даже запрещена работа на дому въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Въ Германіи подчинены инспекціи закономъ 1897 года помѣщенія, гдѣ производятся на дому бѣлье и платье, и на нихъ распространены постановленія, касающіяся заработной платы и защиты жизни, здоровья и нравственности рабочихъ, существующія въ сферѣ фабрично-заводской промышленности. Въ Швейцаріи въ однихъ

онѣ не вызываютъ дополнительныхъ расходовъ со стороны предпринимателя, имѣютъ послѣдствіемъ дѣйствительно социальную реформу, а не уничтоженіе домашней промышленности.

Въ области домашней промышленности существуетъ сильнѣйшая эксплуатація рабочихъ, но плодами ея пользуется прежде всего потребитель и въ гораздо меньшей мѣрѣ предприниматель или посредникъ. Еще болѣе рѣзко эта черта выступаетъ наружу въ области ремесла. Какъ бы мы ни отнеслись къ предказаніямъ относительно будущаго ремесленной формы производства, будемъ ли мы утверждать вмѣстѣ съ Зомбартомъ, что ремесло терпитъ поражение по всей линіи ¹⁾, или повѣримъ Бюхеру, что въ сельскихъ мѣстностяхъ ремесло сохранится и въ будущемъ ²⁾ или будемъ, наконецъ, держаться еще болѣе оптимистическихъ взглядовъ, какія напр. высказываютъ Бургенъ ³⁾, Брантсъ ⁴⁾, Мендельсонъ ⁵⁾ и др.,—настоящее положеніе его должно быть признано во всякомъ случаѣ весьма печальнымъ. При рабочемъ днѣ въ 12 - 14 часовъ и при участіи членовъ семьи ремесленникъ зарабатываетъ меньше, чѣмъ фабричный рабочій, работающій несравненно меньше часовъ въ день, А это означаетъ, что въ цѣнѣ продукта та часть, которая составляетъ плату за трудъ ремесленника, значи-

кантонахъ (Сантъ-Галленъ, Золотурнъ, Цюрихъ) федеральный законъ относительно продолжительности рабочаго дня, ночного труда и способа выдачи платы распространенъ и на домашнюю промышленность, въ другихъ установленъ санитарный надзоръ за жилищами, гдѣ изготовляются промышленныя издѣлія и существуетъ отвѣтственность скупщика—предпринимателя за соблюденіе санитарныхъ постановленій въ этихъ помѣщеніяхъ. Во Франціи почти ничего не сдѣлано въ этомъ направленіи.

¹⁾ Sombart. Die deutsche Volkswirtschaft. p. 329—32. 586. Anl. 33. См. также Lamprecht. Zur jüngsten deutschen Vergangenheit. B. II. T. 1. p. 317 и сл.

²⁾ Bücher. Entstehung der Volkswirtschaft. (Art. Der Niedergang des Handwerks.) 5. Aufl. p. 187 и сл., 216.

³⁾ Bourguin. Les systèmes socialistes et l'évolution économique. Paris. 1904. p. 181—191.

⁴⁾ Brants. La petite industrie contemporaine. éd. 2. Paris. 1902. p. 33 и сл. p. 68 и сл.

⁵⁾ Mendelson. Die Stellung des Handwerks in den hauptsächlichsten der ehemals zünftigen Gewerbe. Jena. 1899. pass.

тельно меньше, прибыли же вовсе нѣтъ никакой, если разумѣть подъ этимъ названіемъ тотъ плюсъ, который мастеръ въ нормальныхъ случаяхъ получаетъ, по сравненію съ заработкомъ подмастерьевъ ¹⁾. И все это—несмотря на сильную эксплуатацію малолѣтняго труда. Современное ремесло—говоритъ Зомбартъ—поскольку ремесленникъ вообще работаетъ съ помощниками, держится главнымъ образомъ, благодаря эксплуатаціи малолѣтнихъ рабочихъ силъ, принимаемыхъ якобы для обученія ремеслу ²⁾. Изъ данныхъ германской промышленной переписи 1895 года видно, что въ 21 важнѣйшихъ промыслахъ, въ которыхъ существуетъ ремесло, въ предпріятіяхъ съ числомъ рабочихъ силъ до 5, на 100 рабочихъ приходится въ среднемъ 3,9 малолѣтнихъ (до 16 лѣтъ). „Такимъ образомъ, въ среднемъ въ названныхъ ремеслахъ почти $\frac{3}{7}$ рабочихъ силъ состоятъ изъ малолѣтнихъ рабочихъ, причемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ число малолѣтнихъ достигаетъ числа взрослыхъ рабочихъ; такъ, болѣе $\frac{9}{10}$ они составляютъ въ типографскомъ, обойномъ, парикмахерскомъ и слесарномъ промыслѣ; въ послѣднемъ мы находимъ вполтора раза болѣе малолѣтнихъ, чѣмъ взрослыхъ рабочихъ. Что это означаетъ, мы поймемъ, если сравнимъ съ условіями, существующими въ крупной промышленности: число (малолѣтнихъ) рабочихъ и учениковъ моложе 16 лѣтъ обоого пола равнялось въ предпріятіяхъ съ 20 и болѣе рабочими въ среднемъ во всей промышленности всего 10,1 проц. взрослыхъ рабочихъ“. Такой огромный наплывъ новыхъ силъ въ ремесло, доставляющій ремесленникамъ массу рабочихъ силъ, которыхъ они могутъ безнаказанно эксплуатировать, объясняется частью результатомъ желанія весьма многихъ стать „самостоятельными“ ремесленниками, именно поскольку рѣчь идетъ о промыслахъ, гдѣ господствуетъ еще мелкое производство, частью вымираніемъ многихъ ремеслъ, покидаемыхъ взрослыми рабочими, такъ что на долю остающихся приходится большое количество малолѣтнихъ, частью наконецъ тѣмъ, что т. наз. обученіе въ ремесленномъ производствѣ составляетъ во многихъ промыслахъ переходный періодъ къ работѣ въ крупной промышленности. „Благодаря этому—прибавляетъ Зомбартъ—ремесленники приобрѣ-

¹⁾ Sombart. Der moderne Kapitalismus. B. II. p. 564.

²⁾ Ibid. II. p. 568 и сл. 582.

таютъ на нѣсколько лѣтъ рабочую силу, которою они могутъ распоряжаться по собственному усмотрѣнію, приобретають прекраснѣйшій объектъ для эксплуатаціи, какой капиталистическіе предприниматели имѣютъ лишь въ нѣкоторыхъ отрасляхъ домашней промышленности“¹⁾.

Конечно, ни о какомъ обученіи здѣсь нѣтъ и не можетъ быть рѣчи, тѣмъ болѣе, что ремесленники опасаются конкуренціи своихъ учениковъ въ будущемъ. Это „ученичество“ продолжается дольше, чѣмъ необходимо при самой идеальной системѣ обученія, и характеръ „обученія“ виденъ изъ того, что по общему правилу въ случаѣ сокращенія срока ученичества уплачивается болѣе значительная сумма мастеру за обученіе. Въ виду этого, Зомбартъ утверждаетъ, что эти „ученики“ принимаются вовсе не для обученія, а для извлеченія выгодъ изъ ихъ труда. Подчеркивая эксплуатацію малолѣтнихъ ремесленниками, не стѣсняемую законодательствомъ, Зомбартъ однако упускаетъ изъ виду, что эта эксплуатація имѣетъ совершенно своеобразный характеръ. Самъ же онъ указываетъ, какъ мы видѣли выше, что прибыль въ современномъ ремеслѣ совершенно отсутствуетъ и даже заработная плата значительно ниже, чѣмъ въ фабричной промышленности. При такихъ обстоятельствахъ очевидно, что ремесленникъ эксплуатируетъ своихъ учениковъ не съ цѣлью извлеченія изъ нихъ прибыли, а ради того, чтобы имѣть возможность продавать свой товаръ по установившимся крайне низкимъ цѣнамъ, сбываемымъ все болѣе и болѣе. Трудъ малолѣтнихъ рабочихъ, работающихъ въ его мастерской, идетъ не въ пользу хозяина, а въ пользу потребителя въ видѣ той низкой цѣны, за которую послѣдній получаетъ произведенные ремесленникомъ предметы. Здѣсь мы находимъ тотъ же характеръ эксплуатаціи, какъ и въ сферѣ домашней промышленности, причемъ и въ этомъ случаѣ необходимо строго различать современное ремесло отъ ремесла предыдущихъ столѣтій, какъ средневѣковой эпохи, такъ и XVI—XVIII ст. И въ эти періоды эксплуатація малолѣтняго труда въ сферѣ ремесла была весьма велика, объ обученіи обыкновенно и рѣчи не было, а между тѣмъ срокъ учени-

¹⁾ Sombart. В. II. 568—569. 572 и сл.

чества былъ весьма продолжителенъ, въ случаѣ же болѣе короткаго срока плата за обученіе увеличивалась ¹⁾). Но тогда вся выгода, получаемая отъ этого мастеромъ, дѣйствительно оставалась въ его пользу, составляла его прибыль. Лишь въ XIX ст. со времени появленія крупнаго машиннаго производства и паденія цѣнъ на фабрикаты, дѣло измѣнилось: по мѣрѣ проникновенія фабрично-заводской промышленности въ различные промыслы и захвата ею значительной части производства, ремесленникъ, чтобы окончательно не погибнуть, вынужденъ былъ подчиниться устанавливаемымъ фабрикой цѣнамъ и передавать потребителю всю ту часть продукта, которую доставляетъ ему ученикъ, а частью усилить еще болѣе эксплуатацію послѣдняго, но опять таки не въ своихъ личныхъ интересахъ. При всемъ сходствѣ характера эксплуатаціи въ домашней промышленности и въ сферѣ ремесла мы находимъ здѣсь то различіе, что ремесленникъ не удерживаетъ въ свою пользу даже той части труда эксплуатируемыхъ рабочихъ, которая въ кустарномъ производствѣ поступаетъ въ пользу скупщика и посредника, превращаясь въ прибыль.

¹⁾ См. о положеніи ученичества въ XVI—XVIII ст. Justi. Staatswirtschaft I. 1758 p. 292. Bücher. Gewerbliche Bildungsfrage. p. 23 сл. Brentano. Soziale Not. p. 23. Flemming. Das Lehrlingswesen der Dresdner Innungen vom 15. bis 17. Jahrh.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Теоріи прибыли съ капитала въ концѣ XIX вѣка.

I.

Въ послѣднее тридцатилѣтіе произошла значительная перемѣна къ лучшему въ положеніи рабочаго класса; рабочіе въ крупной промышленности, которые въ первой половинѣ минувшаго столѣтія были, казалось, обречены на гибель, на медленную смерть, физическую, нравственную и умственную, добились въ передовыхъ странахъ благопріятныхъ жизненныхъ условій, стали принимать участіе въ общественной и политической жизни страны. Соединенными усиліями государства, общества и прежде всего самихъ рабочихъ, ихъ организацій, было создано такое положеніе, при которомъ рабочій классъ могъ пріобщиться къ благамъ культуры, могъ двигаться впередъ въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи. Эта перемѣна въ дѣйствительной жизни должна была отразиться и на экономической наукѣ послѣднихъ десятилѣтій. Измѣнились отношенія между социалистическимъ направленіемъ и т. наз. буржуазной экономіей. Въ предыдущемъ періодѣ ставился ребромъ вопросъ: быть или не быть т. наз. капиталистическому строю хозяйства, и писатели социалистическаго лагеря считали своей обязанностью находить возможно больше недостатковъ и противорѣчій въ капиталистическомъ хозяйствѣ, доказывать необходимость и неминуемость замѣны его социалистическимъ, требовать устраненія прежде всего и во что бы то ни стало частной собственности и рабочаго договора, ведущихъ къ эксплуатаціи рабочихъ классомъ капиталистовъ; т. наз. буржуазная экономія, въ свою очередь всѣми силами отстаивала господствующій хозяйственный строй, доказывая существованіе полной гармоніи интересовъ между различными классами

общества и отрицая возможность замѣны этого строя, какъ естественнаго и единственно-мыслимаго, какимъ либо другимъ, въ особенности социалистическимъ, опаснымъ и вреднымъ для хозяйственнаго развитія человѣчества во всѣхъ отношеніяхъ. Но разъ оказалось, что капитализмъ вовсе не приводитъ къ обнищанію массъ, что бѣдные не становятся еще бѣднѣе, то отношеніе писателей социалистическаго направленія къ капитализму должно было измѣниться, они должны были признать, что и при господствующемъ строѣ возможно сносное существованіе рабочихъ, въ особенности тѣхъ именно категорій рабочихъ, которыя работаютъ въ крупной промышленности, той самой, которая прежде считалась источникомъ всѣхъ бѣдъ для рабочаго населенія. Съ другой стороны, и противники социализма должны были признать, что только мѣрами социальной политики можно было вывести рабочихъ изъ того бѣдственнаго положенія, въ которомъ они находились въ первой половинѣ XIX вѣка и что необходимы и дальнѣйшія мѣропріятія въ этомъ направленіи, какъ для фабрично-заводскихъ рабочихъ, такъ и въ особенности въ сферѣ домашней промышленности и ремесла, гдѣ еще почти ничего не сдѣлано и гдѣ вслѣдствіе этого, эксплуатація еще весьма велика. Оставаясь принципиально на почвѣ господствующаго т. наз. капиталистическаго строя „буржуазные“ экономисты не могли, не замѣтить, что социальное законодательство уже значительно измѣнило этотъ строй и въ особенности внесло различныя ограниченія въ институтъ частной собственности, который въ теченіе XIX вѣка, благодаря фабричному законодательству, коллективнымъ договорамъ, обязательному страхованію, постепенно удалился отъ той формы собственности которую мы находимъ въ римскомъ правѣ—и они не могли не признать, что въ интересахъ общаго блага это было необходимо.

Благодаря такому, вызванному перемѣнами въ самой жизни, сближенію двухъ прежде крайне враждебныхъ лагерей и проблема прибыли утратила тотъ острый характеръ, какой она имѣла раньше. Изъ проблемы прежде всего практической она превратилась въ теоретическую. Въ то время, какъ прежде экономистовъ интересовалъ вопросъ о справедливости прибыли и изслѣдованіе источника, изъ котораго по-

лучалась прибыль, являлось лишь вспомогательной задачей которую необходимо было рѣшить для разрѣшенія основной проблемы,—теперь былъ поставленъ вопросъ объ источникѣ и причинахъ прибыли самъ по себѣ, онъ получилъ значеніе въ качествѣ самостоятельной проблемы, проблемы чисто научнаго характера. Это исканіе истины безъ заднихъ мыслей наиболѣе ярко обнаружилось въ томъ, что прежнее распредѣленіе теорій прибыли по группамъ оказалось болѣе непримѣнимымъ; необходима уже другая группировка. Бемъ-Баверкъ съ его полнымъ отсутствіемъ пониманія дѣйствительной жизни, съ его неспособностью привести экономическія ученія въ связь съ экономической дѣйствительностью, конечно продолжаетъ группировать теоріи по тѣмъ же рубрикамъ, какъ и раньше, и поэтому приходитъ къ результатамъ, которые его самого ставятъ втупикъ. Разсмотрѣвъ въ прибавленіи ко второму изданію своей книги теоріи эксплуатаціи (рабочихъ), появившіяся за послѣднее двадцатилѣтіе, онъ говоритъ: „имѣя въ виду, что та теоретическая основа, на которую обыкновенно опираются сторонники теоріи эксплуатаціи, именно социалистическое ученіе о цѣнности и прибавочной стоимости, вовсе не является исходной точкой у разсмотрѣнныхъ авторовъ, другого же доказательства они также не представили, я, въ качествѣ историка ученій, ограничиваюсь констатированіемъ того, что такіе взгляды дѣйствительно существуютъ“¹⁾).

Бемъ-Баверка поразило то обстоятельство, что трудовая теорія цѣнности и теорія происхожденія прибыли изъ труда рабочихъ, которыя ранѣе были неразрывно связаны другъ съ другомъ, теперь какъ бы разъединились, очутились на двухъ различныхъ плоскостяхъ: одни экономисты, придерживаясь по прежнему теоріи трудовой цѣнности, отказались однако отъ эксплуатаціонной теоріи прибыли, другіе, наоборотъ, утверждая, что прибыль пронстекаетъ изъ труда рабочихъ, отвергли трудовую теорію цѣнности. Среди послѣднихъ Бемъ-Баверка особенно удивили экономисты не-социалистическаго направленія, которые, отрицая трудовую теорію цѣнности, въ тоже время склоняются къ тому мнѣнію; что прибыль получается вслѣдствіе эксплуатаціи рабочихъ,

1) Boehm-Bawerk. Geschichte und Kritik. p. Auf. 2. 688.

причемъ ихъ теорія эксплуатаціи, по существу не отличаясь отъ социалистической, имѣетъ однако — какъ выражается Бемъ-Баверкъ — „гораздо болѣе мягкую и сдержанную форму или является менѣе послѣдовательной“ ¹⁾. Въ дѣйствительности суть заключается въ томъ, что экономисты, о которыхъ онъ упоминаетъ, выставляютъ трудъ рабочаго не въ качествѣ единственнаго источника прибыли, а какъ одинъ изъ источниковъ, изъ котораго она получается при извѣстныхъ особенно неблагоприятныхъ для рабочаго условіяхъ, — отсюда „непослѣдовательность“ ихъ, по словамъ Бемъ-Баверка. Какъ мы видимъ, Бемъ-Баверкъ не понялъ, да и совершенно не могъ понять происшедшей перемѣны: не будучи историкомъ экономической жизни, онъ оказался, какъ и слѣдовало ожидать, и весьма плохимъ историкомъ экономическихъ ученій.

Конечно, и въ настоящее время мы еще находимъ экономистовъ, которые стоятъ на прежней точкѣ зрѣнія, не хотятъ допустить, что окружающая жизнь измѣнилась, а съ нею вмѣстѣ измѣнился и характеръ прибыли. Въ качествѣ наиболее яркихъ представителей назовемъ, съ одной стороны, Кауцкаго, а съ другой стороны, Вольфа. Какъ они ни различны по своимъ взглядамъ и направленію, но въ одномъ они сходятся: для нихъ обоихъ, по прежнему стоитъ въ сущности на первомъ планѣ проблема справедливости или несправедливости существованія прибыли, а вопросъ объ источникѣ ея является вспомогательнымъ, для подтвержденія ученія о томъ, можетъ или не можетъ быть оправдана прибыль. Кауцкій все еще повторяетъ выставленную Марксомъ теорію обнищанія, утверждая, что техническій прогрессъ приводитъ къ дальнѣйшему ухудшенію положенія рабочихъ, хотя онъ и вынужденъ признать, что есть разряды рабочаго населенія, находящіеся въ благоприятномъ положеніи. Однако, приведя цитаты изъ Вебба и Энгельса, изъ которыхъ видно, что именно тѣ категоріи англійскихъ рабочихъ, которыя крѣпко сплочены, значительно подвинулись впередъ въ смыслѣ культурныхъ и матеріальныхъ условій, въ которыхъ они живутъ, Кауцкій дѣлаетъ совершенно неправильный выводъ изъ нихъ. „Если обѣ эти характеристики вѣрны — говоритъ

¹⁾ Boehm-Bawerk, I. p. 685.

онъ—если въ самомъ Эльдорадо трэдъ-юніонизма, кооперацій, муниципальнаго социализма, рабочіе не ушли дальше, то едва ли можно признать значительными успѣхи, сдѣланные ими въ другихъ мѣстахъ. А разъ уничтоженіе физическихъ бѣдствій рабочаго класса является процессомъ столь медленнымъ, то изъ этого вытекаетъ на самомъ дѣлѣ что социальныя бѣдствія возрасли, ибо производительность труда увеличивается очень быстро“¹⁾. „Преемники Рикардо не замѣтили—указываетъ В. Я. Желѣзновъ по поводу теоріи обнищанія Кауцкаго,—что жизнь успѣла уже уйти далеко въ сторону отъ предположеннаго направленія. Поэтому теорія, вначалѣ удачно намѣчавшая одно изъ главныхъ условій опредѣленія заработной платы, превратилась постепенно въ мертвую доктринерскую схему, противорѣчащую основному тону новѣйшей хозяйственной жизни“²⁾.

Это можетъ быть примѣнено и къ чисто-теоретическимъ построеніямъ Кауцкаго относительно прибыли, гдѣ онъ ни на шагъ не подвинулся впередъ по сравненію съ Марксомъ, что означаетъ—перефразируя его же слова изъ приведенной цитаты,—что онъ остался далеко позади, такъ какъ жизнь за это время значительно ушла впередъ. Кауцкій стоитъ всецѣло на трудовой теоріи цѣнности, изъ которой у него вытекаетъ и теорія прибавочной цѣнности въ качествѣ ученія объ эксплуатаціи труда капиталомъ. Подобно Бемъ-Баверку, и онъ не допускаетъ никакого эклектицизма въ этихъ вопросахъ, возможности существованія различныхъ источниковъ прибыли или возможности соединенія трудовой теоріи цѣнности съ субъективной теоріей австрійской школы. „Ученіе о прибавочной цѣнности и прибыли—говоритъ онъ—взглядъ на роль капитала и его отношеніе къ пролетариату, все должно совершенно измѣниться, разъ мѣняется основа—теорія цѣнности“³⁾. Въ своемъ „аграрномъ вопросѣ“ онъ цѣликомъ заимствуетъ у Маркса теорію цѣнности, прибавочной цѣнности и прибыли⁴⁾.

¹⁾ Kautsky. Bernstein und das sozialdemokratische Programm. Stuttgart. 1899. p. 117—118.

²⁾ Желѣзновъ. Заработная плата, стр. 115.

³⁾ Kautsky, *ibid.* p. 40.

⁴⁾ Kautsky. Die Agrarfrage. Stuttgart. 1899. p. 64 и сл.

Если Кауцкій старается доказать, что положеніе рабочихъ не улучшается, а ухудшается и, слѣд., мирный и постепенный переходъ къ такому строю, гдѣ прибыли вовсе нѣтъ, совершенно невозможенъ, то для Вольфа, наоборотъ, и существующія въ настоящее время условія представляются идеальными; капитализмъ, по его мнѣнію, есть послѣднее слово искусства, тогда какъ социализмъ является для него какимъ то жупеломъ, чѣмъ то ужаснымъ, вполне противоположнымъ настоящему строю, и поэтому всѣ его успія направлены къ уничтоженію социализма во всѣхъ его проявленіяхъ. Ему конечно и въ голову не приходитъ, что источникомъ прибыли можетъ быть трудъ,—вѣдь это значило бы признать правильными ученія социалистовъ! А между тѣмъ Вольфъ самъ же указываетъ на существованіе рядомъ съ диспозитивнымъ трудомъ предпринимателя и исполнительнымъ трудомъ рабочаго третьей категоріи—творческаго труда изобрѣтателя. Послѣдній даетъ возможность достигать тѣхъ же результатовъ съ меньшей затратой силъ; однако въ противоположность диспозитивному и исполнительному труду, творческій трудъ составляетъ общую собственность, не предназначенъ для одного какого-либо хозяйства и не можетъ быть присвоенъ имъ. Въ результатѣ получается, по ученію Вольфа, что изобрѣтатель хотя и создаетъ богатства (удешевляя предметы), но не создаетъ прибыли, выручаемой капиталистомъ-предпринимателемъ ¹⁾. Мало того, одной дѣятельности изобрѣтателя, какъ она ни важна для человѣчества, недостаточно для примѣненія техники въ производствѣ, необходимъ кромѣ того и капиталъ, а слѣдовательно,—полагаетъ Вольфъ—не только изобрѣтатель долженъ получить заработную плату, но и капиталистъ прибыль на вложенный имъ капиталъ. „Не слѣдуетъ смѣшивать—говоритъ онъ—той посреднической дѣятельности, направленной къ увеличенію производительности, которая принадлежитъ капиталисту, съ дѣятельностью, за которую мы должны быть благодарны изобрѣтателю, тому, кто сдѣлалъ новыя открытія, или предпринимателю. Кто дѣлаетъ новое изобрѣтеніе или открытіе, обыкновенно только указы-

¹⁾ Julius Wolf. Socialismus und kapitalistische Gesellschaftsordnung. Stuttgart. 1892. p. 396 и сл. 408 и сл. 414 и сл.

васть новый способ производства, для примѣненія котораго нуженъ капиталъ, такъ что лишь оба вмѣстѣ создаютъ „продуктивный капиталъ“. При помощи капитала достигаются выгоды четырехъ родовъ: раздѣленіе труда, производство въ крупныхъ размѣрахъ, употребленіе машинъ и пользование силами природы. За это капиталъ вправѣ требовать себѣ особое вознагражденіе, въ видѣ процента ¹⁾.

Такимъ образомъ, капиталистъ, помѣщающій денежную сумму въ производствѣ, и изобрѣтатель, создавшій орудія производства, поставлены наравнѣ—дѣятельность капиталиста, выражающаяся въ приобрѣтеніи изобрѣтенныхъ послѣднимъ машинъ, безъ чего невозможно производство, приравнена къ творческому труду изобрѣтателя, и они оба, изобрѣтатель и капиталистъ, должны раздѣлить между собою тотъ чистый доходъ, который получается сверхъ покрытія прочихъ расходовъ. Вольфъ только не объясняетъ, происходитъ ли такое дѣленіе въ дѣйствительности или оно только должно имѣть мѣсто, на практикѣ же капиталистъ присваиваетъ себѣ все; разъ творческій трудъ, по Вольфу, является общимъ достояніемъ, то трудно понять, какимъ образомъ изобрѣтателю удается получить свою „заработную плату“.

Но приведенные только что экономисты являются въ сущности лишь (наиболѣе яркими) представителями предшествующей эпохи: для нихъ капитализмъ существуетъ лишь какъ одно нераздѣльное цѣлое и они не могутъ себѣ представить, чтобы тотъ жесамый капитализмъ — если примѣнять этотъ терминъ, какъони это дѣлаютъ — могъ распадаться на двѣ различныя по своему характеру эпохи. У другихъ писателей, въ особенности за послѣднія десять — пятнадцать лѣтъ, когда стала выясняться совершившаяся социальная перемѣна, мы находимъ уже иные взгляды. Едва ли не наиболѣе яркимъ выраженіемъ ихъ является Бернштейнъ, который сначала всецѣло предерживался ученія Маркса, но затѣмъ увидѣлъ, что оно болѣе непримѣнимо, что того, что было правильно въ 60-хъ годахъ, нельзя распространять на эпоху конца XIX вѣка. Бернштейнъ придаетъ огромное значеніе современ-

¹⁾ Wolf. p. 462.

ному кооперативному движенію и рабочимъ союзамъ, въ особенности послѣднимъ, такъ какъ они „составляютъ демократическій элементъ въ индустріи и направлены къ уничтоженію абсолютизма, которымъ обладаетъ капиталъ, и къ доставленію рабочимъ непосредственнаго вліянія на ходъ производства“ ¹⁾. „Когда государство—говоритъ онъ далѣе—устранить всѣ препятствія къ возникновенію организацій производителей и предоставитъ рабочимъ союзамъ, на опредѣленныхъ условіяхъ, предупреждающихъ превращеніе послѣднихъ въ монопольныя корпораціи, извѣстныхъ права въ области надзора надъ индустріей, такъ что будутъ установлены необходимыя гарантіи противъ пониженія платы и увеличенія рабочаго времени, и когда оно создастъ учрежденія, предупреждающія продажу рабочей силы, вслѣдствіе крайней нужды, на противорѣчащихъ человѣческому достоинству условіяхъ,—тогда для общества окажется совершенно безразличнымъ, будутъ ли рядомъ съ публичными и кооперативными предпріятіями существовать и такія, которыя доставляютъ прибыль частнымъ лицамъ. Постепенно и они сами собою получаютъ кооперативный характеръ“ ²⁾. Такимъ образомъ, отношеніе къ будущему у Бернштейна уже совершенно иное, нежели у Маркса. Онъ рѣшительно возстаеъ и противъ идеи о концентраціи производства, находя, что въ промышленности, а тѣмъ болѣе въ сельскомъ хозяйствѣ, не замѣчается вытѣсненія мелкихъ предпріятій крупными, онъ отрицаетъ что т. наз. пролетаріатъ представляетъ собою цѣльную компактную массу, ибо въ дѣйствительности въ его средѣ происходитъ рѣзкая дифференціація, въ виду различнаго экономическаго положенія разнообразныхъ слоевъ рабочаго населенія, послѣдствіемъ чего является и отсутствіе солидарности пролетаріата въ экономическомъ отношеніи.

Въ одномъ лишь вопросѣ Бернштейнъ сходится съ Марксомъ: онъ признаетъ существованіе прибавочной цѣнности въ смыслѣ Маркса—источникомъ прибыли является трудъ рабочаго. Но излагается эта теорія совершенно иначе и носить она совсѣмъ иной характеръ. Нѣтъ прежде всего

¹⁾ Bernstein. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. Stuttgart. 1899. p. 121.

²⁾ Bernstein, p. 133.

трудова́й теорі́и цѣ́нности въ качествѣ́ исходной точки́: трудова́я цѣ́нность представляе́тъ собою́ „лишь́ нѣ́что мысли́мое, но не реальные́, какъ и цѣ́нность, основанная на предѣ́льной полезности, по ученію Гошена, Дживонса и Бемъ-Баверка. И то и другое представле́ніе исходитъ изъ дѣ́йствительности, но оба имѣ́ють отвле́ченный характеръ. Та́кія абстракці́и конечно́ необходимы́ при анализѣ́ сложныхъ явлені́й. Наско́лько они допустимы́, зависи́тъ отъ объекта́ и цѣ́ли изслѣ́дованія. Марксъ та́же впра́въ абстрагирова́ть отъ всѣ́хъ свойствъ́ товаровъ́, поско́льку они не являю́тся воплоще́ньемъ простого́ челове́ческаго́ труда, какъ и школа́ Бемъ-Баверка и Дживонса впра́въ абстрагирова́ть отъ всѣ́хъ свойствъ́ товаровъ́ за исклю́ченіемъ ихъ полезности. Но і́ та и другая абстракці́я допустима́ лишь́ для́ извѣ́стныхъ цѣ́лей и устано́вленныхъ при та́кихъ усло́віяхъ положенія́ прави́льны лишь́ въ извѣ́стныхъ предѣ́лахъ“ ¹⁾. Та́кимъ обра́зомъ трудова́ю теорі́ю цѣ́нности Маркса́ и теорі́ю предѣ́льной полезности́ субъективна́го направле́нія Бернштейна́ стави́тъ на одну́ доску, находя́ что каждая́ изъ нихъ объясняе́тъ извѣ́стную сторо́ну вопро́са о цѣ́нности. Если́ онѣ́ тѣ́мъ не менѣ́е признае́тъ эксплуатаці́онную теорі́ю прибыли́, то лишь́ въ виду́ того́, что, по его́ мнѣ́нію, трудъ́ рабоча́го являе́тся единственны́мъ исто́чникомъ цѣ́нности — то́лько э́тотъ трудъ́ создае́тъ цѣ́нность. Бернштейнъ́ выражае́тъ э́то нѣ́сколько ина́че, указы́вая на то́, что хотя́ и не цѣ́нность кажда́го отдѣ́льнаго́ товара, но цѣ́нность́ всей́ совокупности́ товаровъ́ равняе́тся количеству́ затраченна́го труда́ и разни́ца между́ цѣ́ностью́ суммы́ всѣ́хъ продукто́въ и суммой́ всей́ зарабо́тной платы́, выданной́ рабочи́мъ, и е́сть прибавочна́я цѣ́нность или́ точнѣ́е не индивидуальная́, а вся́ соці́альная прибавочна́я цѣ́нность. Для́ Бернштейна́ достато́чно одно́го́ того́ факта́, что рабочи́й получае́тъ не весь́ произведе́нный продуктъ́ — изъ́ этого́ слѣ́дуетъ, что́ существуетъ́ прибавочна́я цѣ́нность. „Дѣ́йствительная́ жизнь́ показывае́тъ, что́ лишь́ часть́ всего́ общества́ принимае́тъ дѣ́ятельное́ участіе́ въ производе́нствѣ́ товаровъ́ и снабже́ніи ими́, тогда́ какъ́ другая́ часть́ состои́тъ изъ́ людей́, которые́ либо́ получаю́тъ дохо́дъ за услуги́, не стоя́щія въ́ прямо́мъ отноше́ніи къ́

¹⁾ Ibid. p. 41—42.

производству, либо пользуются доходомъ, не основаннымъ вовсе на трудѣ. На счетъ всего затраченнаго въ производствѣ труда живетъ такимъ образомъ значительно большее количество людей, чѣмъ то, которое принимаетъ дѣятельное участіе въ производствѣ, причемъ изъ статистики доходовъ видно, что лица, не работающія, присваиваютъ себѣ гораздо большую часть всего продукта, чѣмъ это соответствовало бы ихъ численности, по сравненію съ численностью производящихъ продукты людей. Добавочный продуктъ послѣднихъ представляетъ собою явленіе эмпирическое, вытекающее изъ опыта и не требующее дедуктивнаго доказательства“¹⁾). Но куда же дѣвается богатство общества, которое постоянно возрастаетъ, благодаря росту производительности труда, куда исчезаетъ тотъ добавочный продуктъ, который производится рабочими сверхъ ихъ собственного потребленія, ограниченнаго заработной платой?—спрашиваетъ Бернштейнъ. „Либо относительно сокращается число капиталистовъ и возрастаетъ благосостояніе пролетаріата, либо возникаетъ многочисленный средній классъ—это единственная возможная альтернатива, которую допускаетъ постоянный ростъ производства“²⁾). Бернштейнъ склоняется болѣе ко второй возможности, къ тому, что въ послѣднее время образовался обширный средній классъ—подъ вліяніемъ развитія капитализма. Однако, онъ указываетъ и на то, что кооперации и рабочіе союзы привели къ паденію уровня прибыли, какъ торговой, такъ и промышленной и къ соответствующему возрастанію заработной платы³⁾).

Нѣсколько иначе, по тоже весьма своеобразно ставить вопросъ о прибыли Зомбартъ. Его интересуетъ лишь вопросъ объ источникѣ прибыли или объ объективной возможности ея существованія, въ противоположность вопросу о томъ, насколько прибыль заслужена капиталистомъ и какъ она мотивируется психологически,—это двѣ особыя, самостоятельныя проблемы. Не касаясь вовсе вопроса о трудѣ какъ мѣрилѣ цѣнности⁴⁾), Зомбартъ устанавливаетъ два положенія,

¹⁾ Bernstein, 40—42.

²⁾ Bernstein, p. 51—52.

³⁾ Ibid. p. 117—121.

⁴⁾ См. статью Зомбарта о третьемъ томѣ Маркса въ Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik. В.

которые должны служить и исходной точкой для анализа характера прибыли: во 1-хъ все, что произведено, есть результат труда, и во 2-хъ результат исключительно физического труда. „Трудомъ въ данномъ случаѣ не будетъ ни дѣятельность капиталиста-предпринимателя, имѣющая диспозитивный и организаторскій характеръ, ни дѣятельность полицейскаго, изобрѣтателя, чиновника или профессора высшаго техническаго учебнаго заведенія, какъ ни необходимы эти лица для достиженія экономическаго эффекта вообще“. Разъ продукты труда части населенія распределяются между всѣмъ населеніемъ, то—продолжаетъ Замбартъ—очевидно многочисленная категорія лицъ живетъ на счетъ продуктовъ, созданныхъ физическимъ трудомъ—сюда относятся рядомъ съ министрами и куртизанками, профессорами и балеринами, также и капиталисты—предприниматели всякаго рода“. При этомъ однако Замбартъ дѣлаетъ добавленіе, значительно измѣняющее первое положеніе. Онъ указываетъ прежде всего на то, что предприниматель можетъ извлекать прибыль не только при покупкѣ рабочей силы но также—Марксъ это упустилъ изъ виду (по мнѣнію Зомбарта)—при продажѣ товаровъ или услугъ; иначе говоря, источникомъ прибыли трудъ является во второмъ случаѣ уже не непосредственно, а косвенно: прибыль выплачивается изъ дохода покупателя, который въ свою очередь есть результатъ физического труда, либо собственнаго, либо другихъ лицъ—ибо другой источникъ немислимъ. Въ зависимости отъ того, откуда берется этотъ трудъ, которымъ оплачивается прибыль въ цѣнѣ товара или услугъ, Зомбартъ и различаетъ случаи двоякаго рода: размѣры цѣны и прибыли не имѣютъ естественной границы, разъ потребитель живетъ отъ труда другихъ лицъ, ибо въ этомъ случаѣ онъ можетъ отдать при покупкѣ любое количество чужого труда (богатый феодалъ въ средніе вѣка цѣнилъ фунтъ перца или кусокъ шелка на вѣсъ золота); наоборотъ прибыль, выручаемая на каждой единицѣ товара, можетъ быть лишь весьма незначительна, если потребителями товаровъ или услугъ являются лица, живущія собственнымъ трудомъ и оплачивающія прибыль изъ своего труда, каковы самостоятельные ремесленники и крестьяне (парикмахеръ можетъ

извлекать прибыль изъ вложеннаго имъ капитала даже если кругъ его ограничивается ремесленниками и крестьянами—они отдають ему часть продуктовъ ихъ собственнаго труда). Мало того, и въ первой категоріи случаевъ, когда прибыль получается не въ обмѣнѣ, а въ производствѣ—посредствомъ найма рабочей силы, ея существованіе вовсе не влечетъ за собой необходимости сокращенія продукта, остающагося въ рукахъ рабочаго, ибо какъ торговецъ, такъ и промышленникъ содѣйствуетъ возрастанію производительности труда, такъ что та часть, которую получаетъ рабочий въ видѣ заработной платы, можетъ, несмотря на существованіе прибыли, превышать то количество продукта, которымъ онъ пользовался бы при отсутствіи капиталиста. „То обстоятельство, въ состояніи ли сапожникъ изготовить въ теченіи дня одинъ сапогъ или два, зависитъ въ одинаковой мѣрѣ, какъ отъ организаторской дѣятельности капиталиста, такъ и отъ дѣятельности самого сапожника, работающаго на его фабрикѣ. И нѣтъ сомнѣнія, что устройство фабрики и завѣдываніе ею представляетъ собою дѣятельность болѣе производительную съ точки зрѣнія общественнаго хозяйства, чѣмъ операціи молотомъ и дратвой, производимыя сапожникомъ—ремесленникомъ. Полной-же бессмыслицей является установленіе этического требованія на предоставленіе рабочему всего продукта на томъ основаніи, что капиталистъ-предприниматель можетъ извлекать прибыль лишь путемъ присвоенія части продукта труда организованныхъ имъ рабочихъ“¹⁾.

Такимъ образомъ, начавъ съ утвержденія, что одинъ лишь физическій трудъ производителенъ или, по крайней мѣрѣ, можетъ считаться производительнымъ, когда рѣчь идетъ объ анализѣ свойствъ прибыли—утвержденіе (у Зомбарта) совершенно произвольное, — и, слѣдовательно прибыль есть вычетъ изъ продукта физическаго труда, Зомбартъ кончилъ заявленіемъ, что и дѣятельность предпринимателя производительна и что поэтому его прибыль вовсе не составляетъ вычета изъ продукта, создаваемаго рабочимъ. Получилось, слѣдовательно, полное противорѣчіе, — весьма характерное для того періода, который пережи-

¹⁾ Sombart. Der moderne Kapitalismus. B. I. p. 210—216.

ваетъ въ настоящее время ученіе о прибыли: прежняя дедукція заброшена, а новая индукція создается лишь медленно и постепенно. Зомбартъ все еще не допускаетъ, чтобы какая-либо дѣятельность помимо физическаго труда рабочаго могла создавать цѣнности, но въ то же время онъ не можетъ уже признать, что прибыль составляетъ обязательно вычетъ изъ заработной платы—отсюда и получается противорѣчіе. Далѣе онъ чувствуетъ, что единственно возможная теорія прибыли—теорія эволюціонная, но не рѣшается еще построить эволюціи и ставить рядомъ нѣсколько источниковъ прибыли, не указывая на ихъ смѣну въ историческомъ развитіи. Вслѣдствіе этого, получается представленіе, будто бы и въ настоящее время есть категоріи прибыли, уровень которыхъ не знаетъ естественныхъ предѣловъ, такъ какъ источникомъ является трудъ другихъ лицъ, уплачиваемый за приобретаемые товары или услуги. Въ дѣйствительности это было мыслимо въ средніе вѣка, но невозможно теперь. Тогда люди, жившіе крѣпостнымъ трудомъ, регулировали цѣны на рынкѣ своимъ спросомъ, такъ какъ они являлись главной категоріей потребителей и поэтому-то цѣны были такъ высоки—онѣ сообразовывались съ покупной способностью этихъ группъ населенія ¹⁾. Въ настоящее время почти нѣтъ такихъ товаровъ или услугъ, которые бы предназначались спеціально для лицъ, живущихъ чужимъ трудомъ, если считать таковыми землевладельцевъ, капиталистовъ и т. п.: они потребляютъ тѣ же товары, что и прочее населеніе и это послѣднее, именно рабочіе классы (сюда же относятся и ремесленники, кустари и т. д.) являются регулирующимъ элементомъ на рынкѣ, при установленіи цѣнъ.

Какъ бы то ни было, но и это противопоставленіе прибыли, извлекаемой изъ труда рабочаго, другого вида прибыли, получаемой изъ дохода потребителя, знаменуетъ собою—какъ и отрицаніе того, что прибыль является неминуемымъ вычетомъ изъ заработка рабочаго—протестъ противъ прежняго ученія Маркса о прибыли, какъ результатъ эксплоатации рабочаго. Оно находится въ тѣсной связи съ отно-

¹⁾ См. объ этомъ томъ первый Эвол. приб., стр. 164, и сл.

шеніемъ Зомбарта къ капитализму, какъ системѣ общественнаго хозяйства.

Зомбартъ указываетъ на слѣдующія характерныя черты экономическаго развитія (Германіи) въ XIX вѣкѣ или—что то же самое для него—постепеннаго развитія капитализма. Прежде всего въ сферѣ распредѣленія доходовъ появилась новая группа богатыхъ людей (сто лѣтъ тому назадъ были лишь единичные богачи и каждый изъ нихъ обладалъ всего нѣсколькими милліонами, теперь имѣется въ Пруссіи 34 тысячи милліонеровъ—судя по подоходному обложенію, —хотя по сравненію съ Америкой это немного, и милліардеровъ въ Германіи еще нѣтъ вовсе); и одновременно съ этимъ исчезла группа лицъ, находящаяся въ противоположномъ концѣ—группа совершенно бѣдныхъ, прямо таки нуждающихся: нѣтъ той страшной нужды, которая выражалась прежде въ голодномъ тифѣ и въ волненіяхъ среди ткачей, когда масса населенія въ городѣ и деревнѣ ощущала нужду въ самомъ необходимомъ. Такимъ образомъ, одновременно съ появленіемъ богатства въ качествѣ массоваго явленія исчезла крайняя нужда какъ массовое явленіе. Въ лѣстницѣ доходовъ крупныя цифры появляются лишь на ступеняхъ болѣе высокихъ, чѣмъ раньше, такъ что все населеніе подвинулось вверхъ и вслѣдствіе этого къ прежней лѣстницѣ и прибавились новыя ступени. Если мы далѣе рассмотримъ внимательнѣе среднія ступени, то окажется, что въ общемъ распредѣленіе доходовъ здѣсь мало измѣнилось; однако улучшение и здѣсь замѣтно: лица съ очень низкимъ доходомъ составляютъ теперь меньшій процентъ чѣмъ прежде (хотя абсолютно ихъ число не только не уменьшилось, но, наоборотъ, еще возросло).

Смотря по тому, съ какой точки зрѣнія экономисты соотрять — продолжаетъ онъ — распредѣленіе доходовъ въ его историческомъ развитіи кажется однимъ весьма благоприятнымъ, другимъ же очень печальнымъ. Дѣйствительно утвержденіе, что отъ возрастанія богатства наибольшую выгоду извлекли богатые классы населенія, что распредѣленіе дохода отличается въ настоящее время еще большей неравномѣрностью, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ, что въ настоящее время еще больше бѣдняковъ, чѣмъ было раньше,—все это не менѣе правильно, чѣмъ про-

тивоположное указаніе на то, что рабочіе классы теперь имѣютъ въ среднемъ большій доходъ, чѣмъ прежде, и что тотъ, кто прежде жилъ бѣдно, живетъ теперь въ сносныхъ условіяхъ, а тотъ кто пользовался небольшимъ доходомъ, обладаетъ теперь извѣстнымъ достаткомъ. Но неправильны слѣдующія мнѣнія, повторяемая очень часто: во 1-хъ невѣрно, будто бы бѣдные стали еще бѣднѣе, они стали богаче, чѣмъ были сто лѣтъ тому назадъ, возьмемъ ли мы бѣднѣйшія сто тысячъ или десять миллионѡвъ; во 2-хъ, невѣрно, будто бы населеніе со среднимъ доходомъ (отъ 900 до 3000 мар.) уменьшилось, оно, наоборотъ, значительно возросло, благодаря переходу лицъ съ низкимъ доходомъ на среднія ступени, ибо характерной чертой капитализма является именно созданіе большого количества элементовъ со среднимъ доходомъ, каковы напр. мелкіе предприниматели, квалифицированные рабочіе съ высокой заработной платой, служащіе въ различныхъ предпріятіяхъ, агенты, владѣльцы магазиновъ и лавокъ, гостинницъ и трактирныхъ заведеній. Невѣрно, въ-3-хъ, что число богатыхъ людей сокращается: съ какой бы мы границы доходности ни начали (съ 10, 20, 50, 100 тысячъ мар. дохода), всегда получится, что количество лицъ съ такимъ доходомъ возрастаетъ скорѣе, чѣмъ какая-либо иная группа доходовъ.

„Такимъ образомъ о непрерывно падающемъ числѣ капиталистовъ не можетъ быть и рѣчи. Чѣмъ болѣе мы приближаемся къ моменту гибели капиталистическаго хозяйства, тѣмъ болѣе земля кишитъ экспроприаторами! Операція, экспроприація становится все болѣе и болѣе трудной.¹⁾“. Однако наиболѣе ярко выступаютъ, по мнѣнію Зомбарта, наружу результаты капитализма, если мы сравнимъ цифру населенія въ настоящее время и сто лѣтъ тому назадъ: капитализму удалось прокормить населеніе, возросшее въ Германіи на 30 миллионѡвъ, и притомъ прокормить гораздо лучше, чѣмъ это было возможно въ началѣ XIX вѣка. Зомбартъ выражаетъ удивленіе передъ подобной хозяйственной организаціей, достигшей успѣховъ прямо неслыханныхъ, не имѣющихъ собравныхъ въ исторіи человѣчества. „Я долженъ сказать, что этотъ фактъ грани-

¹⁾ Sombart. Die deutsche Volkswirtschaft. p. 507.

читать для меня съ чудеснымъ и что я—когда разсматриваю одинъ лишь ростъ богатства и той части его, которая приходится на долю низшихъ классовъ—начинаю понимать Бастиа и его послѣдователей, когда они смотрятъ на капиталистическій строй, какъ на установленный свыше самимъ Богомъ. Что въ настоящее время въ Германіи не умираетъ ежегодно нѣсколько тысячъ человѣкъ съ голоду, это прямо поразительное явленіе, заслуживающее всяческаго удивленія. И странно, что противъ капитализма выставляютъ какъ разъ неблагоприятное распредѣленіе доходовъ. Я вполне допускаю, что нетрудно составить цѣлый списокъ грѣховъ капитализма, настолько обширный, что во многихъ сердцахъ онъ способенъ вызвать вражду и неудовольствіе по отношенію къ этой системѣ хозяйства. Капитализмъ замѣнилъ качество количествомъ, лишилъ нашу жизнь внутренняго спокойствія, удалилъ насъ отъ природы, лишилъ насъ вѣры отцовъ, превративъ міръ въ арифметическую задачу и, вызвавъ въ нашей душѣ переоцѣнку цѣнностей, онъ сдѣлалъ массы населенія рабами небольшого числа предпринимателей. Но зато одно онъ выполнилъ замѣчательно: сильно увеличившееся количество народу онъ сумѣлъ прекраснѣйшимъ образомъ снабдить средствами пропитанія, блестяще разрѣшивъ хлѣбный вопросъ, лучше чѣмъ какой-либо хозяйственный строй до него. Если мы станемъ на чисто-количественную точку зрѣнія, то капитализмъ дѣйствительно окруженъ мерцаніемъ славы, на которомъ ярко выступаютъ начертанныя огненными буквами слова: на тридцать милліоновъ человѣкъ больше“¹⁾.

Особенно поразили Бемъ-Баверка, какъ мы видѣли выше, тѣ теоріи, которыя допускаютъ, что трудъ рабочаго въ извѣстныхъ случаяхъ является источникомъ прибыли, тогда какъ въ другихъ случаяхъ прибыль не получается изъ продуктовъ этого труда. Таковы именно теоріи Лексиса и Дипеля. Лексисъ, критикуя Маркса, указываетъ на то, что прибыль можетъ возникать не только въ производствѣ, какъ утверждаетъ Марксъ, но и въ обмѣнѣ. Каждый капиталистъ продаетъ товаръ выше его (трудовой) цѣнности, повышая цѣну его на извѣстный процентъ выше трудовой цѣнности.

¹⁾ Ibid. p. 509.

Марксъ заключаетъ изъ этого, что капиталисты не въ состоянїи обогатиться такимъ способомъ, такъ какъ они теряютъ при покупкѣ то, что выиграли на продажѣ товара¹⁾. На это возражаетъ Лексисъ, что существуетъ классъ рабочихъ, который въ виду своего неблагопрїятнаго положенїя по отношенїю къ капиталистамъ, не въ состоянїи повысить такимъ же образомъ цѣну своего труда надъ ея цѣнностью, а вынужденъ продавать ее сообразно послѣдней, т. е. соотвѣтственно тому, что необходимо на поддержанїе его жизни. Поэтому капиталисты, выигрывая много при обмѣнѣ товаровъ между собою, обогащаются и при продажѣ ихъ рабочимъ. Такая покупка и продажа съ надбавкой въ настоящее время, по мнѣнїю Лексиса, во всеобщемъ употребленїи: капиталистъ прїобрѣтаетъ матеріалы и трудъ и продаетъ возникшїй изъ соединенїя этихъ элементовъ продуктъ по болѣе высокой цѣнѣ точно такъ же, какъ купецъ покупаетъ русскую и нѣмецкую пшеницу и, смѣшавъ оба сорта соотвѣтствующимъ образомъ, продаетъ ихъ съ прибылью. Но теряетъ при этомъ главнымъ образомъ рабочїй классъ, который при покупкѣ товара передаетъ часть продукта труда классу капиталистовъ²⁾. Такимъ образомъ Лексисъ, совершенно отказываясь отъ трудовой теорїи цѣнности, усматриваетъ однако въ трудѣ рабочихъ главнѣйшїй источникъ прибыли.

Въ другомъ мѣстѣ Лексисъ обращаетъ вниманїе на связь между прибылью и социальными условїями современной жизни, характеризующимися принадлежностью капитала однимъ и отсутствїемъ его у другихъ. „Источникъ прибыли, выручаемой рабовладѣльцемъ, ясно выступаетъ наружу, тоже можно сказать и въ отношенїи sweater'a. При нормальныхъ отношенїяхъ между предпринимателемъ и рабочимъ такой эксплуатаціи не существуетъ, но и здѣсь мы наблюдаемъ зависимое положенїе рабочаго, которое несомнѣнно оказываетъ влїянїе на распредѣленїе дохода... То обстоятельство, что доходъ съ капитала растетъ пропорціонально времени, основывается на непрерывномъ дѣйстви

¹⁾ См. объ этомъ томъ первый „Эволюціи прибыли“, стр. 399 и сл.

²⁾ Lexis. Die Marx'sche Kapitaltheorie. Jahrbücher für Nationaloekonomie. N. F. V. XII. p. 453—456.

изодня въ день экономической силы капитала въ отношеніи труда. Нельзя отрицать конечно того, что существованіе этой силы капитала при современной хозяйственной организаціи имѣетъ свое полное оправданіе, но тѣмъ менѣе можно упускать ее изъ виду при объясненіи прибыли съ капитала“¹⁾. Установленіе того факта, что трудъ рабочаго является, если не единственнымъ, то во всякомъ случаѣ важнымъ источникомъ прибыли и что это составляетъ послѣдствіе экономической силы капитала, не мѣшаетъ все-таки Лексису стоять всецѣло на почвѣ современнаго хозяйственнаго строя. Энгельсъ въ виду этой именно теоріи утверждаетъ, что Лексисъ не является обыкновеннымъ буржуазнымъ экономистомъ, какъ онъ самъ себя называетъ, а переодѣтымъ марксистомъ²⁾. Но этимъ онъ только доказалъ, что и онъ, подобно Бемъ-Баверку, не понялъ измѣнившихся условій хозяйственной жизни и не сообразилъ того, что — въ противоположность предыдущимъ десятилѣтіямъ — въ настоящее время можно быть одновременно и противникомъ социализма, и сторонникомъ эксплуатаціонной теоріи прибыли.

И Дитцель, совершенно отрицая трудовую теорію цѣнности, признаетъ, однако, что объясненіе прибыли эксплуатаціей рабочаго является во многихъ случаяхъ правильнымъ, хотя въ другихъ случаяхъ существованіе прибыли покоится на производительности или на утилизаціи капитала. „Если домъ нанимается предпринимателемъ (или рантье), то уплачиваемый процентъ долженъ быть объясненъ съ точки зрѣнія теоріи производительности, если же его нанимаетъ рабочій или кто-либо другой, кто не имѣетъ средствъ для покупки, то процентъ можно объяснить лишь стоя на почвѣ ученія объ эксплуатаціи. Хозяйственные отношенія между капиталистомъ-рантье и капиталистомъ-домовладѣльцемъ совершенно инныя, нежели между рабочимъ и капиталистомъ, отдающимъ ему домъ въ наймы... Подобно тому, какъ въ области ученія о цѣнности, такъ и въ области теоріи процента необходимо различныя категоріи явленій формулировать различнымъ образомъ, въ зависи-

¹⁾ Lexis. Schmollers Jahrbuch. B. XIX.

²⁾ Marx. Das Kapital. B. III. T. 1. Vorwort, p. XII—XIII.

мости отъ различнаго экономическаго положенія индивидовъ и отношеній между ними“ ¹⁾. Вотъ это-то послѣднее крайне поразило и даже огорчило Бемъ-Баверка. Вѣдь вся задача заключается въ томъ, чтобы свести все различныя явленія дохода съ капитала къ одному первоисточнику, дать имъ однообразное обоснованіе, а здѣсь вдругъ Дитцель находитъ различныя причины для одной и той же категоріи прибыли въ зависимости отъ ея различныхъ проявленій, соединяя несоединимыя теоріи производительности и эксплуатаціи. Признавъ, впрочемъ, что одно и то же явленіе можетъ вызываться различными причинами, Бемъ-Баверкъ сослался, однако, на *communis opinio*, которая издавна рассматриваетъ институтъ прибыли, какъ нѣчто опредѣленное, а не какъ конгломератъ разнородныхъ элементовъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго; между тѣмъ лишь въ послѣднемъ случаѣ однородныя съ внѣшней стороны явленія могутъ являться послѣдствіемъ различныхъ причинъ. Онъ допускаетъ, правда, что категорія процента можетъ распадаться на подвиды, имѣющіе отличный другъ отъ друга характеръ, но, во-1-хъ, экономическая наука знаетъ совершенно иныя подраздѣленія дохода съ капитала, чѣмъ тѣ, о которыхъ упоминаетъ Дитцель (извѣстенъ, напр., первоначальный доходъ съ капитала и производный процентъ, послѣдній въ свою очередь можетъ быть либо ссуднымъ процентомъ, либо процентомъ съ непотребляемыхъ предметовъ и т. п.), а во-2-хъ, вѣдь все эти виды должны имѣть что-либо общее, какое-либо единое основаніе, иначе вся категорія прибыли является не болѣе какъ пустымъ звукомъ ²⁾.

Эти возраженія Бемъ-Баверка имѣютъ и принципиальное значеніе. Кромѣ правильнаго указанія на то, что различные виды прибыли должны имѣть и что-либо общее, объединяющее ихъ въ одно цѣлое—такая общая характерная черта имѣется несомнѣнно и въ теоріи Дитцеля въ видѣ хозяйственныхъ отношеній контрагентовъ, экономической силы сторонъ,—разсужденія Бемъ-Баверка едва ли выдерживаютъ критику. Источникъ прибыли мо-

¹⁾ Göttingische gelehrte Anzeigen. 1891. B. II, p. 934—935.

²⁾ Böhm-Bawerk. Einige strittige Fragen der Kapitalstheorie. Wien—Leipzig. 1900, p. 86—100.

жетъ и долженъ быть различнымъ не только въ разные періоды хозяйственной жизни, но и въ одну и ту же эпоху что той причинѣ, что не только основныя характерныя черты экономического строя въ различные періоды совершенно измѣняются, но и въ каждый данный періодъ хозяйственная организація отличается смѣшаннымъ характеромъ, такъ какъ рядомъ съ новыми институтами существенное вліяніе оказываютъ и пережитки стараго, какъ и зачатки явленій слѣдующаго періода. И если мы не ограничимся указаніемъ общихъ признаковъ категоріи прибыли и объясненіемъ причинъ измѣненія тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ она получается въ различные періоды и причинъ существованія разныхъ источниковъ въ тотъ же періодъ, а будемъ стремиться во что бы то ни стало къ сведенію всѣхъ многообразныхъ источниковъ къ единому общему, чего желаетъ Бемъ-Баверкъ, то все реальное, все жизненное испарится, а останутся одни лишь положенія совершенно общаго характера, не дающія никакого представленія о социальной жизни, какъ указываетъ Зомбартъ, или самыя безобидныя трюизмы, по выраженію Дитцеля ¹⁾.

Что же касается самой теоріи Дитцеля, то она даетъ, въ сущности, весьма мало новаго и покоится, главнымъ образомъ, на недоразумѣніи. Бемъ-Баверкъ ее совсѣмъ не понялъ и, разобравъ на протяженіи почти двадцати страницъ, все-таки не замѣтилъ, въ чемъ заключается коренная ошибка Дитцеля. Дитцель, говоря объ источникахъ прибыли, имѣетъ въ виду вовсе не первоначальную прибыль, выручаемую въ предпріятіи, и даже не процентъ, уплачиваемый предпринимателемъ заимодавцу изъ первоначальной прибыли, словомъ, вовсе не доходъ съ капитала, а процентъ, фигурирующій въ потребительномъ кредитѣ. Имѣнно о потребительномъ кредитѣ идетъ рѣчь, когда Дитцель утверждаетъ, что процентъ, получаемый домовладѣльцемъ, имѣетъ различный источникъ въ зависимости отъ того, сдается ли домъ рабочему или капиталисту для его собственной квартиры, не для предпріятія, и поэтому нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что этотъ процентъ можетъ

¹⁾ Sombart. Der moderne Kapitalismus. B. I, p. XVIII. Dietzel. Gött. gel. Anzeigen. 1891. № 23, p. 932.

получаться изъ различныхъ источниковъ, ибо процентъ въ потребительномъ кредитѣ, будучи уплачиваемъ изъ дохода (или капитала) должника, въ данномъ случаѣ квартирантима, долженъ имѣть, по необходимости, различный источникъ въ зависимости отъ того, живетъ ли послѣдній доходомъ отъ труда (заработной платой), капитала (прибылью) или земли (рентой). Точно также и цѣна, уплачиваемая производителю или торговцу за товары, приобретаемые въ качествѣ потребительныхъ запасовъ, получается изъ различныхъ источниковъ, смотря по тому, какимъ доходомъ пользуется потребитель (покупатель). Проблема же заключается въ выясненіи того, откуда получается одинъ изъ этихъ видовъ дохода—прибыль.

Въ ученіи Оппенгеймера, которое онъ излагаетъ въ связи съ критикой системы Маркса, не менѣе ярко, чѣмъ въ теоріяхъ Бернштейна, Зомбарта и Лексиса отражается перемѣна въ экономическихъ условіяхъ, совершавшаяся въ послѣднюю четверть вѣка. Прежде всего это выражается въ его отношеніи къ теоріи цѣнности Маркса: нѣтъ ни полнаго отрицанія ея, ни безусловнаго преклоненія передъ ней, какъ это мы находимъ у экономистовъ предыдущей эпохи. Оппенгеймеръ принципиально не возстаетъ противъ нея, но указываетъ на нѣкоторые недостатки, а главное—и это наиболѣе характерно—вообще не придаетъ ей существеннаго значенія ни для социалистической доктрины, ни даже для теоріи прибавочной цѣнности Маркса. Допуская трудовую теорію, какъ исходную точку при своихъ дальнѣйшихъ выводахъ, Оппенгеймеръ все-таки отрицаетъ ученіе Маркса о прибавочной цѣнности; послѣднее, по его мнѣнію, покоится на „законѣ о накопленіи“, существованія котораго онъ не признаетъ ¹⁾. Оппенгеймеръ указываетъ на неправильность положенія Маркса, что, по мѣрѣ роста капитализма или капиталистическаго накопленія, ухудшается положеніе рабочаго класса, вслѣдствіе того, что процессъ накопленія связанъ съ относительнымъ сокращеніемъ перемѣннаго капитала (т. е. той части, которая предназначена на покупку рабочей силы), а слѣдовательно, съ увеличеніемъ избыточнаго рабочаго населенія, резервной арміи пролетариата. Какъ из-

¹⁾ Franz Oppenheimer. Das Grundgesetz der Marx'schen Gesellschaftslehre. Berlin. 1903. p. 10 и сл.

вѣстно, Марксъ допускаетъ, что временно-накопленіе капитала можетъ превышать ростъ населенія, т. е. возрастаніе спроса на рабочую силу можетъ опередить возрастаніе предложенія и привести къ повышенію заработной платы, а следовательно, къ сокращенію количества дарового труда, доставляемаго рабочимъ предпринимателю. Однако, долго это не можетъ продолжаться, ибо, „коль скоро относительное сокращеніе неоплаченнаго труда достигаетъ того предѣла, когда прибавочный трудъ, который питаетъ капиталъ, не получается въ достаточномъ количествѣ, наступаетъ реакція: капитализируется меньшая часть дохода, накопленіе сокращается, движеніе заработной платы принимаетъ обратное направленіе. Такимъ образомъ, возрастаніе заработной платы ограничено предѣлами, не только не затрагивающими капиталистическую систему производства, но и обезпечивающими воспроизведеніе ея на болѣе широкихъ основаніяхъ“¹⁾.

Но—спрашиваетъ Оппенгеймеръ—гдѣ же предѣлы возрастанія заработной платы, до какихъ поръ можетъ падать прибыль съ капитала, не задерживая роста накопленія? Вѣдь мыслимо возрастаніе заработной платы до такихъ размѣровъ, когда и рабочіе сами въ состояніи накапливать капиталъ въ болѣе или менѣе значительной мѣрѣ. Тогда они уже болѣе не являются зависимыми отъ предпринимателя и лишеными средствъ производства рабочими, а имѣютъ, быть можетъ, даже возможность примѣнять свою рабочую силу самостоятельно въ своихъ же собственныхъ выгодахъ. Съ другой стороны, „мы можемъ себѣ представить, что та граница прибыли, при которой ростъ накопленія еще не останавливается, равняется одной сотой процента, такъ что прибавочный трудъ составляетъ, пожалуй, нѣсколько минутъ въ день и норма прибавочной цѣнности понижается до $\frac{1}{72}$; могутъ существовать триллионеры съ доходомъ, который, несмотря на это, достигаетъ огромныхъ размѣровъ и допускаетъ накопленіе въ очень широкихъ размѣрахъ, но въ этомъ случаѣ все-таки не можетъ быть рѣчи о „возрастаніи бѣдствій, порабощенія, невѣжества, униженія на противоположномъ полюсѣ“ (выраженіе Маркса).

¹⁾ См. Marx. В. I.

Ибо при такихъ обстоятельствахъ заработная плата почти совпадаетъ съ цѣнностью, присоединяемой рабочими къ средствамъ производства, а эта цѣнность должна быть огромна⁴⁾ 1).

Мы находимъ здѣсь весьма своеобразный взглядъ на соотношеніе между трудомъ и капиталомъ и на прибавочную стоимость. Отношеніе Оппенгеймера къ учению о физическомъ трудѣ, какъ источникѣ прибыли, напоминаетъ отчасти мнѣніе Зомбарта по этому вопросу. И тотъ, и другой не возражаютъ принципиально противъ возможности существованія такого источника прибыли—какъ это дѣлали экономисты предыдущей эпохи и ихъ современные эпигоны—а вполне признаютъ существованіе его; но въ то же время—въ противоположность Марксу и его послѣдователямъ—не усматриваютъ въ немъ единственно-мыслимый источникъ прибыли. Зомбартъ указываетъ на существованіе, если не другихъ источниковъ, то, во всякомъ случаѣ, различныхъ формъ полученія продуктовъ труда въ качествѣ прибыли и различныхъ видовъ труда (трудъ не только рабочаго, но и ремесленника, самостоятельнаго крестьянина; доходъ землевладѣльца и т. п.—изъ нихъ оплачивается прибыль). У Оппенгеймера этого нѣтъ, онъ останавливается на одномъ лишь трудѣ рабочаго, доставляющемъ прибыль; но онъ проводитъ рѣзкое различіе между характеромъ прибыли въ зависимости отъ высоты уровня послѣдней; количественную разницу онъ разсматриваетъ какъ качественную; ибо то, что въ одномъ случаѣ (высокая прибыль въ % отношеніи) означаетъ сильную эксплуатацію, нужду и бѣдствія среди рабочаго населенія, въ другомъ случаѣ (нижняя прибыль въ %) характеризуется благопріятнымъ положеніемъ рабочаго класса. Въ этомъ обнаруживается весьма ярко вліяніе новѣйшихъ перемѣнъ въ хозяйственной жизни Западной Европы: даже съ точки зрѣнія ученія о томъ, что лишь физическій трудъ создаетъ цѣнность, приходится признать, что и до наступленія социалистическаго хозяйственнаго строя возможно значительное улучшеніе въ матеріальныхъ условіяхъ жизни населенія, какъ результатъ уменьшенія прибавочной цѣнности.

Оппенгеймеръ утверждаетъ, что та эксплуатація труда и тѣ бѣдствія среди рабочихъ, которыя мы наблюдаемъ въ

4) Oppenheimer. p. 39—42.

особенности въ первую половину XIX вѣка, не были созданы городской крупной промышленностью, а существовали и раньше въ деревняхъ, и только свобода передвиженія привела къ тому, что сельскій пролетаріатъ наводнилъ города и массы, привыкшія къ полуголодному существованію, сразу понизили и въ сферѣ индустріи плату до крайнихъ предѣловъ и доставили огромную прибавочную цѣнность промышленному предпринимателю. Такимъ образомъ причиной существованія прибавочной цѣнности, эксплуатаціи труда въ индустріи является избыточное количество населенія въ сельскихъ мѣстностяхъ; послѣднее же, въ свою очередь вызывается господствомъ крупной земельной собственности, которая—по мнѣнію Оппенгеймера—является первоисточникомъ всего зла. Крупная земельная собственность возникла путемъ насилія (грабежа и разбоя) и сохранялась насильственнымъ путемъ (рабство и крѣпостничество), она соотвѣтствуетъ первобытнымъ условіямъ и феодальному государству. Но современный хозяйственный строй основанъ на принципахъ равенства и свободы, человекъ не можетъ быть лишь средствомъ для другого. Нынѣ крупная земельная собственность составляетъ, поэтому, лишь пережитокъ, остатокъ отъ феодальной эпохи, который неминуемо силой вещей будетъ устраненъ. Процессъ удаленія этого „посторонняго тѣла“ въ социальномъ организмѣ именуется—заключаетъ Оппенгеймеръ—капитализмомъ; это болѣзнь, но какъ всякая болѣзнь, она является вмѣстѣ съ тѣмъ и процессомъ оздоровленія, который ведетъ къ появленію въ индустріи новаго средняго класса, состоящаго изъ рабочихъ, плата которыхъ повышается вмѣстѣ съ возрастаніемъ ихъ умственного и нравственнаго уровня. Это происходитъ по мѣрѣ перехода крупной земельной собственности въ руки крестьянъ, результатомъ чего является повышение платы сельскихъ рабочихъ и уменьшеніе отлива ихъ въ индустрію, почему возрастаетъ и цѣнность рабочей силы въ промышленности ¹⁾).

Можно, однако, сомнѣваться въ правильности приведенныхъ указаній на причины возрастанія заработнй платы.

¹⁾ Oppenheimer. Grundgesetz etc. p. 101. 127—130. 132—140. См. также его Grossgrundeigentum und soziale Frage. Berlin. 1898. особ. В. I. Kap. 1. и В. II, Kap. 2.

Повышеніе платы сельскихъ рабочихъ является главнымъ образомъ послѣдствіемъ сокращенія предложенія, вслѣдствіе отлива ихъ въ промышленность, цѣнность же рабочей силы въ промышленности возрастаетъ преимущественно вслѣдствіе распространенія рабочихъ организацій и усиленія послѣднихъ въ борьбѣ съ предпринимателями. Эти факторы, а вовсе не переходъ крупной земельной собственности въ руки крестьянъ обуславливаютъ сокращеніе и даже исчезновеніе прибыли, получающейся изъ труда рабочаго.

Однако, и Оппенгеймеръ, какъ и Бернштейнъ, и Зомбартъ и Лексисъ, имѣетъ въ виду одинъ лишь физическій трудъ и совершенно упускаетъ изъ виду существованіе труда иного рода. Бернштейнъ и Зомбартъ въ особенности, отказавшись отъ трудовой теоріи цѣнности въ смыслѣ обмѣна предметовъ сообразно воплощенному въ нихъ количеству труда, все-таки попрежнему усматриваютъ въ физическомъ трудѣ единственный источникъ цѣнности, и изъ того факта, что и другіе элементы, помимо рабочихъ, участвуютъ въ потребленіи произведенныхъ продуктовъ, они дѣлаютъ выводъ о существованіи прибавочной цѣнности, производимой рабочимъ. Впрочемъ, на этотъ избытокъ сверхъ того, что получаетъ рабочій изъ продукта, живутъ не только капиталисты, но и цѣлый рядъ другихъ категорій лицъ, также работающихъ, но лишь косвенно участвующихъ въ производствѣ, почему окончательный продуктъ не можетъ считаться произведеннымъ ими.

Въ этомъ послѣднемъ и кроется ошибочность приведенныхъ ученій. Продуктъ произведенъ всѣми лицами, участвовавшими въ производствѣ, независимо отъ того, принимали ли они участіе въ послѣдней или въ болѣе раннихъ ступеняхъ производства. Только лица, вовсе не участвующія въ производствѣ прямо или косвенно своимъ личнымъ трудомъ, могутъ разсматриваться въ качествѣ живущихъ на счетъ труда другихъ лицъ, и опять-таки не только на счетъ физическаго труда рабочихъ, но и всѣхъ другихъ лицъ, принимающихъ участіе въ производствѣ. Такова должна быть исходная точка, а затѣмъ уже необходимо выяснить на основаніи фактическихъ данныхъ, изъ какихъ именно категорій труда подумается нетрудовой доходъ въ настоящее время.

На это обстоятельство обратилъ вниманіе М. И. Туганъ-Барановскій. Указывая на то, что весь общественный продуктъ является созданіемъ только общественнаго труда и ничего больше, М. И. Туганъ-Барановскій вполнѣ правильно прибавляетъ къ этому: „но созданіемъ труда не только рабочихъ, непосредственно занятыхъ производствомъ, но всѣхъ лицъ, содѣйствующихъ хозяйственному благополучію общества; слѣдовательно, созданіемъ также и духовнаго труда общества во всѣхъ областяхъ духовной культуры. Фабричные рабочіе руководятъ ходомъ машины, но для созданія машины—справедливо подчеркиваетъ онъ—требуется нѣчто большее, чѣмъ крѣпкія мышцы. Безъ науки, безъ творческой работы человѣческаго духа хозяйственный трудъ былъ бы такъ же безсиленъ, какъ птица безъ крыльевъ. Рабочій классъ столь же мало совпадаетъ съ интеллигенціей, представителями творческаго труда, какъ и классъ капиталистовъ. Все общество, какъ культурное цѣлое, вырабатываетъ прибавочный продуктъ, который присваиваютъ имущіе классы. Этотъ прибавочный продуктъ создается работой интеллигенціи всевозможныхъ профессій: не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ и механическимъ трудомъ непосредственныхъ производителей... Творческая работа великихъ ученыхъ и изобрѣтателей непосредственно умножаетъ производительныя силы общества, но капиталисты еще меньше оплачиваютъ эту творческую работу, чѣмъ механической трудъ рабочихъ: они пользуются ею какъ даровымъ благомъ природы безъ всякихъ затратъ съ своей стороны“¹⁾. М. И. Туганъ-Барановскій соглашается такимъ образомъ въ значительной мѣрѣ съ высказаннымъ мною въ „Jahrbücher für Nationaloekonomie“ мнѣніемъ²⁾. При этомъ онъ однако отрицаетъ трудовую теорію цѣнности, замѣняя ее въ значительной мѣрѣ теоріей предѣльной полезности и находя, что теорія прибыли не можетъ быть слѣдствіемъ какой бы то ни было теоріи цѣнности и совершенно не нужна для обоснованія ея³⁾.

Такимъ образомъ, М. И. Туганъ-Барановскій является

¹⁾ Туганъ-Барановскій. Теоретическія основы марксизма. Изд. 3. Спб. 1906. Стр. 195—96.

²⁾ Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik. III. Folge. B. XXV 1903.

³⁾ Тамъ же, стр. 197. Ср. Лекціи по политической экономіи, стр. 41, 151 и сл. 304—5.

наибольше яркимъ выразителемъ того возникшаго въ послѣднее время направленія, которое старается примирить взгляды научнаго социализма и т. наз. буржуазной экономіи, взявъ у каждаго изъ нихъ то, что въ нихъ имѣется наибольше правильнаго и не взирая на то, что этимъ нарушается стройность какъ той, такъ и другой системы, получается извѣстный эклектицизмъ, по терминологіи Вемъ-Баверка. Теорія трудовой цѣнности и эксплуатаціонная теорія прибыли, которыя прежде считались неразрывными, совершенно отдѣлились другъ отъ друга, да и самая теорія прибавочной цѣнности измѣнила свой характеръ, потеряла свою прежнюю рѣзкость, благодаря тому, что не только рабочій, но и иные классы населенія эксплуатируются капиталистами, она перестала быть выраженіемъ социалистическаго міровоззрѣнія, однимъ изъ основаній къ отрицанію господствующаго строя — вѣдь этотъ существующій строй и самъ успѣлъ сильно измѣниться!

„Теорія производительности капитала и теорія прибавочной цѣнности Маркса—говорить М. И. Туганъ-Барановскій—обѣ содержатъ въ себѣ зерно истины и обѣ ложны въ своей односторонности“¹⁾. Теорія производительности и теорія эксплуатаціонная—прежде неумолимые враги, встрѣчаются здѣсь на полъ-дорогѣ и протягиваютъ другъ другу руки.

Наконецъ, на крайнемъ полюсѣ этого направленія находится весьма любопытная теорія общественности П. И. Георгіевскаго. Если и въ предыдущихъ ученіяхъ пробивается наружу представленіе о той роли, которую играетъ общество какъ цѣлое при созданіи прибыли, если и въ нихъ указывается на измѣнчивость прибыли подъ вліяніемъ общественныхъ перемѣнъ и отчасти обнаруживается протестъ противъ приписыванья прибыли одному лишь фактору—труду рабочаго, то теорія П. И. Георгіевскаго стоитъ всецѣло на той точкѣ зрѣнія, что доходъ съ капитала не можетъ быть разсматриваемъ какъ продуктъ того или иного фактора производства, результаты дѣятельности которыхъ и невозможно вовсе различить, а есть ничто иное, какъ нераздѣльное произведеніе всего общественнаго развитія какъ цѣлага. Въ цѣнности продукта слѣдуетъ различать издержки спеціальныя (т. е. расходы по производству) и издержки общія, которыя

¹⁾ Туганъ-Барановскій. Тамъ-же, стр. 194.

идутъ на поддержаніе общественности и составляютъ чистый доходъ (съ точки зрѣнія частнаго хозяйства), затрачиваемый на поддержаніе правового порядка и на развитіе физическихъ и духовныхъ силъ населенія. Являясь результатомъ развитія общественности, выражающейся какъ въ правовомъ порядкѣ, такъ и въ специализаціи занятій, доставляющей большее количество продуктовъ, этотъ чистый доходъ и затрачивается на общественныя потребности, какъ удовлетворяемая особыми социальными органами, такъ и непосредственно удовлетворяемая частными лицами или свободными союзами. Отсюда чистый доходъ—продуктъ общественности, распадается на двѣ части, изъ коихъ одна взимается принудительно органами государства, другая же остается въ рукахъ частныхъ лицъ, причемъ распредѣленіе послѣдней между различными слоями населенія измѣняется; и въ то время, какъ прежде господствующіе классы присвоивали ее себѣ цѣликомъ, въ настоящее время и рабочіе принимаютъ участіе при распредѣленіи результатовъ общественности. Прибыль, получаемая капиталистомъ, составляя чистый доходъ, и является одной изъ частей продукта, доставляемаго общественностью ¹⁾.

Такимъ образомъ, дѣятельность отдѣльныхъ факторовъ производства, роль не только физическаго, но и творческаго труда здѣсь совершенно ступшевывается, индивидуальность замѣняется массовымъ общественнымъ процессомъ. Весь добавочный продуктъ, получающійся вслѣдствіе примѣненія раздѣленія (расчлененія) труда въ предпріятіи, рассматривается исключительно, какъ результатъ общественныхъ условій, и точно также общественность, вызывающая развитіе техническихъ знаній, является источникомъ тѣхъ изобрѣтеній, которыя далъ XIX вѣкъ. Въ томъ, что П. И. Георгіевскій подчеркнул едва ли не впервые ²⁾ значеніе общественныхъ условій въ дѣлѣ созданія прибыли, заключается несомнѣнно большая заслуга его. Но возникаетъ все-таки вопросъ, не будетъ ли при такихъ условіяхъ приписано общественнымъ силамъ многое изъ того, что въ дѣйствительности принадлежитъ отдѣльнымъ лицамъ и составляетъ

¹⁾ Проф. П. И. Георгіевскій. Политическая экономія, отд. III гл. 8.

²⁾ Рассмотрѣнныя выше теоріи появились послѣ его изслѣдованія.

продуктъ ихъ индивидуальной дѣятельности? Конечно, Ньютона и Лавуазье, Уатта и Бессемера создала окружающая ихъ жизнь, создали предшествующіе успѣхи научной мысли; они подготовили ихъ открытія и изобрѣтенія и безъ этихъ предпосылокъ, безъ соотвѣтствующаго уровня знаній въ данную эпоху послѣднія не были бы мыслимы. Но можно ли все-таки утверждать, что все ими созданное составляетъ исключительно продуктъ этихъ общественныхъ условій и забывать объ ихъ личномъ творческомъ гениі?

III.

Какъ особое направленіе въ ученіи о прибыли съ капитала мы должны выдѣлить теорію Бемъ-Баверка. Правда, Бемъ-Баверкъ принадлежитъ въ значительной мѣрѣ къ группѣ тѣхъ писателей, которые стоятъ на точкѣ зрѣнія прежняго періода и не допускаютъ, чтобы прибыль могла имѣть различные источники, изъ коихъ одинъ былъ бы „неправомѣрный“, а другой „правомѣрный“, почему онъ и не можетъ понять совершившейся въ послѣднія десятилѣтія перемѣны въ ученіяхъ о прибыли¹⁾. Правда, онъ является безусловнымъ сторонникомъ т. наз. капиталистическаго строя²⁾ и самая теорія его, подчеркивая неизблемость института прибыли, какъ экономической (а не исторической только) категоріи, вытекающей изъ самыхъ основъ хозяйственной жизни и, поэтому, необходимой при всякомъ (даже социалистическомъ) строѣ, имѣетъ въ виду въ значительной мѣрѣ оправдать институтъ прибыли, а не только выяснить сущность его. Тѣмъ не менѣе едва ли было бы правильно смѣшивать теорію Бемъ-Баверка съ тѣми теоріями, которыя еще въ концѣ XIX вѣка безусловно отрицали, что прибыль можетъ быть результатомъ эксплуатаціи кого-либо и которыя знаютъ лишь одинъ т. наз. капиталистическій строй въ его чистой формѣ, одной изъ основъ котораго и является прибыль³⁾. Помимо того, что, по ученію Бемъ-Баверка, прибыль необходимо должна существовать въ социалистическомъ государствѣ—все ученіе его о прибыли является результатомъ появленія новой т. наз. австрійской школы въ области политической эконо-

¹⁾ См. выше, стр. 351—52.

²⁾ См. особ. Strittige Fragen, посл. гл.

³⁾ Ср. выше, стр. 354 и сл.

номіи, задумавшій перестроити економічну теорію на нових основаніяхъ, на началахъ індивідуальної психології. Въ лицѣ цѣлаго ряда економістівъ это новое направленіе соудало теорію цѣнности, покоющуюся на принципѣ предѣльной полезности, и уже съ точки зрѣнія этой теоріи нѣкоторые сторонники новаго ученія старались преобразовать и теорію [распредѣленія дохода, пересоздать и ее, исходя изъ новаго субъективнаго ученія о цѣнности. Вотъ такую то теорію прибыли, всецѣло основывающуюся на субъективной теоріи цѣнности, и составляетъ ученіе Бемъ-Баверка. При этомъ онъ является чуть ли не единственнымъ представителемъ новаго направленія, у котораго теорія предѣльной полезности получила дальнѣйшее развитіе и въ сферѣ вопроса о прибыли. Другіе економісты этой школы либо вовсе не пошли дальше ученія о цѣнности (Шукеркандль, Аусницъ, Вальра), либо сохранили прежнюю теорію производительности (Визеръ, Кларкъ), либо, наконецъ, соединили теорію Бемъ-Баверка съ прежнимъ ученіемъ Сеніора, замѣнивъ воздержаніе „выжиданіемъ“ (Гобсонъ, Маккуенъ, Макфарлэнъ). Поэтому-то въ области новаго субъективнаго направленія интересъ для насъ представляетъ въ сущности одна лишь теорія Бемъ-Баверка (да еще въ качествѣ своеобразнаго дополненія къ ней—ученіе Маршала), которая одна только даетъ новое объясненіе характера прибыли и которая вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ по своему построенію и способамъ доказательства, такъ и по тому моменту, въ которомъ она усматриваетъ причину существованія прибыли, является едва ли не наиболѣе яркимъ выраженіемъ всего того, что представляетъ собою новая психологическая (австрійско-американская) школа. Здѣсь и въ области ученія о прибыли получилъ полное примѣненіе методъ изученія *индивидуальной* психології и примѣненія результатовъ послѣдней къ *соціальной* экономикѣ, способъ построенія упрощенныхъ до крайности гипотетическихъ случаевъ, исходящихъ изъ психології какого-то естественнаго челоука, мыслящаго и чувствующаго одинаково во всѣ времена. Съ этимъ вполне гармонируетъ и вполне подходитъ ко всему направленію и то, что причиной, вызывающей прибыль, оказалась вѣчная, неизблемая категория времени, того времени, которое, по Канту, является лишь формой нашего мышленія, а

по выраженію Лацаруса, часовой стрѣлкой или тѣнью на солнечныхъ часахъ. Англійская пословица: „times is money“ была понята въ буквальный смыслъ — время создаетъ прибыль, прибавочная цѣнность созрѣваетъ въ теченіе того времени, пока капиталъ находится въ производствѣ, такъ же, какъ созрѣваютъ брошенные въ землю сѣмена или плоды на деревѣ¹⁾.

Цѣнность предметовъ высшаго разряда (капиталовъ) — говоритъ Бемъ-Баверкъ — опредѣляется цѣнностью предметовъ низшаго разряда, т. е. объектовъ потребления. Тѣмъ не менѣе величина первой никогда не достигаетъ уровня послѣдней, благодаря тому, что между превращеніемъ предметовъ высшаго разряда въ предметы низшаго разряда должно пройти извѣстное время, вслѣдствіе чего предметы высшаго разряда являются не предметами настоящими, какъ предметы низшаго разряда, предметы потребления, а предметами будущими, которые теперь не могутъ быть потреблены. А будущіе предметы имѣютъ всегда цѣнность болѣе низкую, чѣмъ предметы настоящіе того же рода. Эта-то разница въ цѣнности предметовъ настоящихъ и предметовъ будущихъ и составляетъ причину существованія прибыли съ капитала. Прибыль, по мнѣнію Бемъ-Баверка, есть, такимъ образомъ, результатъ обмѣна между настоящими и будущими предметами, есть лажъ на настоящіе предметы, получающійся при этомъ обмѣнѣ.

Троякаго рода причины влекутъ за собою меньшую цѣнность предметовъ будущихъ по сравненію съ предметами настоящими, т. е. вызываютъ разстояніе въ цѣнности между капиталомъ и изготовляемыми при его помощи продуктами. Первая причина заключается въ различномъ отношеніи между спросомъ и предложеніемъ въ разное время. Предметы, которыми мы располагаемъ въ настоящее время, годны для употребленія какъ теперь, такъ и въ бу-

¹⁾ Ср. Ому Аквинскаго; время есть общая собственность всѣхъ и не можетъ быть присвоено никѣмъ въ отдѣльности и, заимодавецъ требуя уплаты за время, обманываетъ своего ближняго, которому продаваемое время принадлежитъ такъ же, какъ ему. De usuris. I. 4). „Время само по себѣ ничего создать не въ состояніи, оно даетъ лишь возможность различнымъ силамъ обнаружить свое дѣйствіе, почему оно съ цѣнностью ничего общаго имѣть не можетъ“ (Mc. Culloch. Principles of political economy. 1825. p. 313—314).

душимъ, тогда какъ тѣми предметами, которыми мы будемъ обладать только впослѣдствіи, мы въ состояніи пользоваться лишь въ будущемъ, и, поэтому, если мы ощущаемъ потребность въ нихъ уже въ настоящее время, то мы лишены возможности удовлетворить эту потребность. Между тѣмъ, многіе дѣйствительно нуждаются уже въ настоящее время въ предметахъ, которыми они будутъ располагать въ будущемъ въ значительномъ количествѣ, и, поэтому, теперь они оцѣниваютъ эти предметы гораздо выше, чѣмъ будутъ ихъ оцѣнивать въ будущемъ. Въ такомъ положеніи находятся, напр., лица, которыхъ постигъ несчастный случай, (напр., пожаръ), безработные, люди, вынужденные въ данное время производить чрезвычайные расходы въ домашнемъ хозяйствѣ (напр. вслѣдствіе болѣзни членовъ семьи), таковы и хозяйственные условія жизни людей въ періодъ подготовки ихъ къ извѣстной профессіи (студенты и т. п.)¹⁾.

Но даже въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда предметы настоящіе имѣли бы для насъ ту же цѣнность или даже меньшую, чѣмъ предметы будущіе (что составляетъ рѣдкое исключеніе), они, все таки, являются болѣе цѣнными, чѣмъ тѣ предметы, которыми мы будемъ располагать въ будущемъ, такъ какъ, во-2-хъ, будущимъ потребностямъ мы придаемъ обыкновенно гораздо меньше значенія, чѣмъ потребностямъ, уже наступившимъ, хотя бы даже менѣе важнымъ, а потому придаемъ меньше значенія и тѣмъ предметамъ, которые должны служить средствомъ для удовлетворенія этихъ будущихъ потребностей, т. е. предметамъ будущимъ. Въ качествѣ примѣра Бемъ-Баверкъ приводитъ „рабочаго, пропивающаго въ воскресенье заработанную въ теченіи недѣли плату, беззаботнаго человѣка, истрачивающаго свое мѣсячное жалованье на легкомысленныя удовольствія уже въ первые дни его полученія“. Причину такого предпочтенія менѣе важныхъ, но настоящихъ потребностей будущимъ, болѣе важнымъ потребностямъ, онъ усматриваетъ отчасти въ неудовлетворительности нашихъ представленій о тѣхъ потребностяхъ, которыя наступятъ впослѣдствіи, отчасти въ недостаточности силы воли, отчасти, наконецъ, въ кратковременности и непрочности нашей жизни, которая можетъ

¹⁾ Kapital und Kapitalzins. В. II. p. 268.

прекратиться до наступленія момента обладанія будущими предметами.

Наконецъ, въ-3-хъ, предметы, которые находятся въ нашемъ распоряженіи въ настоящее время, являются лучшимъ средствомъ удовлетворенія нашихъ потребностей, чѣмъ предметы будущіе, благодаря тому, что, чѣмъ дольше продолжается производительный процессъ, тѣмъ онъ выгоднѣе, тѣмъ больше цѣнностей получается въ результатъ. Будущіе предметы могутъ быть примѣнены въ производствѣ не ранѣе, чѣмъ они изготовлены, тогда какъ настоящіе предметы могутъ быть употреблены въ производствѣ уже теперь, такъ что въ результатъ, если взять одинъ и тотъ же конечный моментъ, то періодъ производства окажется во второмъ случаѣ болѣе продолжительнымъ, чѣмъ въ первомъ.

Возникаетъ вопросъ, въ какомъ же соотношеніи находятся указанные три момента. Бемъ-Баверкъ говоритъ по этому поводу слѣдующее. „Эти моменты дѣйствуютъ альтернативно. Тамъ, гдѣ дѣйствуютъ первые два, отсутствуетъ третій; тамъ гдѣ первые два не проявляются вовсе или недостаточно проявляются свое дѣйствіе, наступаетъ дѣятельность третьяго. Не трудно усмотрѣть, насколько именно это обстоятельство, способно придать универсальный характеръ положенію о большей цѣнности настоящихъ предметовъ. Человѣкъ нуждающійся или безпечный оцѣниваетъ настоящіе предметы выше будущихъ, потому что они ему крайне необходимы въ настоящее время, или потому, что онъ думаетъ только о настоящемъ; состоятельный и бережливый человекъ, наоборотъ, оцѣниваетъ настоящіе предметы болѣе высоко, такъ какъ при помощи ихъ онъ можетъ большаго достигнуть въ будущемъ. Такимъ образомъ, каждый, въ какомъ бы экономическомъ положеніи онъ ни находился и какимъ бы темпераментомъ въ хозяйственномъ отношеніи отличался, всегда имѣетъ основаніе оцѣнивать настоящіе предметы выше, чѣмъ будущіе. И точно также легко понять, насколько благоприятнымъ является универсальность субъективныхъ оцѣнокъ для образованія соответствующей объективной мѣновой цѣнности и цѣны предметовъ. Если бы дѣйствіе третьяго момента кумулятивно присоединялось къ дѣйствію первыхъ двухъ, то многіе правда оцѣ-

нивали бы настоящие предметы весьма высоко, но зато нельзя было бы с уверенностью утверждать, что другие, может быть, огромное большинство, отдадут предпочтение настоящим предметам, и в результате осталось бы еще под сомнѣниемъ, какая должна получиться средняя изъ всѣхъ оцѣнокъ. Но въ виду того, что третій моментъ дѣйствуетъ альтернативно, онъ, вмѣсто дальнѣйшаго повышения отдѣльныхъ возвышенностей заполняетъ пустыя пространства и такимъ образомъ вызываетъ массовое увеличение субъективныхъ оцѣнокъ, которое необходимо сопровождается повышеніемъ средней изъ нихъ, объективной цѣнности ¹⁾).

По мнѣнію Бемъ-Баверка, слѣдовательно, вполне достаточно не только первыхъ двухъ, но и одного третьяго момента для того, чтобы цѣнность настоящихъ предметовъ была во многихъ случаяхъ выше цѣнности будущихъ. Дѣло въ томъ, что въ сущности и третій моментъ имѣетъ субъективный характеръ, подобно первымъ двумъ,—ростъ технической производительности является лишь необходимой подкладкой въ данномъ случаѣ; добавочное количество продукта превращается въ добавочную цѣнность лишь вслѣдствіе того, что „человѣкъ сѣстоятельный и бережливый оцѣниваетъ настоящие предметы болѣе высоко, чѣмъ будущіе“, зная, что можетъ при ихъ помощи произвести большее количество. При отсутствіи такой болѣе высокой субъективной оцѣнки настоящихъ предметовъ въ этомъ третьемъ случаѣ не могло бы получиться прибыли; одного объективнаго условія, выражающагося въ большей технической производительности продолжительныхъ процессовъ производства, еще недостаточно. Такъ понимаетъ Бемъ-Баверка и Гобсонъ, цитируя слова его, что „если болѣе продолжительный процессъ производства даетъ въ наше распоряженіе болѣе средствъ для удовлетворенія нашихъ потребностей, то онъ долженъ имѣть больше значенія для нашего благополучія“, такъ что—прибавляетъ Гобсонъ—этотъ процессъ способствуетъ возрастанію субъективной цѣнности ²⁾. Да иначе Бемъ-Баверкъ и не могъ аргументиро-

¹⁾ Böhm-Bawerk. II. p. 293—294.

²⁾ Гобсонъ. Экономика распределенія. Пер. подъ ред. А. Н. Котельникова. Москва. 1903. стр. 209.

вать такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ не только отказался бы отъ чисто-субъективнаго пониманія характера прибыли, но и прямо-таки вернулся бы, поскольку рѣчь идетъ о третьемъ случаѣ, къ теоріи производительности и при томъ въ наименѣе доказанной ея формѣ, именно къ т. наз. наивной теоріи производительности, гдѣ предполагается, что съ возрастаніемъ технической производительности капитала ео ipso увеличивается и экономическая производительность, теоріи, несостоятельность которой онъ самъ же блестяще доказалъ.

Изъ установленнаго такимъ образомъ положенія, что предметы настоящіе цѣннѣе предметовъ будущихъ, (независимо отъ того, являются ли первые капиталами или потребительными запасами) Бемъ-Баверкъ выводитъ существованіе всѣхъ разнообразныхъ видовъ дохода съ капитала. Прежде всего Бемъ-Баверкъ анализируетъ процентъ, уплачиваемый за ссуду, усматривая въ немъ не послѣдствіе первоначальнаго дохода, возникающаго въ предпріятіи, а одинъ изъ видовъ дохода съ капитала, стоящій наравнѣ съ другими,—ибо онъ имѣетъ въ виду кредитъ не только производительный, но и потребительный. Существованіе процента въ этомъ случаѣ онъ объясняетъ тѣмъ, что займодавецъ отдаетъ въ займы сумму цѣнностей настоящихъ, а получаетъ сумму цѣнностей будущихъ, а такъ какъ первыя по своимъ размѣрамъ превышаютъ вторыя, то онъ предъявляетъ требованіе на извѣстный излишекъ цѣнностей въ видѣ процента. Только съ присоединеніемъ процента къ будущимъ предметамъ цѣнность предметовъ настоящихъ и будущихъ выравнивается. Несравненно важнѣе вторая форма дохода съ капитала: прибыль, получаемая въ предпріятіи. Но объясненіе здѣсь и гораздо сложнѣе. Въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ исключительно третій изъ моментовъ, вызывающихъ повышеніе цѣнности настоящихъ предметовъ, по сравненію съ цѣнностью будущихъ. Предприниматель пріобрѣтаетъ цѣнности будущія, именно орудія производства, матеріалы, рабочую силу, и превращаетъ ихъ въ процессъ производства въ цѣнности настоящія, предметы потребленія. Первые должны быть еще превращены во вторыя, чтобы удовлетворять человѣческимъ потребностямъ и такъ какъ этотъ процессъ превращенія требуетъ извѣст-

наго времени, то они могут удовлетворять потребности не раньше чѣмъ по истеченіи періода, необходимаго для процесса производства. Предприниматель приобретает предметы будущіе по ихъ настоящей, болѣе низкой цѣнности и, затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ подвигается процессъ производства и они постепенно превращаются въ предметы настоящіе, приближаясь къ этой цѣли, цѣнность этихъ предметовъ будущаго увеличивается, они созреваютъ, и въ результатѣ получается разница между цѣнностью, по которой они приобретены, и цѣнностью, которую они имѣютъ по окончаніи процесса производства; это и есть прибыль съ капитала, извлекаемая предпринимателемъ.

При этомъ не только средства производства, но и трудъ является, по теоріи Бемъ-Баверка, предметомъ будущимъ. И въ этомъ случаѣ происходитъ обмѣнъ предметовъ настоящихъ на предметы будущіе, причемъ и здѣсь предприниматель является счастливымъ обладателемъ первыхъ, болѣе цѣнныхъ. Именно покупая предметъ будущаго—рабочую силу, онъ самъ выручаетъ ту цѣнность, которую приобретаетъ продуктъ, произведенный этой рабочей силой, созревающей въ процессѣ производства и превращающейся въ предметы потребления. Такъ какъ рабочіе не обладаютъ средствами производства, то они, будучи предоставлены своимъ собственнымъ силамъ, въ состояніи предпринять лишь кратковременные и, слѣдовательно, невыгодные процессы производства. Гораздо выгоднѣе для нихъ оказывается продавать предпринимателю свою рабочую силу, цѣнность будущую, если послѣдній соглашается уплатить имъ за это большее количество предметовъ, чѣмъ они могли бы самостоятельно произвести при кратковременномъ процессѣ производства. Но конечно при этомъ они получаютъ лишь настоящую цѣнность своей рабочей силы, а не ту, которую она будетъ имѣть въ будущемъ, когда воплотится въ известное количество готовыхъ продуктовъ, предметовъ потребления. Ибо ждать до окончанія процесса производства они не соглашаются и не въ состояніи это сдѣлать. Предприниматель же, удовлетворяя настоящія потребности рабочихъ при помощи принадлежащихъ ему средствъ существованія, имѣетъ возможность примѣнять рабочую силу

въ продолжительныхъ, выгодныхъ процессахъ производства.

Переходимъ къ критикѣ теоріи Бемъ-Баверка ¹⁾.

IV.

Какъ извѣстно, субъективная школа возникла въ качествѣ реакціи противъ чрезмѣрнаго увлеченія изученіемъ одного фактическаго матеріала въ видѣ ново-историческаго направленія. Послѣднее, отказавшись отъ „естественныхъ“ законовъ хозяйственной жизни, долгое время не строило никакого новаго зданія на мѣстѣ стараго разрушеннаго, ограничиваясь однимъ собираніемъ данныхъ. Лишь въ послѣднее время оно въ лицѣ Бюхера и Шмоллера стало объединять и обобщать полученные частичные результаты, а съ выходомъ второго тома курса Шмоллера приступило и къ разработкѣ теоретическихъ вопросовъ цѣнности и распредѣленія, которыхъ экономисты ново-исторической школы прежде вовсе не касались ²⁾.

¹⁾ Относительно теоріи Бемъ-Баверка см.: Эфруси. Различныя ученія о доходѣ съ капитала. Рус. Богатство. 1897. Авг. и Сент. А. Рыкачевъ. Ученіе Бемъ-Баверка о доходѣ на капиталъ. Научное Обзорніе. 1899. Мар. и Апр. Залѣвскій. Ученіе о происхожденіи прибыли на капиталъ. Отд. 2, вып. 2. Шапошниковъ. Теорія прибыли Бемъ-Баверка.

Вѣстникъ Права. 1906. № 4. Желѣзновъ. Главныя направленія въ развитіи теоріи заработной платы. Кіевъ 1904. Dietzel. Göttingische Gelehrte Anzeigen. 1891. № 23. Gebauer. Das Wesen des Kapitalzinses und die Zinstheorie v. Boehm-Bawerks. Breslau. 1904. Wicksell. Ueber Wert, Kapital und Rente nach den neueren nationaloekonomischen Theorien. Jena. 1893. Lexis. Schmollers Jahrbuch, B. XI. Schade. Boehm-Bawerks Zinstheorie und seine Stellung zur Produktivitätstheorie. Annalen des Deutschen Reichs etc. 1906. Margolin. Kapital und Kapitalzins. Darstellung und Kritik der Boehm-Bawerkschen Lehre. Berlin. 1904. Wittelshöfer. Untersuchungen über das Kapital. Tübingen. 1890. Wolf. Sozialismus und kapitalistische Gesellschaftsordnung. I. Stuttgart. 1892. White. Political Science Quarterly. Vol. VII. Hilferding. Boehm-Bawerks Marx-Kritik. Wien. 1904. Bortkiewicz. Der Kardinalfehler der Boehm-Bawerkschen Zinstheorie. Schmollers Jahrbuch. 1906. Stolzmann. Die soziale Kategorie in der Volkswirtschaftslehre. Berlin. 1896. Landry. L'interêt du capital. Paris, 1904. Hobson. The economics of distribution. New-York. 1900.

²⁾ Изъ этого конечно не слѣдуетъ, что первыя попытки въ курсѣ Шмоллера въ указанномъ направленіи уже удовлетворяютъ тѣмъ требованіямъ, которымъ должна отвѣчать построенная индуктивнымъ путемъ эволюціонная теорія цѣнности, прибыли, ренты и т. п.

Въ противоположность и въ противовѣсъ имъ абстрактно-субъективная школа не только занялась почти исключительно проблемами цѣнности и распредѣленія, но даже и въ этой области сочла совершенно излишнимъ изученіе фактовъ дѣйствительной жизни. Отказавшись отъ всякой исторической перспективы и считая свои выводы правильными для всѣхъ періодовъ хозяйственной жизни, субъективная школа отрицаетъ необходимость пользованія данными хотя бы одного только современнаго періода для подкрѣпленія и для провѣрки выводовъ, полученныхъ путемъ т. наз. изолирующей абстракціи. Если Менгеръ признаетъ даже иллюстрацію выведенныхъ дедуктивнымъ путемъ положеній вреднымъ и противорѣчающимъ „точному“ методу, то и Бемъ-Баверкъ отказывается отъ подкрѣпленія своихъ взглядовъ (напр. по вопросу объ уменьшеніи производительности позже примѣняемыхъ капиталовъ) фактическими данными, ссылаясь на отсутствіе надлежащаго матеріала и на сложность условій, затрудняющихъ констатированіе фактовъ ¹⁾, — оговорка, свидѣтельствующая лишь о полной неспособности его стать на реальную почву. Еще болѣе грустное впечатлѣніе, заставляющее усумниться въ томъ, въ состояніи ли вообще субъективное направленіе сдѣлать что-нибудь въ наукѣ, производить слѣдующее заявленіе Бемъ-Баверка. Лексисъ призналъ недоказаннымъ основное положеніе его, что возрастаніе производительности труда сопряжено съ удлиненіемъ періода производства и потребовалъ отъ Бемъ-Баверка фактическаго доказательства выставленнаго имъ тезиса путемъ разсмотрѣнія техники производства различныхъ товаровъ. На это Бемъ-Баверкъ возражаетъ, что такое доказательство заняло бы нѣсколько томовъ спеціальнаго изслѣдованія технического характера и... признаетъ достаточными приведенные имъ примѣры вродѣ того, что, при помощи ведра черпаніе воды является болѣе выгоднымъ, чѣмъ руками, или что ловля рыбы на лодкѣ и сѣтями доставляетъ большее количество продукта, чѣмъ ловля удочкой и т. д. ²⁾. Не говоря уже о томъ, что если

¹⁾ См. Желъзновъ, Зараб. пл., стр. 395.

²⁾ Böhm-Bawerk. Einige strittige Fragen der Kapitalstheorie. Wien—Leipzig. 1900. p. 9.

для пониманія основныхъ вопросовъ экономической науки, какимъ является проблема прибыли, необходимо предварительное изученіе техники, то оно должно быть обязательно сдѣлано,—въ дѣйствительности для этого вовсе не нужно было писать спеціальнаго технического изслѣдованія, а слѣдовало охарактеризовать лишь, пользуясь результатами, полученными специалистами въ области техники, процессы производства въ важнѣйшихъ современныхъ отрасляхъ промышленности, какъ напр. въ бумагопрядильной и ткацкой, въ металлургической и немногихъ другихъ. Вѣдь пришелъ же Зомбартъ на основаніи изученія дѣйствительной жизни къ любопытнымъ выводамъ по этому самому вопросу.^{1) 2) 3).}

Такое отношеніе къ фактическому материалу заставляетъ насъ относиться весьма скептически къ тѣмъ послылкамъ, изъ которыхъ исходитъ Бемъ-Баверкъ при построеніи своей теоріи прибыли и которыя онъ считаетъ доказанными. Мало того, даже тамъ, гдѣ Бемъ-Баверкъ, казалось бы, находится въ своей стихіи, гдѣ рѣчь идетъ объ индивидуальной психологіи человѣка, его тезисы являются въ сущности бездоказательными. В. Я. Желѣзновъ жалуется на то, что субъективная школа свела политическую экономію на степень какого-то придатка къ психологіи. Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ еще хуже. Бемъ-Баверкъ, по крайней мѣрѣ, не только игнорируетъ вопросы коллективной психологіи, но и

¹⁾ Ср. ниже, стр. 398.

²⁾ Совершенно иначе удалось освѣтить ту же проблему и С. Марголину на основаніи немногихъ фактовъ дѣйствительной жизни, случайно найденныхъ имъ во второмъ томѣ „Капитала“ Маркса. (См. Margolin. Kapital und Kapitalzins. Berlin. 1904 p. 47—49).

³⁾ Подобнаго же рода оговорку находимъ напр. и у Рихарда Мейера (придерживающагося того же метода изслѣдованія). Приступая къ изученію вопроса о томъ, усиливается ли разнообразіе предметовъ потребления (что должно вызывать увеличеніе ихъ предѣльной полезности, вслѣдствіе замѣны одного предмета другимъ при удовлетвореніи той же потребности), онъ заявляетъ (Die zunehmende Mannigfaltigkeit der Konsumtion. Zeitschr. f. Volkswirtschaft. V. II. p. 385 и сл.), что историческій путь изученія былъ бы чрезмѣрно длиненъ, да и материала для этого слишкомъ мало. И поэтому вопросъ о томъ, стало ли наше потребление болѣе разнообразнымъ, вопросъ факта, онъ считаетъ возможнымъ рѣшать на основаніи чисто абстрактныхъ рассужденій о различныхъ моментахъ, которые должны были такъ или иначе вліять на разнообразіе въ области потребления. Это характеризуетъ методъ этой школы.

не пользуется выводами индивидуальной психологіи. Отсутствіе „нижняго этажа“ въ его книгѣ (ссылокъ на другія сочиненія), чего такъ боится Зомбартъ ¹⁾ (и съ полнымъ основаніемъ), особенно поражаетъ, когда дѣло доходитъ до объясненія психологическихъ причинъ болѣе высокой оцѣнки настоящихъ предметовъ по сравненію съ будущими. Оказывается, что и положенія, что мы отдаемъ предпочтеніе настоящимъ предметамъ, вслѣдствіе неудовлетворительности нашихъ представленій о будущихъ потребностяхъ, по недостатку силы воли и т. п., самостоятельно сочинены Бемъ-Баверкомъ и вовсе не провѣрены данными современной психологіи. При этомъ Бемъ-Баверкъ дѣлаетъ и большую методологическую ошибку. Исходя вообще изъ т. наз. экономического принципа, которымъ руководствуется человѣкъ въ своей хозяйственной дѣятельности, онъ внезапно, когда заходитъ рѣчь о сравнительной оцѣнкѣ предметовъ настоящихъ и предметовъ будущихъ, становится на совершенно противоположную точку зрѣнія, утверждая, что люди не имѣютъ въ виду наибольшую выгоду, а дѣйствуютъ на основаніи различныхъ предрасудковъ, идущихъ въ разрѣзъ съ ихъ хозяйственными интересами. Даже вовсе не вдаваясь въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, насколько правильно указаніе Бемъ-Баверка, что будущимъ потребностямъ мы придаемъ гораздо меньше значенія, чѣмъ потребностямъ уже наступившимъ, хотя бы и менѣе важнымъ (положеніе второе), мы должны признать, что уже самая возможность систематической переоцѣнки настоящихъ потребностей совершенно немыслима методологически въ качествѣ исходнаго принципа, ибо она находится въ рѣзкомъ противорѣчій съ предположеніемъ о стремленіи каждаго къ достиженію наибольшей выгоды. Историческая школа, правда, возстаетъ противъ упрощенной психологіи „экономическаго“ человѣка, изъ которой исходили писатели классическаго направленія ²⁾, требуя разсмотрѣнія вліянія и другихъ стимуловъ человѣческой дѣятельности при построеніи экономическихъ „законовъ“. Но отрицая, что стремленіе къ наибольшей выгодѣ

¹⁾ Kapitalismus, I. p. XI.

²⁾ Ср. Brentano. Die klassische Nationalökonomie Leipzig. 1888. p. 18. Schmoller. Grundriss. I. p. 32 и сл., а также Stolzmann. Die soziale Kategorie. 1896.

является единственнымъ стимуломъ хозяйственной дѣятельности человѣка, представители историческаго направленія все же не отказываются признать этотъ стимулъ весьма существеннымъ и даже наиболѣе важнымъ. Кромѣ того ихъ требованіе заключается въ томъ, чтобы всѣ эти моменты принимались во вниманіе всегда, при изученіи хозяйственной дѣятельности человѣка во всѣхъ ея проявленіяхъ. Въ противоположность этому, Бемъ-Баверкъ, говоря о сравнительной переоцѣнкѣ предметовъ настоящихъ, хотя и болѣе важныхъ, совершенно отрицаетъ господство соображенія о личномъ интересѣ, и при томъ только въ данномъ случаѣ; онъ не комбинируетъ различные мотивы хозяйственной дѣятельности, а распредѣляетъ ихъ (и весьма неравномѣрно) между разными областями хозяйства: при обмѣнѣ, при распредѣленіи продукта между участниками въ производствѣ его, даже при сравнительной оцѣнкѣ потребностей, существующихъ одновременно (градація потребностей въ зависимости отъ того, необходимо ли удовлетвореніе ихъ для жизни, здоровья, или является только удобствомъ, роскошью) человѣкъ руководствуется соображеніями наибольшей выгоды, обладаетъ и надлежащимъ представленіемъ о своихъ потребностяхъ и необходимой для достиженія извѣстнаго результата силой воли. Но онъ внезапно теряетъ и то и другое, когда дѣло доходитъ до сравнительной оцѣнки потребностей настоящихъ и будущихъ и превращается въ расточителя, пропивающаго въ одинъ день свой недѣльный заработокъ.

Но, быть можетъ, такая непоследовательность въ методологическомъ отношеніи вызывается фактическими условіями жизни, быть можетъ, она является только кажущейся? Не трудно видѣть, что это не такъ. Случаи, когда люди систематически переоцѣниваютъ потребности настоящаго времени, составляютъ явленіе сравнительно весьма рѣдкое: какъ справедливо указываетъ Леръ, Бемъ-Баверкъ, утверждая это, исходить не изъ человѣческой природы, а изъ характера одной специфической категоріи людей, живущихъ по принципу: „après nous le déluge“ ¹⁾. Случаи этого рода не болѣе часты, чѣмъ про-

¹⁾ Lehr. Grundbegriffe und Grundlagen der Volkswirtschaft. Leipzig. 1898, p. 339.

твояположная крайность—безсмысленное скряжничество, являющееся выраженіемъ переоцѣнки будущихъ потребностей по сравненію съ настоящими ¹⁾. И что еще важнѣе, такое отсутствіе преслѣдованія собственной выгоды встрѣчается въ этой области хозяйственныхъ дѣйствій едва ли чаще чѣмъ въ другихъ сферахъ хозяйственной жизни, ибо и тамъ вѣдь бываетъ, что человѣкъ цѣнить менѣе важныя потребности выше, чѣмъ потребности, отъ которыхъ зависятъ его жизнь и здоровье, что онъ при обмѣнѣ предметовъ не пользуется представляющей ему возможностью обогащенія или же отдаетъ тѣ или другіе товары себѣ въ убытокъ. Мы можемъ даже сказать, что тѣ именно категоріи лицъ, которыя переоцѣниваютъ потребности, существующія въ настоящее время, по сравненію съ тѣми, которыя наступать въ будущемъ, поступаютъ большей частью столь же не хозяйственно въ другихъ случаяхъ. Пьяница, пропивающій въ воскресенье заработанную въ теченіе недѣли плату (примѣръ Бемъ-Баверка), обыкновенно цѣнить водку выше всего, соглашаясь даже голодать, лишь бы утолить свою жажду, и онъ не только пропиваетъ одежду, но и отдаетъ ее трактирщику за несравненно меньше стоящее количество водки. Точно также если мы возьмемъ того старца, который, чувствуя приближеніе смерти (тоже примѣръ Бемъ-Баверка) и—надо прибавить (Бемъ-Баверкъ это забываетъ),—не имѣя ни семьи, ни близкихъ и не желая отдать свои деньги на какія-либо общественныя учрежденія, ²⁾ расточаетъ свое имущество,—то мы должны будемъ признать, что такой „идеальный“ (въ смыслѣ отсутствія у него завтрашняго дня) старецъ вообще не „хозяйничаетъ“, что и во всемъ остальномъ его дѣятельность должна противорѣчить хозяйственному принципу. Ибо если дни его настолько сочтены, что ему нѣтъ основанія думать

¹⁾ Большинство людей—говоритъ Леръ (цит. соч. р. 340)—переоцѣниваютъ, наоборотъ, именно будущія потребности и во многихъ случаяхъ они съ большими лишеніями сберегаютъ деньги на будущее время, даже не получая процента.

²⁾ На эти случаи (обычныя) Бемъ-Баверкъ не обращаетъ вниманія. Даже старецъ—говоритъ Шаде (Annalen des Deut. Reichs. 1906 г. р. 228)—заботится о семьѣ, объ интересахъ общины, государства. И бездѣтный богачъ не расточаетъ своего имущества, а имѣетъ въ виду интересы общества, которому онъ оставляетъ свое имущество послѣ смерти“.

даже о ближайшемъ будущемъ, то онъ едва ли будетъ руководствоваться стремленіемъ къ наибольшей выгодѣ при распредѣленіи дохода (при добываніи того или иного заработка), при обмѣнѣ (пріобрѣтеніи тѣхъ или иныхъ предметовъ) и т. п.; вѣдь ему не къ чему увеличивать свой доходъ, разъ онъ уже не сумѣетъ воспользоваться имъ, а оставить его никому не желаетъ, у него нѣтъ основанія относиться бережливо къ тѣмъ деньгамъ, которыми онъ располагаетъ и т. д. Словомъ, тотъ, кто систематически переоцѣниваетъ потребности настоящаго времени въ ущербъ потребностямъ будущимъ, поступаетъ обыкновенно столь же нехозяйственно и во всѣхъ другихъ случаяхъ и относится къ той группѣ людей, которую политическая экономія не имѣетъ и не можетъ имѣть въ виду при изученіи различныхъ категорій хозяйственной жизни ¹⁾).

Въ противоположность второму доводу Бемъ-Баверка въ пользу выставленнаго имъ положенія, который и методологически невозможенъ и противорѣчитъ дѣйствительности, онъ, устанавливая свое первое положеніе, уже исходитъ изъ т. наз. экономического принципа. Онъ утверждаетъ, что, вслѣдствіе менѣе благоприятнаго соотношенія между спросомъ и предложеніемъ въ настоящемъ, чѣмъ въ будущемъ,

¹⁾ Конечно, если мы возьмемъ экономическій строй первобытныхъ народовъ, то увидимъ, что для послѣднихъ будущаго дѣйствительно не существуетъ, что они думаютъ исключительно о настоящемъ и цѣнятъ, поскольку они вообще начинаютъ оцѣнивать предметы, только настоящія потребности. „Первобытный человекъ—ребенокъ, онъ не думаетъ ни о будущемъ, ни о прошломъ; для него имѣетъ значеніе лишь впечатлѣніе данной минуты, обо всемъ нѣсколько болѣе отдаленномъ онъ не способенъ помышлять“. (Bücher. Entst. der Volkswirtschaft. 2. Aufl. p. 24. 26). Но такое состояніе есть именно противоположность хозяйства, ибо въ понятіе хозяйства входитъ моментъ обдумыванія, моментъ заботы не только о потребностяхъ минуты, но и о будущемъ“. (Bücher. p. 30). Къ сожалѣнію, Бемъ-Баверкъ недостаточно строго различаетъ эти два рѣзко отличные другъ отъ друга періода и въ подтвержденіе болѣе высокой оцѣнки современнымъ (нормальнымъ) человекомъ потребностей настоящихъ по сравненію съ будущими, иногда (p. 266—67) даже ссылается на дѣтей и на дикарей: послѣдніе „за нѣсколько бочекъ спиртныхъ напитковъ продавали европейцамъ свою землю, источникъ своего пропитанія“. Въ этомъ, конечно, никто не сомнѣвается (см. т. I Эволюціи), но какое отношеніе это имѣетъ къ *хозяйству* современнаго европейца?

люди оцѣниваютъ тѣ же предметы въ настоящее время, гораздо выше, чѣмъ будутъ ихъ оцѣнивать въ будущемъ; соображенія хозяйственнаго свойства, слѣдовательно, вызываютъ такую болѣе высокую оцѣнку предметовъ настоящихъ. Не возражая поэтому принципиально противъ такого положенія, мы должны однако потребовать отъ Бемъ-Баверка совершенно иной формулировки его. Бемъ-Баверкъ не вправѣ говорить: такъ какъ отношеніе между спросомъ и предложениемъ въ настоящемъ менѣе благопріятно, то мы цѣнимъ предметы въ настоящее время выше. Онъ можетъ только сказать: поскольку отношеніе между спросомъ и предложениемъ въ настоящее время менѣе благопріятно, чѣмъ въ будущемъ, постольку предметы въ настоящее время цѣнятся выше, нежели будутъ оцѣниваться впослѣдствіи. И долженъ къ этому прибавить: поскольку же, наоборотъ, отношеніе между спросомъ и предложениемъ въ настоящее время болѣе благопріятно, чѣмъ въ будущемъ, предметы, которыми мы обладаемъ въ настоящее время, оцѣниваются нами ниже предметовъ, которыми мы будемъ располагать въ будущемъ. Второй случай столь же мыслимъ какъ и первый, ибо возможны случаи какъ менѣе, такъ и болѣе полного удовлетворенія потребностей въ настоящее время, по сравненію съ удовлетвореніемъ ихъ въ будущемъ. И въ дѣйствительности существуютъ обѣ возможности. Если для лицъ, которыя находятся еще въ непродуцительномъ періодѣ жизни, будущее—производительный періодъ—обозначаетъ обладаніе большимъ количествомъ предметовъ, по сравненію съ настоящимъ, то для всего производительнаго населенія (которое составляетъ наибольшую часть населенія страны) будущее, когда производительная способность сокращается или даже вовсе наступаетъ вновь періодъ нетрудоспособности, представляется въ видѣ періода обладанія меньшимъ количествомъ предметовъ, сравнительно съ настоящимъ, и менѣе благопріятнаго соотношенія между потребностями и предназначеннымъ на удовлетвореніе ихъ запасомъ ¹⁾.

¹⁾ Многіе чиновники—указываетъ Шаде—для которыхъ воспитаніе дѣтей съ возрастаніемъ количества послѣднихъ и увеличеніемъ расходовъ на нихъ въ болѣе высокомъ возрастѣ, сопряжено съ увеличеніемъ издержекъ, находятся въ будущемъ въ худшемъ матеріальномъ положеніи, чѣмъ въ настоящемъ. Кромѣ того и пенсія

Если въ моментъ наступленій какихъ-либо чрезвычайныхъ бѣдствій (пожаръ, болѣзнь, безработица) настоящее является для человѣка менѣе благопріятнымъ въ матеріальномъ отношеніи, чѣмъ будущее—нормальное время, то съ другой стороны, въ теченіе всего нормальнаго періода онъ всегда можетъ рассчитывать на наступленіе такихъ бѣдствій въ будущемъ, по сравненію съ которымъ настоящее должно представляться болѣе выгоднымъ. Болѣе высокая оцѣнка предметовъ настоящихъ въ случаяхъ перваго рода вызываетъ потребительный кредитъ, при которомъ заемщикъ соглашается изъ будущаго болѣе значительнаго запаса уплатить всю ту (болѣе высокую) цѣнность, которую данные предметы имѣютъ для него въ настоящее время, когда соотношеніе между его потребностями и запасомъ неблагопріятно. Съ другой стороны, фактъ болѣе высокой оцѣнки предметовъ въ будущемъ находитъ свое выраженіе въ институтѣ страхованія отъ пожара, на случай смерти, на дожитіе и т. п., когда человѣкъ въ настоящее благопріятное время откладываетъ часть предметовъ для будущаго, менѣе выгоднаго въ смыслѣ соотношенія между его потребностями и запасомъ.

Такимъ образомъ, первые два довода Бемъ-Баверка ровно ничего не доказываютъ въ пользу выставленнаго имъ тезиса. Они въ лучшемъ случаѣ могутъ быть лишь разсматриваемы какъ объясненія различныхъ видовъ потребительнаго кредита: одинъ объясняетъ кредитъ ростовщическій, вызываемый легкомысліемъ должника, не руководствующагося въ своихъ дѣйствіяхъ хозяйственнымъ расчетомъ и потому не думающаго и о будущемъ; другой устанавливаетъ причину нормальнаго потребительнаго кредита, являющагося результатомъ различнаго распредѣленія запасовъ между настоящимъ и будущимъ временемъ и представляющаго собою перенесеніе части запаса изъ болѣе благопріятнаго будущаго въ менѣе благопріятное настоящее, а равно причину существованія процента въ этомъ кредитѣ, какъ уплаты должникомъ

ихъ ниже получаемаго жалованья. Доходъ рабочаго сокращается съ пониженіемъ его рабочей силы. Наиболѣе выгоднымъ является для рабочаго періодъ холостой жизни, тогда какъ впоследствии, когда онъ имѣетъ маленькихъ дѣтей и до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не въ состояніи работать, положеніе его ухудшается.

того плюса въ цѣнности, который имѣютъ для него полученные въ настоящее время предметы по сравненію съ тѣми же предметами, возвращаемыми имъ въ будущемъ кредитору. Но одно—анализъ этихъ частныхъ случаевъ, другое—доказательство общаго положенія о большей цѣнности предметовъ настоящихъ по сравненію съ предметами будущаго, которое совершенно не подтверждается первыми двумя положеніями. Къ доходу съ капитала какъ первоначальному такъ и производному въ видѣ процента въ производительномъ кредитѣ они во всякомъ случаѣ никакого отношенія не имѣютъ.

Остается еще третій—объективный моментъ: болѣе выгодные процессы производства являются и болѣе продолжительными, между тѣмъ предметы, находящіеся въ нашемъ распоряженіи въ настоящее время, могутъ быть—въ противоположность предметамъ будущимъ—употреблены уже теперь, слѣдовательно, будутъ находиться болѣе продолжительное время въ процессѣ производства. Бемъ-Баверкъ не отрицаетъ, что послѣдняя часть процесса производства—изготовление самаго продукта потребленія—по мѣрѣ развитія техники, сокращается, но указываетъ на то, что количество посредствующихъ процессовъ производства увеличивается все болѣе и болѣе и, такимъ образомъ, къ конечной (сокращающейся по времени) стадіи производства присоединяется время, затрачиваемое на посредствующіе процессы производства, почему въ результатѣ весь періодъ производства удлиняется. На этомъ основаніи онъ утверждаетъ, что чѣмъ болѣе вытѣсняется физическій трудъ техническими приспособленіями, тѣмъ болѣе продолжительнымъ становится весь процессъ производства, взятый въ цѣломъ, отъ начала до конца. Мы не будемъ останавливаться ни на вычисленіяхъ съ произвольно взятыми числами, которыми дополняетъ свою аргументацію Бемъ-Баверкъ, ни на тѣхъ возраженіяхъ противъ нихъ, которыя выставлены проф. Борткевичемъ и г. Шапошниковымъ. Укажемъ лишь на то, что это положеніе въ значительной мѣрѣ покоится повидимому на недоразумѣніи: Бемъ-Баверкъ въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду тѣ естественные процессы въ природѣ, которыхъ человѣкъ не можетъ ускорить, почему здѣсь большая продолжительность дѣйствительно совпадаетъ съ возрастаніемъ выгоды. Недаромъ Бемъ-Баверкъ всегда приводитъ въ видѣ при-

мѣра сравненіе между цѣнностью небольшого отростка и значительно большей цѣнностью столѣтняго дуба. И несомнѣнно, что болѣе продолжительное обладаніе участком лѣса доставляет и большую выгоду, такъ какъ даетъ возможность срубить деревья большей толщины и величины, точно также, какъ болѣе продолжительные процессы въ сферѣ винодѣлія или сыроваренія являются вмѣстѣ съ тѣми болѣе выгодными, ибо отъ продолжительнаго лежанія вина или сыра въ подвалахъ и погребахъ качество ихъ улучшается и цѣнность возрастаетъ. Но даже и въ отношеніи естественныхъ процессовъ природы это правило не имѣетъ общаго характера. Какъ указалъ еще Марксъ ¹⁾, процессы, прерывающіе процессъ работы, въ большинствѣ случаевъ сократились, вслѣдствіе примѣненія болѣе совершенныхъ сушильныхъ и бѣдильныхъ аппаратовъ, приборовъ для промыванія, для всасыванія различныхъ кислотъ, сокращенія процесса броженія и т. д. Если такимъ образомъ уменьшились промежутки между отдѣльными процессами труда, то нѣтъ надобности подробно доказывать, что развитіе техники въ теченіе XIX столѣтія чрезвычайно сократило и эти послѣдніе процессы — самые процессы труда и увеличивъ количество ихъ, вслѣдствіе появленія цѣлой массы новыхъ двигателей, машинъ, приборовъ и аппаратовъ ²⁾, въ то же время свело до мини-

¹⁾ Marx. V. II. 2 Aufl. p. 211.

²⁾ Только объ увеличеніи количества отдѣльныхъ процессовъ производства, вслѣдствіе введенія новыхъ дополнительныхъ процессовъ (заключающихся въ изготовленіи машинъ и инструментовъ), Бемъ-Баверкъ и можетъ говорить, и къ этому въ сущности сводятся всѣ его примѣры, свидѣтельствующіе о томъ, что околный путь (добываніе воды посредствомъ ведеръ или же посредствомъ водопроводовъ, добыча камней изъ скалы посредствомъ желѣзнаго клина и молота или путемъ приготовленія взрывчатыхъ веществъ, рыболовство посредствомъ удочки или при помощи лодки и сѣтей, рубка дерева посредствомъ каменнаго топора, съ одной стороны, и стального топора, съ другой стороны—Positive Theorie, p. 16 и сл. Stritt. Frag. p. 9) требуетъ вставки новаго предварительнаго процесса, но вовсе не доказывающіе, что этотъ предварительный процессъ вмѣстѣ съ послѣдующимъ продолжительнѣе, чѣмъ прежде былъ одинъ только непосредственный процессъ. При этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и количество отдѣльныхъ процессовъ вовсе не всегда увеличивается. Развитіе металлургической промышленности послѣднихъ десятилѣтій можетъ наоборотъ служить прекрасной иллю-

мума продолжительность изготовления каждого из этих орудий производства.

Положение, что болѣе выгодные процессы являются и болѣе продолжительными, равносильно утверждению, что количество времени, затрачиваемое на изготовление болѣе совершенных орудий производства вмѣстѣ съ выдѣлкой при ихъ помощи продукта въ суммѣ болѣе значительно, чѣмъ изготовление менѣе совершеннаго инструмента плюсъ производство продукта при его посредствѣ. Между тѣмъ, если мы даже возьмемъ простѣйшіе излюбленные примѣры Бемъ-Баверка (изъ робинзонады), то и тогда увидимъ, что это положеніе является произвольнымъ. Исходя изъ того факта, (примѣръ Бемъ-Баверка) что черпаніе воды при помощи ведра является болѣе выгоднымъ, нежели руками, вправѣ ли мы утверждать, что изготовление ведра плюсъ черпанье имъ даже вдвое большаго количества воды, чѣмъ руками, требуетъ большаго времени, нежели простое черпанье воды руками. Если, допустимъ, что въ теченіе 10-часоваго дня можно руками начерпать бочку воды, а ведромъ десять бочекъ, то что можно возразить противъ предположенія, что изготовление ведра потребуетъ пять часовъ и слѣд. въ теченіе того же дня можно будетъ начерпать еще и пять бочекъ воды съ помощи ведра. Очевидно, что теоретически есть три возможности—изготовление ведра плюсъ черпанье воды при помощи его потребуетъ или меньше времени, чѣмъ черпанье воды руками, или столько же времени или, наконецъ, меньше времени. На какомъ же основаніи Бемъ-Баверкъ исключаетъ

страціей противоположнаго движенія, при которомъ число процессовъ сокращается, вслѣдствіе устраненія прежнихъ промежуточныхъ операцій непосредственнымъ переходомъ отъ одного дѣйствія къ другому: примѣненіе аппаратовъ, расположенныхъ террасами, дѣлаетъ иалишнимъ транспортъ продукта изъ одного въ другой (онъ автоматически переходитъ, по окончаніи процесса производства въ данномъ аппаратѣ, въ слѣдующій), возможность прокатыванія при одной и той же температурѣ нагрѣва избавляетъ отъ необходимости прибѣгать къ нѣсколькимъ процессамъковки, которые замѣнены теперь однимъ процессомъ производства. См. Ehrenberg. Die Eisenhütten-technik. 1906. p. 85 и сл. 108 и сл. Послѣдній подчеркиваетъ (p. 113) фактъ упрощенія процесса производства: въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъ многочисленныхъ функций и отдѣловъ, на которые распалось производство, осталось всего нѣсколько.

первые два случая и признает третій единственно мыслимымъ?

Переходя отъ этихъ возможныхъ случаевъ къ дѣйствительности, надо сказать, что трудно было бы конечно безъ детальнѣхъ розысканій въ области техники утверждать, что продолжительность процесса производства въ его совокупности (т. е. считая продолжительность какъ изготовленія орудій производства и матеріаловъ, такъ и самаго продукта) сократилась ¹⁾, но во всякомъ случаѣ развитіе техники въ теченіе послѣдняго столѣтія производитъ такое впечат-

¹⁾ Бемъ-Баверкъ совершенно неправильно утверждаетъ, что до тѣхъ поръ, пока не доказано противное, онъ въ правѣ исходить изъ выставленнаго имъ положенія (Stritt Fr. p. 10), ибо *onus probandi* лежитъ очевидно на его сторонѣ, между тѣмъ все его доказательство (въ *Positive Theorie* его вовсе нѣтъ), сводится въ сущности къ утверженію, будто бы вполне ясно, что гораздо легче изобрѣсти (и, поэтому, должно гораздо чаще имѣть мѣсто), такія приспособленія, которыя удовлетворяютъ лишь одному условію, именно доставляютъ большее количество продукта, чѣмъ двумъ условіямъ: одновременно, создаютъ и большій продуктъ и болѣе краткимъ путемъ, — подобно тому, какъ легче построить паровыя машины имѣющія большее количество лош. силъ, но въ то же время и большій вѣсъ, чѣмъ такія, которыя при большемъ количествѣ лош. силъ имѣли бы и меньшій вѣсъ (Stritt Frag. p. 23). Но съ такой точки зрѣнія гораздо легче создать изобрѣтенія, которыя производя большее количество продуктовъ, производятъ однако продукты худшаго качества, а между тѣмъ, какъ извѣстно, примѣненіе машинъ, имѣя своимъ послѣдствіемъ увеличеніе производства, въ то же время не только не вызываетъ ухудшенія продукта, но даже, наоборотъ, одновременно приводитъ къ повышенію качества производимыхъ на машинахъ предметовъ. Съ такой точки зрѣнія „естественно“ было бы, чтобы новыя средства сообщенія, отличающіяся способностью провозить большее количество товаровъ, дѣлали это однако, медленнѣе, чѣмъ прежде, были бы сопряжены съ большимъ числомъ несчастныхъ случаевъ, съ большими опозданіями и т. д. Въ противоположность этому, характерной особенностью желѣзныхъ дорогъ (какъ и пароходовъ) является не только большая провозоспособность, но и увеличеніе въ скорости и точности, сокращеніе числа несчастныхъ случаевъ и т. д., по сравненію съ прежнимъ транспортомъ на проселочныхъ дорогахъ и т. д. (или парусными судами). Если бы все это не было установлено, то Бемъ-Баверкъ, исходя изъ своего принципа, что легче удовлетворять одному требованію, чѣмъ многимъ, рѣшилъ бы, вѣроятно, что желѣзныя дороги идутъ медленнѣе, чѣмъ прежде телеги и въ особенности, что крушенія и несчастные случаи (какъ это на первый взглядъ кажется) на нихъ происходитъ чаще, чѣмъ это было до ихъ по-

лѣніе, что эта продолжительность не возросла ¹⁾. Слѣдуетъ при этомъ лишь вспомнить, что въ настоящее время всякая стачка въ каменугольныхъ косяхъ немедленно же отражается на всѣхъ прочихъ отрасляхъ производства, пользующихся этимъ топливомъ ²⁾, что сырье въ видѣ шерсти, желѣза и т. д. съ неимовѣрной быстротой проходитъ всѣ процессы производства отъ начала до конца, что

стройки, и что машина ухудшаетъ — это дѣйствительно предполагали прежде — качество продукта.

¹⁾ Зомбартъ (*Kapitalismus* В. II. р. 71 и сл. 80 — 81) указываетъ на наличность въ современной хозяйственной жизни тенденцій двоякаго рода. Предприниматель всѣми силами старается ускорить оборотъ, въ смыслѣ сокращенія продолжительности, какъ процесса производства, такъ и процесса обращенія; но такое сокращеніе мыслимо лишь путемъ предварительнаго удлиненія, вслѣдствіе замѣны оборотнаго капитала основными (въ видѣ машинъ), средствъ производства, быстро амортизирующихся (такъ что капиталъ быстро возвращается обратно) средствами производства, допускающими болѣе продолжительное пользованіе и, слѣдовательно, заставляющими долѣе выжидать возвращенія помѣщеннаго въ нихъ капитала. Однако, какъ видно изъ сказаннаго, Зомбартъ имѣетъ въ виду въ сущности не продолжительность всего періода производства, а продолжительность оборота затраченнаго въ производствѣ капитала, который въ одномъ отношеніи удлиняется, въ другомъ — сокращается. Нельзя отрицать, конечно, того, что въ такомъ смыслѣ утверженіе Бемъ-Баверка было бы до извѣстной степени правильно, ибо несомнѣнно, что развитіе техники въ XIX вѣкѣ сопровождалось возрастаніемъ размѣровъ помѣщаемаго въ производствѣ основнаго капитала, хотя посредствомъ ускоренія затѣмъ процесса производства въ его конечныхъ стадіяхъ предприниматели старались скорѣе реализовать капиталъ. Но вопросъ заключается въ томъ, насколько самая продолжительность процесса производства отъ начала до конца, а не продолжительность оборота капитала увеличилась, какъ утверждаетъ Бемъ-Баверкъ, или, наоборотъ, уменьшилась. Если въ отношеніи продолжительности оборота капитала рѣчь идетъ о томъ, когда возвращается обратно весь помѣщенный въ данный моментъ основной и оборотный капиталъ, то во второмъ вопросѣ суть заключается лишь въ выясненіи того, требуетъ ли изготовленіе болѣе совершенныхъ орудій производства плюсъ выдѣлка при ихъ помощи продукта большаго количества времени, по сравненію съ изготовленіемъ прежнихъ менѣе совершенныхъ орудій вмѣстѣ съ производствомъ продукта при ихъ содѣйствіи.

²⁾ Тогда какъ въ прежнее время лѣсъ, необходимый для кузницъ, литейныхъ заводовъ, стекольныхъ мануфактуръ и т. д. заготавлился за годъ и болѣе впередъ.

въ машиностроительной индустріи техническій прогрессъ совершался и совершается не менѣе, а, быть можетъ, еще болѣе скоро, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ производства, ибо помимо того, что эта индустрія выиграла отъ изобрѣтеній, появившихся въ цѣломъ рядѣ другихъ отраслей производства, какъ то: металлургической, электротехнической, химической и т. д., здѣсь, въ особенности въ постройкѣ паровыхъ двигателей, различныхъ ткацкихъ и прядильныхъ машинъ и т. п., сдѣланы многочисленныя изобрѣтенія, благодаря которымъ все сооруженіе производится въ самое короткое время и вовсе не требуетъ большей продолжительности, чѣмъ производство прежнихъ прялокъ и веретенъ, станковъ, инструментовъ и т. д.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ дѣствительной жизни, которые, намъ кажется, способны пролить яркій свѣтъ на разсматриваемый вопросъ. Въ настоящее время—писаль Максъ Марія Веберъ еще въ 1862 году—на заводѣ Борзига, который имѣетъ собственныя прокатныя и литейныя мастерскія, паровые молоты и всѣ остальные необходимые для машиностроенія элементы, еженедѣльно изготовляется три локомотива полностью, во всѣхъ ихъ частяхъ, пригодные для немедленнаго употребленія. Крупные вагоностроительные заводы, какъ напр. Пфлугъ въ Барменѣ, Крамеръ—Клеттгъ въ Нюрнбергѣ и др., въ состояніи ежедневно производить отъ четырехъ до пяти товарныхъ вагоновъ, пользуясь впрочемъ уже надлежащимъ образомъ приготовленнымъ желѣзомъ, которое превращается ими лишь въ соотвѣтствующую форму посредствомъковки и литья. Одинъ изъ этихъ заводовъ заявилъ о своей готовности доставлять во время войны, послѣ надлежащаго оборудованія, ежедневно полную артиллерійскую батарею, за исключеніемъ однихъ лишь пушечныхъ дулъ. Англійскіе же вагоностроительные заводы уже въ то время могли произвести вагонъ въ теченіе одного дня, пользуясь притомъ совершенно необработаннымъ матеріаломъ; такимъ образомъ, здѣсь въ теченіе одного дня продѣлываются всѣ процессы производства, и въ то время, какъ утромъ имѣются еще стволы дерева и добытое изъ рудниковъ желѣзо, къ вечеру совершенно готовъ и поставленъ на рельсы вагонъ. На заводѣ Ашбюри около Манчестера, гдѣ была произведена во время выставки повѣрка

продолжительности производства, выяснилось, что вполне законченный крытый товарный вагонъ въ 16 футовъ длины и 8 футовъ ширины съ двумя подвижными дверьми, на четырехъ колесахъ, сдѣланныхъ цѣликомъ изъ ковкаго желѣза, въ теченіе 11 часовъ 20 мин. произведенъ изъ чугуна и стволовъ дерева. Ходъ работы и продолжительность отдѣльныхъ процессовъ производства была слѣдующая. Всѣ деревянные части вагона были нарѣзаны изъ пяти стволовъ ость-индской сосны при помощи паровыхъ пильныхъ станковъ въ теченіе $1\frac{1}{2}$ часа, обработка ихъ (строганіе и т. д.) длилась $2\frac{3}{4}$ часа, а вмѣстѣ съ соединеніемъ деревянныхъ частей, крытіемъ вагона, лакировкой, окраской его и т. д. все изготовленіе деревянныхъ частей вагона отняло $10\frac{1}{2}$ часовъ, причемъ занято было 38 рабочихъ. Въ тоже самое время изготовлялись желѣзные части его. Въ $7\frac{1}{4}$ ч. утра началась обработка полученнаго изъ доменныхъ печей чугуна, въ 8 ч. 40 м. были закончены первоначальные процессы, въ 8 ч. 53 м. приступлено къ пудлингованію, въ 9 ч. 40 м. началась обработка брусевъ паровымъ молотомъ, а въ $12\frac{1}{2}$ ч. приступлено было къ прокатыванію. Затѣмъ началось изготовленіе отдѣльныхъ частей вагона—осей, колесъ, винтовъ, тормазовъ, цѣпей, болтовъ и т. д. Въ теченіе $3\frac{1}{2}$ часовъ были произведены всѣ четыре колеса изъ вальцованнаго желѣза, въ $2\frac{1}{2}$ часа выковано 342 штуки винтовъ, болтовъ и т. д. Производство другихъ частей — въ числѣ 171 предметовъ продолжалось $6\frac{1}{2}$ часовъ со времени полученія матеріала изъ прокатной и молотобойной мастерской. До 6 ч. 40 м. всѣ процессы были закончены, въ 7 ч. вечера того же дня вагонъ отправленъ былъ въ Лондонъ, и въ 12 ч. слѣдующаго дня, т. е. приблизительно спустя 30 часовъ послѣ начала распилки древесныхъ стволовъ и доставленія желѣза для выдѣлки вагона, онъ находился уже въ предназначенномъ для него павильонѣ выставки ¹⁾.

Изъ приведеннаго примѣра видно, что нынѣшняя индустрія достигла такой скорости производства, что объ увеличеніи продолжительности процесса производства — отъ начала его до конца—едва ли можетъ быть рѣчь. Посредству ю-

¹⁾ Max Maria von Weber. Aus der Welt der Arbeit. Berlin. 1907, р. 22—27.

щія, вновь введенные, процессы производства совершаются такою же громадною быстротою, какъ и конечные процессы изготовления самаго продукта и всѣ они въ своей совокупности отнимаютъ не больше, а, наоборотъ, по всѣмъ видимостямъ, пожалуй даже меньше времени, чѣмъ прежде одно изготовление продукта, не считая даже времени, затрачивавшагося прежде на выдѣлку хотя бы примитивныхъ орудій производства. Наиболѣе выгоднымъ образомъ производить въ настоящее время не тотъ, кто производитъ долго, а тотъ, кто производитъ наиболѣе скоро, примѣняя при этомъ наиболѣе усовершенствованныя средства и методы производства и комбинируя въ своемъ предпріятіи нѣсколько различныхъ отраслей производства, какъ изготовление сырья, такъ и выдѣлку полуфабрикатовъ, различного рода фабрикатовъ, соединеніе ихъ вмѣстѣ и т. д. А это зависитъ исключительно отъ размѣровъ капитала, находящагося въ распоряженіи предпринимателя. Только благодаря огромному капиталу, упомянутый манчестерскій вагоностроительный заводъ въ состояніи сосредоточивать въ своихъ рукахъ всѣ необходимыя для производства вагона процессы производства. Если вѣрить Бемъ-Баверку, для изготовления вагона необходимо предпринять одинъ за другимъ цѣлый рядъ продолжительныхъ процессовъ производства. Между тѣмъ не только каждый изъ нихъ выполняется въ теченіе немногихъ часовъ и даже минутъ, но всѣ они происходятъ одновременно и поэтому все производство отъ начала до конца отнимаетъ такъ мало времени. А если въ области машиностроительной промышленности, т. е. въ новыхъ привходящихъ процессахъ производства, достигнута такая скорость, то, имѣя въ виду ту быстроту, съ которой совершаются конечные процессы производства, благодаря примѣненію машинъ—чего и Бемъ-Баверкъ не отрицаетъ—можно ли утверждать, что прогрессъ техники удлинилъ весь періодъ производства отъ начала его до конца ¹⁾?

¹⁾ Бемъ-Баверка ввело въ данномъ случаѣ въ заблужденіе, повидимому, другое представленіе, изъ котораго онъ исходитъ какъ изъ не требующаго дальнѣйшаго доказательства. Именно онъ считаетъ несомнѣннымъ, что чѣмъ крупнѣе капиталъ въ смыслѣ средствъ производства, примѣняемыхъ въ данномъ процессѣ производства, тѣмъ продолжительнѣе и самый процессъ и всякое сокращеніе про-

Слѣдуетъ ли изъ этого однако, что мы не цѣнимъ предметовъ настоящихъ выше предметовъ будущихъ? Конечно, нѣтъ—несомнѣнно мы цѣнимъ первые выше вторыхъ, но только не потому, что мы не имѣемъ яснаго представленія о потребностяхъ будущихъ, не потому, что мы въ настоящее время находимся въ менѣе благопріятномъ положеніи, по сравненію съ будущимъ, наконецъ, и не потому, что при по-

цесса производства обозначаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и уменьшеніе вложеннаго въ него капитала (см. напр. Strittige Fragen, p. 13. 22 прим. 27, 33). Въ подтвержденіе этого онъ ссылается на то обстоятельство, что капиталъ, какъ извѣстно, представляетъ собой предварительный трудъ и чѣмъ крупнѣе онъ, тѣмъ болѣе воплощено въ немъ предварительнаго труда, т. е. тѣмъ больше времени требовалось на его созданіе (если напр. капиталъ въ 500 гульд. представляетъ собой 1½ года, то капиталъ въ 5000 гульд. 16½ лѣтъ, Skitt. Frag. p. 12)—выводъ совершенно произвольный, ибо при одновременномъ трудѣ большаго числа лицъ и большій капиталъ, воплощающій въ себѣ болѣе значительное количество труда, можетъ быть произведенъ въ то же время или даже еще скорѣе—не говоря уже о томъ, возможно ли вообще сравнивать по количеству труда два капитала въ настоящее время, когда они воплощаютъ въ себѣ не только физическій, но и творческій трудъ, который съ физическимъ трудомъ несоизмѣримъ и вообще не можетъ быть сведенъ ни какому числу часовъ или лѣтъ. (Ср. выше стр. 163). Если мы будемъ стоять на той точкѣ зрѣнія, что въ настоящее время ткацкая машина производится скорѣе, принимая во вниманіе весь процессъ отъ начала до конца, чѣмъ двѣсти лѣтъ тому назадъ ручной ткацкій станокъ, то, наоборотъ, окажется, что нынѣшній крупный капиталъ требуетъ для своего созданія меньшей продолжительности, чѣмъ прежде мелкій. И тогда выяснится полная возможность приводимаго Лексисомъ примѣра (котораго Бемъ-Баверкъ не допускаетъ. I. с. p. 22), что въ горномъ дѣлѣ въ прежнія эпохи добываніе того же количества руды требовало болѣе продолжительнаго процесса производства, но на него затрачивалось меньше капитала, чѣмъ въ настоящее время. Такимъ образомъ оказывается, что необходимо предварительно разрѣшить поставленную выше проблему, связаны ли болѣе выгодные процессы производства съ удлиненіемъ всего періода производства; и лишь на основаніи этого можно отвѣтить на вопросъ о соотношеніи между продолжительностью процесса и размѣрами примѣняемаго капитала, и нельзя ставить наравнѣ то и другое, какъ это дѣлаетъ Бемъ-Баверкъ („пользованіе болѣе продолжительными процессами производства или примѣненіе болѣе значительнаго капитала“), ибо только въ томъ случаѣ, если весь процессъ производства удлинился, можно утверждать, что нынѣшній крупный капиталъ требуетъ для созданія его болѣе продолжительности, чѣмъ прежде требовалъ мелкій капиталъ.

мощи настоящихъ предметовъ мы можемъ предпринять болѣе продолжительные, а слѣдовательно, и болѣе выгодные процессы производства. Мы цѣнимъ настоящіе предметы выше будущихъ по той причинѣ, что существуетъ прибыль съ капитала, а вслѣдствіе этого, и процентъ на рынокъ. Благодаря тому, что обладая сегодня какими-либо цѣнностями, всякій черезъ годъ можетъ уже получить извѣстный доходъ, примѣняя эти цѣнности либо самостоятельно въ производствѣ, либо передавая ихъ другимъ лицамъ, для помѣщенія въ производствѣ, — благодаря этому, онъ предпочитаетъ получить ихъ сегодня, чѣмъ черезъ годъ. И это относится, конечно, ко всемъ предметамъ, такъ какъ каждый изъ нихъ можетъ быть превращенъ въ денежную сумму, и какъ таковая, приноситъ доходъ. Не предпочтеніе предметовъ настоящихъ предметамъ будущимъ есть причина существованія дохода съ капитала, а наоборотъ, благодаря существованію этого дохода, предметы настоящіе цѣнятся выше будущихъ. „Понятіе о нынѣшней цѣнности предмета, поступающаго въ наше распоряженіе лишь въ будущемъ, — говоритъ Фойхтъ — возникло только благодаря кредиту и отсутствію послѣдняго, не имѣетъ никакого смысла... Поэтому правъ купецъ, усматривающій различіе между цѣнностью предметовъ настоящихъ и предметовъ будущихъ въ существованіи процента, въ томъ, что предметы, имѣющіеся въ настоящее время, могутъ доставлять доходъ въ будущемъ, а не Бемъ-Баверкъ, превращающій причину въ слѣдствіе“ ¹⁾. Такого же мнѣнія держится и Визеръ, экономистъ очень близкій Бемъ-Баверку по духу и вполнѣ сходящійся съ нимъ въ вопросахъ цѣнности, но рѣшительно отвергающій его теорію прибыли. „Тѣмъ не менѣе — прибавляетъ онъ — далеко не безразлично, владѣемъ ли мы капиталомъ сегодня или черезъ годъ, ибо владѣніе имъ сегодня доставляетъ доходъ втеченіе лишняго года... Поэтому-то извѣстная сумма въ настоящее время всегда цѣннѣе такой же суммы впоследствии“ ²⁾ ³⁾.

¹⁾ Veigt. *Produktion und Erwerb. Zeitschrift für ges. Staatswissenschaft.* 1893. p.

²⁾ Wieser. *Der natürliche Wert.* Wien. 1889. p. 138.

³⁾ Ср. Stolzmann. p. 324: „разница въ цѣнности настоящихъ и будущихъ предметовъ потребленія есть выводъ изъ той истины, что капиталъ доставляетъ процентъ“.

V.

Разъ основное положеніе Бемъ-Баверка оказывается несостоятельнымъ, то нѣтъ надобности подробно разсматривать примѣненіе его въ отдѣльныхъ случаяхъ и останавливаться на томъ, какъ Бемъ-Баверкъ объясняетъ отдѣльные виды дохода съ капитала. Однако, въ виду особаго интереса, представляемаго однимъ изъ разбираемыхъ имъ случаевъ, когда прибыль получается въ предпріятіи, мы его все-таки подвергнемъ дополнительному критическому анализу. Бемъ-Баверкъ исходитъ изъ того предположенія, что весь продуктъ производится рабочими, но они не могутъ получить его цѣликомъ по той причинѣ, что не было бы обмѣна равноцѣнностей, если бы за 100 гульд., имѣющихъ получиться въ будущемъ году, рабочимъ платили 100 гульд. въ настоящее время, ибо предметы будущіе не равноцѣнны предметамъ настоящимъ. Такимъ образомъ, хотя рабочіе получаютъ не весь произведенный продуктъ, но полную равноцѣнность его. Одно изъ двухъ: или они должны ждать до окончанія процесса производства и тогда они вправѣ требовать весь продуктъ, или же, если они желаютъ получить плату впередъ ранѣе того, чѣмъ производимые ими предметы будутъ совершенно готовы, превратятся изъ предметовъ будущаго въ предметы настоящаго, т. е. желаютъ, чтобы за предметы будущіе ихъ вознаградили предметами настоящими, то они не могутъ получить всей будущей цѣнности продукта, и получающійся такимъ образомъ вычетъ и составляетъ прибыль предпринимателя ¹⁾.

¹⁾ А. М. Рыкачевъ (Научное Обзорніе Апр. 1899) справедливо указываетъ на то, что Бемъ-Баверкъ въ данномъ случаѣ лишь новымъ способомъ выражаетъ давно извѣстныя явленія, причемъ однако этотъ новый способъ едва-ли представляетъ какія-либо выгоды. Дѣйствительно, рѣчь идетъ о томъ, что, такъ какъ рабочій по общему правилу не обладаетъ никакимъ имуществомъ, то онъ не въ состояніи ждать окончанія производства и въ силу этого ему необходимо заплатить раньше. Изъ этого многіе экономисты дѣлаютъ выводъ, что подобная необходимость дѣлаетъ рабочаго беспомощнымъ по отношенію къ предпринимателю и заставляетъ его соглашаться на предлагаемыя послѣднимъ условія труда и заработной платы. Это, въ сущности, говоритъ и Бемъ-Баверкъ, съ той только разницей, что тѣ экономисты, выдвигающіе соціальную сторону явленій, разсматриваютъ такое положеніе

И въ этомъ случаѣ возникаетъ вопросъ фактическаго свойства: такъ ли это, подмѣтилъ ли Бемъ-Баверкъ въ данномъ случаѣ болѣе правильно явленія дѣйствительной жизни, или онъ и здѣсь исходитъ изъ столь же произвольно принятаго имъ за нѣчто не подлежащее сомнѣнію предположенія, какъ и въ своемъ утверженіи о томъ, что болѣе выгодные процессы производства являются вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе продолжительными? Прежде всего мы можемъ привести цѣлый рядъ отраслей производства, гдѣ *все* участвующіе въ производствѣ рабочіе вознаграждаются одними предметами настоящаго за другіе предметы настоящаго, такъ какъ все они получаютъ плату по окончаніи продукта и по поступленіи его на рынокъ. Очевидно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ они должны были бы, по теоріи Бемъ-Баверка, получать всю цѣнность изготовленнаго продукта, и прибыли не должно быть никакой. „На американскихъ китоловныхъ судахъ — говоритъ Джорджъ — заработная плата заключается обыкновенно въ извѣстной долѣ добычи. Она выдается изъ добытой экипажемъ судна массы китоваго уса и жира; но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда доля каждаго уплачивается деньгами, соотвѣтственно денежной цѣнѣ причитающейся ему части этихъ продуктовъ, дѣло не измѣняется, ибо собственникъ корабля производитъ уплату не предварительно, а тогда, когда судно пришло уже въ гавань.“ Такимъ образомъ, въ тотъ моментъ, когда онъ выдаетъ плату рабочимъ, онъ сбываетъ добытые продукты ¹⁾). Уокеръ указываетъ на то, что въ перевозочныхъ предпріятіяхъ Соединенныхъ Штатовъ, въ которыхъ насчитываются сотни тысячъ рабочихъ, уплата послѣднимъ производится еженедѣльно или даже помѣсячно. Между тѣмъ желѣзнодорожныя компаніи получаютъ всю плату за про-

рабочихъ какъ нѣчто необходимое при т. наз., капиталистическомъ строѣ, какъ вытекающее изъ того, что рабочимъ не принадлежать средства производства. Между тѣмъ Бемъ-Баверкъ, не касаясь вообще соціальной стороны экономическихъ явленій, выставляетъ полученіе рабочимъ лишь части производимаго ими продукта, какъ результатъ чисто-случайнаго экономическаго обстоятельства, какъ послѣдствіе того, что они не соглашаются ждать до окончанія процесса производства.

¹⁾ George. Progress and poverty. См. кн. I гл. III и IV.

возь паесажировъ и часть товарныхъ фрахтовъ ежедневно¹⁾, такъ что въ данномъ случаѣ рабочіе получаютъ не предметы настоящаго за проданную предпринимателю рабочую силу, производящую предметы будущаго, и даже не предметы настоящаго за проданные предметы настоящаго, а предметы настоящаго за предметы прошлаго; они слѣд. не только должны были бы получать все, что выручаетъ компанія, но еще прибавку за то время, которое проходитъ между полученіемъ компаніей продукта и уплачиваемымъ гораздо позже вознагражденіемъ; и они цѣнятъ предметы настоящаго выше предметовъ будущаго и, поэтому, предприниматели обязаны вознаграждать ихъ за то, что уплачиваютъ имъ тогда, когда плата имѣеть для нихъ гораздо меньшую цѣнность, чѣмъ тогда, когда компанія сама выручила плату—иначе говоря, по Бемъ-Баверку, рабочіе получаютъ меньшую цѣнность, чѣмъ они отдали предпринимателю. Тоже самое—какъ указываетъ Брентано—происходитъ во всѣхъ тѣхъ индустрияхъ, которыя производятъ предметы вооруженія для иностранныхъ державъ: предприниматели получаютъ плату за производимые товары до начала производства, между тѣмъ какъ рабочихъ они вознаграждаютъ лишь по истеченіи недѣли, мѣсяца или даже трехъ мѣсяцевъ съ начала работъ, а всю заработную плату за трудъ, затраченный въ производствѣ, выдаютъ много мѣсяцевъ спустя, послѣ того, какъ сами получили цѣну заказа²⁾. Подобный же характеръ имѣють тѣ многочисленные случаи, когда скупщикъ уплачиваетъ кустарю уже послѣ того, какъ онъ успѣлъ сбыть товаръ, и тѣмъ не менѣе выдаетъ ему лишь часть вырученной цѣны³⁾.

Если отъ этихъ случаевъ, гдѣ неправильность положенія Бемъ-Баверка особенно рѣзко бросается въ глаза, перейдемъ

¹⁾ Walker. The Wages question p. 134. См. вообще гл. VIII и XI.

²⁾ Brentano. Ueber die Ursachen der heutigen Sozialen Not. p. 34.

³⁾ „Получивъ отъ хозяина желѣзные прутья по вѣсу и привезя въ кузницу, гвоздарь начинаетъ ковать. Проковавъ весь 6¹/₂—7 мѣсячный сезонъ, онъ не знаетъ еще, что получить за свой трудъ, такъ какъ хозяева установили такой порядокъ, что цѣну они назначаютъ сами уже послѣ продажи гвоздя. Продадутъ выгодно,—накинуть нѣсколько копѣекъ на пудъ, нѣтъ—назначаютъ minimum.“ (В. В. Очерки кустарной промышленности въ Россіи. Спб. 1886, стр. 150). Ср. Troeltsch. Calwer Zeughandlungskompagnie: расплата производится лишь послѣ того, какъ товары проданы на рынкѣ.

къ другимъ, то увидимъ, что въ области индустрии вообще, если имѣть въ виду ту быстроту, съ которой въ настоящее время совершаются различные процессы производства ¹⁾, получение рабочимъ платы до окончательнаго изготовленія продукта представляетъ собою не общее правило, а исключеніе. Въдь не слѣдуетъ упускать изъ виду, что дубленіе кожъ продолжается при примѣненіи электричества всего четыре дня, въ деревообрабатывающей промышленности весь процессъ отъ распилки стволовъ до изготовленія предметовъ потребления отнимаетъ не болѣе дня, а производство желѣза и стали по способу Бессемера составляетъ всего 20 минутъ ²⁾, что паровозъ строится въ настоящее время въ нѣсколько дней ³⁾, а вагонъ—въ теченіе дня, и даже желѣзнодорожная мостъ—наиболѣе сложное и продолжительное сооруженіе—уже въ 1862 году былъ выстроенъ въ 2½ недѣли ⁴⁾ ⁵⁾. Между тѣмъ—какъ указываетъ Brentano—заработная плата выдается въ многихъ отрасляхъ производства по общему правилу каждая двѣ или четыре недѣли, а въ горнопромышленности даже каждые три мѣсяца ⁶⁾ ⁷⁾.

¹⁾ При этомъ въ данномъ случаѣ, въ противоположность вопросу о связи между продолжительностью процессовъ производства и выгодностью ихъ, рѣчь идетъ не о сравненіи болѣе старыхъ и болѣе новыхъ совершенныхъ способовъ производства, а объ абсолютной продолжительности процесса производства продукта отъ начала до конца.

²⁾ Sombart. Kapitalismus. B. II. p. 75.

³⁾ Weber. Aus der Welt der Arbeit. p. 27.

⁴⁾ Weber. I. c. p. 31.

⁵⁾ Бемъ-Баверкъ, совершенно игнорируя современную действительность и стоя на почвѣ ребинзонадъ (Робинзонъ, строящій лодку нѣсколько лѣтъ), всегда почему-то исходитъ изъ того, что процессъ производства продолжается много лѣтъ, десять, пять, три года (см. Stritt. Frag. p. 19. 33), годъ составляетъ у него минимальный срокъ, дальше котораго повидимому немислимо идти.

⁶⁾ Brentano. I. c. Въ области горной промышленности предприниматель, имѣющій 10 тыс. рабочихъ, выигрываетъ на этомъ не менѣе 20 тыс. марокъ въ годъ. Schr. des. Vereins für Sozialpol. B. 116. p. 195.

⁷⁾ Въ прежнія времена рабочіе, въ особенности въ сельскомъ хозяйствѣ и горной промышленности, нанимались на годъ и получали плату разъ или два раза въ годъ, притомъ не впередъ, а по окончаніи срока найма. Такой обычай существовалъ въ Англии еще

Наконецъ, даже въ тѣхъ — сравнительно немногихъ — случаяхъ, относящихся преимущественно къ — все болѣе сокращающейся — сферѣ ручного производства, гдѣ плата выдается до полного окончанія продукта, рѣчь идетъ не о всѣхъ рабочихъ, а лишь о тѣхъ, которые производятъ первоначальныя операціи, тогда какъ всѣмъ тѣмъ изъ нихъ, которые участвуютъ въ конечныхъ процессахъ производства, въ отдѣлкѣ продукта и т. д., плата выдается не только одновременно, но даже значительно позже того, какъ имѣется уже готовый продуктъ. „Тѣ рабочіе напр.—говоритъ Маршалль,—которые составляютъ часы, и производятъ конечныя операціи въ производствѣ часовъ, создаютъ предпринимателю гораздо большее количество продуктовъ годныхъ къ непосредственному потребленію, чѣмъ они сами получаютъ въ видѣ заработной платы. И если мы будемъ имѣть въ виду—продолжаетъ онъ—различныя времена года, какъ время посѣва, такъ и время жатвы, то увидимъ, что рабочіе въ общемъ доставляютъ предпринимателямъ болѣе значительное количество продуктовъ въ конечной стадіи производства, чѣмъ они сами получаютъ отъ нихъ въ видѣ заработной платы“¹⁾).

Такимъ образомъ правъ не Бемъ-Баверкъ, утверждающій, что предприниматель кредитуетъ рабочаго, а Маркъсъ, еще давно указавшій на то, что рабочій ссужаетъ капиталиста, предоставляя ему рабочую силу ранѣе, чѣмъ онъ получаетъ плату за нее²⁾; мало того, давая ему готовый фабрикатъ до полученія заработной платы за его производство. Бемъ - Баверкъ говоритъ на то, что „длинный рядъ рабочихъ, не будучи въ состояніи примѣнять свой трудъ за собственный счетъ, согласенъ продать будущіе продукты своего труда за значительно меньшее количество продуктовъ настоящаго, на примѣръ, за продуктъ будущаго цѣнностью въ 10 гульд., который, вслѣдствіе недѣльнаго труда, получится черезъ два года, часть рабочихъ готова удовлетвориться въ крайнемъ случаѣ 5 гульденами, другая часть

въ началѣ XIX вѣка. (Steffen. Gesch. de engl. Lohnarbeiter. B. II. p. 288). Ср. также Jaurès. La constituante. p. 90. Martin. La grande industrie sous le règne de Louis XV. p. 286. Stockbauer. Nürnbergisches Handwerksrecht. p. 56.

¹⁾ Marshall. l. c.

²⁾ Marx. Das Kapital. B. I. 2. Aufl. p. 160.

даже $2\frac{1}{2}$ “¹⁾. Если, такимъ образомъ, 10 и 5 (или $2\frac{1}{2}$) гульд. составляютъ крайніе предѣлы заработной платы, то очевидно отъ соотношенія между силой предпринимателей и силой рабочихъ на рынкѣ труда зависитъ уже, гдѣ установится заработная плата между этими двумя границами. Въ то время, какъ при неограниченной конкуренціи среди рабочихъ плата должна приближаться къ минимальному предѣлу, она можетъ достигать гораздо болѣе высокаго уровня, если рабочіе хорошо организованы. На такое размышленіе должно было навести Бемъ-Баверка, казалось бы, и другое дѣлаемое имъ указаніе. Отрицая возможность эксплуатаціи рабочихъ при господствѣ свободной конкуренціи, онъ допускаетъ ее въ исключительныхъ случаяхъ экономической зависимости и нужды, когда вообще имѣетъ мѣсто ростовщичество въ разнообразной формѣ²⁾. Такой ростовщическій характеръ имѣетъ уплата рабочему иногда даже въ томъ случаѣ, если послѣдній нанимается вовсе не капиталистомъ, а посредникомъ, который нанимаетъ рабочихъ, но уплачиваетъ имъ несравненно менѣе, чѣмъ самъ получилъ. „Что подобнаго рода сокращеніе платы, вызываемое экономической зависимостью рабочихъ, ничего общаго съ прибылью не имѣетъ, вполне ясно“ — по мнѣнію Бемъ-Баверка,—но вѣдь такая экономическая зависимость рабочихъ существуетъ повсюду, гдѣ есть индивидуальный рабочий договоръ, какую специфическую особенность мы можемъ найти въ приведенномъ случаѣ? Однако даже въ случаяхъ такой зависимости—прибавляетъ онъ—вполнѣ свободная конкуренція на рынкѣ труда способна и должна устранить эксплуатацію.

Все спасеніе, слѣдовательно, въ неограниченной конкуренціи³⁾. Исходя изъ такой посылки, экономисты субъективнаго направленія очевидно не только не идутъ дальше классической школы, какъ они утверждаютъ, но дѣлаютъ

¹⁾ Böhm-Bawerk. В. II. р. 334. 350.

²⁾ Во второмъ томѣ своего „Kapital und Kapitalzins“ онъ разсматриваетъ случай нужды какъ вполне нормальный, и находитъ въ этой нуждѣ одну изъ трехъ причинъ существованія дохода съ капитала. Въ „Strittige Fragen“ такой процентъ признается ростовщическимъ и ничего общаго неимѣющимъ съ настоящимъ доходомъ съ капитала (р. 115).

³⁾ Boehm-Bawerk. Stritt. Frag

значительный шагъ назадъ, ибо то, что было вѣрно и соответствовало дѣйствительности въ первой половинѣ XIX вѣка, перестало имъ быть въ настоящее время. Заимствуя у классической школы гипотезу о неограниченной конкуренціи, какъ исходную точку для всѣхъ построений, Бемъ-Баверкъ и другіе представители субъективнаго направленія совершенно не замѣтили того, что жизнь съ тѣхъ поръ успѣла уйти впередъ, и что основанный на ничѣмъ не стѣсняемой конкуренціи индивидуальный рабочій договоръ пересталъ быть нормальной формой установленія заработной платы, уступая мѣсто коллективному договору, гдѣ исключается конкуренція какъ между рабочими, такъ и между предпринимателями, и рабочій уже не выступаетъ въ роли просителя, обивающаго пороги предпринимателя и готоваго за какую угодно сумму предметовъ настоящаго отчуждать свою рабочую силу¹⁾.

¹⁾ Любопытно, что Бемъ-Баверкъ послѣ появленія книги Штольмана призналъ вполне правильными указанія послѣдняго на односторонность теорій, игнорирующихъ вліяніе социальныхъ факторовъ и заявилъ, что, и по его мнѣнію, цѣна и прибыль должны быть объяснены совмѣстнымъ и взаимно-переплетающимся вліяніемъ чисто-хозяйственныхъ и социальныхъ факторовъ (силы сторонъ). Теорія предѣльной полезности пока разработала лишь вліянія чисто-хозяйственныхъ моментовъ. (Zeitschr. für Volkswirtsch. VII. p. 425 и сл.). „Какіе плоды дастъ это покающееся настроеніе — говорить по этому поводу В. Я. Желѣзновъ—покажетъ будущее. Но, судя по сдѣланному Бемъ-Баверкомъ заявленію, можно ожидать простаго аклектического разрѣшенія вопроса, т. е. механическаго присоединенія къ даннымъ уже объясненіямъ указаній на вліяніе нѣкоторыхъ социальныхъ факторовъ. Между тѣмъ задача, открывающаяся для изслѣдованія, здѣсь значительно труднѣе и заключается въ установленіи надлежащаго соподчиненія между индивидуальными и социальными моментами, соответственно ихъ реальному значенію, для чего требуется внимательное реалистическое изслѣдованіе“. Несомнѣнно, что Бемъ-Баверкъ смотритъ на дѣло именно съ такой механической точки зрѣнія, да едва ли онъ и сознаетъ, что социальный моментъ вполне равноцѣненъ чисто-хозяйственному. Это слышкомъ противорѣчило бы всему его міровоззрѣнію въ области экономическихъ вопросовъ, его взгляду на отклоненія отъ системы неограниченной конкуренціи, какъ на нѣчто исключительное, ненормальное и временное. Если бы онъ понималъ, что имъ сдѣлана лишь половина задачи и что отсутствуетъ еще вся вторая половина которая способна измѣнить кореннымъ образомъ полученные дс.

Наилучшую критическую оцѣнку ученія о болышей цѣнности предметовъ, которыми мы располагаемъ въ настоящее время, по сравненію съ цѣнностью предметовъ, которыми мы въ состояніи будемъ воспользоваться лишь въ будущемъ,—представляетъ собою теорія прибыли Маршалля. Послѣдній усматриваетъ причину существованія процента съ капитала въ томъ ожиданіи, которому подвергается человѣкъ, отказываясь отъ удовлетворенія своихъ потребностей въ настоящемъ въ пользу удовлетворенія ихъ въ будущемъ. Капиталь есть—по Маршаллю—продуктъ труда и выжиданія; „исходя изъ свойствъ человѣческой природы, мы вправѣ разсматривать процентъ какъ вознагражденіе за жертву, заключающуюся въ томъ, что удовлетвореніе потребности отлагается, ибо лишь немногіе дѣлали бы сбереженія безъ такого вознагражденія; мы точно также говоримъ, что заработная плата есть вознагражденіе за трудъ, такъ какъ едва ли многіе согласились бы работать безъ вознагражденія“¹⁾.

Въ этихъ словахъ заключается въ сущности пресловутая теорія воздержанія и Маршалль лишь считаетъ нужнымъ—какъ онъ самъ и указываетъ — замѣнить терминъ воздержанія, приводящій легко къ недоразумѣніямъ, другимъ терминомъ выжиданія. Бемъ-Баверкъ (во второмъ изданіи) и относитъ его къ сторонникамъ теоріи воздержанія; однако онъ усматриваетъ въ ученіи Маршалля своеобразный вариантъ этой теоріи, въ который вошли элементы ученія самого Бемъ-Баверка о цѣнности настоящихъ и будущихъ предметовъ. На теоріи Маршалля можно прослѣдить всю близость между ученіями Сеніора и Бемъ-Баверка: она составляетъ переходную ступень между той и другою. Стоило лишь Маршаллю, не ограничившись указаніемъ, что выжиданіе составляетъ жертву, требующую вознагражденія, пояснить, что

сихъ поръ результаты, а не только внести нѣкоторыя ограниченія и дополненія, — онъ вынужденъ былъ бы очевидно признать, что пока всё его разсужденія относительно цѣнности, капитала, прибыли незакончены, что онъ не далъ еще цѣльной теоріи ни по одному изъ этихъ вопросовъ, а высказалъ лишь нѣкоторыя мысли и соображенія, которыя должны пролить извѣстный свѣтъ на эти спорные вопросы и дать матеріаль для установленія дѣйствительной теоріи.

¹⁾ Marshall. Principles of economics. Vol. I. 2-ed. London. 1891. p. 292.

эта жертва заключается въ томъ, что человѣкъ отказывается отъ удовлетворенія потребностей въ настоящемъ и откладываетъ удовлетвореніе ихъ на будущее время, которое имѣетъ для него меньшую цѣнность, чѣмъ настоящее, — и теорія воздержанія превратилась въ теорію цѣнности предметовъ настоящихъ и предметовъ будущихъ.

Маршалъ нѣсколько разъ рѣшительно заявляетъ, что мы оцѣниваемъ настоящее удовольствіе (pleasure) выше удовольствія будущаго ¹⁾. Однако, цѣльной теоріи онъ въ этомъ отношеніи не даетъ; стоя на реальной почвѣ и не будучи въ состояніи, подобно Бемъ-Баверку, совершенно отказаться отъ дѣйствительной жизни въ угоду абстрактной теоріи, Маршалъ указываетъ на цѣлый рядъ существенныхъ отклоненій отъ этого положенія, наблюдаемыхъ въ жизни. Если мы приведемъ въ связь всѣ тѣ мѣста, гдѣ онъ останавливается на соотношеніи между цѣнностью предметовъ настоящихъ и предметовъ будущихъ, и постараемся составить изъ нихъ нѣчто цѣльное, то увидимъ, что Маршалъ стоитъ въ этомъ вопросѣ въ сущности на эволюціонной точкѣ зрѣнія, рассматривая сравнительную оцѣнку человѣкомъ предметовъ настоящихъ и предметовъ будущихъ какъ измѣняющееся вмѣстѣ съ общимъ поступательнымъ движеніемъ культуры явленіе, и притомъ измѣняющееся въ пользу предметовъ будущихъ, цѣнность которыхъ все болѣе и болѣе возрастаетъ, по сравненію съ предметами настоящими. Такъ, онъ прежде всего обращаетъ вниманіе на то, что „способность ясно представлять себѣ будущее и заботиться о немъ развилась лишь медленно въ исторіи человѣчества, что путешественники сообщаютъ о племенахъ, которыя безъ значительныхъ усилій могли бы удвоить свои запасы продовольствія и предметы удовольствія, еслибы они примѣнили находящіяся въ ихъ распоряженіи и извѣстныя имъ средства, напр. устроили бы ограду для своихъ плантацій въ защиту отъ дикихъ звѣрей“. Но дѣло въ томъ, прибавляетъ онъ, что въ первобытныя времена накопленіе запасовъ для будущаго не имѣетъ смысла въ виду отсутствія безопасности; въ прежнія времена никто, за исключеніемъ богатыхъ, не могъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ смо-

¹⁾ Marshall. Principles. p. 177, 291 и др.

жить потребить въ будущемъ сбереженные имъ предметы. „Работящій и бережливый крестьянинъ, успѣвшій скопить небольшое имущество, нерѣдко подвергался ограбленію со стороны власть имущихъ, что составляло постоянное предостереженіе для его сосѣдей, не отказываться отъ удовлетворенія своихъ потребностей или отъ отдыха въ настоящемъ“ ¹⁾).

Что касается, далѣе, современныхъ культурныхъ народовъ, то Маршалъ находитъ, что въ настоящее время мы встрѣчаемъ людей двоякаго рода. Одни оцѣниваютъ удовлетвореніе потребности въ будущемъ почти такъ же высоко, какъ удовлетвореніе ея въ настоящемъ, тогда какъ другіе, не отличающіеся такимъ же терпѣніемъ и самообладаніемъ и не представляющіе себѣ столь же ясно будущаго, придаютъ сравнительно мало значенія удовлетворенію какой-либо потребности, если этого нельзя сдѣлать немедленно. Но и настроеніе одного и того же человѣка мѣняется; иной разъ онъ нетерпѣливъ и помнитъ лишь о настоящемъ, въ другихъ случаяхъ онъ наоборотъ думаетъ о будущемъ, готовъ удовлетвореніе всякой потребности отложить на будущее время, если это только мыслимо. Сегодня онъ не заботится ни о чемъ, завтра имѣетъ въ виду лишь будущія потребности; иной разъ онъ подобенъ ребенку, который вытаскиваетъ изюмъ изъ пудинга, чтобы сейчасъ же съѣсть его, въ другой разъ онъ похожъ на того ребенка, который откладываетъ этотъ изюмъ, чтобы съѣсть его въ самомъ концѣ. „Но во всѣхъ случаяхъ—прибавляетъ Маршалъ,—когда мы вычисляемъ процессъ, по которому дисконтируется будущее удовольствіе, мы должны обязательно принимать во вниманіе то удовольствіе, которое сопряжено съ самымъ ожиданіемъ“ ²⁾).

Такимъ образомъ, оказывается, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія утверждать, будто бы современные культурные люди оцѣниваютъ предметы настоящаго выше предметовъ будущаго, наоборотъ во многихъ случаяхъ удовлетвореніе потребностей въ будущемъ, имѣющее для нихъ одинаковую цѣнность съ удовлетвореніемъ ихъ въ настоящемъ, приобрѣ-

¹⁾ Marshall. Principles. p. 284—286.

²⁾ Marshall. Principles. p. 178.

тасть еще большую цѣнность въ виду того наслажденія, которое связано съ сознаніемъ предстоящаго въ будущемъ удовольствія. Говоря о сбереженіяхъ, Маршалъ также различаетъ людей двоякаго рода. Есть люди, зарабатывающіе два-три фунта стерл. въ одну недѣлю и чуть ли не голодающіе въ слѣдующую недѣлю; пока они имѣютъ работу, шиллингъ имѣетъ для нихъ меньше значенія; чѣмъ пенсъ тогда, когда они лишены заработка, и тѣмъ не менѣе они не дѣлаютъ попытокъ сбереженія на то время, когда у нихъ нѣтъ ничего: они „дисконтируютъ“ будущія удовольствія въ нѣсколько тысячъ процентовъ въ годъ. Противоположность имъ составляютъ тѣ скряги, у которыхъ жажда накопленія граничитъ съ безуміемъ; среди крестьянъ и въ другихъ классахъ населенія мы встрѣчаемъ нѣсколько людей, бережливость которыхъ доходитъ до того, что они отказываютъ себѣ въ самомъ необходимомъ, сокращая такимъ образомъ свою трудоспособность въ будущемъ. Наконецъ, бываютъ и такіе люди, которые сегодня отказываютъ себѣ въ удовлетвореніи потребности и накапливаютъ значительныя суммы съ большими лишеніями, впоследствии же и притомъ весьма скоро расточаютъ ихъ самымъ непродуманнымъ образомъ на свадебныхъ празднествахъ и поминкахъ по умершимъ ¹⁾).

Въ настоящее время отсутствуетъ то соображеніе, которое побуждало прежде предпочитать потребленіе предметовъ въ настоящемъ сбереженію ихъ на будущее время: накопленіе сбереженій вполне безопасно и каждый имѣетъ основаніе рассчитывать на то, что онъ будетъ въ состояніи воспользоваться ими въ будущемъ. Поэтому благоразумный человекъ старается устроить такимъ образомъ, чтобы онъ могъ удовлетворять свои потребности равномерно въ теченіе всей своей жизни и если онъ опасается, что впоследствии его работоспособность сократится, то онъ несомнѣнно будетъ сберегать часть своихъ средствъ на это время. Онъ поступитъ подобнымъ образомъ и въ томъ случаѣ, если онъ знаетъ, что за это время его запасы не только не увеличатся, но даже сократятся. Онъ будетъ откладывать плоды и яйца на зиму не потому, что они становятся

¹⁾ Marshall. Principles. p. 284—285.

лучше, а потому, что изъ тогда труднѣе достать, или по- слѣдуетъ примѣру своихъ предковъ, которые, прекративъ дѣла, переѣзжали въ деревню и тамъ проводили свою ста- рость. Они вычисляли, что то удовольствіе, которое они мо- гутъ имѣть отъ нѣсколькихъ лишнихъ гиней въ то время, когда они еще получаютъ заработокъ, для нихъ составляетъ меньшую цѣнность, чѣмъ тѣ удобства, которыя они смо- гутъ доставить себѣ на эти деньги на старости лѣтъ ¹⁾.

Мало того, въ настоящее время чѣловѣкъ имѣетъ въ виду не только себя, но и свою семью. Люди работаютъ и дѣлаютъ сбереженія не столько для себя, сколько для своей семьи; это видно изъ того факта, что уйдя отъ дѣлъ, они рѣдко потребляютъ болѣе того, что имъ доста- вляетъ доходъ со сбереженнаго капитала, оставляя самый капиталъ въ неприкосновенности семьѣ. Въ одной только Англии подобнымъ образомъ сберегается ежегодно около 20 милліоновъ ф. ст. въ видѣ страховыхъ полисовъ, выпла- чиваемыхъ лишь послѣ смерти страхователя²⁾. Въ этомъ слу- чаѣ процентъ уплачивается не должникомъ, а кредиторомъ- страхователемъ; послѣдній платитъ страховому обществу за то, что оно сберегаетъ для него деньги и даетъ возмож- ность удовлетворенія потребностей въ будущемъ. Маршалъ вообще указываетъ на то, что мы легко можемъ себѣ пред- ставить отрицательный процентъ, когда люди, заботясь о своей старости и о своихъ потомкахъ, готовы платить за вполне безопасное помѣщеніе ихъ имущества на будущее время, т. е. согласятся даже платить тѣмъ предпринимате- лямъ, которые взяли у нихъ деньги для примѣненія ихъ въ производствѣ ³⁾.

Такимъ образомъ, положеніе, что потребности, удовле- творяемыя въ настоящемъ, цѣнятся выше, чѣмъ потреб- ности, которыя можно будетъ удовлетворить лишь въ будущемъ, имѣетъ отношеніе лишь къ прежнимъ време- намъ когда челоуѣкъ не думалъ о будущемъ и когда накопленіе сбереженій было сопряжено съ опасностью лишиться ихъ; тогда какъ къ настоящее время люди

¹⁾ Marshall. Principles. p. 286—291.

²⁾ Marshall. Principles. p. 287—288, 295.

³⁾ Ibid. p. 291—292 и др.

вовсе не руководствуются этими соображеніями. „Хотя и теперь еще человекъ не согласенъ откладывать надолго удовлетвореніе своихъ потребностей, но онъ все таки постепенно прибрѣлъ большую склонность жертвовать своимъ спокойствіемъ и удовольствіями въ настоящее время, чтобы воспользоваться ими въ будущемъ. Онъ прибрѣлъ бѣольшую „телескопическую“ способность, т. е. бѣольшую способность живо представлять себѣ будущее, ясно изображать его передъ своимъ умственнымъ взоромъ. Онъ сталъ умнѣе, прибрѣлъ больше самообладанія и поэтому больше склонности высоко оцѣнивать будущія прибыли и убытки, если понимать эти термины въ самомъ широкомъ смыслѣ, обозначая ими и самыя высокія и самыя низкія чувства, волнующія нашу душу“ ¹⁾. Маршалъ разсчитываетъ, что съ теченіемъ времени эти качества людей будутъ развиваться все болѣе и болѣе. Но и въ отношеніи нынѣшняго времени онъ утверждаетъ, что хотя „большинство людей предпочитаетъ потребности настоящаго потребностямъ будущимъ, иначе говоря, не желаетъ „ждать“—но задача экономиста заключается не въ повтореніи этой всѣмъ извѣстной истины, а въ указаніи на тѣ многочисленныя исключенія изъ этого правила, которыя встрѣчаются гораздо чаще, чѣмъ это могло бы казаться на первый взгляд“.

¹⁾ Marshall. Principles. p. 617.

²⁾ Marshall. p. 618.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Уровень прибыли.

Теорія предѣльной полезности не удовлетворилась объясненіемъ вопросовъ цѣнности и старается въ лицѣ нѣкоторыхъ представителей (впрочемъ, далеко не всѣхъ) примѣнить полученные результаты отчасти и при изслѣдованіи другихъ вопросовъ экономической науки. На теоріи предѣльной полезности построена и теорія ренты Шуллерна ¹⁾, и теорія потребленія Паттена и Мейера ²⁾, не говоря уже о теоріи прибыли Бемъ-Баверка ³⁾. Саксъ даже строитъ на ней теорію налоговъ, причемъ сравниваетъ „законъ“ предѣльной полезности съ закономъ притяженія: первый имѣетъ столь же универсальное значеніе и примѣненіе, какъ и второй ⁴⁾. Любопытнѣе однако другой фактъ: въ экономической наукѣ стараются не только воспользоваться результатами, полученными примѣненіемъ теоріи предѣльной полезности къ категоріи цѣнности, но и примѣнить тотъ же принципъ предѣльности къ другимъ экономическимъ категоріямъ, къ категоріи заработной платы и процента. И этимъ методомъ измѣренія пользуются не только экономисты австрійской школы и американскіе писатели, придерживающіеся того же способа изслѣдованія, но и противники субъективной теоріи цѣнности и экономисты совершенно иного лагеря.

Еще у Тюнена въ его „Изолированномъ государствѣ“ мы можемъ найти слѣдующія два положенія: „заработная плата въ крупномъ предпріятіи равна продукту, созданному

¹⁾ Schullern—Schrattenhofen. Untersuchungen über Begriff und Wesen der Grundrente. Leipzig. 1889.

²⁾ Patten. The consumption of wealth. 1889. Robert Meyer. Die zunehmende Mannigfaltigkeit der Konsumtion. Zeitschrift für Volkswirtschaft, Socialpolitik und Verwaltung. B. II. 385 и сл.

³⁾ Sax. Grundlegung der theoretischen Staatswirtschaft. Wien. 1887. и Die neuesten Fortschritte der nationaloekonomischen Theorie. Leipzig. 1889.

⁴⁾ См. впрочемъ выше, стр. 378.

последнимъ нанятымъ рабочимъ“ и „процентъ съ капитала опредѣляется производительностью послѣдняго вложеннаго въ производство капитала“ ¹⁾). Впослѣдствіи эти положенія Тюнена повторялись Рошеромъ, Мангольдтомъ, Митгофомъ, хотя существеннаго значенія имъ никто не придавалъ и на послѣдующемъ развитіи теоріи заработной платы и процента они отразились весьма мало. Экономисты подвергали критическому анализу лишь схему Тюнена по вопросу о томъ, какъ долженъ распредѣляться продуктъ между различными классами общества, какова должна быть „естественная“, „справедливая“ заработная плата, но не останавливались на его выводахъ относительно причинъ высоты заработной платы и процента. Однако въ послѣдніе годы обстоятельства практическаго свойства вывели изъ забвенія ученіе Тюнена о заработной платѣ; борьба изъ за введенія высокихъ хлѣбныхъ пошлинъ въ Германіи вызвала появленіе т. наз. контрарной теоріи заработной платы ²⁾, исходящей изъ выставленныхъ Тюненомъ положеній. Дицель, а за нимъ Шеффле, Артуръ Шульцъ и другіе противники аграрнаго протекціонизма старались найти въ производительности труда предѣльный уровень заработной платы ³⁾. Нѣсколько раньше, въ 80-хъ годахъ Джевонсъ, въ особенности же Леруа-Болье, Ольни де Буруиль и Бемъ-Баверкъ вернулись къ ученію Тюнена о причинахъ высоты процента и пришли къ тому выводу, что уровень процента опредѣляется производительностью послѣдняго вкладываемаго въ производство капитала, величиной прибыли, доставляемой наименѣе производительнымъ изъ при-

¹⁾ Thünen. Der isolirte Staat. В. II. Т. 1. p. 100, 185.

²⁾ Она заключается въ томъ, что заработная плата обнаруживаетъ не параллельное, а противоположное измѣненію хлѣбныхъ цѣнъ движеніе, ибо по мѣрѣ перехода къ худшимъ участкамъ возрастаетъ цѣна, но выручаемый на наименѣе плодородномъ занятъ еще подъ культуру участкъ продуктъ сокращается. Между тѣмъ размѣрами этого продукта (на худшемъ участкѣ) опредѣляется заработная плата, ибо владѣлецъ худшаго участка больше платитъ не въ состояніи.

³⁾ Dietzel. Kornzoll und Sozialreform Berlin. 1901. (и возраженіе на это Diehl'я подъ тѣмъ же заглавіемъ. Jena. 1901). Schöffle. Ein Votum gegen den neuesten Zolltarifentwurf. Tübingen. 1901. p. 105 и сл. Artur Schulz. Kornzoll, Kornpreis und Arbeitslohn. Leipzig. 1902.

мѣняемыхъ въ производствѣ капиталовъ. Эту теорію мы можемъ найти и у другихъ экономистовъ, напр. у Ландри въ его книгѣ о теоріяхъ процента ¹⁾. Съ различными оговорками и ограниченіями къ ней присоединяется и Шмоллеръ въ своемъ курсѣ ²⁾.

Разсматриваемое ученіе о причинахъ высоты процента имѣетъ для насъ весьма важное значеніе, такъ какъ оно находится въ тѣснѣйшей связи съ вопросомъ о причинахъ, вліяющихъ на уровень прибыли и поэтому критика его даетъ намъ возможность выяснить тѣ моменты, которыми опредѣляется высота прибыли, въ XIX вѣкѣ. И Джевонсъ, и Леруа-Болье и Ольни деБуруилъ признаютъ недостаточнымъ объясненіе уровня процента соотношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ на рынкѣ капиталовъ, считая необходимымъ точнѣе опредѣлить, отчего зависитъ, въ свою очередь, спросъ и предложеніе, причемъ наиболѣе важное значеніе придается моменту спроса, какъ наиболѣе измѣнчивому. Спросъ на капиталы находится въ тѣснѣйшей связи съ прибыльностью ихъ при примѣненіи въ производствѣ. „Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ—говоритъ Бемъ-Баверкъ—когда существующій запасъ недостаточенъ для удовлетворенія всего спроса, среди послѣдняго долженъ быть произведенъ извѣстный выборъ. Въ данномъ случаѣ онъ естественно совершается такимъ образомъ, что наиболѣе выгодные способы примѣненія капитала получаютъ преимущество передъ менѣе выгодными. Существующій капиталъ помѣщается прежде всего въ наиболѣе насущныхъ и наиболѣе выгодныхъ предпріятіяхъ, при дальнѣйшемъ же увеличеніи капитала онъ можетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ вынужденъ, обратиться къ менѣе выгоднымъ способамъ помѣщенія, такъ какъ болѣе выгодные уже заняты: менѣе богатое народное хозяйство можетъ сооружать лишь важнѣйшія желѣзныя дороги, на которыхъ движеніе наиболѣе значительно и которыя даютъ наибольшій доходъ, когда же капиталъ возрастаетъ, строятся также мѣстные и подъѣздные пути. Такимъ образомъ всегда существуетъ уровень доходности, который въ каждый данный моментъ опредѣляетъ предѣлы возможнаго примѣненія капитала: при-

¹⁾ Landry. L'intérêt du capital. Paris. 1904. p. 301 и сл.

²⁾ Grundriss. II. p. 211.

большая „предѣльнаго“ примѣненія является рѣшающей для уровня процента, она устанавливаетъ процентъ, доставляемый не только появляющимися вновь прирастающимъ капиталами, такъ какъ они примѣняются въ этихъ „предѣльныхъ“ условіяхъ, но также и для всей массы „старыхъ капиталовъ“, которые, благодаря конкуренціи „новыхъ“, вынуждены довольствоваться тѣмъ же вознагражденіемъ, какъ и эти послѣдніе“ ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ Бемъ-Баверкъ точнѣе опредѣляетъ, что слѣдуетъ понимать подъ выгодностью приложеній капитала: онъ имѣетъ въ виду техническую производительность. Будучи противникомъ теоріи производительности, какъ объясненія причины существованія процента, онъ въ вопросѣ объ уровнѣ процента усваиваетъ положеніе Тюнена, что высота процента опредѣляется технической производительностью капитала и что по мѣрѣ возрастанія количества капиталовъ производительная способность ихъ уменьшается, вслѣдствіе чего падаетъ и процентъ ²⁾.

Леруа-Болье и Ольни де - Буруиль подробно развиваютъ это ученіе. „Капиталы—говоритъ Леруа Болье—не являются одинаково производительными во всѣхъ обществахъ и во всѣ эпохи жизни того же общества. Такъ, въ нарождающемся обществѣ, въ колоніи, въ новой странѣ, гдѣ все должно быть создано вновь, капиталы, независимо отъ всякаго спроса и предложенія, несравненно болѣе производительны, чѣмъ въ старомъ обществѣ, гдѣ все наиболѣе важное уже сдѣлано. Точно также въ извѣстныя эпохи соціальной жизни, когда примѣняется въ производствѣ какое-либо крупное открытіе, вызывающее переворотъ въ средствахъ производства и сообщенія, капиталы несравненно болѣе производительны, чѣмъ они были до этого открытія... Чѣмъ объясняется столь значительная производительность капиталовъ въ новыхъ странахъ?—спрашиваетъ онъ далѣе. Причина въ томъ, что не сдѣланы еще первые шаги въ области цивилизаціи: свободны еще плодородныя земли, производящія много продуктовъ съ затратой незначительныхъ издержекъ, имѣются богатые рудники, доставляющіе богатую добычу

¹⁾ Boehm-Bawerk. Zins. Handwört. der Staatswiss. B. VII.

²⁾ Böhm-Bawerk. B. II. p. 420—21.

торговля болѣе оживлена и населеніе возрастаетъ скорѣе ¹⁾). Наоборотъ, въ странахъ старой цивилизаціи, по мнѣнію Леруа-Болье, производительность капиталовъ гораздо ниже, нѣтъ болѣе выгодныхъ примѣненій для капитала; при этомъ и онъ есылается—подобно Бемъ-Баверку—на желѣзныя дороги, первая сѣтъ которыхъ была несравненно производительнѣе послѣдующихъ сооружений. Въ XVII—XVIII ст. процентъ поэтому успѣлъ уже понизиться до 3 и даже 2, и лишь благодаря примѣненію новыхъ изобрѣтеній, сильно повысившихъ производительность капитала, онъ временно повысился въ 1845—1867 гг., но затѣмъ, когда постройка желѣзныхъ дорогъ, проведеніе газового освѣщенія и т. п. было въ сущности закончено, процентъ снова сильно упалъ ²⁾. По сравненію съ моментомъ производительности, Леруа-Болье придаетъ лишь второстепенное значеніе двумъ другимъ обстоятельствамъ, вліяющимъ на предложеніе капиталовъ—степени риска (зависящей отъ большей или меньшей безопасности) и скорости накопленія.

На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ и Ольни де-Буруиль. Онъ признаетъ неправильнымъ мнѣніе Тюрго, что низкій процентъ выгоденъ, такъ какъ дѣлаетъ возможнымъ примѣненіе капитала въ такихъ предпріятіяхъ, гдѣ это было бы немислимо при болѣе высокомъ процентѣ. Низкій процентъ есть—по мнѣнію Буруиля—результатъ застоя въ развитіи искусствъ и наукъ, поскольку они направлены на доставленіе людямъ возможности извлекать большія богатства при помощи извѣстнаго капитала. Подобный періодъ застоя Европа пережила уже въ концѣ XVII и въ XVIII вѣкѣ. Въ Англіи и въ Нидерландахъ, а также въ ганзейскихъ городахъ накопилось много капиталовъ, не находившихъ себѣ примѣненія ни въ торговлѣ, гдѣ существовали большія стѣсненія, ни въ промышленности, которая при слабомъ развитіи естественныхъ наукъ, являлась весьма ограниченной областью приложенія, могла расширяться лишь очень медленно. Отсюда низкій процентъ (4%, 3% и менѣе), несмотря на значительный рискъ, сопряженный съ отдачей капиталовъ займа, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ стра-

¹⁾ Leroy-Beaulieu. Essai sur la répartition des richesses p. 242—245.

²⁾ Leroy-Beaulieu. I. c. p. 246—251.

нахъ. Начиная съ французской революціи, процентъ снова повысился; однако и впослѣдствіи, когда въ Европѣ установилось спокойствіе, онъ не вернулся къ прежнему уровню. Буруиль объясняетъ это тѣмъ, что не только облегчилось передвиженіе капиталовъ въ другія стороны и рискъ, вслѣдствіе измѣненій въ правовомъ порядкѣ, уменьшился, но—что еще гораздо важнѣе—усилился спросъ на рынкѣ: была изобрѣтена паровая машина, огромные капиталы были необходимы для сооруженія желѣзныхъ дорогъ, для горнаго дѣла, фабрикъ, для постройки пароходовъ. Все это доставляло большую прибыль; каждый новый капиталъ мѣгъ примѣняться такимъ образомъ, что за употребленіе его можно было уплачивать высокіе проценты. Этотъ періодъ высокаго уровня процента продолжался до 1873 года. Съ этого времени наступилъ застой; о крупныхъ изобрѣтеніяхъ, которыя бы вызвали переворотъ въ индустріи, нѣтъ болѣе и рѣчи. Въ то время, какъ въ 1830—1850 и 1850—1870 гг. совершается вытѣсненіе ручного труда машиннымъ производствомъ, въ эпоху 1870—1890 гг. лишь собираются плоды дѣятельности предыдущихъ періодовъ ¹⁾.

Что касается прежде всего низкаго уровня процента въ XVII—XVIII ст., то онъ объясняется не недостаточнымъ развитіемъ естественныхъ наукъ, которыя стояли въ эту эпоху гораздо выше, чѣмъ въ предыдущія столѣтія ²⁾, а тѣмъ стѣсненіями, которыя ставились приложенію капитала въ торговлѣ, вслѣдствіе монополизациіея немногими крупными компаніями. Въ XVIII вѣкѣ въ Англіи и Нидерландахъ успѣло накопиться извѣстное количество капитала, которое не находило себѣ производительнаго помѣщенія. Голландскій Меркурій³⁾ сообщалъ, что въ одной провинціи Голландіи имѣется 65,500 человекъ, которые приобрѣли фондовыя бумаги или въ состояніи это сдѣлать, вслѣдствіе обилія капиталовъ, не только нидерландское правительство, но и другія государства имѣли возможность уже въ XVII ст. заключать займы въ Нидерландахъ. И население бросалось на государственныя фонды, всякій считалъ особымъ счастьемъ для себя возз-

¹⁾ d'Aulnis de Bourouill. Der Zinsfuß. Die Ursachen seines Sinkens und seine nächste Zukunft. Jahrbücher für Nationalökonomie N. F. XVIII. p. 398—402.

²⁾ См. Lamprecht. Zur jüngst. deutsch. Verg. B. II. T. I. p. 100.

возможность помещать въ нихъ деньги, погашеніе же государственнѣхъ займовъ вызывало жалобы со стороны кредиторовъ, которые со слезами на глазахъ говорили, что они нигдѣ не въ состояніи столь вѣрно помещать свои деньги ¹⁾. Точно также и въ Англіи—какъ указываетъ Эренбергъ—въ XVII вѣкѣ „накопилось много свободныхъ капиталовъ, которые, вслѣдствіе высокихъ цѣнъ на землю и дома, а также за недостаткомъ другихъ способовъ помещенія, не находили себѣ достаточнаго приложенія“ ²⁾. Такое положеніе—прибавляетъ онъ—необходимо вызывало образованіе новыхъ акціонерныхъ компаній. Но оно же проявилось въ той головокругительной спекуляціи, которая имѣла мѣсто въ Англіи въ 1719—1720 гг., когда возникло свыше 200 мыльныхъ пузырей—обществъ, учредители которыхъ рассчитывали на легковѣріе массы и наживались деньгами, принесенными имъ по первому призыву публикой ³⁾. Случалось зачастую, что какой-нибудь наглый обманщикъ нанималъ всего лишь на нѣсколько часовъ комнату въ кафе или другомъ помещеніи близъ Чэнджъ-Элли—говоритъ Максъ Виртъ—и открывалъ подписку на какое-нибудь предпріятіе, имѣвшее касательство къ торговлѣ, промышленности или какому-нибудь изобрѣтенію; проектъ предпріятія былъ обыкновенно состряпанъ на скорую руку въ собственномъ мозгу авантюриста, или же украденъ имъ у какого-нибудь другого специалиста этого дѣла; если предпріятіе за день передъ тѣмъ было надлежащимъ образомъ рекламировано въ газетахъ, то можно было рассчитывать, что въ нѣсколько часовъ подписка дойдетъ до нѣсколькихъ милліоновъ фиктивного фонда.

Впослѣдствіи, съ конца XVIII вѣка, когда возникла фабричная промышленность, а затѣмъ и свободная торговля, весь этотъ накопившійся капиталъ обратился въ эти сферы—и процентъ повысился, хотя, впрочемъ, не на долго: начиная съ 20-хъ годовъ XIX вѣка онъ снова сталъ понижаться (съ 5 до 3½ проц.) и въ 30-хъ и 40-хъ годахъ стоялъ уже не выше, чѣмъ въ XVIII вѣкѣ. Затѣмъ онъ повысился въ 1845—

¹⁾ Ehrenberg. Das Zeitalter der Fugger. Jena. 1896. В. II. p. 281—82. 342.

²⁾ Ibid. p. 303.

³⁾ Виртъ. Исторія торговыхъ кризисовъ въ Европѣ и Америкѣ. Перев. Конради. Спб. 1877. Стр. 28—40.

1870 гг. (опять съ $3\frac{1}{2}$ проц. до 5) и снова упалъ до $2\frac{1}{2}$ — 3% , въ эпоху 1871—1895 гг. Съ 1895 г. онъ сталъ нѣсколько подниматься ¹⁾. Между тѣмъ колебанія прибыли этому вовсе не соответствовали. Ихъ гораздо труднѣе прослѣдить, такъ какъ нѣтъ точныхъ данныхъ. Во всякомъ случаѣ фактъ тотъ, что эпоху наиболѣе высокихъ прибылей составляетъ періодъ введенія машинъ и пара въ текстильной индустрии, а затѣмъ періодъ примѣненія новыхъ изобрѣтеній въ металлургической промышленности; первый относится къ первой половинѣ XIX вѣка, второй — къ 70-мъ и 80-мъ годамъ. Ни тотъ, ни другой не совпадаетъ съ періодомъ высокаго уровня процента 1845 — 1871 гг. Въ этомъ нѣтъ ничего страннаго; удивительнымъ такое несовпаденіе уровня процента и уровня первоначальной прибыли могло бы показаться лишь въ томъ случаѣ, если исходить изъ предположенія, что оба эти вида дохода совпадаютъ. Въ действительности, рыночный процентъ составляетъ производную форму не только отъ промышленной прибыли съ капитала, но и отъ всякаго рода иныхъ доходовъ, поскольку имѣетъ мѣсто производительный кредитъ. Высокій доходъ въ эпоху 1845 — 1870 гг. давали желѣзныя дороги; строились наиболѣе важныя, наиболѣе доходныя линіи. Доходъ, доставляемый желѣзными дорогами, едва ли однако можетъ быть отнесенъ къ промышленной прибыли или даже вообще къ категоріи прибыли; по своему характеру онъ гораздо ближе подходитъ къ земельной рентѣ. Дѣло въ томъ, что доходность желѣзной дороги находится въ тѣсной связи съ той мѣстностью, гдѣ она сооружена; дороги, соединяющія центральные пункты страны, наиболѣе развитыя въ промышленномъ отношеніи мѣстности, даютъ значительно большій доходъ, чѣмъ тѣ, которыя проходятъ по мало населеннымъ и мало посѣщаемымъ мѣстностямъ, ибо въ первомъ случаѣ движеніе гораздо болѣе оживленное, чѣмъ во второмъ случаѣ. Говоря о томъ, что капиталы съ теченіемъ времени становятся все менѣе производительными, ибо нѣтъ болѣе выгодныхъ приложений, и Бемъ-Баверкъ, и Леруа-

¹⁾ Cp. Kahn. Gesch. des Zinsfusses 1815—1883. (Stuttgart. 1884). Voye. Ueber die Höhe der verschiedenen Zinsarten. Die Entwickl. des Zinsfusses in Preussen von 1807 bis 1900. (Jena. 1902). Conrad въ Jahrbuch. für Nationaloek. N F. IV. p. 22.

Болье и де-Буруиль имѣють въ виду желѣзнодорожныя предпріятія, которыя они и приводятъ въ подтвержденіе своей мысли. Дѣйствительно, въ виду рентообразнаго характера желѣзнодорожнаго дохода, послѣдній съ теченіемъ времени, по мѣрѣ расширенія сѣти желѣзныхъ дорогъ, долженъ падать, такъ какъ, коль скоро построены центральные пути, остаются лишь дороги второстепенной важности; на которыхъ движеніе имѣетъ менѣе оживленный характеръ, и, наконецъ, дороги исключительно мѣстнаго значенія и подвѣздные пути. При этомъ рентообразный характеръ дохода, доставляемаго желѣзными дорогами, выражается и въ томъ, что прежнія, ранѣе построенныя дороги продолжаютъ доставлять высокій доходъ и впослѣдствіи, такъ что выравниванія дохода не происходитъ. Между тѣмъ рыночный процентъ имѣетъ одинъ уровень, и разъ вновь сооружаемая сѣть доставляетъ меньшій доходъ, чѣмъ предыдущая, то очевидно рыночный процентъ вообще долженъ неминуемо понизиться. Поскольку рѣчь идетъ, слѣдовательно, о желѣзныхъ дорогахъ, изложенная выше теорія предѣльнаго уровня процента подтверждается: онъ опредѣляется производительностью послѣднихъ вложенныхъ въ производство капиталовъ, причемъ техническая производительность капиталовъ постепенно понижается.

Совершенно иной характеръ имѣетъ торгово-промышленная прибыль, которую не слѣдуетъ смѣшивать съ процентомъ на рынкѣ. И она понижается, но вовсе не потому, что новые капиталы менѣе производительны въ техническомъ отношеніи, чѣмъ предыдущіе, а вслѣдствіе возрастанія конкуренціи, которая вызываетъ паденіе цѣнъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пониженіе уровня прибыли. При этомъ, въ противоположность желѣзнодорожному доходу, торгово-промышленная прибыль съ возрастаніемъ конкуренціи падаетъ во всѣхъ предпріятіяхъ, такъ что въ болѣе старыхъ она не выше, чѣмъ въ новыхъ, только что основанныхъ. Въ то время какъ вновь сооружаемыя желѣзныя дороги должны по необходимости строиться въ мѣстностяхъ съ менѣе оживленнымъ движеніемъ, чѣмъ болѣе старыя пути, произведенія индустріи не прикрѣплены къ опредѣленному мѣсту и, поэтому, предметы, изготовляемые новыми фабриками, мо-

гутъ повсюду конкурировать съ продуктами, производимыми ранѣе учрежденными предприятиями.

Предположеніе, будто бы техническая производительность примѣняемыхъ въ промышленности капиталовъ съ теченіемъ времени понижается, должно быть признано ни на чемъ не основаннымъ. Конечно есть случаи, когда дальнѣйшее расширеніе производства не приноситъ уже столь значительныхъ выгодъ, какъ предыдущее увеличеніе его размѣровъ. Въ Англии—говоритъ Бродницъ — повидимому пришли къ тому убѣжденію, что въ прядильной индустріи крупное производство достигло того предѣла, за которымъ прибыльность уже не возрастаетъ. Ибо — по словамъ Маршала—сравнительно небольшая прядильня въ состояніи конкурировать съ очень крупной и первая можетъ такъ же хорошо, какъ и послѣдняя, постоянно работать на самыхъ лучшихъ машинахъ, такъ что крупная прядильная фабрика представляетъ собою ничто иное, какъ соединеніе нѣсколькихъ предприятий меньшихъ размѣровъ. По этой причинѣ нѣкоторые фабриканты при расширеніи своего предприятия предпочитаютъ присоединять ткацкое производство къ прядильному, чѣмъ увеличивать число веретенъ ¹⁾. Такимъ образомъ, остается всегда широкое поле для комбинацій. Тенденція предприятий расширять свои размѣры—указываетъ Зомбартъ—наталкивается на затрудненія технического и иного характера раньше, чѣмъ стремленіе капитала къ тому, чтобы образовывать огромныя предприятия... Этимъ объясняется то обстоятельство, что концентрація промышленности переходитъ въ комбинацію различныхъ производствъ въ одномъ и томъ же предприятии. Эта комбинація не противорѣчитъ наблюдаемой въ то же время спеціализаціи предприятий, а, наоборотъ, дополняетъ ее. Сначала ради извлеченія большихъ выгодъ и для лучшаго примѣненія успѣховъ техники происходитъ спеціализація и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличеніе размѣровъ предприятия, а затѣмъ они соединяются вмѣстѣ и образуютъ комбинированное предприятие“ ²⁾.

Такимъ образомъ, оказывается вполне возможнымъ не только устройство новыхъ предприятий, не менѣе производи-

¹⁾ Brodnitz. p. 25. Marschall. Ed. IV. I. p. 360.

²⁾ Sombart. Die deutsche Volkswirtschaft. p. 352—363.

тельныхъ въ техническомъ отношеніи, чѣмъ уже существующія, но и дальнѣйшее расширеніе старыхъ, сопровождающееся прикомбинированіемъ различныхъ производствъ, ростомъ производительности ихъ, не говоря уже о томъ, что въ большинствѣ отраслей производства производительность повышается и въ случаѣ примѣненія капитала къ тому же производству и въ томъ же предпріятіи. Однако для вопроса о размѣрахъ прибыли степень технической производительности капитала имѣетъ вообще мало значенія. Положеніе Тюнена, воспринимаемое Бемъ-Баверкомъ — какъ справедливо указываетъ С. Марголинъ — устанавливаетъ лишь пониженіе технической производительности послѣдующихъ примѣненій капитала; „но изъ этого еще не слѣдуетъ что и утилизація этихъ капиталовъ или приобрѣтеніе ихъ должно имѣть меньшую хозяйственную цѣнность. Очевидно должно присоединиться еще новое условіе, благодаря которому меньшая техническая производительность этихъ капиталовъ превращается въ меньшую экономическую производительность ихъ“. С. Марголинъ объясняетъ сокращеніе экономической производительности послѣдующихъ приложений капитала тѣмъ, что при помощи этихъ новыхъ капиталовъ производятся продукты, удовлетворяющіе лишь менѣе важныя потребности состоятельныхъ классовъ — такъ какъ болѣе важныя уже удовлетворены при помощи капиталовъ, вложенныхъ ранѣе, — либо потребности рабочаго населенія; и въ томъ и въ другомъ случаѣ цѣна этихъ предметовъ должна понизиться, разстояніе между расходами и цѣной, должно сократиться ¹⁾). Иначе говоря, новые капиталы, увеличивая количество производимыхъ предметовъ, вызываютъ усиленіе конкуренціи на рынкѣ сбыта и паденіе цѣны, ибо только при пониженныхъ цѣнахъ возможенъ сбытъ всего количества изготовленныхъ товаровъ, только въ этомъ случаѣ возможно удовлетвореніе менѣе важныхъ потребностей для тѣхъ лицъ, которыя уже ранѣе удовлетворяли болѣе важныя, и становятся доступными эти предметы для тѣхъ, кто ранѣе не въ состояніи былъ удовлетворять своихъ потребностей. Такимъ образомъ прибыль необходимо должна понижаться: конкуренція заставляетъ предпринимателей от-

¹⁾ Margolin. Kapital und Kapitalzins. p. 138. 145—145.

давать потребителю каждый разъ увеличивающуюся часть того продукта, который создается творческимъ трудомъ (техническая производительность) даромъ въ видѣ пониженной цѣны. Предприниматель дѣлаетъ это въ двоякой формѣ: съ одной стороны, вслѣдствіе уменьшенія расходовъ производства при неизмѣнномъ уровнѣ прибыли, что уже ведетъ къ пониженію цѣны, а съ другой стороны, вслѣдствіе сокращенія разстоянія между расходами и цѣной, занимаемаго прибылью, что вызываетъ новое паденіе цѣны.

Бемъ-Баверкъ въ своей критикѣ теоріи прибыли предъявляетъ ко всѣмъ теоріямъ требованіе, чтобы онѣ не только объясняли причину существованія прибыли, но и кромѣ того, давали удовлетворительное объясненіе—съ той же точки зрѣнія—колебаній уровня прибыли въ различныя эпохи ¹⁾; точнѣе говоря, теорія прибыли только въ томъ случаѣ выдерживаетъ критику, если тотъ моментъ, который вызываетъ образованіе прибыли, измѣняется и количественно вмѣстѣ съ каждою переменною въ уровнѣ прибыли. Но онъ упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что источникъ прибыли не есть вмѣстѣ съ тѣмъ единственный факторъ, объясняющій высоту ея; къ нему присоединяется еще другой факторъ—конкуренція, которая опредѣляетъ, какая часть избыточнаго продукта уходитъ въ пользу потребителя; остающаяся часть составляетъ прибыль капиталиста-предпринимателя. Творческій трудъ изобрѣтателя является съ конца XVIII вѣка важнѣйшимъ, а во многихъ случаяхъ и единственнымъ источникомъ прибыли, однако высота прибыли въ различныя эпохи не находится въ зависимости отъ количества творческаго труда, примѣняемаго во производствѣ. Конечно, всякое крупное изобрѣтеніе повышаетъ уровень прибыли, однако этотъ высокій уровень сохраняется лишь до тѣхъ поръ, пока новое изобрѣтеніе примѣняется немногими предпріятіями, чѣмъ болѣе распространяется примѣненіе его въ производствѣ, тѣмъ болѣе понижается прибыль, до тѣхъ поръ, пока весь продуктъ, созданный творческимъ трудомъ, не переходитъ въ руки потребителя. Тогда является новое изобрѣтеніе и процессъ начинается сначала. При этомъ періодъ передачи продукта творческаго труда потребителю

¹⁾ Boehm-Bawerk. I. p. 334 и др.

постепенно все болѣе и болѣе уменьшается, и тамъ, гдѣ раньше проходило 50 лѣтъ, оказывается впоследствии достаточнымъ 30, а въ будущемъ и 15—20 и менѣе лѣтъ. Мало того, съ теченіемъ времени увеличеніе прибыли при введеніи новаго изобрѣтенія является каждый разъ все менѣе значительнымъ, по сравненію съ предыдущимъ уровнемъ ея и при послѣдующемъ уменьшеніи прибыли уровень ея доходитъ каждый разъ до болѣе низкихъ предѣловъ, чѣмъ въ предыдущій періодъ. Въ результатъ крупныя изобрѣтенія послѣдняго двадцатилѣтія не создали того огромнаго уровня прибыли для избранныхъ предприятий, который мы могли наблюдать сто лѣтъ тому назадъ, общій же уровень прибыли дошелъ въ послѣднія десятилѣтія повидимому до весьма низкихъ размѣровъ.

„Въ 1880 году—говоритъ И. И. Янжуль—средняя прибыль мануфактуриста въ Соединенныхъ Штатахъ составляла, по вычисленію Эдварда Аткинсона, десять процентовъ съ такимъ расчетомъ: въ главнѣйшихъ отрасляхъ промышленности, напр. хлопчатобумажной, шерстяной промышленности, по его словамъ, она была въ среднемъ выше 6 проц., но ниже 10%; зато въ производствѣ предметовъ роскоши и даже нѣкоторыхъ производствахъ предметовъ необходимости—болѣе 10%“. По свѣдѣніямъ, собраннымъ Дрэперомъ относительно размѣра прибылей 65 акціонерныхъ обществъ Бостона за 1882—1892 гг. средняя прибыль, наоборотъ, едва достигаетъ 5 проц. Изъ 64 обществъ, относящихся къ различнымъ отраслямъ производства, „41 компанія удержала тотъ же самый капиталъ, 5 остановили свою дѣятельность вслѣдствіе банкротства или другихъ причинъ и изъ 19 однѣ уменьшили, другія увеличили капиталъ. Далѣе изъ указанныхъ компаній 24, взятыя вмѣстѣ, потерпѣли убытокъ за десять лѣтъ, какъ это доказывается сопоставленіемъ получаемаго дивиденда и продажной цѣны акцій отъ 1882 г. до 1892 г. Затѣмъ 40 компаній, которыя продолжали операціи безъ перемѣны капитала, получали ежегодный средній дивидендъ въ 4,88% на среднюю продажную стоимость ихъ акціонернаго капитала, между тѣмъ какъ продажная цѣна ихъ акцій за десятилѣтній періодъ показываетъ, что и у нихъ капиталъ уменьшился въ данное время въ своей продажной цѣнности... Далѣе изъ остающихся компаній 5 платили менѣе 4% на

среднюю продажную стоимость своего акционерного капитала, 3 компаний—между 5 и 7 проц. и 1 лишь—болѣе 7% *¹⁾).

С. и Б. Вебб также обращаютъ вниманіе на постоянное паденіе прибыли въ послѣднее время²⁾. И въ другомъ мѣстѣ Сидней Веббъ и Коксъ указываютъ на весьма сильное пониженіе прибыли въ англійской промышленности, на то, что прибыль „коротко сбрита“ сильными рабочими союзами, что она упала такъ низко, что „хлопчатая бумага приноситъ не больше, чѣмъ правительственныя бумаги“³⁾. Шлоссъ также находить,

¹⁾ Янжуль. Промысловые синдикаты, стр. 279—280.

²⁾ Они приводятъ рѣчь Лорда Листера, изъ которой видно, что компания Листеръ и К^о, зарабатывая въ среднемъ въ теченіе восьмилѣтняго существованія 5 проц. на весь капиталъ, считая ипотеки, льготныя и обыкновенныя акціи вмѣстѣ взятыя, выручала при этомъ гораздо больше, чѣмъ многія другія предпріятія въ Англии. Листеръ говоритъ, что если бы владѣльцы маннингемскихъ фабрикъ обратились къ хлопчатобумажной промышленности, они увидѣли бы въ „Saturday Review“ статью, утверждающую, что въ бумагопрядильномъ производствѣ средней доходъ для большого числа акционерныхъ компаний составляетъ 1¼, или 1½, процента. Это показалось бы имъ такимъ преувеличеніемъ, что они не повѣрили бы. Они вырѣзали бы это мѣсто и послали бы его господину, который занимается бумагопрядильнымъ производствомъ и отецъ котораго занимался тѣмъ же производствомъ. Этотъ господинъ отослалъ бы имъ обратно вырѣзку, подтвердилъ бы ея показаніе и сказалъ бы: „я могу вамъ прибавить кое-что: зная все ланкаширское производство, я утверждаю, что не только ткацкое, но и все вообще производства въ Ланкаширѣ приносятъ не большій процентъ, чѣмъ консолидированныя государственныя бумаги... Перейдемъ къ желѣзу. Каково было положеніе желѣзодѣлательнаго производства два, три года тому назадъ? Три года тому назадъ, по крайней мѣрѣ половина желѣзодѣлательныхъ предпріятій въ Англии стояли въ бездѣйствіи, а тѣ предпріятія, которыя работали, не приносили никакого дохода. Они не давали никакого дивиденда, — и поэтому если бы къ двумъ послѣднимъ хорошимъ годамъ прибавить прежніе плохіе годы, то за время существованія Листера и К^о, желѣзодѣлательныя предпріятія не приносили тѣхъ 4 проц. на капиталъ, которые приносили маннингемскія предпріятія. Эта рѣчь—прибавляютъ Веббъ—была произнесена въ январѣ 1897 года, въ особенно блестящее для промышленности время, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ процвѣтанія выше средняго, когда общая прибыль Великобританіи была очевидно выше, чѣмъ въ какой бы то ни было предыдущій періодъ ея исторіи“. Веббъ. Теорія и практика тредъ-юнионизма. II. стр. 543—44.

³⁾ Веббъ-Коксъ. Восьмичасовой рабочій день. 2 изд. Спб. 1904. Стр. 140. 146—147.

что прибыль упала до весьма умереннаго уровня. Онъ приводитъ показанія, сдѣланныя предъ „Labour Commission“, изъ котрыхъ видно, что изъ 110 ольдгемскихъ фабрикъ акціи 67 стояли ниже *at par*, что прибыли хлопчатобумажныхъ фабрикъ, „если бы онѣ были приведены всѣ къ одной средней, даже при первомъ взглядѣ не достигли бы 5 проц.“¹⁾

Болѣе скептически относится Шмоллеръ къ общему мнѣнію, что прибыль сильно понизилась за послѣднее время. Однако, и онъ признаетъ, что „весь доходъ предпринимателя въ дѣйствительности гораздо ниже, чѣмъ обыкновенно представляютъ себѣ рабочіе и публика. Въ особенности тѣ многочисленныя старыя предпріятія, которыя идутъ по разъ установленному пути, не пользуются монопольнымъ положеніемъ, которыя вынуждены бороться съ значительной конкуренціей или даже годами страдать отъ неблагоприятныхъ условій рынка, во многихъ случаяхъ приносятъ не болѣе 2—3% на капиталъ и небольшое вознагражденіе за диспозитивный трудъ предпринимателя. Тамъ, наоборотъ, гдѣ существуютъ условія противоположнаго характера, гдѣ геніальные коммерсанты производятъ крупныя реформы въ техническомъ отношеніи, улучшенія въ способѣ производства и организаціи предпріятія, расширяютъ свой сбытъ, тамъ прибыль нерѣдко составляетъ 15—60 проц., считая въ томъ числѣ и плату за диспозитивную дѣятельность“.

Этотъ взглядъ Шмоллера стоитъ повидимому въ связи съ тѣмъ фактомъ, что на континентѣ Европы прибыль выше, чѣмъ въ Англии и Америкѣ: въ Австріи дивиденды акціонерныхъ компаній за 80-ые и 90-ые годы составляли 6³/₄ проц., въ Германіи въ тѣ же десятилѣтія—по Вагону—средній чистый доходъ, получаемый акціонеромъ, равнялся 10,40% въ химической, 10,31 въ стекольной, 8,38 въ электрической и 7,69% въ машинностроительной индустріи, впрочемъ всего 1,45% въ суконной промышленности, 1,56% въ строительной, 4,01% въ деревообрабатывающей, 5,34% въ металлургической и 6,08% въ прядильно-ткацкой“²⁾.

¹⁾ Шлоссъ. Формы заработной платы, стр. 237.

²⁾ Schmoller. Grundriss. II. p. 436—7. 422.

³⁾ Wagon. Die finanzielle Entwicklung deutscher Aktiengesellschaften von 1870—1900. Jena. 1903. См. особ. p. 166 и сл.

Сильное паденіе уровня прибыли съ капитала, наблюдаемое въ послѣднія два десятилѣтія, является результатомъ усилившейся конкуренціи на рынкѣ сбыта, результатомъ борьбы изъ за рынковъ, на арену которой выступаютъ все новыя и новыя страны. Устройство національныхъ и международныхъ синдикатовъ представляетъ собою во многихъ случаяхъ единственное средство противодѣйствія рѣзкому пониженію уровня прибыли ¹⁾, единственный способъ борьбы съ потребителемъ, успѣвшимъ приобрести огромную силу на товарномъ рынкѣ. Буруиль (какъ и Леруа-Болье и другіе экономисты) ²⁾, глубоко ошибается, усматривая причину низкаго уровня прибыли въ послѣднія десятилѣтія въ отсутствіи крупныхъ техническихъ изобрѣтеній, начиная съ 70-хъ и даже съ 60-хъ годовъ. И въ будущемъ онъ не рассчитываетъ на появленіе крупныхъ изобрѣтеній, которыя могли бы произвести переворотъ въ производствѣ и сильно понизить издержки ³⁾. Предсказанія его, сдѣланныя въ 1889 г., однако, не сбылись; не говоря уже объ ошибочности мнѣнія, будто бы въ 60-хъ и 70-хъ годахъ не примѣнялось вновь крупныхъ изобрѣтеній—это была, наоборотъ, эпоха полного переворота въ технику металлургической промышленности ⁴⁾, переворота не менѣе важнаго, чѣмъ тотъ, который произошелъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка въ прядильно-ткацкомъ производствѣ—въ послѣдующія десятилѣтія совершился огромный техническій прогрессъ во всѣхъ отрасляхъ химической и электротехнической индустриі, гдѣ стали примѣняться совершенно новые способы производства и новыя двигательныя силы. Да и въ отношеніи дальнѣйшаго технического развитія нѣтъ никакого основанія держаться того песимистическаго взгляда на будущее, какой высказывается Буруилемъ. Наоборотъ, такой знатокъ техники какъ Матшоссъ, авторъ обстоятельно написанной исторіи паровой машины, указываетъ на то, что мы находимся вовсе не въ концѣ, а въ началѣ техническаго переворота ⁵⁾. „Первыя изобрѣтенія въ текстильной индустриі“

¹⁾ Ср. Kockerscheidt. Ueber die Preisbewegung chem. Produkte, p. 109 и pass.

²⁾ См. напр. Nicholson. Effects of Machinery on Wages.

³⁾ d'Aulnis de Bourouill. p. 410—412.

⁴⁾ См. выше. стр. 243 и сл.

⁵⁾ Matschoss. Geschichte des Dampfmaschine, p. 23.

стрии и примѣненіе пара къ производству и транспорту—говоритъ Гобсонъ—сыграли самую драматическую роль въ промышленной революціи, совершившейся за послѣднія столѣтія. Но мы не должны забывать, что далеко невѣрно, будто бы крупныя изобрѣтательныя силы уже истощились и мы вступили въ эру маленькихъ приращеній къ развитію производительной силы. Напротивъ, послѣднее поколѣніе было свидѣтелемъ цѣлаго ряда новыхъ открытій почти во всѣхъ отрасляхъ промышленности, открытія новыхъ способовъ снабженія сырымъ матеріаломъ и улучшенія промышленной организаціи, что вызвало огромный ростъ производительныхъ силъ... За радикальными переменами несомнѣнно слѣдуютъ менѣе важныя изобрѣтенія—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, возражая Никольсону,—но нельзя быть увѣреннымъ въ то, что новыя радикальныя перемѣны, не менѣе крупныя, чѣмъ первыя, не послѣдуютъ въ будущемъ. Нельзя опредѣлить границъ механическимъ изобрѣтеніямъ или скорости дальнѣйшаго прогресса. Если мы сумѣемъ преодолѣть нѣкоторыя извѣстные всѣмъ затрудненія въ примѣненіи электричества, какъ двигателя, то мы имѣемъ всѣ основанія предполагать, что при той быстротѣ, съ которой знанія распространяются въ настоящее время, наша фабричная промышленность можетъ быть реорганизована и трудъ замѣненъ машиной еще гораздо быстрее, чѣмъ при введеніи пара“. Проф. технической химіи въ Берлинѣ Отто Виттъ указываетъ на тѣ огромныя успѣхи, которые сдѣлала химическая промышленность въ Германіи съ конца 70-хъ до начала 90-хъ годовъ (книга написана въ 1893 г.). Съ одной стороны, мы имѣемъ способы удаленія фосфора въ металлургическомъ производствѣ, принадлежащіе Томасу и Джилькрайсту, за которыми начинается эра новыхъ химическихъ изобрѣтеній въ этой отрасли промышленности, открывающая для будущаго совершенно новые горизонты. Далѣе, благодаря вновь изобрѣтеннымъ электротехническимъ способамъ, появился совершенно своеобразный металлъ: алюминій. Найденъ новые способы выдѣлки мѣди и благородныхъ металловъ. Не менѣе важнымъ является постепенное вытѣсненіе способовъ Леблана и Солвея въ химической индустріи въ тѣсномъ смыслѣ новыми электротехниче-

скими процессами, которымъ несомнѣнно принадлежитъ будущее ¹⁾).

Большое значеніе перевороту, совершившемуся и совершающемуся въ области примѣненія химическихъ процессовъ производства въ промышленности придаетъ и Лампрехтъ. Указавъ на важныя изобрѣтенія 60-хъ и 70-хъ годовъ, онъ прибавляетъ: „за ними послѣдовалъ еще новѣйшій періодъ расцвѣта: въ электролитическомъ способѣ добыванія золота, мѣди и цинка, въ синтетическомъ способѣ выдѣлки парфюмерныхъ товаровъ, прежде всего ваниллина, въ производствѣ новыхъ лѣкарствъ изъ дегтя (фенацетинъ, антифебринъ, антипиринъ), въ производствѣ сахарина и концентрированныхъ питательныхъ веществъ, въ полученіи бактеріальныхъ ядовъ фабричнымъ способомъ, выражаются огромные успѣхи химіи въ сферѣ индустріи. И уже въ недалекомъ будущемъ мы можемъ предвидѣть совершенно новый прогрессъ, какъ напр. промышленное использование развитыхъ каталитическихъ процессовъ ²⁾).

Не менѣ широкіе горизонты открываются съ примѣненіемъ различныхъ новыхъ двигательныхъ силъ, въ особенности электричества. „Что касается возможности техническихъ успѣховъ въ будущемъ—читаемъ у Лампрехта далѣе,—то нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что мы въ состояніи воспользоваться еще несравненно большимъ количествомъ энергіи, чѣмъ то, которое находится въ нашемъ распоряженіи въ настоящее время; примѣненіе этой энергіи къ движенію машинъ не составляло бы уже трудностей. При этомъ нѣтъ вовсе надобности пока прибѣгать къ тѣмъ огромнымъ массамъ энергіи—на современный взглядъ столь химерическимъ—вродѣ 100 милліоновъ лошадиныхъ силъ, которыя могли бы быть извлечены изъ одной тысячной работы, ежегодно производимой солнцемъ въ видѣ поднятія воды (испаренія). Даже если мы ограничимся наиболѣе достижимымъ, то и тогда окажется несомнѣннымъ, что для приведенія въ движеніе динамическихъ машинъ въ Европѣ и Соединенныхъ Штатахъ могутъ быть использованы еще не менѣ

¹⁾ Witt. Die deutsche chemische Industrie. p. 45—49. 187.

²⁾ Lamprecht. B. II. J. 1. p. 185.

400.000 лошадиныхъ силъ сверхъ тѣхъ, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи“¹⁾.

Сомнѣваясь въ возможности появленія крупныхъ техническихъ изобрѣтеній въ будущемъ, Буруиль еще сильнѣе

¹⁾ Lamprecht. p. 200. Кокершайдтъ (Ueber die Preisbewegung chemischer Produkte. p. 111—112) указываетъ на цѣлый рядъ новыхъ проблемъ въ области химической промышленности, которыя предстоитъ разрѣшить наукѣ въ ближайшемъ будущемъ и которыя должны вызвать новыя крупныя измѣненія въ этой области производства. Таково, напр., изготовленіе химическимъ способомъ искусственнаго шелка, изготовленіе целлюлозы изъ льна, маисоваго тростника, сахарнаго тростника, бумаги—изъ стеблей свеклы и т. п., искусственная выдѣлка каучука, таковы новыя способы производства алкоголя, уксусной кислоты и т. д. Уже сдѣланы значительные шаги на пути разрѣшенія этихъ проблемъ и лабораторная работа усердно продолжается.

Точно также Готфридъ Цепфль (Nationaloekonomie der technischen Betriebskraft. I. p. 29 и сл. 72 и сл.) приводитъ рядъ проблемъ въ области примѣненія двигательныхъ силъ въ производствѣ, которыя частью уже разрѣшены, частью же находятся на пути къ разрѣшенію. Въ настоящее время трудно даже опредѣлить все то огромное значеніе, которое должно имѣть въ будущемъ примѣненіе новыхъ двигательныхъ силъ и использование уже извѣстныхъ новыми способами. Такъ напр. въ послѣднее время много сдѣлано въ смыслѣ непосредственнаго пользованія силой солнечныхъ лучей и постройки солнечныхъ двигателей—такіе автоматическіе солнечные аппараты примѣняются уже и въ настоящее время въ Калифорніи для орошенія и снабженія водой обширныхъ неплодородныхъ пространствъ, т. е. въ тѣхъ именно случаяхъ, гдѣ, впервые употреблялась и паровая машина. Огромное значеніе имѣетъ изобрѣтенный въ послѣднее время Дизелемъ керосиновый двигатель, основанный на принципѣ посредственнаго извлеченія механической энергіи изъ нефти. Помимо того, что этотъ двигатель работаетъ равномерно и спокойно, безъ копоти и дыма, онъ отличается, по сравненію съ паровой машиной, тѣмъ преимуществомъ, что затрачивается всего $\frac{1}{3}$, часть теплоты, необходимой при паровикѣ одинаковыхъ размѣровъ, что топливо отнимаетъ несравненно меньше пространства, что опасность взрывовъ совершенно исключается. При этомъ уходъ за нимъ не требуетъ никакихъ специальныхъ свѣдѣній и столь же простъ какъ при газовомъ двигателѣ, нѣтъ надобности ни въ постоянномъ надзорѣ, ибо смазыванье происходитъ автоматически, ни въ чисткѣ, такъ какъ керосинъ совершенно сгораетъ. Большіе успѣхи сдѣланы и въ области примѣненія спиртовыхъ двигателей—съ паровымъ плугомъ конкурируетъ уже спиртовой, не говоря уже о примѣненіи электричества въ качествѣ двигателя посредствомъ комбинаціи электрической энергіи съ силой воды.

отрицаетъ возможность скорого примѣненія такихъ, если бы они возникли. „Со времени введенія и усовершенствованія паровой машины накопились огромные капиталы въ видѣ инструментовъ, фабрикъ, рудниковъ, дорогъ, каналовъ, пароходовъ и т. п. Особенность этого капитала состоитъ въ томъ, что онъ въ большинствѣ случаевъ примѣняется для опредѣленной цѣли, измѣненіе которой не можетъ произойти безъ значительныхъ потерь въ цѣнности капитала. Этотъ постоянный капиталъ является сильнымъ и во многихъ случаяхъ непреодолимымъ противникомъ примѣненія новыхъ изобрѣтеній. Всякое новое изобрѣтеніе должно необходимо стать конкурентомъ вложеннаго уже ранѣе основнаго капитала. Чѣмъ болѣе совершенны тѣ приспособленія, въ которыхъ примѣняются крупныя изобрѣтенія первой половины XIX вѣка, тѣмъ болѣе они затрудняютъ примѣненіе новыхъ изобрѣтеній“¹⁾).

Нельзя конечно, отрицать того, что огромныя потери, сопряженныя съ полной реорганизаціей производства, составляютъ препятствіе противъ примѣненія новыхъ крупныхъ изобрѣтеній. И все же несмотря на увеличеніе размѣровъ основнаго капитала, примѣняемаго въ промышленности, новыя изобрѣтенія распространяются скорѣе, чѣмъ ихъ предшественники. Буруиль, указавъ на факторъ, тормозящій примѣненіе новыхъ изобрѣтеній, не обратилъ вниманія на цѣлый рядъ моментовъ, дѣйствующихъ въ противоположномъ направленіи и заставляющихъ предпринимателя, несмотря на потерю въ цѣнности капитала, оказывающагося непригоднымъ, все таки примѣнять и притомъ возможно скорѣе, крупныя изобрѣтенія и производить реорганизацію производства. Такую картину потери огромныхъ вложенныхъ въ производствѣ капиталовъ мы можемъ наблюдать именно въ эпоху 1860—1890 г.г. при введеніи бессемерованія и томасованія въ металлургическую промышленность, когда пришлось совершенно перестраивать заводы и затрачивать милліоны на приспособленіе ихъ къ новой технику²⁾. Но этимъ дѣло не ограничилось: и впослѣдствіи вводились изобрѣтенія, которыя вновь сопровождалась потерей милліоновъ. Такъ напр. извѣстная

^{1) 2)} См. выше, стр. 245.

компания Карнеджи въ теченіе послѣдняго десятилѣтія три раза перестроила свои металлургическіе заводы. Точно также и въ Англіи строятся новыя заводы вмѣсто другихъ, хотя еще недавно построенныхъ, но уже устарѣвшихъ. И тамъ признаютъ, что приходится бросать еще неиспользованныя машины и приспособленія, такъ какъ этого требуетъ конкуренція ¹⁾. Сильная борьба современной индустрии изъ-за рынковъ не только вызываетъ необходимость въ возможно скоромъ примѣненіи новыхъ изобрѣтеній, какими бы затратами это ни сопровождалось, но заставляетъ предпринимателя самостоятельно отыскивать и вводить еще болѣе новыя усовершенствованія въ производствѣ. Какъ указываетъ Виттъ, всякое значительное изобрѣтеніе приводитъ къ цѣлому ряду новыхъ улучшеній, такъ какъ каждый предприниматель, желая обойти существующій патентъ, нанимаетъ специалистовъ и заставляетъ послѣднихъ искать иныхъ способовъ достиженія тѣхъ же результатовъ ²⁾.

Не только потребитель, вынуждая предпринимателя понижать цѣны, тѣмъ самымъ заставляетъ его вводить всякое новое улучшеніе какъ можно скорѣе, но и рабочій дѣйствуетъ въ томъ же направленіи, ускоряя развитіе техники и примѣненіе ея успѣховъ. Прежде всего, какъ мы видѣли выше, сокращеніе рабочаго дня связано съ необходимостью введенія техническихъ усовершенствованій, такъ какъ иначе въ большинствѣ случаевъ не получается то же количество продукта, какое вырабатывалось рабочимъ раньше, при болѣе продолжительномъ днѣ ³⁾. Такое же вліяніе имѣетъ и всякое увеличеніе заработной платы. На это указываетъ Брентано, говоря, что какъ сокращеніе рабочаго дня, такъ и возрастаніе заработной платы составляетъ стимулъ для примѣненія новыхъ изобрѣтеній. Въ Америкѣ—говоритъ Шенгофъ—заработная плата весьма велика, и въ результатѣ техника производства въ этой странѣ выше, чѣмъ гдѣ либо. „Здѣсь всякое изобрѣтеніе и улучшеніе встрѣчаются съ распростертыми объятіями. По инициативѣ фабрикантовъ, желающихъ ввести измѣненія въ производимомъ ими про-

¹⁾ Martin. Die Eisenindustrie. 1904. p. 275.

²⁾ Witt. Chemische Industrie. p. 94—95. Подробно обо всемъ этомъ была рѣчь выше, стр. 257 и сл.

³⁾ См. выше, стр. 276 и сл.

дуктъ, строятся машины для выполненія операций, которыя въ другихъ странахъ дѣлаются руками. Машины, которыя примѣняются въ Европѣ до тѣхъ поръ, пока они не использованы, замѣняются въ Америкѣ, даже если они оказываются еще пригодными для употребленія, какъ только появляется новое изобрѣтеніе, доставляющее возможность ускорить и удешевить производство. Всякое улучшение, введенное однимъ предпринимателемъ, тотчасъ же заимствуется его конкурентами¹⁾.

Особенно важную роль въ этомъ отношеніи играютъ сильные рабочіе союзы. „Мы лично имѣли случай—читаемъ въ сочиненіи С. и Б. Веббъ—осматривать огромный сталелитейный заводъ на сѣверѣ Англій, причѣмъ выдающійся своими способностями заводчикъ, лично принимающій участіе въ управленіи заводомъ, показывалъ намъ одно усовершенствованіе за другимъ, которыя лишь потому были придуманы и введены, что рабочіе, работавшіе на заводѣ при старыхъ способахъ производства, требовали, чрезъ посредство своихъ могущественныхъ тредъ-юніоновъ, болѣе высокой расцѣнки поштучной заработной платы“. Въ другомъ мѣстѣ они же указываютъ на то, что наблюдаемая въ последнее время усиленная изобрѣтательность въ дѣлѣ накачиванія и выкачиванія газа изъ ретортъ посредствомъ гидравлическихъ машинъ есть „прямое послѣдствіе рабочихъ волненій, происходившихъ со времени основанія союза рабочихъ въ газовомъ производствѣ“²⁾. Въ другихъ случаяхъ стачки рабочихъ приводили къ изобрѣтеніямъ, имѣвшимъ цѣлью замѣну ручного труда машинами³⁾. Въ частности коллективный договоръ и однообразныя правила найма для всѣхъ предпріятій, какъ мы уже упоминали выше, вынуждаютъ болѣе отсталыя фабрики и заводы вводить новыя усовершенствованія, такъ какъ въ противномъ случаѣ они при одинаковой расцѣнкѣ съ предпріятіями, лучше оборудованными, терпятъ убытокъ⁴⁾.

Такимъ образомъ, нѣтъ никакихъ основаній рассчиты-

¹⁾ Brentano. Ueber das Verhältniß von Arbeitslohn und Arbeitszeit zur Arbeitsleistung p. 35—37.

²⁾ Веббъ, т. II. стр. 589—591.

⁴⁾ Веббъ, т. I, стр. 332 и сл., а также выше, стр. 322 и сл.

вать на замедленіе прогресса техники въ будущемъ; наоборотъ, по мѣрѣ дальнѣйшаго роста рабочихъ организацій и увеличенія ихъ силы, по мѣрѣ увеличенія заработной платы и сокращенія рабочаго дня, наконецъ по мѣрѣ усиленія конкуренціи на рынкѣ сбыта, должно ускоряться въ будущемъ и развитіе техники и примѣненіе новыхъ изобрѣтеній въ производствѣ. А это обозначаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ сокращеніе періода превращенія творческаго труда въ прибыль, ускореніе передачи продукта творческаго труда потребителю, и тѣ же моменты должны вызывать и увеличеніе продукта, поступающаго въ пользу рабочаго въ видѣ заработной платы. Потребитель, съ одной стороны, рабочій, съ другой стороны, содѣйствуя росту технической производительности, въ тоже время стремятся къ сокращенію экономической производительности капитала, т. е. размѣровъ доставляемой имъ прибыли.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Эволюція прибыли съ капитала въ связи съ развитіемъ промышленности и торговли въ Западной Европѣ. Томъ первый. Періодъ до восемнадцатаго вѣка.
Спб. 1906. XXXIV и 676 стр. Цѣна 3 р. 50 к.

Подъ редакціей **І. М. Кулишера.**

**Карль Бюхеръ. Возникновеніе народнаго хозяйства. Пер. съ 5-го нѣм. изд. Спб. 1907. Цѣна (за два выпуска)
I р. 75 к.**

Цѣна 2 р. 50 к.
